

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Национальный центр археологических исследований им. А.Х.Халикова

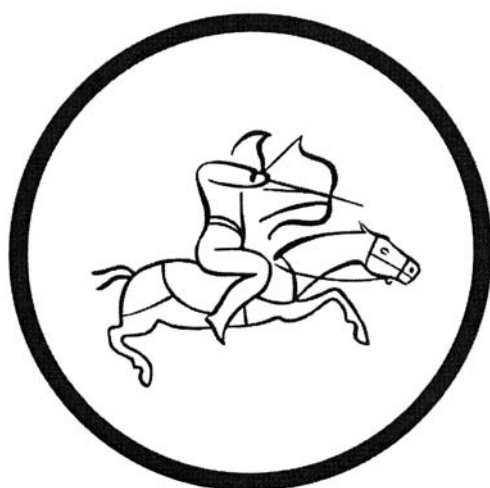
АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 13

ФОРУМ «ИДЕЛЬ – АЛТАЙ»

Материалы научно-практической конференции
«Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации»,
I Международного конгресса средневековой
археологии евразийских степей

7–11 декабря 2009 г., Казань

Казань – 2011

ББК 63.4
Ф 82

Серия «Археология евразийских степей»
Выпуск 13

Ответственный редактор:

Редколлегия:

*Р.С. Хакимов, А.Г. Ситдилов, И.М. Миргалеев, Г.Ф. Габдрахманова,
В.Н. Бахматова, Ф.Ш. Хузин (отв. ред.)*

Редакционный совет серии:

Ситдилов Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, Хузин Фаяз Шарипович (Казань) – сопредседатель, Артемьева Надежда Григорьевна (Владивосток), Афанасьев Геннадий Евгеньевич (Москва), Байпаков Карл Молдахметович (Алматы, Казахстан), Белорыбкин Геннадий Николаевич (Пенза), Боталов Сергей Геннадьевич (Челябинск), Волков Игорь Викторович (Москва), Гмыря Людмила Борисовна (Махачкала), Евглевский Александр Викторович (Донецк, Украина), Кляшторный Сергей Григорьевич (С.-Петербург), Кызласов Игорь Леонидович (Москва), Мухамадиев Азгар Гатауллович (Казань), Мыц Виктор Леонидович (Симферополь, Украина), Нарожный Евгений Иванович (Армавир), Овсянников Владимир Владиславович (Уфа), Руденко Константин Александрович (Казань), Савинов Дмитрий Глебович (С.-Петербург), Табалдиев Кубатбек Шакиевич (Бишкек, Киргизия), Татауров Сергей Филиппович (Омск), Тихонов Сергей Семенович (Омск), Тишкин Алексей Алексеевич (Барнаул), Фодор Иштван (Будапешт, Венгрия), Худяков Юлий Сергеевич (Новосибирск).

Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 13. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – 308 с. + 16 с. цв. вкл.

В сборник вошли материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» (раздел 2), I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (раздел 1) (7–11 декабря 2009 г., г. Казань).

ISBN 978-5-905576-21-8

© Институт истории АН РТ, 2011
© ООО «Фолиант», 2011

Раздел I.

TATARO-BULGARICA – ТРИ ЭТЮДА О БОЛГАРСКО-ТАТАРСКИХ КОНТАКТАХ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ В XIII–XIV вв.

Георги Г. Атанасов, Пламен Хр. Павлов

г. Силистра, г. Велико Тырново (Болгария)

1. Татарский поход 1242 г. и судьба болгарского царства на Дунае. Взаимоотношения Средневековой Болгарии с татарской (монгольской) Золотой ордой является одной из самых главных и в то же время пока еще слабоизученной темой в балканской медиевистике (D’Osson, 1834. Цитаты здесь по русс. переводу П. Козмина, автор комментар. текста – вж. Оссон, 1927; Тизенгаузен, 1884; Тизенгаузен, 1941; Веселовский, 1916; Spuler, 1943; Spuler, 1961; Татаро-монголы в Азии и Европе, 1970; Греков, Якубовский, 1950; Федоров-Давидов, 1968; Федоров-Давидов, 1973; Егоров, 1985; Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241; Vázáry, 2005, 69–71). В существующих исследованиях пока еще отсутствует четкое представление о том, при каких условиях и каким образом болгарское государство попало под удары татарских войск и оказалось в политической и трибутарной зависимости от зарождающейся Золотой орды (Ников, 1921; Ников, 1929; Златарски, 1940, 370–380; Sacerdoteanu, 1933; Spuler, 1943, 23–24; Decei, 1973, 101–121; Cachen, 1924, 55–59; Павлов, 1989, 24–33; Vázáry, 2005, 69–71). Скудные данные источников дают лишь самую общую информацию о передвижении татарских войск через Болгарию (ЛИБИ, 1987, 187, 267–268; ГИБИ, 1980, 133; Петров, Гюзелев, 1978, 102–103; Лазаров, Тютюнджиев, Павлов, 1993, 47–59). Конечно, нельзя не упомянуть важные вести Муске о победе «кряля» болгаров над страшными татарами, а также и уникальные сведения Рашид-ад-дина о том, что татары Кадана после тяжелых сражений взяли такие важные города как столицу Тырново и Килию в Дунайской дельте (Павлов, 1989, 28–29; Лазаров, Тютюнджиев, Павлов, 1993, 49–50).

Организация татарской армии, которая была направлена на Европу, в результате решения курултаев (соборов) монгольской знати в 1227 и 1229 гг., чтобы «выполнить приказ Чингиз хана» о «захвате северных стран» (Европа) (Пашуто, 1970, 183, 204–221), следовала традиционной кочевой системой. Ее центр находился под командованием хана Бату, а его помощником был старый воин Субетей (Субегетей) багатур, победитель алланов, куманов и русских в кампании 1221–1223 гг. Правым крылом руководил Орду, а левым – Кадан. После разорения и захвата Волжской Булгарии, русских княжеств и Кумании, и после осады и взятия Киева в декабре 1240 г., используя в качестве отправных позиций Волынии (ныне Западная Украина), татары продолжили свое наступление на Центральную Европу (рис. 1). Их цель на данном этапе была в первую очередь завоевать Венгрию, расценивая ее как удобную базу для будущих побед. Правое крыло осуществило мощную атаку на Польшу, Силезию (Шльонск) и Чехию, проявив при этом неслыханную жестокость. Центр и левое крыло вторглись через несколько перевалов Карпат в Венгрию. Примерно к 12–17 марту 1241 г. воинские силы Бату достигли прохода Верецке и успешно прошли через него. Отдельные отряды правого крыла добрались до обширных болгарских задунайских земель, которыми в свое время владел Иван Асень II (вопрос, который нуждается в отдельном изучении), сражаясь с карпатскими влашскими воеводами – вассалами болгарского царя, а по всей вероятности и с местными болгарскими военными силами. Однако, основные действия разворачиваются на территории Венгерского королевства (весна 1241 г. – весна 1242 г.) (Spuler, 1943, 21–26; Sacerdoteanu, 1933, 32–35; Ледерер, 1953, 1–45; Magyarország története kronológiája, 1983, 146–159). В первые месяцы 1242 г. Кадан преследовал венгерского короля Беллы IV (1235–1270 г.) вплоть до Адриатического побережья.

Едва в начале 1242 г. объединенные татарские силы приняли решение отступить обратно к южнорусским степям Поволжья. Причины для возвращения хана Бату и его людей были неоднократно предметом обсуждения, но для принятия такого решения оказали влияние ряд факторов – большие человеческие потери в России, Кумани, Силезии, Венгрии и др.; известие о смерти великого хана Угедея (11 декабря 1241); отступление Бури, Мунке и Гуюка (по всей вероятности осенью 1241 г.); сохранение болгарской военной силы в тылу татаров на юге, и т.д. С Адриатики, где он, вероятно, получил весть о предстоящем отступлении, Кадан совершает грабительский налет на побережье (Трогир, Сплит, Дубровник, Котор, Свац, Дривасто и т.д.). Через Боснию и Сербию его силы вторглись в Болгарию (Историја српског народа, 1981, 341; **Благојевић**, 1989, 88), вероятнее всего через Ниш (до конца XIII в. город находился под болгарской властью) и Средец (София). Войска Бату отступили на восток, вероятнее всего через Хорватию, где были взяты и опустошены Загреб, Мачва (Славония, находившаяся тогда под венгерской властью), земли болгарского северо-запада (Белград, Браничево, Видин).

Из-за спорадичности археологических исследований в этом регионе, маршрут татаров через нынешнюю Северо-западную Болгарию можно определить только гипотетично. Данный пробел заполняется рядом монетных находок и сокровищ (рис. 2) (**Atanasov, Pavlov**, 1995, 233–241). Первая коллективная монетная находка была обнаружена в окрестностях Червен бряга, недалеко от средневекового поселения (XII–XIV в.) (**Тьпкова-Займова**, 1958, 73–74). В том же регионе имеются и другие монетные сокровища эпохи Второго болгарского царства, что говорит о том, что через эти места проходил средневековый путь от Средеца в Ловеч с разветвлениями, ведущие к столице Тырново и придунайскому городу Никополь. Находка, найденная недалеко от Червен бряга содержит в своем составе монеты, циркулирующие активно с конца XII в. до первых трех десятилетий XIII в., при чем самые поздние из них – это монеты солунского императора Мануил Дука Комнина (1230–1237 гг.) (**Дочев, Аспарухов**, 1991, 57–72). Другие монетные сокровища, имеющие, по нашему мнению, прямое отношение к событиям 1242 г., найдены именно в Ловечской крепости (№ 2, 3) (**Йорданов**, 1984, 184–185, табл. IV). К востоку от Ловеча – в складах Предбалкана в направлении к Тырново, Преславу и Варне зарегистрированы не менее чем восемь подтвержденных и несколько спорных сокровищ с датировкой около 1242 г. (**Йорданов**, 1984, 184–185, табл. IV): с. Асеновци – община Левски (№ 4) (**Дочев, Аспарухов**, 1991, 57–72), с. Върбовка – община Павликени (№ 5) (**Герасимов**, 1963, 260–261), Горна Оряховица (№ 6) (**Йорданов**, 1984, 184–185, табл. IV), Велико Тырново (три находки – № 7–9) (**Дочев**, 1992, 191–194), с. Иванча (№ 10) (**Йорданов**, 1984, 166–167), с. Долна Кабда – община Търговище (№ II) (**Jordanov**, 1980, 173–211), Преслав (№ 12) (**Йорданов**, 1984, 201–202, табл. VI), Шумен (№ 13) (**Герасимов**, 1972, 15–36), с. Смядово – община Шумен (№ 14) (**Йорданов**, 1984, 144, 203, 208, табл. VI), с. Равна – община Провадия (№ 15) (**Йорданов**, 1984, 144, 203, 208, табл. VI), Варна (№ 16) (**Йорданов**, 1984, 144, 203, 208, табл. VI). Судя по самым поздним монетам Иоанна III Дука Ватаца (1222–1254 г.), они имеют нижнюю границу укрытия около 1242 г. (**Йорданов**, 1984, 144, 203, 208, табл. VI), что соответствует обстановке в контексте татарского похода. Чтобы очертить более четко картину, можно добавить некоторые отдельные находки монет (преимущественно болгарские и латинские имитации) с верхней границей около середины XIII в., найденные в Ескусе, Плевене, Севлиеве, Батошево, Граднице, в регионе Севлиева. Археологические исследования указывают на то, что середина XIII в. является *terminus ante quem* для большого некрополя и соседних поселений близ г. Омуртаг (**Апостолов**, 2006, 290–292). Обязательно нужно отметить, что по всему направлению с запада на восток, которое удалось очертить на базе этих находок (схема 1), в XIII в. здесь существовала активная жизнь поселений – села, городские центры, крепости, монастыри, т.д. (**Коледаров**, 1989, карта № 3). Монетные сокровища указывают на то, что основные центры и «базовые» области Второго Болгарского царства и прежде всего столица Тырново, как и крупные города Ловеч, старая столица Преслав, Шумен, Овеч (сегодня Провадия), Варна, находились под какой-то чрезмерной угрозой. Находки меньших укреплений и поселений типа Червен бряг, Върбовка, Смядово и др., убеждают нас, что эта угроза была лавинообразной всеобщей и повсеместной (**Джонова**, 1979; **Дремсизова-Нелчинова, Антонова**, 1975; **Материали за картата на средновековната българска държава**. 1995).

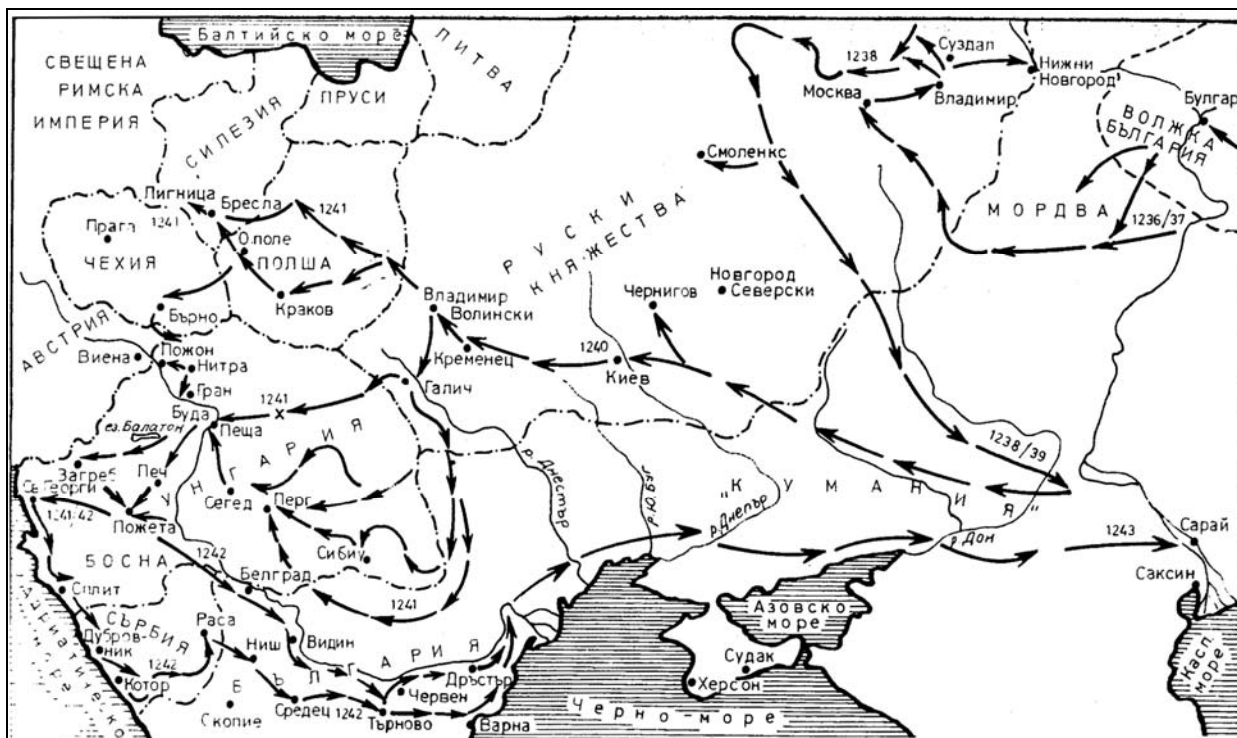

Рис. 1. Направления и маршруты татарских завоеваний в Восточной Европе, на Балканах, в Дунайской и Волжской Болгарии в 1238–1242 гг.

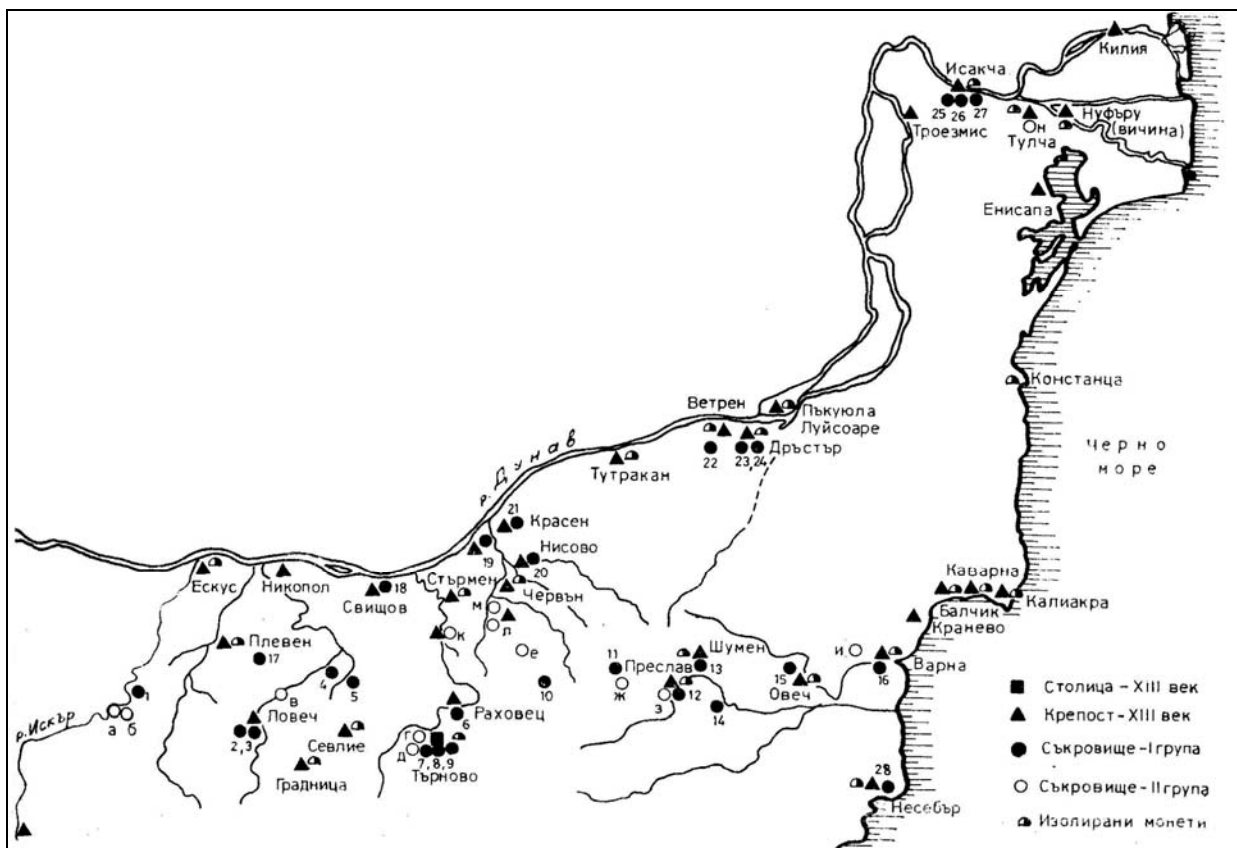

Рис. 2. Монетные сокровища и находки в Северной Болгарии, связанные с татарским походом 1242 г.

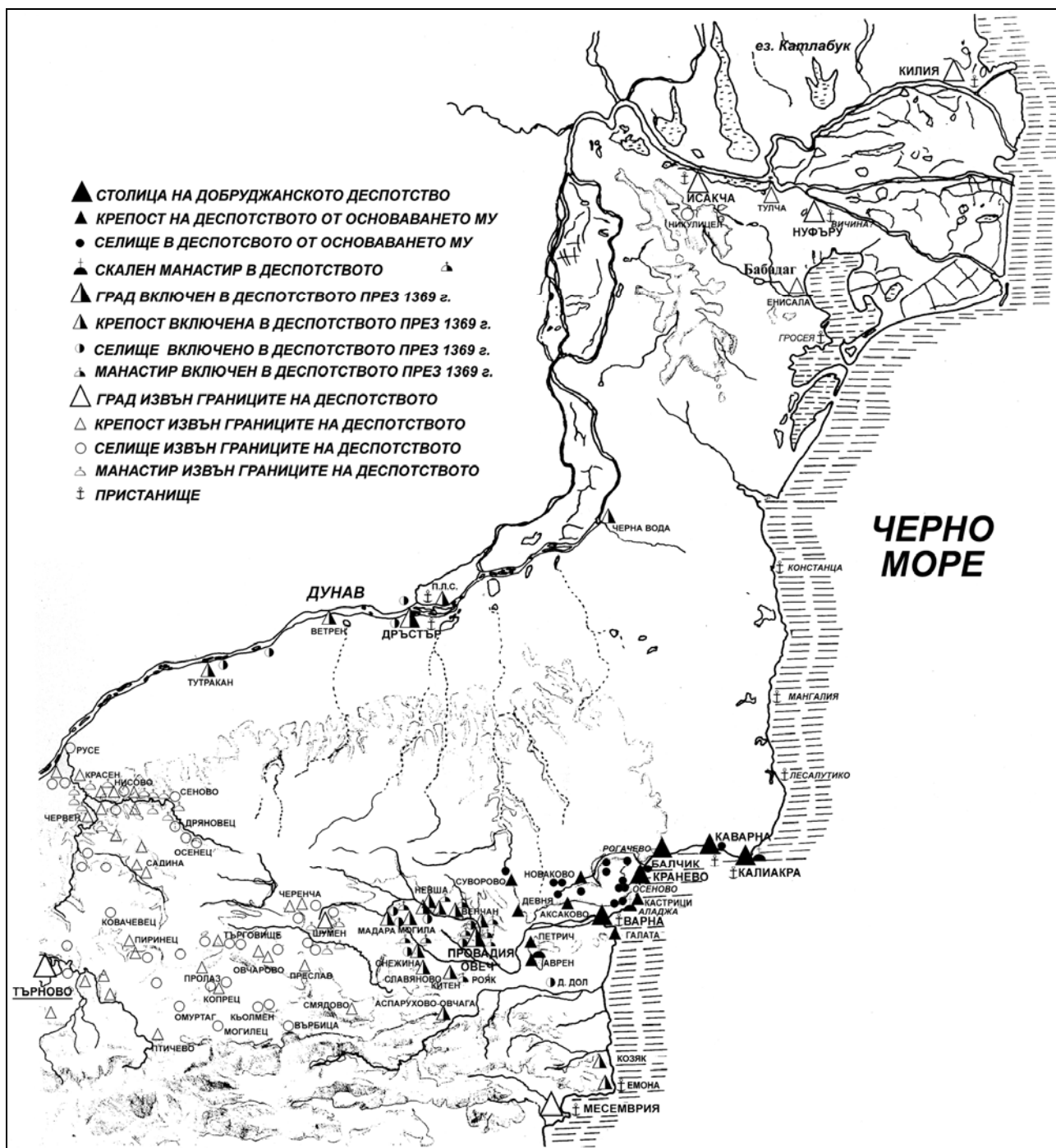

Рис. 3. Северо-Восточная Болгария и Добруджа XIII–XIV вв.

Наряду с найденными в направлении предбалканского региона, монетные сокровища встречаются и по протяжению реки Дунай, а также и в прилегающий к Дунайской равнине регион. Они были найдены в укреплениях и поселениях с активной жизнью в XII–XIV вв., в том числе и в важных городах как Свищов (№ 18) (Йорданов, 1984, 203–204, табл. VI), Пиргос (ныне с. Пиргово – Русенский регион № 19) (Герасимов, 1946, с. 235–244), Красен (№ 20) (Йорданов, 1984, 176–178, 193–194), Нисово (№ 21) (Йорданов, 1984, 176–178, 193–194), Ветрен – Силистренский регион (№ 22) (Атанасов, Йорданов, 1993, табл. XVIII), в самой Силистре (два сокровища – № 23, 24) (Пенчев, 1986, 31–37; 1987, 26–29; Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241), три сокровища в Исакче (№ 25–27) (Barnea, 1984, 104).

Существует еще одна группа сокровищ (мы называем ее условно «второй», а объекты обозначаем буквами), которых невозможно датировать точно, но в общем их трезориране можно отнести ко второй четверти XIII в. (Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241) Можно заметить, что их последовательность Искырское дефиле – ловечский регион – столица Тырново – тырговищский регион – Преслав – варненский регион вполне соответствует очерченной картине первой группы. Другими словами, можно с большой дозой уверенности полагать, что причиной их укрытия являлся именно татарский поход 1242 г. В пользу этого предположения свидетельствуют еще несколько сокровищ, относимых также условно к 1210 г., которые были найдены в регионе между Тырново и Русе – в окрестностях Польско Косово, Баниски и Чилнова (к, л, м), а одно из них – в Тулче (м) (Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241), т.е. в непосредственной близости от датированных находок Исакчи. Присутствие во всех из них без исключения, болгарский имитации типа С (Hendy, 1969, 205–206; Дочев, 1985, 6–7), повышает вероятность того, что они были укрыты около 1241 и 1242 гг. (Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241). Очевидно также, что они совпадают по своему распространению с другими сокровищами вдоль Дуная (так называемая группа I): Свищов – Червен – Пиргово – Ветрен – Дрыстыр – Исакча и соответствуют сведению Рашид-ад-дина, что в 1242 г. Килия была взята татарами. В связи с этим, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в период 1206–1237 гг., время датировки сокровищ так называемой второй группы, в сегодняшней Северной Болгарии и Добруджи не было отмечено другого такого разрушительного события, способного инспирировать подобное массовое укрытие денежных сокровищ.

Исходя из способа расположения находок двух групп монет (см. рис. 2) можно сделать ряд интересных выводов. Находки вблизи Кунино и Червен бряг, дают возможность с большой дозой уверенности полагать, что войска Кадана вторглись в Северную Болгарию через Искырское дефиле (рис. 2), что заставило местное население укрывать свои ценности. В своем наступлении они достигли самого крупного центра в этой зоне – Ловеч и реакция местного населения была такова же. Скорее всего, именно в регионе городов Никополь – Плевен – Ловеч осуществилась связь между продвигающейся вдоль Дуная армией хана Батгя и самостоятельно действующими к тому времени силами Кадана. Может быть, именно здесь и произошло истребление около трех тысяч пленников (венгров, поляков, чехов, словаков, хорватов и сербов), о чьей печальной судьбе повествует архидиакон Тома Сплитски. Точно известно, что встретившись в этом регионе, Бату и Кадан атаковали совместно столицу Тырново. Подобная акция, направленная на свержение независимого правителя – несовершеннолетнего болгарского царя Калимана (Коломан) I Асен (1241–1246 гг.), находившегося под опекой его регентства, требовала личного участия хана. Такова была татарская практика в Средней Азии, России и т.д.

Состояния археологических исследований в Тырново не позволяет нам связывать какие-либо установленные разрушения XIII века с теми татарскими действиями, которые по словам Рашид ад-дина привели к захвату столицы Болгарии. Действительно, было зарегистрировано даже сжигания части царского дворца, факт, который можно отнести скорее всего к вражеским действиям (Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241). Как можно полагать, после взятия Тырново, войска вновь разделились. По всей вероятности, Кадан снова отправился на восток к Преславу, Шумену, Варне и Овечу. Основной корпус хана Батгя отправился вдоль берега Янтры, затем Русенского Лома, а оттуда по Дунаю через Дрыстыр /Силистра/ – в Килию, где он встретился с Каданом. В любом случае, от Искырского ущелья и Ловеча до Варны – зона шириной от 20 до 50 км была опустошена, свидетельством чего являются монетные находки, о которых уже шла речь. Такая же ситуация и вдоль берега Дуная, возможно, даже начиная от Белграда, Браничево и Видина (однако о них пока отсутствуют необходимые данные) и доходя до Дрыстра, Исакчи, Тулчи и Килии.

Археологические исследования тоже подтверждают, что эти опустошения являлись результатом похода. Видимо, южная армия Кадана атаковала Преслав, так как имеются доказательства, что некоторые его районы были заброшены, например, Круглая церковь и это про-

изошло в начале XIII в., о чем свидетельствуют отдельные монеты*. Кстати, именно в середине XIII в., Преслав ослабляет свою мощь и его функции регионального центра переходят к Шумену. Известна одна надпись (недатированная) именно из Шумена, в которой говорится о опустошениях татар (Маргос, 1969, 22–23). Важно отметить и тот факт, что большой некрополь вблизи Омуртага также был покинут во второй четверти XIII в. (Апостолов, 2006, 290–292). Как уже допустили, от столицы Тырново силы хана Батые снова двинулись в направлении Дуная, где возможно остались некоторые отряды, чтобы принять участие в борьбе против престольного города. Археологические исследования показывают, что в результате этой акции пострадало много болгарских крепостей. В первую очередь нужно отметить большую крепость Червен а также меньшие крепости Красен, Нисово, Пиргово и т.д. В результате десятилетних исследований окрестностей Червена было с точностью установлено, что это место потерпело большие разрушения, которые исследователи относят к середине XIII в. Датировка подтверждается найденными солунскими имитативными монетами и перперами Иоанна III Дука Ватация (Средновековният Червен, 1985, 43–44; Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241). Археологическими раскопками было установлено, что именно в то время была прекращена монетная циркуляция и в укреплении находившемся недалеко от Стырмена. (Ранносредневековното селище при Стырмен, 1985, 60–62; Styrmen nad Jantra (Bulgaria), 1980, 309–310).

Продолжим с крепостью Тутракан, где была найдена керамика XIII в. и одна изношенная (от длительного использования) монета болгарский имитации типа С. Для сокровища Ветрена, Силистренского региона самыми поздними являются несколько монет Иоанна Асеня II. Очевидно, в 1242 г. крепость потерпела серьезное поражение, так как обращение монет было прервано на длительное время (Атанасов, 1992, 23–24; Атанасов, Йорданов, 1995, табл. XVIII). Гораздо более надежными являются наблюдения Дрыстра (Силистра). Наряду с двумя сокровищами (№ 23 и № 24 из первой группы), стратиграфические анализы тоже показывают, что в нескольких участках цитадели был мощный пожар, четким доказательством чего являются обгорелые имитативные монеты 1242 г. (Пенчев, 1987, 28; Атанасов, 1992, 24–25). Разрушения оказались настолько серьезными, что они потребовали фундаментальных изменений в системе укреплений и градоустройстве великого средневекового болгарского города (Ангелова, 1988, 47–48; Атанасов, 2001, 198, обр. 9). С другой стороны, именно к середине XIII в. активизируется жизнь в островной крепости Пэкуюл луй Соаре (Diaconu, 1976, 423–424), которая находилась недалеко от Дрыстра, и где по всей вероятности, часть дрыстырских жителей, в ожидании новых татарских набегов, нашли более надежное убежище.

Аналогичной оказалась судьба и второго по значению болгарского города на добруджанском побережье Дуная – Вичины, в последнее время ученые локализируют его недалеко от г. Тулчи к Нуфыру (Atanasov, 1994, 122–128; Атанасов, 1993, 15–18). Разрушения этого города по мнению специалистов также связаны с татарским походом, после которого жизнь в городе затихает (Baraschi, 1991, 402–403; Atanasov, Pavlov, 1995, 233–241). Если Червен, Дрыстыр, Вичина и Исакча (Облучица) успели восстановиться, нельзя сказать тоже самое об двух других больших придунайских поселениях – у Троезмиса и Тулчи (здесь было найдено монетное сокровище того же времени). По мнению исследователей Троезмис был подвержен ужасным разрушениям именно татарами, в результате чего жизнь в городе стала затихать (Vasilii, Mănuclu-Adameştesnu, 1984, 149–150; Йорданов, 1984, 217–218; Mănuclu-Adameştesnu, 1980, 241–242; Mănuclu-Adameştesnu, 1980a, 254–255). На наш взгляд, поражения в районе дельты Дуная были настолько значительными, так как именно здесь у Исакчи находилось самое удобное место для переправы через реку, где и объединились снова войска Батые и Кадана, чтобы пройти Дунай, по своему пути к волжским степям.

Примечательно, что во внутренней части Лудогория и Добруджи не были зарегистрированы укрытые монетные сокровища или другие признаки разрухи, связанные каким-либо образом с событиями 1242 г. Это говорит о том, что войска передвигались плотно по берегу Дуная и побережью Черного моря по пути к Исакче. И нельзя было быть иначе, так как с середины XI и до начала XVI вв. во внутренней части Добруджи между Дунаем и Предбалканом от-

* По информации наших коллег Ив. Йорданова и Ст. Бонева.

существовали оседлые поселения, (Атанасов, 2001 197–198) соответственно – нет было ресурсов кормить татарскую армию (рис. 3). Поэтому их маршрут проходил через населенные места вблизи Дуная и Предбалкана, /в основном они передвигались по побережью реки Провадийская и Черноморью/ в то время как они обходили необитаемую лесостепную территорию внутренней части Добруджи. Такова была практика татаров не только по отношению к Болгарии.

Сопоставление, хотя и неполных письменных, нумизматических и археологических данных, указывает на то, что татары вступили в Болгарию по двум основным направлениям. Основные силы хана Батыея передвигались по побережью Дуная. Наряду с чисто географическими факторами нужно учесть и татарскую военную традицию преследовать до конца старых противников – как Кадан ходил по пятам Белы IV, в данном случае нападение Батыея было направленно не только на Болгарию, но и на куманов хана Котяна.

Что касается силы Кадана, очень трудно сказать, где именно на территории бывшей Сербии они пересекли границу с Болгарией. Поскольку практика татаров, завещанная Чингисханом (D'Osson, 1927, 217, 221), требовала личного подчинения правителя соответствующей страны (ср. с типичным случаем преследования Белы IV), Кадан, вполне вероятно, искал возможности вступить в прямой контакт с королем Стефаном Владиславом (1234–1243 г.). Это подразумевает действия в области Расы, сербское Тырговиште или Милешево. Оттуда вероятно, татары оказались у стен болгарской крепости Ниш, откуда проходил наиболее удобный путь в Средец. Как мы увидели татары вошли в сегодняшнюю северную Болгарию, скорее всего через Искырское дефиле. В регионе городов Никополь – Ловеч, Кадан вступил в прямой контакт с ханом Батыеем и объединив свои силы, они продолжили свое наступление на столицу Тырново (рис. 1, 2). Их действия привели к капитуляции правительства царя Калимана I Асеня, который взял на себя трибунарные и другие обязательства перед татарским ханом. Однако разорение страны продолжилось.

Важным является также вопрос о датировке похода, хотя С. Бартольд, и (независимо от него) В. Златарский правильно соотнесли действия татаров в Болгарии к осени 1242 г., как видно из приписки Теодора Граматака сентябрьской 6751 г. (1сентября 1242 г.–31 августа 1243 г. после Р. Хр.) (ГИБИ, 1975, 133; Бартольд, 1968, 497; Златарски, 1940, 425). Однако очень часто в исследованиях упоминаются и другие датировки – март-апрель 1242 г., зима 1242–1243 гг., в общем 1241–1242 гг. (Spuler, 1943, 22–26; Sacerdoteanu, 1933). С точностью установлено, что в апреле 1242 Кадан все еще находился в районе Дубровника, а хан Батый – в Венгрии (Пашуто, 1970, 215–216). По некоторым анализам, при таком типе военных действий, которым сопутствовали повсеместные опустошения, осады и т.д., татарские силы могли передвигаться сравнительно медленно – проходя иногда 15–20 км в сутки (Черимшевский, 1989, 131–132). В любом случае, сражения, о которых сообщает Рашид-ад-дин, покорение и ограбление болгарских земель отняли у Батыея и Кадана несколько месяцев осени 1242 г.

Немаловажным является и вопрос о численности татарских войск, поскольку в некоторых описаниях армия Батыея в Европе достигает фантастических размеров – 120–130 000, 300000, даже 600 000 солдат и в два-три раза больше лошадей! Внимательное изучение довольно большого количества существующих источников позволяет свести реальное количество армии примерно к 50 000 человек и около 100 000 лошадей (Черимшевский, 1989, 127–132; Ищенко, 1989, 136–145).

Проблема о последствиях татарского похода для Болгарии (непосредственные и глобальные) требует особого внимания. Следует коротко отметить основных из них. Экономика страны, особенно ее «базовой» территории (земли к северу от Балкана, в том числе и Добруджи), без стабильности которой, были бы немыслимы действия по защите болгар во Фракии, Македонии и на Северо-Западе, несомненно, потерпела катастрофические потери. Кроме того, тяжелые выплаты и контрибуции, в том числе железными прутьями, тяготели над Болгарией в течение многих лет, о чем сообщают современники Рубрука (ЛИБИ, 4, 195; Лазаров, Тютюнджиев, Павлов, 1993, 49–53, 56–57). По данным того же автора, а также по сведениям нескольких венгерских грамот при царе Михаиле II Асене (1246–1256 гг.) болгары по-прежнему продолжали страдать от «рабства татаров» (Лазаров, Тютюнджиев, Павлов, 1993, 49–53, 56–57). Население многих крепостей и деревень подвергалось физическому ис-

треблению – хотя нет никаких письменных свидетельств о такой практике в нашей стране, она хорошо известна в Центральной Азии, России и т.д., о чем с ужасом рассказывают ряд авторов того времени, для которых поведение татаров (в частности, убийства мирных жителей) было непонятным (**Тизенгаузен**, 1884, 22–23; *Татаро-монголы в Азии и Европе*, 1970, 100, 214–217, 158–164, 187–190). Но и наши монетные сокровища достаточно ясно свидетельствуют, что люди, которые спрятали свои деньги на *черный день* – по тем или иным причинам не смогли вернуться и забрать их обратно. Они либо убежали куда-то очень далеко и не смогли вернуться в свои родные города и села, либо, что более логично, просто умерли или были убиты зимой 1242/1243 гг. Без сомнения, из-за больших человеческих потерей были брошены села, города и целые регионы, с соответствующими последствиями для хозяйства, финансовой стабильности, военных ресурсов и внешней политики болгарского государства. Из сказанного выше становится ясно, что подобная разруха не могла не привести к потере территорий и политического влияния на Балканах. Ослабленная и растерзанная внутренними противоречиями страна, только через несколько лет теряет значительную часть своих земель в Фракии и Македонии за счет Никейской империи. Некоторые ученые с уверенностью утверждают, что потеря болгарской гегемонии в Сербии в 1243 году, когда Стефан Владислав был свергнут Урошем I, поддержником проникнейских настроений (1243–1277), связана именно с последствиями татарского марта 1242 г. (**Благојевић**, 1989, 87–88). Проведенные анализы показывают, что нанесенный удар на болгарские города, при чем на самые важные (столица Тырново, Дрыстыр, Преслав, Вичина, Червен, и, возможно, Средец Ниш, Белград, Видин и др.) был крайне тяжелым. Поэтому, на наш взгляд, несомненно, что одним из самых важных факторов для политического упадка Второго Болгарского царства после 1242 г. является поход татарского хана Батыея и Кадана.

2. Ногай в дельте Дуная в последней четверти XIII века. Несмотря на удар 1242 г., статус территорий в дельте Дуная не отличался от статуса остальных болгарских земель. После 1242–1243 гг. татарская власть к югу от Дуная являлась лишь номинальной (**Павлов**, 1989, 24–35; **Атанасов**, 2009, глава 1; **Павлов, Владимир**, 2009, 79–89; **Vázáry**, 2005, 89–96). К началу 70-х годов XIII века, однако, золотоордынский беклярибек, кровный потомок Чингисхана, поселился в Днестровско-Дунайском междуречье и стал почти независимым от центральной власти в Сарае правителем (**Веселовский**, 1922, 22–23; **Греков, Якубовский**, 1950, 83–84; **Русцев**, 1999, 89–90; **Papacostea**, 2006, 80–81).

Яркая личность Ногай (Йесу Ногай) производит сильное впечатление на его современников, в том числе в Египте, Иране и в других дальних странах. Его огромная власть в Золотой Орде, построенное им, «государство в государстве», его активная внешняя политика и т.д., все это заставляет писателей того времени величать его «ханом», «султаном», «татарским царем», «императором татар»... Русский историк Н. Веселовский правдиво отмечает, что мы имеем больше сведений о Нагае по сравнению с известными нам верховными ханами Золотой Орды. Перемены на северо-восточной границе Болгарии совпадают с глубоким кризисом, в котором оказалась страна. Это и есть время, когда решительно укрепились интересы Генуи к Северо-Западному Черноморью. Осложненная ситуация в Добрудже и в дельте Дуная дополняется еще и попытками Византии совершить инвазию в регионе – мало известный, но важный акцент в балканской политике, поставленный энергичным императором Михаилом VIII Палеологом (1258–1282). Когда Ногай начал непосредственное управление городами на берегу Дуная, когда Генуя создала свои первые торговые фактории, когда Византия установилась и т.д., это вопросы, которые не имеют достаточно четкого ответа. Арабские авторы и византийский историк Никифор Григора категоричны (в своем утверждении, что Ногай имел свои обиталища в Исаке, на берегу Дуная (**Русцев**, 1999, 90–91; **Тизенгаузен**, 1884, 117, 161; **Nicephori Gregorae**, 1829, 149–150 (= ГИБИ, 1983, 139). Между тем византийский ритор Мануил Оловоу утверждает, что Михаил VIII Палеолог присоединил к империи так наз. Паристрионские острова (острова в дельте Дуная) (**Previale**, 1942, 36–37; **Laurent**, 1945, 184–198). Ряд исследователей полотают, что это произошло еще в 1261 г. (**Bratianu**, 1935, 35–37, 53–55; **Laurent**, 1945, 184–198; **Teodorescu**, 1974, 197–201; **Teodorescu**, 1980, 96–98; **Papacostea**, 2006, 158–159). В 1261 году Михаил Палеолог заключил с Генуей Нимфейский договор,

обеспечивающий преференции для свободного доступа и создания факторий в бассейне Черного моря (Papacostea, 2006, 160). Самым большим успехом ромеев, однако, является освобождение столицы Константинополь от власти латинов. Утверждение, что Византия (в политическом и религиозном аспекте) и Генуя (в экономическом) в короткий срок утвердились в дельте Дуная, и в частности в Вичине не соответствует действительности (Bratianu, 1935, 147; Piiescu, 1977, 113–114; Papacostea, 2006, 160). На самом деле, первый документ о существовании генуэзской торговой колонии в Вичине датирован 1281 г. (Bratianu, 1935, 147; Piiescu, 1977, 113–114; Papacostea, 2006, 160; Тодорова, 1981, 221–222)*.

Рис. 4. Монета типа А, варианта А-I, согласно классификации Е. Оберлендера, чеканенная в Исакче.

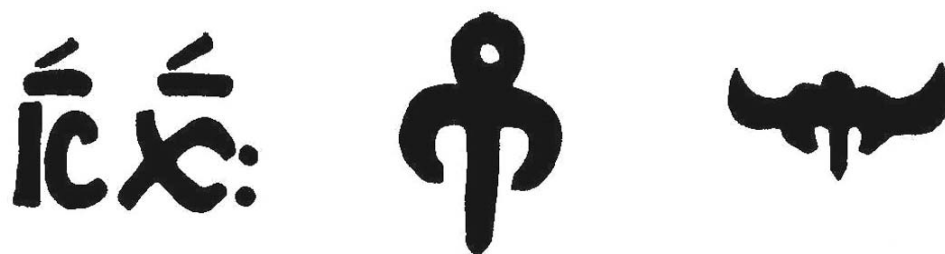

Рис. 5. Символы на монетах тип А, вариант А-I.

* Утверждение Е.Тодоровой об евентуальном существовании коммерческой деятельности со стороны Генуи в Вичине в 1274 г., не базируется на достоверных источниках. Автор ссылается в своих аргументах на цитированную нами здесь статью О. Илиеску, но в ней на с. 113–114, бел. 2 присутствует другой комментарий. В качестве начала коммерческой деятельности итальянцев в Вичине, О. Илиеску тоже принимает 1281 г. и им отвергается возможность о том, что какой-то купец по имени Таглияферо Ферандо проводил свои торговые операции в Вичине. На самом деле, этот генуэзец имел контакты с Vexina – город во Франции.

Рис. 6. Монета типа А, варианта А-II, согласно классификации Е. Оберлендера, чеканенная в Исакке.

О митрополитской кафедре, являвшейся подчиненной Константинополю сообщается лишь в 1285 г. (**Laurent**, 1939, 91–103). Эти факты достаточно красноречиво говорят о том, что у ромеев и генуэзцев была ничтожная возможность вторгнуться свободно в район Дельты – тем более, что эти земли уже находились под контролем Ногай. И, наконец, в 1263 – 1264 гг. болгарский царь Константин Асен (1257–1277) в союзе с татарами, полностью разбил войско Михаила VIII Палеолога (**Nicephori Gregorae**, 1829, 99–101 (= ГИБИ, 1983, 134–135). Учитывая эту политическую реальность, становится очевидной невозможность прочного обоснования Византии в Дельте – на самой границе между болгарами и татарами.

Все же, приблизительно через век после того, как Асени вытеснили ромеев из этих территорий, в конце XII в. они снова вернулись в Дельту. Действительно, такое событие имело место при Михаиле VIII, но оно произошло не ранее, чем через десятилетие после 1261 г. **Помимо всего сказанного**, следует отметить то, что все эти события совпадали по времени с массированным походом, который к 1274 г. Ногай предпринял против Болгарии, в поддержке Византии, и который был направлен на Добруджу и Восточную Болгарию (**Ников**, 1929, 110–118; **Margos**, 1965, 296; **Божилев, Гюзелев**, 2004, 201). Это произошло после мирного договора между Ногаем и **Михаилом VIII**, который был заключен в 1272–1273 гг. и скреплен же-

нитьбой Ногая на внебрачной дочери императора *Ефросиньи**. *Все эти совпадения дают основание полагать, что к 1273 г. татарская власть к югу от Дуная, уже превратилась от номинальной в реальную (Атанасов, 2001, 198–199; Атанасов, 1993, 3–19). По времени это коррелирует с началом чеканки определенного типа монет в Исакче и регионе. По мнению Е. Оберлендера между 1273–1286/7 годами здесь циркулируют монеты (согласно его классификации – класса А, типа I), на лицевой стороне (аверсе) которых, изображена тамга Ногая, а на оборотной стороне (реверсе) – легенда на греческом языке (рис. 4–6). Их относительно большое количество и наличие целых семь вариантов монет этой эмиссии, говорят о сравнительно долговременной их циркуляции в пределах муниципия под суверинитетом Ногая, с центром Исакча (Oberländer-Târnoveanu, 1995/96, 197, 202).*

В результате координированных усилий Ногая и Михаила VIII, и без того ослабленная болгарская власть на окраинах царства, соответственно в дельте Дуная и по черноморскому побережью была ликвидирована. Всесильный в регионе татарский темник Ногай дал свое «благословение» Византии на установление своего присутствия в Вичине, Исакче (т. наз. Паристрионские острова), а по всей вероятности и в Килии/Ликостомо и Варне (?), а к 1281 г. Генуя получила право создать торговую факторию в Вичине (Атанасов, 1993, 15–16)**. Параллельно с этим, скоро после 1273 г. в Вичине был создан митрополитский престол, подчиненный непосредственно *Константинопольскому Патриарху* (Атанасов, 1993, 15–16; Atanasov, 1994), *причем* первый документ, свидетельствующий об этом событии, датирован 1285 г. (Laurent, 1927, 145–146; Laurent, 1939, 91–103; Ciobanu, 1977, 233–242; Тодорова, 1981, 225–226. Предположения, что Византия взяла Вичину и создала митрополитскую кафедру в период 1204–1261 гг., несостоятельные. Их авторы; Giorescu. 1959, 678–685; Teodorescu, 1974, 197–201; Teodorescu, 1980, 97). Однако после смерти Михаила VIII в 1282 г. отношения Ногая с Византией настолько охладели, что в 1285 г. это даже привело к военному столкновению на территории Фракии, где татары были разбиты ромейским полководцем Умбертопулос (Ников, 1921, 17–18). После этого похода татары (Ногай ?) укрепили свое присутствие, причем в сочетании с непосредственной властью над дунайской дельтой и Болгарией (и особенно над Северо-Восточной). Достаточно красноречиво говорит об этом тот факт, что в 1285 г. (Ников, 1921, 18–20; Божилов, Гюзелев, 2004, 205) царь Георгий I Тертер был вынужден признать себя безусловным вассалом Ногая и еще в следующем 1286 г. в Вичине было засвидетельствовано присутствие знатного татарского феодала по имени Аргун, который был обладателем высокого титула *militaries – mingghan noian* (Bratianu, 1935, 39; Греков, Якубовский, 1952, 92, 115; Oberländer-Târnoveanu, 1981, 99–100; Русев, 1999, 47 сл.). Замечательно также, что в период с лета 1285 г. до 1302 г. не было зарегистрировано ни одного документа, свидетельствующего о присутствии митрополита в Вичине (Năsturel, 1972, 33–42). На наш взгляд, вполне правдиво толкование П. Настюреля одного греческого текста 1285 г., сопровождаемого подписью упомянутого вичинского митрополита Теодора. Из текста становится ясно, что византийская митрополитская кафедра, находилась под угрозой татаров Ногая (Năsturel, 1972, 37–39), что наверно и заставило ее председателя эмигрировать в Константинополь. С уверенностью можно утверждать, что византийское присутствие в Дельте было крайне ограниченным по времени – оно началось после 1285 г. и длилось до убийства Ногая и его сына Чаки, т. е. до 1299 г. В этот период Константинополь не администрировал города в регионе Дельты (так наз. *Паристрионские острова* – рис. 3), не имел своих военных контингентов, но можно предполагать, что он продолжал поддерживать духовное и в некоторой степени экономическое присутствие.

* Г. Острогорски относил эти события к 1272 г. (Острогорски, 1998, 581). Аргументы, что это случилось в конце 1273 г. после похода Ногая против Византии см. (Павлов, 1997, 145–146).

** Формирование коммерческой фактории Генуи, наверное, является следствием позиции Византии в Дельте. Известно еще, что Генуя стала союзником Михаила VIII Палеолога, и сам он через Нимфейский договор 1261 г. гарантировал ей преференции в бассейне Черного моря (Papacostea, 2006, 160).

Рис. 7. Монета типа А, варианта А-III, согласно классификации Е. Оберлендера, чеканенная в Исакче.

Рис. 8. Монета с именем и тамгой Ногая на аверсе и изображением Чака как всадника на реверсе.

Нами считается нужным уделить больше внимания чеканке монет на Дельте, во-первых, потому что этот процес отражает в большей степени политические и экономические перемены, происходившие в регионе в тот период, а также, чтобы обратить внимание на изменение и развитие позиции основного его исследователя – Е. Оберлендера. Выше уже упоминалось, что по его мнению, местная автономная власть, руководствуясь византийскими традициями и будучи в подчинении у Ногая, открыла монетную мастерскую в Исакче. В ней чеканились три эмиссии монет различных вариантов, причем на аверсе (лицевой стороне) монет всех трех эмиссий неизменно присутствовала тамга Ногая (тип А согласно классификации Е. Оберлендера). На реверсе на греческом языке написана формула IC XC (вариант А-I, согласно классификации Е. Оберлендера, рис. 4, 5), формула IC XC NI KA в пространстве между плечами креста (вариант А-II по Е. Оберлендеру рис. 6) и, наконец, двуглавый орел (вариант А-III по Е. Обер-

лендеру рис. 7) (**Oberländer-Târnoveanu**, 1981, 89–109; **Oberländer-Târnoveanu**, 1995/1996, 191–212). Изначально, Е. Оберлендер датировал эту эмиссию периодом после 1290 г. и до 1300 г. (точнее до 1299 г.), когда был убит Ногай. В своей первой публикации, он утверждает, что они не могли быть эмитированы до 1290, так как в Золотой Орде право чеканить монеты и ставить на них тамгу имел только хан и всякое отступление от этого правила, считалось преступлением против сюзерена. Ногай действительно являлся сильной и харизматической личностью, и при всем том, что обладал некой автономностью, все же он соблюдал лояльность к хану Берке (1257–1267), а потом и к его наследникам (по крайней мере формально до 60–70 гг. XIII в.). В той же статье Е. Оберлендер высказывает мнение, что после 1290 г. в отношениях между Тохтой (1291–1312) и Ногаем произошел полный разрыв, и принимает этот год за начало *terminus post quem* чеканки третьей эмиссии в Исакче, с тамгой Ногай и с христианскими формулами на греческом языке (**Oberländer-Târnoveanu**, 1981, 95). Однако, согласно источникам, в то время Тохта подчинялся безусловно воле Ногай, а конфликт между ними разгорелся лишь в 1297 г. (**Тизенгаузен**, 1884, 109–111; **Веселовский**, 1922, 42–46; **Греков, Якубовский**, 1950, 82–84) Правдивым является и тот факт, что еще в 1285–1287 гг. в отношениях между ханом Телебугой (1287–1291) и Ногаем появляется напряженность, которая эскалируется и заканчивается убийством хана приближенными к Ногаю и при его личном участии в 1291 г. (**Тизенгаузен**, 1884, 106–109; **Веселовский**, 1922, 32–40). Новый хан Тохта был возведен на престол опять лично Ногаем и так как Тохта не имел никаких ресурсов, чтобы ему противостоять, выполнял все его капризы. Даже по требованию Ногай, он убил эмиров из своего самого близкого окружения, а также уступил ему право распоряжаться самовольно Крымом (**Тизенгаузен**, 1884, 106–111; **Веселовский**, 1922, 42–44). Кстати, Георги Пахимер, комментируя завоевательные походы Ногай на Нижний Дунай около 1271 г. утверждает, что он завоевал эти земли не для хана, а для самого себя (**Georgius Pachymeres**, 1835, 432 (= ГИБИ, 1980, 165–166). На основании всего вышесказанного можно предполагать, что еще в 70–80 гг. XIII в., Ногай вполне мог дать разрешение на автономную чеканку монет, с требованием ставить на монетах этих эмиссий его собственную тамгу. Тот факт, что найдено значительное количество монет типа А-I, говорит о том, что их чеканили относительно продолжительное время. И опять по мнению Е. Оберлендера, это длилось с 1273 г. до 1286–1285/6 гг., но на наш взгляд, указанная им начальная дата намного занижена (**Oberländer-Târnoveanu**, 1995/1996, 202)*. Монеты с изображением двухглавого орла и тамгой Ногай (тип А-III) являются более редкими и поэтому считается, что их чеканили в течение более короткого периода – между 1285–1287 гг. (**Oberländer-Târnoveanu**, 1995/1996, 202).

Еще в своих первых исследованиях Е. Оберлендер принимает, что упомянутые монеты являются византийского происхождения, так как монеты подобного типа характерны для византийской чеканки, между прочим, как и сам двухглавый орел. Следуя этой логике рассуждений, он делает вывод, что эти монеты являются делом монетной мастерской полуавтономной местной структуры (города, деспотата?)*, находившейся под сильным византийском влия-

* Е. Оберлендер уточнил датировку благодаря одному экземпляру Мангу Тимура (1266–1280), из которого была перечеканена монета Исакчи типа А-I.

** Ни в коем случае не может идти речь о деспотате, так как не существуют никакие сведения о присутствии византийского деспота в это время в этих местах. Возможно, автора подвело изображение двухглавого орла на монетах, который в XIV в. действительно присутствовал на одеждах как болгарских, так и сербских деспотов. Однако в XIII в. двухглавый орел еще не являлся деспотской инсигнией. И, наконец, установлено, что в XIV в. двухглавый орел присутствовал не только на одеждах деспотов, но и на других высших сановников – кесарей, севастократоров, он встречается даже и на одежде людей без титула (**Ковачевич**, 1953, 29–31, 62, фиг. 1, 29, табл. XXXVII; **Атанасов**, 1999, 212). В данном случае, скорее всего, нужно искать связь с династией Палеологов, так как существуют предположения, что прежде чем стать императорской инсигнией, двухглавый орел был их династическим геральдическим знаком. Как раз, именно Михаил VIII первый из Палеологов был провозглашен императором. Этим и объясняется присутствие двухглавого орла на монетах Исакчи, в соупутствии с тамгой Ногай. Замечателен тот факт, что они чеканены после заключения его брака с императорской дочерью в 1272/3 гг. Действительно, в источниках не упоминается о том, что Михаил VIII провозгласил своего зятя Ногай деспотом, но известно, что титул деспота получали прежде всего зятья императоров. Нужно отметить, что в принципе, было невозможно провозглашение та-

нием. Можно согласиться с фактом, что действительно речь идет об автономной структуре, находившейся под византийском влиянием после 1273 г., но только при условии, что она была создана с санкции и под покровительством Ногая, после того, как их отношения с Михаилом VIII резко улучшились, в результате заключения династического брака. Кстати, в конце XI в. при подобных политических обстоятельствах, люди, населявшие Нижний Дунай, в том числе и Вичину (рис. 3), подобным образом организовались в автономные самоуправляющиеся структуры с собственной чеканкой монет (**Diaconu**, 1979, 113–118; **Тьпкова-Займова**, 1976, 78; **Йорданов**, 1980, 4–14). Однако к 1285 г. был зарегистрирован острый конфликт между Империей и Ногаем (в 1282 г. Михаил VIII уже был покойником, а на престоле был новый василевс – Андроник II 1282–1328), что, по всей видимости, оказало непосредственное влияние на позиции ромеев в Дельте. Наряду со всем остальным, это дает основание полагать, что после 1284–1285 гг. и вплоть до конца своей жизни в 1299 г., Ногаю удавалось пресечь непосредственное византийское влияние над этой структурой в Дельте (рис. 2, 3), по крайней мере по той причине, что он был в постоянном конфликте с Византией, о чем свидетельствует большой и разрушительный татарский поход против Византии, происшедший в 1297 г. на территории Восточной Фракии (**Ников**, 1921, 31–32). На основании всего сказанного, нам кажется вполне основательной коррекция датировки, которую Е. Оберлендер вносит в новую специальную статью, передатируя эмиссии монет типа А на период до 1287 г. (**Oberländer-Târnoveanu**, 1995/96, 206–207). Учитывая политическую реальность, подобная датировка выглядит вполне логично, но это соответственно означает и то, что Ногай разрешил чеканку монет с его тамгой еще до 1290 г., т.е. до даты, которую Е. Оберлендер считал *terminus post quem* для местной чеканки монет (**Е. Oberländer-Târnoveanu**, 1981, 89–109). Известно, однако, что после смерти хана Берке (1257–1267), Ногай пользовался достаточной свободой. Он стал верховным главнокомандующим и можно сказать, что скорее всего ханы находились в подчинении его власти, (практически, он их выдвигал на ханский престол после 1267 г.), нежели он у них (**Веселовский**, 1922, 22–23). Вот поэтому, сделанная Е. Оберлендером передатировка этих эмиссий на десятилетие раньше 1287 г., кажется нам вполне приемлемой. Первоначально однако, он предлагал в качестве верхней границы чеканки монет типа А с тамгой Ногая – 1299 г., т.е. год его смерти. После дополнительного анализа политической реальности в регионе, им уже принимается во внимание и факт мощной татарской экспансии на юге, в результате которой, в период около 1285–1287 гг. Дельта находилась под их непосредственной властью и полным контролем (**Papacostea**, 1993, 123–125; **Oberländer-Târnoveanu**, 1995/1996, 210–211). Местные автономные структуры лишились многих автономных привилегий, в том числе и чеканки монет типа А в Исакче, что со своей стороны, дает основание отнести верхнюю границу их чеканки к 1287 г. Как уже упоминалось выше, приблизительно к тому же времени, в 1285 г. вичинский митрополит был вынужден татарами покинуть свою кафедру, он вернулся сюда снова только после начала XIV в.

Сохранились документы периода 1285–1300 гг., свидетельствующие о торговых делах итальянцев в Вичине, но никак не засвидетельствовано подобное греческое присутствие в Дельте, пока она находилась под доминацией Ногая (**Bratianu**, 1935, 47–49; **Тодорова**, 1981, 222–22). Был зарегистрирован даже такой случай, произошедший в 1294 г. с итальянским купцом Роландо де Куарто, чьи товары, которые он приобрел в Вичине, были обложены по-

тарского темника деспотом, потому что он не был христианином, но в действительности, он получил одну из деспотских инсигний – тиару, о чем специально упоминает Пахимер (**Georgius Pachymeres**, 1835, 346–347) (= ГИБИ, 1980, 165–166). Раз он получил одну из деспотских инсигний, не являясь деспотом, вполне возможно, что под внушением своей супруги Ефросиньи он пользовался и другим императорским символом, каким являлся двуглавый орел. Но даже если, эти монеты были чеканены к 1285 г., нельзя не учитывать связь между браком Ногая с принцессой из Палеологов и его статусом императорского зятя. Показательным является и тот факт, что в апреле 1294 г. венецианский сенат принимает решение направить посланника во двор Ногая и в свое обращение к нему использует титул императора «*ad imperatorem Noga*» (**Papacostea**, 2006, 108). И в итоге нужно отметить, что Ногай и Чака пользовались титулом *михеус*, который отсутствует в таблице византийских рангов, но там же отмечается, что согласно этикету, титулы *пантемутихес*, *еутихестатус* и *еутихес* сопутствуют обращению к деспоту, севастократору и кесарю (**Oberländer-Târnoveanu**, 1995/1996, 205).

шлиной на византийской территории (Bratianu, 1935, 47–49; Тодорова, 1981, 222–22). Что касается греческих надписей на монетах, это объясняется фактом, что греческий являлся международным языком в регионе. На греческом языке также и надписи на литых имитативных фолисах автономных структур в Добрудже, которые в XI в. воевали с Константинополем (Diaconu, 1979, 113–118; В. Тъпкова-Заимова, 1976, 78, Йорданов, 1980, 4–14) и на монетах дрыстырского господаря Тертера (Иоанна?) 70-х гг. XIV в., вопреки его крайне обостренным отношениям с византийским императорским двором (Diaconu, 1978; Ив. Божилов, В. Гюзелев, 2004, 240).

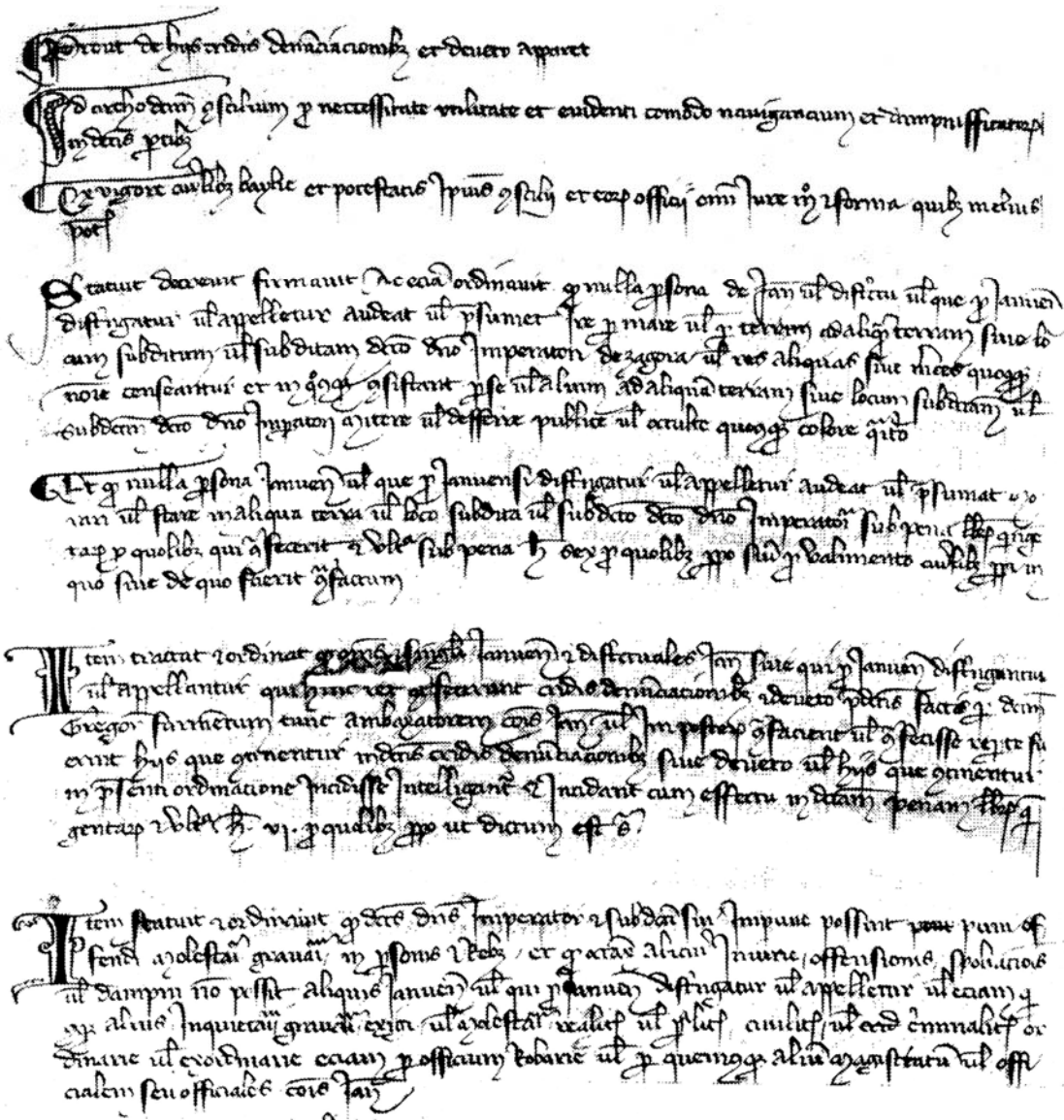

Рис. 9. Постановление Officium Gazarie 22 марта 1316 г.

Все прежде сказанное наводит на мысль, что между 1285 и 1300 гг. Византия не имела ни малейшего влияния и присутствия в городах и крепостях дунайской Дельты. Болгарское военно-административное и в некоторой степени икономическое присутствие тоже было ликвидировано еще к 1273 г. Зато укрепились позиции итальянских купцов, которые под покровительством Ногай завладели внешней торговлей в регионе, о чем свидетельствует достаточное количество документов (Bratianu, 1935, 47–49; Тодорова, 1981, 222–22). Однако в 1296–1298 гг. Ногай входит в острый конфликт с Генуей в Крыму, что несомненно приводит к ухудшению генуэзских позиций в Дельте Дуная (Тизенгаузен, 1884, 111–112, 184–185; Гре-

ков, Якубовский, 1884, 84, 87–88; Веселовский, 1922, 46; *Papacostea*, 2006, 111–112). Примечателен факт, что кроме двух документов начала 1298 г., относящихся к делам генуэзцев в Вичине, нет никаких сведений об их присутствии в городе до 30-х годов XIV в. (*Balard*, 1975, 25; *Годорова*, 1981, 222–224.) Таким образом, в результате политики Ногая, к концу XIII в. мы сталкиваемся с совершенно уникальной ситуацией – два традиционных политических субъекта – Болгария и Византия, вытеснены из региона Дельты (рис. 3), торговые операции Генуи заторможены, в регионе полностью доминируют татары, не испытывая однако, особого пиетета к оседлому образу жизни в городах.

В силу исторических обстоятельств местное население может быть и успешно сохранить за собой отдельные элементы местного самоуправления, но это длилось только с 1273 г. по 1285 г., причем при утяжеленных условиях, которые всесильный Ногай ставил. Приостановленная автономная чеканка, отсутствие сведений о торговых операциях генуэзцев, покинутая византийская митрополитская кафедра достаточно показательно свидетельствуют об этом. При более внимательном рассмотрении археологической картины, принимая ввиду обращение монет в данном регионе в XIII в., можно с точностью установить, что в эту структуру входил только один большой город (крепости у нынешнего городка Исакча, а может быть и Нуфэру) и находившиеся поблизости Никулицела, Тулчи (?), Енисалы и Старой Килии укрепления и поселения (рис. 3). Гораздо труднее однако, определить этнический состав людей, населявших эти земли в конце XIII в. Внутренне что, население этих регионов являлось носителем византийских традиций, является, по нашему мнению, предвзятым и крайним. Если действительно эти земли входили в пределы Византии и их населяли ромеи, то вряд ли приходилось бы Михаилу VIII к 1273–1274 г. овладеть силой *Паристрионские острова*. Судя по историческим и археологическим источникам можно утверждать, что до начала XI в. и после конца XII в., приблизительно до 1272–1273 гг., рассматриваемый ареал находился в пределах болгарского царства, но после 1241 г. он был под татарским вассалитетом, который стал крайне тяжелым к 1260 г. В XI–XII вв. он входил в границы Византии, но к этому времени здесь начали инфильтрироваться печенеги и куманы, а где-то около 1264 г., на некоторое время, также и сельджуки(?)*, а потом уже и татары. Обнаруженные в Исакче, Диногечии и Нуфэру находки (кресты-энколпионы двух типов, шиферные прясла, керамические яйца и т.п.) (*Mănușu-Adameșteanu*, 1987, 285–291; *Barnea*, 1981, 150–151, pl. 62; *Ștefan, Barnea, Comșa, Comșa*, 1967, 101; *Коновалова, Перхавко*, 2000, 162–188), свидетельствуют о купеческом присутствии, а наверно и о заселении русского населения. Этот процесс активизируется особенно во время татарских нашествий в России после 1233 г. и после взятия Рязани и Киева в 1237 г. и 1240 г. В качестве реликта византийского господства в XI–XII вв. и в результате византийского проникновения между 1273 и 1285 гг., безусловно в регионе оседают и ромеи. Об итальянских купцах уже упоминалось выше. Принимая во внимание все вышесказанное, нам кажется весьма рискованным делать точные заключения об этнической принадлежности населения Дельты, успевшего добиться автономной структуры с собственной чеканкой в период с 1273 до 1287 гг. и оказавшегося под тяжким татарским (ногайским) вассалитетом между 1287–1299 гг. После смерти Ногая и после того, как болгарский царь Феодор Светослав убил его наследника Чаку в Тырнове в 1299–1300 гг., в регионе дельты Дуная наступили существенные перемены. За оказанную полную поддержку в ликвидации наследства Ногая, хан Тохта (1291–1312) предоставил болгарскому царю ряд привилегий. По всей видимости, Болгария успела возобновить частично свое влияние и в регионе к северу от Дельты, где был установлен кондоминиум – совместное татарско-болгарское управление (*Brătianu*, 1926, 153–167; *Ников*, 1929, 135–141). Несмотря на некоторую противоречивость источников, можно с большой долей уверенности полагать, что после 1300 г. Феодор Светослав администрировал как Маврокастро (Белгород Днестровский), так и другие населенные пункты в Дельте и Дунайско-Днестровском междуречье. Бесспорным доказательством этого является вполне официальный и неоспоримый документ – Постановление *Officium Gazarie* 22 марта 1316 г., в котором указывается, что из-за острого конфликта с Феодором Светославом,

* Подробнее об эвентуальном временном оседании сельджуков см.: (*Г. Атанасов*, 2009, Приложение V).

Генуя эвакуировала свои колонии из Маврокастро и остальных поселений региона (рис. 9) (Documente privind istoriei României, 1953, 8–10; **Гюзелев**, 1995, 103–108; обстоят. комментарий в: **Руссев**, 1999, 63, 97). Кроме этого, существует целый ряд других источников (документ францисканского ордена, свидетельствующий о событиях 1307–1307 гг. в Белгороде, Абульфед, Ибн Батут, несколько морских карт и т.п.), указывающих на существование болгарской администрации в Белгороде и соседних поселениях после 1300 г., которым мы уже уделяли специальное внимание (**Руссев**, 1999, 62–66, 86 сл.). Одновременно с тем, существует и другая группа документов (в частности «Описание Восточной Европы» (1308 г.), Бейбарс, Абульфед, документы францисканского ордена, серия карт и т.п.), которые свидетельствуют о том, что в том же регионе и в то же время присутствовала еще и татарская власть («Описание Восточной Европы» 1308 г., 1981; **Тизенгаузен**, 1884, 117, 161; Géographie d'Abulféda, 1848, 316–318. В. Спинеи и Ал. Кузев отстаивают мнение о неотъемлемой татарской власти в Дельте и к северу от нее (**Кузев**, 1987, с. 101–106; **Spinei**, 1992, 172 etc.). Аргументированную критику их мнения по этой проблематике см.: **Руссев**, 1999, 88–99). При поддержке татарской власти в 1302 г. вичинский митрополит снова занял престол в Дельте. На этом противоречивом фоне еще Г.Браниану и П.Ников высказали предположение о том, что при царе Феодоре Святославе в этом регионе существовало определенного рода совместное татарско-болгарское управление, т.е. пользуясь благоволением хана Тохты, болгарский владетель административал весь регион к северу от Дельты до реки Днестр (**Brătianu**, 1926, 153–167; **Ников**, 1929, 135–141). Их идея была дополнена Т.Павловым и более обстоятельно развита Н. Руссевым, по мнению которых, после 1300 г. Тохта и Узбек (1312–1342) сохранили свой суверенитет на территориях вплоть до Дуная (в которых находится и Исакча!), но опасаясь новых мятежей среди ногайцев (столь отдаленных от Сарая), актом «дарения» они предоставили полномочия Феодору Святославу, от их имени, в качестве формального вассала администрировать данный регион (**Павлов**, 1995, 121–130; **Руссев**, 1998, 51–60; **Руссев**, 1999, 86). Немаловажен и тот факт, что часть жителей, населявших земли Ногай между Днестром и Дунаем были куманского происхождения*. Неслучайно в Средневековье и до XVIII в., по словам Л.Н. Гумилева, татары находились в постоянном конфликте с ногайцами и *никак не ладили друг с другом* (**Гумилев**, 2008, 36). По его мнению, главная причина заключается в том, что к концу XIII в. *Войнство Ногай состояло преимущественно из потомков половцев и других кочевых племен, покоренных монголами и ненавидящих их* (**Гумилев**, 2008, 223). Ярким свидетельством куманского происхождения татаров, населявших территории между Днепром и Дунаем являются слова египетского энциклопедиста **ал-'Омари** (1301–1349): *«В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они, /татары/, смешались и породнились с ними /с кипчаками/. Так земля одержала победу над природными и расовыми чертами татаров и все они стали кипчаками – род у них был общим с ними, так как монголы переселились на земли кипчаков, вступали с ними в смешанные браки и оставались жить на их землях (кипчаков)* (**Тизенгаузен**, 1884, 235). К тому же, сам Феодор Святослав являлся наследником куманского аристократического рода Тертероба, что давало ему возможность более успешно управлять этим населением. Наряду с тем, что власть болгарского царя в дунайской Дельте (т.наз. Третий обитаемый остров в Добрудже в XII–XV вв.) была условной, кроме того она не была, по видимому, и повсеместной. Татары сохраняют за собой власть над некоторыми центрами, в том числе и над Исакчей, где в отличие от Белгорода, не было допущено болгарское администрирование. Показательным является и тот факт, что, как утверждает Бейбарс, после смерти Ногай, Тохта назначил управителем Исакчи своего собственного сына Тукул-буга, а после

* Согласно рассказу арабского купца Шамс ад-Дин Мухаммад, записанному в 1338 г. ал Омари, он избродил земли кипчаков (куманов) и дошел до Акджа-Керман находящегося на границе с болгарями. См.: **Руссев**, 1999, 94; о куманах в этом регионе в XIII–XIV в. см: **Добролюбский**, 1982, 28–39; **Добролюбский**, 1986, 30–45, 68–80; **Руссев**, 1999, 101; Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в Златоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982, с. 28–39; **Добролюбский А.О.** Кочевники в Северо-Западном Причерноморье в эпоху средневековья. Киев, 1986, с. 30–45, 68–80; **Руссев**, 1999, 101).

него другого татарского благородника – Мингли-буга (Тизенгаузен, 1884, 117; Веселовский, 1922, 23; Греков, Якубовский, 1950, 92, 115; Oberländer-Târnoveanu, 1981, 99–100 Руссев, 1991, 47 сл.; Руссев, 1999, 92).

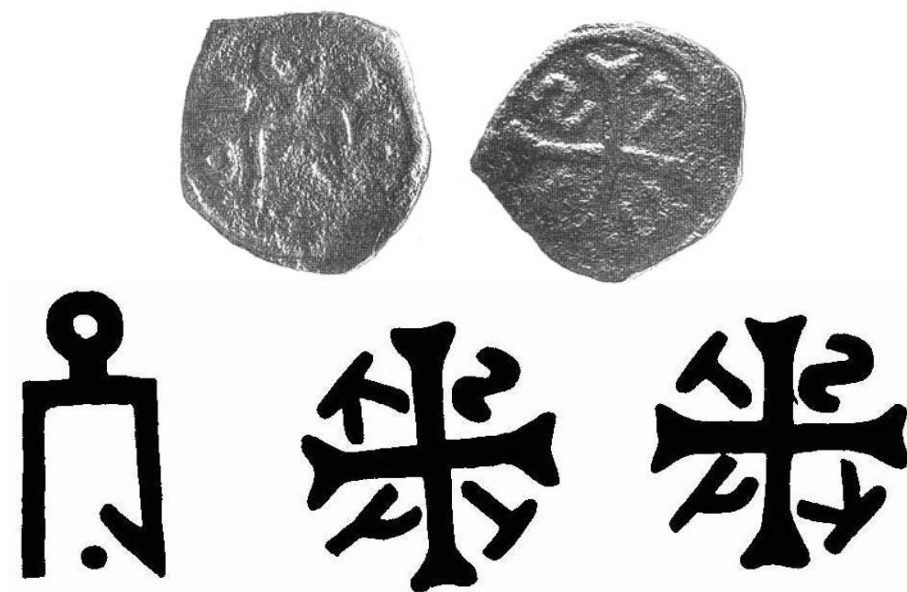

Рис. 10, 11. Монеты, чеканенные в Исакче, на аверсе которых гравирована тамга Тохты и управляющей династии Джучи, на реверсе – равноконечный «процветший крест», а в его перекрестном пространстве – название города SATCY (по Е. Оберлендеру).

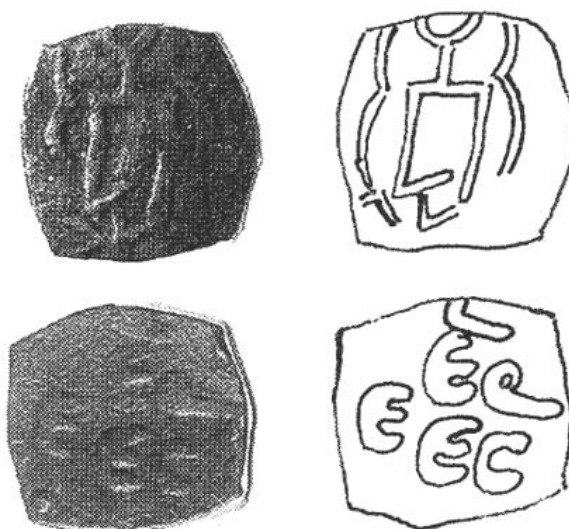

Рис. 12. Монета, чеканенная в Исакче с тамгой ханской фамилии на аверсе, но на реверсе которой написана легенда на греческом языке, состоящая из греческих букв СРΕΕΕ с расшифровкой С/ΤΑΥ/ΡΕ Ε/Λ/Ε/Η/ΣΟΝ/ – да помилует меня крест (по Е. Оберлендеру).

В этот период в Исакче чеканились гибридные (т.н. «татаро-генуэзские»?) монеты, на аверсе которых была гравирована тамга Тохты и управляющей династии Джучи, на реверсе – равноконечный «процветший крест», а в его перекрестном пространстве – название города SATCY (рис. 10, 11) (Oberländer-Târnoveanu, 1981, 91–94; Oberländer-Târnoveanu, 1995/1996, 200, pl. II–9). Мы вполне согласны с мнением Е. Оберлендера, что эти монеты принадлежали определенной полуавтономной местной структуре (на наш взгляд – городской), где доминировали татары. В сущности это та самая, выше нами рассматриваемая структура, которая эмансипировалась и утвердилась под формальным сюзеренитетом Ногая в 80-е годы

XIII в. После его смерти формация типа «города-республики» принимает сюзеренитет победителя – хана Тохты и вместо тамги Ногая, на аверсе монет уже присутствует тамга ханской фамилии Джучи. Замечателен тот факт, что на реверсе монет этих эмиссий присутствуют следующие года – 707, 708, 711 по Хаджиру, которые соответствуют 1307/8, 1310/11 и 1311/12. (**Oberländer-Târnoveanu**, 1981, 95). Вместе с тем привлекает внимание и тот факт, что отсутствует эмиссия периода со смерти Ногая и Чаки в 1299–1300 гг. до 1307 г. Можно полагать, что сразу после прихода к власти, Тукул-буга установил жесткий режим и подавил местное самоуправление из-за его коллаборации (сотрудничества) с Ногаем, тамгу которого мы видим на монетах. Однако потом, к 1307 г. режим был облегчен, была восстановлена автономия, торговые операции раскрепостились, что, кстати, соответствовало, генеральной политике Золотой Орды в отношении подобных граничных территорий. Однако, нельзя однозначно утверждать, что автономная структура была татарско-генуэзской. Основным аргументом в пользу этого является так называемый «генуэзский» крест на реверсе монет, но генуэзский крест (известный еще как крест св. Георгия) имеет треугольные ветви, в то время как на реверсе данных монет изображен «разветвленный», «процветший» равноконечный крест, который весьма характерен для византийской и староболгарской культуры и который присутствует на десятках памятниках в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии (**Атанасов**, 2007, 188, табл. XLVIII-LIII). И, наконец, именно в тот период, когда чеканились эти монеты (1307–1311 г.), в Исакче правил татарский принц Тукулбуга, а в 1307 г. началась новая татарско-генуэзская война, инициатором которой был сам Тохта (**Греков, Якубовский**, 1950, 90, 117). Принимая во внимание все вышесказанное, представляется маловероятным, чтобы сын Тохты толерировал и эмансипировал генуэзскую колонию в Исакче, предоставляя ей полуавтономный статус и право на собственную чеканку. Наконец, в этот начальный период здесь чеканилась еще одна эмиссия с тамгой ханской фамилии на аверсе, но на реверсе которой, мы видим легенду на греческом языке, включавшую греческие буквы CPЕЕЕ с расшифровкой C/TAV/PE E/Λ/E/HCON/ – *да помилует меня крест* (рис. 12) (**Oberländer-Târnoveanu**, 1989, 122, 124–125, pl. II-25–32).

Пусть вернемся к поражению «государства в государстве» Ногая, ядром которого находилось как раз в районе Дельты. Как уже упоминалось, последствия этого погрома продолжали ощущаться в первые годы XIV века. При своих карательных действиях силы Тохту подвергали земли Ногая разорению. Арабские летописцы сообщают, что победители продали в рабство тысячи мужчин, женщин и детей. В Египте эмиры (аристократы) покупали рабов ... «у торговцев, привезших множество людей ..., но не все пленные, однако, были татары – многие из них только тогда приняли ислам, а это значит, что они были язычники (куманы) или христиане (болгары, византийцы, русские и др.) из Северного Причерноморья, в том числе из Бессарабии и Северной Добруджи». О разорении владений Ногая свидетельствуют и некоторые находки, обнаруженные у «столицы» могущего татарского хана. В Исакче было найдено сокровище, состоящее из 70 византийских перперий, которое было укрыто в самом начале XIV в. Так или иначе, относительно быстро этот режим был смягчен.

И все-таки, так наз. гибридная чеканка к 1307 г. в Исакче – факт, но она скорее всего являлась привилегией местного населения, привилегией, которой оно уже пользовалось два десятилетия раньше. Скорее всего, этот факт доказывает тот особый статус города, который был ему предоставлен. Если ко всему сказанному добавить и факт присутствия татарских принцев, то можно полагать, что татарский хан отвел Исакче роль внешнего «аванпоста», при помощи которого осуществлялся контроль над регионом Нижнего Дуная, соответственно над действиями вассалов (практически, каким продолжал оставаться и Феодор Святослав), собиралась дань, следилось за торговлей и т.д. По всей видимости, этот своеобразный статус Исакчи привлекал и других поданных золотоордынского хана, судя по сочинению Абулфеда, законченное им в 1321 г., в котором он повествует, что часть жителей города были мусульмане (*Géographie d'Abulféda*, 1848, 318).

Постановление *Officium Gazarie* 1316 г. (рис. 9) является косвенным доказательством о том, что возникший, в связи с болгарскими и генуэзскими интересами, конфликт был вызван в результате укрепления позиций Феодора Святослава в регионе дунайской дельты (так наз.

«Третий обитаемый остров») и к северу от нее до Акермана/Белгорода Днестровского (рис. 3). Как уже выше упоминалось, в 80-е годы XIII в., с благоволения Ногая, республика Св. Георгия действительно успела завоевать сильные позиции в данном регионе. Нельзя, однако, утверждать с полной уверенностью, что после свержения с власти Ногая и Чаки, их яростный противник – хан Тохта сохранил в полной мере генуэзские привилегии в Вичине и в регионе. Не исключено, что полномочия, которые Сарай дал Феодору Святославу были направлены на осуществление полного контроля над генуэзскими факториями, и что это являлось своеобразным образом надзора над ними из-за их коллаборации с Ногаем, длившееся на протяжении четверти века. Открытое столкновение с Болгарией оказалось неизбежным и оно вспыхнуло в начале управления хана Узбека в 1315–1316 гг. Кроме всего прочего, болгарский владетель, по всей видимости, серьезно затронул генуэзские торговые интересы. 20 марта 1315 г. это привело к насильственным действиям против граждан республики в Белгороде. В продолжении года Генуя отправляла неоднократно болгарскому владетелю требования о решении назревших проблем, но они оставались без всякого ответа. Это привело к принятию *Officium Gazarie* 22 марта 1316 г. Это решение известно под названием «Запрет на посещение Загоры/България» (рис. 9) (*Documente privind istoriei României*, 1953, 8–10; Гюзелев, 1995, 103–108). Замечателен факт, что это Постановление касается не только Белгорода, но также и других портов в регионе, которые административались болгарским царем (Руссев, 1999, 63). В нем не указано о каких именно портах идет речь, но очевидно, что Постановление визирует и те, находящиеся в дельте Дуная и в первую очередь, вероятно, это Вичина. Вряд ли оно касается портов южного Черноморья, так как в начале XIV в. там не были засвидетельствованы генуэзские торговые представительства.

Спорным является вопрос, до каких пор с санкции хана в Сарае, Болгария администрирует данный регион дельты Дуная (Северную Добруджу) и территорию к северу от нее. Большинство исследователей принимает в качестве верхней границы – смерть царя Феодора Святослава в 1321 г., но доказательства в пользу этой границы преимущественно косвенны (Bratianu, 1935, 104–119; Полевой, 1979, 67; Параска, 1981, 72–73). Существуют также факты, которые дают основания полагать, что болгарское присутствие в регионе продолжается и после смерти Феодора Святослава (Ников, 1929, 135–141; Гюзелев, 1995, 103–108; Павлов, 1992, 62–64). Трудности в установлении границы обусловлены также и тем обстоятельством, что основные источники, повествующие о регионе – это сочинения арабских и восточных (иранских) авторов, а также и целый ряд карт, которые дают весьма протеворечивую информацию. Некоторые из них указывают, что границей между Золотой Ордой и Болгарией являлся Белгород Днестровский, другие – Вичина и Дунай (Руссев, 1999, 97–101). Все без исключения, однако, единодушны в утверждении, что как при Феодоре Святославе, так и при его предшественниках и наследниках, Болгария платила дань хану в Сарае. Очевидно, этот факт не давал возможность «внешним»(чужим) средневековым авторам определить кому именно принадлежала власть над регионом – татарскому хану, высшему повелителю, или болгарскому царю, который от имени хана администрировал территории дунайской дельты и те к северу от нее. Судя по словам Никифора Григоры, что после смерти Феодора Святослава царь Михаил Шишман «приобрел власть над болгарями на этом берегу Истры» (*Nicephori Gregorae*, 1829, 390 = ГИБИ, 1983, 151), можно полагать, что в начале 20-х годов XIV в. тырновскому царю все еще удавалось сохранить свои позиции, но нельзя точно утверждать, что выражение *по эту сторону, на этом берегу Истры* вмещает в себя и Дельту. Если проанализировать сведения о главных центрах дельты Дуная (т.н. «Третий обитаемый остров» в Добрудже) Вичина, Исакча, крепость близ Нуфэру, Килия-Ликостомо и Енисала, то можно установить, что неизвестно с каких пор, но в 30–50-е годы XIV в. Болгария не имела суверенитет над регионом. Татары продолжали администрировать непосредственно Исакчу, генуэзцы заняли прочные позиции в Килия-Ликостомо, кстати, даже и в военном отношении. Похожая ситуация наблюдается и в Вичине.

Особенно ярким показателем вытеснения Болгарии из региона является относительно небольшое количество найденных монет болгарских владетелей – царя Михаила III Шишмана (1321–1330) и особенно царя Ивана Александра (1331–1371). Эти эмиссии, однако, имеют

большое распространение на двух других «Обитаемых островах» в Добрудже – Дрыстре и Калиакре, а также в расположенных в непосредственной близости крепостях. Наряду с этим, устанавливаем также, что Тырновская патриархия тоже не владеет позициями в Дельте, так как в Вичине в качестве митрополитов, подчиненных Константинопольскому патриарху выдвигаются ромеи, а в Килии, Ликостомо и Вичине католики-францисканцы, при поддержке Генуи, возводят свои церкви (Piescu, 1977, 127; Balard, 1979, 8; Тодорова, 1981a, 232; Тодорова, 1981b, 238). Не исключено, что они входили в диоцез епископии, созданной на основании буллы Папы Иоанна XXII 26 февраля 1318 г., кафедра которой находилась в генуэзской фактории Кафа которая уже выше упоминалась. В булле написано, что он охватывает территорию «от города Варна в Болгарии до Сарая» (*a la villa Varna in Bulgarian usque Saray*) (Spinei, 1992, 234–237; Руссев, 1999, 89; Papacostea, 2006, 130–131). Напрашивается вопрос, не означает ли это, наряду со всем остальным, что при хане Узбеке царь Феодор Святослав (1312–1341) уже потерял завоеванные им позиции в регионе за пределами дельты Дуная в начале своего управления. Нельзя исключить возможность, что причиной тому были как брак хана Узбека с византийской принцессой (Тизенгаузен, 1884, 294–295), так и сложившиеся на некоторое время более близкие отношения с Генуей после 1313 г. (Papacostea, 2006, 123–124). Так как пока остается невыясненным точный момент политического вытеснения Болгарии из Дельты, то можно только приблизительно отнести его к 30–50-м годам XIV в.

По всей вероятности татарские позиции в Дельте были частично и временно ослаблены лишь после битвы на р. Синюха в 1362 г., когда литовцы их полностью разбили, что привело к ограничению их влияния на территориях Нижнего Дуная. Вполне вероятно, что этим обстоятельством воспользовался деспот Добротица, который на небольшой срок – до 1370 г. владел Делтой за исключением Килии-Ликостомо (Атанасов, Павлова-Бъчварова, 2008; Атанасов, 2009).

3. Дрыстырский господарь Тертер и татарский бек Кутлу-буга в 70–80 гг. XIV в.

В условиях феодального сепаратизма, охватившего Второе болгарское царство во второй половине XIV в., в нем формировались независимые и полунезависимые небольшие государства, среди которых и Добруджанское деспотство (рис. 3). Этот процесс углубился и к 1376 г. сын деспота Добротицы – «господин Тертер» отделил Дрыстыр (сегодняшняя Силистра) и его регион как самостоятельное княжество (Diaconu, 1978, 188–198; Йорданов, 1982, 120–133; Атанасов, 2009, гл. 5). При своих ограниченных ресурсах (археологическим путем доказано, что во второй половине XIV в. существовала жизнь в четырех крепостях и трех поселениях), чтобы сохранить свои позиции, Тертер нуждался в сильных покровителях. Накануне своего отцепления в 1376 г. Тертер и деспот Добротица состояли в двух противоборствующих коалициях (Билярски, 1992, 13–16). В первую входили император Иоанн V, его сын Михаил Палеолог (деспот Месемврии и брат жены Тертера), деспот Добротица и Венеция, а во вторую – византийский престолонаследник Андроник IV Палеолог (сын Иоанна V и брат деспота Михаила), Генуя и Османские турки. Именно с ними и сделал альянс Тертер. Генуэзцы, император Андроник IV Палеолог и Османские турки являлись важным фактором, но они находились слишком далеко от Дрыстра, тогда как царь Иван Шишман, деспот Месемврия и деспот Добротица были совсем рядом и они закрывали плотно границы Дрыстырского княжества. При сложившейся ситуации единственным авторитетным союзником, кто мог оказать военную и моральную поддержку Тертеру были татары. Они доминировали к северу от дельты Дуная, т.е. совсем недалеко как от Дрыстра, так и от столицы Добротицы – Калиакра (Греков, Якубовский, 1950, с. 280 сл.). Так что, может быть этим и объясняется наличие контрамарок на монетах Тертера (с двухглавым орлом и монограммой ТРР – Тертер) в виде бюста татарского вельможи с длинными волосами, сплетенными в косу, на одной стороне монеты и полумесяцем со звездой – на другой стороне (см. рис. 13, 14, 15 на цветной вклейке)*.

* (Diaconu, 1980, 73–76; Йорданов, 1981, 124). Еще Т. Герасимов установил, что они являются татарскими тамгами, мнение которого до сих пор принимается безоговорочно: (Герасимов, 1965, 25–30; Билярски, 1992, 16–17). Утверждения, что эти контрамарки говорят о сюзеренитете во Влахии и даже что они являются делом Мирчо Стари, неубедительны (Iosipescu, 1985, 167; Oberländer-Târnoveanu, 1988, 115, not. 29, 31). Заблуждение происходит из-за факта, что контрамаркированный образ на монетах принимается за

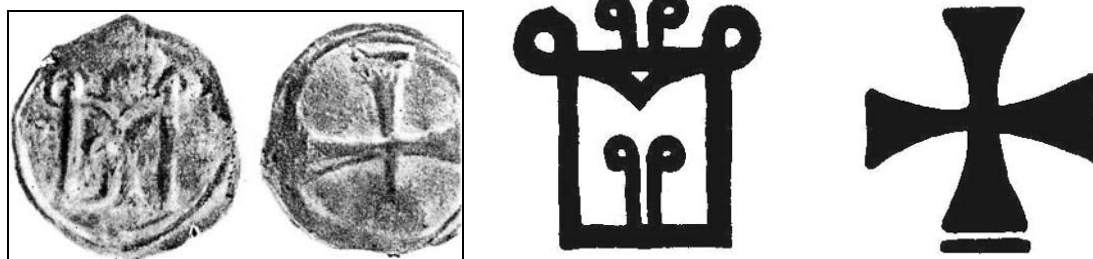

Рис. 16, 17. Монеты, чеканенные в дельте Дуная (Килия?). На аверсе изображена татарская (?) тамга неизвестного типа, а на реверсе – равноконечный (генуэзский?) крест (по Е. Оберлендеру).

Эти контрамаркированные монеты, которые были распространены по всему региону, наряду со всем остальным, являлись своеобразной афишей Тертера, которой он напоминал своим оппонентам (в особенности Добруджанскому деспотству и Тырновскому царству), что у них могущественный покровитель, с которым они должны считаться и уважать его независимость. Кто именно и конкретно являлся тем покровителем, тем татарским доминантом в зоне Дельты? Письменные источники не особенно словоохотливы на эту тему, но все же в них зафиксировано присутствие татарского принца Димитра в этом регионе. В 1362 г. во главе с ним и еще двумя полководцами (Кутлу-буга и Хаджи-бей) татарская армия была разбита при реке Синюхе в Бессарабии великим литовским князем Ольгердом (1345–1377 гг.) (Руссев, 1997, 157; Божилов, Гюзелев, 2004, 229). Существуют предположения, что после этой битвы татары и Димитр переселились в Северную Добруджу и османские источники XV–XVI вв. стали их называть «Добруджанской ордой» (Oberländer-Târnoveanu, 1981, 91–92, 96, 102; Руссев, 1999, 157). Именно этот татарский принц упоминается в Грамоте 1368 г. венгерского короля Лайоша I (1342–1382), выданной одному из брашовских торговцев для беспошлиной торговли в землях татарского владетеля (*mercatores domini Demetrii principis tartarorum*) (Bratianu, 1965, 39–46; Божилов, Гюзелев, 2004, 229, приложение II, № 9, с. 395; *Documenta Romaniae Historica*, 1977, 90). Идут споры о том, где именно на территории Добруджи находились земли Димитра в 70–80-х гг. XIV в. – Енисала, Браила, Исакча и пр. (Греков, Якубовский, 1950, 266; Oberländer-Târnoveanu, 1981, 96; Руссев, 1999, 157). Считается, что Северная Добруджа являлась наиболее вероятным местом, где обитал татарский принц и с ним связываются одного типа гибридные монеты, обнаруженные в районе Килии (утверждается, что они чеканились здесь) и в Энисале (Oberländer-Târnoveanu, 1981, 91–92, 96, 102). На одной стороне этих монет изображена татарская (?) тамга неизвестного типа, а на другой – равноконечный (генуэзский?) крест (рис. 16, 17).

На первый взгляд кажется, что именно *Demetrii principis* – тот татарский эмир, который покровительствовал Тертера, чем и объясняется факт, что его символы (тамга и лик) были контрамаркированы на его монетах. С другой стороны, однако, тамга на монетах, найденных в Килии не поддается расшифровке *Demetrii*, да и не имеет ничего общего с контрамаркированной тамгой на монетах Иоанна Тертера. Как-то *a priori* принято считать, что после поражения при реке Синюха в 1362 г. татары были вытеснены к Востоку от Днестра и зона между Дунаем и Днестром попала полностью под владение молдавских господарей, союзников Литвы. Однако, археологические исследования в таких центрах как Старый Орхей, Белгород Днестровский и Костешти доказывают, что в культуре продолжают присутствовать восточные (татарские) черты и после середины XIV в. По мнению С.А. Яниной, Старый Орхей даже был объявлен столицей с названием Шехр ал-Джедид или Янги-Шехр – «Новый город». Но это произошло где-то к 1365 г., т.е. три года после битвы при Синюхе (Янина, 1977, 193–213). Существуют и другие источники, в которых утверждается, что татарское присутствие на тер-

рыцаря, а в сущности это мужчина с косой – прическа, которая не была привычной для влашских воевод. Полумесяц и звезда, тоже являются символами, характеризующими, скорее всего, мусульманский мир, к которому принадлежали скорее татары, чем христианские православные владетели Влахии.

ритории между Дунаем и Днестром, т.е. в непосредственной близости от Дрыстырского господарства, в 70-х годах XIV в., т.е. во время Тертера (Иоанна-Иванко?) и Добротицы, было весьма уважаемым. Из Грамоты венгерского короля Лайоша I 1368 г. становится ясно, что принц Димитр имел высокие позиции в регионе, хотя он являлся одним из трех татарских темников, которых князь Олгред победил 6 лет назад. Несмотря на то, что румынская и болгарская историография принимают, что после 1362 г. татары Димитра установились в Добрудже, вопрос пока не окончательно выяснен (Шабульдо, 1987, 67–73). Довольно давно И.Г. Коноваловой удалось расшифровать на монетах типа Шехр ал-Джедид (Старый Орхей), назамеченный до тех пор исследователями, татарский титул «эмир». Изучая в деталях монеты коллекции Старого Орхей из средневекового Дрыстра, румынский нумизмат Е. Николае зарегистрировал эмиссию 769 г. и 770 г. (1367–1369 гг.) с надписью «эмир»*, которые он связывает с тем же татарским принцем Димитром (Nicolae, 1997, 197–200). Это дает основания полагать, что и после 1362 г. татары кочевали не в Добрудже, а скорее всего к северу от Дельты – в Прутско-Днестровском междуречье. Впрочем, существует еще одно подтверждение в пользу этого предположения. Православный монах Зосима описывает встретившийся ему на пути в Святые места в 1419 г. брод на литовско-молдавской границе: «Обретохом реку велику под Митиревыми Кишинами, еже зовется Нестр; туто бяше перевоз и порубежье волоское» (Хождение Зосимы, 1984, 121/299). Топоним «Митиревы» можно толковать как «Дмитриеви», а это, наряду со всем остальным, означает, что земли татарского темника – эмира Димитра не находились в Добрудже, а к северу от Дуная, точнее около Днестра. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является текст Грамоты венгерского короля Лайоша I, выданная им брашовским купцам. Она давала им право торговать без пошлины в землях *domini Demetrii principis tartarorum*. Это было вполне возможно на территориях к северу от дельты Дуная, но вряд ли могло бы осуществиться беспрепятственно в Добрудже. Это было единственно возможным при естественном покровительстве татар. В то время Добротица находился на вершине своего могущества, а в Дельте генуэзский флот и генуэзские купцы владели положением и без их санкции брашовские купцы не могли распоряжаться. К этому нужно добавить и факт, что основные торговые центры Добруджи находились только на Причерноморье и Дунае, в то время как внутренние территории продолжали оставаться незаселенными. Они находились под властью соответственно: деспота Добротицы (к югу от Констанцы или Мангалии), царя Ивана Александра (Дрыстыр и окрестные крепости) и Генуи (Килия-Ликостомо, Енисала). При этой расстановке сил остается не ясно, как татарскому князю Димитру удалось обеспечить беспрепятственной торговли брашовским купцам в Добрудже, хотя это было полностью в рамках его возможностей в Прутско-Днестровском междуречье.

Если владения *domini Demetrii principis tartarorum* находились севернее от дельты Дуная*, то следует задаться вопросом кто из трех татарских эмиров подвизался в регионе близ Дуная и оказывал непосредственное или косвенное влияние на процессы в Исакче, Килии, Добруджанском деспотстве и Дрыстырском феодальном княжестве. Вероятнее всего, это был

* Ключ к разгадке ранга татарских вождей является титулом одного из них Хачибей, т.е. «Хаджи бей». Титул *бей* в «Золотой Орде» был равнозначен титулу *эмир*, который носили представители родов, имеющих кровную связь с Чингис ханом. Титул *бей-эмир* переводится на латинский как *baron* или *princeps* (Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 46). Как выяснилось, в Венгерской грамоте 1368 г. Димитр был титулован именно *princeps*, что означает что те три татарских вожда, принявших участие в битве при «Синие воды», три брата носили один и тот же титул *бей-эмир-princeps*. По всей вероятности эти три самостоятельные правители являлись предводителями трех граничных «туменей» Золотой Орды и в подчинении у каждого из находилось 10 000 войско. В Средневековье под словом «братья» татары подразумевали не родство на кровной основе, а равенство в положении соседних туменей одной из «сторон» Золотой Орды. Если это действительно так, эти три эмира определяли статус западных пределов «Золотой Орды» до ее распада.

* Действительно, контакты и воздействие сильных христианских факторов /короли Польши, Венгрии, Литвы и их сюзерены/ в этой зоне были более реальными, чем в Добрудже и в зоне Дунайской дельты. О «хождениях» Димитра – Димир-Темир далеко на север свидетельствует одно летописное сведение 1374 г., которое повествует, что у литовцев была битва с *татарове Темеря*, которая произошла где-то около Днестра (Руссев, 1999а, 389).

Кутлу-буга. Здесь мы должны обратить внимание на тот факт, что одно из крупнейших озер к северу от Дуная, т.е. лишь в нескольких километрах от Дельты называется Катлабух (рис. 3)! Кроме того, совсем недавно Е. Николае опубликовал 15 медных монет, чеканенных в Шехрал-Джедид, на которых, по его мнению, можно прочесть и имя «Кутлу-буга». Десять из них были найдены в Старом Орхее, а пять – в Костешти у реки Ботна. Румынский нумизмат датирует их 1365–1367 гг., и считает, что Кутлу-буга являлся главной фигурой во всем регионе, и в этом отношении он занимал высшие позиции, чем Димитр (Nicolae, 2003, 167–179).

По все вероятности, при Тертере, Кутлу-буга продолжал обитать в зоне, расположенной к северу от Добруджи и до Черного моря, судя по тому, что его имя присутствует в грамоте Тохтомыша 1382 г. Вообще, Кутлу-буга являлся влиятельной личностью в западной части Золотой Орды целых 50 лет – при хане Джанибеке (1342–1357 г.) и многие годы после этого, вероятно, вплоть до 1393 г. (Федоров-Давыдов, 1966, 46; Мыц, 2001–2002, 309–314)**. Его имя упоминает М. Нешри в связи с походом Великого везира Али паша, чья конечная цель была взять Дрыстыр – Силистра (находившийся в то время в пределах Болгарии Шишмана). Тогда турки отправили посланника на север от Дуная к татарским предводителям Янджэ (Хаджи)-бея и Кутлу-буга с предложением поддержать 30 000 турецкую армию в борьбе против болгаров (Нешри, 1984, 93; Гюзелев, 1995, 80). Примечателен факт, что оба татарских эмира, не приняли участие в акцию Али-паши, о которой считается, что один из тех на кого она была направлена был Иванко /?/, хотя, подобно туркам, татарские эмиры были ревностные мусульмане, а это морально обязывало их воевать против неверных. Можно полагать, что причиной этого являлись давние хорошие отношения Иванко (если он идентичен Тертеру, господарю Дрыстра?) с Кутлу-буга. Независимо от протеворечивых предположений, можно с уверенностью утверждать, что он властвовал в зоне к северу от Дуная и вероятнее всего, у него был стан у озера Катлабух (рис. 3), носящее его имя. По всей вероятности, по традиции, ведущей свое начало со времен Ногая, именно он владел одним из стратегических пунктов – дунайским бродом напротив Исакчи. На фоне этих источников можно предположить, что именно Кутлу-Буга, а не Димитрий являлся тем мощным татарским беком, владевшим зоной северно от Дуная, на чью поддержку рассчитывал дрыстырский господарь Иоанн Тертер в борьбе против своего отца Добротицы, Тырновской Болгарии и Византии.

Впрочем, болгарско-татарские связи, касающиеся Кутлу-буги и *его братьев* имеют свои более поздние проекции. Каким-то странным образом, в качестве источника военной силы в известной битве на Косовом поле (15 июня 1389 г.) между сербами во главе с князем Лазарем и османским султаном Мурадом I, упоминается «Кипчак». Поэт Енвери является единственным автором, повествующим о том, что на стороне сербов воевала союзная татарская конница. Это совсем не означает, что нельзя допустить участие татар на стороне христианской коалиции Всадники «Кипчака» упоминаются наряду с вполне реальными сербскими союзниками – боснийцами, влахами, болгарами. В виду политического портнерства между князем Лазарем Хребеляновичем и царем Иваном Шишманом (1371–1395) совсем не исключено, что эти татарские войска были обеспечены при посредничестве болгар. Упомянутые выше татары Кутлу-буга и «принцеса» Димитра, являлись не только самым близким в географическом аспекте, но и самым подходящим в конкретном случае «кипчакским» союзником христианской коалиции. Собственно, в данном случае вряд ли единственное объяснение кроется в религиозной принадлежности – дело в том, что татары, христиане или мусульмане, являлись давними заклятыми противниками турок, и, вполне естественно, опасались стремительного нарастания их могущества на Балканах. В целом, это опять наводит нас на владения Димитра, Кутлу-Буги, их «братьев» и наследников (Павлов, Владимиров, 2009, 128–129; Гюзелев, 1981; Павлов, 1996, 79–88.).

Один из загадочных контактов между Болгарией и татарами связан с грандиозным собором католической церкви в немецком городе Констанц в 1414–1418 г. В целях достижения

** В последний раз имя «Котлубуга» встречается в грамоте Тохтомыша 20 мая 1393 г., где он упоминается в качестве посла у польского короля Владислава. Однако здесь речь идет о времени, имевшее место десять лет раньше, когда хан только что вступил во власть. (Грамоти XIV ст. Київ, 1974, с. 112–113). Поэтому остается неясным был ли в 1393 г. Кутлубуга еще жив.

единства среди европейских христиан, в Соборе приняли участие видные восточные представители и делегации. Среди них был и выдающийся духовный лидер, болгарин Григорий Цамблак, в те годы митрополит Киева и Литвы. Особенно интригующей, однако, является информация Ульриха Ригентала – летописца Собора. В его работе опубликованы и гербы участников, два из которых непосредственно связаны с этой темой. Первый представляет собой щит с тремя львами и надпись «Kaysar von Bulgarien», на втором изображен лев, стоящий на задних лапах и надпись «Rex Chaldeoorum». Пояснительный текст под щитами гласит: *«Император Болгарии, при котором должен быть также один представитель Орды, которой обладает властью над Королевством халдейцев»* (Павлов, Владимиров, 2009, 128–129). Этим «кайзером» Болгарии, вероятно, являлся владетель Видина – Константин Асен II (1397–1422), сын Ивана Срацимира. В последнее время пробивает себе дорогу гипотеза, что Видинское царство, хотя и при статусе утяжеленного вассалитета, продолжало существовать вероятнее всего до 1422 г. (Павлов, Тютюнджиев, 1995а). Упомянутое татарское «каралевство» может быть связано со все еще существующим улусом Кутлу-буга и Димитрия, во главе с их наследником. Удивительно, что христианский татарский представитель не являлся членом делегации княжества Молдовы, которому в то время принадлежали территории между Днестром и Дунаем. По всей видимости, прав Н. Руссев в своем утверждении, что эти татары имели автономию и осуществляли контакты с другими странами (с Болгарией, Венгрией и с другими странами) Включение представителя татар в болгарскую делегацию отражает их прочные связи с Болгарией – тема, которая, безусловно, должна быть изучена и осмыслена (Руссев, 1997, 157).

Литература

- Апостолов, 2006; Апостолов К. Проучване на средновековния некропол край гр. Омуртаг // АОР за 2005 г. София, 2006.
- Ангелова, 1988; Ангелова С. Археологическо проучване на Дръстър // Дуросторум – Дръстър – Силистра. Силистра, 1988.
- Атанасов, 1992; Атанасов Г. Поглед към добруджанския дунавски бряг от XI до XV в. // Исторически преглед /ИПр./, 1992, № 8.
- Атанасов, Йорданов, 1993; Атанасов Г., Йорданов И. Средновековният Ветрен на Дунав. Шумен, 1993.
- Атанасов, 1993; Атанасов Г. Отново за локализацията на средновековния град Вичина // ИПр., 3, 1993.
- Атанасов, 1999; Атанасов Г. Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скиптри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999.
- Атанасов, 2001; Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през Средновековието. Изследвания п чест на чл. кор. професор Страшимир Димитров // Studia balkanica, 23. Sofia, 2001.
- Атанасов, 2007; Атанасов Г. Християнският Дуросторум-Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието. История, археология, култура, изкуство. Варна-Велико Търново, 2007, с. 188, табл. XLVIII-LIII.
- Атанасов, Павлова-Бъчварова, 2008; Атанасов Г., Павлова-Бъчварова Цв. Взгляд на дельту Дуная XIV в. // Дунав–Днестър. Годишник на Тараклийски държавен университет, 2, 2008.
- Атанасов, 2009; Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Към историческата, църковната, икономическата и културната история на Добруджа през XIV в. Варна, 2009.
- Бартольд, 1968; Бартольд В.В. Сочинения, т. 5. М., 1968 (текст от 1908 г. в «Энциклопедия ислама», т. 1, с. 710 по Лейденскому изданию).
- Биярски, 1992; Биярски Ив. Деспот Йоан Тертер (40-те – 90-те години на XIV столетие) // Исторически преглед, 10, 1992.
- Благојевић, 1989; Благојевић М. Србија у доба Неманџипа. Београд, 1989.
- Божилев, Гюзелев, 2004; Божилев Ив., Гюзелев В. История на Добруджа, 2. Средновековие. Велико Търново, 2004, с. 201.
- Веселовский, 1916; Веселовский Н.И. Заметки по истории Золотой Орды. Петроград, 1916.

- Веселовский**, 1922; **Веселовский Н.И.** Хан из темников «Золотой орды». Ногай и его время. Петроград, 1922.
- Грамоти, 1974; Грамоти XIV ст. Київ, 1974.
- Герасимов**, 1946; **Герасимов Т.** Колективни находки // ИАИ, 15, 1946.
- Герасимов**, 1963; **Герасимов Т.** Съкровища и монети, намерени през 1960–1961 г. // ИАИ, 26, 1963.
- Герасимов**, 1965; **Герасимов Т.** Монети на Георги Тертер с полумесец, звезда и бюст на човек // ИАИ, 28, 1965
- Герасимов**, 1972; **Герасимов Т.** Съкровище от перпери на Йоан III Батаци // Известия на Народния музей. Шумен, 6, 1972.
- Греков, Якубовский**, 1950; **Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.** Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
- Гумилев**, 2008; **Гумилев Л.Н.** От Руси к России. Очерк этнической истории. М.: Эксмо, 2008.
- Гюзелев**, 1995; **Гюзелев В.** Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII – начало на XV век). София, 1995.
- ГИБИ, 1980; Гръцки извори за българската история, т. 10. София, 1980.
- ГИБИ, 1983; Гръцки извори за българската история, т. XI. София, 1983.
- Джонова** 1979; **Джонова Д.** Археологически паметници от Плевенски окръг. София, 1979.
- Дочев**, 1985; **Дочев К.** За някои типове латински имитативни монети // Нумизматика, 1985, № 4.
- Добролюбский**, 1982; **Добролюбский А.О.** Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в Златоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.
- Добролюбский**, 1982; **Добролюбский А.О.** Кочевники в Северо-Западном Причерноморье в эпоху средневековья. Киев, 1986.
- Дочев**, 1992; **Дочев К.** Монети и монетно обращение в Търново (XII–XIV в.). Велико Търново, 1992.
- Дочев, Аспарухов**, 1991; **Дочев К., Аспарухов М.** Две колективни находки с корубести билонимонети от Плевенския музей // Известия на музеите в Северозападна България, 16, 1991.
- Дремсизова-Нелчинова, Антонова**, 1975; **Дремсизова-Нелчинова Ц., Антонова В.** Каталог на археологическите паметници от Шуменски окръг. София, 1975.
- Егоров**, 1985; **Егоров В.Л.** Историческая география Золотой Орды. М., 1985.
- Златарски**, 1940; **Златарски В.** История на българската държава през средните векове, т. 3. София, 1940.
- Ишенко**, 1989; **Ишенко С.А.** Войска и военное дело у крымских татар // Северное Причерноморье и Поволжье (XII–XVI вв.). Ростов-на-Дону, 1989.
- Историја српског народа, 1981; Историја српског народа, т. 1. Београд, 1981.
- Йорданов**, 1980; **Йорданов И.** Ранни форми на монетно производство (XI–XII в.) в българските земи // Нумизматика, 2, 1980.
- Йорданов**, 1984; **Йорданов И.** Монети и монетно обращение в средновековна България (1081–1261). София, 1984.
- Ковачевић**, 1953; **Ковачевић Ј.** Средновековна ношња балканских словена. Београд, 1953.
- Коледаров**, 1989; **Коледаров П.** Политическа география на средновековна България, т. 2 (1186–1396). София, 1989.
- Коновалова, Перхавко**, 2000; **Коновалова И.Г., Перхавко В.Б.** Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000.
- Кузев А.** Владял ли е Теодор Светослав Маврокастро? // ГСУ ЦСВПИД, 1. София, 1987.
- Лазаров, Тютюнджиев, Павлов**, 1993; **Лазаров И., Тютюнджиев И., Павлов Пл.** Документи за политическата история на средновековна България, XII–XIV в. Велико Търново, 1993.
- ЛИБИ, 1981; Латински извори за българската история, т. 4. София, 1981.
- ЛИБИ, 1987; Латински извори за българската история, т. 4. София, 1987.
- Ледерер**, 1953; **Ледерер Э.** Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи // Acta Historica, I, 5. Budapest, 1953.

Маргос 1969; **Маргос А.** За новооткрития старобългарски надпис от Шуменската крепост // Археология, 1969, № 1.

Материали за картата ...1995; Материали за картата на средновековната българска държава // Плиска-Преслав, 7, 1995.

Мыц, 2001–2002; **Мыц В.Л.** В плену историографических иллюзий // Stratum plus. № 6. 2001–2002.

Нешри, 1984; **Нешри М.** Огледало на света. История на османския двор. София, 1984.

Ников, 1921; **Ников П.** Татаро-български отношения в средните векове с оглед царуването на Смилеца // Годишник на Соф. университет. Историко-философски факултет, 1921, т. 15–16.

Ников, 1929; **Ников П.** Татари и българи в средните векове // Българска историческа библиотека, 1929, №2.

«Описание Восточной Европы» 1308 г., 1981; **Коновалова И.Г.** «Описание Восточной Европы» 1308 г. как источник по истории Карпато-Дунайских земель // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. М., 1981.

Оссон, 1927; **Оссон Д.К.** История монголов (от Чингиз-хана до Тамерлана), т. 1. Иркутск, 1927.

Острогорски, 1998; **Острогорски Г.** История на византийската държава. София, 1998.

Павлов, 1989; **Павлов П.** България, «Златната орда» и куманите (1242 – около 1274) // Векове, 2, 1989.

Павлов, 1992; **Павлов П.** Бележки по въпроса за българското етническо присъствие в междуречието на Дунав и Днестър през XII–XV в. // Българите в Северното Причерноморие, 1, 1992.

Павлов, 1995; **Павлов П.** Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270 –1302 г.) // Българите в Северното Причерноморие, 3, 1995.

Павлов, Тютюнджиев, 1995а; **Павлов П., Тютюнджиев Ив.** Българите и османското завоевание (края на XIII – средата на XIV в.). Велико Търново, 1995.

Павлов, 1997; **Павлов П.** България и походите на «Златната орда» срещу Византия през XIII–XIV в. (С оглед на политическите събития в Северното Черноморие и Българския Североизток) // Българите в Северното Причерноморие, 6, 1997.

Павлов, Владимиров, 2009, **Павлов Пл., Владимиров Г.** Златната Орда и българите. София, 2009.

Параска, 1981; **Параска П.Ф.** Внешнеполитическите условия образования молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.

Пашуто, 1970; **Пашуто В.Т.** Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Пенчев, 1986; **Пенчев В.** Колективна находка от медни монети (XIII в.) от Силистра // Нумизматика, 2, 1986.

Пенчев, 1987; **Пенчев В.** Към историята на Дръстър през XIII в. // Нумизматика, 2, 1986; 2, 1987.

Петров, Гюзелев, 1978; **Петров П., Гюзелев В.** Христоматия по история на България, т. 2. София, 1978.

Полевой, 1979; **Полевой Л.Л.** Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV веков. Кишинев, 1979.

Ранносредновековното селище при Стърмен, 1985; Ранносредновековното селище при Стърмен (Разкопки и проучвания, т. 7). София, 1985.

Русев 1991; **Русев Н.Д.** Городские центры Днестровско-дунайской земли и Золотая орда // Молдавский феодализм. Общее и особенное. Кишинев, 1991.

Русев 1997; **Русев Н.Д.** Българите и татарите от «Златната орда» на Долния Дунав (втората половина на XIV – първата половина на XV в.) // Българите в Северното Причерноморие, 6, 1997.

Русев 1999; **Русев Н.Д.** Болгарско-молдавские контакты на Нижнем Дунае (вторая половина XIV в.) // Relațiile Moldo-bulgarie în epoca medie și moderna. Chișinău, 1998.

Русев 1999; **Русев Н.Д.** На грани миров и эпох. Кишинев, 1999.

Русев, 1999а; **Русев Н.Д.** Молдавия в «темные века»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // Stratum plus. № 5. 1999.

Тизенгаузен, 1884; **Тизенгаузен В.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. Санкт Петербург, 1884.

Тизенгаузен, 1941; **Тизенгаузен В.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 2. М.-Л., 1941.

Татаро-монголы в Азии и Европе, 1970; Татаро-монголы в Азии и Европе (Сб. статей). М., 1970.

Тодорова, 1981; **Тодорова Е.** Вичина // Български средновековни градове и крепости. I. Варна, 1981.

Тодорова, 1981a; **Тодорова Е.** Ликостомо // Български средновековни градове и крепости. I. Варна, 1981.

Тодорова, 1981b; **Тодорова Е.** Килия // Български средновековни градове и крепости. I. Варна, 1981.

Тъпкова-Заимова, 1958; **Тъпкова-Заимова В.** Към въпроса за военните пътища през Първото българско царство // Исторически преглед, 2, 1958.

Тъпкова-Заимова, 1976; **Тъпкова-Заимова В.** Долни Дунав – гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните български земи в края на X–XII в. София, 1976.

Федоров-Давыдов, 1966; **Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Федоров-Давыдов, 1968; **Федоров-Давыдов Г.А.** Курганы, идолы, монеты. М., 1968.

Федоров-Давыдов, 1973; **Федоров-Давыдов Г.А.** Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Черимшевский, 1989; **Черимшевский Д.В.** «Приидоша бесчисленн яко пружи...» // Вопросы истории, 1989.

Шабульдо, 1987; **Шабульдо Ф.М.** Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987.

Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестины, 1984; Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестины. Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984.

Янина 1977; **Янина С.А.** «Новый город» (=Янги-шехр = шехр ал-Джедид) – монетный двор Золотой Орды и его местонахождение // Труды Государственного исторического музея. Вып. 49. М., 1977.

Atanasov, 1994; **Atanasov G.** La Vicina medievale et la forteresse de Nufaru // EB, 1, 1994.

Atanasov, Pavlov, 1995; **Atanasov G., Pavlov Pl.** Sur l'itneraire de l'armée tartare a traverse de la Bulgaria du Nord et Dobrudja en 1242. Dobrudja, 12, 1995.

Balard, 1975; **Balard M.** Lee Génois dans l'ouest de la Mer Noir // Actes du XIV-e congrès international des etudes btzantines, II. Bucarest, 1975.

Balard, 1979; **Balard M.** Notes sur les Ports du Bas-Danube au XIV-e siècle // SOF, I, 1979.

Baraschi, 1991; **Baraschi S.** Unele probleme depre Proslavița // Peuce, X (1), 1991.

Barnea, 1981; **Barnea I.** Christian Art in Romania, 2. Bucureast, 1981.

Barnea, 1984; **Barnea I.** Sapturile de salvare de la Noviodunum // Peuce, № 9, 1984.

Bratianu, 1926; **Brătianu G.** Les bulgarea a Cetatea Albă (Akkerman) au début du XIV siècle // Byzantion, 2, 1926.

Bratianu, 1935; **Bratianu G.** Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Bucdrest, 1935.

Bratianu, 1965; **Bratianu G.** Demetrius princes Tartarorum (ca. 1360–1380) // Revue des etudes roumaines, IX–X, 1965.

Vasiliu, Mănuclu-Adameștesnu, 1984; **Vasiliu I., Mănuclu-Adameștesnu G.** Considerații finale asupra locuirii feudel-timpurie de Aegyssus-Tulcea // Peuce, IX, 1984.

Cachen, 1924; **Cachen G.** Les Mongols ddans la Balkans // Revue Histoire, 1924, № 145.

Ciobanu, 1977; **Ciobanu R.** Evoluția rolul și însemenătatea mitropoliei Vicina // Peuce, 6, 1977.

Decei, 1973; **Decei A.** L'invasion de tatars de 1241–1242 dansnos regions selon la Djami'ot-Tevarikh de Fäzil ol-lah Răšid od-Din // RRH, XII, 1, 1973.

D'Osson, 1834; **D'Osson C.** Histoire des Mongols depuis Tscingischän jusqu'a Timur-beg ou Tamerlan. T. 1–4. Amsterdam, 1834.

Hendy, 1969; **Hendy M.** Coinage and Money in Byzantine Empire (1081–1261). Waschington, 1969.

Géfgraphie d'Abulféda, 1848; Gégraphie d'Abulféda, traduite d'arabe en française par M. Reinaut, II. Paris, 1848.

Georgius Pachymeres. De Michaele et Andronico Palaeologis libri tredecim. Ed. I. Beccer, Bonn, 1835.

Giorescu, 1959; **Giorescu C.** Inemeierea mitropoliei Ungrovlahiei // Ortodoxă Romană, LXXVII, 1959.

Diaconu, 1976; **Diaconu P.** Păciul lui Soare – Vicina // Byzantina, 80, 1976.

Diaconu, 1978; **Diaconu P.** O formațiune statală la Dunărea de Jos la sfârșitul secolului XIV-lea, neconoscută în prezent // SCIVA, 2, 1978.

Diaconu, 1979; **Diaconu P.** Les petchénegues au Bas Danube. Bucarest, 1979.

Diaconu, 1980; **Diaconu P.** Contribuție la cunoașterea monedelor lui Ioan Terter, despotul țării Dristrei // Cercatari numismatice Muzeul National de Istorie, 3, 1980.

Documente privind istoriei României, 1953; Documente privind istoriei României. B. Țara Românească (1274–1500). București, 1953.

Documenta Romaniae Historica, 1977; Documenta Romaniae Historica. Relații între țările române. Vol. I (1222–1456). București, 1977.

Ilieescu, 1977; **Ilieescu O.** Nouvelles éditions d'actes notaries instruments au XIV siècle dans les colonies génoises des bouches du Danube // RESEE, XV, 1, 1977.

Iosipescu, 1985; **Iosipescu S.** Balica, Dobrotiă, Ioancu. Bucurști, 1985.

Jordanov, 1980; **Jordanov I.** Une trouvaille collectif de monnaies du Moyen age (XIII-e s.) // Byzantinobulgarica, 6, 1980.

Laurent, 1927; **Laurent V.** Les signataires du second concile de Blakhernes (été 1285) // Échos d'Orient, XXVI, 1927.

Laurent, 1939; **Laurent V.** Un évêché fantôme ou la Bitzina taurique // Échos d'Orient, 33, 1939.

Laurent, 1945; **Laurent V.** La domination byzantine aou bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue // RESEE, 22, 1945.

Magyarország története cronológiasa, 1983; Magyarország története cronológiasa, T. 1. Budapest, 1983.

Mănușcu-Adameștesnu, 1980a; **Mănușcu-Adameștesnu G.** Urme de locuire din perioada seudaltimourie la Troesmis // Peuce, VIII, 1980.

Mănușcu-Adameștesnu, 1980; **Mănușcu-Adameștesnu G.** Monede antice și bizantine descoperite la Troesmis // Peuce, VIII, 1980.

Mănușcu-Adameștesnu, 1987; **Mănușcu-Adameșteanu G.** Noi descoperiri arheologice la Isaccea // SCIVA, 3, 1987.

Margos, 1965; **Margos A.** Deux sources arméniennes du XIII-e siècle concernant certaines événements historiques du Second Empire Bulgare // EB, 2–3, 1965.

Năsturel, 1972; **Năsturel P.** Les fastes épiscopaux de la métropole de Vicina // Byzantinisch-Nrurgriechische Jahrbücher, 21, 1971, Athen, 1972.

Nicephori Gregorae, 1929; **Nicephori Gregorae.** Byzantina historia. Ed. L. Schopen, I. Bonn, 1829 (= ГИБИ, 1983).

Nicolae, 1997; **Nicolae E.** Quelques considerations sur les monnaies tatares de «la Ville Neuve» (Yangi-şehr / Şehr al-cedid) // Studii și cercetări de numismatică. Vol. XI (1995). București, 1997.

Nicolae, 2003; **Nicolae E.** Monedele de cupru bătute în Orașul Nou (Şehr al-cedid). – Simpozion de numismatică – 2002. București, 2003.

Oberländer-Târnoveanu, 1981; **Oberländer-Târnoveanu E. și I.** Contribuții la studiul emisiunilor monetare și al formațiunilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // SCIVA, 32, 1, 1981.

Oberländer-Târnoveanu, 1988; **Oberländer-Târnoveanu E.** Quelques remarques sur les émissions monétaires médiévales de la Dobroudja méridionale aux XIV-e – XV-e siècles // Revue Roumaine d'Histoire, 27, 1988.

Oberländer-Târnoveanu, 1989; **Oberländer-Târnoveanu E. și I.** Noi descoperiri de monede emise în zona gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // Studii și cercetări de numismatică, IX, 1989.

Oberländer-Târnoveanu, 1995/96; **Oberländer-Târnoveanu E.** Byzantino-Tartarica. Le monnayage dans la zone des bouches du Danube à la fin du XIII-e siècle // Il Mar Nero, II, 1995/96.

Papacostea, 1993; **Papacostea Ș.** Românii în secolul al XIII-lea – Întra cruciată și Imperiul mongol. Bucarest, 1993.

Papacostea, 2006; **Papacostea Ș.** La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204–1453. București, 2006.

Previale, 1942; **Previale L.** Un Panegirico inedito per Michele VIII Paleologo // BZ, 42, 1942.

Sacerdoteanu, 1933; **Sacerdoteanu A.** Marea invazia tatara Sud-Estu European. București, 1933.

Ștefan, Barnea, Comșa, Comșa, 1967; G. Ștefan, I. Barnea, M. Comșa, E. Comșa. Dinogeția. I. București, 1967.

Spinei, 1992; **Spinei V.** Moldova în secolele XI–XIV. București, 1992.

Spuler, 1943; **Spuler B.** Die Goldene Horde. Leipzig, 1943.

Spuler, 1961; **Spuler B.** Les Mongols dans l'histoire. Paris, 1961.

Styrmen nad Jantra (Bulgaria). Wrocław, Warszawa, Gdansk, 1980.

Средновековният Червен, 1985; Средновековният Червен, т. 1. София, 1985.

Teodorescu, 1974; **Teodorescu R.** Byzanț, Balkani, Occident la inceputurile culture medievale Românești (secolele X–XIV). București, 1974.

Teodorescu, 1980; **Teodorescu R.** Roumanais et Byzance provinciale dans la civilisation du Bas Danube au XIIIe siècle // NEH, 1, 1980.

Vázáry, 2005; **Vázáry I.** Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Otomans balkans 1185–1365. Cambridge, 2005.

УГОРСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШЬЯ (СООРУЖЕНИЯ, ВЕЩИ, ЖЕРТВЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ)

В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.С. Онищенко

*Институт экологии человека СО РАН, г. Кемерово
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово*

В западносибирской средневековой археологии проблема выделения и классификации святилищ и жертвенных мест является составляющей более общей темы по идеологии и мировоззрению населения этого региона, и во многом определяется уровнем разработки этой проблематики (Ширин, 1993. С. 152–162; 1997. С. 217–223). В то же время в связи с немногочисленностью данных по культовым сооружениям остаются актуальными все вопросы, касающиеся их источниковедческого статуса и различного рода интерпретаций, включая их культурную и этническую принадлежность. Этническая идентификация верхнеобской археологической культуры остается не решенной, что связано с широким кругом решения вопросов относительно палеоэтнографических и этнографических различий культур угров и самодийцев юга Западной Сибири (Молодин, 1995. С. 20, 25).

В связи с открытием в составе западносибирских средневековых курганных кладбищ IX–XIV вв. (Ваганово I, Калтышино I – Кузнецкая котловина, Высокий Борок и Ельцовский I – Новосибирское Приобье, Сопка–2 – Бараба) синхронных жертвенных мест и культовых сооружений возможности выявления этнокультурной дифференциации таких объектов и их генезиса в границах смежных археологических культур значительно повышаются. В отношении таких культовых сооружений наиболее приемлем ретроспективный подход для их сравнительно-типологического и функционального анализа по трём группам признаков: сооружениям, вещам и жертвенным животным.

В погребальном обряде населения верхнеобского культурного ареала конца I тыс. н.э. (Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкая котловина) выявлены и зафиксированы многочисленные и разнообразные следы послепохоронных ритуалов, значительная часть которых представлена останками скелетов животных. Однако эта составная часть археологических источников еще не нашла должной и качественной оценки в научной литературе. Вопросы, связанные с обоснованием критериев для выделения жертвенных комплексов, в зависимости от состава и характера костных останков животных, на массовых материалах из средневековых курганных могильников юга Западной Сибири еще не изучались специально в полном объеме. Остается также неизвестной и семантика подобного рода послепохоронных ритуалов, кроме догадок и предположений об их назначении и смысле (Беликова, Плетнева, 1983. С. 108–114; Могильников, 1987. С. 222–223; Чиндина, 1991. С. 32–38; Троицкая, Новиков, 1998. С. 24, 75–77; Васютин, Онищенко, 2002. С. 269–272; 2004. С. 313–316). Проблема выделения жертвенных мест и святилищ на площади верхнеобских курганных могильников и их места в структуре погребальной обрядности остается пока только обозначенной в западносибирской средневековой археологии. Для ее разработки очевидна необходимость привлечения анализа остеологических коллекций из средневековых могильников, святилищ и жертвенных мест, что уже было частично реализовано на сибирских материалах (Коников, 1993. С. 196–200).

В то же время состав и структура категорий вещевых находок из культовых сооружений и жертвенных мест совпадает с составом и структурой сопроводительного инвентаря погребений. Именно такая ситуация уже была выявлена в отношении групп инвентаря из святилищ рёлкинской культуры Среднего Приобья. На материалах этой культуры Л.А. Чиндиной впервые четко была выявлена тенденция группового и типологического соответствия инвентаря святилищ, скоплений вещей в насыпях курганов и инвентаря сопроводительных погребений. Такая перекрестная сопоставимость находок послужила фактической основой для чрезвычайно продуктивной в методическом и историческом аспектах версии об использова-

нии территории раннесредневековых могильников при проведении определенных обрядов в качестве святилищ (Чиндина, 1991. С. 36, 37).

Под святилищами в узком смысле мы понимаем собственно культовые сооружения со специфическим набором инвентаря. Такие культовые сооружения перекрывались курганными насыпями и практически неотличимы по своим внешним признакам от синхронных и однокультурных курганов (рис. 1), сооруженных над погребениями. По условиям своего местонахождения можно выделить две разновидности таких объектов. В первом случае культовые сооружения размещались под автономными курганными насыпями (Ваганово I, курган 2; Сопка 2, культовые комплексы №№ 5, 6) в отличие от тех культовых объектов, которые располагались на подкурганных площадках вместе с погребениями, но выше уровня последних (Высокий Борок, курган 13; Сопка 2, погребение № 668). В отдельных случаях, когда границы культовых сооружений выходили за пределы насыпей курганов, они могли быть впускными (Высокий Борок, курган 12, сооружение 1 и Ельцовский 1, курган 14, сооружение 1) (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990. С. 178, рис. 110, 111; Адамов, 2000. Рис. 45; 78; 94).

Конструктивно такие культовые сооружения также однотипны, представляя собой четырехугольные ограждения из бревен или досок, остатки таких объектов зафиксированы в обугленном состоянии повсеместно. Внутреннее пространство таких ограждающих конструкций заполнены обугленными остатками бревен, жердей, досок и бересты. В частности, вся площадь вагановской ограды в кургане № 2 была перекрыта берестяным полотнищем, в том числе и бревенчатые стенки сооружения, дно которого также было выстелено прокопченной берестой. Все культовые объекты на площади могильников из Кузнецкой котловины, Новосибирского Приобья и Барабы по завершению функционирования были частично сожжены, причем земляные насыпи курганов возводились над ними в процессе горения. Этот факт получен на основе наблюдений за состоянием остатков деревянных сооружений с сохранившейся обугленной и сильно прокопченной берестой. Так, рядом с юго-западным углом вагановской ограды, полностью уничтоженным огнем, был зафиксирован мощный прокол от кострища, его наличие не только свидетельство выше указанного заключительного акта функционирования святилищ, но и причина столь «плачевного» состояния этой части сооружения. В результате рассматриваемая деревянная ограждающая конструкция прогорела неравномерно, наиболее сильно в юго-западном углу, по соседству с кострищем, частично огнем была даже захвачена внутренняя площадь ограды, примыкающая к юго-западному углу, находящиеся здесь остатки берестяного полотнища и вещи, оказались перекрытыми линзой прокала (рис. 2).

Вопрос о внешнем виде и конструкциях таких ограждающих культовых сооружений остается открытым, т.к. неизвестны такие конструктивные детали как «вязки» углов, наличие или отсутствие перекрытий, характер и внешний вид самих построек. К сожалению, более полных данных для достоверной реконструкции этого культового объекта мы не имеем. Этот вывод применим и для остальных сооружений подобного рода. Вопрос о классификации таких культовых сооружений с ориентацией на аналогичные данные этнографии по сибирским народам пока преждевременен. Многие известные в сибирской этнографии типы святилищ практически невозможно «уловить» археологическими методами (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990. С. 178), но это не исключает возможности выявления и сопоставления культовых археологических объектов по конструктивным признакам. В этой связи, представляет историографический интерес сравнение сrostкинских культовых сооружений Новосибирского Приобья не только с барабинскими четырехугольными срубами Сопки 2, но и с древнетюркскими каменными оградками (Адамов, 2000. С. 24–26), несмотря на то что неправомочность последней процедуры очевидна. Такая ситуация с исследованием культовых объектов на площади средневековых могильников не исключает возможности их обнаружения при целенаправленном подходе и соответствующей методики раскопок, особенно это касается культовых сооружений типологически сопоставимых с этнографическими избушками-амбарчиками, миниатюрными чумами или свайными помостами, которые могли зарываться в грунт (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990. С. 182). Это предположение не столь уж невероятно, в таком состоянии находилась вагановская ограда, установленная внутри специально подго-

товленного в погребенной почве котлована и культовые сооружения в могильниках Высокий Борок и Ельцовский 1 из Новосибирского Приобья (Адамов, 2000. С. 25, рис. 78; 94).

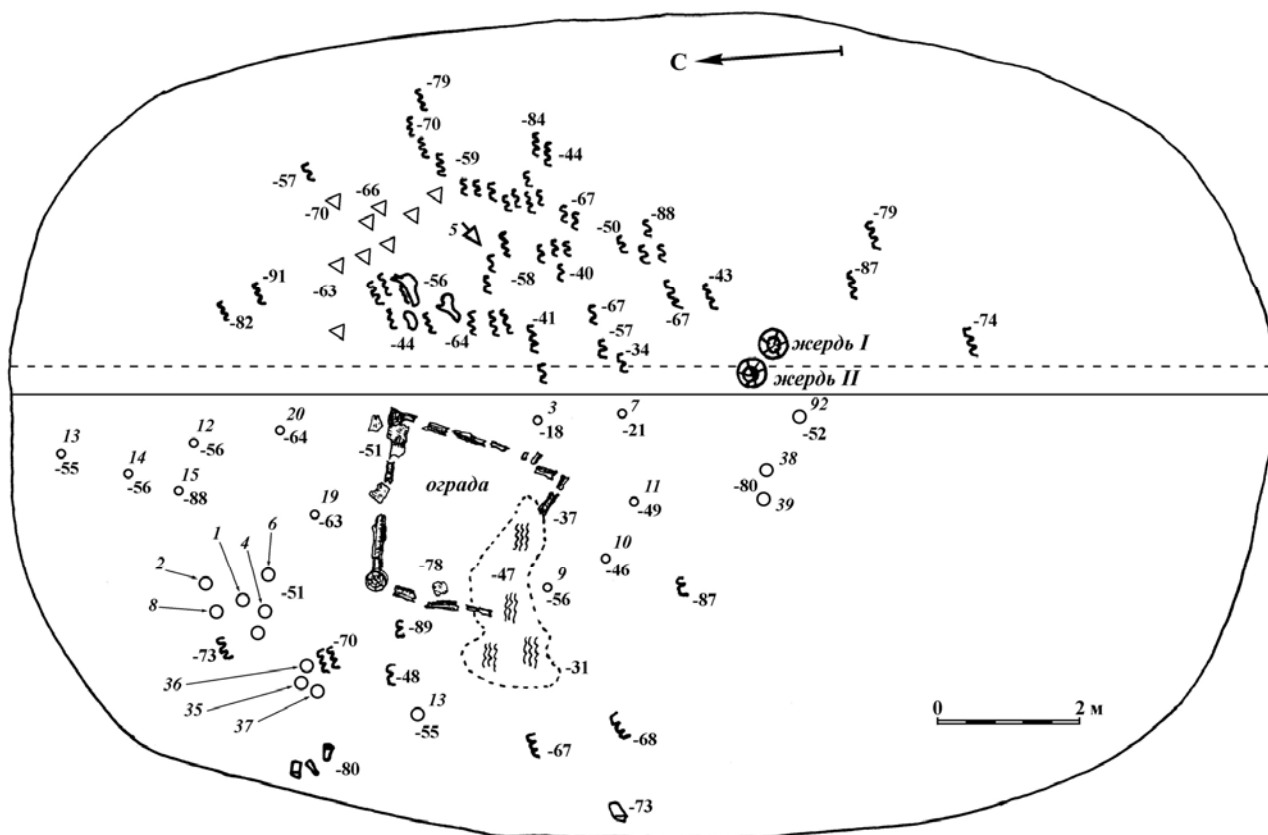

Рис. 1. Ваганово I. Общий план кургана 2, ограды-святилища и жертвенного комплекса.

Инвентарь жертвенного комплекса: №№ 3 (-70), 4 (-76) – бронзовая миниатюрная бляшка-полулунница с сердцевидной прорезью и фрагмент пластинчатого щитка; № 5 (-58) – железные наконечники стрел в вертикальном положении; № 6 (-73) – бронзовый перстень с овальным щитком; №№ 7(-21), 12 (-51) – фрагмент бронзовых пластинчатых изделий; № 8 (-71) – фрагмент полосы железного клинка ножа; № 10 (-48) – фрагмент железного кольца; №№ 1 (-72), 2 (-51), 9 (-56), 13 (-55), 14 (-50), 19 (-63), 20 (-64), 32 (-85), 33 (-83), 38 (-80), 39 (-79) – фрагменты неопределимых железных изделий; фрагменты тризновой керамической посуды: -73, -65, -70, скопление керамики 1 (-66).

Совершенно иначе обстоит дело с так называемыми жертвенными местами и комплексами, выделенными как на площади могильников Верхнего и Среднего Приобья, так и в виде отдельных «кладов» (Беликова, Плетнева, 1983. С. 109–111; Плотников, 1985. С. 122–131; Чиндина, 1991. С. 109–110; Конилов, 1993. С. 117–120; Ширин, 1993. С. 153–157; Беликова, 1996. С. 114–116; Плетнева, 1997. С. 75–76; Плетнева, 1990. С. 79; Троицкая, Новиков, 1998. С. 23). Жертвенные места – это планиграфически выделенные площадки с остатками жертвоприношений. Специфика рассматриваемых жертвенных мест определяется не столько вещевыми комплексами и их структурой, а тем, что подавляющую часть этих находок составляют кости животных. Остеологический материал состоит преимущественно из фрагментов и целых черепов лошадей, и фрагментов посткраниального скелета (позвонки, дистальные элементы конечностей), встречаются также скелеты или их фрагменты от других видов млекопитающих и птиц (Васютин, Онищенко, 2002б. С. 286–290). Это повсеместно наблюдаемая картина еще не нашла своей должной оценки в научной литературе и во многом не подкреплена данными естественно-научного анализа. Как известно, качественный и количественный состав жертвенных животных определяется назначением жертвоприношений, природной средой и этническим окружением (Косинцев, 1999. С. 233–234; Косинцев, Юрин, 2003. С. 71). Именно это остается пока не ясным в отношении жертвенных мест и святилищ верхнеобской

и синхронных ей археологических культур юга Западной Сибири. Имеющиеся версии о характере и назначении культовых мест в культурах раннего средневековья Верхней и Средней Оби, отличаются важной особенностью, они дифференцированы и посвящены конкретным культовым обрядам.

По археологическим данным из Нарымского Приобья выделены два типа святилищ, индивидуальные и общественные. Первые связаны, прежде всего, с культом предков и духами покровителями. Второй тип святилищ, в качестве которых могли выступать и могильники, представлял собой общественные места для реализации космогонических и промысловых культов, а также ритуалов связанных с культом оружия и воина-богатыря (Чиндина, 1991. С. 36–37). На могильниках Томского Приобья в насыпях курганов зафиксированы многочисленные следы ритуальных действий «...после предания умершего земле». Это костры с предметами, костями животных и без них, отдельно кости животных. Так в Тимирязевском 1 курганном могильнике кости животных определены в 48 случаях из 22 курганах. Преимущественно это кости лошади, представленные челюстями, зубами и фалангами конечностей. Скопление из 8 челюстей и 1 черепа было выявлено в грунтовой яме в межкурганном пространстве. Рассмотренная ситуация получила весьма противоречивую оценку. Чётко зафиксированные на площади могильников следы послепохоронного ритуала квалифицировались и как обряд жертвоприношения духам, небу и связан с промыслово-охотничьим культом, и как снабжение умершего ездовой лошастью. Последнее соображение в ходе дальнейшего анализа следов послепохоронных ритуалов не подтверждается, т.к. эти ритуалы прямо связываются с обрядом поминовения умерших и посвященным им жертвоприношениям (Беликова, Плетнева, 1981. С. 108–114; Зданович, 2003. С. 47–49). Сходство погребальных обрядов верхнеобской и релкинской культур (АК) в значительной степени обусловлено присутствием в насыпях курганов остатков тризн в виде сажных и зольных пятен, обломков сосудов, скоплений предметов, захоронением собак и конских костей (Троицкая, 1994. С. 222–223). Наконец, в качестве итогового заключения относительно интерпретации следов послепохоронного ритуала в верхнеобских курганах, приведем аргументированное мнение новосибирских археологов о прямой связи таких следов с культом мертвых или культом предков. В рамках этого культа скопление костей лошади (черепов, челюстей, зубов и конечностей) однозначно расцениваются не как останки ездовых животных, а как следы «...жертвоприношений божествам для обеспечения перехода погребенного в мир мертвых» (Троицкая, Новиков, 1998. С. 75–76). Все приведенные мнения являются перспективными для дальнейшей разработки рассматриваемой темы и могут быть подтверждены, скорректированы или опровергнуты соответствующими археологическими фактами и этнографическими данными. Семантические аспекты жертвоприношений животных на святилищах и жертвенных местах в границах курганных некрополей верхнеобской АК находятся еще на предварительной стадии разработки, но сама постановка вопроса является корректной и оправданной историографически. В этой ситуации немаловажным является то, что традиция функционирования святилищ на площади могильников не прерывается с началом нового, II тыс. н.э. на территории Барабы, Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины. В связи с чем, в научной литературе было высказано мнение о возможной связи западносибирских святилищ с древнетюркской культурной традицией, что представляется неправомерным, т.к. прямо игнорируются местные истоки возведения деревянных ограждающих конструкций как в качестве наземных погребальных сооружений, вокруг могил и погребений на древнем горизонте, так и собственно автономных культовых объектов на территории кладбищ. Примером чему является вагановский некрополь, на подкурганых площадках которого, как и на других синхронных курганных могильниках Кузнецкой котловины, помимо ограждающих деревянных построек, выявлены столбовые конструкции, планиграфически связанные с жертвенными местами. Это еще одна важная деталь погребального обряда верхнеобского населения, которая воспроизводится в погребальной обрядности населения юга Западной Сибири начала II тыс. н.э.

Рис. 2. Ваганово I, курган 2. План ограды-святилища и разрез юго-западной стенки с остатками вертикальных столбов по линии А-А.

Предметы вооружения: №№ 22, 28 – железные тульчатые наконечники копий; №№ 23, 24, 34, 40, 41, 49, 71, 76–78, 82, 88, 89 – железные наконечники стрел; № 57 – железный обломок полосы клинка палаша; №№ 63, 65, 67, 68, 88 – скопления и отдельные экземпляры железных панцирных пластин. Сбруйная гарнитура: №№ 31, 50, 58, 72, 80 – бронзовые налобные бляхи-решмы; №№ 45–47, 52 – бронзовые сердцевидные бляхи; №№ 53, 54, 64 – бронзовые геометрические бляхи с прямоугольной прорезью; №№ 35, 56, 75, 85, 90 – бронзовые полуовальные и сегментовидные бляшки с прямоугольной прорезью; №№ 48, 51, 55 – бронзовые колесовидные тройники; № 60 – бронзовые миниатюрные лопастные тройнички-распределители и U-видная накладная бляшка; № 42 – бронзовая геометрическая бляха-оправа с шарнирными петлями и овальной прорезью (частично оплавлена и деформирована под воздействием огня); № 35 – бронзовая бляха-полулунница; №№ 41, 91 – бронзовые наконечники ремней; № 26 – бронзовая рамка пряжки с железным язычком и сломанным щитком, кольцевая обойма. Детали снаряжения верхового коня: №№ 23–25 – железные стремена с пластинчатыми ушками; №№ 16, 21, 27 – роговые подпружные пряжки; № 17 – железные удила и кольчатый псалий. Украшения: №№ 30, 73 – бронзовые бубенчики; № 62 – металлические монеты с отверстиями; № 83 – фрагмент раковины каури.

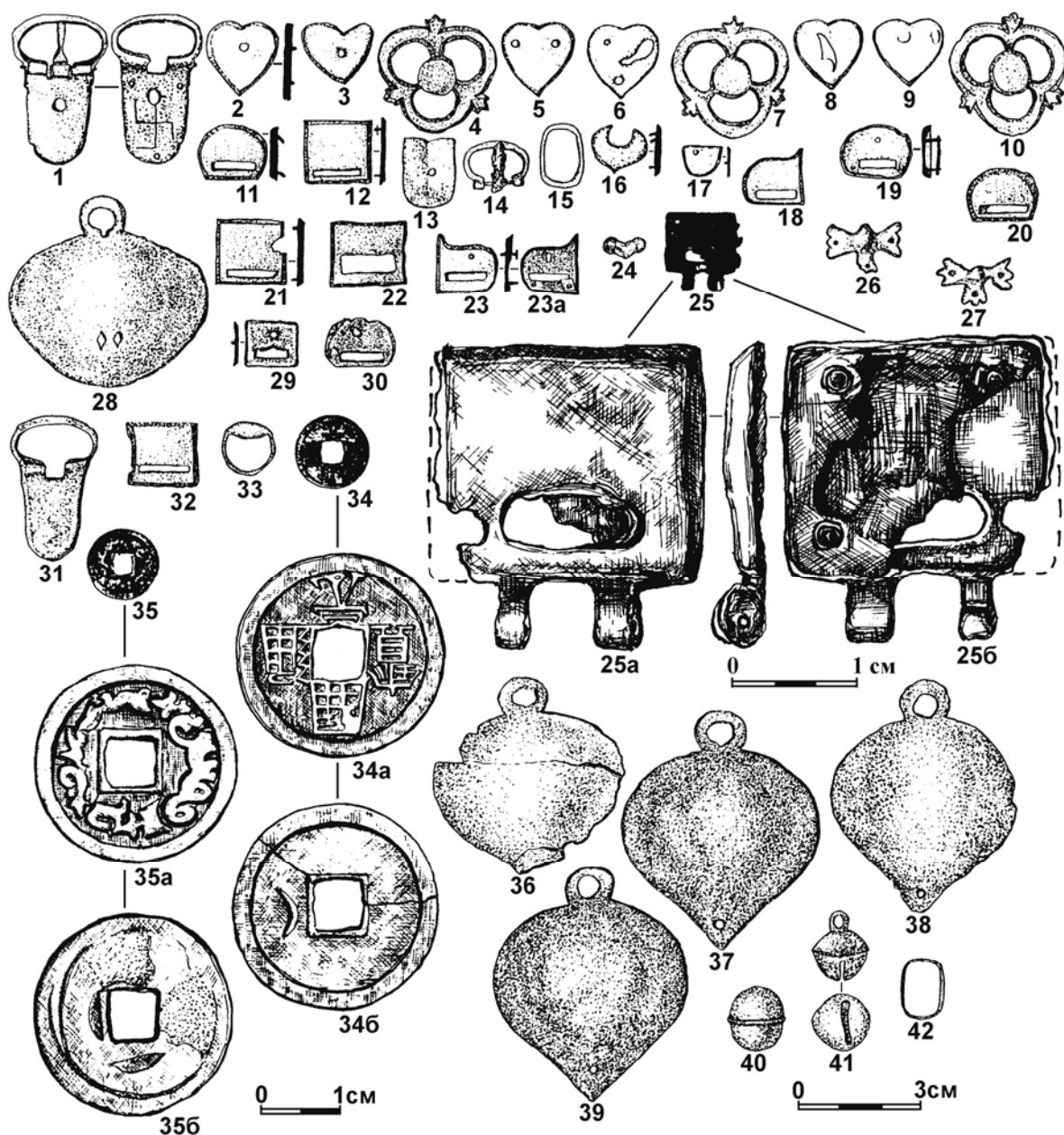

Рис. 3. Ваганово I, курган 2. Жертвенный инвентарь (наре́менная гарнитура и монеты) из ограды-святилища: 1–32, 34, 36–42 – бронза; 33, 35 – белый металл.

Анализ остеологических коллекций из могильников, святилищ и жертвенных мест является необходимой составляющей разработки такой проблематики (Косинцев, 2002. С. 147–151). Соглашаясь в целом с П.С. Косинцевым относительно различий святилищ и жертвенных мест, отметим, что жертвенные места могут быть выделены и в случаях многократных актов жертвоприношений, как это имеет место в курганах верхнеобской культуры из Кузнецкой котловины. В этом случае основным критерием для разделения жертвенных мест и святилищ является наличие культового сооружения. Возможны и сочетания обоих типов таких объектов в пределах площади одного кургана. Согласно П.А. Косинцеву выделяются две разновидности жертвенников. Жертвенные места для одноразовых актов жертвоприношений и собственно святилища, как специализированные места для многократных жертвоприношений. Святилища также определяются по специфическому набору археологических находок и своеобразному по составу и структуре костному материалу. Интерпретация жертвенных мест менее определена, их признаки могут быть следующими: компактное расположение костей

животных одной или нескольких особей, кости могут быть целыми, раздробленными, костный комплекс может представлять полный скелет или его части, кости могут принадлежать одному виду животного (Косинцев, 1999. С. 147; Косинцев, 2002. С. 147–151).

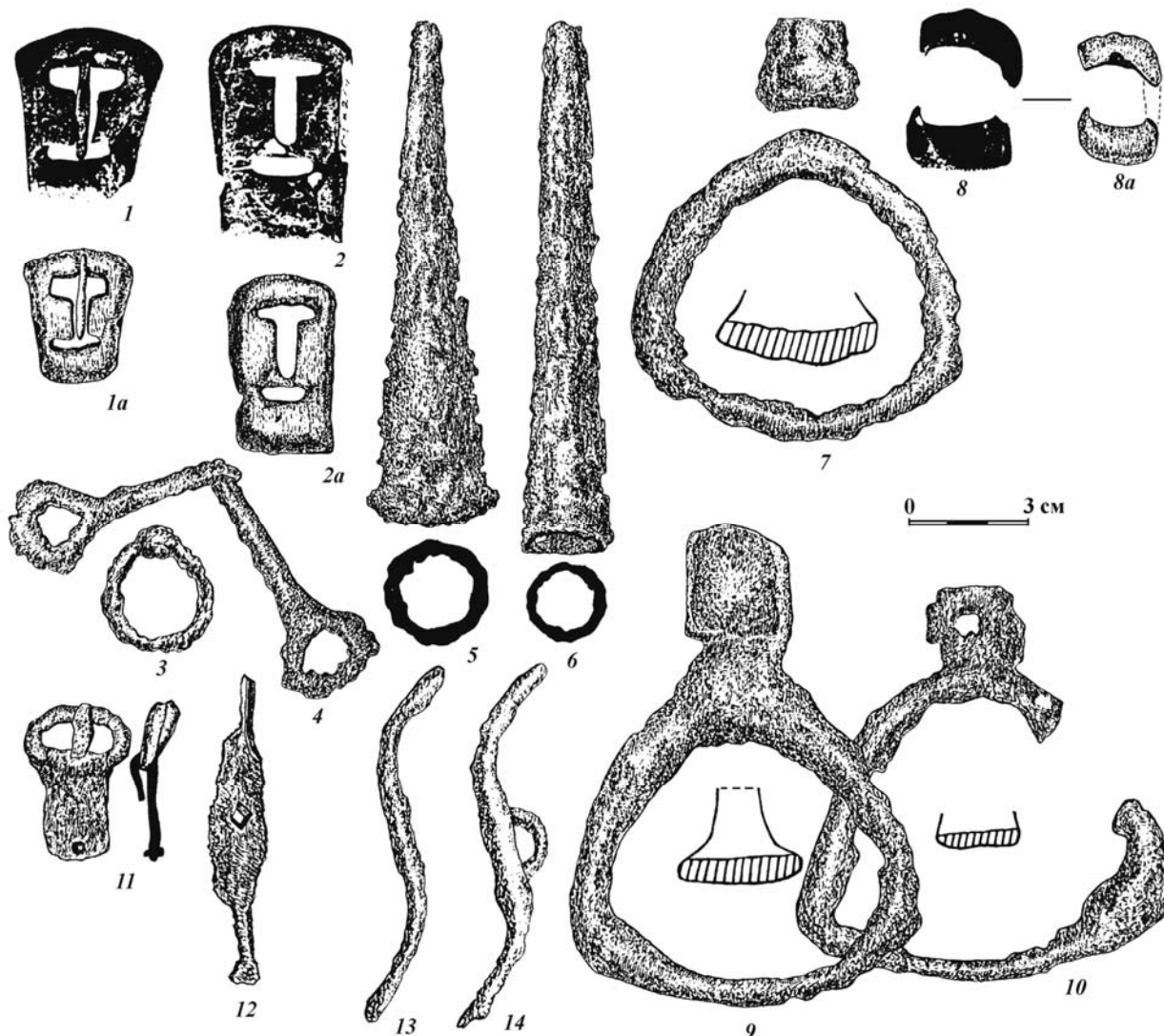

Рис. 4. Ваганово I, курган 2. Жертвенный инвентарь из ограды-святилища:

1, 1а, 2, 2а, 8, 8а – обугленные подпружные пряжки; 3, 4 – однокольчатые удила с кольчатым псалием; 5, 6 – втульчатые наконечники копий; 7, 9, 10 – стремена с пластинчатыми ушками; 11 – трехсоставная пряжка с щитком-обоймой; 12–14 – стержневые псалии. 1, 1а, 2, 2а, 8, 8а – кость; 3–7, 9–14 – железо.

Предложенные критерии разделения жертвенников на две разновидности нечётки и явно недостаточны. Жертвенные места, как и святилища, вполне могут использоваться многократно для жертвоприношений животных. В тоже время не выделены признаки, характеризующие костный материал как остатки именно жертвоприношений, а не пищевых отходов или других манипуляций с костями животных.

В западносибирской средневековой археологии жертвенные комплексы впервые были выделены и наиболее полно описаны по материалам усть-ишимских курганов таёжного Прииртышья Б.А. Кониковым. Автором их исследования были выявлены два жертвенных комплекса в насыпи кургана № 13 могильника Усть-Ишим, причем состав находок в них прямо сопоставим с находками в жертвенных комплексах верхнеобских курганов из Кузнецкой котловины (рис. 3–5). Они представлены атрибутами экипировки всадника и снаряжения верхового коня, а

также следами жертвоприношений животных, в первую очередь лошади. В последнем случае они выглядят как скопления зубов лошади. На эту деталь исследователем было обращено особое внимание, указавшим на широкую распространенность следов жертвоприношений в виде челюстей и зубов лошади в раннесредневековых некрополях таежного Прииртышья (Конилов, 1984. С. 93–96, рис. 4). Наличие поминально-жертвенных комплексов на территории кладбищ и в составе насыпей курганов относится к типичной черте погребальной обрядности таёжного «усть-ишимского» населения. Особую роль в послепохоронных ритуалах играли жертвоприношения лошадей, преимущественно жеребят и собак. Отдельные находки и скопления вещей вне границ погребений квалифицированы как заупокойные жертвенные дары. В насыпях курганов с жертвенными комплексами фиксируются камни из песчаника, которые иногда сопровождались зубами лошади (Конилов, 1994. С. 117–119, 198–203).

Открытие жертвенных комплексов в насыпях курганов усть-ишимской культуры были подтверждены новыми результатами исследований в северо-западной Барабе на памятнике Сопка–2. Здесь среди скоплений разновременных курганов, что принципиально важно для нашей темы, впервые были открыты особые типы археологических комплексов XIII–XIV вв. н.э. Они по внешнему виду до раскопок неотличимы от курганных насыпей из синхронных и однокультурных могильников. Под насыпью нескольких курганов на древнем горизонте находились перевёрнутые сосуды и предметы из железа и кости, что аналогично жертвенным комплексам в курганах Усть-Ишима, потчевашской культуры и археологических культур на Верхней и Средней Оби, верхнеобской и рёлкинской (Беликова, Плетнева, 1983. С. 109–110; Чиндина, 1991. С. 34–38; Троицкая, Новиков, 1998. С. 24, 75–77).

В трех курганах Сопки 2 были выявлены остатки обгорелых деревянных четырехугольных конструкций в виде невысоких срубов размером примерно 3 x 3 м, по углам которых располагались от одного до нескольких перевёрнутых вверх дном сосудов, а по периметру лежали вещи из кости, железа, бронзы и дерева. Такие конструкции поджигались и над ними в процессе горения возводились насыпи. Кроме керамики в культовых конструкциях находились металлические и костяные наконечники стрел, украшения, обычные для инвентарных комплексов погребений, деревянные изделия – чашки, блюда-корытца, доски с пазами, фигурными вырезами, отверстиями, украшенные геометрическим орнаментом, неясного назначения. Особую ценность для определения функционального назначения объектов и их этнической атрибуции представляли находки трех деревянных объемных фигурок идолов. Две из них имеют антропоморфный облик, высотой 130 см, они остроголовые с подчеркнутыми руками и ногами. Наличие четырехугольных деревянных конструкций и специфический набор предметов позволили рассматривать эти объекты как святилища, сопоставимые с культовыми местами угорских народов Западной Сибири. В связи с этим указанные выше деревянные фигуры интерпретировались как изображения умершего человека – «иттерма», известные в поминальной обрядности хантов и манси (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990. С. 178, 180, 181, рис. 110–112; Молодин, Новиков, 1998. С. 115–116, рис. 116–118). Угорская принадлежность барабинских оград-святилищ подтверждается керамическим материалом, представленным круглодонным сосудом с гребенчато-ямочной орнаментацией и воротничком на внешней части венчика (Молодин, Новиков, 1998. Рис. 117).

В курганных могильниках Высокий Борок (курганы №№ 12, 13) и Ельцовский 1 (курган № 14) выявлены обугленные остатки подпрямоугольных деревянных конструкций из брёвен, жердей, досок и берестяных полотнищ с вещами (наконечники стрел, тесло, нож и керамические сосуды, один из которых перевёрнут кверху дном). Ещё в более ранней публикации материалов по поминальным сооружениям Новосибирского Приобья А.А. Адамов предложил иное прочтение полученных данных (Адамов, 1995. С. 24–26), при этом сославшись на сходство с культовыми сооружениями Сопки 2. Указанный автор предложил свою этническую интерпретацию приобских и барабинских культовых сооружений, которая основывается не на «прочтении» первичных данных, полученных в результате раскопок сrostкинских курганов, а на их морфологических сопоставлениях с древнетюркскими культовыми сооружениями – каменными четырехугольными оградками (Адамов, 1995. С. 27; Адамов, 2000. С. 25).

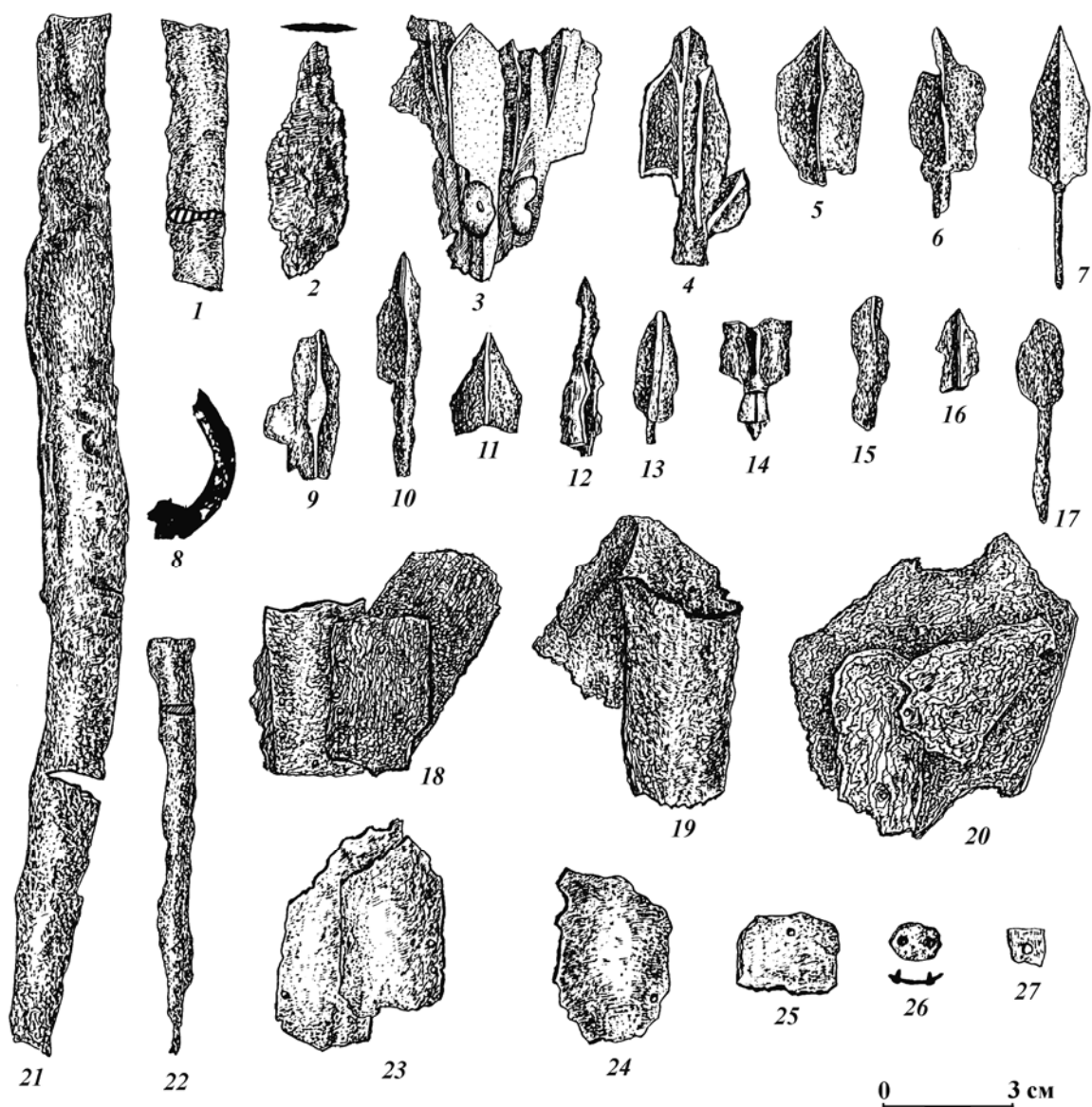

Рис. 5. Ваганово I, курган 2. Жертвенный инвентарь из ограды-святилища:

1, 2, 22 – фрагменты черешковых ножей; 3–7, 9–17 – наконечники стрел; 8, 21 – фрагмент палаша с пластинчатой скобой от ножен; 18–20, 23–25 – фрагменты панцирных пластин; 26, 27 – фрагменты пластин с заклёпками. 1–7, 9–27 – железо; 8 – бронза.

Планиграфические позиции культовых сооружений в составе курганных насыпей с ингумированными погребениями в материковых ямах таковы, что вторичность их сооружений относительно могильных ям очевидна. Они пристроены к уже имеющимся могилам и выходят за границы курганных насыпей так (Ельцовский 1, курган № 14 и Высокий борок курган № 12), что пришлось сделать прирезку к восточным полам насыпей для полной расчистки оград. В одном случае, как в кургане № 13 Высокого борка, ограда перекрывает одно из грунтовых погребений (Адамов, 2000. С. 24–25, рис. 78; 94).

В сравнительном плане синхронность и однокультурность приобских оград с погребениями не вызывает сомнений, что, тем более, верно для барабинских культовых сооружений на Сопке 2 (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990. С. 178). Поминальный характер культовых сооружений как в Новосибирском Приобье, так и в Барабе, очевиден, как и их связь с послепохоронным циклом. Все же автономные культовые сооружения в Барабе использовались в более широком культурном контексте, как святилища, в отличие от приобских оград. В связи

с этим вызывает возражение еще одно неточное наблюдение указанного автора относительно завершающего цикла функционирования культовых сооружений. Дело в том, что сохранность барабинских и приобских остатков деревянных конструкций и находок из дерева и бересты в них обусловлена тем, что они засыпались грунтом в процессе их горения (Молодин и др., 1990. С. 17). В этом случае процесс продолжался без доступа кислорода, подобно тому, как это происходит при заготовке древесного угля. После такой «консервации» эти сооружения сохранились до наших дней. Наблюдение А.А. Адамова относительно поминальной ограды в кургане № 12 Высокого борка прямо противоположны. Он считает ее сожжённой, но не перекрытой грунтовой насыпью одновременно с могилами, а лишь частично присыпанной, естественно расплывшейся курганной насыпью, для чего требовалось немалое время. Если это было бы так, то вряд ли сохранились, а не сгорели дотла, обугленные только изнутри досчатые стенки ограды, береста и обугленные только до материкового уровня остатки вертикальных столбов (Адамов, 2000. С. 25). В связи с чем, возможен и другой вариант «прочтения» сохранившихся следов завершающей стадии функционирования этого культового сооружения. Оно пристроено к северо-восточной поле насыпи кургана № 12 из Высокого борка явно после сооружения могил и обряда погребения, что соответствует поминальному характеру рассматриваемого объекта. Именно с ним был связан заключительный акт послепохоронного обряда, завершившийся сожжением ограды и её засыпки грунтом, возможно, уже после сооружения курганной насыпи. В любом варианте все имеющиеся данные свидетельствуют, прежде всего, в пользу функциональной и типологической сопоставимости приобских оград с барабинскими культовыми памятниками.

Соседство с ареалом местных западносибирских культур с рубежа VIII–IX вв. разнокультурных и разноэтнических групп кочевого населения в северо-западных предгорьях Алтая является ключевым в решении вопросов этнокультурной принадлежности тех или иных компонентов в составе культурных образований на юге Западной Сибири в это и последующее время (Могильников, 2001. С. 77–99; Васютин, Онищенко, 2002. С. 277–280). Именно это обстоятельство во многом объясняет присутствие степного кочевого комплекса в сrostкинских памятниках Кузнецкой котловины, Томского и Новосибирского Приобья, Барабы. Именно на этом основании выстраивается версия о тюркской принадлежности приобских и барабинских культовых комплексов (Адамов, 1995. С. 28; 2000. С. 25–26). В доказательство этому приводятся аналогии из разных регионов Евразии, в их число попадают как собственно древнетюркские каменные оградки из Горного Алтая, сrostкинские деревянные ограды вокруг могил из Кузнецкой котловины и, наконец, половецкие святилища Восточной Европы. Это далеко не полный перечень сведений о культовых средневековых сооружениях, но и его достаточно, чтобы усомниться в достоверности предложенной этнической интерпретации. Достаточно, в этой связи, обратиться к деталям такого поверхностного сравнения, начав с половецких святилищ. Святилища XI–XII вв., типологически схожие с половецкими, известны в Центральном Казахстане, каменные ограды кыпчаков возводились в ямах и перекрывались курганными насыпями (Ермоленко, Гецова, Курманкулов, 1985. С. 159–161; Ермоленко, 2003. С. 65–67) и в Урало-Ишимском междуречье (Боталов, 1996. С. 213). Внешне схожие культовые сооружения обнаружены и в Южном Зауралье, но в конструкции оградки в анненском кургане 12 и оградках в ритуальных курганах Сопки 2 «...трудно обнаружить дизайн тюркских оградок» (Костюков, 2000. С. 34). Возможно лишь семантическое тождество, обусловленное длительными контактами тюркского и угорского населения, в результате чего сформировались ритуалы одного круга представлений о посмертном пути человека. В зоне таких контактов, к которым относятся южная и центральная Бараба и Южное Зауралье, могли сформироваться и синкретичные тюрко-угорские памятники в первой четверти II тыс. н.э. (Костюков, 2000. С. 33–35; Костюков, Никулина, 2003. С. 84).

Очевидно, что прямая интерпретация видимого сходства технологии сооружения святилищ представляется не корректной и даже ошибочной, т.к. игнорирует региональный этнокультурный контекст и не ориентирована на предшествующее развитие культуры Обь-Иртышского междуречья в раннем средневековье. Имеющие место попытки функционально связать культовые сооружения из Высокого борка и Ельцовского 1 могильников с древне-

тюркскими поминальными каменными оградками представляются не только неудачными, но и неверными, т.к. они основаны на ошибочном представлении о прямой взаимосвязи алтайских оградок и погребений (Адамов, 2000. С. 25, 26). В отличие от приобских, древнетюркские культовые сооружения всегда планиграфически обособлены от курганов и погребений, вплоть до автономного расположения и функционирования вне пределов курганных кладбищ. Не сопоставим в деталях реконструированный поминальный обряд древних тюрков и «сросткинцев» (Кубарев, 1984. С. 79–81). Массовые данные по древнетюркским оградкам Саяно-Алтая не согласуются с этой реконструкцией, особенно это касается как предполагаемого деревянного жилища, так и его сожжения по завершению поминок. Переносить такую реконструированную «идеальную модель» поминального обряда древних тюрков на западно-сибирские культовые памятники, в которых абсолютно не обнаруживаются каких-либо следов в пользу «жилища» или того, что его напоминает, является явной натяжкой. Безусловно, не приемлема и попытка типологического и функционального сопоставления древнетюркских изваяний и балбалов с приобскими сожжёнными вертикальными столбами, которые могли изображать умерших из дерева (Адамов, 2000. С. 26). Аналогичность инвентаря в древнетюркских и приобских оградках легко объяснима эпохальной близостью, тем более что он идентичен погребальному инвентарю в том и другом случае (рис. 3–5). Наконец, неверной оказалась ссылка и на материалы раскопок сросткинского кургана № 1 из Калтышино I (Кузнецкая котловина) в контексте древнетюркской принадлежности приобских культовых сооружений. Этот калтышинский погребально-ритуальный комплекс якобы подтверждает версию об оградах-жилищах в Новосибирском Приобье только потому, что в его состав входит частично сожжённая бревенчатая четырехугольная ограда, сложенная из бревен в 2–3 венца (Адамов, 2000. С. 26). В описании раскопок этого кургана (Савинов, 1997. С. 81, рис. 2) буквально сказано, что деревянная квадратная рама 6,4 x 6,2 м, сложенная в технике «клетки» в 2–3 ряда из тонких стволов или бревен высотой 0,25–0,6 м была сожжена лишь в восточной части, где находились обширные прокалы, куски прокаленной глины и бревна в стенках рамы были обуглены. О характере ее перекрытия Д.Г. Савинов затруднился что-либо сказать из-за отсутствия их следов на объекте. Очень важным представляется его наблюдение о том, что, возможно, ограда была установлена после завершения всех 4 захоронений (ингумированных и кремированных в сопровождении «шкур» лошадей), так как края трех из четырех могильных ям слегка выходили за пределы площади, ограниченной наземной деревянной постройкой, или вплотную изнутри, примыкали к ней. С восточной стороны ограды зафиксированы остатки 4 вертикальных жердей (Савинов, 1997. Рис. 2).

Версия о вторичности возведения погребального сооружения по отношению к могилам подтверждается многочисленными полевыми наблюдениями (Троицкая, Новиков, 1998. Рис. 11). В определенной степени эта ситуация повторяется и при возведении поминальных деревянных конструкций, которые поджигались на завершающем этапе погребального обряда. В виду чего, реконструкция «идеальной модели» ограды-жилища (Адамов, 2000. С. 26), со ссылкой на сросткинский погребально-ритуальный комплекс из могильника Калтышино I на территории Кемеровской области, оказывается неправомерной, т.к. деревянная квадратная ограда в действительности является погребальным надмогильным сооружением (Савинов, 1994. С. 95). Собственно ритуальный комплекс представлен ямой от деревянного столба, скоплением кальцинированных костей, 4-мя вертикальными жердями и находками во рву кургана костей животных, керамикой и каменной стелой (Савинов, 1997. С. 78, 79).

Таким образом, древнетюркская атрибуция западносибирских культовых сооружений под курганными насыпями не приемлема с источниковедческой позиции и противоречит всей сумме первичных данных, наблюдений и археологических фактов. Не соответствует она и культурно-исторической обстановке, прямо противоречит тому этнокультурному контексту, который сложился на юге Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э. Это время характеризуется наличием смешанных погребальных комплексов с явным преобладанием в них местного, предшествующего, угорского и самодийского этнокультурных компонентов.

Подведем некоторые итоги в отношении рассматриваемых культовых сооружений. Все они перекрывались курганными насыпями, неотличимыми от синхронных и однокультурных

могильников (Ваганово I, Калтышино I, Сопка 2) или сооружены на подкурганых площадках выше уровня погребений (Высокий борок, курган № 13, Сопка 2, погребение № 668), но чаще пристроены к курганам так, что выходят за границы их насыпей (Высокий борок, курган № 12, Ельцовский 1, курган № 14). Совпадает форма и материал таких сооружений – это четырехугольные ограды из бревен или досок, их следы сохранились в обугленном состоянии. Внутреннее пространство оград содержит также обугленные остатки бревен, жердей, обугленных и прокопченных остатков берестяных полотнищ. В частности, вся площадь вагановской ограды-святилища, включая и деревянные стенки, была перекрыта прокопченными берестяными полотнищами, выстилающим и ее дно (рис. 2). Все культовые объекты по завершению функционирования поджигались и земляная насыпь над ними возводилась в процессе их горения. В результате культовые сооружения прогорали неравномерно, сохранялась даже береста и предметы из кости (рис. 3, 1, 2). Вопрос о внешнем виде и конструкциях таких культовых объектов остается открытым. Наличие во внутреннем пространстве сооружений остатков вертикальных бревен, жердей и бересты, столбовых сооружений вдоль стенок и в углах (рис. 2) свидетельствует, возможно, о первоначальной форме построек с каркасной конструкцией, как в одиночном кургане из Анненского 12 (Костюков, 2000. С. 331, 332), перекрытых берестяными полотнищами. Достоверных данных для такой реконструкции пока нет. В этой связи, постановка вопроса о классификации рассматриваемых культовых сооружений с ориентировкой на этнографические материалы пока преждевременна (Молодин, Соболев, Соловьев, 1990. С. 178).

Использование подкурганых площадок для сооружения и функционирования святилищ, поминальных сооружений и жертвенных мест – это не привнесённая из мира кочевых культур традиция, а широко распространенная в западносибирском регионе практика культового строительства среди местных групп населения, преимущественно угорского происхождения.

Резюме. Открытие в составе разнокультурных средневековых могильников синхронных святилищ и жертвенных мест имеет принципиальное значение для западносибирской археологии. Типологическая сопоставимость культовых сооружений IX–XIV вв. позволяет выявить многовековую культурную традицию угорского происхождения в Обь-Иртышском междуречье, включая и ареал верхнеобской археологической культуры.

Литература

Адамов А.А. Поминальные сооружения Новосибирского Приобья // Средневековые древности Западной Сибири. – Омск, 1995.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск, 2000.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск, 1983.

Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск, 1996.

Васютин А.С., Ширин Ю.В. Курганная группа Порывайка // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово, 2002.

Васютин А.С., Онищенко С.С. О характере вторичного использования курганов конца I – начала II тыс. н.э. на юге Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002.

Васютин А.С., Онищенко С.С. Пространственная структура жертвенных комплексов на могильнике верхнеобской культуры Ваганово-I из Кузнецкой котловины // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004.

Васютин А.С., Васютин С.А., Ермоленко Л.Н., Заушишцева А.В., Зимин А.А., Фомина Н.А., Онищенко С.С. Новые погребальные памятники Верхнеобской и Сросткинской культур Озерки и Калтышино II в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004б.

Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск, 1985.

Коников Б.А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Приишимья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984.

Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. – Омск, 1993.

Косинцев П.А. Жертвенные животные обских угров (по археозоологическим материалам) // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999 г., Тобольск). – Тобольск; Омск, 1999.

Косинцев П.А. Археозоологические исследования на Барсовой горе // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут, 2002.

Костюков В.П. Средневековые культовые сооружения у с. Анненское // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М., 2000.

Костюков В.П., Никулина Е.В. Песчанка 5 – средневековый памятник с угорскими чертами в Южном Зауралье // Человек в пространстве древних культур. – Челябинск, 2003.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984.

Могильников В.А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул, 2001.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск, 1990.

Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. – Томск, 1995.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск, 1998.

Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники Раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово, 1997.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1998.

Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск, 1993.

Ширин Ю.В. Культ медведя в Западной Сибири (к проблеме контаминации) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск, 1997.

САРМАТО-АЛАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ

Б.Д. Борисов

Великотырновский университет «Св. Св. Кирил и Методи», г. Велико Тырново (Болгария)

С середины III века в восточной части Балканского полуострова происходят большие этнические перемены. С течением времени и в связи с тем, что огромные районы обезлюдели, римские императоры начали заселять их «варварским» населением в качестве колоннов или федератов. Последние получали у государства жалование и землю, обязывались обрабатывать ее и служить в войсках и оборонять Империю.

Начало большим этническим переменам на землях нынешней Болгарии положили готские нашествия в середине III века. Исторические источники свидетельствуют о переселении готов, карпов, гепидов, вандалов и бургундов в 70-е годы этого века. В 280 г. 100 000 бастарнов были поселены во Фракии. В 295 г. Диоклетиан поселил на восточно-балканских землях 20 000 сарматов. В 334 г. Константин Великий поселил во Фракии, в Скифии и Македонии 300 000 сарматов-язигов, о чем свидетельствует Евсений (Велков, 233–234). Все эти данные источников, бесспорно, касаются Фракии, но из них не становится ясно, относятся ли они и к диоцезу Фракия, который включает почти всю территорию Балканского полуострова, или же к провинции Фракия, в которую входят нынешние южноболгарские земли.

История показывает, что федераты не были достаточно надежным союзником власти и очень часто, особенно при задержке платежей, поднимались на бунт против императора и центральной власти. По этой причине императорская власть старалась селить федератное население в более удаленные от столицы районы. Вот почему и письменные источники свидетельствуют о федератских поселениях, расположенных в основном в провинциях Нижняя Мезия и Побережная Дакия, т.е. на территории нынешней Северной Болгарии. Прямым доказательством этому являются и данные археологических исследований. В настоящее время на территории нынешней Северной Болгарии известны несколько «варварских» центров и поселений. Подобные готские центры существовали около Нове, Никополис ад Иструма и Марцианополя. К ним надо прибавить и новооткрытый готский епископский центр под аулом хана Омуртага, возле села Хан Крум, Шуменской области (Балабанов, Стоева, Славов, 519–521). Еще более многочисленны находки с этой же территории, которые напрямую связаны с варварами-федератами.

К сарматско-аланскому этно-культурному кругу, бесспорно, принадлежит и целый ряд некрополей на территории нынешней Северной Болгарии. К ним относятся могильники в местечке «Яйлата» возле села Камен бряг, Добричской области (Лазаров, Салкин, Топтанов, 78), на мысе Калиакра (Петрунова, 359–360), а также ряд сарматских погребений на городском могильнике Одесоса. Несомненно, аланам принадлежит и исследованный недавно катакомбный могильник возле села Александрия, Добричской области, датированный монетами от Аврелиана (270–275) до Валенса (364–378), (Тотев, Пелевина, Стойчев, Добрев, 522–525, обр. 2–3), в местечке «Стражата» под Плевеном.

Федератские поселения, хотя и гораздо реже, возникали также и на территории провинции собственно Фракия. Источники свидетельствуют, что в 334 г. Константин Великий поселил во Фракии, в Скифии и Македонии 300 000 сарматов-язигов. Идет ли в данном случае речь о диоцезе Фракия или о провинции Фракия источники умалчивают, но на помощь приходят данные археологических исследований некоторых поселений и могильники в районе города Нова Загора.

Здесь в первую очередь следует отметить поселение и могильник возле раннехристианских базилик у села Полски Градец. Они находятся в местечке «Селището», в четырех километрах северо-восточнее села. Селение находится на склоне с видом на северо-запад. К сожалению, там проведены только зондажные исследования, которые не дают ясного представления о структуре поселения. Приблизительно в трехстах метрах северо-восточнее от него

открыты две расположенные одна на другой раннехристианские базилики, которые датируются второй половиной IV века – концом первой половины V века. (Борисов, 341–354). Рядом с базиликами расположены два могильника (Борисов, 107–115).

Первый находится возле восточного фасада базилик и сообразуется с ними. Погребения на нем выстроены в ряд и ориентированы с запада на восток. Большая их часть имеют отклонение на югозапад на 30° , а остальные – на 10° . Погребальные сооружения представляют собой прямоугольные ямы с округлыми углами и со ступенчатообразными выступами по двум длинным (рис. 1а) или по всем сторонам (рис. 1б-г). У некоторых из них имеются входные ямы, под прямым углом относительно к собственно камере (рис. 2а-в).

Второй могильник расположен непосредственно к западу и к северовостоку от базилик, при этом западные погребения полностью закрывают подход к базилике № 2. Это показывает, что некрополь использовался уже после того, как храм был разрушен и покинут около середины V века. Все погребения без исключения имеют надземную маркировку из множества больших камни, которые оформляют эллипсоидные ограждения на поверхности, а некоторые из них тщательно надстроены в верхней части. Наблюдения показывают, что погребения были огорожены позднее самого погребения, в результате чего наблюдается известное отклонение ограды относительно погребальных ям (рис. 2г). Скелеты на обоих некрополях – в вытянутом положении, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. В некоторых погребениях открыты только отдельные кости, в других открыта подсыпка из негашеной извести. Хотя и редко, но все же встречаются и коллективные погребения, с четырьмя скелетами (рис. 3). Погребальный инвентарь представлен серьгами полиэдр, ожерельями из стеклянных, серебряных и золотых бусинок биконической формы, бронзовыми застежками, открытыми бронзовыми браслетами со стилизованными головками змей, ременными пряжками и наконечниками и глиняной посудой (рис. 4). Погребальные сооружения и инвентарь с некрополей возле Полски Градец имеют самые точные параллели в погребальных комплексах Северного Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа. Особый интерес представляет одно катакомбное погребение, которое открыто в северо-восточной части второго некрополя.

Оно состоит из входной ямы круглой формы диаметром 1.95 м и глубиной 2 м. Поднее в восточной части выкопана яма другого погребения, которая достигает в глубину 1.30 м (рис. 5а). Специальный интерес представляет и один монолитный каменный блок треугольной формы, который фланкирует скелет более позднего погребения с северо-запада. По всей вероятности, этот блок закрывал вход в катакомбу, а позднее она была открыта и упомянутый каменный блок был положен к северо-западу от скелета в погребении № 4. Под его уровнем входная яма наполнена крупным и очень крупным щебнем, а под ним, в самой западной части ямы, открыт целый скелет жертвенного животного – приблизительно трех-четырёхмесячного поросенка.

Вход в катакомбу расположен в южной части входной ямы и имеет овальную форму высотой 0.87 м и максимальной шириной 0.97 м. Уровень пола находится на глубине 0.25 м относительно уровня входной ямы. Самая катакомба представляет собой купольную камеру с круглой основой диаметром с востока на запад – 2.75 м и с севера на юг – 2.72 м. Камера вкопана в материк, ее максимальная высота – 1.90 м (рис. 5б).

На высоте 1.20 м от уровня пола в самой восточной части катакомбы, вне ее, вкопана продолговатая ниша длиной 1.35 м, шириной 0.45 м и высотой 0.62 м. В нише открыт скелет в вытянутом положении с вытянутыми вдоль тела руками, с ориентацией запад-восток, с отклонением на 5° на югозапад в изголовье. Скелет сохранился сравнительно хорошо, но его кости сильно разложены от большой влаги в катакомбе.

На костях таза открыта бронзовая ременная пряжка с овальной рамкой и круглой пластиной, с наколотым украшением по периферии и с хоботовидным язычком (рис. 5в). В центре пластины сохранилась одна заклепка. Возле пояса найдены и два кремешка, которые, без сомнения, находились в мешочке, подвешенном на ремне.

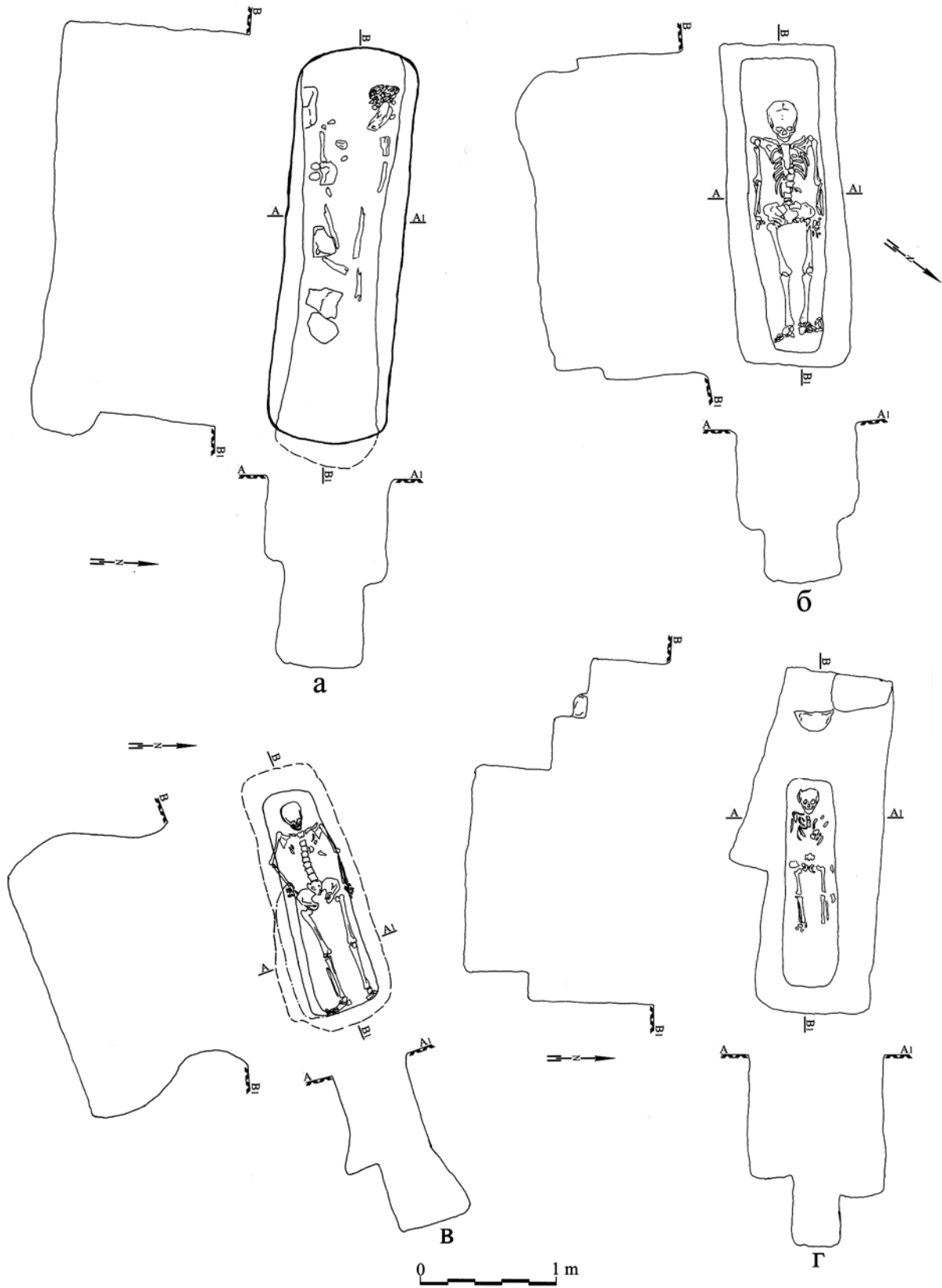

Рис. 1. Захоронение – планы.

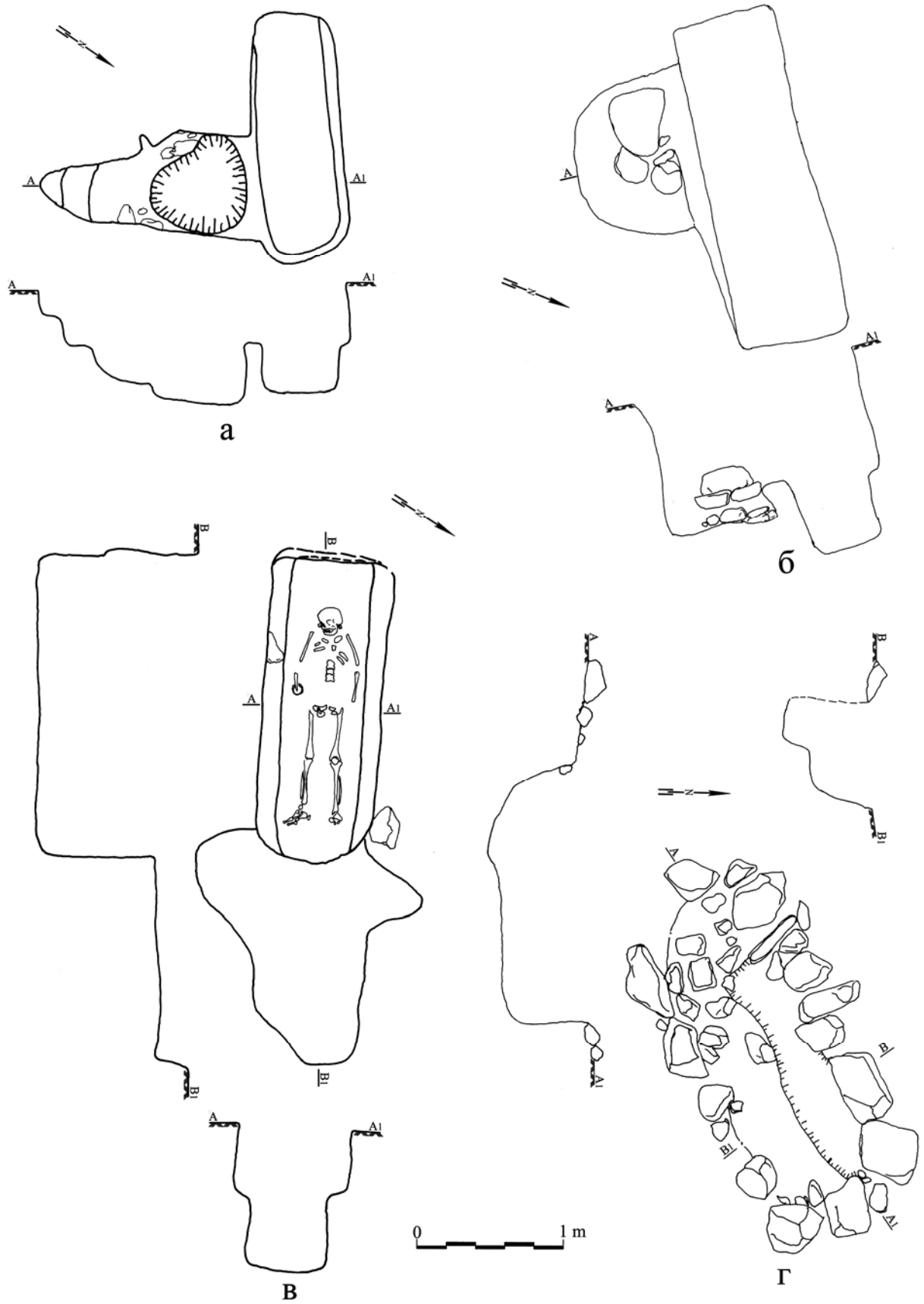

Рис. 2. Захоронение – планы.

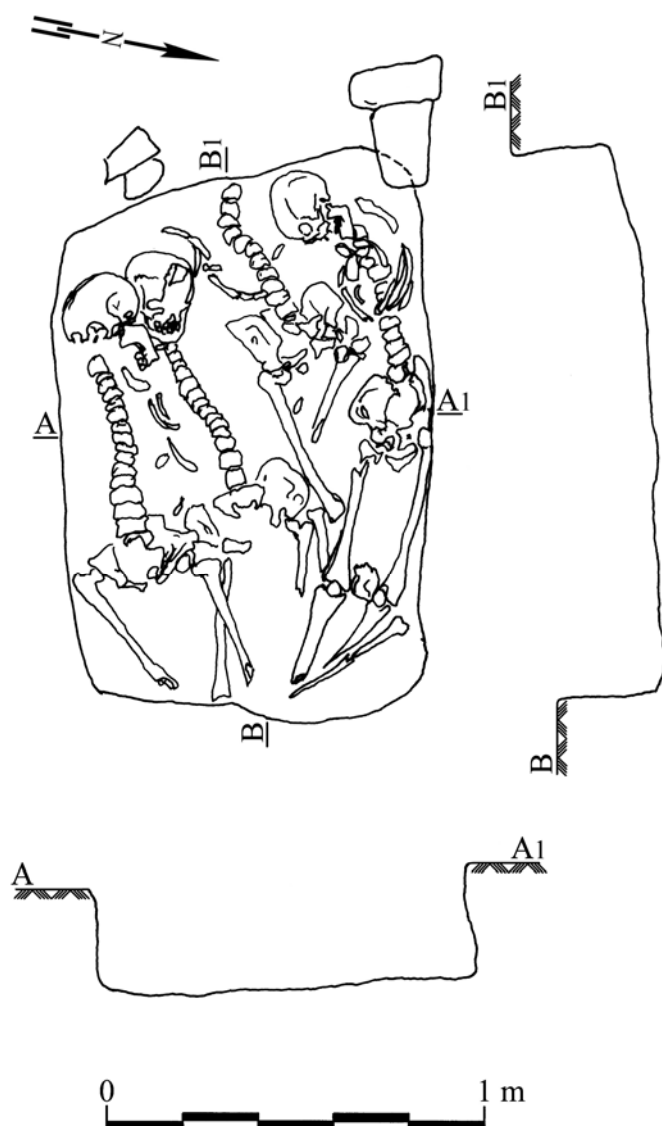

Рис. 3. Коллективное погребение – план.

Совершенно подобные пряжки с округлой рамкой и щитком, с вырезанным сектором при язычке, с насечками по периферии относятся к типу 3 по типологии В. Ковалевской и известны на территории Крыма и Северного Кавказа, где встречаются в погребальных комплексах IV–V веков. (Ковалевская, 15, табл. 1₁₀).

Абсолютно такие же по форме пряжки, но с двумя или тремя заклепками на пластине, известны и с позднеантичного некрополя в местечке «Стражата» возле Плевена, где они датируются IV веком. (Табакова-Цанова, 145, обр. 8₄₋₅, 7-12). На них, однако, отсутствует наколотое украшение по периферии пластины.

Тип погребального сооружения и инвентарь катакомбного погребения указывают на сарматско-аланский погребальный обряд. Здесь, однако, надо отметить, что широко распространенные среди поздних сарматов и алан катакомбы и склепы имеют входные ямы – дромосы продолговатой прямоугольной формы, в которых оформлены и лестницы, в то время как в нашем случае оформлена круглая входная яма. Конечно, не исключено, что дромос и лестница были разрушены ямой более позднего погребения № 4. В некоторой степени смущает и форма самой катакомбы, которая круглая в основе, в то время как катакомбы и склепы Северного Черноморья, Крыма (Айбабин, 190, рис. 9; Айбабин, 5–77; Веймарн, Айбабин) и

Центрального Предкавказья (Абрамова, 5–7, табл. I) в большинстве случаев имеют в основе квадратную или прямоугольную форму. Встречаются, конечно же, и исключения, при которых форма склепов или катакомб круглая в основе, но их доля незначительна. Подобную форму имеют склепы № 138 в Усть-Альма, № 1567 в Херсоне и №№ 377, 470, 675 в Скалистое (Веймарн, Айбабин). Круглой формы и сарматские катакомбы I типа по классификации К. Смирнова, которые встречаются на Мечетсайском некрополе на Северном Кавказе (Смирнов, 73–74, рис. 1). Кроме того, в бесспорно сарматско-аланских погребальных сооружениях скелеты погребенных находятся обычно в основе катакомб, в то время как в погребении № 37 на некрополе возле П. Градец скелет открыт на высоте 1.20 м от пола, в специальной нише, выкопанной вне катакомбной стены. Всущности, ниши на определенной высоте от пола имеются и в некоторых склепах на Скалистинском некрополе (Веймарн, Айбабин).

То же самое относится и к скелету жертвенного животного, положенного во входную яму. Известно, что во входных ямах сарматско-аланских погребений находят чаще всего целые или частично целые скелеты коней или баранов, в то время как в катакомбном погребении возле П. Градец открыт поросенок, животное, типичное для оседлого, земледельческого населения.

Вопреки этим различиям, все же пока наиболее правдоподобным остается предположение, что в данном случае дело касается некрополей населения сарматско-аланского культурного круга, которое было заселено в качестве федератов в районе нынешнего села П. Градец в конце IV века, с началом нашествий гуннов. По всей вероятности, это «варварское» население было крещено при заселении, согласно византийской традиции. Это объясняет наличие двух некрополей с нехристианским погребальным обрядом, в непосредственной близости с раннехристианскими церквями. Очевидно, в первые годы поселения на византийской территории население хоронило своим старым языческим способом. Указанные различия с чисто сарматско-аланским погребальным обрядом, возможно, обязаны влиянию погребального обряда местного населения.

К сарматско-аланскому культурному кругу принадлежит и исследуемый в продолжение последних нескольких лет и все еще неопубликованный некрополь возле города Твырдица, где открыты совершенно идентичные погребальные сооружения и погребальный инвентарь. Могильник находится в насыпи кургана и к настоящему времени на нем исследовано более 80 погребений. И здесь погребальные ямы со ступенчатообразными выступами и подбои и имеют надземные ограды. Не различается и представленный погребальный инвентарь: серьги полиэдр, ожерелья из стеклянных, серебряных и золотых бусинок биконической формы, с бронзовыми застежками, открытые бронзовые браслеты со стилизованными головками змей, ременные пряжки (Велков, Кънчева-Русева, Игнатов, 251).

На сарматско-аланский культурный круг указывает и анализ погребального обряда на могильниках. Ямы удлиненной прямоугольной формы с округлыми углами, со ступенчатообразными выступами и нишами, подсыпка из негашеной извести, искусственная деформация черепов типичны именно для погребального обряда сарматско-аланского населения. На этот же культурный круг указывает и погребальный инвентарь, который представлен в основном украшениями и элементами костюма и, реже, глиняной посудой. Совершенно одинаковые украшения известны еще с целого ряда могильники – в местечке «Стражата», возле Плевена (Табакова-Цанова, 140–173, обр. 8₄₋₁₂, 11₇, 13 а-б, 21₃₋₄), и в районе села Беден, Смолянской области (Ваклинова, 1972: 141, обр. 1 б) в Болгарии, возле Тыргшора (Diaconu, tab. СІХІ) и Пиатра-Фрекацей (Аурелиан, 245, fig. 5₃) в Румынии, а также на многих могильниках в Северном Черноморье и в Крыму – Беляус (Дашевская, 52–53, 4₃₋₄), Керч (Засецкая, 5, рис. 3₁₇₋₁₈), Инкерман (Айбабин, 28–29, рис. 22₁₆₋₁₇, 23₂, 9), Скалистое (Веймарн, Айбабин 1993), могильник на реке Дюрсо (Дмитриев, 98, рис. 10₁₀₋₁₂, 14-16) и др., где они обнаружены в погребальных комплексах, датируемых концом IV– первой половиной V века. К достоверным доказательствам о сарматско-аланской этнической принадлежности населения, оставившего могильники возле П. Градец и Твырдицы, относится и то обстоятельство, что в исследованных до настоящего времени 37 возле П. Градец и свыше 80 погребений возле Твырдицы не найдено ни одной фибулы, а очень хорошо известно, что до своего поселения на Балканских терри-

ториях во время Великого переселения народов и поздние сарматы, и аланы были кочевническими народами, в costume которых фибулы отсутствуют.

Рис. 4. Инвентарь из погребения могильника.

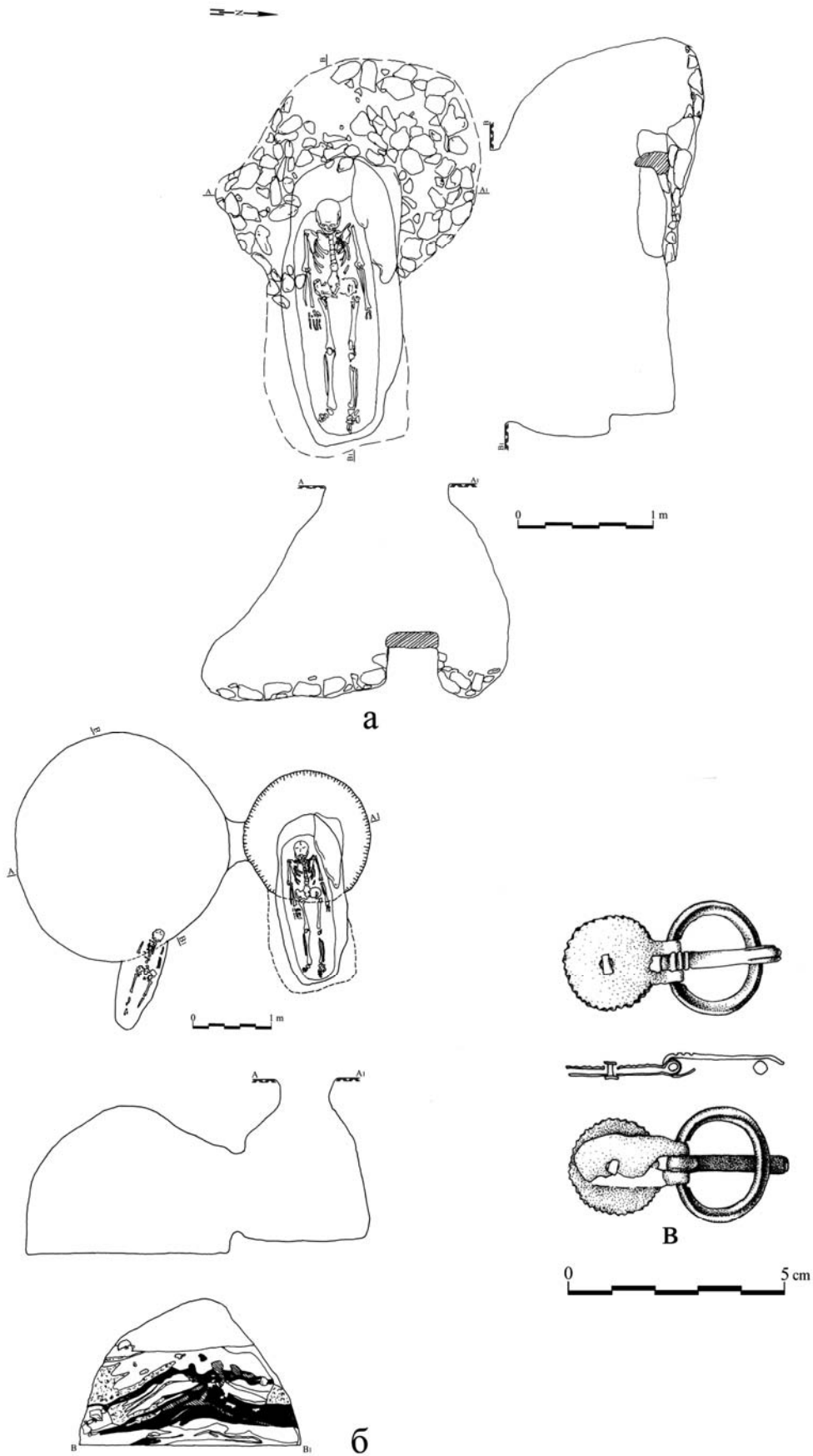

Рис. 5. Катакомбное погребение – план и инвентарь.

Что касается датировки некрополей, то она определяется, прежде всего, погребальным инвентарем, который не выходит за рамки IV–V века. Более точному определению их хронологии помогает и археологическая среда. Как уже упоминалось, могильники возникли рядом со старохристианскими базиликами, более ранняя из которых построена во второй половине IV века. Следовательно, начало восточного некрополя возле Полски Градец следует отнести к периоду не ранее конца IV и начала V века. Западный – более поздний некрополь, очевидно, возник после разрушения более поздней базилики, вероятнее всего, во время нашествий гуннов в 441 или 447 г. По этой причине его следует отнести к середине V века. На последнем месте, уточнению датировки помогают и найденные археологические материалы и более 80 монет, самые поздние из которых относятся к управлению Валентиниана III (425–455). Следовательно, анализ комплексных археологических данных показывает, что некрополи возле села Полски Градец следует отнести к первой половине и середине V века. В общем и целом такова же и хронология некрополя у города Твырдица.

В заключение надо отметить, что могильники возле П. Градец и Твырдица являются пока первыми археологическими свидетельствами об известном из источников компактном заселении сарматско-аланского населения и на территории нынешней Южной Богарии.

На вопрос, возникли ли поселения этого сарматско-аланского населения возле города Твырдица и села П. Градец, на территории собственно Фракии, еще в 334 г., при поселении упомянутых сарматов-язигов Константином Великим, или же позднее, после 375–376 г., когда под натиском гуннов большие массы разгромленного сарматско-аланского племенного союза вынуждены были искать спасение в Византии, ответить весьма трудно. Бесспорным фактом является то, что приблизительно в конце IV века и в первой половине V века на территории провинции Фракия уже существовали поселения сарматско-аланского населения.

Литература

Абрамова М.П. Погребальный обряд племен центрального Предкавказья в III–IV вв. н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.

Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. Киев, 1987.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, вып. 1. Симферополь, 1990.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Аурелиан П. Следы культуры Черняхов-Сынтана де Мурещ в Малый Скитий, Dacia, VI, 1962.

Балабанов Т., Стоева К., Славов П. Проучване на обект «Готски епископски център в аула на хан Омуртаг» до с. Хан Крум, община Велики Преслав // Археологически открития и разкопки в 2007 г. София, 2008.

Борисов Д.Б. Некрополите около старохристианските базилики край с. Полски Градец, в района на комплекса «Марица-изток» (Предварително съобщение) // Научни трудове, т. 1, кн. 1, Пловдив, 2006.

Борисов Б. Раннохристианските базилики край с. Полски Градец в комплекса «Марица-изток» // Известия на Старозагорския исторически музей, II, Стара Загора, 2007.

Ваклинова М. Късноантичен некропол при с. Беден, Смолянски округ // Род. сб. 3, 1972.

Веймар Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

Велков В. Градът в Тракия и Дакия в късната античност. София, 1959.

Велков В., Кънчева-Русева Т., Игнатов В. Спасителни археологически проучвания на надгробна могила в м. «Лагуна», южно от Твърдица // Археологически открития и разкопки. София, 2008.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. М., 1969.

Дмитриев А. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.

Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников Восточноевропейских степей // КСИА, 158, М., 1979.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ, вып. Е1–2. М., 1979.

Лазаров М., Салкин А., Топтанов Д. Проучвания в м. «Яйла» край с. Камен бряг, Толбухински округ. Плевен, 1983.

Петрунова Б. Проучвания на нос Калиакра // Археологически открития и разкопки. София, 2006, 359–360.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА, 1972, 1.

Табакова-Цанова Г. Късноантичният некропол в местността «Стражата» край гр. Плевен // ИНИМ, 1981, 3.

Тотев Б., Пелевина О., Стойчев С., Добрев Д. Спасителни разкопки на късноантичен некропол в м. Келисмаиловото при с. Александрия, област Добрич // Археологически открития и разкопки в 2008 г. София, 2008.

Diaconu G. Tirgor. Necropol in secolele III–IV e.n. – București, 1965.

THE SARMATO-ALANIANS ON THE TERRITORY OF PRESENT-DAY SOUTH EASTERN BULGARIA (Summary)

B.D. Borisov

In the period of the Great migration of peoples huge ethnic changes took place on the territory of the Balkan Peninsula, which are recorded in written historical sources. A number of them are confirmed in the process of archeological excavations on the territory of present-day North Bulgaria, where lots of Gothic centres and settlements have been uncovered- around Novae, Nicopolis ad Istrum, Marcianopolis, and beneath Khan Omurtag's aul near the village of Khan Krum, region of Shumen. Several Sarmatian and Alanian necropolises are known to us- near Kamen bryag and Alexandria, Dobrich region, on Kaliakra cape and in Odessos.

Data about the Sarmato-Alanian population on the territory of South Bulgaria are much scarcer and so far they are restricted to the settlement and necropolis near the village of Polski gradets, Nova Zagora region and the town of Tvarditsa, which are discussed in this article.

The grave facilities in both necropolises are rectangular pits with rounded corners and cascade yields. Some of them have entrance pits, situated at right angles to the main chamber. In the western necropolis near Polski gradets and Tvarditsa the graves are marked by very big stones on the ground, forming elliptical enclosures on the surface and some are carefully built-up at the top. The skeletons are laid straight, with the arms lying on both sides of the bodies. Forcefully deformed skulls have been uncovered as well. Some graves are sprinkled with lime. The grave tools include polyhedron earrings, necklaces with glass, silver and gold beads with bronze clasps, open bronze bracelets with stylized snake heads, closed bracelets with bells, belt buckles and pottery.

A catacomb grave from the village of Polski gradets is of peculiar interest. It has an entrance pit and a grave chamber- catacomb. A sacrificial animal – a 3 or 4- month – old pig is laid in the entrance pit. To the east of the catacomb is a niche where a skeleton is laid in a straight position with the arms beside the body. The grave tools are represented by a belt buckle and two flint stones.

The analysis of the grave tools and facilities allow us to link the two necropolises with the population of the Sarmato-Alanian culture circle. They have their parallels in the Sarmato-Alanian grave complexes from 4th–5th centuries from the North Black sea region, the Crimea and North Caucasus.

ИСТОРИЯ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (СЕРЕДИНА VIII – XIV вв.)

И.Л. Измайлов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

Метательное оружие для многих раннесредневековых народов Евразии было не только одним из важнейших элементов комплекса вооружения, но и определяло характер всей военной культуры общества. Поэтому изучение развития этого вида оружия позволяет не только более детально реконструировать историю военного дела, но и выявить этнокультурные контакты и влияния, что особенно важно для такого региона как восточное Поволжье и Нижнее Прикамье, который во второй половине I тыс. н.э. представлял собой пестрый конгломерат автохтонных и пришлых племен со своими традициями в области вооружения. Анализ метательного вооружения Волго-Камья также дает возможность выявить соотношение общих тенденций эволюции сложносоставных луков и стрел с их местными особенностями, а также полнее представить пути модификации оружия дистанционного боя на общем фоне изменений его в Восточной Европе и Центральной Азии.

Ключевым звеном в развитии набора метательного оружия было совершенствование луков, так как именно увеличение их поражающей силы, дальности и скорости стрельбы, являлись основой для изменения всего снаряжения лучника. Все это несомненно способствовало появлению устойчивого интереса к истории лука в различных регионах, особенно в зоне евразийских степей и сопредельных территорий, где это оружие развивалось особенно динамично. Между тем, вопросы, связанные с историей лука народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, стали объектом изучения сравнительно недавно и им пока не уделялось должного внимания, в историографии, что заставляет специально обратиться к этой проблеме.

Лук, как ручное оружие, предназначенное для метания стрел, судя по целому ряду данных, широко использовался тюркскими и финно-угорскими племенами Среднего Поволжья в конце I тыс. н.э. В отечественной оружейно-литературе утвердилось мнение о делении всех луков на три группы. Под простыми подразумеваются луки, сделанные из единого куска дерева; под сложными – такие же луки с цельной деревянной основой, но дополненные различными материалами и сложносоставными, чья деревянная основа состояла из нескольких частей (обычно из разных пород дерева), усиленных рогом, костяными накладками, берестой, сухожилиями и кожей (Хазанов, 1966, с.29; Медведев, 1966, с.10–13; Литвинский, 1966, с.51–69; Каминский, 1982, с. 48–51; Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983, с.45, 47). К сожалению, отсутствие деревянных деталей лука простых и в значительной мере сложных в материалах раннебулгарских погребений I тыс. н.э. в Среднем Поволжье и Прикамье затрудняет их анализ и заставляет рассматривать сложные и сложносоставные луки в целом.

Тетива для луков свивалась из конского волоса, шелковых нитей или сыромятной кожи. Петли, судя по находкам, были различными. Луки тщательно оберегали и до сражения носили со снятой тетивой в специальных налучьях – длинных кожаных мешках, оберегавших кибити от попадания влаги. В различных булгарских памятниках обнаружены десятки костяных петель для налучья. С их помощью налучья вместе с колчанами носили на специальном ремне на поясе.

Судя по историческим данным, пробойная сила средневековых луков достигала мощности 80 кг (оптимальная – 20–40 кг). Например, современные спортивные луки для мужчин имеют мощность до 20 кг, т.е. на уровне самых слабых средневековых. Обычная дистанция стрельбы была 60–150 м, хотя наиболее мощные луки могли послать стрелу на расстояние более 400 м. Скорострельность средневековых лучников достигала 10–12 выстрелов в минуту, особенно при поражении сомкнутой массы воинов, а не во время прицельной стрельбы.

Конструктивно данные луки состояли из деревянной основы – кибити, выполнявшей роль рычага для многократного увеличения мускульной энергии стрелка и тетивы – несущей части лука, придававшей ускорение стреле (Рис. 1). Кибить, которая могла быть как цельной,

так и комбинированной из разных пород дерева, в свою очередь состояла из середины (или рукояти) – места хвата рукой и концов, на которых крепилась тетива и соединяющих их между собой изогнутых, гибких плеч (или рогов) (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983, с.73; Худяков, 1980, с.66). Особенностью этих луков были армирование костяными и эластичными роговыми накладками середины и концов, которые более прочно закрепляли плечи, делая кибить комбинированным оружием, сочетавшим неподвижные и гибкие части, что резко увеличивало рефлексирующую силу плеч (Литвинский, 1966, с.65–69).

Особенности сочетания различных видов костяных накладок на концы и рукоять лука довольно разнообразны и показательны для развития луков, что позволяет классифицировать сложные и сложносоставные луки именно по этому признаку. Впервые такую типологию на материалах Центральной Европы аварского и венгерского времени составил К. Шебештьен, который, изучив сохранившиеся образцы сложносоставных луков из этнографических коллекций и детально проанализировав костяные накладки из археологических объектов, сумел реконструировать важнейшие узлы сочленений луков различных конструкций (Sebestyen, 1930). Для раннесредневековых древностей Восточной Европы подобная типология в последнее время также была разработана А.М.Савиным и А.И.Семеновым (см.: Савин, Семенов, 1989, 1990). Используя их методику, удалось более точно реконструировать форму лука и характер сочленения его деталей для сложносоставных луков Среднего Поволжья и Приуралья, выявить их место в истории метательного оружия Восточной Евразии (Измайлов, 1993, 1994, 1998, 2008).

Все находки сложносоставных луков Среднего Поволжья можно разделить на три хронологические группы: 1. тюрко-болгарский (раннебулгарский) этап (середина VIII – середина X в.), который характеризуется становлением этнокультурной общности в Среднем Поволжье; 2. болгарский (вторая половина X – первая треть XIII в.), основным содержанием его было развитие средневекового военного дела; 3. золотоордынский (вторая треть XIII – XV вв.), связан с монгольскими завоеваниями и становлением татарского военного дела. Все три этапа (Рис. 2, 12) имеют особенности источниковедческого характера: на первом этапе основную часть представляют материалы погребальных памятников – курганных и грунтовых могильников, а на втором и третьем этапах находки происходят из слоя поселений. Определенные различия имеются также в направлении этнокультурных связей, влиявших на формирование набора луков: на первом этапе развитие стрелкового оружия во многом объяснялось племенными традициями и особенностями боевой практики; на втором выбор луков определялся общими тенденциями развития стрелкового комплекса в Булгарии; а на третьи произошел переворот в истории стрелкового оружия и полная замена типов лука в соответствии с центральноазиатскими традициями империи Чингиз-хана.

1. Тюрко-болгарский (раннебулгарский) этап.

Находки, относящиеся к деталям сложных и сложносоставных луков второй половины I тыс. н.э., уже получили определенное освещение в археологической литературе. Основной материал, характеризующий луки происходит из могильников конца VII – середины X вв. («раннебулгарский» период) из района Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья: Большетарханского (Генинг, Халиков, 1964), Большетиганского (Халикова, 1976; Chalikowa, Chalikow, 1981; Халиков, 1984), Танкеевского, (Казаков, 1971; 1992), Лебязского (Казаков, 1992), «Золотонивского» (Васильева, 1979), Осиновского III (Богачев, Мышкин, 1995), Брусаянского II и IV, Новинковского II и Шиловского (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

Самым ранним из выявленных модификаций сложносоставных луков применявшихся населением Поволжья и Нижнего Прикамья в конце VIII – начале VIII вв., судя по имеющимся данным, были луки «гунно-болгарского» типа (Рис. 3–4). Несомненно, что этот лук был довольно мощным оружием и его применение привело в тот период к появлению целого ряда новых типов плоских и граненых наконечников стрел (Иванов, 1987; Измайлов, 1994). Позднее, начиная, видимо, с середины VIII в. этот «болгарский» лук выходит из употребления в Нижнем Прикамье и на Средней Волге. Объясняется это как мощной инфильтрацией в регион тюркских и угорских племен с юга и востока, принесших с собой новые типы метательного вооружения, так и повсеместным изменением конструкции сложносоставного лука, что было вызвано стремлением приспособить его к новым условиям боевой практики.

Подобный тип лука обнаружен, судя по обломкам концевых боковых накладок, в погр. 2 кург. 24 Бруснянского II могильника, из погр. 1 кург. 2 Бруснянского IV и погр. 2 кург. 1 Шиловского могильников (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.116, Рис.25, 3, 4; Табл. X, 5, XI, 1–5). Реконструкция этих луков сильно затруднена из-за ограбления погребения и некомплектности находок. Вместе с тем в этих погребениях явно присутствуют наиболее характерные детали данного типа лука – концевые боковые накладки с приостренным нижним концом и концевые фронтальные и тыльные накладки. К сожалению, срединная боковые накладки встречены без пары в обоих погребениях (погр. 1 кург. 2 Бруснянского IV и погр. 2 кург. 1 Шиловского могильников), а некоторые костяные обломки можно трактовать как детали фронтальных и тыльных срединных пластин.

Конструкция их хорошо известна и на материалах Волго-Камья описана по находке довольно полного комплекта накладок подобного типа лука из погребения Такталучукского могильника (см. Измайлов, 1994). Таким образом, практически нет сомнений в том, что в этих погребениях встречены обломки лука «болгарского» типа, хотя и, возможно, с некоторыми особенностями в конструкции (клиновидный приостренный конец, не такой выраженный трапециевидный характер у срединных боковых накладок. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с некоторой модификацией раннего «гунно-болгарского» лука.

Луки «тюркского» типа.

Этот тип сложносоставных луков отличались наличием одной пары срединных боковых и комплекта (реже – одинарных) концевых накладок (Рис. 5–6). По характеру набора накладок и особенностей их устройства все костяные детали лука делятся на типы (Савин, Семенов, 1989; 1990).

Всего из памятников раннебулгарского времени с территории Среднего Поволжья известно 36 подобных костяных накладок из 20 погребений (в 13 случаях они сохранились парами). Все эти костяные пластины довольно однообразны и имеют длину от 12 до 18 см, хотя сохранилось два небольших экземпляра (длина 8,5 и 9 см и ширина 2–2,8 см). Судя по количеству находок разной длины, не исключено, что ранние булгары использовали два вида накладок – подтип 1 длиной 9–14 см (11 экз., Рис. 5) и подтип 2 – 15–18 см (24 экз. Рис. 6). Возможно, эти накладки применялись на луках различной мощности и длины, хотя нельзя полностью исключить и влияние определенной племенной традиции.

Все костяные накладки имеют вытянутую овальную с зауженными концами форму и несколько изогнуты в профиле по ширине. Толщина этих пластин 1–1,5 мм, а края уплощены и приострены. Внешняя поверхность их в основном гладкая и только по краю (до 5 мм) идет косая, перекрещивающаяся неглубокая нарезка, хотя есть пластины у которых рифление занимает до половины их длины. Внутренняя поверхность их также вся покрыта мелкой нарезкой в виде косой решетки. Судя по характеру изгиба и нарезки парных накладок, толщина рукояти кибити составляла около 2 см.

Сложносоставной лук, снабженный парой срединных боковых накладок, обеспечивающих прочное и эластичное крепление выгнутых плеч, позволял, видимо, усиливать их рефлексию за счет удлинения рогов. Отсутствие концевых накладок можно объяснить желанием уменьшить зону жесткости, увеличить подвижную часть лука. Нельзя также отрицать возможности применения в таком луке разных пород дерева и мягкого рога. Об этом свидетельствует отсутствие срединной тыльной пластины, которая, скорее всего, была заменена на гибкие роговые или деревянные обкладки плеча (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983, с.70, 78). Все эти новые конструктивные детали, возможно, делали его достаточно удобным и эффективным оружием (Худяков, 1986, с.207–217; Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995, с.66–89).

В могильниках эти накладки представлены неравномерно: в Большетарханском могильнике из 34 погребений с оружием они встречены 2 раза (оба парами), в Большетиганском – из 17 в 11 (8 парами и в двух – по 3 накладки), в Танкеевском – из более 100 – в 5 (однажды парой и 4 – по одной), в погребении Лебяжского – 1 (не парная). В Новинковском (курган 17, погр. 1), Осиновском III могильниках накладки встречены парами, а в Бруснянском II (кург. 16, погр. 6) обнаружены три накладки, причем парные накладки относятся к подтипу крупных, а единичная – к малому. Вероятно, единичный обломок срединной боковой пластины

обнаружен в одиночном кургане Брусянского II могильника (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.116, Табл. LXXIII, 9). В погребениях остатки этих луков чаще всего (8 случаев) были обнаружены с правой стороны от умершего (7 – в Большетиганском и 1 – в Большетарханском могильниках, 1 – в Новинковском II, кург. 17, погр. 1), очевидно, справа лежали накладки на лук и в Осиновском III могильнике, хотя оно было сильно разграблено еще в древности. В 5 раз они зафиксированы слева (3 – в Большетиганском и по одному – в Большетарханском и Танкеевском могильниках). В 7 случаях местоположение лука относительно костяка определить не удалось (разрушенное погребение, кенотаф и т.д.). Все эти данные заставляют думать, что наиболее характерным было положение этого лука справа от погребенного, что отражает, видимо, представление о месте этого вида оружия в системе погребального инвентаря среди населения Среднего Поволжья в конце I тыс. н.э.

Подобные сложносоставные луки со срединными боковыми накладками широко представлены находками из памятников VII–X вв. Южной Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы. Происхождение их связано со степными районами Южной Сибири, где они появились в период тюркского великодержавия (VII–VIII вв.) (Гаврилова, 1965, с.87; Савинов 1981, с.149). Д.Г.Савинов предложил называть этот тип лука «тюркским», отмечая, что их распространение было связано с эпохой тюркских каганатов в обширном регионе от Монголии до Верхней Оби и Прииртышья (Савинов, 1981, с.149). В Восточной Европе накладки таких луков известны из целого ряда памятников от Прикубанья до Венгрии и Дунайской Болгарии, иногда в комплекте с концевыми накладками. Сходная форма и один археологический период использования этого типа позволяют считать их деталями сходных по конструкции типов лука (Савин, Семенов, 1989, с.106, 107; Они же, 1990, с.170, 171). Подобные детали сложносоставных луков в VIII–X вв. широко использовались, видимо, в Южном Приуралье, где встречены в погребениях Каранаевского, Старохалиловского, Лагеревского, Бекешевского и Ямаши-Тауского могильников (Мажитов, 1981, рис.15, 17, 34, 37, 51, 57, 60; Иванов 1987, с.178), а также в Верхнем Прикамье, где найдены в памятниках этого времени (Мыдлань-Шай, Варни, Тольен и т.д.) (Генинг, 1962, с. 55,56, Табл. XI, 20–22; Семенов, 1980, Табл. XIX, 18, 19; Семенов, 1988, рис.4, 13).

Судя по всем этим аналогиям, сложносоставные луки «тюркского» типа у населения Среднего Поволжья раннебулгарского периода имеют больше южносибирские, чем причерноморские истоки, что, видимо, объясняется инфильтрацией сюда тюркских и угорских племен из Верхнего Прикамья, Зауралья и Заволжья. Хотя влияние тюркской военной культуры на распространение этих передовых типов луков трудно переоценить, вряд ли этот факт можно объяснить лишь проникновением тюрков. Так как были регионы вне тюркских каганатов, где эти луки использовались (Прикамье, Приуралье) и одновременно внутри ареала империи тюркютов не везде этот тип лука был преобладающим.

Интересным представляется вопрос и о соотношении этого, преобладающего в Среднем Поволжье типа лука с другими типами луков, распространенными в степной зоне Восточной Европы (см.: Савин, Семенов, 1989, Савин, Семенов, 1990; Круглов, 2005, с.73–142). Суть этой проблемы в том, что исследователи обычно рассматривали Волго-Уральский регион в качестве периферии степного мира и видели в нем некую репликацию процессов, происходивших в южных степях. Анализ материала из Среднего Поволжья заставляет полагать, что дело было не совсем таким образом. В то время, как в степи в VIII–X вв. преобладали луки «венгерского» и «хазарского» типов, в Среднем Поволжье образовался ареал с совсем другими традициями. Имеет смысл обратиться, очевидно, к гипотезе, высказанной А.И.Семеновым в одной из личных встреч, что подобное распределение типов сложных луков может свидетельствовать о некоторых различиях в этнокультурных традициях. Эта мысль не получила дальнейшего развития, а в трудах Е.В.Круглова получила довольно экстравагантное объяснение с точки зрения природных условий: дескать в суровые реалии климата заставили хазар модифицировать свои луки и технология их производства двигалась в сторону отказа от концевых пластин (Круглов, 2005, с.91). Представляется, что этот «географический детерминизм» не имеет никакого отношения к действительности. Различные типы сложных и сложносоставных луков с успехом использовались как в степях Центральной Азии, так и на Край-

нем Севере, где климатические условия гораздо более сложные, чем в Европе. Путь решения этой проблемы, думается, в изучении сочетания различных социальных факторов – этнокультурных и военно-технологических.

Вполне очевидно, что тюркские и угорские племена, обитавшие в Волго-Уральском регионе имели другое происхождение, чем тюрко-хазары Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья, это подтверждается как данными погребальных памятников, так письменных источников. Вооружение и военная технология у них также оказалась несколько другого типа, чем у народов раннего Хазарского каганата. В дальнейшем, несмотря на нивелирующее влияние военного дела этой державы здесь продолжали сохраняться более ранние традиции. Но в силу новых обстоятельств военно-политической истории оказалось, что именно эта технология является более передовой и постепенно развитие луков начинает сдвигаться в сторону изготовления сложных луков с срединными боковыми пластинами (Круглов, 2005, с.92). При этом надо учесть, что луки с боковыми концевыми накладками сохраняются не просто на периферии степного мира, что было бы проще и, на первый взгляд, довольно логично, но там, где выявляются какие перемещения населения из Северного Причерноморья. Иными словами, использовались луки с накладками «хазарского» типа не просто периферийным в отношении военной техники населением, отставшим от военно-технического майнстрима, но просто переселенцами, сохранявшими некоторое время свои традиции. В то время как Волго-Уральский регион представлял в этом отношении не «задворки» воинственного мира степных кочевников, а весьма передовую область, имеющую свои собственные особенности развития.

Все это заставляет думать, что появление и сравнительно быстрое распространение сложносоставных луков с парой срединных боковых накладок (часто еще с различными типами концевых) было связано, скорее всего, с военно-техническими причинами: усилением мощи этих луков за счет увеличения длины подвижных плеч, более эластичного крепления рогов к рукояти и концам, общим увеличением скорострельности лучников при сокращении дистанции стрельбы, а также, видимо, применение новых материалов в конструкции кибити. Эти усовершенствования привели к тому, что они почти повсеместно вытеснили «гунно-болгарские» типы луков, в том числе и в Среднем Поволжье и Прикамье. Вероятно, есть также определенная связь между внедрением в боевую практику этих луков и появлением новых типов плоских (лавролистные, «гнездовские», срезни и т.д.) и граненых наконечников стрел. Произошло это уже в более позднее время и совпало со становлением военного дела Волжской Булгарии (см. Измайлов, 2008, с.75–87).

Луки «венгерского» типа.

Одновременно с «тюркскими» луками в Среднем Поволжье в VIII–IX вв. зафиксировано применение также, так называемого «венгерского» лука. Костяные обкладки лука этого типа происходят из двух впускных погребений кургана близ пионерлагеря «Золотая нива», исследованного в 1977 г. Л.Н.Жигулиной. Основное погребение его относится к срубному времени, а впускные – скорее всего, раннебулгарского периода, судя по комплексу находок и отнесены исследователями ко второй половине VIII–IX вв. (Васильева, 1979, с.215, 216).

Оба лука из погребений практически идентичны и включали несохранившуюся деревянную кибить, армированную парой срединных боковых накладок и двумя парами концевых – фронтальной и тыльной. Однако между ними есть и различия, которые позволяют разделить их на два подтипа и считать их особой формой лука «венгерского типа» (Рис. 7–10).

Срединные боковые имеют вид вытянутых овалов с зауженными концами, выровненными по всей площадке пластины, и изогнуты в профиле по ширине. Практически все они обломаны и частично деформировались от времени, но в целом они находятся в удовлетворительном состоянии, что позволяет реконструировать конструкцию лука. Длина накладок 13–14 см, ширина до 3 см, а толщина – 0,2 см. Внешняя поверхность большей частью их была гладкая; неглубокой перекрещенной косой нарезкой покрыты только концы (2–3 см), а глубокой косой – фронтальный край пластины и редкой – остальная поверхность. Обратная сторона пластины также вся густо изрезана косым решетчатым рифлением. Края всех этих пластин заострены. Эти накладки, определенно крепились к рукояти лука, проклеивались и спирально

перетягивались сухожилиями, для чего и служило рифление. Ширина кибити при этом, видимо, составляла 3–4 см (Рис. 8).

Концевые накладки состояли из комплекта фронтальной и тыльной пластин. Первые (сохранилось 3 экз.) имеют вид длинных (до 16 см) и узких (до 0,9 см) подтреугольных в профиле пластин, имеющих в верхней части вырез для тетивы (глубиной до 0,3 см). К сожалению, на всех накладках обломан верхний край, поэтому очень трудно судить о его характере. Судя по аналогиям, верх пластины обычно на треть возвышался над ушком. Накладка плавно изогнута в профиле по длине и заострена к нижнему краю. Вся поверхность накладки покрыта косой неглубокой рельефной нарезкой. В паре с этой накладкой использовалась концевая тыльная дублирующая фронтальную с обратной стороны. Всего таких пластин известно две и еще две, видимо, в обломках. Все они имели вид вытянутого (более 16 см) узкого (ширина от 1 до 2,5 см) равнобедренного треугольника, изогнутого в профиле по длине. Нижний тупой, край их с внешней стороны приострен и покрыт полосчатым неглубоким рифлением. Остальная поверхность гладкая. Верхний конец обломан. С внутренней стороны вся накладка расчерчена косой решеткой в неглубоком рельефе, такой же насечкой покрыт и кососрезанный край пластин (Рис. 10).

Судя по этим деталям, конец деревянной кибити заключался между узкой с ушком для тетивы и тыльной подтреугольной пластинами, образуя окончание лука (толщиной до 3–3,5 см), при этом, видимо, тыльная накладка была несколько смещена книзу по отношению к фронтальной. Наличие нарезки по всей длине пластины, говорит о том, что сухожилия стягивали концы лука вплоть до ушка тетивы, а отсутствие срединных тыльных накладок может свидетельствовать в пользу соединения здесь внакладку гибких роговых плечевых обкладок (Савин, Семенов, 1989, с.106).

Пока трудно говорить о реальных размерах «венгерских» луков, но, несомненно, что они также как и «тюркские» имели размеры до 150 см. Эффективность «венгерских» луков обеспечивалась за счет большей эластичности, чем у «гуннских» и «болгарских» типов, но в то же время более прочным сочленением гибких и неподвижных узлов, чем у «тюркских», что позволяло увеличивать дальность стрельбы при сохранении скорострельности (Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995, с.66–89).

Подобные наклейки известны в Северном Причерноморье и в Венгрии, где считаются развитием «хазарского» и «салтовского» типов лука (Савин, Семенов, 1990, с.170, 171; Савин, Семенов, 1989, с.106). Недаром, его носители, явно связаны с южными степными районами, несколько выделяясь по обряду погребения от остальных погребений Среднего Поволжья конца I тыс. н.э. Вместе с тем следует отметить, что данная конструкция не типично «венгерская», так как в ней присутствует не только узкая фронтальная, но и тыльная пластина, отличающаяся размерами от узких «игловидных» накладок «венгерского» типа. Не исключено, что само появление такого варианта «венгерского» лука, связано с желанием соединить достоинства различных типов луков. К сожалению, пока трудно говорить о широком распространении подобного типа лука в Среднем Поволжье в VIII–X вв.

Лук «хазарского» типа.

Наиболее интересная находка лука близкого к этим типам происходит из Южного Приуралья, о чем свидетельствуют наклейки «хазарского» лука из 3 кургана Тамар-Уткульского могильника (Иванов 1987, с.178, рис.2, 2).

Особенностью данного типа лука является наличие концевых накладок, которые представляют собой крупные трапециевидные в сечении пластины (длина до 15 см и ширина 2,5–3 см). С внутренней стороны вся накладка расчерчена косой решеткой в неглубоком рельефе. От других типов концевых фронтальных накладок они отличаются тем, что глубокая выемка для тетивы сделана примерно на трети расстояния от верхнего края накладки, а внешняя часть их расчерчена косой решеткой почти до выреза для тетивы.

Срединные боковые пластины имеют вид вытянутого (более 15–15,5 см) узкого (ширина 2,7 см) равнобедренного треугольника, изогнутого в профиле по длине. Нижний тупой, край их с внешней стороны приострен и покрыт полосчатым неглубоким рифлением. Таким же рифлением покрыт по всей длине и один край (внешний?) пластины. Остальная поверхность

гладкая. С внутренней стороны вся обкладка расчерчена кривой решеткой в неглубоком рельефе, такой же насечкой покрыт и кососрезанный край пластин.

Ранее вслед за исследователями Осиновского III курганного могильника (Богачев, Мышкин, 1995, с.65–74, рис.4, 1, 2; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с.116, рис.25, 2) я полагал, что и в этом погребении обнаружены обломки концевых фронтальных накладок подобного типа (см.: Измайлов, 1998, с.198–205). Следует сказать, что это курганное погребение, видимо, было разрушено, поэтому установить первоначальное положение деталей лука и их соотношение между собой не представлялось возможным, что и породило ряд недоразумений в отношении реконструкции лука. Было сделано предположение, что кроме срединных боковых, там обнаружены также концевые накладки. Однако подробное их изучение заставляет отказаться от этого предположения. Очевидно, исследователи и я вслед за ними приняли за обломки костяных пластин строгали для обработки древков стрел.

Таким образом, можно сделать вывод о наибольшей распространенности в середине VIII – середине X вв. накладок «тюркского» типа. Одновременно в боевой практике населения Среднего Поволжья сохраняются также «болгарский» и «венгерский» типы, а также проникают единичные экземпляры луков других типов (хазарский). Особенностью набора луков в данном регионе является преобладание именно «тюркского» лука, тогда как в ареале салтовомаяцкой культуры представлено гораздо большее разнообразие различных типов луков с разнообразной комбинацией накладок, например, «салтовские» и «хазарские» луки здесь получили значительное распространение (Савин, Семенов, 1990, с. 169–171). Вполне возможно, что подобное распределение находок связано с направлением этнокультурных контактов населения Волго-Уральского региона, для которого важную роль играли связи с кочевниками Южного Урала, Западной Сибири и Центральной Азии, тогда как с населением Хазарского каганата они находились в военно-политической конфронтации.

2. Булгарский этап.

Следующий этап развития луков в Волго-Уральском регионе связан с военно-политическим и этнокультурным взаимодействием Волжской Булгарии с племенными группами Южного Приуралья, Заволжья и Нижнего Поволжья. Письменные (арабо-персидские и русские) источники неоднократно отмечают использование булгарами луков и стрел во время военных действий, что не оставляет сомнений в массовости использования этого оружия (Измайлов, 2008, с.75–87).

В средневековой Булгарии довольно распространенным типом лука оставался тот же «тюркский» тип составного лука (Рис. 12, 13, 14). Находки от него представлены срединными боковыми накладками Прав был Ф.Ш. Хузин, когда указывал, что подобных накладок с территории Булгарии довольно мало и указывал на одну накладку (Хузин, 1985, с.133, Табл. XLV, 6), которую отнес к лুকным накладкам, очевидно, по недоразумению. Дело в том, что эта накладка из коллекции А.Ф. Лихачева и хранящаяся ныне в НМ РТ (ГМТР №5427–28, Бил.–33) не имеет насечек на тыльной стороне, что исключает ее использование в качестве срединной боковой накладки. На сегодняшний день из всех собраний и коллекции известно несколько накладок, которые можно отнести к этому типу (всего 3 экз.). Одна обнаружена при раскопках Болгарского городища и хранится в ГИМе (ГИМ XIII–2, №3705), одна найдена при раскопках Старотинчалинского поселения (Ульяновская обл.) (Васильева, 1991, с.187, рис.3, 11). Все они довольно стандартны и представляют собой широкие подпрямоугольные пластины с несколько скошенными в одну сторону или овальными концами (длина 14, ширина 2,5–3,5 см). Они имеют чуть изогнутый вид и покрыты крупной штриховой нарезкой по краю лицевой стороны обеих пластин и крупной продольной нарезкой по обратной стороне.

Еще одна накладка может быть отнесена к срединным боковым с определенной долей сомнения. В своей публикации этот обломок костяной пластины Ф.Ш. Хузин назвал концевой боковой накладкой (Хузин, 1985, с.131–132, Табл. XLV, 5) (Рис. 14). Эта накладка (длина 12 см, ширина 2,5 см) имеет округленный верх и гладкую поверхность с лицевой стороны и тыльную прорезанную глубокой продольной нарезкой. Этот обломок найден при раскопках Билярского городища в слое XII–XIII вв. (Там же). Эта накладка не характерна для срединных боковых тем, что не имеет штриховки по лицевой части для крепления с кибитью, но и

концевой боковой она быть не может, поскольку небольшое углубление (скол) по краю пластины слишком мал и неглубок, чтобы удерживать тетиву. Не исключено, все же, что этот какая-то разновидность срединной боковой пластины.

Особенностью развития луков в XI–XII вв. как в Булгарии, так и Восточной Европе в целом, является то, что в конструкции луков вновь стали использовать концевые фронтальные накладки. Всего их ныне известно из разных собраний 9 экз. Их размеры различаются, что позволяет выделить два подтипа концевых фронтальных накладок: 1. длиной 10–15 и массивным (длина до 3 см, толщина 1,5 см) выступающим над вырезом верхним краем (6 экз); 2. длинные узкие (16–20 см) с небольшим (до 1,5 см) выступающим верхним краем (3 экз.). Подобные концевые накладки встречаются в памятниках Восточной Европе в X–XIII вв.: на Руси, в Подонье у кыпчаков (Саркел), а также в Прикамье и у тюркских народов Западной Сибири, Алтая и Забайкалья (Флерова, 2001, с.46; Иванова, 1998, рис.49, 9–11). Некоторые исследователи даже связывают появление данных концевых накладок в Подонье с движением кимаков (Флерова, 2001, с.46).

Тем самым можно сделать вывод, что на вооружении болгарских лучников появляются луки с концевыми фронтальными накладками с вырезом для тетивы, снабженные также срединными боковыми пластинами. Не исключено, что подобная конструкция лука появилась у болгар под влиянием заволжских йемеков, как и ряд других военно-технических новшеств в вооружении и конском снаряжении в конце X – первой трети XIII вв. Не исключено, что она была вызвана переменами в военном деле, вызванными общим усилением доспеха. Для противодействия тяжеловооруженному противнику требовалось не увеличивать быстроту стрельбы, а повышать ее дальность и поражающую мощь. Для этого требовались луки, способные выдерживать его возрастающую мощь, что в первую очередь должно было затронуть узлы жесткости лука – середину и концы. Очевидно, в этой связи постепенно изменяется и весь стрелковый набор, включая набор стрел и появление запястных пластин для левой руки лучника.

3. Золотоордынский этап.

«Монгольский» тип лука (Рис. 12) с фронтальной срединной накладкой, имеющий характерный «веслообразный» вид. С территории Среднего Поволжья выделяется находка подобной костяной накладкой из района Билярского городища. Она представляет собой крупную костяную накладку с веслообразными концами с размерами: общая длина 27 см; длина «лопаточек» 6,5 и 9; ширина «лопаточек» 1,7–2,8 и 2,3–2,5 см; ширина центральной части «лопаточек» 1,8 см; толщина концов 0,3 см и средней части 0,4 см. Вся накладка имеет выгиб во внешнюю сторону до 1,2 см. «Лопаточки» плавно закруглены и покрыты глубокой, довольно редкой продольной насечкой. Для этой накладки специфичны: довольно длинные концевые «лопаточки», четко обозначенные невысокими «плечиками»; постепенное сужение «лопаточек» к концам; уменьшение толщины «лопаточек» к концу за счет среза заготовки, на расстоянии 1 см от плечиков; отсюда же начинается насечка, на «плечиках» она лишь обозначена (Рис. 19).

Аналогии этой накладки достаточно многочисленны, часть из них довольно сходны по форме, а часть имеет близкие конструктивные особенности. Наиболее ранние экземпляры подобных накладок происходят из памятников XI–XIV вв. из Центральной Азии и Южной Сибири (Гаврилова, 1966, с. 88; Савинов, 1981, с.155–158, рис.4, 5; Худяков, 1991, с.99, рис.49, 50, 1, 5). По периодизации А.А. Гавриловой, луки данного типа относятся к четвертой стадии развития лука «с массивными вкладышами: одним срединным, врезанным в кибить и в редких случаях одним концевым, вставленным в расщепленный конец кибити (часовенногорские и забайкальские)» (Гаврилова, 1966, с.88). Изучение истории сложносоставных луков в свете новых археологических материалов (Осинкинский могильник XII–XIII вв.) позволило Д.Г. Савинову сформулировать вывод о данном типе лука как о важнейшем этапе эволюции луков в типологически связанной линии развития луков Южной Сибири древнетюркского и предмонгольского периодов (Савинов, 1981, с.155–158, рис.4, 5). К данному выводу присоединился Ю.С. Худяков в обобщающей работе по истории вооружения средневековых центральноазиатских и южносибирских кочевников, отметив, что данный тип лука бытовал в Забайкалье уже в конце I тыс. н.э., а с XI–XII вв. становится общераспространенной для всей территории Центральной Азии, «в чем, – по его мнению, – проявился процесс универсализации отбора

наиболее эффективных для соответствующего набора стрел и средств защиты, форм лука и процесс унификации общераспространенных типов во всем историко-культурном регионе» (Худяков, 1991, с.103). Форма и размер накладок данного типа в Центральной Азии претерпели за период позднего средневековья ряд изменений под влиянием этнокультурных или технологических причин, но основными тенденциями были увеличение массивности фронтальной пластины, которая стала трапециевидной в плане и, утратив веслообразные концы, в период позднего средневековья приобрели уплощенные чуть расширенные окончания (Худяков, 1991, с.159–160, рис.6).

Практически все аналогичные накладки из Восточной Европы происходят из позднеочевнических погребений Поволжья и Южного Приуралья XIII–XIV вв. (Иванов, Кригер, 1988, с.13, рис.2, 9; Федоров-Давыдов, 1966, с.25, рис.3, 7). Еще одна довольно близкая аналогия билярской находке обнаружена в Новгороде в слоях второй половины XII в., где она найдена в результате раскопок в 1953 г. в комплекте с довольно хорошо сохранившейся кибитью лука, позволив подробно реконструировать данный тип лука (Медведев, 1959, с.139–143, рис. 8, 10; Медведев, 1966, с.10–12, табл.1, 6).

Подобные же находки веслообразных фронтальных накладок известны из могильников Черных Клобуков (Плетнева, 1973, Табл. 11, 1, 15, 2, 3, 16, 7, 20, 9). Весьма интересно, что дважды (погребения курганов 312 и 366) срединная фронтальная накладка обнаружена в комплекте со срединной боковой (Плетнева, 1973, Табл.11, 1, 2, 15, 1–3). Датировка этих курганов сложна и вызывает дискуссию. Ряд исследователей считает возможным датировать все поросские курганы XII – началом XIII вв. (Плетнева, 1973, с.15–19), а другие – склонны разделять погребальные комплексы из Поросья на два культурно-хронологических этапа: кыпчакский (XII – первая половина XIII в.) и золотоордынский (середина XIII – XIV вв.) (Федоров-Давыдов, 1965, с.62, 63, рис.1; Федоров-Давыдов, 1966, с.11–32, 115 и далее). Между тем, даже принимая систему датировки Г.А. Федорова-Давыдова, следует отметить, что, по крайней мере, два погребения (Федоров-Давыдов, 1966, Табл. 11, 1, 2, 16, 7) со срединными фронтальными костяными накладками можно датировать серединой XIII в. Есть основания полагать, что находки, включая обломок лука из слоев Новгорода и окрестностей Биляра также следует относить ко времени не ранее этой даты и связывать военно-политическими событиями вызванными монгольскими завоеваниями.

Скорее всего, совершенство и удобство этого типа лука способствовали заимствованию его различными народами вместе с характерным набором новых форм стрел уже в предмонгольский период. Все это позволяет датировать данный тип лука для территории Среднего Поволжья, начиная с конца XII века, хотя основной расцвет луков данного типа приходится на XIII–XIV вв.

Позднее, в Восточной Европе и степях Евразии подобные луки в XIII–XVI вв. претерпевали заметную трансформацию, при этом одной из тенденций стало исчезновение к XIV в. срединных фронтальных костяных накладок. Весьма убедительно эти процессы развития сложных и сложносоставных луков в Улусе Джучи прослежено для района Предкавказья, где зафиксировано исчезновение костяных накладок на лук и появления двухклинных рукоятей (Мамаев, Чахкиев, Даутова, 1983, с.54–56, 66–71, рис.6, 7).

Сложносоставные луки «монгольского» типа были довольно развитым оружием дистанционного боя. Конструктивно костяная «лопаточка» выполняла роль срединной фронтальной накладки, которая придавала кибити дополнительную жесткость и усиливало всю систему лука. Обычно «монгольские» луки использовались в комплекте со срединными боковыми и реже с боковыми концевыми накладками. Данные луки являются довольно развитым типом кочевнических луков, сочетающих мощный узел жесткости в центре кибити и гибкость плеч. Достигалось увеличение мощности за счет выгнутости срединной фронтальной пластины и использование в конструкции плеч гибкости рога и разных пород дерева. Одновременно с «монгольским» типом лука распространяются новые формы наконечников стрел: широколезвийные и фигуролистные плоские томары, пирамидальные и долотовидные бронебойные.

Таким образом, материалы по истории лука в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье в VIII–X вв. свидетельствуют, что в этот период шел процесс активного изменения метательного

го вооружения. На смену распространенным в предшествующий период здесь сложносоставным лукам «гунно-болгарского» типа во второй половине VIII в. пришли лука новой конструкции. Самой популярной из которых были луки, снабженные парой срединных боковых накладок. Для этого «тюркского» типа лука было характерно, видимо, также использование в конструкции гибкого рога на тыльной стороне плеч, укрепленного с помощью боковых рукоятных обкладок. Эти усовершенствования позволили как создать мощный узел жесткости в середине, так и, скорее всего, увеличить гибкость и упругость плеч, сделав их более эластичными и длинными, вероятно, даже асимметричными. По мнению оружейников, такой лук был более приспособлен для быстрой стрельбы на небольших дистанциях и был более надежен в употреблении (Худяков 1980, с.74). Вместе с тем, нельзя не отметить, что именно вместе с этим «тюркским» луком в Среднее Поволжье проникают и впервые начинают активно применяться граненые броневой наконечники стрел, что может свидетельствовать в пользу достаточной мощи луков такого типа. Появление «тюркских» луков в Волго-Камье, определенно, можно связать не только с проникновением сюда новых волн центральноазиатских тюркских (аскилы/чигили, карлуки) и угорских племен из Прикамья и Зауралья, но и с изменениями в евразийском метательном вооружении.

Одновременно сюда проникают другие типы луков, таких как «венгерский» и «хазарский». Своеобразие погребального обряда и самих накладок свидетельствуют об инфильтрации в население Среднего Поволжья новых южных, вероятно, болгарских (болгаро-огурских) групп со своим набором оружия. Однако, достаточно широкого распространения: они не получили, и регион Среднего Поволжья, Нижнего и Верхнего Прикамья и даже Южного Приуралья во второй половине VIII – X вв. был зоной распространения «тюркского» лука с парой срединных боковых накладок, которые, скорее всего, наиболее адекватно отвечали требованиям развития военного дела в регионе.

Письменные (арабо-персидские и русские) источники неоднократно отмечают использование булгарами луков и стрел во время военных действий, что не оставляет сомнений в массовости использования этого оружия. В средневековой Булгарии довольно распространенным типом лука оставался тот же «тюркский» тип составного лука. Одновременно на вооружении болгарских лучников появляются также луки с концевыми фронтальными накладками с вырезом для тетивы.

Позднее, в середине XIII в. в Среднем Поволжье, как и во всей Северной Евразии преобладающим становится «монгольский» тип лука с фронтальной срединной накладкой, имеющий характерный «веслообразный» вид, характерный для стрелкового набора золотоордынского периода. Именно с ним, связан особый набор стрелкового набора и особые приемы использования метательного вооружения во время боевых столкновений.

Таким образом, можно сказать, что история лука в Среднем Поволжье прошла длительный путь характерный для истории метательного оружия всей Евразии. Но при этом, данный регион имел свои особые пути развития, связанный как с военно-техническими традициями, так и с эволюцией военного дела и вооружения Старого Света.

Литература

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998.

Богачев А.В., Мышкин В.Н. Раннеболгарский курган у с. Осиновка // Средневековые памятники Поволжья. – Самара, 1995.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. (Научные труды. Т.230). – Куйбышев, 1979.

Васильева И.Н. Старотинчалинское поселение и проблемы изучения сельской округи Волжской Булгарии // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. – Самара, 1991.

Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И. Баллистика. От стрел до ракет. – Новосибирск, 1995.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М., Л., 1965.

- Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // Вопросы археологии Урала. – 1962. – Вып.3.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. – М., 1964.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988.
- Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения. Северной Азии. – Новосибирск, 1987.
- Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск, 1998.
- Измайлов И.Л. Об одной конструкции сложносоставного лука из Волжской Булгарии // Народы Среднего Поволжья: история, культура. Тез. докл. краевед. чтений. – Казань, 1993.
- Измайлов И.Л. О реконструкции лука «болгарского» типа из Среднего Поволжья и Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994.
- Измайлов И.Л. К истории сложного лука Волжской Булгарии середины VIII – X вв. // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб., 1998.
- Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
- Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья – Казань, 1971.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1992.
- Каминский В.Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – 1982. – Вып.170.
- Литвинский Б.А. Сложносоставной лук древней Средней Азии // Советская археология. – 1966. – № 4.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981.
- Мамаев Х.М., Чакиев Д.Ю., Даутова Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983.
- Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – №65.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) (VIII–XIV вв.) (САИ. – Вып. Е 1). – М.: Наука, 1966.
- Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков (САИ. – Вып. Е1–19). – М.: Наука, 1973.
- Савин А.М., Семенов А.И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // I Кубанская археологическая конференция (Тезисы докладов). – Краснодар, 1989.
- Савин А.М., Семенов А.И. К реконструкции лука хазарского времени // Проблемы исследования памятников археологии Северного Донца (тезисы докладов). – Луганск, 1990.
- Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1983.
- Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. – Ижевск, 1980.
- Семенов В.А. Толвенский могильник IX – начала X вв. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1988.
- Федоров-Давыдов Г.А. О датировке типов вещей по погребальным комплексам // Советская археология. – 1965. – №3.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во МГУ, 1966.
- Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб., 2001.
- Хазанов А.М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1966.
- Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника (о судьбе венгров, оставшихся на древней родине) // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984.
- Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. – 1976. – № 2.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск, 1980.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991.

Хузин Ф.Ш. Предметы вооружения // Культура Биляра. – М.: Наука, 1985.

Chalikowa E.A., Chalikow A.H. Altungarn an der Kama and im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). – Budapest, Magyar Nemzeti Muzeum, 1981.

Halikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens hongrois et ethnies voisines a l'Est. – Budapest, 1977.

Sebestyen Karoly: Rejetelyes csontok nevvandorlaskori sirokban // Dolgozatok a M. Kir Ferenc Jozsef Tudomanyegetem Archeologiai Intezetebol. – Szeged, 1930.

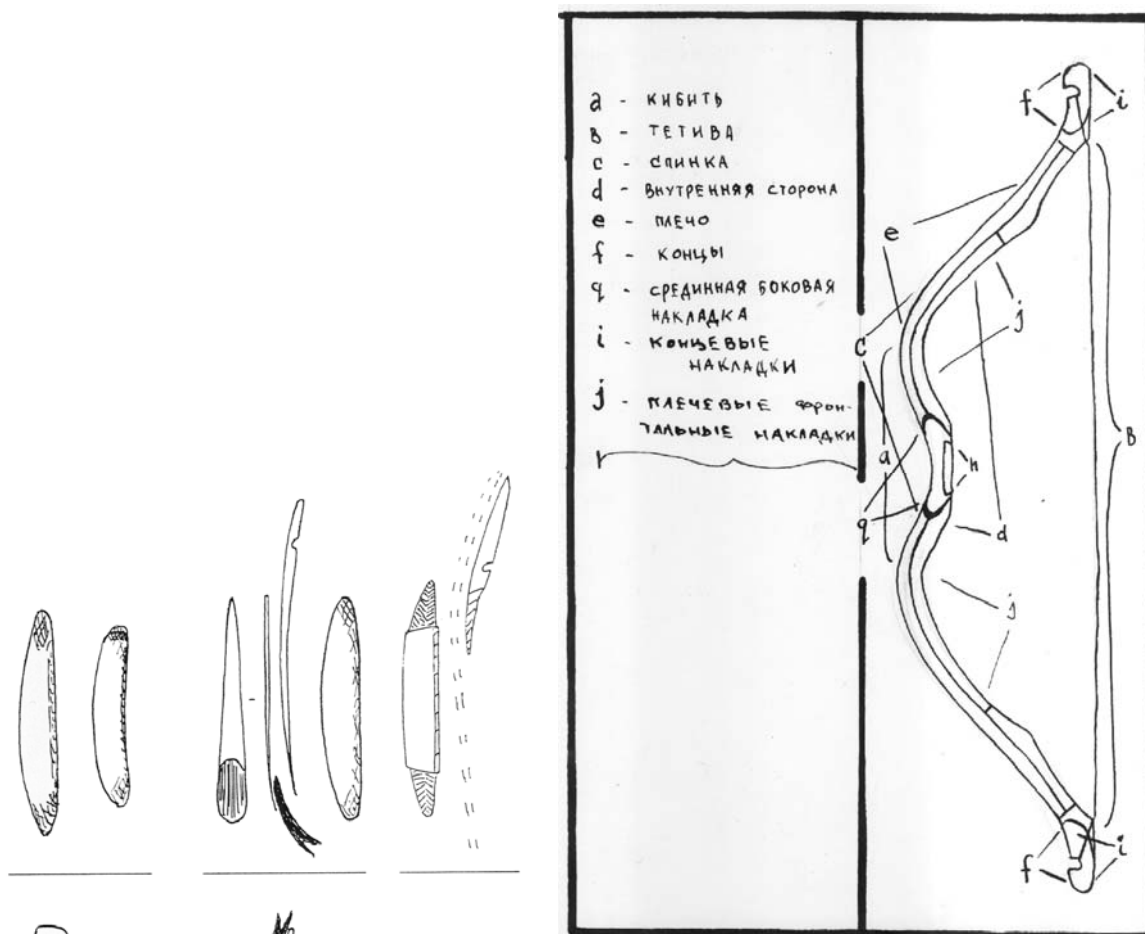

Рис. 1. Устройство сложносоставного лука (по Ю.С. Худякову).

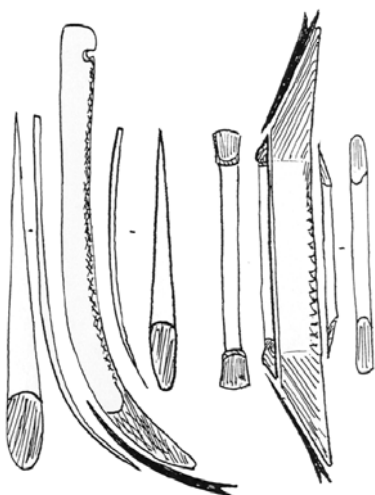

Рис. 2. Типология луков Волго-Камья в VIII–X вв.

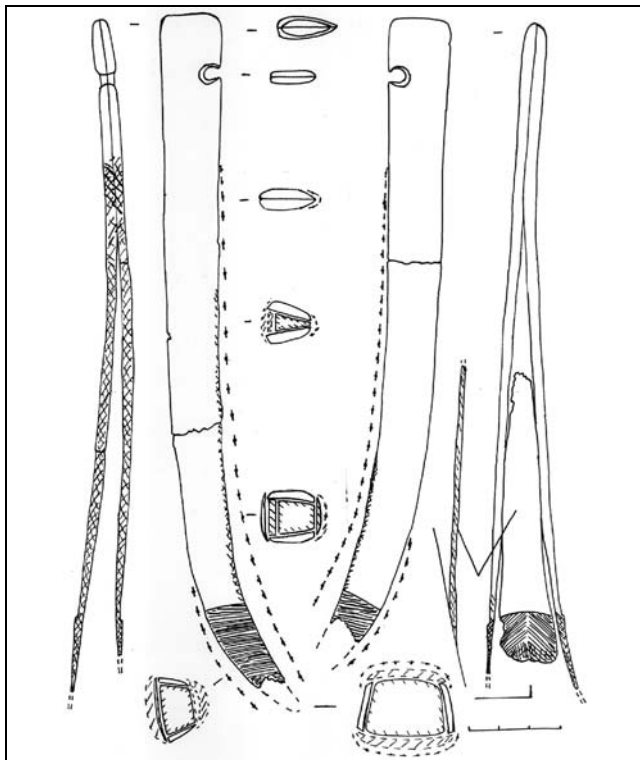

Рис. 2. Типология луков Волго-Камья
в VIII–X вв.

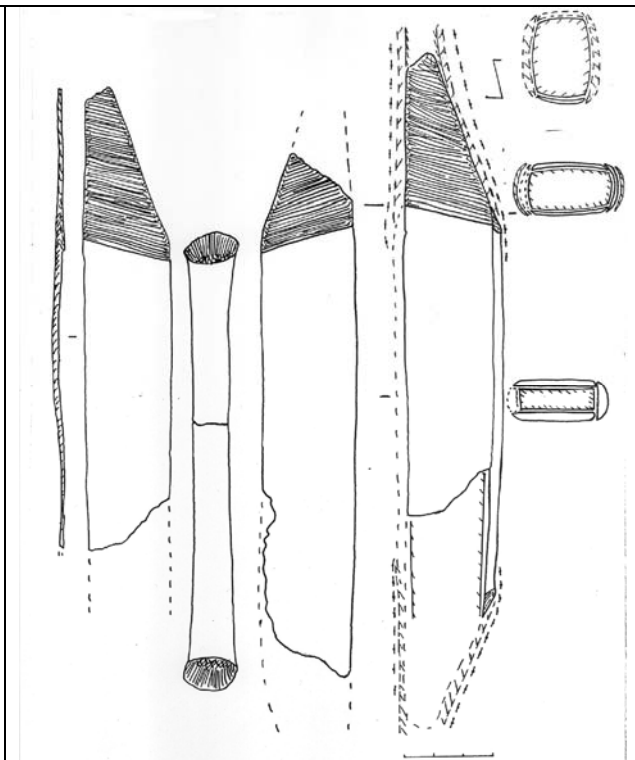

Рис. 3. Болгарский тип лука.
Концевые накладки.

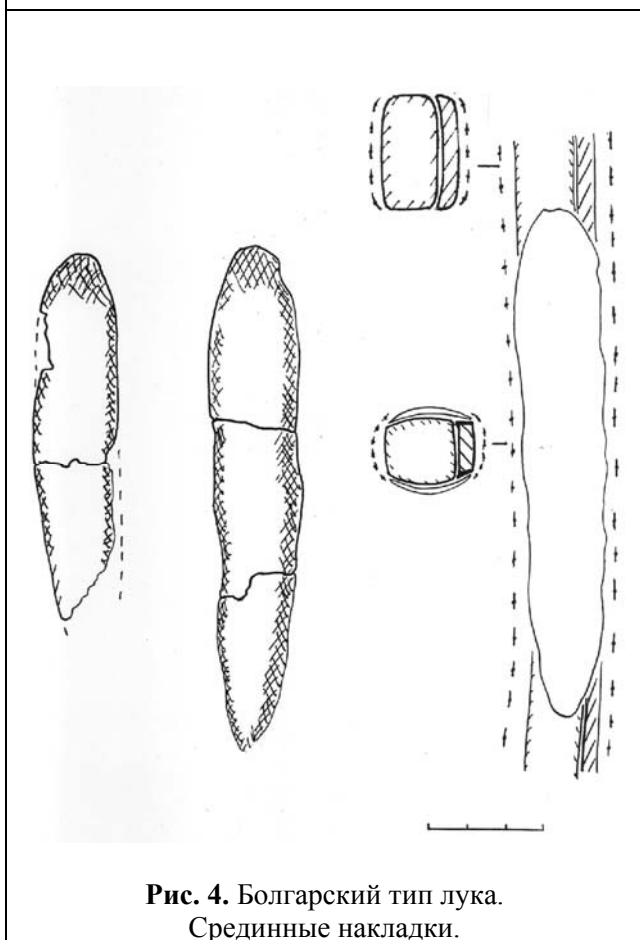

Рис. 4. Болгарский тип лука.
Срединные накладки.

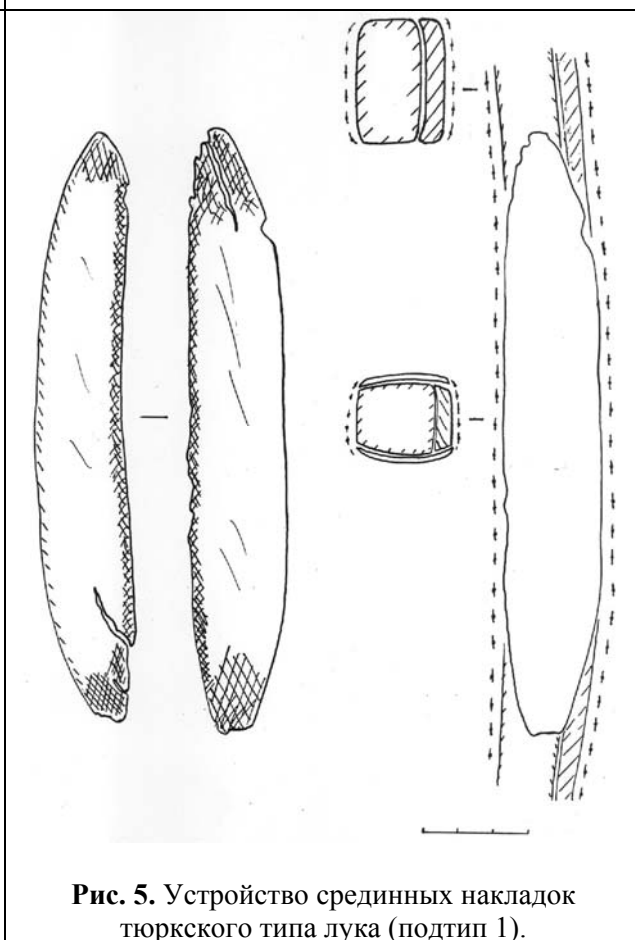

Рис. 5. Устройство срединных накладок
тюркского типа лука (подтип 1).

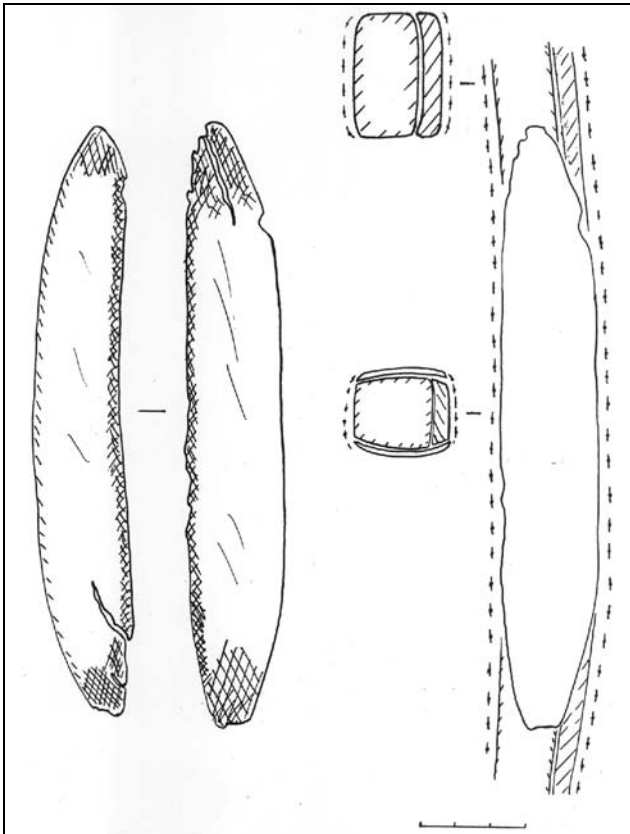

Рис. 6. Устройство срединных накладок тюркского типа лука (подтип 2).

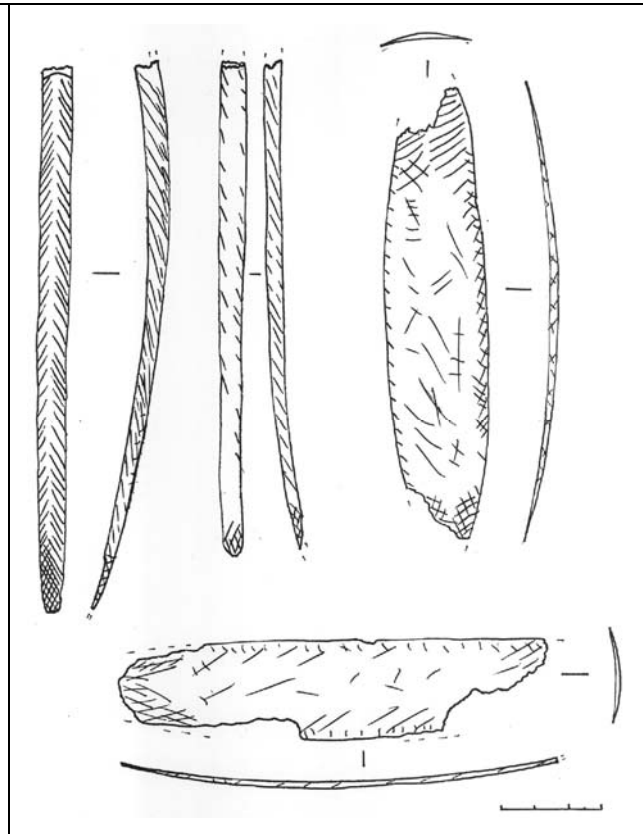

Рис. 7. Венгерский тип лука. Концевые и срединные боковые накладки.

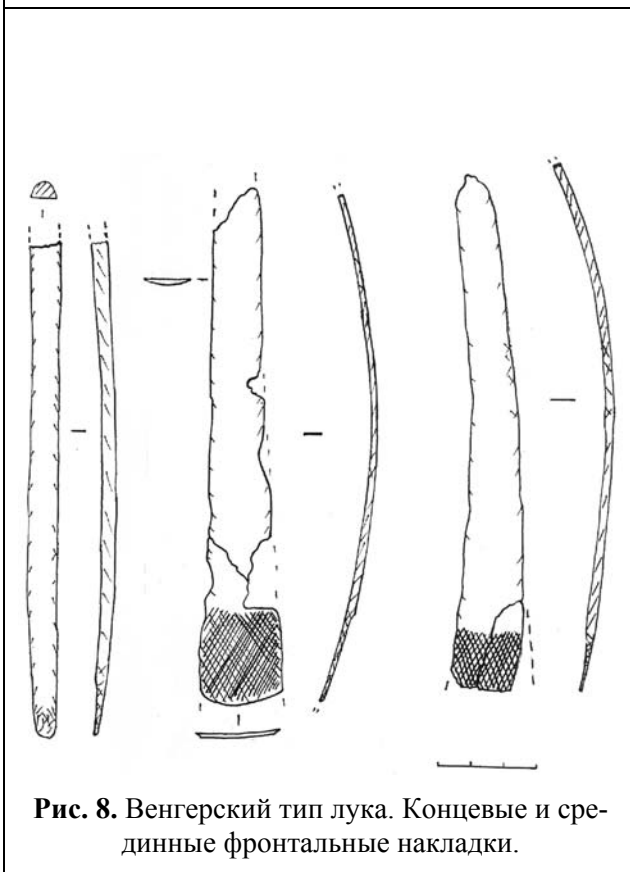

Рис. 8. Венгерский тип лука. Концевые и срединные фронтальные накладки.

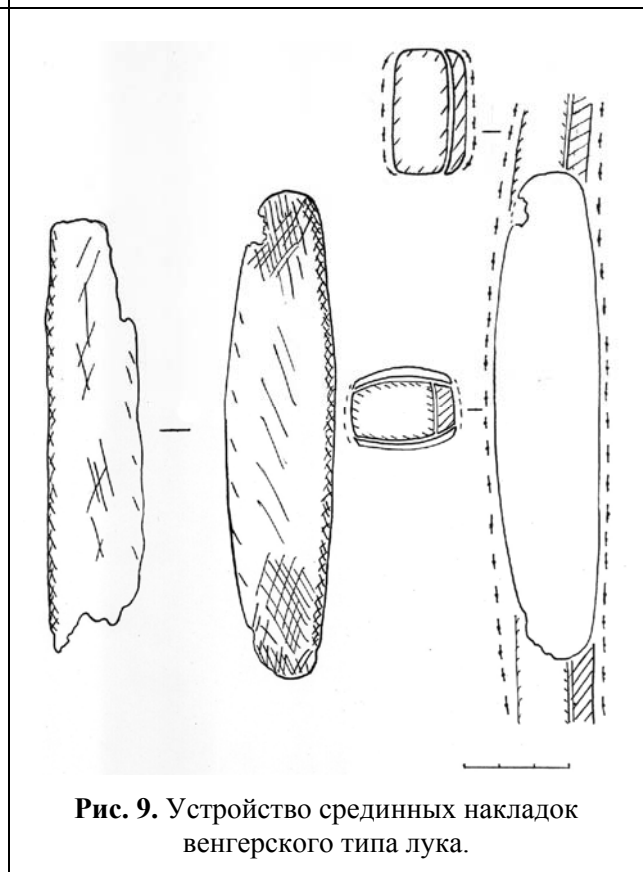

Рис. 9. Устройство срединных накладок венгерского типа лука.

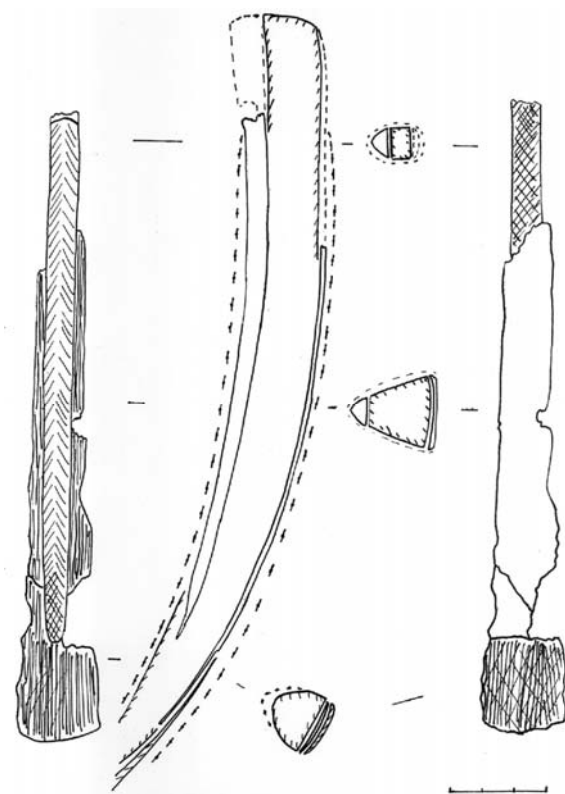

Рис. 10. Устройство
концевых накладок
венгерского типа лука.

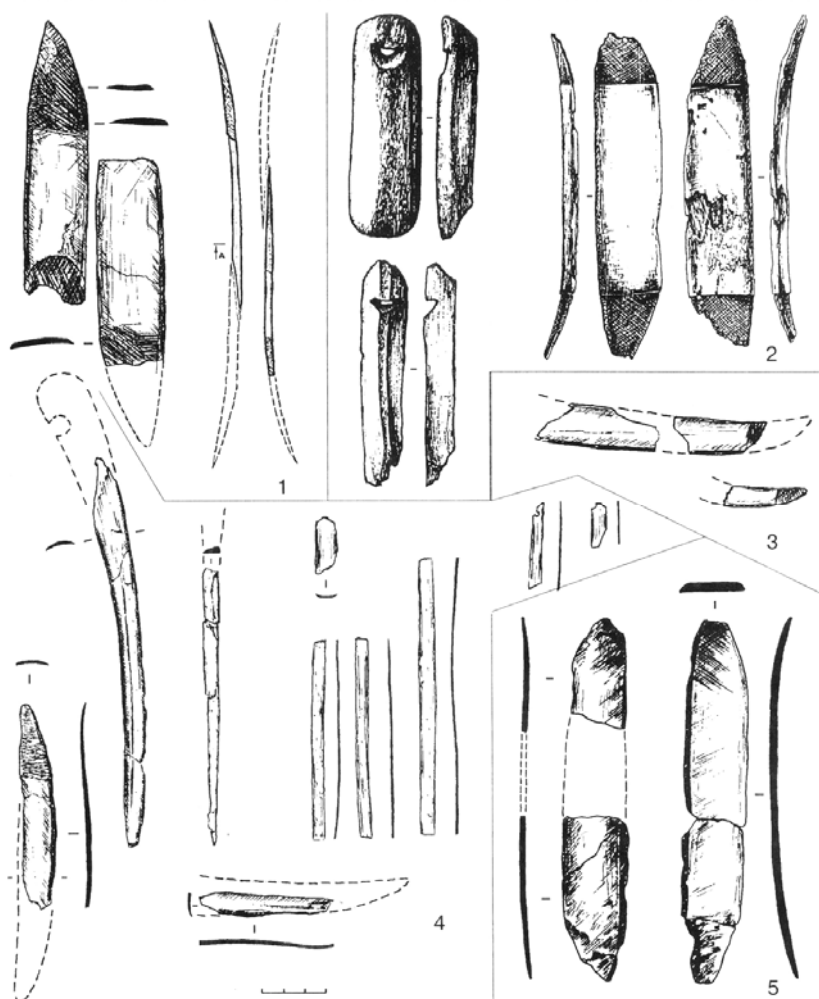

Рис. 11. Луки Самарского Поволжья (по Р.С. Багаутдинову, А.В. Богачеву, С.Э. Зубову).

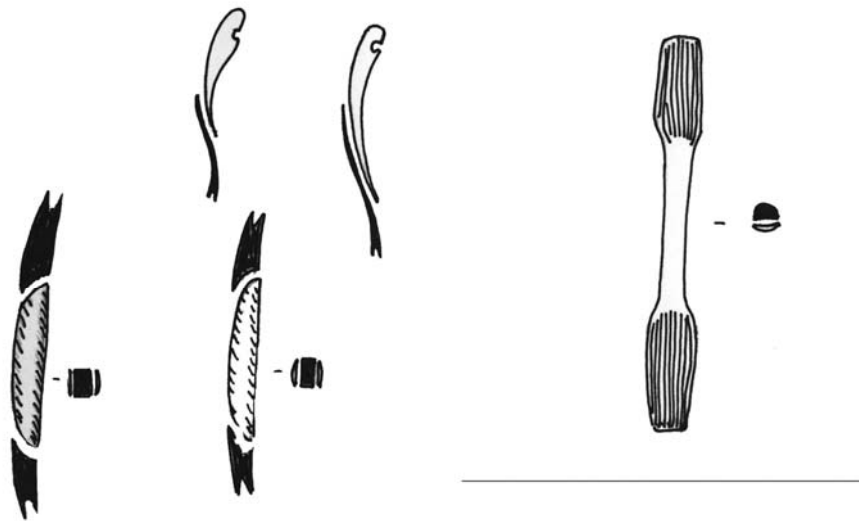

Рис. 12. Типология луков Среднего Поволжья X–XV вв.

Рис. 13. Срединная боковая накладка болгарского лука.

Рис. 14. Срединная боковая накладка из Биляра.

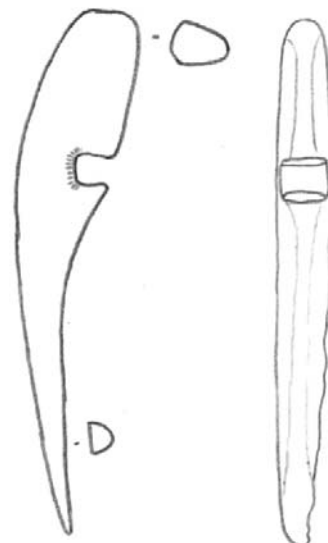

Рис. 15–16. Концевые накладки болгарских луков (вариант 1).

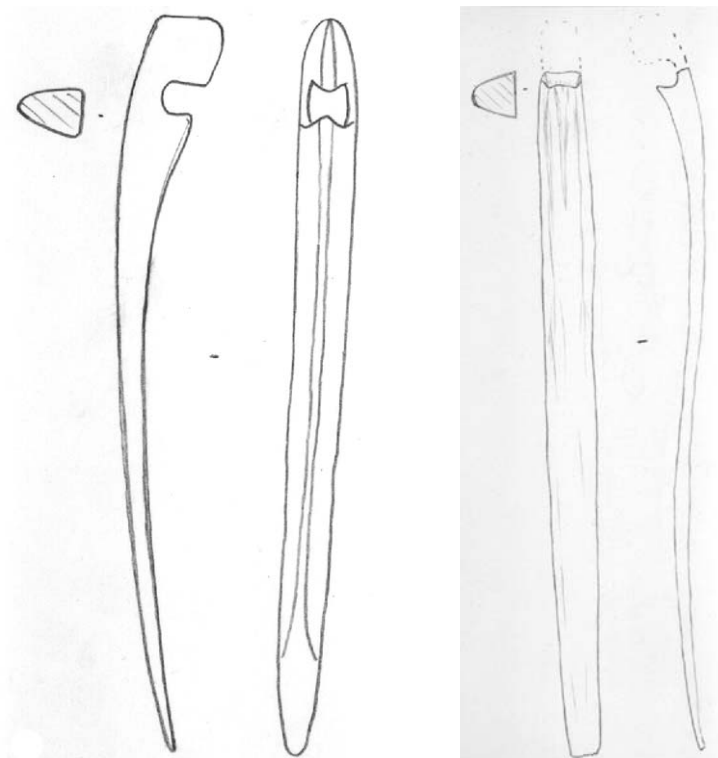

Рис. 17–18. Концевые накладки
булгарских луков (вариант 2).

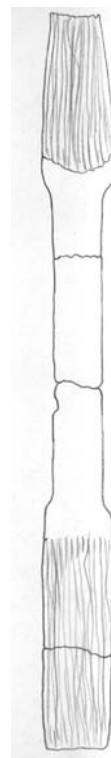

Рис. 19. Срединная
фронтальная накладка
монгольского типа
лука из Биляра.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В БАССЕЙНЕ р. КОНДА

С.Ф. Кокшаров

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Конда – одна из крупных рек в таежной зоне Западной Сибири. Она является левым притоком Иртыша в его нижнем течении. Ее протяженность составляет не менее 1200 км, при площади водосбора почти 70000 км² (Боч, 1937, с. 96; Козловский, 1933, с. 179). Длительное время археологические исследования в Кондинском бассейне сдерживались отсутствием транспортной сети. Ситуация изменилась в 1960-е гг., с началом строительства железной дороги Ивдель-Приобье и появления первых поселков лесозаготовителей. Прокладка магистральных трубопроводов и обустройство нефтяных месторождений привели к формированию существующих ныне дорог и коммуникаций. Параллельно с развитием нефтегазовой промышленности Тюменского Севера активизировались и археологические исследования. В результате за три истекших десятилетия на данной территории были открыты сотни и раскопаны десятки археологических памятников.

Поисковые работы и раскопки археологических объектов затронули весь Кондинский бассейн. В разное время, в зависимости от целей, поставленных специалистами, изучались памятники каменного, бронзового и железного веков. Результаты этих исследований отражены в сериях статей и монографий. Что же касается средневековых комплексов первой половины II тыс. до н.э., то они не привлекали к себе столь пристального внимания. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, в 1970–1990-х гг. усилия ведущих специалистов (В.А. Могильников, Л.М. Терехова, Н.В. Федорова, В.М. Морозов, С.Г. Пархимович, А.П. Зыков) были обращены на изучение либо памятников Сургутского Приобья, сконцентрированных в урочище Барсова гора, либо выразительных городищ Нижнего Прииртышья и Приобья (Рачевский, Шеркалинский, Перегребнинский и Низямский комплексы, Уки II). Другие археологи (А.В. Расторопов, С.В. Шумайлов, Г.П. Визгалов, Н.К. Стефанова, Н.А. Алексашенко), работавшие в бассейне Конды, выполняли преимущественно хоздоговорные работы. У тех и других отсутствовала какая-то программа по изучению средневековых памятников.

Во-вторых, исследователи не обладали опытом, необходимым для изучения многослойных позднесредневековых городищ. Сложность раскопок подобных объектов заключалась в почти полном отсутствии в культурных отложениях позднесредневековой керамической посуды (Чернецов, 1957, с. 243), что существенно затрудняло их идентификацию. Основное внимание при раскопках таких городищ как Барсова гора 1/31–32, Рачевское I, Шеркалы I уделялось сбору вещевого материала и, в меньшей степени, расчистке деревянных конструкций, выяснению последовательности строительных горизонтов, пожаров и перекопов. Методика исследований сложно стратифицированных городищ была разработана лишь при исследованиях городка Эмдер в Нижнем Приобье (Зыков, Кокшаров, 2001), в рамках реализации исследовательской программы «Древние городки Югорской земли». В 2001 г. для обмена полученным опытом на базе Югорской археологической экспедиции ИИА УрО РАН и УрГУ, изучавшей Эмдер, был проведен международный полевой семинар. Специалисты, собравшиеся на этот форум, ознакомились с особенностями раскопок, осмотрели планы и расчищенные профили этого интереснейшего археологического памятника (Соколов, 2003, с. 104–109).

Наконец, в-третьих, на археологов оказывали влияние взгляды В.Н. Чернецова, авторитетнейшего исследователя древних и средневековых культур Урала и Западной Сибири. Достаточно сказать, что схема развития материальной культуры средневекового населения Обь-Иртышья, разработанная исследователем, актуальна до нашего времени (1957). Лишь накопление новых материалов дало основания для ее корректировки. В частности, она дополнена сайгатинским этапом, к которому отнесены древности XIII–XVI вв. (Федорова и др., 1991, с. 141). Совсем недавно

древности этого времени, происходящие из районов Приуральской части Западной Сибири, предложено объединить определением «эмдерский тип памятников» (Зыков, 2006, с. 122). Еще одной примечательной стороной поздних работ В.Н. Чернецова является полный отход от изучения такого уникального исторического феномена как средневековые княжества таежных угров, с которыми связаны часть кинтусовских объектов (по В.Н. Чернецову) и памятники сайгатинского времени. Позиция, занятая Валерием Николаевичем по этому вопросу, выглядела бы действительно странной, если не принимать в расчет крайне неблагоприятную обстановку, которая сложилась в советском государстве в 1930-х гг. Отход от проблемной темы, не укладывавшейся в официальную методологию о формационном развитии общества, позволил ученому уклониться от возможных репрессий (Кокшаров, 2006, с. 129–147).

В этой связи становится объяснимым наш интерес к средневековым объектам, которые связаны с историей Кондинского княжества.

Информация о средневековых крепостях, существовавших в бассейне Конды, содержится в фольклоре и исторической памяти коренных жителей – хантов и манси, а также в работах зарубежных и отечественных исследователей, посетивших этот район в разные годы. С конца 1990-х гг. к поисковым работам и раскопкам подключились археологи ИИА УрО РАН и Угорского научно-исследовательского центра УрГУ.

Два городка упомянуты в былинке «Про богатырей города Эмдера». Она записана С.К. Паткановым у кондинских хантов, жителей юрт Шумиловских, находящихся в нижнем течении реки (1900, с. 10–17, 98–101). В повествовании ведется речь о двух одновременных походах эмдерских богатырей с территории Нижней Оби на р.Конду. Первый городок, посещаемый эмдерскими богатырями, назывался Кари-поспат урдат вош «*богатырский городок на стерляжьей протоке*». Он располагался неподалеку от устья Конды, вероятно, на Большекондинском сору. Другой, носивший название Харда вош, находился в среднем течении реки. Он может быть связан с большой уверенностью с городком Картауж, известным в русских письменных источниках как политический центр кондинских правителей в конце XVI – начале XVII в. (Бахрушин, 1935, с. 75). Если первую крепость еще предстоит отыскать, то вторая, вошедшая в отчетную документацию как городище **Ушенья I**, была открыта и обследована в 2004 г. сотрудниками Угорского научно-исследовательского центра Уральского государственного университета (Каменский, Жирных, 2006, с. 235).

Памятник, именуемый местными жителями «Шаман-гора», расположен на левом берегу небольшой речки, на удалении 340 м от ее русла, в среднем течении р. Конды. Объект занимает мысовидный участок первой надпойменной террасы, возвышающийся на 6–8,5 м над уровнем napольной поверхности. Площадка городища подпрямоугольной формы размером 30 × 25 м, ориентирована по длинной оси в направлении СВ-ЮЗ. В основании холма отчетливо виден ров шириной от 2,5 до 4 м. С внешней стороны рва сохранились остатки стены в виде расплывшегося земляного вала шириной 5–10 м. Подъемный материал с городища представлен изделиями из железа и бронзы. К первым относятся железные наконечники стрел, ножи, однолучинный светец и щипцы (рис. 1, 1–2), ко вторым – шумящая подвеска, напоминающая застежку-фибулу без петли держателя для язычка и бронзовая накладка. Присутствие светца и щипцов свидетельствует о функционировании поселения в русское время. Это хорошо согласуется с данными письменных источников, которые сообщают о регулярных посещениях Конды Василием Кондинским и Андреем Пельымским. Первый приходился внуком Агаю, а второй Аблегириму, княжившим в Конде и Пельме в дорусское время (Бахрушин, 1935, с. 80–82).

По сведениям Л.Р. Шульца, в 1920-е гг. одна часть кондинских городищ, представлявших собой насыпанные площадки, рассматривалась хантами и манси в качестве сооружений легендарных богатырей, другая приписывалась чуди, а один из городков, расположенный возле юрт Есаульских (ниже по течению от поселка Кондинское), назывался ими руть-вож. Из названия следует, что он был построен русскими (1924, с. 25).

Археологические объекты в бассейне Конды упоминаются в работе финского этнографа А. Каннисто, собиравшего материалы по мифологии вогулов на северо-западе Сибири (1958). К сожалению, идентификация этих памятников затруднена.

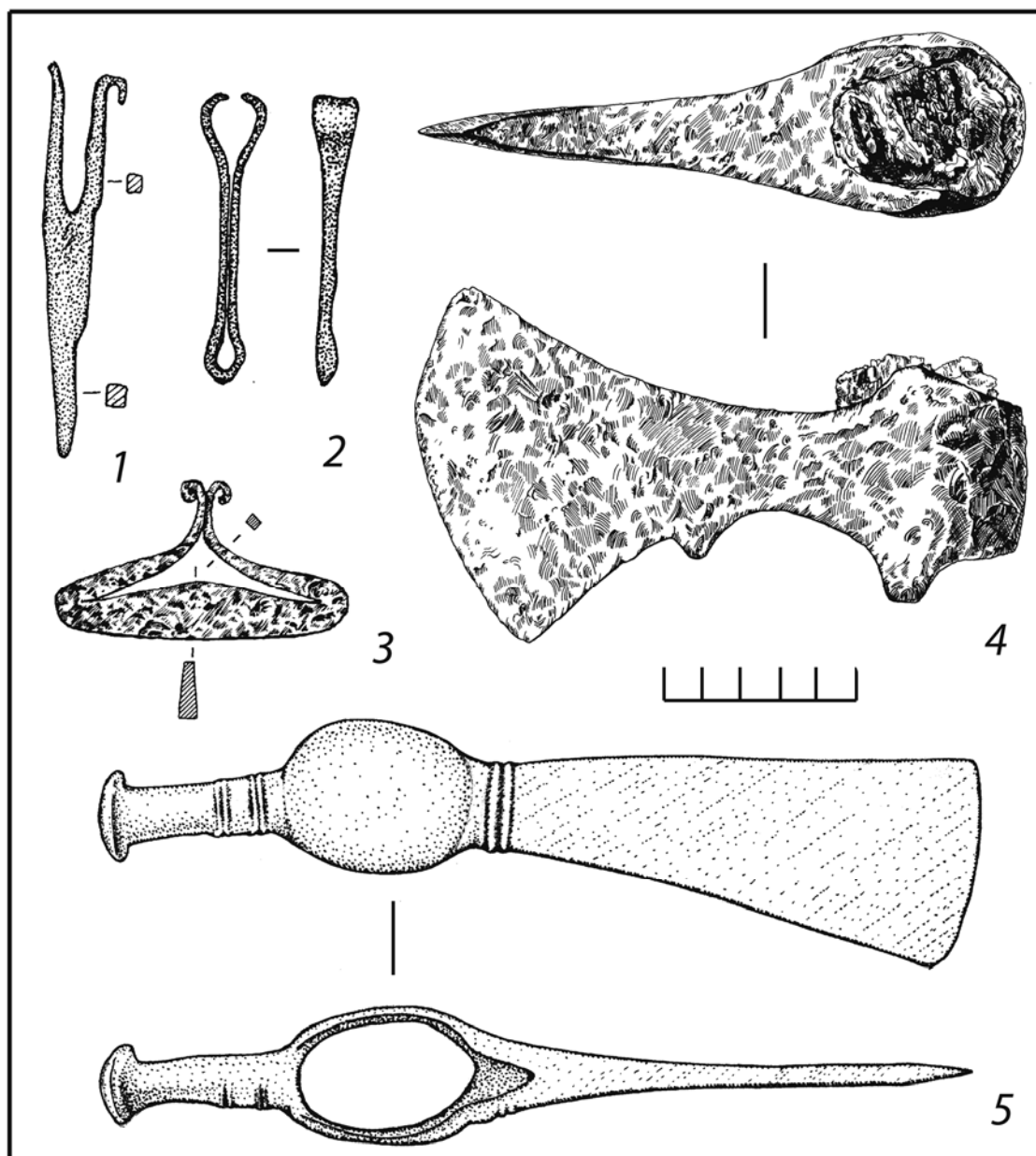

Рис. 1. Изделия из железа со средневековых городищ Кондинского бассейна:
 1 – светец; 2 – щипцы I; 3 – кресало с; 4 – бородавчатый топор; 5 – топор-чекан
 (1–2 – городище Ушенья I; 3–4 – городище Большая Умытья 36;
 5 – городище Высокая гора I).

Так, например, в среднем течении Конды, в двух верстах ниже от деревни Леуши, есть «Гора», известная как «холм железных духов». Согласно мифу, здесь полегли триста воинов князя Нижнего мира (Kannisto, 1958, s. 179). Судя по всему, объект, выделявшийся на равнинном ландшафте, связывался с каким-то конкретным событием (сражением), которое произошло между местными жителями и чужаками, пришедшими с низовьев реки.

В верхнем течении р. Тап (левый приток Конды в среднем течении) неподалеку от деревни *эутрāвл* находится так называемый городской холм. Речь идет либо о трехплощадочном городище, либо остатках трех крепостей, которые расположены рядом друг с другом (Kannisto, 1958, s. 190).

На р. Винтья, примерно в 30 верстах ее верхнего течения имеется высокий холм, именуемый *хвāйхвārәη ūs* или городком *хвāйхвārәη* (Kannisto, 1958, s. 190).

По наблюдениям А. Каннисто, к особо почитаемым или святым местам кондинских угров относятся те, где прежде располагались укрепленные городки местных правителей – князей, обладавших всей полнотой власти в дорусское время, период былой независимости вогулов. В числе таковых упоминается *jäl(pη üssäx* «холм священного городка», расположенный на Нижней Конде. Он находится на обрывистом берегу вблизи ручья, неподалеку от деревни Карминск (Kannisto, 1958, s. 242–243).

Во время поездки по Кондинскому краю А. Каннисто не только изучал фольклор и этнографию коренного населения, но и приобрел здесь железную кольчугу. Она была найдена, якобы, под корнем дерева у пауля Сотниковского (совр. Сотник) в среднем течении Конды. В последующем предмет был вывезен за пределы России.

Л.Р. Шульц особо отмечает клад, найденный около села Беленгут (Палхол-пауль), которое расположено северо-восточнее поселка Нахрачи (совр. назв. Кондинское). Он состоял «из серебряных монет, судя по описаниям, по-видимому, великокняжеских и серебряных украшений» (Шульц, 1924, с. 25). К сожалению, коллекция была продана неизвестному лицу и в дальнейшем пропала из поля зрения исследователей. Очень похоже на то, что клад не был сокрыт каким-то конкретным человеком, а представлял собой жертвоприношения на крупном святилище, принадлежавшем одной или нескольким общинам.

В работах В.Н. Чернецова, побывавшего на р. Конде в 1933 г., подмечены топографические особенности кондинских городищ. Они отличаются от северососьвинских тем, что устроены не на мысах, а на холмах. Кстати, он был первым из специалистов, проводившим реконсцировочные раскопки позднесредневековых памятников в бассейне р. Конды.

В поездке по р. Юконде (левый приток Конды) В.Н. Чернецов обследовал окрестности поселка Харым-пауль (Карым) и обнаружил городище, вошедшее в археологическую литературу под названием *Ус-Толт* «городская пристань». Оно расположено на правом берегу р. Харом-я, на месте, где в нее впадает р. Вос-Кальтенг-я. В преданиях манси оно изображается как место обитания родового предка. Вплоть до недавнего времени холм, на котором оно расположено, считался священным, а на его вершине совершались жертвоприношения. Здесь были найдены кольцо и «медные старинные пятаки», которые можно было бы действительно принять за приклады на языческом святилище (Чернецов, 1957, с. 140; Источники по этнографии..., 1987, с. 164).

Весьма примечателен план и описание памятника, приведенные исследователем.

Площадка городища прямоугольной формы размером 32 × 18 м расположена на вершине холма. В его основании с напольной стороны видны не менее двух рвов шириной около 4 м. На месте внешней оборонительной стены хорошо заметен вал. Он протянулся на 52 м и достигает в ширину 6 м.

В профилях, полученных В.Н. Чернецовым, обращают внимание самые поздние слои I–II, V, достигающие мощности от 0,5 до 1 м. Они состоят из органических остатков – перегнившей щепы, угля и пережженных костей. Он не связал их с отложениями позднесредневекового городища, а ошибочно проинтерпретировал как «мусор», скопившийся месте функционировавшего святилища.

В толще памятника действительно содержалось много древесных остатков. Жители «неоднократно бугор копали с целью найти золото, но не докапывались ни до чего. Доходили до деревянного наката и там останавливались» (Источники по этнографии..., 1987, с. 164). Примечательно, что в подстилающем слое III были обнаружены «остатки тына городища из вертикально поставленных бревен, следы которых в виде древесного тлена хорошо заметны. Нижним концом бревна были вкопаны в землю, для чего вдоль всей бровки выкопана канава. С наружной стороны основание тына усилено двумя рядами, но уже коротких столбов или свай, по-видимому, не возвышавшихся над уровнем почвы. Кроме этого, все основание стены было закреплено обвязкой из горизонтальных бревен, предохранявших столбы от раскачивания» (1957, с. 141). Обилие органических остатков привело к их возгоранию, и, как это нередко бывает на торфяниках, они тлели почти год. В результате верхние отложения на трети холма были полностью уничтожены.

Керамика, происходящая из ранних слоев, послужила основанием для отнесения городища Ус-Толт к числу памятников карымского этапа нижнеобской культуры (IV–V вв.). Это заключение было вполне закономерно, так как в поздних напластованиях керамический материал отсутствовал, поскольку посуда в XIII–XVI вв. почти не лепилась и заменялась привозной металлической. В данном случае исследователь столкнулся с явлением, знакомым нам по изучению городка Эмдер. Этот памятник датирован первоначально по подъемному материалу – керамике зеленогорского типа – VII–VIII вв. Лишь после раскопок выяснилось, что посуда происходит из раннего культурного слоя и попала в позднесредневековые объекты после многократных перекопов.

По сообщению Л.П. Хлобыстина, площадка городища Ус-Толт была почти полностью разрушена местными жителями. Центральная часть холма, где она находилась, вынута экскаватором, а в образовавшейся яме сооружен ледник для хранения рыбы. Несмотря на это, внешние фортификации памятника – рвы и остатки оборонительной стены – еще могут представлять научный интерес.

Комплекс средневековых памятников обнаружен на р. Большая Умытья, являющейся левым притоком Конды в ее среднем течении. Он включает городище и святилище.

Городище **Высокая гора I** находится на правом берегу реки, напротив устья р. Мостовой, и представляет собой холм, поросший луговой травой, возвышающийся на 10 м над поймой. Вершина холма овальной формы размером 25 × 17 м, по длинной оси ориентирована вдоль берега. В основании возвышенности прокопан ров шириной не менее 5 м. С внешней стороны ров охвачен валом, возникшим на месте оборонительной стены. Наиболее четко он виден с северо-восточной стороны. Его протяженность до 70 м, ширина 4 м. Южная сторона холма, обращенная к реке, осыпается и здесь хорошо видны мощные слои органики в виде щепы, слоев бересты, трухлявых стволов и плах. Аналогичные отложения фиксируются в многочисленных грабительских ямах, выкопанных на жилой площадке и ее склонах. Несмотря на значительные разрушения, жители поселка Половинка по-прежнему почитают данное место.

Из культурного слоя памятника происходит железный топор-чекан.

Топор (рис. 1, 5) имеет длину 22,4 см, асимметричное подтреугольное лезвие длиной 12 см и шириной 5,5 см. Щекавицы овальные. Проушное отверстие также овальной формы размером 4,5 × 2,6 см. Обух топора молоточковидный, округлой формы в поперечном сечении, длиной 4,6 см. На одной из плоскостей предмета на сужающемся в основании лезвии сохранились два параллельных валика. Аналогичный декор из четырех сдвоенных валиков отмечен в основании обуха. Из-за коррозии предмета нельзя сказать определенно имелся ли орнамент на противоположной стороне секиры.

А.Н. Кирпичников относит подобные изделия к топорам – молоткам первого типа. Они встречаются на памятниках X–XIII вв., широко распространены в Восточной Европе и особенно характерны для дружинных древностей (Кирпичников, 1966, с. 33). На территории Западной Сибири сходные топоры обнаружены в качестве сопроводительного инвентаря в Барсовском I, Сайгатинском I (погр. 73) могильниках, относимых к IX– началу X вв. (Зыков и др., 1994, с. 149), и в Зеленоярском некрополе (погр. 27) (Зеленый Яр, 2005, с. 107, 113). Для погр. 23 могильника Зеленый Яр получена дендрохронологическая дата – 1282 г. (Шиятов, Хантемиров, 2005, с. 303).

В 1,5–2 км вниз по течению от Высокой горы, на левом берегу Большой Учиньи, в 100 м от ее устья расположено местонахождение **Учинский мыс III**, представляющее небольшое куполообразное возвышение (Погодин, 1993, с. 40–41). Оно выделяется на местности темным гумусированным культурным слоем и тем, что на нем сохранилась комлевая часть старой высохшей ели или лиственницы. Никто из селян не решается спилить или выкорчевать высохший ствол, по той причине, что место зовется «Шаманской горкой». В 1996 г. во время осмотра берега у корней дерева были обнаружены фрагменты черепа человека и железный нож с костяной рукоятью плохой сохранности. Накладные костяные пластины крепились к изделию тремя железными клепками. Подобное оформление рукоятей ножей на территории Западной Сибири широко распространено в русское время. Присутствие в слое костей человека

может указывать на неординарный характер памятника, возможно, на функционирование в данном месте святилища.

Позднесредневековое городище, получившее название **Чертова гора**, находится в 2–2,5 км к востоку от пос. Устье-Аха. Оно располагается на левом берегу р. Запорской, правом притоке Конды в ее среднем течении. Памятник серьезно разрушен, поэтому говорить о его первоначальном облике сложно. Л.Н. Сладкова, проводившая раскопки объекта, опросила местных жителей и допускает, что прежде он представлял холм округлой или овальной формы, диаметром около 30 м. Он возвышался на 4,5 м над поймой, а на 2,5 м над напольной стороной. Некоторые жители помнят его крутые склоны, поросшие луговой травой (Сладкова, 2008, с. 147). По сообщению Л.Н. Сладковой, в поздних слоях памятника, наиболее пострадавших от антропогенного воздействия, встречена керамика X–XI вв. и железный наконечник позднего облика.

Наконечник имеет килевидную вытянутую форму, короткий плоский шип у основания пера и плоский короткий черешок без упора (Сладкова, 2004, рис. 167, 3). Подобные наконечники обнаружены на городке Эмдер в пределах кузницы и мостовой 9 строительного горизонта XV–XVI вв. и отнесены ко второму типу (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 65, рис. 34, 8, 15). Один аналогичный наконечник происходит из погр. 116 середины II тысячелетия могильника Усть-Балык (Семенова, 2001, с. 40, табл. 16.), один из сборов на Барсовой горе и семь со святилища XVI–XVII вв. на р. Малая Сосьва.

К интересующему нас времени может относиться **Оронтурское I** городище, открытое геологом С.Г. Бочем, и вошедшее позже в базу данных И.А. Талицкой (1953, с. 280). Памятник расположен на левом высоком берегу протоки «ах», которая соединяет оз. Оронтур (совр. Арантур) с Кондой в ее верхнем течении. У местного населения объект известен как «Шаманская горка». Действительно городище занимает вершину холма круглой формы диаметром около 20 м, окопанного в основании рвом глубиной до метра. По С.Г. Бочу, на статью которого указывает И.А. Талицкая, на городище найдены бронзовая пластинка (деталь поясного украшения), обломок штифта, оселок и обломки керамического сосуда. В 1986 г. оно исследовано группой уральских археологов, в которую входил автор статьи. В культурном слое памятника встречена обрезь медного листа при полном отсутствии средневековой керамики. Это обстоятельство может косвенно указывать на позднесредневековый возраст городища.

На сегодняшний день в бассейне р. Конды имеется одно укрепленное поселение, при раскопках которого учтен опыт изучения городка Эмдер (Нижнее Приобье) и города Сибирь – столицы Сибирского ханства. Это городище **Большая Умытья 36**, расположенное на реке с эпонимным названием, левом притоке Верхней Конды. У местного населения объект известен как еще одна «Шаман-гора». Памятник занимает холм, возникший на оконечности коренной террасы. Он возвышается над поймой почти на 12 м. Размер площадки на вершине холма с запада на восток 40 м, с севера на юг 34 м. С северной, западной и северо-восточной сторон по основанию холма фиксируется ров подковообразной формы и вал. Ширина рва достигает 6–9 м, глубина до 1,5 м. Протяженность вала 67 м, высота 1–1,5 м, ширина 6 м.

В западной части памятника сохранилась бульдозерная траншея. По ней перемещался транспорт, перевозивший людей и грузы с вертолетной площадки, для которой была подобрана вершина холма. При нивелировке его поверхности строительной техникой уничтожена большая часть позднейших напластований XV–XVI вв., которые оказались смещенными на склоны.

В 2004–2006 гг. на городище раскопано 208 кв. м культурного слоя и установлено, что к периоду средневековья относятся пять поздних строительных горизонтов (с пятого по девятый). По почти полному отсутствию керамической посуды слои шестого – девятого с.г. могут быть отнесены к концу XII–XVI вв. Получается, что на каждый из выделенных горизонтов приходится примерно 100 лет. Эта цифра незначительно отличается от полученной для городка Эмдер, где каждый из горизонтов охватывает в среднем по 70 лет.

В ходе раскопок установлено, что средневековое городище функционировало непрерывно на протяжении XII–XVI вв. Оно возникло на площадке, которая была отсыпана для укрепленного поселения раннего железного века. Планировка жилой площадки, изученной раскоп-

ками, на протяжении средневековья менялась незначительно. Это проявляется в том, что котлованы домов, помещались во впадины, возникшие на месте более ранних жилищ. Несмотря на значительные разрушения, удалось установить, что открытые кострища, располагавшиеся в центре жилых помещений XII–XIV вв., сменяются в XV–XVI вв. глинобитными печами-чувалами. Если учесть, что аналогичная картина прослежена на городке Эмдер (Зыков, Кокшаров, 2001, с. 202), то может вестись о совершенно определенной тенденции. Появление очагов нового типа, безусловно, связано с активизацией отношений местного населения с южными соседями, входившими в состав государств сибирских татар. Стратиграфия дает представление об относительном возрасте выявленных средневековых напластований. Установление же абсолютных дат затруднено, так как в отложениях недостаточно вещей, которые можно отнести к числу хрономаркеров.

Исключением является бородовидный топор переходного облика, обнаруженный в жилище 2 восьмого (предпоследнего) строительного горизонта (рис. 1, 4). Эта находка уже опубликована и нет необходимости останавливаться на ее описании детально (Кокшаров, 2009, с. 71, рис. 2, 4). Замечу лишь, что время их бытования в Восточной Европе укладывается в рамки X–XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 29). Учитывая перекрытие восьмого горизонта отложениями с остатками печей-чувалов, появляющимися на севере Западной Сибири в памятниках XV–XVI вв. (см. Зыков, Кокшаров, 2002, с. 67–80), топор и связанный с ним объект могут датироваться не ранее XIV в.

Интересные наблюдения были сделаны при изучении отложений бескерамического (сайгатинского) времени, прослеженных на городище Большая Умытья 36 и городке Эмдер. В напластованиях поселений отчетливо выделяются следы двух пожаров. На обоих памятниках слои первого пожара лежат выше жилищ с кинтусовской керамикой и представляют собой самые ранние из бескерамических строительных горизонтов (шестой с.г. на Большой Умытье 36 и третий с.г. на Эмдере). В свою очередь, слои второго горельника (восьмой с.г. на обоих городищах) перекрыты напластованиями с остатками глинобитных печей. Факты одновременного сожжения средневековых крепостей, расположенных в бассейне Конды и на Нижней Оби, в период с конца XII по XIV вв. можно было бы связать с совершенно определенными историческими событиями новгородско-югорских отношениях. Несмотря на заманчивость подобной интерпретации археологического материала, необходимо дальнейшее накопление сопоставительного материала и получение надежных хронологических привязок. Для выяснения микрохронологии кондинских древностей первой половины II тысячелетия необходимо продолжение раскопок на выявленных и новых поселенческих комплексах. Кроме того, необходимо привлечение материалов средневековых могильников, которые, к сожалению, либо не опубликованы, либо только готовятся к печати.

Источниковая база свидетельствует о том, что Северо-Запад Сибири, включая бассейн Конды, оказался в первой половине II тысячелетия в сфере интересов Новгорода Великого, Москвы, Волжской Болгарии и государств сибирских татар. Это обстоятельство не могло не отразиться в облике материальной и духовной культуры аборигенов Сибири. Местные вожди, возглавлявшие военно-политические объединения (т.н. остяко-вогульские княжества), были заинтересованы в постоянстве торгово-обменных связей со своими соседями и получении от них дорогого качественного оружия и защитного снаряжения, престижных вещей (серебряной посуды, украшений), одежды, тканей и отдельных продуктов питания. Ход исторических событий показал, что в зависимости от складывающихся условий таежная элита очень мобильно переориентировалась на более сильную в политическом или военном отношении сторону, выступая союзником последней.

Литература

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.

Боч С.Г. Стоянки в бассейне Северной Сосьвы и Конды // Труды по изучению четвертичного периода. Т. V. М., 1937.

Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург, 2005.

Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI вв. из Нижнего Приобья // РА. 2002. № 2.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Н.В., Федорова Н.В. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Изучение позднесредневековых городков Западной Сибири: история одного исследования // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие. Материалы международного симпозиума. Екатеринбург, 2006.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья сулицы, боевые топоры, булавы, кистени // САИ. 1966. Е1–36.

Козловский К.А. Очерк р. Конды и ее бассейна // Водные ресурсы Урала. Т. 1. М., 1933.

Кокшаров С.Ф. К 70-летию выхода книг С.В. Бахрушина и В.Н. Чернецова // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 2. «Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX–XX вв.: история организации и научное наследие. Материалы международного симпозиума. Екатеринбург, 2006.

Кокшаров С.Ф. Из ранней истории Ломбовожа // Уральский исторический вестник. № 2 (23). Екатеринбург, 2009.

Погодин А.А. Отчет об археологической разведке в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 1993 // АКА УрГУ. Ф. II, д. 540.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.

Сладкова Л.Н. Отчет об археологических раскопках на памятнике Чертова гора в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, произведенных летом 2004 г. Тобольск, 2004 // Архив НПЦ «Наследие». Инв. № 5085, 5086.

Соколов А.В. Вклад г. Нягани в историко-культурное развитие округа и международный полевой научно-методический семинар «Эмдер» // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск – Ханты-Мансийск, 2003.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953. № 35.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии до н.э. // МИА. 1957. № 58.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Климат Полярного Урала и Ямала в VII–XIV вв., реконструированный при помощи древесных колец деревьев // Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург, 2005.

Шульц Л.Р. Кондинский край // Урал. Техничко-экономический сборник. Вып. 8. Уральский Север, часть 2. Свердловск, 1926.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Vogulen // MSFOu. 1958. Vol. 113.

Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Völkspoesie. Teil II. St.-Pbg., 1900.

НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНИХ ТЮРОК АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Политической основой, а также важным условием консолидации и культурного расцвета алтайских народностей в средневековую эпоху послужил могущественный Тюркский Каганат (552–745 гг.). Это крупное объединение племен было первой евразийской империей, границы которой простирались от Монголии до стран Европы, на юг от Сибири до Китая.

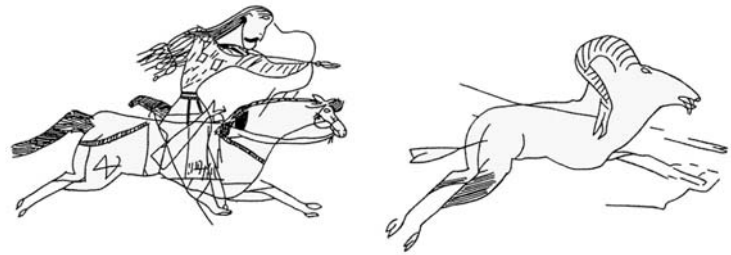
На Алтае вокруг племени Ашина сложился союз местных племен, принявших этноним «тюрк». Это название имело первоначально только политическое значение. Однако, этноним «тюрк» пережил историю народа, населявшего Алтай, и стал впоследствии обозначать обширную группу народов алтайской языковой семьи, многие из которых не входили в состав тюркского каганата. Включение Алтая и его населения в состав огромной кочевой империи не только открыло доступ к сокровищнице духовных и материальных ценностей других народов, но и вызвало творческий подъем культуры древнетюркских племен, внесших свой замечательный вклад в мировую сокровищницу. Одним из проявлений этой средневековой культуры и являлось наскальное искусство древних тюрков.

До недавнего времени древнетюркские гравюры не привлекали должного внимания исследователей. Вероятно, это было связано, с отсутствием разработанной методики и опыта работы с граффити. На Алтае начало всестороннего исследования граффити было положено Ю.В. Гричаном, который, в лабораторных условиях изучил крупный валун из Елангаша (1978. С. 170–178). Публикация этого памятника может послужить примером всестороннего изучения и одновременно методологическим пособием для обработки рисунков, выполненных тончайшей гравировкой.

Новый подход к изучению граффити продемонстрировала и Е.А. Окладникова. Она применила новую методику копирования рисунков, классифицировала изобразительные сюжеты, дала их характеристику и наметила периодизацию петроглифов Кара-Оюка (Республика Алтай). Для интерпретации отдельных персонажей Е.А. Окладникова использовала широкий круг аналогий: от археологических материалов до этнографических источников (1988. С. 85–88.). При всей масштабности сопоставительного анализа, использованного в работе, она мало использовала местные, собственно алтайские изобразительные материалы из этнографических источников.

А.И. Мартынов в своей статье «О древних изображениях Каракола» основное внимание также уделил анализу сюжетов средневековых и этнографических граффити Российского Алтая. По его мнению: «Наряду с простыми бытовыми сценами и религиозно-мифологическими здесь, несомненно, есть картины и изображения на темы героического сказаний о богатыре Алтай-Бучай, на сюжеты героического эпоса «Маадай-Кара», «Когутей», «Солтон-Мергена» и других...» (Мартынов, 1985. С. 82). С таким выводом следует согласиться, хотя исследователь не привел никаких конкретных примеров, сопоставлений или доказательств, для подтверждения своей гипотезы. О петроглифах долинах Каракола недавно написана книга. Но качество рисунков желает лучшего, да и хронология петроглифов вызывает сомнения у специалистов (Мартынов, Елин, Еркинова, 2006).

В последние годы появились работы, специально посвященные гравированным рисункам Алтая и Монголии (Окладникова, 1988; Елин, Соенов, 1990; Елин, Тамилов, 1992; Елин, Некрасов 1994; Елин, 1995; Горбунов, 1998; Черемисин, 2004; Новгородова, 1984; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999; Еркинова, Кубарев Г.В., 2004; и др.). Полностью опубликованы гравюры, входящие в состав разновременных петроглифов алтайского памятника Калбак-Таш–I (Kubarev V.D., Jacobson, 1996). В работах рассматриваются вопросы хронологии граффити предпринимаются попытки интерпретации образов и выделения общих стилистических приемов (Кубарев В.Д., 1990; 1992; 1999; 2001a; Елин, 1992). Все эти проблемы далеки от их окончательного разрешения, поэтому публикация неизвестных ранее рисунков эпохи раннего средневековья из малоизученного региона, несомненно, важна.

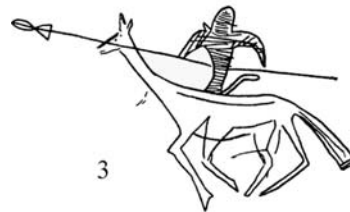

1

Рис. 1. Древнетюркские гравюры VII–VIII вв.
1, 3, 4 – Удачная охота и великолепные всадники с копьями. Из петроглифов р. Чаганки;
2 – Драматическая картина. Закованный в броню степной рыцарь на коне преследует своего врага – пешего лучника. На скалах горы Жалгыз-Тобе. Алтай.

2

3

4

Рис. 2. Древнетюркские гравюры VII–VIII вв.

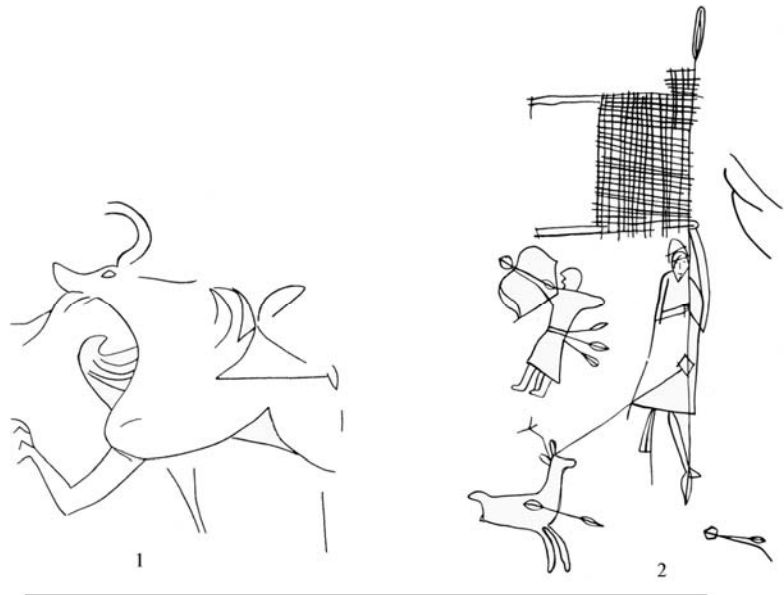
1 – рисунок Сенмурва (собаки-птицы).

Из петроглифов Калбак-Таша;

2 – Тюркский воин со знаменем, лучник и раненный марал.

Из петроглифов долины р. Каракол. 3 – Сцена загонной охоты на медведя и марала. Слева к ней примыкает древнетюркская руническая надпись, самая длинная (84 знака) в этом регионе.

Кургак. Алтай.

1

2

0 10 см

3

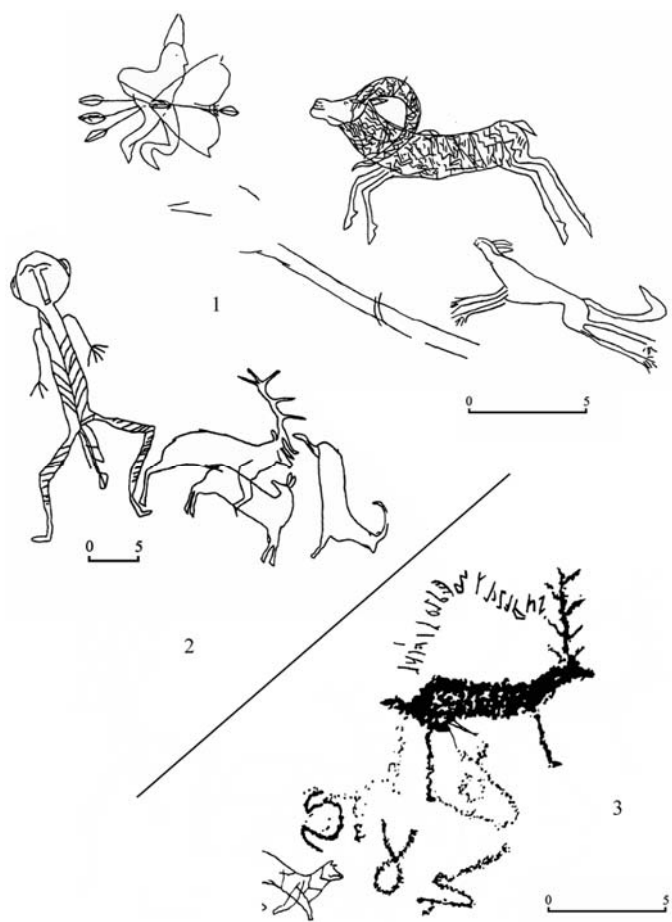

Рис. 3. Древнетюркские гравюры VII–VIII вв.
 1 – Охота на снежного барана с луком и собакой;
 2 – Мужское божество и совокупающиеся олени;
 3 – Руническая надпись, тамги и оленей.
 Цагаан-Салаа.
 Западная Монголия.

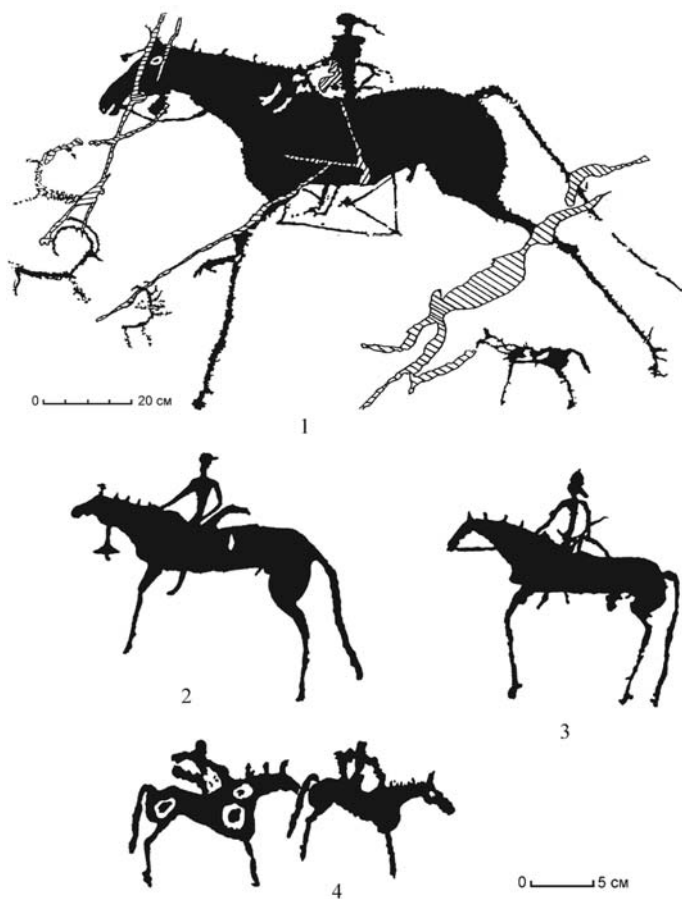

Рис. 4. Древнетюркские выбитые рисунки VII–VIII вв.
 Изображения древнетюркских всадников, на породистых скакунах.
 Шивээт-Хаирхан. Западная Монголия.

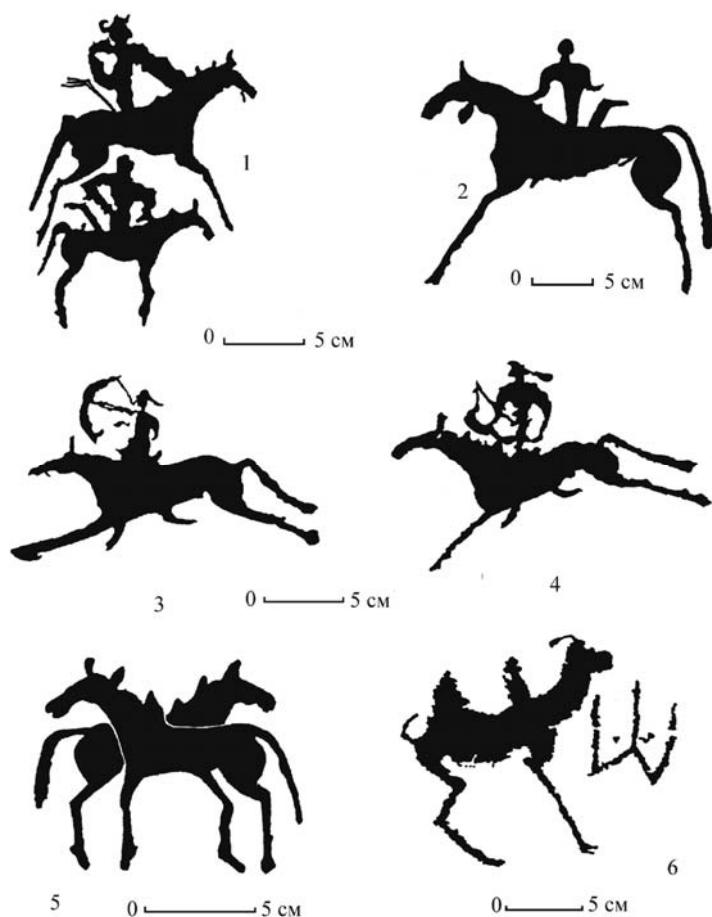

Рис. 5. Древнетюркские выбитые рисунки VII–VIII вв.
 1–4 – Изображения древнетюркских всадников, на породистых скакунах;
 5 – Две лошади;
 6 – Верблюд с тамгой.
 Шивээт-Хаирхан.
 Западная Монголия.

Рис. 6. Древнетюркские выбитые рисунки VII–VIII вв.
 Сцена загонной охоты на козлов.
 Шивээт-Хаирхан.
 Западная Монголия.

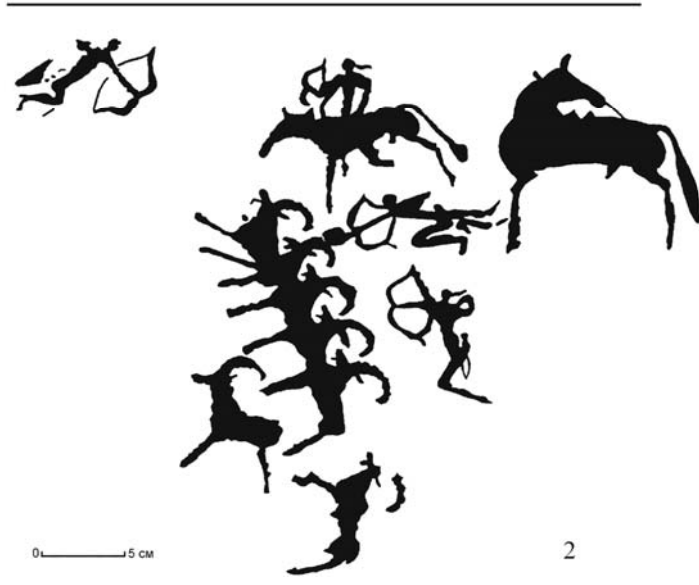

Рис. 7. Древнетюркские выбитые рисунки VII–VIII вв.
1, 2 – Сцена охоты на козлов.
Шивээт-Хаирхан.
Западная Монголия.

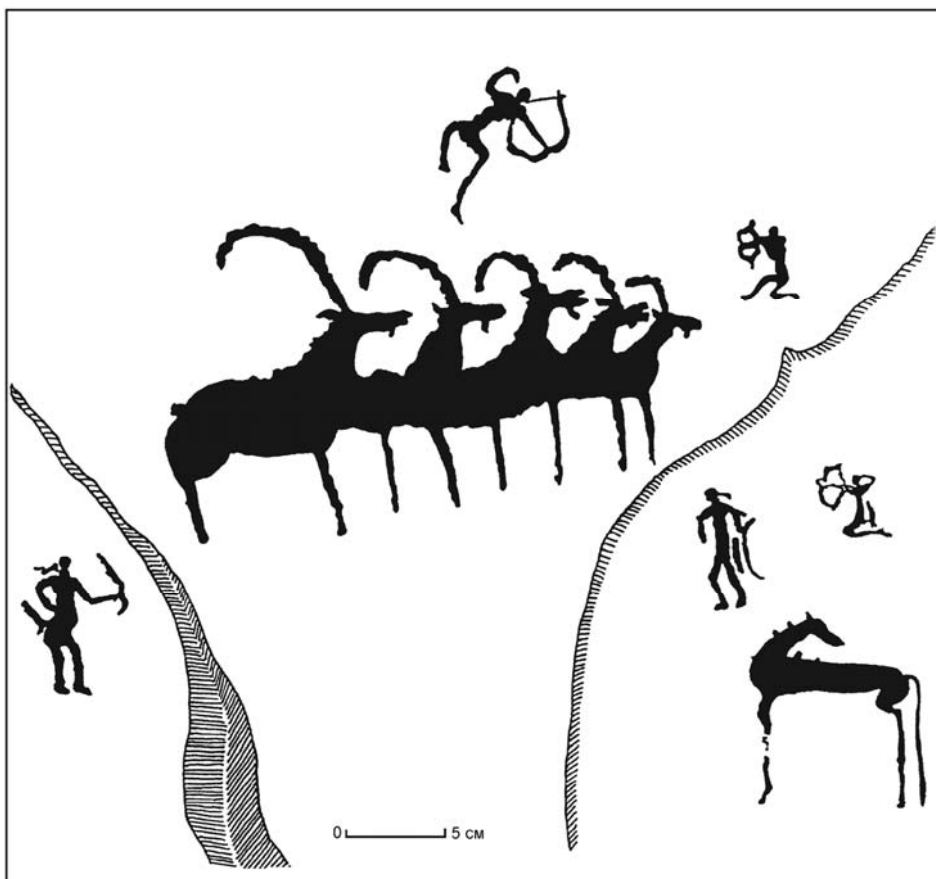

Рис. 8. Древнетюркские выбитые рисунки VII–VIII вв.
Сцена загонной охоты на козлов.
Шивээт-Хаирхан.
Западная Монголия.

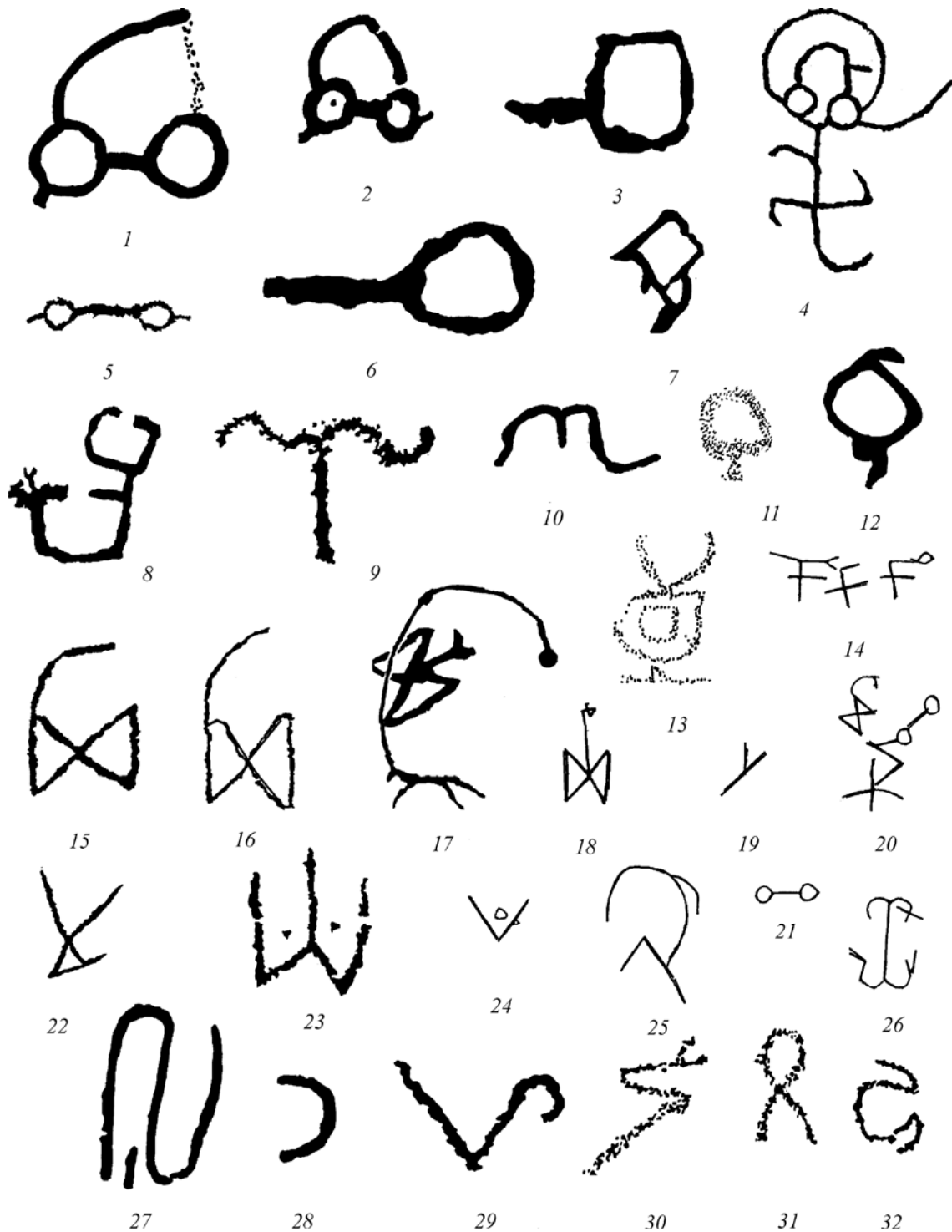

Рис. 9. Тамги и знаки из Цагаан-Салаа. Западная Монголия.

В горах Алтая, у древних алтайцев наиболее распространенными и популярными были сцены охоты. Так, несомненно, выразительна и интересна, полная экспрессии фигура всадника в сцене охоты на снежного барана, обнаруженная недавно в долине р. Чаганки (Кош-Агачский район). На стремительно скачущем коне, человек привстал на стременах и готов спустить тетиву лука, заряженную следующей стрелой (рис. 1, 1). Но преследуемое животное уже обречено, – в теле у него застряло несколько стрел... У всадника показаны косы – традиционная прическа у народов Саяно-Алтая в древнетюркскую эпоху. На коне обозначено седло со стременами, грива намечена тремя черточками, а на крупе имеется тавро (тамга). За спиной четко различимо налучье, сбоку висит колчан. Эти этнографические детали могут по-

служить основанием для датировки, так как они аналогичны экипировке коней, погребенных в раннесредневековых курганах Алтая. В долинах рек Чаганки и Елангаша алтайские тюрки, очевидно, проживали длительное время, судя по многочисленным гравюрам – настоящим произведениям средневекового искусства.

В Чуйской высокогорной степи, на скалах одиночной горы Жалгыз-Тобе, средневековый художник запечатлел редкую сцену преследования всадником вражеского воина. Тюркский (пеший) воин бежит, и находится впереди тяжелооруженного всадника. И здесь нетрудно предугадать финал сцены... (рис. 1, 2). Великолепны всадники на породистых конях (рис. 1, 3, 4).

В петроглифах выдающегося памятника наскального искусства Алтая – Калбак-Таш, расположенного у слияния рек Чуи и Катуня, выделяется яркая и своеобразная серия рисунков древнетюркского времени. В основном это опять те же сцены охоты на оленей, многочисленные знаки-тамги и рунические надписи. Но особенно интересен небольшой рисунок фантастического зверя. В нем легко угадывается образ Сенмурва (собаки-птицы) – символа плодородия иранской мифологии и одного из династийных гербов Сасанидов. На Алтае, да и в петроглифах Центральной Азии рисунок Сенмурва найден впервые (рис. 2, 1). Пока можно только указать на очень отдаленную и единственную аналогию – в наскальных рисунках Киргизии. Там, на местонахождении, известным под названием Жалтырак-Таш есть изображения фантастических существ, подобных калбакташскому. Археологи сравнивают их со средневековыми изображениями драконов европейского искусства, находя, однако, значительное сходство и с образом Сенмурва.

Подавляющее число раннесредневековых петроглифов концентрируется в Монголии, как правило, в нижнем ярусе, у подножия горной гряды, вдоль древней тропы, – либо на её седловинах, невысоких перевалах. Например, наиболее распространенным сюжетом в Цагаан-Салаа являются сцены охоты. Так, на одной из них изображен человек, готовый выпустить стрелу в оленя, которого в засаду загоняют собаки. Олень показан с большими древовидными рогами, тело его внутри заштриховано. Человек держит за повод привязанную к поясу лошадь, на которой различимы некоторые детали её снаряжения: седло, подхвостный и нагрудный ремни. Очевидная непропорциональность фигур человека и лошади объясняется, по-видимому, тем, что художнику не хватило места для изображения лошади на выбранной плоскости. Несмотря на то, что рисунок человека достаточно схематичен, черты его лица, близки к иконографии древнетюркских каменных изваяний. Особого внимания заслуживает ещё одна, живая и мастерски выполненная сцена охоты (рис. 3, 1). На ней лучник стреляет в дикого барана – архара, которого также загоняет собака. Действие происходит, очевидно, на горной тропе, показанной двумя параллельными линиями. Особой реалистичностью и тщательностью в проработке деталей отличается рисунок архара. Рога и шерсть на туловище животного, воспроизведены при помощи зигзагообразных линий и коротких черточек. Фигуры барана и собаки изображены в стремительном движении, человек в позе ожидания и готовности спустить тетиву лука, заряженного стрелой. На лучнике высокий головной убор, в руках лук сложносоставного типа, на стреле обозначен наконечник и оперение.

В другой сцене видим всадника, стреляющего из лука и животное, неопределимого вида. Изображения человека и лошади достаточно подробно детализированы. Фиксируются узда, выстриженная зубцами грива, сложносоставной лук, стрелы. Одна из стрел уже достигла своей цели, поразив животное. Интересно отметить, что для фигуры лошади использовано незаконченное, и, по-видимому, более раннее изображение. Но вполне вероятно, что граффити служило эскизом для последующей выбивки, которая по каким-то причинам была не завершена. В комплексе зафиксированы и многочисленные граффити одиночных персонажей. Это фигуры кошачьего или даже фантастического хищника, оленя с древовидными рогами и верблюда. Хищник имеет все соответствующие и характерные признаки дикого зверя: когтистые, неестественно длинные лапы, раскрытую зубастую пасть, небольшое ухо, длинный изогнутый хвост. Следует отметить высокое мастерство исполнения другой одиночной и изящной фигуры оленя. Он изображен с запрокинутой назад головой и открытой пастью, как бы призывно кричащий. Рисунок напоминает более ранние гравюры бронзовой эпохи и раннескифского времени, также в небольшом числе, открытые в пункте Цагаан-Салаа. Культурное

наследие прошедших времен отражено и в лаконичной сценке нападения волка или собаки на оленя, а также в сцене совокупления диких оленей. В последнем сюжете, позади оленей, в той же технике граффити выполнено антропоморфное существо (рис. 3, 2). Крупные размеры фигуры (превышающие более чем в 2 раза размеры изображений оленей), гипертрофированный фаллос, характерная поза (анфас) – все это свидетельствует о том, что рисунок передает образ какого-то мифического мужского божества, может быть *Кочогана* – главного персонажа эротических мистерий кумандинцев Алтая. В несколько иной манере (фигура человека в профиль) изображение *Кочогана* известно на стеле из долины р. Барбургазы в Российском Алтае (Кубарев В.Д., 1979, табл. XIII, 7; 2001в, рис. 10, 2).

Древнетюркские петроглифы изученных нами комплексов ещё раз подтверждают то, что наряду со схематичными, геометризованными изображениями (прежде всего в технике граффити) существовала и реалистическая манера выполнения рисунков, которая в определенном смысле продолжала традиции предшествующих эпох. Техника исполнения монгольских средневековых петроглифов, в том числе и граффити, давала возможность предельно детализировать рисунок. Поэтому вряд ли имеет смысл говорить о «слабом развитии стиля в эпоху угасания традиций наскального творчества» (Черемисин, 1993. С. 129). Исследователь противоречит сам себе, сделав вывод: «Ритуальные и эпические сцены, воспроизводят сюжеты, известные из эпоса тюркских народов Евразии. Древнетюркские гравировки Чаганки можно без сомнения отнести к выдающимся памятникам наскального искусства» (Черемисин, 2001. С. 484).

Древнетюркские петроглифы, недавно найденные в Монгольском Алтае (долина р. Хар-Салаа) очень большой и компактной группой (Кубарев В.Д., 2009, Прил. С. 120–134), выдержаны в одном стиле и выполнены в одной технике: тщательной мелкой выбивкой. Своеобразие древнетюркского комплекса заключается в том, что все рисунки выполнены выбивкой (рис. в отличие, например, от других изобразительных памятников Центральной Азии, где в раннем средневековье, в основном, применялась техника гравировки. Разнообразные по содержанию сюжеты в Хар-Салаа и совершенно новые, впервые зафиксированы в петроглифах Монгольского Алтая. Они дают редкую возможность выделить из общей массы рисунков, выполненных точечной выбивкой, изображения древнетюркского времени, как в самой Монголии, так и на других памятниках из соседних регионов Центральной Азии.

Следует заметить, что многие рисунки позднее подновлены не менее филигранной повторной выбивкой, которая делает рисунки более отчетливыми на фоне скальной плоскости. В сюжетных сценах звучит все та же извечная тема удачной охоты, древний культ коня и единоборство средневековых «рыцарей». В репертуаре этой оригинальной, в художественном отношении, галереи наскальных шедевров, главенствует образ конного лучника. Вооруженный герой на великолепном породистом скакуне только на одной небольшой скале повторяется около сорок раз. Причем, самая крупная (около 1,5 м в длину) фигура всадника (рис. 4, 1) расположена на скалах верхнего яруса и хорошо заметна с конной тропы, проложенной в нескольких десятках метров на юг от плоскости с рисунками.

Всадники из Хар-Салаа показаны уверенно сидящими в седлах (рис. 4, 2–4; 5, 1–4; 6) со стременами (?), в разных позах: 1) с наклоненным назад туловищем, анфас; 2) с наклоненным вперед туловищем, в профиль; 3) прямо, с развернутыми анфас плечами. Различия в посадке обусловлены, прежде всего, архаичной тюрко-монгольской традицией выездки и тренинга лошадей, а также, возможно, наличием или отсутствием оружия в руках человека. Натянутый лук чаще всего изображался у «галопирующих», сильно наклоненных вперед всадников. Такая же посадка характерна и для тяжеловооруженных воинов с копьями. На рисунках, где кони двигаются рысью или иноходью, фигура человека чаще всего прямая и развернута анфас, а луки всегда зачехлены и помещены за спиной всадника. В таком же положении фиксируются чехлы-налучья (обтянутые шкурой тигра или барса?) в настенных росписях Самарканда и на щите из замка Калаи Муг с изображением знатного согдийского воина (Древности Таджикистана, 1985). Зачехленные луки и колчаны изображены рядом с воинами на знаменитых средневековых гравюрах из Кудыргэ, Хар-Ямы и на серебряном ковше из Хазарии. Аналогичной формы чехлы или футляры для хранения лука со спущенной тетивой были широко распро-

странены в VIII–IX вв. у кочевников Саяно-Алтая (Кызласов Л.Р., 1969. С. 109, рис. 41), Китая и Средней Азии (Горелик, 1995. С. 376, табл. 46, 12–17).

Исследователями неоднократно отмечалось, что на петроглифах древнетюркской поры особо тщательно и любовно выполнены боевые кони, а всадник часто показан очень схематично, иногда даже в виде короткого вертикального стержня. В меньшей степени такая тенденция прослежена и для некоторых изображений из петроглифов Хар-Салаа. Целый ряд древнетюркских всадников выполнен достаточно реалистично. Этнографическим и, возможно, этническим показателем является прическа тюркских воинов и охотников в виде одной косы. У одного всадника детализированы черты лица – острый подбородок, большой нос, а также намечен глаз. Возможно, у него обрита голова (рис. 6, в центр. части композиции). Головной убор с рогами, наверное, представляющий собой защитный металлический шлем, отмечен только на одном изображении человека (см. рис. 5, 1). Всадников на рассмотренных рисунках по указанным реалиям можно отнести к древнетюркской легковооруженной коннице.

Однако, в наскальных рисунках есть и редкая сцена поединка тяжеловооруженного воина с лучником и другим противостоящим всадником, который выполнен более схематично. Оба всадника держат в руках длинные копья. В силуэтном изображении «катафрактария» угадываются угловатые очертания металлического шлема с плюмажем, длинный «бронированный» халат, на лошади защитная попона. Менее реалистичная и незаконченная сцена боя двух «катафрактариюв» недавно открыта и у восточного подножия горы Шивээт-Хайрхан. Левая фигура всадника выполнена в виде небрежно набросанного эскиза из тонких линий. Сплошной штриховкой заполнено туловище лошади с пышным хвостом, ноги обозначены тонкими линиями. Под брюхом, возможно, обозначено квадратное стремя. Фигура человека только намечена неглубокой выбивкой. Правая фигура воина на коне выполнена силуэтной, сплошной выбивкой, поэтому элементы защитного доспеха различить невозможно. На голове человека, можно предположить, конический шлем в виде перьев или какого-то фигурного украшения. Оба всадника вооружены длинными копьями с ромбовидными наконечниками. Древки копий украшены флажком квадратной формы (левый всадник) и кистью подтреугольной формы (правый всадник). Копья противостоящих всадников упираются в края глубокой трещины, которая разделяет небольшую композицию на две части. Замысел автора рисунков не совсем понятен, но частая повторяемость этой особенности в сценах охоты и в военных столкновениях (рис.) дает основание допустить, что древний художник, фантазируя, вполне осознанно воспринимал трещины как естественные природные объекты и преграды. Например, трещина на скальной поверхности могла вызвать ассоциации с руслом быстрой горной реки или с глубокими расщелинами в скалах.

Очень близкое по стилю силуэтное изображение средневекового рыцаря в доспехах и на коне найдено в местности Цагаан-Отог Сагил аймака (Цэвээндорж, 1999. С. 232, табл. 109, 16). Четыре гравированных рисунка тяжеловооруженных всадников, также открыты Э.А. Новгородовой и монгольским тюркологом М. Шинэхуу на скале Хар-Хад в Эрдэнэ-Бурэн сомоне Монгольского Алтая (Новгородова, 1984. С. 129, рис. 60). Очевидно, одновременно им упомянутые выше великолепные граффити с фигурами «катафрактариюв», выполненными на скальных выходах горы Жалгыз-Тобе, Кара-Оюка, Чаганки, Бичикту-Бомы и на плитах древнетюркских поминальных оград Юстыда на Российском Алтае. Вместе с тем существует проблема идентификации изображений тяжеловооруженных воинов с реальными археологическими находками защитного вооружения и дальнейшей реконструкцией внешнего облика тяжеловооруженного всадника. Всеми исследователями наличие пластинчатого панциря на человеке и защитной брони на коне, изображенных на петроглифах, определяется по штриховке фигур отдельными короткими черточками или параллельными и пересекающимися линиями, образующими ромбы и квадраты. При сравнении этих фигур с железными латными пластинами из погребений, были сделаны графические реконструкции внешнего вида воинов (Новгородова, Горелик, 1980. С. 101–112; Кубарев Г.В., 2005. С. 110, рис. 33; и др.). По наскальным рисункам разработана и дробная классификация воинских доспехов (Соенов, Глебов, 1997. С. 153, рис. 1; Горбунов, 1998; и др.). Следует согласиться с тем, что на отдельных петроглифах действительно можно различить элементы защитного вооружения

всадников, но схематичность и условность значительной части изображений не дает оснований для таких подробных и явно субъективных интерпретаций. Необходимо обратить внимание и на то, что в точно такой же технике (штриховка параллельными линиями, косая и прямая «сетка») выполнены силуэты легковооруженных всадников и пеших лучников, головные уборы воинов, флаги, колчаны, чехлы для луков, чепраки седел, а также многочисленные фигуры различных животных. Видимо, это был широко распространенный и чисто художественный прием в наскальном искусстве древних тюрков, позволяющий более объемно и отчетливо передать отдельные изображения на каменной плоскости. Поэтому ряд реконструкций тяжеловооруженных воинов или даже отдельных элементов «катафракты» по наскальным рисункам носит сомнительный характер.

Лошади и всадники изображены в профиль и преимущественно в движении: шаг, рысь, иноходь и галоп (см. рис. 1, 4–6). Редким исключением является статичная поза, когда лошади находятся без всадников, возможно, в состоянии отдыха или когда они спутаны (см. рис. 7, 2; 8). Судя по экстерьеру, пропорциям фигур и половым признакам лошадей на рисунках, натурой в основном послужили высокопородистые боевые кони. Некоторые из них украшены подшейной кистью и султаном-начельником на голове, имеют седла с чепраками или потниками. Многие кони изображены с тщательно выстриженной гривой, что передано выступающими над шеей двумя-тремя острыми зубцами, а выбитыми на туловище кружками, крупными точками и округлыми пятнами древний художник, очевидно, стремился передать масть животного в «яблоках» (рис. 7).

Яркой, определяющей особенностью тюркских изображений лошадей из Хар-Салаа является и то, что на них несколькими, чаще тремя заостренными зубцами показана выстриженная грива (рис. 4, 6). А.П. Окладников посвятил несколько страниц своей книги происхождению традиции изображения грив курыканских лошадей в виде зубцов. Отмечая значение этой характерной детали, он привел широкий круг аналогий от Причерноморья до Китая, датируя наиболее древние изображения лошадей с такой гривой V–IV вв. до н.э., а самые поздние VIII в. н.э. (Окладников, 1959. С. 127).

Стрижка гривы лошади в виде трех коротких прядей известна всем коневодческим народам Евразии. Но особенно широко подобное оформление гривы лошади распространилось в средневековую эпоху у тюркоязычных народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии (Окладников, 1959. С. 121–127, рис. 69–73; Кызласов Л.Р., 1969. С. 109, рис. 41; Нестеров, 1990. С. 24–30, рис. V–IX; Кызласов И.Л., 1998. С. 161, рис. 15; Новгородова, 1984. С. 126–129, рис. 57–60 и др.) На наш взгляд, данная традиция, возможно, зародилась в центрально-азиатском регионе.

В семантическом плане интересен сюжет с двумя противостоящими конями (рис. 5, 5). В самом общем виде он напоминает композиции противоборства коней, расположенные на лицевой стороне бронзовых поясных пластин, датируемых хуннской эпохой, но очевидное сходство можно усмотреть при сравнении с рисунками на таштыкских деревянных планках, найденных в Ташеба и Тепсее. М.П. Грязнов выделяет в них три главных сюжета: охотничьи сцены или бег зверей, батальные сцены и угон военной добычи, – вероятно, навеянных, по его мнению, фольклором таштыкских племен (1979. С. 145). Э.Б. Вадецкая приводит уточненные прорисовки тепсейских и ташебинских планок, сделанные художником В. Войнером, полагая, что «рисунки людей на планках являются источником для изучения одежды, оружия и причесок таштыкской эпохи» (1999. С. 109). Возможно, сюжет противопоставленных коней семантически связан и с таштыкскими бронзовыми бляшками в виде парных геральдических голов лошадей (Грязнов, 1979. С. 119, рис. 70, 1–5). В наскальных изображениях этот художественный мотив появляется уже в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют недавно опубликованные монгольские рисунки из местности Паалуу (Южное Гоби). Популярность сюжета двух коней-близнецов в искусстве кочевников, может быть, связана с индоиранскими мифологическими представлениями об Ашвинах – сыновьях солнца и кобылицы Ашвини.

В одной сцене охоты любопытна фигура всадника, держащего в одной руке сокола или орла, в другой – стеб или небольшую булаву, престижные атрибуты знатного воина (рис. 6, – верхняя часть композиции). Две хищные птицы присутствуют и в сценке охоты на оленей.

Сюжеты соколиной охоты, весьма близкие по композиционному построению, встречаются также в наскальных рисунках Алтая и Казахстана. Сюжет охоты с прирученной птицей повторяется и на отдельных предметах из Средней Азии (Древности Таджикистана, 1985, ил. 435). Возможно, ловчая птица изображена и на некоторых древнетюркских изваяниях Семиречья и Восточного Казахстана. Как, правило, она показана сидящей на правой руке.

В наглядных, этнографически точных наскальных «картинах» коллективной охоты кочевников, вполне обычного сюжета гравюр раннего средневековья Евразии, следует обратить внимание на экспрессивные позы пеших лучников, стреляющих с колена (см. рис. 7, 8). Такой специфичный прием стрельбы из лука запечатлен и в ряде памятников наскального искусства Российского Алтая, датируемых древнетюркским временем (Елин, Некрасов, 1994, рис. 1, 3; Кубарев В.Д., 1995, табл. I, а; Kibagev V.D., Jacobson, 1996, Fig. 464; Горбунов, 1998, рис. 1, 4; и др.). Стреляющие с колена лучники известны по граффити Сулекской «писаницы» в Хакасии и батальной сцене, выгравированной на костяной пластине, обнаруженной в одном из погребений западных тюрков (VII–VIII вв.) Центрального Тянь-Шаня. По мнению наших археологов, «многофигурные композиции на пластинах из Сутуу Булака могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпических героев...» (Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996. С. 243). Данная художественная особенность, как, впрочем, и другие характерные черты изобразительного творчества древних тюрков Алтая, находят параллели во многих памятниках средневекового искусства Среднего Востока и Западной Европы.

Несколько композиций в Хар-Салаа посвящено охоте на горных козлов (рис. 7, 8). Особенно выразительна реалистичная миниатюра, включающая изображения пяти козлеров, пяти охотников, вооруженных луками, и рисунок изящной, тонконогой лошади (рис. 8). Сцена отличается продуманным и рациональным расположением фигур на каменной плоскости. В центре находятся крупные фигуры козлов, стоящих в ряд и показанных в перспективе (первый, слева рисунок, самый большой, – пятый козел, последний в ряду, в два раза меньше первого). Они ориентированы вправо и отделены от лучников глубокой трещиной и гранью камня. Такое расположение фигур, может быть, по замыслу древнего художника, символизировало естественные преграды, за которыми укрываются загонщики и охотники в засаде. Возможно, сюжет передает самый кульминационный момент охоты: животные, вставшие как вкопанные перед неожиданно появившимися стрелками с натянутыми луками, слева загонщик во весь рост, преследующий козлов. В правой нижней части композиции спешившийся всадник (лук его находится еще в футляре, заседланная лошадь спутана?), спешит на помощь охотникам, находящимся в засаде.

В других сценах, передающих основные способы верховой охоты (облава по кругу, загон с собаками, гон зверей на лошадях), объектом промысла также являются козлы, в двух случаях: олени. Редким изобразительным замыслом можно считать попытку древнего художника передать перспективу изображаемых сцен. Особенно характерны в этом плане фигуры козлов, стоящих или бегущих по горной тропе. Они показаны в несколько необычном ракурсе, когда первая, пропорционально целая фигурка козла налегает на заднюю (невидимую зрителю) часть второй фигурки, которая в свою очередь, перекрывает заднюю часть третьего изображения козла, и т.д. Такой, несомненно, оригинальный прием свидетельствует о желании художника сэкономить пространство на скальной поверхности, показать перспективу, придать ритмичность движения главных в сцене персонажей. Надо отметить, что подобный художественный прием встречен впервые в петроглифах Монгольского Алтая. Повторяемость этого сюжета с козлами, сочетание его в композициях с другими животными, позволяет сделать вывод об одновременности нанесения большой группы рисунков в долине Хар-Салаа и датировании их древнетюркским периодом (VII–VIII вв.).

Принадлежность рассмотренных петроглифов древним тюркам, более тысячи лет назад оставившим свои рисунки на скалах Хар-Салаа, подтверждается многочисленными аналогиями с одновременными наскальными изображениями, открытыми как на территории Алтая, так и в сопредельных странах. Уже накоплен достаточно большой фонд древнетюркских изобразительных материалов, и поэтому определение времени создания исследованных нами произведений наскального искусства представляется не очень сложной задачей. Тем не ме-

нее, приведем самые принципиальные и бесспорные параллели. Отдельные фигуры всадников из Хар-Салаа, летящие в галопе и вооруженные луками, по иконографии совершенно идентичны гравированным изображениям всадников из Кудыргэ (Гаврилова, 1965, табл. XVI, 1), и бронзовым рельефам на передней луке седла из древнекыргызского погребения в Копенском чаатасе (Киселев, 1951. С. 605, табл. LVII, 1–4). Объединяет их в один культурно-хронологический ряд и одинаковый по содержанию сюжет охоты на копытных животных. В такой же экспрессивной манере изображены мчащиеся во весь опор и стреляющие из лука всадники в наскальных сценах облавной охоты на Алтае, в Хакасии, Казахстане, Киргизии и Таджикистане.

Новые рунические надписи. Несколько строк древнетюркских рун, найденных рядом с гравированными и выбитыми рисунками древних тюрков Российского и Монгольского Алтая, несомненно, должны вызвать интерес у тюркологов-лингвистов. На данный момент в этом регионе известно более 100 надписей. Рисунки древних тюрков часто находят рядом с руническими текстами. Так в урочище Кургак недавно обнаружена очень интересная сцена охоты, которую сопровождает древнетюркская руническая надпись в одну строку – 84 знака (см. рис. 2, 3). Лаконичный сюжет передает кульминационный момент загонной охоты средневекового всадника на медведя и оленя (Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2001. С. 342). Впереди него бежит собака, загоня зверей на пешего лучника, который готов спустить тетиву лука, заряженного стрелой. Сцена необычна тем, что рисунки медведя и марала (обитателей тайги) найдены в полупустынной Чуйской степи, где они в настоящее время неизвестны (Кляшторный, Кубарев Г.В., 2002. С. 78).

Цагаан-Салаа. Надпись обнаружена на одной из наиболее высоких вершин горной гряды, рядом с тропой, ведущей на перевал. Она находится на вертикальной поверхности (1,5 x 1 м), на южной экспозиции склона. Надпись состоит из 18–19? знаков и изгибается направо и вверх, огибая фигуру оленя скифской эпохи? (рис. 3, 3) В более позднее время надпись намеренно затиралась, поэтому 3–4 знака просматриваются слабо. На скальной поверхности имеются и другие слабо различимые гравировки, а также выбитые знаки-тамги (рис. 9).

Бага-Ойгур. Надпись найдена непосредственно у тропы на перевал, на восточном склоне горной гряды. Она просматривается достаточно четко и состоит из 9–10? знаков, вырезанных на горизонтальной поверхности скального останца. На камне также нанесено 16 тамг, различной конфигурации. Обращает на себя внимание тот факт, что обе надписи обнаружены почти на вершинах горной гряды, рядом с тропой. Особенно это относится к надписи из Бага-Ойгура. Двигаясь по горной тропе, невозможно было не заметить этот огромный камень с надписями и тамгами. Очевидно, он служил известным ориентиром на кочевой тропе, местом кратковременного отдыха путников, во время которого и были нанесены тамги и единственная надпись – автограф.

Знаки и тамги (см. рис. 9), выбитые и гравированные, широко известны на Алтае и в Монголии. Основная часть их относится к эпохе средневековья. Некоторые из знаков широко распространены на территории Монголии (Кубарев В.Д., Цэвэндорж, Якобсон, 2005, рис. 116). Многие знаки или тамги повторяются в памятниках Российского Алтая, где они, в основном, нанесены на более древних стелах и балбалах. Достаточно часто они встречаются и в петроглифах тюркского времени (Черемисин, 2001, рис. 3). Отдельные тамги выполнены в виде зеркального отражения уже известных знаков или имеют единую основу, но с различными дополнительными деталями. Возможно, это свидетельствует о том, что их оставили несколько родственных семей. Как известно, при образовании новой семьи и ее отделении, к тамге старой семьи добавлялись новые элементы.

Кроме того, в монгольском комплексе петроглифов Цагаан-Салаа известна тамга, котораяходит аналогию в материалах, одного из древнетюркских погребений Уландрыка I (Кубарев Г.В., 2005, табл. 6, 6), а также на местонахождении петроглифов в Калбак-Таше (Kubarev V.D., Jacobson, 1996, pl. 15), – памятников, расположенных на территории Российского Алтая.

Древняя традиция оставлять на камнях лаконичные надписи, племенные и личные тамги позволяет говорить о родственных связях и тесных культурных контактах народов Саяно-Алтая. В дальнейшем, эти ценные данные могут быть использованы в определении ареала тех

или иных тамг, и в какой то мере, в уточнении территориальных границ средневековых государственных образований и возможно даже границ владений отдельных родоплеменных групп населения Центральной Азии.

Литература

- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. – 438 с.
- Древности Таджикистана:* Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Горбунов В.В.* Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье.* – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 102–128.
- Горелик М.В.* Вооружение народов Восточного Туркестана // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье.* – М.: Восточная литература, 1995. – С. 359–430.
- Гричан Ю.В.* Камень с р. Дьялангаш (Горный Алтай) // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири.* – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 170–176.
- Грязнов М.П.* Таштыкская культура // *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.* – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89–146.
- Елин В.Н.* К оценке изучения наскальных изображений в Горном Алтае // *Тез. к конф. «Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии».* – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 16–17.
- Елин В.Н., Тамилов А.М.* Граффити Жалгыз–Тобе // *Тез. к конф. «Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии».* – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 77–78.
- Елин В.Н., Некрасов В.А.* Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // *Археологические и фольклорные источники по истории Алтая.* – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. – С. 116–122.
- Елин В.Н., Соенов В.И.* Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // *Археологические исследования на Катунь.* – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 161–177.
- Еркинова Р.М., Кубарев Г.В.* Граффити Бичикту-Боба (из творческого наследия Г.И. Чороса-Гуркина) // *Археология и этнография Алтая. Вып. 2.* – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики, 2004. – С. 88–97.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. – М.: АН СССР, 1951. – 638 с.
- Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В.* Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-восточный Алтай) // *История и культура Востока Азии. Материалы Международ. науч. конф. – Т. 2.* – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 78–82.
- Кубарев В.Д.* Древние изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 231 с.
- Кубарев В.Д.* Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР.* – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 154–157.
- Кубарев В.Д.* О некоторых параллелях в петроглифах Алтая и Гиндукуша // *Тез. к конф. «Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии».* – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 48–49.
- Кубарев В.Д.* О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // *Известия лаборатории археологии. Вып. № 4.* – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – С. 186–201.
- Кубарев В.Д.* Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // *Древности Алтая. № 7.* – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001а. – С. 155–159.
- Кубарев В.Д.* Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии. № 4.* – 2001б. – С. 95–107.
- Кубарев В.Д.* Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // *Известия лаборатории археологии. № 6.* – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001в. – С. 89–107.
- Кубарев В.Д.* Всадники из Хар-Салаа // *Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий.* – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 3–11.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хаирхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 88–112.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые граффити Монгольского Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – С. 140–143.

Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 1999. – С. 157–169.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Руническая надпись из Кургака (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 341–342.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 212 с.

Кызласов И.Л. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдигей (Факты вторичного использования древнетюркских оградок VI–VIII вв. в раннем средневековье) // Известия лаборатории археологии. № 3. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 145–165.

Мартынов А.И. О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. ГУ, 1985. – С. 80–86.

Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – 346 с.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 101–112.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 211 с.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири // МАЭ. Вып. XLII. – Л., 1988. – С. 140–158.

Соенов В.И., Глебов А.М. Средневековый алтайский шлем // Известия лаборатории археологии. № 2. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – С. 152–154.

Черемисин Д.В. К изучению поздних петроглифов Горного Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Кем. ГУ, 1993. – С. 122–133.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов на юге горного Алтая в 2001. Наскальные изображения Чаганки // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 480–484.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркских эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 95–107.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Сутуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 242–245.

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). – Улан-Батор: Gamma, 1999. – 317 с. (На монг. яз).

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T.V.3. – Paris, 1996, 45 p., Pl. 15, Fig. 662.

Kubarev G.V. Der Panzer eines alttürkischen Ritters aus Balyk-Sook // Eurasia Antiqua. Band 3. – 1997. P. 665–687.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ «КИТАЙСКИХ» БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИБИРИ

Тэцу Масумото

*Охраны культурных ценностей отдела образования
администрации префектуры г. Осака, Япония*

Как понимать китайские бронзовые зеркала, найденные в Сибири на фоне китайской цивилизации – это главная цель этой статьи. Для этого нужна сравнительная точка зрения на то, чтобы наблюдать за феноменами вокруг зеркал из разных регионов, более или менее получивших влияние китайской цивилизации.

Прежде чем приняться за решение этой задачи, автор, занимающийся проблемами археологии Восточной Азии, намерен ответить на вопрос, каким образом бронзовые зеркала привезли в японский архипелаг из древнего Китая под сильным влиянием ее цивилизации и как распространились они в японской культуре.

О китайских зеркалах как объекте пожалования интересные сведения содержатся в китайской династийной летописи Вэй шу: в декабре 238 г. н.э. император государства Вэй признал Химико королевой государства Ва (первое название страны Японии) и отправил ей посла с данью, передав печать из золота и подарив разные вещи: шелковые ткани с орнаментом двух драконов, золото, мечи, жемчужины, красные краски, включая 100 штук бронзовых зеркал; в 240 г. н.э. также вместе с императорским эдиктом подарены были королеве белые шелковые ткани, шерстяные ткани, мечи, зеркала, за что она принесла ему благодарность (упоминание о народе «Во» (старое название Японии) в Вэй-чжи (истории Вэй), которое включено в Саньго-чжи (истории о Троецарстве).

В памятниках только того времени до сих пор найдено больше 400 штук зеркал. Вначале только имитировали бронзовые зеркала из Китая, а вскоре начали производить свои зеркала, имитируя китайские оригиналы, и тоже появились уникальные зеркала с изображениями, отличающимися от китайских мотивов. Такие зеркала обычно положены в курганы в качестве сопроводительных вещей с погребенными. Тогда зеркала играли роль политического характера, чтобы властелины показывали свой иерархический статус в обществе. И уже в первой половине VI в. до проникновения буддизма существовало понятие «три священных регалии», которые представляют собой меч, *тама* (круглые бусы из стекла, камня или металла) и зеркала. В синтоизме тоже их чтили.

После второй половины VII в., когда в Японии появилась деспотия, созданная императором по примеру династии Тан в Китае, привезли китайские зеркала суйского и танского стилей, которые отличаются от прежних. В то время в Восточной Азии под китайским политическим влиянием возникли государства типа династии Тан на Корейском полуострове, в северо-восточной части Китая в Приморье и в Японии. Между ними создавались политико-дипломатические, экономические и культурные связи вокруг Китая. Иначе говоря, происходила китаизация всей Восточной Азии. Большое количество подаренных от императоров Китая того периода драгоценных вещей даже сейчас хранятся в древнейшей сокровищнице Сёсоин в старинной столице Японии Нара, прототипом градостроительства которой была столица Чанъан династии Тан. Такие вещи очень пригодятся к сравнительному изучению, так как они содержат разную и богатую информацию о тех временах. Среди них известно зеркало танского стиля диаметром в 67 см. Зеркало такого диаметра тоже хранится в музее в Стамбуле. Оба зеркала символически свидетельствуют о распространении китайских зеркал до востока и запада под влиянием международного государства династии Тан.

В IX – X вв., когда власть императоров изменилась в одно название в результате того, что аристократы начали пользоваться большей властью, отдав своих дочерей в императорские семьи, зеркала стали употребляться как косметические инструменты, на тыльной сторо-

не которых нанесены узоры с темой, связанной с художественной литературой в престижных верхах. Вместе с тем после конца XII в. в Японии начали появляться феодальные государства, развивалась торговля, привозили из Китая зеркала периода Сун, что оказало влияние на производство средневековых зеркал новых стилей. После того зеркала японских вариантов (*вакё*) использовали, с одной стороны, в обыденной жизни и в качестве свадебных предметов, а с другой стороны, в синоистских и буддийских храмах по древней традиции как религиозно-обрядовый неотъемлемый атрибут.

В XVII – середине XIX вв., когда хорошо развивалось производство зеркал и расширялась потребность точильщиков, в записях гильдии указано много профессионалов. Они обходили клиентов и в деревнях и в городах, работая на заказ. В то время японские зеркала, имеющие уникальные орнаменты, резко отличаются от собственных китайских, их даже вывозили в Китай, где китайцам понравился японский стиль. В последние годы специалисты обеих стран опубликовали статьи о находках таких японских зеркал внутри Китая (1).

Вместе с тем автор встречал такие японские зеркала в экспонатах музеев Сибири, но, к сожалению, неизвестно, откуда конкретно происходит большинство из них. С середины XIX в. в центральной России начинается активный интерес к японской культуре (2), поэтому можно считать, что купленные зеркала просто как любовь к антикварным вещам в конце концов попали в музеи. Это в основном касается проблемы, связанной с позднесредневековой историей Сибири.

В общих чертах прослеживались следы изменения привозных китайских зеркал в Японии. По введению китайских зеркал, в Японии они своеобразнее других регионов развивались, чувствительно откликаясь на атмосферу общества каждой эпохи. Это объясняется тем, что Япония находится при географических условиях, окруженных морями со всех сторон и вступившие извне инокультурные элементы всегда легче принимали как своего рода обожания. Бронзовые зеркала тоже не имели характера исключения.

А Центральная Евразия, включая Сибирь, где все время могли существовать моменты, от которых взаимовлияние между племенами с различными культурами неизбежно, составляет резкий контраст Японии, располагающейся в углу Восточной Азии. Например, давно известны бронзовые зеркала из Минусинской котловины. По Е.И. Лубо-Лесниченко их содержание:

- 1) Тагарский период (4–3 вв. до н.э.) 5 экземпляров;
- 2) Таштыкский период (2 в. до н.э. – 5 в. н.э.) 12 экземпляров;
- 3) Период Тюркских каганатов и кыргызского великодержавия (6 – середина 10 в.) 88 экземпляров;
- 4) Домонгольский период (середина 10 в. – начало 13 в.) 65 экземпляров;
- 5) Монгольский и послемонгольский периоды (начало 13 – 16 вв.) 118 экземпляров (3).

Большинство из них состоит из зеркала 3), 4) и частично 5), которые относятся к зеркалам от суйского и танского периодов до юаньского в китайской истории.

В связи с этим здесь уместно кратко излагать о периодизации китайской истории, которая поставлена японским востоковедом Хидэхиро Окада (4).

По нему «китайская цивилизация» началась объединением Китая первого правителя Ши-Хуанди в 221 г. до н.э., а продолжалась до войны между Японией и Цинской династией в 1895 г. н.э. До объединения Ши-Хуанди Китай еще не сложился, а после 1895 г. китайская традиционная цивилизация прекратилась, взамен этого даже сейчас существует эпоха европейской цивилизации японского типа.

Время до китайской цивилизации можно называть эпохой варварских племен ман, и, жун и ди, но Ши-Хуанди от рода западных жунов объединил их, в результате чего появились иероглифика, города и император, и с тех пор около 2000 лет цивилизация китайского типа преобладала в Китае.

Такая китайская цивилизация распределена на несколько этапов.

Первый этап продолжается около 800 лет, с объединения Ши-Хуанди в 221 г. до до правителя Вэнь-ди династии Суй в 589 г. н.э., когда он уничтожил Чэнь и объединил всю страну. С тех пор управлять Поднебесной начали северные племена, а уже не бывшие китайцы. Этим поворотным моментом было восстание «желтых повязок», вспыхнувшее в 184 г. С этого события китайцы, существовавшие в первой половине Ханьской эпохи, залпом и резко уменьшились, взамен них северные племена во второй половине того периода переселились в китайскую землю, и вскоре они взяли власть в Поднебесной.

Второй этап продолжается около 700 лет, т.е. с объединения правители династии Суй в 589 г. до объединения всей Восточной Азии первым правителем династии Юань Хубилайханом, который в 1276 г. разрушил Южный Сун. В это время царствовали в китайской земли такие императорские дома, как Суй, Тан, Пять династий и Сун, которые принадлежат к этническим группам северных племен, и среди них в династии Сун пользовались влиянием группа, настаивавшая на идеи «китайизм», поэтому стало неясным тот факт, что тогдашние «китайцы», по правде говоря, являлись «северными племенами». Но по-настоящему, те новые северные племена, как тюркская, уйгурская, киданьская (ляоская) и чжурчжэньская (цзиньская) империи вышди на первый план, и в 936 г, когда, вмешиваясь в внутреннее разногласие в империю Позднего Тана, ляоский император захватил 16 областей северной части китайского земли, старые северные племена первого половины этого этапа уступили новым.

Третий этап продолжается около 600 лет, т.е. с объединения династии монголов Юань в 1276 г. до распада Цинской державы в 1895 г. В это время монгольская империя объединила Восточную, Северную, Центральную и Среднюю, Южную, Западную Азии и Восточную Европу в политическом и экономическом отношениях, и это общее положение, в основном, продолжается до современности. Иначе говоря, можно сказать, что в настоящем смысле всемирная история началась. Кстати, Минская империя происхождения тайного сообщества, возникшая в 1368 г., это как будто феномен двинувшегося вспять. Но Юаньская держава еще просуществовала в Монгольском плато, а страны, которые расколотились от Монгольской империи, соперничали в Евразии, потому среди них только числят тоже Минскую империю. Истинно распределяет третий этап Китая на первую и вторую половины то событие, в котором в 1644 г. было крушение Минской империи и царствование маньчжурской Цинской империи в Бэйцзине. Цинская империя, с одной стороны, объединив монголов, китайцев, тибетцев и тюрков-исламистов в политическом отношении, а с другой стороны, строго разделив экономику у разных народов, воспроизводила систему бывшего юаньского объединения.

Война между Японией и Цинской державой 1894–1895 гг. – это событие, которое положило конец императорскую систему и китайскую цивилизацию, существовавшая более 2100 г. С тогдашнего времени Цинский Китай решил принять модернизацию японского типа и отправил Японии много своих студентов и заставил их научиться новой культуре Западной Европы через Японию.

Таким образом, время «китайской цивилизации» кончилось в 19 в.

По вышеуказанному мнению, мы можем легче понимать, какие племена, в какую эпоху и каким образом выступали в историческом фоне. И так, нельзя говорить уверенно, что носители китайской цивилизации все время являлись китайцами (которых идентифицируют «китайцами» в первой половине первого этапа, т.е. во время объединения Ши-Хуанди). Надо иметь в виду это и в изучении «китайских» бронзовых зеркал. Например, в зеркалах первой половины китайской цивилизации, т.е. в первой династии Хань, изображены разнообразные геометрические шаблонные орнаменты, связанные с идентификацией у тогдашних китайцев, а в зеркалах второго и третьего этапов выступают в главной орнаментации более художественные или более этнические элементы, освободившиеся от предшествовавшего шаблонизирования.

Автор хочет считать, что это изменение касается вышеизложенной китайской цивилизации, фактически образованной новыми и старыми северными племенами, хотя, конечно, остались старые элементы первого этапа в каких-нибудь вариантах.

Теперь переходим на зеркала второго и третьего этапов китайской цивилизации из Сибири. В Сибири к западу от Большого Хингана ареал распространения зеркал этих этапов сейчас можно распределить на четыре областей: Южную Сибирь на Енисее, Восточную Сибирь на Ангаре с зоной о.Байкала, Западную Сибирь на Оби и пространство к западу от ней. Среди зеркал из Минусинской котловины есть видовая разница по количеству, но можно найти общие виды, которые встречены в других регионах.

Особенно в восточносибирских зеркалах есть общее с минусинскими зеркалами, почти без вариации (5). И на Алтае тоже такое же явление. Но на бассейне р.Оби ниже Алтая, в особенности в Новосибирском и Томском Приобье, бывает, встречены уникальные детали по орнаменте и форме. Они представляют собой своего рода вариантов, получивших влияние некитайской традиции из запада (6).

О зеркалах к западу от западносибирских регионов у автора до сих пор еще не было возможности наблюдать их. Но по информации в литературах, к примеру, у золотоордынских зеркал есть, кажется, слишком автохтонные элементы китайских зеркал под влиянием западной традиции (7). Это как будто явление западного варианта, основываясь на зеркалах из Минусинской котловины, которая, если можно считать, являлась одним из центров привозных зеркал в Сибири из Китая. Если в дальнейшем стараться выделить какие-либо внекитайские традиционные элементы и выяснить, откуда генетически они, то мы могли бы установить концепцию «сибирские зеркала» отдельно от концепции так называемых «китайских».

Ареал распространения бронзовых зеркал в Сибири связывается с вопросом, какие группы племен были там? Но трудно ответить на такой вопрос, только если просто основываться на содержание династийных летописей каждой династии китайской истории.

Здесь автор приведет интересный пример, служащий такому рассмотрению. Это расшифровка текста тибетского языка №1283 (P.t.1283), найденного Пеллио Поль и хранящегося в Государственной библиотеке в Париже. Это часть из текстов, найденных в буддийском гроте Могаоку в Дуньхуане в Центральной Азии (на северо-западе нынешней провинции Ганьсу), о предварительном сообщении которой Пеллио не удалось в его жизни, но после смерти Жаку Бако издал его посмертные труды. Потом ученые Англии, Франции и Венгрии наследовали их исследование, а потом 1977 г. японский востоковед Такао Мориясу в первый раз расшифровал весь текст с комментариями и продолжал работу, опубликовав новейшую расшифровку в 2007 г.

По его объяснению это называется текстом «Сообщение пяти хорцев, которых отправил король хорцев» (8). По тексту в середине 8 в. в одном из важных пунктов Шелкового пути, который находился в области Лянчжоу (на севере нынешней провинции Ганьсу), был один согдийский город, имевший название Хор.

Король был руководителем с общественным характером всадника, торговца и аристократа. Он отправил пяти своих посланцев в разные места по магистральным дорогам из Лянчжоу, чтобы в пользу дистанционной торговли разобраться в положении, которое меняется каждую минуту в тогданнее время. Среди них описание двух посланцев касается сибирской земли.

Один из них шел на север от Тибета, через Гоби, а потом через р.Тола к Забайкалью и вышел на запад о.Байкала, дальше через южный берег о.Хубсугул, затем на севере Танну-Ола спустился по Малому Енисею, потом по Енисею через Саяны, и в конце концов добрался до бассейна р.Ангары. Другой обошел Гоби к западу, вышел на север от востока Алтая, дошел до его северо-востока, дальше на западе от р.Енисея шел на север, а потом добрался до бассейна р.Енисея несколько выше по течению от места слияния р.Енисея и Ангары. Оба они

сообщили о многих племенах, кроме уйгуров, басмиров, кирзизов, си, карлуков и других, о которых описаны в летописи Тан-шу, и о их жизни, хозяйстве.

Удивительно, что они проводили разведку в таком широкомасштабном деятельности в середине 8 в. и сделали доклад о своих маршрутах так конкретно. Вместе с тем, большое значение имеется в том, что в пользу торговой деятельности они расшряли кругозор, а не просто из-за политического намерения. Рассматривая распространение бронзовых зеркал в Сибири по направлению к северу с юга, в этом тексте содержится многозначительный намек, тем более что исторических источников, говорящих о торговом пути с юга на север, кажется, меньше чем с востока на запад.

Если касаться бронзовых зеркал, близких по тому времени, которые найдены при раскопках, то можно приводить примеры: зеркала с изображениями львов и винограда из Сопка на Западной Сибири (9) и из Юстыда на Горном Алтае (10), зеркало с изображениями восьми лепестков из мог. Курата также на Горном Алтае (11).

Кстати, интересно обратить внимание и на серебрянные посуды, включая вазу с рунической надписью на дне, которые обнаружены на острове Муруйский на Ангаре, о которых недавно опубликовано (12).

Как выше изложено обобщенно, для перспектив дальнейшего развития в изучении китайских бронзовых зеркал из Сибири, лучше иметь в виду, какая этническая структура потенциально существует в так называемой китайской цивилизации или китайской культуре, а не просто останавливаясь на их датировке и на содержании династийных летописях.

Как пример автохтонного развития китайских зеркал можно еще упомянуть о других регионах. Например, на Корейском полуострове много китайских зеркал династий Ляо, Сун и Цзинь найдено в могилах периода Гаоли (916–1392 гг.), но их называют «гаолискими зеркалами», иначе говоря, здесь считают категорию таких китайских зеркал отдельно существующим стилем. А раньше Э.В.Шавкунов отметил, что в одном из зеркал с изображениями карпов из Сучанского клада на Дальнем Востоке, нанесены рисунки рыб лососесевых взамен карпов (13). Если так, этот факт тоже позволяет считать такое зеркало одним из феноменов, отражающих сибирский стиль.

Хотя здесь в типологическом смысле не глубоко упоминается о подробностях самих зеркал, обнаруженных до сих пор в разных регионах Сибири, но при использовании общепринятого термина «китайских зеркал», следует иметь в виду, что не просто обозначает неизменно традиционную и последовательную китайскую цивилизацию на историческом фоне. Итак, характерные черты сибирских «китайских» зеркал привлекают интерес к новой сравнительной точке зрения дальнейшего исследования, чтобы понимать уникальное явление, отличающееся от вариантов Восточной Азии.

Литература

1) Сюэ Цяо, Чжэн Дун (перевод: Томоясу Кубо). Японские бронзовые зеркала 15–18 вв., найденные в Китае // *Journal of the Archaeological Society of Japan*. Токио, 1999. Vol. 83. №3, стр.80–117 (на япон. яз.).

2) Belyaeva Ekaterina. Japonisme in Russia – end of 19 – beginning of 20 century // *Journal of Social Sciences and Humanities*, Chiba Univ., 2006, №12, pp.109–117 (на япон. яз.).

3) Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу внешних связей древнего населения Южной Сибири. М., 1975, стр.7–8.

4) Хидэо Окада. История китайской цивилизации. Токио, 2004, стр.19–24, 260–263 (на япон. яз.).

5) Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в 12–14 веках. Владивосток; Иркутск, 2004, стр.69–70; Николаев В.С., Тэцу Масумото, Кустов М.С. Бронзовые зеркала из Ангарской долины // *Известия лаборатории древних технологий*, вып. 6. Иркутск, 2008, стр.184–193.

6) Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох. Басандайская культура. Новосибирск, 2008, стр.133–134; Плетнева Л.М. Томские Приобье в начале 2 тыс. н.э. по археологическим источникам. Томск, 1997, стр.230, 232, 274, 281, 306, 314, 324; Личное наблюдение бронзовых зеркал, хранящихся в музее при Кем. ГУ (Благодаря заботе А.С.Васютина).

7) Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская Археология. № 1–2(12–13). Казань, 2004, стр.111–156.

8) Такао Мориясу. Шелковый путь и империя Тан (серия «Всемирная история: процветание и упадок», т.5. Токио, 2007, стр.316–334) (на япон. яз.); Takao Moriyasu. A Propos des tribus de l'Asie Centrale qui se trouvent dans les sorces tibétaines: DRU-GU et Hor // Journal of Asian and African Studies. Tokyo, 1977, pp.1–48.

9) Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск, 1992, стр.159; Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994, стр.108, 121.

10) Личное наблюдение бронзового зеркала, раскопанного на Юстыде В.Д.Кубаревым (Благодаря его заботе).

11) Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата 2 и Кор-Кобы 1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990, стр.56–98.

12) Николаев В.С., Кубарев Г.В., Кустов М.С. Серебряные сосуды острова Муруйский // Известия лаборатории древних технологий, вып.6. Иркутск, 2008, стр.175–183.

13) Шавкунов Э.В. Клад чжурчженьских зеркал // Материалы и исследования по археологии СССР, №86 (Труды Дальневосточной археологической экспедиции, т.1). М.-Л., 1960, стр.235.

КРАХ ГИПОТЕЗЫ ОБ «ОСОБОМ» ПРОТОБУЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Г. Мухамадиев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Открывший впервые надписи 2-го стиля болгарских эпиграфических памятников «лектор татарских языков» Санкт-Петербургского университета Хусейн Фейзханов (1828–1866), подходил к проблеме как истинный ученый, трезво, практично и традиционно не оскорбляя никого из родственных народов-соседей, писал: «Не следует ли, не вдаваясь **ни в какие гадательные предположения**, читать просто *жѳити жѳур*, т.е. *йити йур?*.. В пользу моего мнения говорит и обыкновение татар начальное *й* произносить и писать как *жѳ*, что касается до буквы *р*, употребленной вместо *з* в слове *жѳур*, то это можно объяснить отчасти ясностью (как в слове *сѳкр*, т.е. *сѳкз*) смысла и без точки, отчасти употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени; чуваша «сто» называют *чюр...*»¹.

Дальше, однако, появляются уже в массовом порядке именно однобокие гадательные предположения мужей науки об особом протобулгарском языке. Только историографический обзор таких работ составил бы многотомный труд, но проблема оставалась фактически без убедительной развязки.

Оказывается появившийся позднее, в ордынский период, и бытовавший из-за запрета в небольшом отрезке времени, судя по почерку – вторичный и с языческими элементами «язык» надгробных памятников 2-го стиля XIII–XIV вв. (1280–1350 гг.) – это язык «протобулгар». А язык многочисленных, но более древних и «истинных» таких же эпиграфических памятников 1-го стиля или литературных произведений, того же времени, т.е. живой, разговорный и письменный язык массового характера, существовавший с древнейших времен – это уже не болгарский язык!

Древнейшие тексты. Как-то известный немецкий исследователь Г. Дерфер по поводу ротацизма и ламбдаизма в «протобулгарском» языке метко заметил: «Я не уверен, что эта проблема будет когда-нибудь решена... Нам нужно ждать обнаружения древних текстов тысячного года до н.э. Поскольку их нет, а надежда обнаружить их маловероятна, то проблема остается нерешенной»².

Подобные тексты, существовавшие со II в. до н.э., т.е. начала тысячного года до н.э., к счастью, обнаружены и исследованы автором в течение ряда лет. Эти прекрасно сохранившиеся до наших дней древнейшие тексты, поскольку чеканены на монетах, и включены в религиозные тексты ранних болгар, нанесенные на сосудах из драгоценных металлов и т.д. – действительно, своеобразны и уникальны.

Не оправдали себя предположения и построения Н.И. Ашмарина, З. Гомбоца или Рона-Таша об особом «протобулгарском» языке. Так что, похоже, в каком-то смысле прав оказался Г. Дерфер, что проблема для них остается нерешенной. Потому, что построения вышеуказанных авторов оказались высосанной из пальцев теорией, т.е. не подтвержденной ни историческими, ни археологическими или нумизматическими, тем более ни фундаментальными языковыми материалами гипотезой.

На каком же языке говорили древние болгары? Сохранившиеся древнейшие гунно-булгарские письменные памятники на данный вопрос позволяют ответить однозначно, что за исключением редких диалектальных вкраплений, они говорили на том самом, сохранившимся до нас в массовом количестве письменных памятников общепулгарском языке.

Как видно из дошедших до нас многочисленных древних гунно-булгарских надписей их язык имеет, в основном, широкий диапазон бытования по времени, поскольку существовал, судя по античным и раннего средневековья хорезмийским монетам, а также по надписям на

¹ Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи // Известия Русского археологического общества. – СПб., 1863. Т.IV. Вып. 5.

² Gerhard Doerfer. *Khalaj Materials*. – Bloomington. 1971. P. 275.

сосудах из драгоценных металлов и на печатках золотых перстней правителей булгар, серег и т.д. со II в. до н.э. – по VIII в. н.э., т.е. до принятия ислама.

Указанные источники являются свидетелями развития гунно-тюрко-булгарского языка в отрезке времени в тысячу лет. Многочисленные сосуды с надписями на основе того же хорезмийско-гуннского алфавита продолжали существовать у булгар, в основном, как догматы манихейско-буддийского религиозного толка так же до VIII в. – до официального принятия хазарами ислама на Волге в 737 г. Судя по некоторым данным, указанная письменность по традиции существовала некоторое время и позднее. Во всяком случае, арабский автор X в. Ибн ан-Надим писал, что булгары и туббат употребляют письмена **Мани**³.

Поскольку гунно-булгарский язык относится к агглютинативным языкам, т.е. корни слов сохраняются неизменными, поэтому чтение надписей не составляет какого-то особого труда или особой сложности, хотя, естественно, имеются свои проблемы.

Проблемы или некоторые весьма важные особенности надписей, в конечном итоге приводившие к своеобразному оформлению отдельных знаков, слов или текстов как в случае с языком надгробных памятников 2-го стиля, имеют очень древние истоки и связаны с эфемизмом. Например, античные монеты гуннов, чеканены анонимно, имеются лишь титулы, поскольку гунны страшно боялись порчи. Использование подобного характера надписей на Волге имеет несколько этапов:

1. Наиболее ранняя надпись гуннским письмом на гагатовом талисмани обнаружена в «сарматском» погребении⁴. Надпись состоит из одного оригинального слова: *Алц*. Слово буквально означает: «твой ал», т.е. «то, что пред тобой (дар)». Правильное чтение надписи не оставляет сомнения, дело в том, что это же слово на талисмани написано еще раз, но уже *зеркально*. Указанное слово, похоже, является общим обозначением предметов, вложенных в погребение усопшему или же позднее как памятный знак. Например, на булгарском надгробном средневековом памятнике арабскими буквами указанное слово написано в форме как *Алты*, т.е. «его ал».

2. Зеркальное написание отдельных слов встречается и в булгарский период. Например, в сокровище правителя булгар Кубрата имеется 3 золотых перстня с именами в печатках, оформленными на основе того же алфавита: на перстне Кубрата, правившего до него Арханда и царицы Архандач. Перстень с именем Кубрата не имеет каких-либо ритуальных элементов или терминов родства. На перстне имеется лишь его титул в форме *кинг*, как и на хорезмийских монетах IV–VIII вв. На перстнях же умерших до него «Арханда канг» (отца) и «Архандач өгүкг» (матушки) отдельные буквы, естественно, выгравированы *зеркально*⁵.

3. **Надпись на золотом ковше.** В Эрмитаже сохранилось прекрасно орнаментированный золотой ковш с *зеркальной* булгарской надписью.

Ковш поступил в начале XVIII в. в коллекцию Кунсткамеры. Впервые обратил на него внимание Х.М.Френ⁶. Надпись арабской вязью читается следующим образом: «*Сэнэи, Хэзрэт Мэккэдин Мэдинэга баргали, алты йөр ун ити*». Он перевел надпись следующим образом: «В году: с тех пор как господин (пророк Мухаммед) ушел из Мекки в Медину (прошло) шестьсот семнадцать (лет)».

Согласно М.Г. Крамаровскому надпись вместе с орнаментикой ковша сделаны *одновременно* и составляют единый декоративный комплекс. Действительно, не только в орнаментике, но и в оформлении достаточно большой *зеркальной* надписи чувствуется тонкая рука одного мастера.

Невольно возникает вопрос о том, что же означает сама дата 617 г. (1220–21 гг.)? Если бы она указывала на время изготовления сосуда, то почему же она выполнена так (зеркально),

³ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с конца VII в. – до конца X века). – СПб., 1870. – С. 241.

⁴ Медведев А.П. Погребение воина в Чертовицком могильнике // История и культура сарматов. – Саратов, 1983. – С. 126.

⁵ Мухамадиев А. Древние монеты Казани. – Казань, 2005. – С. 156.

⁶ Крамаровский М.Г. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. – Л., 1975. – С. 70.

что не каждый может прочитать ее содержание. Это явно не дата изготовления ковша, иначе трудно понять почему же она скрыта от глаз простых смертных?

Характерные особенности языка надписи свидетельствуют, что ковш имел *погребальный* характер.

Подтверждающим данное мнение о ритуальном характере надписи на ковше, является **ее созвучие не только с указанными памятниками ранних булгар, но и с надписями более поздних болгарских надгробных памятников XIII–XIV вв. 2-го стиля!**

Обратите внимание на *дату* в надписи ковша: *алти йөр ун ити*, т.е. 617. Единственное «скрытое» в надписи необычное слово: *йөр*, заменой буквы *з* на *р* – легко угадываемое в контексте слово *йөз* – сто.

В надписи очень большой соблазн вызывает чтение последнего слова в надписи *ити* как «был», т.е. читать завершение текста в форме «шестьсот десятый год был». Но это слово в средневековых болгаро-татарских источниках как правило, стандартно читается только как *ити* – семь и, тут уже ничего не изменишь!

4. Интересным является сравнение упомянутой надписи с языком надгробных памятников XIV в. 2-го стиля. То же самое слово «семь», например, написано на надгробных камнях в **восьми** вариантах: *жсиаат, жсиат, жсиатэ, жсит, жэти, жсиаэж, жэжэ, жсиэж!*⁷ Варианты других числительных поменьше, но тоже достаточно много. Эти примеры свидетельствуют **не о существовании какого-то протоболгарского языка с едиными правилами**, а о явлении ритуального *эвфемизма*, который дошел до XIV в., не только в форме «порчи» отдельных букв, а отдельных слов.

Зеркальная надпись золотого ковша свидетельствует, что уже в начале XIII в., т.е. в до-монгольский период, болгары пользовались почерком *сульс*.

Правда, тексты надгробных камней оформлены не зеркально как на золотом ковше – это было бы слишком сложно для простого люда, но каким почерком!? Давно устаревшим, притом ложным почерком **куфи**, которым пользовались на Волге несколько веков тому назад, в основном тогда, когда чеканились в IX–X вв. куфические дирхемы хазар и болгар.

⁷ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. – М., Л., 1960. – С. 71.

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ОКРУГИ ГОРОДИЩА ШАРЕНЬ БУГОР¹

Л.Ф. Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

В статье рассматриваются материалы грунтовых могильников округа городища Шареный Бугор², располагающихся на территории Астраханской области. Описываются только бескурганые захоронения. Зафиксированная глубина могильных ям колебалась от 4 до 150 см.

74. Барановка (Калмыцкий Бугор). На бугре Калмыцкий, располагающемся в 2,5 км к северу от села Барановка (Васильев, 1989; Казаков, 1988; 1991. С.42–44; Никонов, 1989), П.В.Казаковым в 1988 г. были найдены скопление обломков кирпича, фрагменты лепных сосудов, кашинные голубые изразец и бусина, железные фрагменты кинжалов (?), кости людей и животных. Расчищены два погребения: первое имело западную ориентировку (череп лицевой частью к югу, конечности вытянуты), второе – северо-восточную (кисть левой руки в области таза, кости правой руки сохранились частично); во втором погребении имелись перекрытие и инвентарь: серебряная чашечка, железные пластины от доспеха, 3 срезневидных, трехгранный и трехлопастной наконечники стрел, нож в деревянных ножнах, фрагмент двусоставных удил, часть стремени с широкой подножкой, 2 пряжки, обломки скоб, заклепки с медными шляпками, берестяной колчан с пряжкой и крюком, каменный оселок, керамическое напрясло, фрагменты ткани. Исследования были продолжены в 1989 г. В.А.Никоновым, вскрывшим 38 погребений золотоордынского времени, печенежское и сарматские захоронения.

75. Вакуровский Бугор I. На данном бугре, расположенном в 3 км к северу от поселка Маячное Красноярского района Астраханской области, были найдены фрагменты неполивной красноглиняной гончарной керамики, лепного сосуда, кремневый резец, обломок поливной керамики и человеческие кости (Васильев, 1992; Казаков, 1988; 1991. С.42; Котеньков, 2001. С.54–56; Котеньков, Васильев, Пантелеев, 1990). Изучены золотоордынские погребения и захоронение хазарского времени. В 1988 г. П.В.Казаковым были исследованы два погребения с западной ориентировкой (в одном случае конечности вытянуты, в другом – кисти рук в области таза) без инвентаря. В 1990 г. В.А.Никоновым доисследованы еще 6 погребений золотоордынской эпохи. Захоронение 1 было полностью разрушено. Подростковое погребение 3 было совершено с юго-западной ориентировкой, правая рука погребенного вытянута. В мужском захоронении 4, имевшем западную ориентировку, погребенный был обращен лицом на север; левая рука была вытянута, кисть правой располагалась на тазовых костях. Женское погребение 5 было совершено с западной ориентировкой (череп лицевой частью к югу, конечности вытянуты). Захоронение 6 принадлежало подростку, оно имело юго-западную ориентировку, кисти рук располагались в области таза. В погребении 7, имевшем западную ориентировку, кисти рук находились на тазовых костях. В 1992 г. Д.В.Васильевым доисследованы мужские захоронения 3 (с западной ориентировкой лицом к югу) и 4 (с юго-западной ориентировкой); конечности погребенных были вытянуты.

76. Вакуровский Бугор II. На одноименном бэровском бугре в 400 м к северо-западу от поселка Маячное в 1991 г. С.Б.Артемьевым были найдены человеческие кости и фрагменты красноглиняной гончарной керамики; в 1992–1993 гг. Д.В.Васильевым на бугре вскрыто 12 мусульманских погребений (Артемьев, 1991; Васильев, 1992; 1993б). Захоронение 1, с западной ориентировкой, принадлежало взрослой женщине; правая рука была вытянута, кисть левой располагалась на тазовых костях. Женское погребение 2 имело также западную ориентировку; правая кисть находилась на тазу, левая – на животе. В захоронении 3, пожилого мужчины с западной ориентировкой лицом вверх, кисти рук располагались на тазовых костях. Мужское погребение 4, совершенное в гробу, имело юго-западную ориентировку (череп на

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Gerda Henkel Stiftung, Düsseldorf № AZ 19/SR/08.

² Схему расположения памятников, нумерация на которой соответствует нумерации в данной статье см. в нашей публикации (Недашковский, 2006. С.80, рис.3).

затылке); инвентарь представлен железным предметом и фрагментами тканой ленты. Захоронение 5 принадлежало пожилой женщине и имело западную ориентировку (череп располагался на затылке, левая рука была вытянута, кисть правой находилась на тазовых костях); на дне ямы были найдены 4 плода орешника (?). Погребение 6, старого мужчины, было совершено с западной ориентировкой (череп на затылке, правая кисть располагалась на правом плече, левая – на груди). Захоронение 7 принадлежало старому мужчине и имело южную ориентировку; череп лицевой частью к востоку, кисти рук на тазовых костях. Погребение 8 было совершено с деревянным перекрытием; костяк старого мужчины лежал головой на запад (череп лицевой частью к югу, кисть правой руки располагалась на груди). Захоронение 9 имело западную ориентировку, левая рука была вытянута, кисть правой находилась на груди. Погребение 10, старого мужчины, было совершено с западной ориентировкой, лицом к северу с вытянутыми конечностями. Женское захоронение 11 имело западную ориентировку (череп лицевой частью к югу, кисти рук на животе) и берестяное перекрытие. Мужское погребение 12 было совершено с западной ориентировкой лицом к югу; правая кисть располагалась на груди, левая – на животе.

77. Маячный Бугор I. На бэровском бугре в 400 м к северу от райцентра Красный Яр Астраханской области на левом берегу протоки Маячная в 1989–1994, 1996 и 2001 гг. были исследованы 330 погребений (Болдырева, 2006; Васильев, 1994в; 2007. С.104; Гордеев, Зелене-ев, Пигарев, 2002. С.263–264; Золотая Орда, 2005. С.161, 201, №/№ 108, 110, 117; Казаков, 1989; 1992; Котеньков, 1989; 1990; 1992а; 1993; 1994; 2004; 2005; Котеньков, Васильев, 1994. С.134; Котеньков и др., 1995. С.213; Котеньков, Юрьев, 1997; Кутуков, 1996; Морарь, 2002; Недашковский, 2000. С.25–26; Орфинская и др., 2006; Пигарев, 1992; 1994; 2000. С.284–285, 287–288; Федоров-Давыдов, 1994. С.36; 2003. С.78, № 17в): ряд сарматских, раннесредневековое (IX–XI вв.) и множество золотоордынских (встречены все варианты ориентировки погребенных; большинство захоронений было совершено с западной ориентировкой лицом к югу без сопровождающего инвентаря). Примечательно, что на могильнике зафиксирована грабительская яма с фрагментом золотоордынской керамики в засыпи, потревожившая захоронения сарматской и раннесредневековой эпох (п.38, 44–45). Ряд золотоордынских захоронений был совершен в сырцовых склепах, фиксировались на могильнике сырцовые заклады ям, выкладки и деревянные гробы; был исследован также сырцовый мазар с шестью детскими погребениями с западной и восточной ориентировками (четыре из них были совершены в подбоях в южных стенках могильных ям). Инвентарь погребений представлен бронзовыми и золотыми шпильками и серьгами в форме вопросительного знака с бусинами из жемчуга и стекла (встречены такие же серебряные серьги и бронзовая серьга с серебряной поллой бусиной), серебряными кольцевидными серьгами, пряжкой, заколкой, пуговицей, бляшкой, фрагментом квадратной бляшки со следами ткани и остатками железного крепления, амулетами из черного дерева и белемнита с серебряными обкладками, шапочками-бокками с берестяной основой, бронзовыми зеркалами (в том числе неорнаментированными и с орнаментом – в виде креста и нескольких расположенных одна в другой арок, в виде креста и изображения четырех хищников, а также в виде двух драконов и в виде концентрических окружностей, в одном случае дополненных несколькими расположенными друг в друге арками), кольцевидной серьгой, перстнем, накладкой, обоймой, ковшом с фестончатой ручкой, бубенчиками, бляшками, фрагментами пластинок с отверстиями, деревянными сосудами, луком, фрагментами седла, обтянутого кожей, золотоордынской неполивной гончарной и лепной посудой, янтарной подвеской, сердоликовыми перстнем и бусинами, стеклянными бусами и вставкой перстня, железными саблями, наконечниками стрел, ножницами, ножами, пряжками, накладками, обоймами, наконечниками ремней, бляшкой, удилами, стременем, кресалами с кремнем, костяными игральными кубиками, изделием в виде оленя с подогнутыми ногами, гребнем, пластинкой с пятью отверстиями, берестяными колчанами (один из них – с костяными орнаментированными обкладками), диском, прошитым по краям, фрагментами бересты, тканых (в том числе парчовых и шелковых) одежд, кожаными сумками, кошельками, амулетом, фрагментами сапог и ремней. Наиболее выделяется погребение 162 в гробу, с сырцовыми закладом и намогильной выкладкой (?), с западной ориентировкой (череп лицевой частью вверх, кисти

рук на тазовых костях) и со ступенькой вдоль северной стенки могильной ямы, с кашинными пуговицами, кожаными сапогами и с православным равноконечным крестом с криновидными концами; на дне могильной ямы были найдены семечки дыни, арбуза и финика. В ряде захоронений было найдено большое количество зерен винограда, в двух (п.15, 40) – зерна проса, еще в одном (п.41) – тыквы, в засыпи могильных ям встречались семена дыни; в одном погребении (ингумация) были найдены фрагменты кальцинированных костей человека и оплавленные фрагменты золотых и бронзовых украшений. В погребениях и вне их были найдены золотоордынские серебряные и медные монеты 1270-х – 1331 гг.

78. Маячный Бугор II. Могильник располагается на одноименном бэровском бугре к северу от поселка Красный Яр, на левом берегу реки Маячная (Артемьев, 1995; Болдырева, 2006; Васильев, 1998; Золотая Орда, 2005. С.72–73, 93, 161, 201, №/№ 109, 112; Казаков, 1989; Котеньков, 1989; 1995; 2004; 2005. С.43–44; Котеньков, Артемьев, Пантелеев, 1996. С.224, рис.41; Котеньков, Юрьев, 1997; Лантратова и др., 2002; Недашковский, 2000. С.25–26; Пигарев, 2000. С.289–290; Четвериков, 1991; Юрьев, Котеньков, 1999. С.194). В 1989, 1991 и 1995–1997 гг. на памятнике изучались погребения золотоордынского времени с юго-западной, западной, северо-западной, северо-восточной, восточной, юго-восточной и южной ориентировками; в двух случаях обнаружены остатки кремаций (п.29, 35). В нескольких захоронениях были зафиксированы сырцовые внутримогильные конструкции, в одном (п.17) – два арбузных семечка, в одном (п.48) – остатки дынных семечек, в двух (п.53, 58) – прослойки зерен проса. Погребальный инвентарь включает деревянные сосуды, гребни, берестяную основу бокки, бронзовую, серебряные (одна из них с серебряной орнаментированной четырнадцатигранной бусиной) и золотые серьги в виде вопросительного знака, в том числе с жемчужными бусинами, золотые нашивки, серебряные кольцевидные серьги, бронзовые зеркала, православный литой равноконечный нательный крест XIII–XIV вв., фрагмент пуговицы, пучок ниток, обмотанный медной проволокой, жемчужные, стеклянные, сердоликовую, янтарную бусины, стеклянную подвеску в виде птички, веточки коралла, железные поясные кольца и обломок пластинки, кашинные бусы, пуговицу и подвеску, красноглиняную гончарную керамику, остатки кожаной обуви, парчовых и шелковых одежд, костяные альчики и пряжку; встречена даже скорлупа (с надписями тушью) 10 разбившихся куриных яиц в дигирном сосуде. Имеются захоронения с джучидскими серебряными и медными монетами 1266–1331 гг. Наиболее выделяется захоронение 51 (с восточной ориентировкой лицом вверх) в сырцовом мавзолее, принадлежавшее пожилой (?) женщине: погребенная находилась в кирпичном склепе, в деревянном гробу в двух парчовых халатах, кожаных сапогах с тканой аппликацией, с берестяной боккой, обтянутой шелковой тканью, и с инвентарем – золотыми серьгами в форме вопросительного знака с жемчужинами на концах, серебряным щитковым перстнем с растительной орнаментацией, деревянными орнаментированной миской с росписью красками (под этим перевернутым сосудом были обнаружены остатки просяной каши), ложкой и двусторонним гребнем с циркульным орнаментом, 2 костяными предметами с навершиями в виде сидящих хищных птиц, 6 джучидскими дирхемами конца 80-х – 90-х гг. XIII в. в матерчатом кошельке. К мавзолею примыкало также погребение ребенка в кирпичном склепе со ступеньками вдоль длинной стенки могильной ямы, с восточной ориентировкой, лицом вверх; в погребении зафиксированы остатки ожерелья из 13 раковин каури и большое количество зерен проса.

79. Маячный Бугор III. На одноименном бэровском бугре, располагающемся в 1150 м к востоку от поселка Маячное, находятся остатки кирпичного мавзолея (?), обследованного в 1989 г. С.А.Котеньковым (Котеньков, 1989). Сооружение было украшено белыми и голубыми кашинными изразцами.

80. Красный Яр. На поселении Красный Яр в 1990 г. Е.В.Шнайдштейн были вскрыты 8 погребений без инвентаря (Казаков, Пигарев, 1998. С.78–80, рис.11–15; Шнайдштейн, 1990). В погребениях с западной ориентировкой черепа захороненных лежали на правой стороне: в подростковом погребении 1 кисти рук располагались в области таза, погребение 3 (конечности вытянуты) имело заклад из сырцовых кирпичей, по периметру могильной ямы погребения 4 (конечности вытянуты), совершенного в склепе, располагались ступеньки, в мужском по-

гребени 5 была отмечена камышовая подстилка (правая рука располагалась справа от костяка, кисть левой руки – в области таза), в детском погребении 7 (кисти рук располагались на тазовых костях) – ступеньки с западной, северной, восточной сторон и подбой в южной стенке ямы, а также сырцовый заклад, в детском погребении 8 (конечности вытянуты) – аналогичный подбой с перекрытием из деревянных плах. Имелись и захоронения с северо-западной ориентировкой: погребения 2 (череп на левой стороне, кисти рук – на ключицах) и детское погребение 6 (могильная яма имела сырцовый заклад) с вытянутыми конечностями.

Возможно, из погребения на территории городища происходит великолепный образец ранней джучидской торовтики – серебряный позолоченный поясной набор с остатками кожаного ремня (Золотая Орда, 2005. С.46–47; Крамаровский, 1999; 2001. С.42–45, рис.18; 2002. С.52–54, 77–78, табл.2).

81. Мечетный Бугор I. Могильник располагается на бэровском бугре в 1350 м к востоку от райцентра Красный Яр (Васильев, 1992; 1993б; 1994б; Котеньков, 1989; Котеньков и др., 1995. С.213; Котеньков, Васильев, Пантелеев, 1990). В 1989 г. С.А.Котеньковым на памятнике были собраны фрагменты неполивной красноглиняной гончарной керамики, красноглиняной поливной и кашинной посуды, кашинных изразцов, а также сарайский пул 1330-х гг. В 1990 г. В.А.Никоновым исследовано 8 разрушенных средневековых погребений с западной ориентировкой. В погребении 1 был найден фрагмент сердоликового щиткового перстня с двумя боковыми выступами. Захоронение 2 (череп лицевой частью к югу, кисть правой руки на тазовых костях, кисть левой – на животе), совершенное в подбое в южной стенке могильной ямы, имело сырцовый заклад. Погребение 3 (лицом к югу, правая рука вытянута, кисть левой – на животе) было совершено в сырцовом склепе. В захоронении 4 череп располагался лицевой частью к югу, конечности были вытянуты. Погребение 5 было сильно разрушено. Детское захоронение 6, совершенное в гробу в могильной яме с заплечиками, имело сырцовый заклад; лицо погребенного было повернуто к югу, конечности вытянуты. Погребение 7 (лицом к югу, правая рука вытянута, кисть левой – на тазовых костях) также имело сырцовый заклад. Детское захоронение 9 было совершено в подбое в южной стенке могильной ямы, имевшей ступеньку с северной стороны и сырцовый заклад; череп лицевой частью к югу, конечности вытянуты. В 1992 г. Д.В.Васильевым были доследованы 4 нарушенных погребения с западной ориентировкой: первое захоронение принадлежало пожилой женщине (череп лицевой частью к югу, правая рука вытянута, кисть левой – на тазовых костях), второе захоронение, пожилого мужчины (череп повернут лицевой частью к югу, правая рука вытянута, а кисть левой располагается на тазу), было совершено в подбое в южной стенке могильной ямы, имевшей ступеньку с северной стороны и сырцовый заклад, третье и четвертое захоронения, взрослой (череп лицевой частью к северу, левая рука вытянута, кисть правой – на тазовых костях) и пожилой (череп на затылке, конечности вытянуты) женщин, имели сырцовые заклады и ступеньки вдоль длинных сторон могильных ям. В 1993 г. исследованы 4 погребения. Захоронение 5 совершено с западной ориентировкой (кисти рук справа от костяка) лицом к югу в подбое в южной стенке могильной ямы, имевшей ступеньку с северной стороны и сырцовый заклад. Погребение 6 имело западную ориентировку; череп располагался на затылке, кисти рук – на тазовых костях. Захоронение 7 было совершено с юго-западной ориентировкой (череп на затылке, правая рука вытянута, кисть левой – на тазу) в могильной яме со ступеньками вдоль длинных сторон и сырцовым закладом. Детское погребение 8 имело западную ориентировку; череп лицевой частью к югу, левая кисть на животе. В 1994 г. Д.В.Васильевым на памятнике было доследовано 4 захоронения с западной ориентировкой. Погребение 9 было почти полностью разрушено. Захоронение 10 (череп лицевой частью к югу, конечности вытянуты) принадлежало пожилому мужчине. В погребении 11, молодой женщины, череп располагался на затылке; правая рука была вытянута, кисть левой находилась на тазовых костях. Захоронение 12 было совершено лицом к югу; правая рука вытянута, кисть левой – в области таза.

82. Мечетный Бугор II. Могильник, расположенный на одноименном бэровском бугре в 1875 м к северо-востоку от окраины Красного Яра, изучался в 1989 г. С.А.Котеньковым, зафиксировавшим остатки двух костяков с западной ориентировкой, и в 1992 г.

Д.В.Васильевым, который доследовал 3 погребения: два из них имели западную ориентировку (взрослой женщины, кисть ее левой руки располагалась на тазовых костях, и ребенка, с вытянутыми конечностями), а одно (детское, лицом к северо-востоку, правая рука вытянута, кисть левой – на тазовых костях), в подбое в северо-восточной стенке ямы со ступенькой вдоль юго-западной стенки, с сырцовым закладом – юго-восточную ориентировку (Васильев, 1992; Котеньков, 1989). На поверхности памятника собраны фрагменты неполивной красноглиняной гончарной керамики, сероглиняного штампованного сосуда, красноглиняной поливной и кашинной посуды, кашинного изразца, бронзового зеркала, железного ножа.

83. Шареный Бугор. Еще в 1893 г. А.А.Спицын обнаружил остатки четырехугольного склепа с 4 погребенными в гробах без инвентаря, головой на запад, лицом к югу и с вытянутыми конечностями; были найдены и 4–5 погребений без склепов с западной ориентировкой. В 1916 и 1924 гг. на городище Шареный Бугор были зафиксированы погребения с западной ориентировкой, лицом к югу; одно захоронение с восточной ориентировкой, лицом к югу, еще одно – с северо-западной (череп лицевой частью вправо). На бэровском бугре «Приволжский», являющемся частью городища, в 3 км на запад от Астрахани, в 1991 и 1993 гг. В.В.Плаховым были исследованы погребения сарматского и золотоордынского времени, а также калмыцкие конца XVIII – середины XIX в. (Образцов, 1925; Отчет о поездке, 1895. С.79; Плахов, 1991; 1993). Захоронение 5, мужчины 35–40 лет, было совершено с юго-западной ориентировкой, лицом к юго-востоку, правая рука вытянута, кисть левой руки – на кисти правой. Погребение 6 имело западную ориентировку (череп лицевой частью к югу, правая рука вытянута, кисть левой руки – на тазовых костях) и принадлежало женщине около 35 лет; в могильной яме зафиксированы чешуя частиковой рыбы и камышовое перекрытие. В 1996–1997 гг. на бугре было исследовано захоронение савроматского времени (Павленко, Шинкарь, 2005).

84. Мошаик I. Могильник поселения Мошаик располагается на бэровском бугре в 1 км к юго-востоку от выезда из Астрахани (Васильев, 2001. С.48–52, рис.1,1–2,4; Васильев, Гречкина, 2000. С.23–24; Пантелеев, 2006; 2008; Попов, 2008. С.214–215, 221–224, рис.4, 9, 12–13; Шнайдштейн, 1978). На территории некрополя встречаются немногочисленные фрагменты золотоордынской неполивной красноглиняной гончарной керамики, сырцовые кирпичи от средневековых склепов. В 1978 г. Е.В.Шнайдштейн были доследованы 8 разрушенных погребений (два из них – детские) с северо-западной ориентировкой (в трех случаях руки погребенных были вытянуты, в одном случае правая рука была вытянута, а кисть левой располагалась на тазовых костях; в двух случаях зафиксированы гвозди от гроба). В 1999 г. Д.В.Рябичкиным было изучено 3 захоронения X–XI вв. и 3 погребения золотоордынской эпохи. Поздние захоронения были совершены с западной (погребение 10, старой женщины, конечности вытянуты), северо-западной (погребение 11, пожилого мужчины, кисти рук в области таза) и юго-западной (детское погребение 13, в гробу с железными гвоздями, остатками ткани от одежды) ориентировками (черепа были повернуты на правый бок). В 2004–2006 гг. С.А.Пантелеевым были исследованы еще девять средневековых захоронений, в том числе три раннесредневековых и пять (мужское и четыре детских) безынвентарных золотоордынской эпохи: три с западной ориентировкой (одно из них в подбое в южной стенке ямы с деревянным перекрытием, лицом к югу, правая рука вытянута, кисть левой – на тазовых костях, второе – в гробу, в третьем захоронении череп был обращен лицевой частью к югу) и два с юго-западной (черепа на правой стороне, правая рука у обоих погребенных вытянута, кисть левой – на тазовых костях; одно из захоронений в подбое в юго-восточной стенке ямы, другое в гробу).

85. Мошаик II. В 5 км к югу – юго-востоку от поселка Мошаик на бэровском бугре «Кирпичный-II» в 1978–1979 гг. Е.В.Шнайдштейн обследовала два разрушенных погребения эпохи Золотой Орды: одно из них, с бронзовой бляшкой и красноглиняным кувшином с линейным орнаментом, было ориентировано головой на север – северо-запад, другое имело западную ориентировку (Шнайдштейн, 1978; 1979б). На бугре известны также находки керамики золотоордынского времени, кувшина, курильницы и зеркала сарматского времени.

86. Татарская Башмаковка (Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе). На буграх Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе, где располагалось золотоордынское поселение, в 1969 г. Е.В.Шнайдштейн, в 1991 г.

С.А.Котеньковым и в 1993 г. Д.В.Васильевым были исследованы захоронения, вероятно, являющиеся частью единого могильника (Васильев, 1993в; Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987. С.142–159, 216; Егоров, 1985. С.118; Иванов, Кригер, 1988. С.60; Котеньков, 1991; Котеньков, Котенькова, 2007а. С.182–183, рис.1,8–17; 2007б; Федоров-Давыдов, 1994. С.36; Шевченко, 1980; Шнайдштейн, 1969. Лл.19–21, 43–91; 1970; 1975. С.11–12; 1979а. С.191, 200–201; 1989б. С.28–29; Яблонский, 1986; Fedorov-Davydov, 1984. P.26; Fyodorov-Davydov, 1984. P.27).

Е.В.Шнайдштейн было раскопано 154 погребения (преимущественно с западной ориентировкой); некоторые могильные ямы имели ступеньку с одной или обеих длинных сторон, а также подбой (19 случаев, в 9 из них фиксировалась ступенька в противоположной подбою стенке могильной ямы). В 62 погребениях встречались следы деревянных конструкций, в трех погребениях – подстилка из камыша. Лишь в некоторых комплексах были отмечены погребальный инвентарь, находки в засыпи ям и остатки жертвенной пищи: в погребениях 9, 54, 118 и 135 – красноглиняная керамика, в погребении 54 – фрагмент керамики и нож, в погребении 94 – костяной гребень (?), в погребении 99 – пять позвонков рыбы с отверстиями в центре, в погребении 108 – фрагменты красноглиняной керамики и лопатка барана, в погребении 115 – серебряная серьга и кашинная (?) бусина, в погребении 119 – кожаный кошель, в погребении 141 – кремь, фрагменты красноглиняной керамики и позвонка рыбы, в погребении 143 – обломки лепного сосуда и красноглиняной керамики, железные крючок и две скобы. В погребениях 43, 107 и 141 встречены угли и зола.

В ходе исследований С.А.Котенькова были обнаружены золотоордынские захоронения с западной, северо-западной и северо-восточной ориентировками, а также раннесредневековое погребение. Большинство захоронений не имело инвентаря, но в погребении 11 были найдены две пары серебряных серег в форме вопросительного знака (с серебряными и стеклянными бусинами), стеклянные бусины (черные с белыми и желтыми глазками, а также темно-синие), бронзовое зеркало с изображением идущих по кругу животных, фрагменты ткани, железных и бронзового предметов.

Д.В.Васильевым исследовано погребение с западной ориентировкой лицом к югу; кисти рук – на тазовых костях.

87. Новые Булгары. В 1360 м к юго-востоку от поселка Новые Булгары на бэровском бугре «Габбас-Тюбе» располагаются остатки кирпичного мавзолея золотоордынской эпохи, впервые зафиксированного Е.В.Шнайдштейн в 1987 г. (Шнайдштейн, 1987. № 12401; 1989а. С.9).

88. Восточное. У села Восточное Икрянинского района Астраханской области на правом берегу ерика Кисинский на бэровском бугре «Кисинский» были обнаружены фрагменты красноглиняной и сероглиняной гончарной керамики, «которые позволяют предположить наличие здесь грунтового могильника XIII–XIV вв.» (Котеньков, Артемьев, Пантелеев, 1996. С.223–224).

89. Икряное. В 2450 м к западу от райцентра Икряное Астраханской области на бугре «Дачный» Д.В.Васильевым в 1993 г. исследованы захоронение эпохи бронзы и два золотоордынских погребения с западной ориентировкой (Васильев, 1993в): младенца с вытянутыми конечностями и взрослого (лицом к северу, правая рука вытянута, кисть левой – на тазовых костях).

90. Маячное. На бугре «Большой Хаджи», расположенном в 5 км к северо-востоку от с. Маячное, в 1987 г. Е.В.Шнайдштейн зафиксировала могильник с безынвентарными подбойными захоронениями с западной ориентировкой (Шнайдштейн, 1987. № 12401з; 1989а. С.9). На поверхности памятника найдены 6 фрагментов красноглиняной гончарной керамики и пул эпохи Токтамышша чеканки Сарая ал-Джедид.

91. Самосделка. В 1992 г. при разведках Е.И.Савченко было доисследовано полуразрушенное погребение мужчины 30–35 лет (Савченко, 1992), ориентированное головой на восток – юго-восток (лицом на юг – юго-запад, кисти рук располагались на груди). На бэровском бугре Рябичкин на восточной окраине села Самосделка в 1994 г. доисследовано разрушенное захоронение с закладом из обожженного кирпича; на поверхности бугра обнаружены фрагменты керамики (в том числе кашинной) и плинфы золотоордынского времени (Васильев,

1994а; Котеньков и др., 1995. С.213). При исследованиях на раскопках 1992 и 2000–2003 гг. было вскрыто еще 28 погребений Нового времени (?), большей частью безынвентарных мусульманских (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003. С.88; Гречкина, Зиливинская, 2001; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006. С.26; Котеньков, 1992б).

92. Караколь. На бэровском бугре Караколь в 1990 г. С.А.Котеньковым было доследовано мусульманское погребение³.

93. Зеленга. На бэровском бугре «Лбище», располагающемся в 2 км к северо-западу от села Зеленга Володарского района Астраханской области, в 1993 г. Д.В.Васильевым были исследованы захоронения сарматского времени и эпохи раннего средневековья (Васильев, 1993а; Кузякина, 2007; Кутуков, Васильев, 1997; Полякова, 2002). Погребение 11 (младенца с юго-западной ориентировкой лицом вверх; правая рука вытянута, кисть левой – на тазовых костях) относилось к золотоордынскому времени.

Проанализируем суммарно данные о 528 захоронениях с известной ориентировкой.

В имеющейся выборке оказались все разновидности ориентировки погребенных: западная (63,4% всех погребений), юго-западная (13,1%), северо-западная (9,7%), восточная (6,8%), южная (2,7%), северо-восточная (2,5%), северная и юго-восточная (по 0,9%).

Примечательно, что в рассмотренном материале склепы зафиксированы над 22 погребениями, расположенными только на шести могильниках (№/№ 77–78, 80–81, 83–84). Одно из этих погребений располагалось в мавзолее могильника Маячный Бугор II (№ 78). Кирпичные или сырцовые надгробия (их 9) имелись только над простыми могильными ямами. Из погребений в склепах восемь имеют западную ориентировку, одно – юго-западную, одно – южную, семь – восточную, четыре – северо-восточную и одно – северо-западную. Перечисленные 22 погребения (4,2% от общего количества) в склепах мы можем отнести к захоронениям золотоордынской аристократии.

На рассмотренных могильниках были наиболее распространены западная, юго-западная и северо-западная (которую можно рассматривать как отклонение от западной) ориентировки погребенных (они составляют вместе 86,2% всех захоронений), присущие основной части городского мусульманского населения Золотой Орды. В 207 из 455 погребений с такими ориентировками были зафиксированы гробы, инвентарь – лишь в 32 из них. Из захоронений с данными ориентировками в 201 (44,2%) случае отмечается поворот лица захороненных к югу, в сторону Мекки. Положение рук погребенных в соответствии с нормами ислама (нахождение кистей рук на животе и на тазовых костях, а также варианты, когда правая рука вытянута, а кисть левой располагается на тазу, животе, груди или справа от грудной клетки) также наблюдается в 201 захоронении (44,2% в рассматриваемой группе). Достаточно большая выдержанность мусульманских погребальных обычаев в округе Шареного Бугра связана с существованием там памятников оседлого населения и в XV в., когда исламские традиции окончательно утверждаются в Улусе Джучи.

Литература и источники

Артемьев С.Б. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском р-не в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. №/№ 16111–16112.

Артемьев С.Б. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный-II» Красноярского района Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. 1995. Р-1. №/№ 19395–19396.

Болдырева Е.М. Элементы одежды из золотоордынских погребений могильника Маячный бугор // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань, 2006.

Васильев Д.В. Отчет о раскопках на грунтовом могильнике «Калмыцкий бугор» в Красноярском районе Астраханской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 20383.

Васильев Д.В. Отчет об археологических разведках в Красноярском, Приволжском и Наримановском районах Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. №/№ 16988–16989.

³ Сообщение Р.А. Гузейрова.

Васильев Д.В. Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике «Лбище» в Володарском районе Астраханской области в 1993 году // Архив ИА РАН. 1993а. Р-1. №/№ 18095–18096.

Васильев Д.В. Отчет об исследованиях на грунтовых могильниках «Мечетный бугор-I» и «Вакуровский бугор-II» в Красноярском районе Астраханской области в 1993 году // Архив ИА РАН. 1993б. Р-1. №/№ 18093–18094.

Васильев Д.В. Отчет о разведках на территории Красноярского, Икрянинского и Приволжского районов Астраханской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993в. Р-1. №/№ 18090–18091.

Васильев Д.В. Отчет об археологических разведках в Красноярском, Володарском, Приволжском, Камызякском районах Астраханской области в 1994 году // Архив ИА РАН. 1994а. Р-1. №/№ 18904–18905.

Васильев Д.В. Отчет об научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Мечетный бугор-I» Красноярского района Астраханской области в 1994 году // Архив ИА РАН. 1994б. Р-1. №/№ 18940–18941.

Васильев Д.В. Погребения с южной ориентировкой на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» // XXV Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Тез. докл. Самара, 1994в.

Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // ДВДС. 1998. Вып.6.

Васильев Д.В. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2001.

Васильев Д.В. Ритуальные захоронения баранов на мусульманских некрополях Золотой Орды // Перекрестки истории: актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции, 11 апреля 2007 г. Астрахань, 2007.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Тез. докл. III Международной археологической конференции, 14–18 марта 2000 г. Самара, 2000.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т.3. Половецко-золотоордынское время.

Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Гордеев В.И., Зеленева Ю.А., Пигарев Е.М. Исследования Астраханского отряда Поволжской археологической экспедиции // АО 2001 года. М., 2002.

Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках городища Самосделка Камызякского района Астраханской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. 2001. Р-1. №/№ 22316–22318.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4.

Золотая Орда. История и культура. СПб., 2005.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы Кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.

Казаков П.В. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1988 году // Архив ИА РАН. 1988. Р-1. №/№ 13216–13217.

Казаков П.В. Отчет об археологических исследованиях в райцентре Красный Яр Астраханской области в 1989 году // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. №/№ 14994–14995.

Казаков П.В. Средневековые погребения дельты Волги // Материалы четвертой краеведческой конференции (часть 1). Астрахань, 1991.

Казаков П.В. Погребения ранних кочевников из дельты Волги // ДВДС. 1992. Вып.2.

Казаков П.В., Пигарев Е.М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–90 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып.1.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. №/№ 14362–14363.

Котеньков С.А. Отчет об научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике бугор «Маячный-I» Красноярского района Астраханской области в 1990 году // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. №/№ 17564–17565.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях на бугре Тумак-Тюбе в Приволжском р-не Астраханской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. №/№ 16128–16129.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992а. Р-1. №/№ 17655–17656.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992б. Р-1. №/№ 17671–17672.

Котеньков С.А. Отчет об исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 1993 году // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. №/№ 18395–18396.

Котеньков С.А. Отчет об научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный бугор» Красноярского района Астраханской области в 1994 году // Архив ИА РАН. 1994. Р-1. №/№ 18983–18984.

Котеньков С.А. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1995 году // Архив ИА РАН. 1995. Р-1.

Котеньков С.А. Новые памятники древних болгар в Астраханском крае // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Казань, 2001. Вып.2.

Котеньков С.А. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Казань, 2004.

Котеньков С.А. Нумизматический материал золотоордынского времени из погребений грунтовых могильников «Маячный-I-II» // Труды международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005.

Котеньков С.А., Артемьев С.Б., Пантелеев С.А. Исследования в дельте Волги // АО 1995 года. М., 1996.

Котеньков С.А., Васильев Д.В. Исследования в дельте Волги // АО 1993 года. М., 1994.

Котеньков С.А., Васильев Д.В., Кутуков Д.В., Пантелеев С.А. Исследования в дельте Волги // АО 1994 года. М., 1995.

Котеньков С.А., Васильев Д.В., Пантелеев С.А. Отчет об исследованиях на буграх Мечетный-I, Вакуровский-I в Красноярском районе Астраханской области и на бугре Долгий в Трусовском районе Астраханской обл. в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1990. Р-1. №/№ 16978–16979.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю. Некоторые особенности возникновения золотоордынских городов в Астраханском крае // Взаимодействие культур и цивилизаций Евразии. Казань, 2007а.

Котеньков С.А., Котенькова О.Ю. Раскопки на поселении Тумак-Тюбе в Астраханской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 12–15 ноября 2007 г. Тез. докл. Волгоград, 2007б.

Котеньков С.А., Юрьев А.Д. Раскопки в Астраханской области // АО 1996 года. М., 1997.

Крамаровский М.Г. О доблести и пряжке у чингисидов (в связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения. Памяти Б.Б.Пиотровского. СПб., 1999.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.

Крамаровский М.Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2002.

Кузякина А.Г. Исследование костяных накладок на лук хазарского времени // Перекрестки истории: актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции, 11 апреля 2007 г. Астрахань, 2007.

Кутуков Д.В. Сырцовое сооружение золотоордынского времени на грунтовом могильнике в Астраханской области // Сборник трудов молодых ученых и студентов Волгоградского государственного университета. Волгоград, 1996.

Кутуков Д.В., Васильев Д.В. Сарматские погребения из грунтового могильника Лбище в Астраханской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1997. Вып.2.

Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного Исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М., 2002.

Морарь Т.Н. Сырцовая культовая ограда на могильнике «Маячный бугор» // Материалы XXXIV Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Ульяновск, 2002.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Недашковский Л.Ф. Хронология нижеволжского золотоордынского города и его округа // РА. 2006. № 3.

Никонов В.А. Отчет об археологических раскопках в Красноярском районе Астраханской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р–1. №/№ 14340–14341.

Образцов М.И. Золотоордынская Астрахань // Астрахань в кармане. Иллюстрированный альманах-ежегодник. Астрахань, 1925.

Орфинская О.В., Голиков В.П., Лантратова О.Б., Рудаков В.Г. Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор-I // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А.Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006.

Отчет о поездке члена Археологической Комиссии А.А.Спицына летом 1893 года на Жареный бугор и на некоторые приволжские золотоордынские города // Отчет Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1895.

Павленко Ю.А., Шинкарь О.А. Погребения савроматского времени в дельте Волги // НАВ. Волгоград, 2005. Вып.7.

Пантелеев С.А. Бугор Татарский – грунтовой могильник городища Мошаик. Исследования 2005 года // НАВ. Волгоград, 2006. Вып.8.

Пантелеев С.А. Грунтовой могильник городища Мошаик. Исследования 2006 года // НАВ. Волгоград, 2008. Вып.9.

Пигарев Е.М. Материалы охранных раскопок бэровского бугра Маячный I // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды» (тезисы докладов). Волгоград, 1992.

Пигарев Е.М. Погребение с крестом из средневекового могильника Маячный Бугор I // ДВДС. 1994. Вып.4.

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т.1.

Плахов В.В. Отчет о раскопках грунтового могильника Приволжский, расположенного в Наримановском районе Астраханской области близ 6 микрорайона г. Астрахани (Трусовский район), в 1991 году // Архив ИА РАН. 1991. Р–1. № 16330.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII–XIV веков, расположенного на территории пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области и исследовании могильника на территории городища XIV века Хаджи-Тархан (Старая Астрахань) в 1993 г. // Архив ИА РАН. 1993. Р–1. № 17885.

Полякова Л.Н. Средневековые захоронения на грунтовом могильнике «Лбище» в Астраханской области // Материалы XXXIV Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Ульяновск, 2002.

Попов П.В. К вопросу о датировке городища Мошаик // НАВ. Волгоград, 2008. Вып.9.

Савченко Е.И. Отчет о работе Северокавказской экспедиции в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р–1. №/№ 17943–17944.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Четвериков С.И. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника «Маячный–2» Красноярского района Астраханской области // Архив ИА РАН. 1991. Р–1. № 16750.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980.

Шнайдштейн Е.В. Отчет Нижне-Волжского отряда Астраханской археологической экспедиции ЛОИА и Астраханского краеведческого музея о раскопках средневековых памятников в дельте Волги // Архив ИИМК. 1969. Ф.35. Оп.1. Д.73. Лл.19–91.

Шнайдштейн Е.В. Раскопки средневековых памятников в дельте Волги // АО 1969 года. М., 1970.

Шнайдштейн Е.В. Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX–XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. 1978. Р–1. №/№ 7255–7255а.

Шнайдштейн Е.В. Новые средневековые памятники в дельте Волги // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979а.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. 1979б. Р–1. № 7549.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических разведках в Икрянинском районе Астраханской области в 1987 году // Архив ИА РАН. 1987. Р–1. №/№ 12401–12401з.

Шнайдштейн Е.В. Археологические исследования Астраханского пединститута // Материалы второй краеведческой конференции. Астрахань, 1989а.

Шнайдштейн Е.В. О происхождении астраханских татар // Материалы второй краеведческой конференции. Астрахань, 1989б.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Красном Яру Астраханской области в 1990 году // Архив ИА РАН. 1990. Р–1. №/№ 18977–18978.

Юрьев А.Д., Котеньков С.А. Исследования в дельте Волги // АО 1997 года. М., 1999.

Яблонский Л.Т. Монголы в городах Золотой Орды (по материалам мусульманских некрополей) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986.

Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München, 1984.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. Oxford, 1984.

CEMETERIES WITHOUT BURIAL MOUNDS OF THE REGIONS OF THE SHARENYY BUGOR SITE (Summary)

L.F. Nedashkovsky

Article is devoted to the analysis of burial sites of the settled population of the regions of Sharenyy Bugor site (Golden Horde period). Description of burial rituals was made.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ НАКЛАДОК ИЗ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА НИЖНЯЯ СТРЕЛКА (IX–XII вв.)

Т.Б. Никитина, И.А. Сапрыкина, Р.А. Митоян

Марийский НИИ языка, литературы и истории им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

Институт археологии РАН, г. Москва

Московский государственный университет, г. Москва

Данная публикация своей целью ставит введение в научный оборот первых результатов комплексного исследования поясных наборов из древнемарийских и древнемордовских могильников (грант РФФИ № 08–06–00299а). В рамках данного комплексного исследования были изучены морфология, технология и химический состав цветного металла поясного набора из погребения 30 могильника Нижняя Стрелка.

Археологический контекст

Могильник Нижняя Стрелка расположен в 7 км к юго-западу от д. Починок на песчаной дюне (h – 5 м) на берегу заболоченной старицы в пойме левого берега р. Волги и в 200 м к востоку от речки Чернушка, левого притока р. Дорогучи (рис. 1). Могильник был открыт в 1987 г. разведочным отрядом под руководством В.В. Никитина (Никитин. 1987. С. 144–146). Дюна, на которой располагается могильник, и соседние дюнные всхолмления у местных жителей носят название бугры «Нижняя стрелка», поэтому при открытии памятника ему было дано название «Нижняя стрелка». Исследования памятника проводились в 1987, 1988, 2007 гг. Т.Б.Никитиной (Шикаевой), в результате которых обнаружено 40 погребений, 13 жертвенных комплексов в межмогильном пространстве, а также несколько ям и яма для трупопожжения (Шикаева, 1987; 1988, Никитина, 2007). Памятник интерпретирован как древнемарийский, хронологические рамки его функционирования определены в пределах IX – начала XII вв. (Никитина, 2002. С. 194).

Погребальные комплексы содержат богатый набор украшений, бытовых предметов, вооружения. Одной из наиболее распространенных находок являются предметы поясного набора. В могильнике Нижняя стрелка пояса обнаружены в 40 комплексах из 53 известных, детали пояса представлены 1380 накладками, 44 пряжками, 35 наконечниками. Основные типы деталей пояса (накладок, пряжек и наконечников) находят широкие аналогии среди древностей Восточной Европы IX–XI вв.

Нами взят для анализа поясной набор из погребения 30 могильника Нижняя стрелка.

Погребение 30 представляет собой трупопожжение с женским набором украшений (рис. 2).

Описание погребения. На глубине 45 см от уровня современной дневной поверхности обозначилось могильное заполнение подпрямоугольных с округленными углами очертаний, размерами 135 x 60 см. Могила длинными сторонами вытянута в направлении север-юг. На этой же глубине расчищены вещи и обилие мелких жженных костей. Кости рассыпаны по всей могиле без всякого порядка. Под вещами сохранилась береста, сверху кости и вещи закрыты кожей, мехом и берестой.

Сопровождающий инвентарь. Вещи расположены приблизительно в порядке ношения их при жизни. У северной стенки могильной ямы располагались (№ 1) височное кольцо из круглой проволоки с одним отогнутым кольцом (рис. 3 – 11) и два височных кольца из круглой проволоки с колбочкой на одном из концов (рис. 3 – 3) и 2 костяных однотипных копоушки с геометрическим орнаментом (рис. 3 – 6). Вдоль восточной стенки в северо-восточном углу лежал железный нож (№ 2). Южнее височных колец располагалась железная гривна, сохранившаяся во фрагментах (№ 3) (рис. 3 – 5), еще одно височное кольцо с отогнутым концом (№ 4), 8 медных браслетов (№ 5) (рис. 3 – 7, 8, 9), щитковидные серебряные перстни (№ 5а) (рис. 3 – 1, 2), кожаный пояс (№ 6) с пряжкой (рис. 3 – 10) и бронзовыми декоративными накладками (рис. 3 – 4), железный проушной топор (№ 7). На поясе был подвешен кожаный кошелек, в котором находился маленький кошелек из тонкой кожи с трютом или табаком, обломок дирхема и кремьен.

Под поясом лежали еще один нож, обломки железного кресала и кожаные варежки или перчатки. Сохранность железных предметов плохая и подлежит зарисовке.

Поясной набор имеет накладки, пряжку и наконечник. Основу пояса составила кожаная полоска шириной 1,9 см, на которую были нашиты однотипные бляшки. Общее количество сохранившихся накладок 51 шт., но по следам отверстий на ремне, очевидно, что их было не менее 60 шт. Накладки имеют пятиугольную форму, орнамент из двух, расположенных по центральной оси, трилистников и представлены двумя разновидностями: накладки размерами 2,0 x 1,7 см крепились вершиной пятиугольника вдоль ремня и накладки 1,8 x 2,1 см крепились вершиной пятиугольника вверх и имели петлю у основания для кольца. Овально-рамчатая пряжка имела миниатюрный щиток геральдической формы, в который вписан трилистник. Наконечник с параллельными боковыми сторонами, фигурным верхним краем, украшен растительным орнаментом.

К сожалению, фрагмент дирхема из погребений 30 не подвергался определению специалистов и не может быть использован в датировке. Но в этом погребении найдена железная тордированная гривна. Подобные гривны считаются скандинавским импортом и были распространены на территории Руси в X–XI вв. Их находки сосредоточены в основном вдоль торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока (Фехнер, 1967. С. 63, Седова 1997. С. 66).

Интересно, что аналогичные поясные наборы обнаружены в погребении 29 могильника Нижняя стрелка (Шикаева, 1987) и погребении 58 Дубовского могильника (Архипов, 1982. Рис. 37, 26–28, 33). Во всех трех погребениях они имеют одинаковую конструкцию, одни и те же типы накладок и идентичные пряжки.

Вещевой инвентарь погребений 29 могильника Нижняя стрелка и 58 Дубовского могильника с накладками и пряжками таких же типов, что и в погребении 30 могильника Нижняя стрелка, также соответствуют дате конец X – XI вв. В погребении 58 Дубовского могильника найдена биконьковая подвеска с изображением человеческой личины между шеями коней, которая характерна для XI века (Белавин, Крыласова, 2008. С. 381; Оборин, 1970. С. 17).

Накладки из погребения 30 могильника Нижняя стрелка Е.П. Казаков включил в число болгарских ремесленных изделий (Казаков 2007. Рис. 1, 3), но непосредственно среди опубликованных материалов с болгарских памятников таких накладок не обнаружено. Несколько изделий такого типа известно из сборов А.С. Уварова во Владимирской области, отнесенных ко второй половине X в. (Мурашева, 2000. С. 41). Аналогичные поясные накладки обнаружены в погребении 34 Елизавет-Михайловского мордовского могильника (Материальная культура средне-восточной... 1969. Табл. 28, 11, 12), которое отнесено к стадии 11, имеющей хронологические границы X – первая половина XI в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008. С. 146).

В погребении 58 Дубовского могильника аналогичные накладки сочетаются с наконечником с округлым нижним краем и геометрическим орнаментом, идентичным наконечнику ремня из погребения 67 Рождественского могильника в Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 65, 201 – 10) в комплексе с саманидским дирхемом 954–961 гг. (Абд ал-Малин ибн Мух) с двумя отверстиями (Вильданов, 2008. С. 536).

Пряжки, аналогичные изделиям из погребения 30 могильника Нижняя стрелка, обнаружены также в погребениях 46, 60, 64 Дубовского могильника. В погребении 46 совместно с пряжкой обнаружены дирхем, два подражания саманидским дирхемам, один односторонний оттиск с подражания куфическому дирхему. По определению Г.А. Федорова-Давыдова монета Насра ибн Ахмеда с дополнительным ушком для подвешивания из серебряной проволоки относится к 301–331 гг.х. (913–943 гг.). Оба подражания саманидскому дирхему Насра ибн Ахмеда, имеют отверстия и, по предположению Г.А. Федорова-Давыдова, изготовлены в Волжской Болгарии (Федоров-Давыдов, 1984. С. 161).

В погребении 60 Дубовского могильника обнаружен сильно стертая, но без отверстий монета Бувейхидов с чеканом Рукн ад-Дуния Абу-Али Бувейх и Адуд ад Дауля Абу Шуджа, имя халифа -ал Мути 949–974 гг. (Федоров-Давыдов, 1984. С. 161).

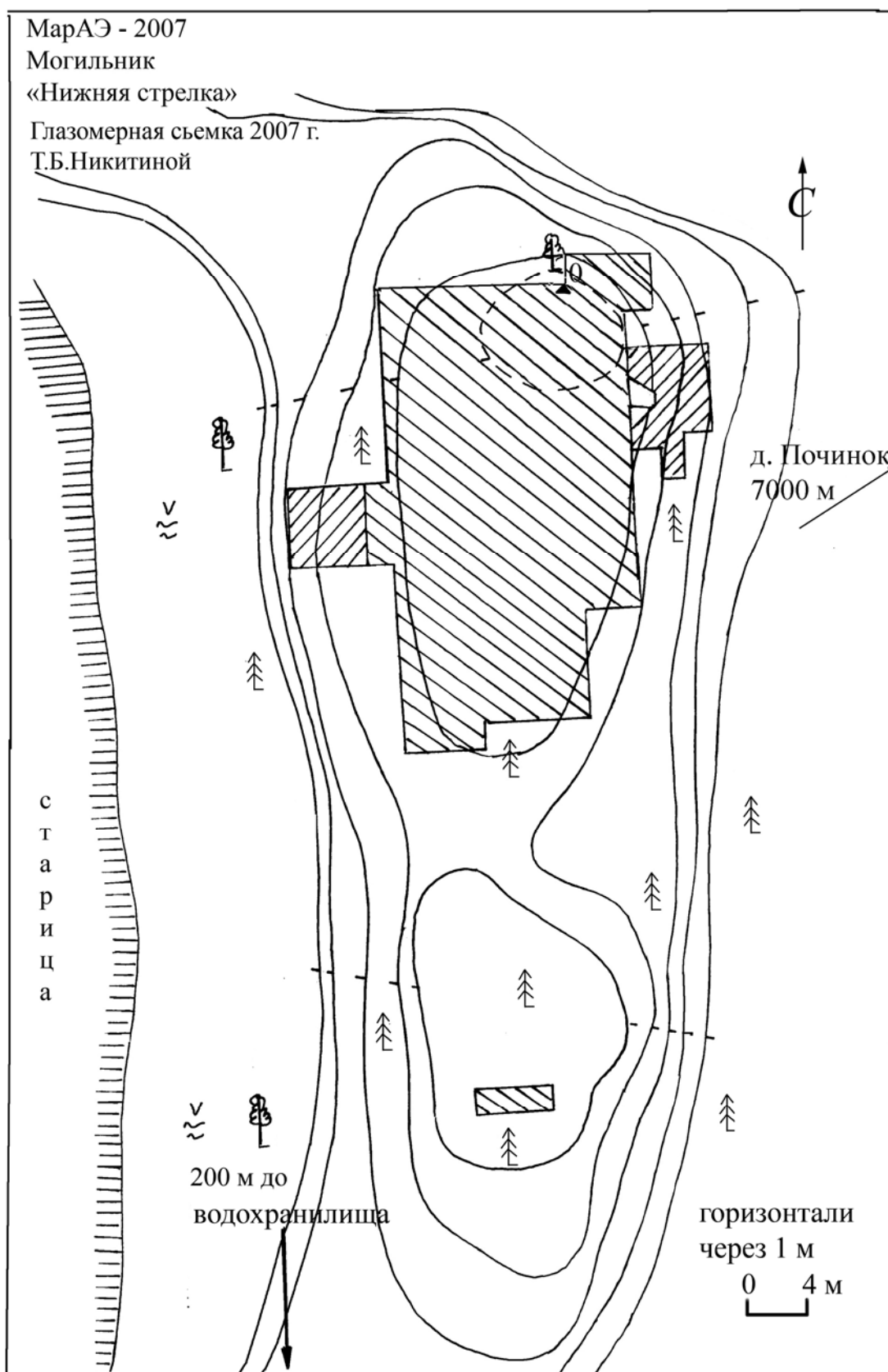

Рис. 1. План могильника Нижняя Стрелка.

Рис. 2. План погребения 30 могильника Нижняя Стрелка.

Рис. 3. Вещевой комплекс погребения Нижняя Стрелка.
1–3, 1–7 – цветной металл,
4 – кожа, цветной металл,
6 – кость.

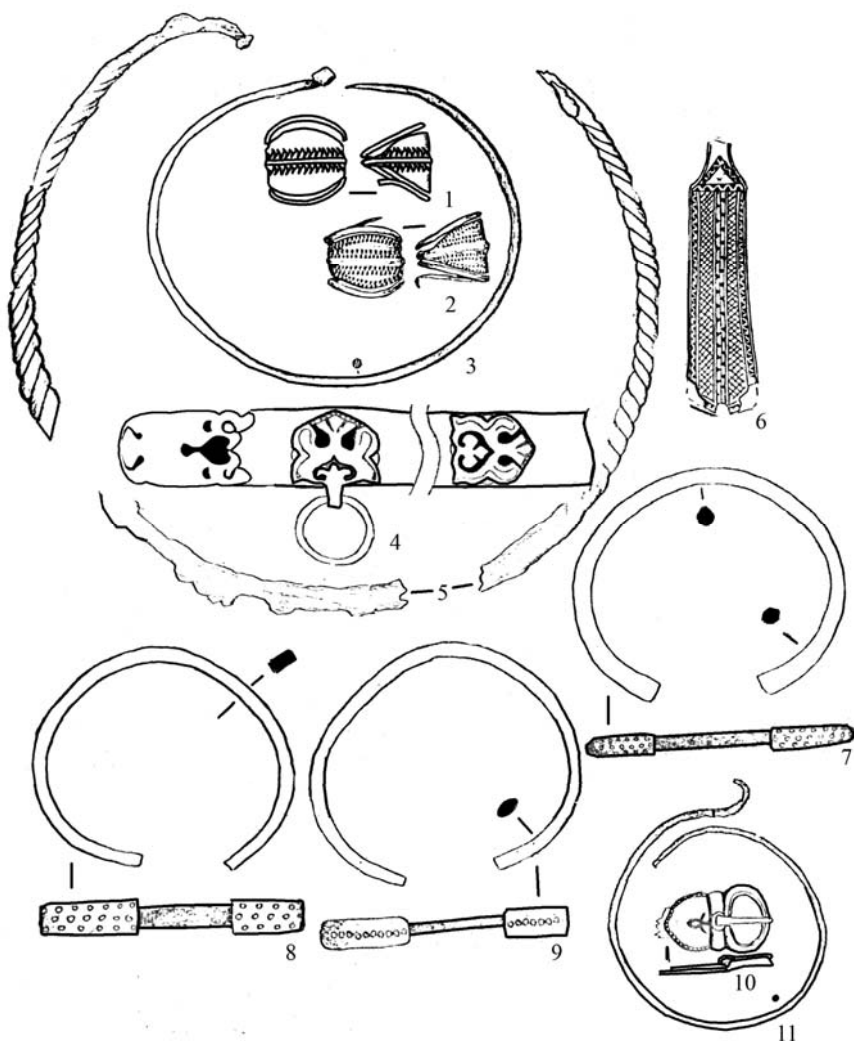

Рис. 4. Лицевая и оборотная стороны бляшек из поясного набора.

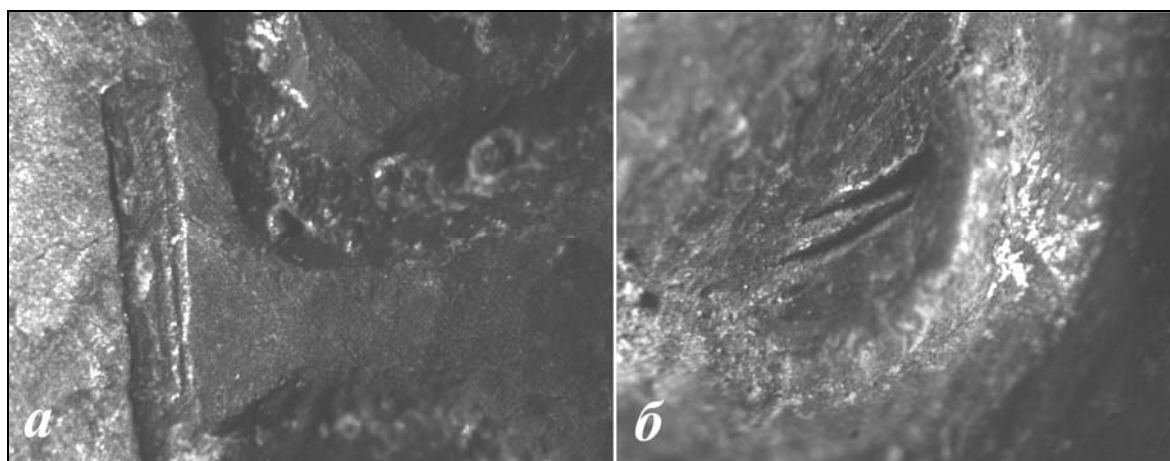

Рис. 5. Следы послелитейной доработки лицевой поверхности бляшек (увеличение 4х/0.10):
 а. следы напильника на лицевой поверхности бляшки (проба 106);
 б. следы зубильца на лицевой поверхности бляшки (проба 101).

Таким образом, детали поясного набора из погребения 30 могильника Нижняя стрелка (накладки и пряжка) по аналогиям с изделиями из других погребений Дубовского могильника, а также по аналогиям с соседних территорий датируются концом X – XI вв.

Методика исследования

Исследованию способов изготовления деталей поясного набора из погребения 30 и определению химического состава цветного металла были подвергнуты 47 из сохранившихся накладок поясного набора, кольца-держатели (9 проб), 1 поясной наконечник (1 проба). Кол-

лекция анализов химического состава цветного металла для погребения 30 могильника Нижняя Стрелка насчитывает 58 проб (в их числе – 1 проба оборотной части изделия) (Табл. 1).

Химический состав цветного металла изучался методом безэталонного РФА, разработанного Р.А. Митояном, С.А. Колосковым, Н.В. Ениосовой и Т.Г. Сарачевой (Ениосова, Колосков, Митоян, Сарачева. 1999) в рентгеноспектральной лаборатории кафедры геохимии геологического факультета МГУ (аналитик Р.А. Митоян). Процедура измерения стандартизирована, точность расчета задается на каждый элемент индивидуально; описание метода см. в работе Н.В. Ениосовой, Т.Г. Сарачевой, Р.А. Митояна (2008. С. 114–120). Полученные данные приведены в таблице (Табл. 1).

Реконструкция способов изготовления деталей поясного набора базировалась на результатах визуального осмотра, проводившегося с применением микроскопа Motic BA–300 (увеличение 4x/0.10, 10x/0.25); фотофиксация проводилась с использованием цифровой камеры Moticam 2300 (принудительное увеличение 0.5x).

Результаты исследования

Реконструкция способов изготовления. Исследованные детали поясного набора из погребения 30 могильника Нижняя Стрелка изготовлены несколькими способами: 1. литьем по выплавляемой модели (полученной литьем в матрицу) – бляшки; 2. литьем в составные формы (в т.ч., по оттиску готового изделия) – бляшки, наконечник, пряжка, кольца-держатели.

Основные признаки, указывающие на использование литья по выплавляемой модели в качестве основной схемы изготовления, подробно описаны в работах Б.А. Рыбакова (1948. С. 153–154), Н.В. Рындиной (1963. С. 202) и др.

Отличительной чертой основного количества исследованных бляшек является наличие на оборотной стороне позитивного рельефа, повторяющего контуры негативного рельефа на лицевой стороне бляшки (Рис. 4). Подобный рельеф является характерным для рассматриваемой категории изделий (Eniosova & Murasheva, 1999. 1094–1097; Мурашева, 2000. С. 10). Мы предполагаем, что этот рельеф на оборотной стороне изделия является результатом использования матрицы для получения восковой модели, служившей основой для отливки. В данном случае по форме матриц было две, соответствуя разным типам бляшек-накладок из этого поясного набора. Размеры бляшек и параметры отдельных орнаментальных элементов для каждого из типов практически совпадают, варьируясь в допустимых пределах (погрешность не более 5–7%); значительных деформаций в данной выборке не наблюдалось.

В исследованной выборке присутствуют также бляшки, рельеф которых менее четок, проработка отдельных мелких деталей отсутствует, оборотная сторона изделия также имеет уплощенную поверхность – в выборке в процентном соотношении они составляют не более 15% (к примеру, пробы 76, 99, 121). Здесь фиксируется наличие другого метода изготовления бляшек с использованием литья по оттиску готового изделия. Этот процесс менее трудоемкий и его применение в практике означает большую унификацию производства. Известно, что для литья по оттиску использовались специальные матрицы, в частности, в их роли выступали собственно детали поясной гарнитуры (Рябцева, Рабинович, 2007. С. 223).

Все дополнительные элементы бляшки (крепления, штифты) присоединялись к полученной восковой модели. Однако в данном конкретном случае не удалось разрешить вопрос о схеме изготовления самих штифтов – они в равной степени могли быть исполнены как из воска, так и из металлического дрота круглого сечения (в этом случае при изготовлении бляшек могло практиковаться литье методом долива) (описание этого метода для изготовления деталей поясного набора приведено в работе Т.Н. Троицкой, А.Н. Савина, 2004. С. 69–75).

После отливки бляшек, их поверхность дорабатывалась абразивом: на боковых участках рельефных деталей отчетливо фиксируются следы работы частым напильником (Рис. 5, а, б), опиления поверхности с целью удаления дефектов литья (основным типом дефекта являются газовые поры, раковины). Отдельные части орнамента (к примеру, краевое рифление) прорезалось на готовом изделии с помощью зубильца. В негативах рельефа лицевой поверхности обработка не производилась (фиксируются скопления корольков и др. дефектов литья).

Таблица 1

Химический состав цветного металла поясного набора из погребения 30 могильника Нижняя Стрелка.

№№	№ анализа	предмет	памятник	погребение	метод анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe
1	76	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,03	7,52	2,17			0,44	0,59	0,03
2	77	бляшка с кольцом, растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	91,61	5,7	1,65		0,18	0,4	0,46	
3	77a	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	47,23	47,61	4,49		0,13		0,32	0,23
4	78	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	88,12	6,36	2,91		0,42	1,09	0,79	0,31
5	79	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,24	4,78	1,58		0,22	0,47	0,68	0,02
6	80	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	80,96	11,04	6,02	0,62	0,19	0,43	0,41	0,33
7	81	наконечник пояса, растительный орнамент	Нижняя Стрелка	30	РФА	93,42	3,48	1,96		0,22	0,57	0,33	0,02
8	82	бляшка с кольцом, растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,76	5,12	1,49		0,12	0,29	0,22	
9	84	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	86,63	9,44	2,49		0,26	0,71	0,29	0,18
10	85	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	79,51	15,28	4,48		0,11	0,24	0,38	
11	86	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	55,04	16,33	15,3	3,71			1,47	8,15
12	87	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	86,29	7,66	3,9		0,33	0,89	0,65	0,28
13	88	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	50,58	30,91	14,26		0,74	1,12	1,41	0,98
14	89	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,86	3,35	2,48		0,27	0,71	0,32	
15	90	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,01	7,45	2,4		0,2	0,39	0,52	0,04
16	91	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	90,7	6,4	1,6		0,16	0,47	0,67	0,01
17	92	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,62	7,12	1,84		0,23	0,46	0,72	
18	93	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	81,07	12,47	3,39		0,35	0,82	1,77	0,14
19	94	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	88,58	7,75	2,26		0,22	0,44	0,67	0,08
20	95	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	80,29	14,45	3,77		0,18	0,4	0,58	0,33
21	96	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,07	7,14	1,82		0,2	0,6	1,07	0,09
22	97	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	88,28	7,9	2,19		0,29	0,49	0,84	
23	98	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	87,12	10	1,76		0,18	0,48	0,46	
24	99	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	88,14	9,26	1,54		0,2	0,4	0,46	
25	100	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	93,62	3,78	1,66		0,19	0,36	0,4	
	101	оборот	Нижняя Стрелка	30	РФА	90,35	7,15	1,51		0,17	0,4	0,37	0,05
26	101a	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	60,38	24,54	12,32		0,29	0,54	0,87	1,05
27	102	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	85,52	9,51	3,17		0,33	0,88	0,41	0,17
28	103	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	87,89	8,53	1,93		0,25	0,58	0,73	0,09
29	104	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	88,52	7,13	2,49		0,36	0,9	0,42	0,13
30	105	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,67	4,52	1,8		0,18	0,36	0,47	

Таблица 1 (окончание)
Химический состав цветного металла поясного набора из погребения 30 могильника Нижняя Стрелка.

№№	№ анализа	предмет	памятник	погребение	метод анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe
31	106	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	87,81	6,28	4,39		0,17	0,35	0,83	0,16
32	107	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	70,89	9,72	16,15		0,11	0,8	0,59	1,73
33	109	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,89	4,21	1,99		0,2	0,35	0,37	
34	110	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,7	4,87	1,51		0,13	0,35	0,36	0,09
35	111	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	86,92	10,19	1,66		0,17	0,46	0,54	0,05
36	112	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	94,33	3,2	1,43		0,15	0,39	0,49	
37	113	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	87,15	9,79	1,89		0,29	0,48	0,45	
38	114	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,72	5,36	2,5	0,17	0,44	1,08	0,54	0,19
39	115	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	91,6	4,97	2,54		0,14	0,31	0,45	
40	116	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,9	7,11	1,7		0,16	0,46	0,67	
41	117	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	90,95	4,14	2,85		0,34	0,86	0,7	0,16
42	118	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,94	2,72	2,36		0,36	0,9	0,48	0,24
43	119	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	90,76	6,19	2,17		0,18	0,31	0,38	
44	120	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	74,82	17,75	6,02		0,2	0,44	0,37	0,39
45	121	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	86,23	10,37	1,79		0,29	0,5	0,7	0,11
46	122	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	83,21	12,64	2,14		0,32	0,7	0,98	
47	123	кольцо-держатель	Нижняя Стрелка	30	РФА	59,93	25,18	12,39		0,61	0,72	0,49	0,68
48	124	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	92,24	5,44	1,4		0,18	0,37	0,37	
49	125	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	90,41	6,72	1,55		0,21	0,44	0,68	
50	126	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	83,67	9,16	4,41		0,41	0,7	1,65	
51	127	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	90,26	7,25	1,37		0,19	0,44	0,5	
52	128	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	80,99	15,05	2,26		0,22	0,68	0,8	
53	129	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	90,01	4,55	3,02		0,37	0,98	0,86	0,2
54	130	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	85,71	8,07	3,82		0,38	1,02	0,86	0,13
55	131	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	84,97	9,67	2,42		0,34	0,97	0,6	1,02
56	132	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,51	5,92	2,12		0,25	0,69	1,45	0,07
57	133	бляшка с растительным орнаментом	Нижняя Стрелка	30	РФА	89,77	5	2,99		0,42	1,08	0,67	0,08

С использованием составных литейных форм, помимо части бляшек, были получены кольца-держатели и поясная пряжка, а также – наконечник пояса (степень его физической сохранности очень низкая). Для изготовления поясной пряжки применялось литье по оттиску готового изделия; для изготовления колец-держателей также могла применяться эта техника, но установить это достоверно сложно, тем более что все кольца в составе пояса из погребения 30 имеют разный диаметр и конфигурацию (вследствие деформации). Боковая часть колец-держателей имеет хорошо фиксируемые следы опиливания, характерные для обработки остатков литейного шва; на внутреннем диаметре колец фиксируются каверны металла, концентрирующиеся по одной линии.

Химический состав цветного металла. Исследование химического состава цветного металла показало, что в рассматриваемом наборном поясе присутствуют изделия, изготовленные из сплавов на основе меди (Cu) и по принятой классификации относящихся к тройным сплавам (Цветные и драгоценные металлы и их сплавы... С. 129, Табл. 2.7). Единичные пробы относятся к многокомпонентной бронзе.

Исследуемая выборка выявила наличие следующих типов сплавов на основе меди в составе одного поясного набора:

1. тройной сплав – CuSnPb – 56 проб (анализы оборотной стороны изделия не учитывались).

Подгруппа 1 тройного сплава, где содержание Sn находится в границах 1–10%, содержание Pb в границах 1 – 10%, включает 42 пробы металла. Из сплава с низким содержанием олова и свинца изготовлены бляшки, наконечник пояса, кольцо-держатель.

Минимальное содержание олова в сплаве этой подгруппы составляет 2.72% (проба 118), максимальное значение – 10.0% (проба 98); вариации концентрации олова в сплаве широкие. Концентрация свинца варьируется от 1.37% (minimum; проба 127) до 4.41% (maximum; проба 126), при этом среднее значение свинца укладывается в 2–3%.

Микропримеси сплава: цинк в концентрации 0.17% зафиксирован в единственной пробе (проба 114); сурьма присутствует практически во всех пробах в концентрации от 0.29% (minimum) до 1.09% (maximum), при этом 4 пробы дали результат выше 1.0% (пробы 78, 114, 130, 133); примеси мышьяка зафиксированы также во всех пробах этой подгруппы в концентрации от 0.22% (minimum) до 1.65% (maximum), при этом в 3-х пробах концентрация мышьяка выше 1.0% (пробы 96, 126, 132); микропримеси серебра также присутствуют во всех пробах в концентрации от 0.12% до 0.44%. Микропримеси железа присутствуют в концентрации от 0.01% до 1.02% (maximum концентрации зафиксирован в пробе 131).

Подгруппа 2 тройного сплава отличается превалированием содержания свинца над оловом (Sn=1–10%, Pb>10%) (проба 107). Содержание основных легирующих компонентов в сплаве: олова – 9.72%, свинца – 16.15%; микропримесей: серебра – 0.11%, сурьмы – 0.8%, мышьяка – 0.59%, железа – 1.73%. Высокое содержание железа в сплаве может быть объяснено естественными причинами – недостаточной очисткой от примесей одного из основных компонентов сплава.

Подгруппа 3 тройного сплава, где содержание Sn находится в границах 10–20%, содержание Pb в границах 1–10%, включает 9 проб металла (80, 85, 93, 95, 111, 120, 121, 122, 128). Из сплава с подобными характеристиками также изготовлены накладки, бляшки, ременная пряжка, кольцо-держатель (Табл.2).

Содержание основных легирующих компонентов в сплаве варьируется в пределах: олово – от 10.19% (minimum) до 17.75% (maximum); свинец – от 1.66% (minimum) до 6.2% (maximum). Среднее значение для олова не определяется – разброс показателей велик; для свинца можно определить среднее значение концентрации в сплаве в пределах 2–4%.

Микропримеси сплава: цинк – 0.62% (проба 80); серебро – в концентрации 0.11–0.32% (minimum\ maximum) встречается во всех пробах этой подгруппы; сурьма – содержание в сплаве варьируется от 0.24% до 0.82%; мышьяк – минимальная концентрация на уровне 0.37%, максимальная – 1.77% (проба 93); железо зафиксировано в 6 пробах на уровне 0.11–0.39%.

Подгруппа 5 тройного сплава, где содержание Sn превышает порог в 20.0%, а содержание Pb укладывается в границы 1–10%, включает 1 пробу металла (77а). Содержание основных легирующих компонентов в сплаве: олова – 47.61%, свинца – 4.49%; микропримеси сплава: серебро – 0.13%, мышьяк – 0.32%, железо – 0.23%.

Подгруппа 6 тройного сплава выделена по содержанию олова выше 20.0%, свинца – выше 10.0%. К этой подгруппе относится три пробы (88, 101, 123), где содержание олова составляет 24.54–30.91%, свинца – 12.32–14.26%. Микропримеси сплава подгруппы 6: серебро – 0.29–0.74%, сурьма – 0.54–1.12%, мышьяк – 0.49–1.41%, железо – 0.68–1.05%. Максимальная концентрация сурьмы и мышьяка отмечена для пробы 88, железа – для пробы 101.

Таким образом, проанализированные детали поясного набора из погребения 30 могильника Нижняя Стрелка изготовлены из тройного сплава. Распределение проанализированных проб по категориям изделий внутри подгрупп тройного сплава по концентрации основных легирующих компонентов выглядит следующим образом.

Таблица 2

Ранжирование деталей поясного набора из погр.30 могильника Нижняя Стрелка по подгруппам тройного сплава

<i>Подгруппа тройного сплава</i>	<i>Кол-во проб</i>	<i>Детали поясной гарнитуры</i>
Sn=1–10%, Pb=1–10%	42	40 бляшек 1 кольцо-держатель 1 наконечник
Sn=1–10%, Pb>10%	1	бляшка
Sn=10–20%, Pb=1–10%	9	5 бляшек 4 кольца-держателя
Sn>20%, Pb=1–10%	1	1 кольцо-держатель
Sn>20%, Pb>10%	3	1 бляшка 2 кольца-держателя

Анализируя данными таблицы 2, можно отметить, что основное количество поясных бляшек изготовлено из сплава с низким содержанием основных легирующих компонентов: олова и свинца. Единичные экземпляры бляшек из поясного набора изготовлены из сплава с высоким содержанием олова.

Из подобного сплава, отличающегося высоким содержанием олова (в границах 10–20% и выше 20%), изготовлены также кольца-держатели, крепившиеся к поясным бляшкам (7 экземпляров из 8 проанализированных).

Интересно рассмотреть ситуацию для проб 101–101а (лицевая и оборотная стороны бляшки), где концентрация основных легирующих компонентов сильно отличается для лицевой и оборотной сторон: 1. лицевая сторона: Sn–24.54%, Pb–12.32%; 2. оборотная сторона: Sn–7.15%, Pb–1.51%; показатели микропримесей в общем сопоставимы друг с другом. Рассматривая данные значения в общей совокупности полученных результатов, необходимо признать, что этот вопрос требует дополнительной проработки, т.к. визуально эта бляшка ничем не выделялась среди остального массива изделий. В качестве рабочей гипотезы рассматривается известное явление сегрегации сплава, возникающее при определенных технологических условиях литья (Кашенко, 1937. С. 40–44): в частности, недостаточно медленной скорости охлаждения отливки. Однако нельзя исключить возможность единичного фиксирования остатков лужения на поверхности бляшки, хотя лицевая сторона бляшки имеет хорошо выраженный специфический серый цвет.

2. Многокомпонентная бронза с присадкой железа (CuSnPbZn+Fe) – 1 проба (86), анализ металла кольца-держателя. Характеристика сплава: концентрация олова – 16.33%, свинца – 15.3%, цинка – 3.71%, мышьяка – 1.47%, железа – 8.15%. Если исключить возможность ошибки анализа, то указанные характеристики сплава недвусмысленно указывают на другой, отличный от всех, источник металла.

Таким образом, поясной набор из погребения 30 могильника Нижняя Стрелка изготовлен, в основном, из тройного сплава, различающегося степенью концентрации основных легирующих компонентов. Основное количество проб из выборки изготовлены из сплава с низкой концентрацией олова и свинца и в основном, – это поясные бляшки. Для получения колец-держателей и отдельных бляшек из анализируемой выборки был использован тройной сплав с другой концентрацией олова (выше 10–20%) и низкой концентрацией свинца.

Обсуждение результатов

Принимая во внимания полученные результаты, можно предположить, что поясной набор из погребения 30 могильника Нижняя Стрелка был изготовлен из деталей, часть которых была изготовлена одновременно по отношению к основной массе. Об этом свидетельствует как разные по типу и качеству изготовления бляшки, использовавшиеся в составе данного поясного набора, так и вариации в концентрации основных легирующих компонентов сплава. Кроме того, следует принять во внимание наличие в составе пояса конструктивных элементов (колец-держателей), изготовленных с помощью другой схемы и из отличного от металла бляшек сплава.

Не ясно, является ли исследованный комплект (поясной набор) конечным продуктом, вышедшим из мастерской со всеми выявленными в ходе исследования параметрами, или в ходе ношения пояса, по мере необходимости, комплект дополнялся другими, идентичными по типу, деталями (т.е. подвергался починке).

Нет сомнений, что данный пояс является продуктом специализированных ремесленных центров, расположенных, возможно, на территории Волжской Булгарии, где в ходу были оловянно-свинцовые бронзы с низким и средним содержанием олова и свинца (Зайцева, 2008. С. 332–333), и «смело» использовалось исходное сырье недостаточной степени очистки («засоренное» микропримесями мышьяка, сурьмы, серебра, железа и др.) (Хлебникова, 1996; Ениосова, Митоян, Сарачева, 2005). Время изготовления и бытования накладок этого типа – вторая половина X – XI вв.

Источники и литература

Архипов Г.А. Отчет о работах Марийской археологической экспедиции летом 1980 года // Архив ИА РАН. 1987. р-1. № 7791.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь. 2008.

Вильданов Р.Ф. Монеты из сборов и раскопок на рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части среднего Поволжья. – Саранск, 2008.

Ениосова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. О применении рентгенофлюоресцентного энерго-дисперсного анализа в археологии // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. № 1. – М., 1997.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М., 2008.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. Ч.2. – М., 2005.

Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов Северо-Восточной Руси и Волжской Болгарии: сравнительно-исторический анализ // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 2. – М., 2008.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007.

Кащенко Г.А. Курс общей металлографии. Часть третья. Не железные сплавы. Л.; М., 1937.

Материальная культура средне-циннской мордвы VIII–XI вв. (по материалам раскопок П.П. Иванова в 1927–1928 годы). Археологический сборник. Т. III. – Саранск, 1969.

- Мурашева В.В.* Древнерусские ременные украшения (X–XIII вв.). – М., 2000.
- Никитин В.В.* Отчет Марийской археологической экспедиции (неолитического отряда) о работах в зоне Чебоксарского водохранилища в 1987 году // Архив ИА РАН. 1987. Р–1. № 11469. С. 40.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола, 2002.
- Никитина Т.Б.* Отчет о работе 3-его отряда Марийской археологической экспедиции // НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1. № 1118.
- Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Памятники ломоватовской культуры. ВАУ, вып. 9. – Свердловск, 1970.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. – М., 1948.
- Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. 1963. № 117.
- Рябцева С., Рабинович Р.* К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. // Revista Arheologică, s.n., vol. III, nr. 1–2. 2007.
- Седова М.В.* Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997.
- Троицкая Т.Н., Савин А.Н.* Литые бронзовые бляшки наборных поясов тюркского времени: (по материалам Новосибирского Приобья) // Древности Востока. – М., 2004.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. – Йошкар-Ола. АЭМК. Вып. 8. 1984.
- Фехнер М.В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М., 1967.
- Хлебникова Т.А.* Надписи на металлических изделиях // Город Булгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996
- Шикаева Т.Б.* Отчет о работах Третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 1987 году // Архив ИА РАН. 1987. Р–1. № 12582.
- Шикаева Т.Б.* Отчет Третьего отряда Марийской археологической экспедиции о работе в 1988 году // Архив ИА РАН. 1988. Р–1. № 13565.
- Eniosova N. and Murashova V.* Manufacturing Techniques of Belt and Harness Fitting of the 10th Century AD // Journal of Archaeological Science (1999) 26, 1093–1100.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД КУЛАН

А.А. Нуржанов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, г. Алматы

Сложный процесс становления и функционирования средневекового города, включающий в себя не только проблему определения строительных горизонтов и соответствующих им хронологических отрезков жизни того или другого населения или их культурного взаимодействия, – это, прежде всего, многокомпонентный процесс, протекавший на фоне различных социально-экономических коллизий на протяжении тысячелетий.

Археологические памятники на юге Казахстана и Семиречья свидетельствуют о постоянном взаимодействии двух хозяйственных укладов, соотношении двух культурных комплексов, связанных со скотоводством и земледелием со степью и городом. Как правило, оно происходило в рамках этнически однородных групп населения в составе одних и тех же политических и экономических структур. Однако военные коллизии, нашествия, а также климатические изменения нарушали естественное развитие взаимодействий, основной магистральной линией которых было движение от кочевий к городам. Это приводило к непрерывности развития здесь оседлости и городской жизни.

С середины I тыс. до н.э. когда можно говорить о зарождении государственности у саков, – наряду с кочеванием у них существовала оседлость и, видимо, земледелие. Находки кладов бронзовых котлов, светильников, жертвенников также являются аргументом в пользу существования у саков постоянных культурных центров.

Тенденции к расширению оседлости, развитию земледелия возрастают в усуньском государстве.

Вторжение в Семиречье гуннов в первые века н.э. затем вхождение юга Казахстана в состав Тюркского каганата и Западнотюркского в середине VI – начале VII в. резко изменило хозяйственную и культурную жизнь в этом районе. Вначале в каганатах возобладал кочевнический уклад жизни, которому соответствовала и материальная культура.

Но уже в первые десятилетия VII в. на трассе Великого Шелкового пути, переместившись в Южный Казахстан и Семиречье, появились города. Некоторые из них сформировались как ставки тюркских каганов, другие были основаны согдийцами. Оседлый и городской уклад жизни стал расширяться вплоть до начала XIII в., то есть на протяжении 6–7 столетий, в рамках таких государств как Тюркешский, Карлукский, Караханидский каганаты, можно видеть сочетание скотоводства и земледелия, сопровождающееся ростом и расширением последнего, появлением многочисленных селений и городов. В Карлукском и в особенно Караханидском каганатах происходило массовое оседание степняков на землю, наблюдался синтез земледелия и скотоводства, в недрах которого лежали многие достижения культуры того времени, а также продолжение этногенеза тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана.

Одной из важных задач археологии Казахстана и Средней Азии является изучение топографии средневековых городов. Топография средневекового города отражает его экономическую и социальную структуру, численность населения, расположение и планировку отдельных городских центров (административного, торгового, ремесленного) места связей города с округой и другие стороны его истории (Кожемяко, 1959. С. 3)

Правильная реконструкция топографии важна не только с научной точки зрения (исследование общих проблем генезиса средневековых городов) но и в практическом применении при разработке историко-градостроительных опорных планов исторических городов, проектов реставрации и застройки их исторических центров. Следовательно, степень достоверности восстановленной топографии, тщательности и полнота археологической информации о структуре, размерах составных частей городов, подкрепленность выводов археологическими материалами будут на конечные результаты работ архитекторов и реставраторов. Это надо учитывать при археологических раскопках средневековых городищ, чья история тесно связана с историей ныне существующих городов (Байпаков, 1999. С. 18).

Образование и развитие городов Средней Азии и Казахстана при всех общих закономерностях не было шаблонным имело свои особенности. Структура средневековых городов также не было единой и зависела от объективных условий процесса градообразования. Этот вывод особенно важен и характерен для средневекового Казахстана, где формирование городских центров происходило в условиях исторических сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения, что сказалось на топографии и типах городов, своеобразия городской культуры (Акишев, 1983. С. 5–11).

Городище Кулан расположенное у восточного края современного села Кулан на берегу реки Каракат (приток р. Шу), представляет собой почти квадратной формы возвышенную площадку с крутыми склонами, ориентированную углами по странам света. Высота ее около 7 м и размер с СЗ на ЮВ – 214 м. Шахристан со всех сторон окружен земляным валом, высотой от 0,3 до 0,5 м. Обнаружены остатки 4-х проездов внутри городища. В северном углу шахристана, расположены остатки цитадели в виде квадратного в плане бугра с площадкой на нем ориентированной как и шахристан углами по странам света. Высота ее над окружающей местностью около 9 м, или над площадкой шахристана около 2 м. Размер ее 46 x 46 м. Площадка цитадели со всех сторон окружена земляным валом высотой от 2,0 до 2,5 метров, над ней с остатками 4 башен на углах.

Вся местность вокруг шахристана на значительное расстояние сильно заболочена и на ней в разных местах сохранились остатки ранних сооружений в виде крупных земляных холмов островков, местами сливающихся между собой. Вокруг шахристана сохранились остатки массивного земляного вала, высотой от 2,5 до 5,0 м и шириною у основания от 10 до 15 м. Вал этот проходит на расстоянии от 60 до 130 м от основания шахристана в форме неправильного пятиугольника размером с С на Юг – около 600 м и с З на В около 500 м. Общая длина этого вала около 1900 м. Снаружи вала у его основания, сохранились остатки рва глубиной, в настоящее время, в 1,6–1,8 м и шириною в 7–10 м. За рвом местность также было частично заболочена. Весь этот комплекс в свою очередь, окружен земляным валом, охватывающим площадь свыше 15 кв. км, на которой расположено значительное количество остатков отдельных построек в виде земляных холмов разной формы и размера. Наибольшей густоты остатки построек достигают в восточной части шахристана.

Все углы цитадели были укреплены башнями, остатки которых отчетливо прослеживаются в виде выступающих округлых возвышений. Снаружи городище окружено рвом, сохранившим глубину около 1 м и ширину 15 м К городищу примыкала сельская округа площадью 19–21 кв. км окруженная стеной.

Все исследователи учитывают, во-первых, наличие о городище Кулан длинных стен, вторых особенностей средневековых городов Таласской и Чуйской долин, синхронных Кулану и находившихся в сходных с ним естественно-географических и социально-экономических условиях.

Городище это еще в конце XIX в. В.В. Бартольд (1963. С. 40), а ранее его Томашеком отождествлялось с древним городом Куланом.

Художник С.М. Дудин участвовавший в экспедиции В.В. Бартольда писал, что при проезде через Тарты (Кулан) «нельзя не заметить длинного (около полуверсты) невысокого вала, пересекающего несколько наискось дорогу и заканчивающегося у большого двухъярусного холма. Этот последний имеет эллиптическую форму и окружен неглубоким рвом. На востоку от деревушки и вала на расстоянии более версты, встречаются следы второго вала, идущего, по-видимому, параллельно первому» (Бартольд, 1963. С. 33).

В 1936 г. на территории городища были проведены первые археологические раскопки САЭ ИИМК и Казахстанского филиала АН СССР возглавляемым А.Н. Бернштамом. в результате раскопок выяснилось, что первое оседлое поселение в районе Кулана появилось уже в первые века н.э. На территории шахристана был заложен шурф, доведенный до глубины 2,25 м, давший керамику, в основном, сходную с керамикой Тараза, датируемой VIII–XIII вв. нашей эры, при им поливная, так называемая караханидская керамика на этом городище встречается значительно реже, чем на городище Тараза. Никаких, более или менее существенных остатков, крупных архитектурных сооружений, на основании которых можно было

судить об архитектурно-строительных приемах, шурфом вскрыто не было (Бернштам, 1941. С. 44).

Город Кулан известен в письменных источниках, относящихся к первой половине VIII в. В маршрутке китайского паломника Сюань Цзяня и в истории династии Тан он упомянут под названиям Цзюй-лань. Арабские географы ибн-Хордадбех и Кудама помещают Кулан в 14 фарсах западнее г. Тараза. Кудама сообщает «песок между Таразом и Куланом с северной стороны, а за ним пустыня из песка и гальки, а в ней ехидны, (она тянется) до границы кимаков» (Волин, 1960. С. 74). По словам же автора X в. ал-Макдиси «Кулан–укрепленный (город), соборная мечеть в нем (т.е. шахристане) он уже опустел, он на большой Таразской дороге» (Там же. С. 76). Особый интерес представляет сообщение анонима «Худуд-ал-Алем» (конец X в.), который в теле городов принадлежащих карлукам называет город Кулан, говоря, что «Кулан маленький округ граничащий с мусульманами, в нем есть посева» (Там же. С. 83). Из этого сообщения можно заключить что этот город в конце X в. принадлежал еще карлукам, что противоречит цитированному выше сообщению Макдиси, который насколько известно лично посетил этот город, до того как был составлен аноним «Худуд-ал-Алем». Автор географического словаря Якут, составивший свой труд в 20-х годах XIII в. сообщаем: «Кулан–приятный городок на границе тюрков, со стороны Мавераннахра» (Там же. С. 87).

С Куланом связан ряд известных исторических событий: так, здесь в 740 г. был убит тюркешским князем Курсулем последний каган Ашина Сынь. В 840 г. до Кулана доходили арабские войска (Там же. С. 82).

Стратиграфический раскоп (К.М. Байпакова 1964–1965 гг.) площадью 30 кв. м, заложенный на цитадели городища прорезал слой на глубину 4,5 м в стенах шурфа удалось проследить три разновременных строительных горизонта. Археологический материал свидетельствует что городище существовал с VII по XIII в. (Байпаков, 1966. С. 61–66).

В 1964, 1987 гг. К.М. Байпаков, с 1990 г. по настоящее время А.А. Нуржанов работали на отдельных буграх находящихся в сельской округе городище. Один из них названный Луговое А по форме напоминал усеченную пирамиду высотой 5 м и размерами в основании 30 x 40 м. Археологическими раскопками полностью раскрыто центральное сооружение, имевшее, как выяснилось «гребенчатую» планировку, характерную для раннесредневековых замков Средней Азии и Казахстана. Замок состоял из семи помещений. Исследован еще один овальный холм высотой 5 м и диаметром 20–25 м, находящийся в 3,5 км южнее центральных развалин. Как выяснилось, холм скрывал в себе остатки сельской усадьбы. В одном из ее помещений находилась мастерская по переработке винограда (Байпаков, 1964. С. 28).

Условное названный отдельно стоящий бугор «Луговое Г» находился в 2 км к юго-востоку от шахристана. В топографии «Лугового Г» различаются центральная часть в виде бугра подквадратной в плане формы размерами в основании 45 x 40 м и высотой 5 м и примыкающего к нему участка (50 x 70 м). Стена, окружающая двор, сохранилась на высоту 1,5–2 м.

Раскопками выявлен большой многокомнатный дом в усадьбе. Дом с двумя дворами: окруженным по периметру помещениями и внешним огороженным стеной, включавшим, по видимому, хозяйственные постройки. Аналогичный тип жилища с примыкающим двором, защищенный стенами был характерен для Чуйской долины поры раннего и развитого средневековья (Нуржанов, 2008. С. 157).

По планировке Кулан больше всего сходен с городищами Аспара, Мерки, Актобе, Нижний Барсхан, Садыр Курган, Тараз. С этим городищами у Кулана совпадает не только протяженность длинных валов но их привязка к местности.

Появление и развитие городов с длинными стенами одна из особенностей процесса градообразования в средние века в долинах рек Таласа и Чу – местах традиционного обитания кочевых племен. Оно шло в условиях тесного взаимодействия земледельческой и кочевнической культур. Это повлияло на историческую топографию, структуру и облик памятников оседлого и полuosедлого населения (Акишев, 1983. С. 36). Раннесредневековые города и поселения формировались здесь среди массы кочевых племен. Оседлое население в таких условиях не могло расселиться так, как в земледельческой полосе Средней Азии, где на больших реках возникли крупные земледельческие оазисы (Байпаков, 1975. С. 36). На небольших ре-

ках Чу-Таласских долин, вытекающих из горных ущелий, образовались меньшие по размерам оазисы оседлой культур центром которых был город.

Особенностями Таласских и Чуйских городов уже в ранних этапах развития являются их тесная связь с земледелием (Беленицкий и др., 1973. С. 206) их аграрный характер, сочетание сельскохозяйственных занятий горожан с торговлей, ремеслом и необходимость защиты обрабатываемых пригородных земель с пашнями, садами и усадьбами, при помощи длинных стен. Стены протяженностью несколько десятков километров окружали освоенные горожанами земли. Они во много раз превосходили город по площади и определяли особенности его топографии. Раннесредневековые города Чу-Таласских долин в VII–IX вв. состоял из цитадели, шахристана и городской сельскохозяйственной округи, снабжавшей его продовольствием.

Контуры и количество рядов длинных стен показывают направление и степень разрастание городских земель, площадь которых увеличивалась по мере того, как рос и креп город.

Сложность и мощность длинных стен зависели от экономического и политического значение города, а также от степени опасности его положения угрозы набегов. Возведение длинных стен могли себе позволить только развитые, крупные города. Кроме главных функций по защите пригородных земель длинные стены выполняли также функции административных границ феодальных владений, являясь рубежами землепользования (Кожемяко, 1959. С. 176). Их строительство осуществлялось в VIII–IX вв.

Следовательно топография раннесредневекового Кулана, как и других городов с длинными стенами, сформировалась к концу IX в.

X–XII века – период значительных изменений в истории городов Средней Азии и Казахстана. Происходит резкий взрыв градообразования, подъем экономики, культурной и общественной жизни городов. В них образуются рабады – торгово-ремесленные предместья куда из шахристана перемещается экономический центр города. Этот процесс начавшийся в IX в. наиболее интенсивно протекал в XI–XII вв. (Байпаков, 1975. С. 37). Образование рабадов не только повлияло на увеличение площади городов, но и привело к усложнению их исторической топографии.

Аналогичные исторические изменения коснулись и городов в IX–XII вв. влияла их структура сложившаяся в VII–IX вв. и частности система длинных стен, несколькими рядами окружавших пригородные земли с садами, пашнями и усадьбами горожан. В X–XII вв. рост городов, по-видимому, выразился не в увеличении их территории, а в увеличении численности населения, плотности застройки в пределах длинных стен, несколькими рядами окружавших пригородные земли с садами, пашнями и усадьбами горожан.

В городах с длинными стенами рабады не выделялись в самостоятельную часть города, выраженную в топографии, как это наблюдалось в городах Мавераннахра. Торгово-ремесленные предместья развивались применяясь к особенностям топографии городищ, они вписывались в их структуру, растворяясь во внутреннем кольце стен. Эта часть городской территории совмещала функции и характер застройки предыдущего времени с функциями торгово-ремесленного предместья. Наряду с сохранением усадебных комплексов после IX в. здесь появляются районы плотной застройки (Сенигова, 1972. С. 133–134).

Топография городищ с длинными стенами в долинах Чу и Таласа, в том числе и средневекового Кулана в X–XII вв. была близка топографии шашских городов, где сочетались и ремесленно-торговое ядро и его житница – сельскохозяйственная округа, располагавшаяся в предместье и прилегающей местности и окруженная стенами (Древности, 1976. С. 123–124).

Внешние границы городов без значительных изменений просуществовали до начала XIII в. когда города испытали сильное потрясение в результате монгольского нашествия.

В историко-топографическую схему Кулана вошли предположения не подкрепленные материалами археологических раскопок. Она основана на взглядах развитии Кулана как типично среднеазиатского города, согласно теории «согдийской колонизации» края А.Н. Бернштама. перекопирование на Кулан классического трехчастного деления среднеазиатских городов, его прямоугольная конфигурация, хронология формирования рабадов, их четкая выраженность в системе городского организма, на наш взгляд, являются ошибочными.

В топографии городище Кулан выделяются цитадель с шахристаном и отсутствует рабад. К шахристану примыкает территория площадью 46 гектаров с массивами плотной застройки которые располагались группы отдельных домостроений усадебного типа. Эти данные дают основание относить Кулан к типу городов с длинными стенами.

Кулан и синхронные ему крупные города Таласской и Чуйской долин развивались аналогично, имея много общего в исторической топографии.

Рис. Топографический план городища Кулан.

Литература

Акишев К.А. Перспективы изучения позднесредневековых городов Казахстана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С.5–11.

Байпаков К.М. Археологические исследования по программе ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь» // ВАН РК. Алматы, 1992. № 12. С.17–27.

Байпаков К.М. Некоторые вопросы изучения средневековых городов юга Казахстана // ИАН КазССР. Серия общественных наук. 1975. № 5. С.30–39.

Байпаков К.М. Раскопки средневекового замка в Семиречье // ВАН КазССР. Алма-Ата, 1966. №8. С.61–66.

Байпаков К.М. Тараз и средневековые города Таласской долины // Материалы II Международных чтений по творчеству М.Х. Дулати. Алматы, 1999.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1963. Т.1.

Бартольд В.В. Тараз // Соч. IV. М., 1965.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Соч. Т. IV. М., 1966.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Т. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата, 1941. 66 с. 1 л. карт.

Волин С.Л. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Тр. ИИАЭ АН Каз ССР. 1960. Т. 8.

Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.

Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

Нуржанов А.А. Археолого-архитектурное исследование городища Кулан // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента. Материалы Международной научно-практической конференции. 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008. С.157–166.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

ОБ ОДНОМ ПОЯСНОМ НАБОРЕ (X – НАЧАЛА XI вв.) ИЗ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

С.А. Пантелеев

АГОИИМЗ, г. Астрахань

Поясной набор является интересным и важным археологическим источником. С глубокой древности наборный пояс обладал сложным комплексом значений. Он отмечал ранг владельца в социальной структуре, где имело значение то, из какого материала изготовлены накладки их количество и орнаментация. Набор, несёт на себе разнообразные виды информации, и позволяет на конкретном археологическом материале отметить ранг владельца пояса. По мнению Н.Л. Подвижной наборный пояс мог быть не только знаком отличия воина, но и чиновника, а возможно и наградой или своеобразным орденом.

Описываемый поясной набор был обнаружен случайно местными жителями весной 2008 года на севере Наримановского района на границе с Енотаевским районом Астраханской области на высоком правом берегу реки Волга. Вероятно, в результате разрушения и размыва погребения в промоине оказались предметы, составляющие поясной набор. В последствии набор был выкуплен и хранится в Астраханском Военно-историческом клубе «Варяги». Этот пояс интересен тем, что он практически в полном наборе довольно хорошей сохранности и является пока одним из немногих, а возможно и единственным из известных ранних наборных поясов происходящих с территории Астраханской области который был предоставлен любезно владельцем для его опубликования и введения в научный оборот.

В комплекте оказалось 56 серебряных бляшек пятиугольной формы украшенных пятилепестковым цветком двух видов – 24 уплощённые «широкие» и 32 удлинённые «узкие». Помимо бляшек в комплект входили серебряная поясная пряжка и серебряный поясной наконечник, украшенные растительным орнаментом, а так же серебряный миниатюрный наконечник без орнамента.

Поясная пряжка (Рис.1 (1), Рис.5, Рис.6)* с накладным язычком имеет рамку овальной формы, которая соединена неподвижно со щитком. Пряжка изготовлена техникой литья из серебра. Щиток сплошной с загнутыми внутрь краями выполнен в геральдической форме. По краям щитка имеется штриховка с золочением, а по центру изображение трилистника, нижние лепестки которого слегка отогнуты вниз. Аналогии подобных изображений отмечаются в Прикамье и в Венгрии¹. С обратной стороны имеются три литых крепёжных шпенька (5 мм длины), которые составляют единое целое со щитком. С.А.Плетнёвой выделяется три типа поясных пряжек самым ранним, из которых считается тип, где рамка соединена со щитком неподвижно [10, с. 162].

Поясной наконечник внутреннего ремешка (Рис.1 (2), Рис.5, Рис.6) изготовленный из серебра техникой литья прямоугольной формы с заострённым нижним концом и раздвоенным верхним на манер хвоста ласточки с параллельными боковыми сторонами. С обратной стороны имеются два литых крепёжных шпенька (5 мм длины) составляющих единое целое с наконечником.

Поясной наконечник (Рис.1 (3), Рис.5, Рис.6) изготовленный из серебра техникой штамповки прямоугольной формы с закруглённым нижним концом и параллельными боковыми сторонами в верхней части которого по углам имеются выступы круглой формы, один из них утрачен. По краям наконечника имеются выступы, придающие ему вид массивного футляра в который вкладывался конец пояса. Наконечник, вероятно, крепился к ремню односторонними шпеньками, но, к сожалению, определить это точно возможности не представилось, поскольку наконечник закреплён на современной пластине из белого металла, сохраняющей нако-

* Рис. 5–6 к статье С.А. Пантелеева см. на цветной вклейке.

¹ Фоянкова (Чувило) Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань, 2010.

нечник от дальнейшего его разрушения. Однако до того пока не была установлена современная крепёжная основа с обратной стороны, на ней имелись выступы припооя шпеньков.

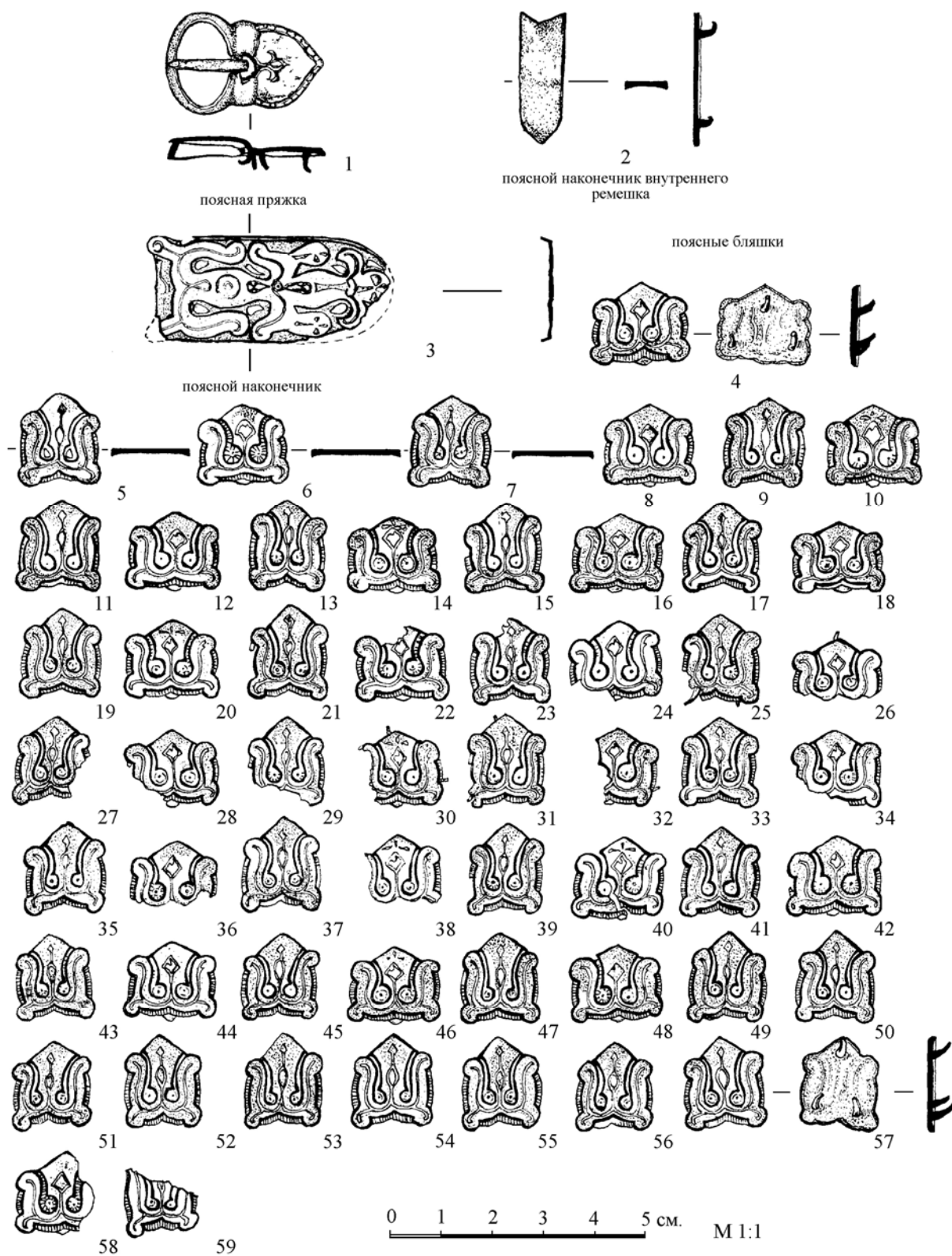

Рис. 1. «Наримановский» поясной набор.

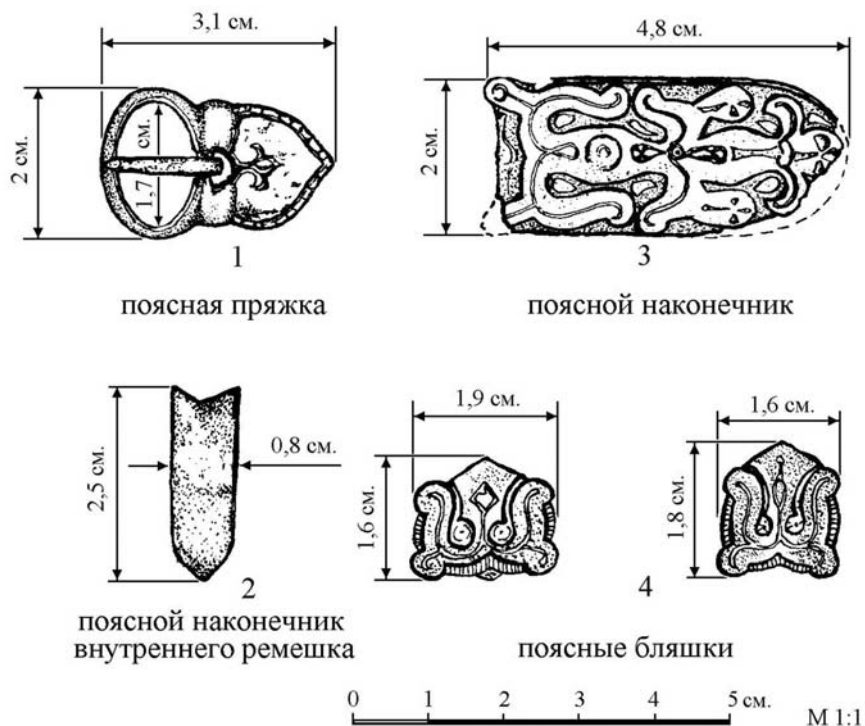

Рис. 2. Элементы «Наримановского» поясного набора.

Рис. 3. Накладка, найденная в 1999–2000 гг. при раскопках на территории Билярского II селища в месте ремесленного производства в горизонте конца X – начала XI вв. (Беговатов, 2001, Рис.5 (3)).

Рис. 4. Наглядная реконструкция «Наримановского» пояса без масштаба.

Бляшки (Рис.1 (4-59), Рис.5) серебряные литые фигурные с загнутыми внутрь краями однотипные отличаются только пропорциями пятиугольная уплощённая «широкая» и пятиугольная удлинённая «узкая». На обратной стороне проступает слабый негативный рельеф – контрастный «отпечаток» орнамента, украшающего лицевую сторону, а так же имеются крепёжные литые шпеньки (5 мм длины), которые составляют единое целое с бляшкой (Рис.1 (4; 57), Рис.5). Толщина пластины такова (1 мм, а вместе с загнутым краем 1,5 мм) что превышает толщину листа, который можно подвергнуть тиснению. На бляшках имеется изображение растительного орнамента в виде пятилепесткового цветка с позолоченной штриховкой по краям и чернением.

Выводы

Обнаруженный в Наримановском районе тип пояса, представляет особый большой интерес, поскольку он относится к III типу наборных воинских поясов, которые отличаются разнообразием видов и гибридной обликом. Привлекает внимание типология, распространение, хронология и происхождение этого поясного набора, бляшки которого генетически связаны с бляшками из клада городского слоя Саркела. Которые были рассмотрены М.И. Артамоновым в трудах Волго-Донской Археологической экспедиции². Подобные типы бляшек отмечаются и в разработанной классификации ременных бляшек В.В.Мурашёвой³. Так к XIII классу относится подвид 1Б-1, 2А-1 узких и 1Б-2 широких бляшек идентичные обнаруженным в Дубовском могильнике; Волжская Булгария, I Измерское селище, вторая половина X – XI вв., Швеция, Оланд, Готланд XI в. К XIV классу относятся подвид 1А-2 широкая, узкая 1Б-1 и широкая 1Б-2 идентичные Волжская Булгария, I Семёновское селище X–XI вв. и Венгрия Упвагп IX–X вв. Абсолютная идентичность и удивительная схожесть «Наримановских» поясных бляшек находит аналогии на памятниках относящихся к раннему домонгольскому времени на территории современного Татарстана. В ходе археологических исследований в 1999–2000 гг. на участке Билярского II селища, был исследован ремесленный центр, включавший в себя – гончарное, металлургическое и косторезное производство [2, с.148, 152]. В результате этих исследований помимо прочих артефактов была обнаружена бронзовая накладка пятиугольной формы (Рис.3) с орнаментом в виде пятилепесткового цветка без шпеньков на обратной стороне⁴. Вероятно отсутствие шпеньков с обратной стороны можно объяснить только тем, что они небыли доделаны (отлиты или припаяны). Е.А. Беговатов время существования селища в домонгольский период определяет концом X – началом XI вв. Следует отметить, что различные части рассматриваемого в данной статье поясного набора выполнены разными техническими приёмами литьё, штамповка, золочение, чернение, но при этом он выполнен на заказ в одном художественном решении и стиле без поздних добавлений. Вероятное время изготовления «Наримановского» поясного набора можно отнести к концу X – началу XI вв. Вызывает особенный интерес вопрос, связанный с реконструкцией внешнего вида пояса. Подобное сочетание двух разновидностей бляшек (широких и узких) в этом поясном наборе – не редкость, аналогичное сочетание, например, имелось в саркельском кладе 1949 года. Реконструкция расположения бляшек на поясе при этом может быть весьма разнообразна, и выглядеть как чередование широких и узких бляшек или как расположение одних компактными группами по краям ремня, а другой группы в центре ремня. В ходе изучения поясного набора выяснилось, что диаметр поясной пряжки (Рис.1 (1); Рис.2 (1), Рис.6) уже поясного наконечника (Рис.1 (3); Рис.2 (3), Рис.6), ширина которого не предполагает его прохождение через пряжку а так же наличие ещё одного миниатюрного наконечника (Рис.1 (2); Рис.2 (2), Рис.6), позволило предположить, о существовании дополнительного внутреннего ремешка, который служил для застёгивания, и который мог свободно без затруднений про-

² Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа. // Материалы и исследования по археологии СССР 62. Труды Волго-Донской Археологической экспедиции I. Вещи из клада. С. 53–56. Рис. 34б; Рис. 35. М.; Л., 1958.

³ Мурашёва В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 37-39. Рис. 46 (1б-1; 1б-2; 2а-1), Рис. 47 (1а-2; 1б-1; 1б-2). М., 2000.

⁴ Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 148–159. Рис. 5 (3) бронзовые украшения и предметы вооружения из железа с Билярского II селища. С. 159.

ходить сквозь пряжку. По типу этот пояс близок к венгерскому поясу, у которого, отсутствуют металлические накладки на внутреннем ремешке при этом конец, на котором крепился поясной наконечник, свободно свисал перекинутый через плотно прилегающую часть ремня. Это и не удивительно, поскольку широко известно присутствие археологических материалов венгров X века имеющих, в общем, восточноевропейский облик и большие аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. В нашем случае всё же одно отличие имеется в том, что у внутреннего ремешка имеется миниатюрный поясной наконечник (Рис.1 (2); Рис.2 (2); Рис.4, Рис.6), который характерен для поясов древней Руси. Подобные варианты наборных поясов известны из курганов Гнёздова (курган Ц-160), а также найденные в Бирке (Швеция). Как видно пояса подобного или сходного типа имели широкое распространение на огромной территории. И родиной их могла быть не только Хазария, но и Волжская Болгария, откуда окружающие народы могли черпать образцы. Такое явление как пояс украшенный металлическим набором было общим для всего кочевнического мира Евразии, и не только для кочевников, оно проникло и в среду оседлых народов. Поэтому здесь вполне уместным будет утверждение, что наборные пояса не несут на себе этнической окраски. В.Б. Ковалевская утверждает, что можно выделить только отдельные локальные варианты и ареалы типов, которые могут свидетельствовать о принадлежности к определённой хронологической группе или к тому или иному ремесленному центру [5, с. 5]. В данном случае к такому ремесленному центру можно отнести Билярское II селище Волжской Болгарии.

Литература

1. Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа. Клад // Материалы и исследования по археологии СССР 62. Труды Волго-Донской Археологической экспедиции I. М.; Л., 1958. С. 53–56.
2. Беговатов Е.А. Древние ремесленники Приуралья // Ремесленный комплекс Билярского II селища. Ижевск, 2001. С. 148–159.
3. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.
4. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
5. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв.. Пряжки. М., 1979.
6. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
7. Мурашёва В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
8. Мурашёва В.В. Технология изготовления поясных накладок из Гнёздова // ВМУ. Серия «История». М., 1989.
9. Макарова Т.И., Плетнёва С.А. Пояс знатного воина из Саркела // Советская Археология. № 2. М., 1983.
10. Плетнёва С.А. От кочевий к городам. М., 1967.
11. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.
12. Плетнёва С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.
13. Пашуто В.Т. Древняя Русь и Венгрия // Славяне и Русь. М., 1968.
14. Фоякова (Чувилло) Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань, 2010.
15. Фоякова Н.А. Хазары. Евреи и славяне. Том 16 // Черты иконографии и стиля изображений, животных в художественном металле Хазарии VIII–IX вв.. Иерусалим; М., 2005. С. 372.

«УГОРСКАЯ ЭПОХА ПРИКАМЬЯ» – ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

И.Ю. Пастушенко

Удмуртский государственный университет, г.Ижевск

В последние годы в археологии Урало-Поволжья довольно сильно муссируется идея «угорской эпохи в Прикамье». Эта концепция, как и само понятие, защищается преимущественно Е.П.Казаковым и исследователями Камской археолого-этнографической экспедиции ПГПУ во главе с А.М.Белавиным и Н.Б.Крыласовой, которые неоднократно озвучивали данное положение в литературе и на различных научных конференциях. Применяется оно преимущественно к эпохе средневековья. Но утвердившееся в современной археологии мнение о сложении основной массы культур раннего средневековья Прикамья и Приуралья на основе смешения пришлого и местного населения вынуждают их опускать нижнюю границу «эпохи» все глубже и глубже в прошлое, так как роль пришлых племен признать основополагающей в генезисе местных культур весьма сложно, так же как и угрозычность всех пришлых племен. Таким образом, появилась концепция А.М.Белавина и ряда его учеников и последователей, согласно которой гляденовцы были местными приуральскими уграми, появившимися в регионе достаточно давно (по всей видимости, с ананьинского времени) и жившими совместно (порой чересполосно) с группами пермских финнов (Белавин, 1996, с.61; 1999, с.10; 2002, с.117; Белавин, Крыласова, 1997, с.133–134; 2002, с.140–141; Белавин, Голдобин, 2002, с.104–105). Опирается она очевидно на положение об участии в этногенезе Прикамья эпохи поздней бронзы (а следовательно, и ананьинской этнокультурной общности) черкасульских и межовских племен, скорее всего угорских. Данный взгляд на проблему настолько своеобразен, что до сих пор не получил «должной» оценки в археологической литературе, опускается он и нами как выходящий за рамки данной конкретной работы.

Как бы то ни было, в силу постоянного упоминания в литературе угров, как участников этно- и культурогенеза в Прикамье, или как носителей традиций той или иной археологической культуры региона, особенно в условиях отнесения к уграм (различными авторами) практически всех средневековых культур региона и сложилась в прикамской археологии «ИДЕЯ» об «угорской эпохе в Прикамье». То есть, исходя из термина, следует предположить, что в истории Прикамья довольно длительный отрезок времени, сопоставимый с понятием «эпоха», был связан преимущественно с угорскими (угрозычными) племенными образованиями, игравшими в истории региона главенствующую роль и господствовавшими в политических и этнических процессах, происходивших в Прикамье.

Я не отрицаю того, что отдельные группы угорского населения участвовали в исторических событиях в Прикамье в различные моменты времени, но утверждать о существовании целой эпохи, мне кажется не только преждевременно (не столь уж и хорошо изучена проблема), но и практически абсурдно.

Обратимся к анализу проблемы, сложившейся в современной уральской археологии. И в первую очередь укажем основные «претензии», которые можно и должно предъявить «угроведам»:

- отсутствие единства в определении времени бытования угорских племен и оставленных ими археологических памятников (культур) в Волго-Уралье;
- отсутствие единства в определении территории, заселенной угрозычными племенами;
- отсутствие единого перечня археологических культур, соотносимых с уграми;
- не разработанность, а точнее просто замалчивание, как крайне не удобных, вопросов генезиса этих культур и их исторической судьбы;
- и, как следствие, полная неразбериха (точнее полный бардак) с якобы маркирующими угорские племена и культуры признаками материальной и духовной культуры; а также произвольный их перенос с одной культуры на другую.

В последнее время работы сторонников «угорской эпохи» в истории Прикамья и Приуралья страдают и от ярко выраженной тенденциозности (доведенной порой до неприличия).

Из текста того или иного автора, даже сторонника угорской теории, просто вырываются нужные куски, а на все остальное глаза закрываются – ведь есть сноска, автор солидный, кто поверит... Часто мы видим и полное игнорирование мнения и работ (даже опубликованных) противников своей концепции. А зачастую авторы «забывают» и свои собственные работы более раннего времени, если они не укладываются в новую концепцию. Классический пример – работа Л.А.Голубевой 1966 года, где она говорит об угорской принадлежности носителей традиции изготовления коньковых подвесок, ссылаясь на базовые (для того времени) труды О.Н.Бадера, В.Ф.Генинга, В.А.Оборина. Зато в последующем более значимом труде (1979) нет и упоминания об этнической принадлежности этих племен и культур, поэтому найти ссылки на нее в работах «угроведов» весьма сложно.

Попытка свести в единый более-менее полный и структурированный список признаков материальной и духовной культуры «угров» (последняя по времени и наиболее детализированная) была предпринята Н.Б.Крыласовой (2007). В его основу положены, в первую очередь преимущественно тезисные работы Е.П.Казакова (2001, 2002, 2003, 2007), а также высказывания Е.А.Халиковой, А.М.Белавина, К.А.Руденко и собственные изыскания автора (Н.Б.Крыласовой). Эта работа и использована в качестве базового плана для антитезы «угорской теории».

«Важнейшей чертой угорской культуры» (по Е.П.Казакову, а судя по ссылке на последнего, и по Н.Б.Крыласовой) является «лепная круглодонная посуда, украшенная оттисками веревочки и гребенки, штампованной и резной орнаментацией, с примесью толченой раковины или талька в тесте» (Казаков, 2001, с.160; Крыласова, 2007, с.166). Исходя из этой крайне краткой формулировки, под понятие угорских подпадает огромная масса культур Зауралья, Урала и Приуралья. При этом данное определение керамического комплекса можно простить только дилетанту – опущены практически все основные характеристики глиняной посуды, а часть просто свалена в кучу. Да и сами авторы предпочитают не детализировать эту и в самом деле «важнейшую» черту материальной культуры средневекового населения региона. Информация о технологии производства посуды сведена к упоминанию об использовании в формовочных массах толченой раковины или талька. Фраза вызывает только недоумение – это совершенно разные культурные традиции, одна приуральская, вторая зауральская, смешение которых фиксируется в крайне незначительных проявлениях только на ряде неволинских памятников и больше нигде. Предположить же замещение одного технологического принципа на другой в данном случае просто невозможно – раковина использовалась для придания глине пластичности при лепке и сушке сосудов, а тальк – огнеупорности при ее обжиге, да и является он естественной примесью (сведений об использовании в гончарстве чистого, «благородного» талька в литературе нет). Нет данных о формовке посуды, кроме того, что она вся лепная, не указаны способ обработки поверхности, характер обжига (хотя бы указание цветности посуды). Совершенно не упомянута форма посуды – она круглодонная, а дальше? – форма тулова, горловины, венчика? В орнаментации нет ни степени оной, ни анализа элементов и композиционных схем, их размещения на сосуде. Перечислены только техники нанесения узоров: шнуровая, гребенчатая, штампованная и резная орнаментация. Под которые, при определенном допуске (до сих пор существующем в уральской археологии), можно подвести и ямочные вдавления с чеканом (как штампованные), и прочерченную (как резную), и псевдорезную (как резную или штампованную), то есть все варианты украшения глиняной посуды кроме раскрашивания, ангобирования и декорирования сосудов налепными элементами. Что делать человеку не знакомому с реальным положением дел?

Да и само понятие «гребенчато-шнуровая керамика» понимается сторонниками угорской концепции совершенно по-разному. Так Е.П.Казаков, имеет в виду, в первую очередь, гребенчато-шнуровую посуду из памятников типа Селянино Озеро – Кишертъ и чияликской культуры, а также керамику так называемого «постпетрогромского» типа. Где в орнаментации одного сосуда в композиции использованы элементы, выполненные и в шнуровой, и в гребенчатой технике. У пермяков же учитываются сосуды с орнаментом и чисто шнуровым, и чисто гребенчатым, и там где эти техники совмещены друг с другом или с иными приемами (Белавин, Крыласова, 2008, с.183–184). Если же сравнить шнуровую керамику даже трех

«угорских» культур (неволинской, ломоватовской, полемской), то различия в технологии производства, форме сосудов, орнаментации видны невооруженным взглядом, да и составляет она далеко не самую господствующую группу керамики даже на погребальных памятниках, чтобы по ней характеризовать всю культуру.

«Еще одним важным маркером угров» являются погребальные маски (Казаков, 2001; Крыласова, 2007, с.166–168). Хотя правильнее было бы сказать – металлические детали погребальных лицевых покрытий. Последние распространены крайне широко, что совершенно естественно при желании защитить лицо умершего от попадания на него земли при погребении. Металлические детали в виде собственно масок, а также наглазников и нагубников встречаются значительно реже. В Приуралье мы имеем как минимум три различных типа масок: «очки» (иногда в сочетании наглазники с нагубником), «портретные» маски и нашивные пластинки, они имеют хронологические и территориальные различия и в полном наборе не известны ни в одной из уральских культур. Не вдаваясь в нюансы проблематики, сошлемся (опуская достаточно многочисленные сноски автора) как на пример анализа вопроса на одну из достаточно ранних работ В.М.Зубарь (1982, с.109–113, рис.75,76): «Обычай использования в погребальном обряде масок и лицевых пластин существовал у многих народов, которые не были объединены ни территориально, ни хронологически, ни этнически. Он зародился самопроизвольно на определенном этапе развития и, очевидно, был связан со сходными представлениями о смерти и потустороннем существовании у различных народов. Этот обряд получил широкое распространение в Восточном Средиземноморье и Передней Азии». Здесь же приведены довольно многочисленные аналогии из памятников Крыма и Северного Причерноморья, наиболее близкие территориально и хронологически к наиболее ранним находкам масок в Прикамье и Приуралье, к тому же они близки местным материалам и типологически. «Портретные» маски также имеют «анalogии» в этом же регионе (см. например Шаров, 2009). Все это позволяет предположить, что данный элемент погребального был привнесен в Приуралье извне и получил определенное развитие у местного населения. Где-то он прижился, где-то был забыт. Ссылка на «маски» чияликских племен (по мнению большинства исследователей, действительно являвшихся уграми) вообще ошибочна – их там просто-напросто не было, или они не известны современной археологической науке (Пастушенко, 2005). Исходя же из тезиса «угроведов» мы можем назвать уграми и Тутанхамона, и владык Микен и даже Тикаля.

Одним из значимых маркеров угров является, по Н.Б.Крыласовой, «использование в погребальном обряде шкуры лошади или отдельных частей коня, в частности голов или нижних челюстей, которые помещались в погребальные или поминальные комплексы (Казаков, 2001. С.160)» (Крыласова, 2007, с.168). Хотя у самого Е.П.Казакова фраза построена совершенно по иному: «В отличие от тюркских кочевников, которые клали имитации лошади в виде набитой соломой шкуры (куклы) вдоль погребенного, угры имитировали из шкуры с оставленной в ней головой и ногами животное в позе отдыха» (Казаков, 2001, с.160). Но данный элемент не встречается ни в одной из лесных «угорских» культур... Нам не известны ни поминальные комплексы, ни захоронения черепа и ног коня (шкуры). Так в неволинской культуре (которую чаще всего склонны считать угорской) кости лошади встречаются разрозненно в межмогильном пространстве и в курганных канавках, они представлены преимущественно черепами. Кости ног отмечены только в материалах Неволинского могильника, но там есть и тазовые кости... К тому же наряду с лошадью найдены черепа (10,2% от всех черепов животных за 1981–1982 гг. исследования) и кости крупного рогатого скота. На Верх-Саинском могильнике черепа (других костей нет) лошади и крупного рогатого скота представлены в соотношении 88,5% и 11,5%, там же найдены зуб мелкого рогатого скота и плечевая кость свиньи. Таким образом, говорить об исключительном использовании лошади в погребальном обряде (по крайней мере, неволинской культуры), тем более в качестве животного, транспортирующего тело умершего в загробный мир, не приходится. Та же картина видна по материалам Варнинского (полемская культура) и Аверинского II (ломоватовская культура) могильников (Петренко, 2000, с.46–54, 123–140). Да и цитируемый тезис Е.П.Казакова можно легко опровергнуть, обратившись к его собственной работе 1984 года (Казаков, 1984). В ней он убедительно показывает, что данный элемент погребального обряда имеет давние истоки и харак-

терен для достаточно многих культур Евразии, в том числе для ранних булгар, тюркскую принадлежность которых вряд ли кто оспорит.

Также вызывает недоумение и последующий пассаж Н.Б.Крыласовой о конской сбруе, санях, нартах и лодках как транспорте для умерших. Данные элементы погребального обряда можно найти в различные эпохи у самых разных народов Евразии. Вспомним хотя бы варягов, угрозязычность которых можно предположить лишь в горячем бреду. В том числе они действительно применялись эпизодически и уграми, что не делает их культурными, а тем более, этническими маркерами.

Таким образом, три основных репера угров оказались несостоятельными, они не выдерживают даже элементарной поверхностной критики.

Помимо этого, в статье Н.Б.Крыласовой перечисляется еще целый «ряд свойственных угорской культуре элементов». На первом месте находятся «святилища («клады» художественного металла)». Действительно традиционно считалось, что серебряная посуда, поступавшая в Приуралье и Зауралье в обмен на пушнину, использовалась местным населением в культовой практике (Оборин, 1956, с.177; Смирнов, 1957, с.28–31; Лещенко, 1966, с.319; Луногов, 1968, с.257–258). А такие комплексы как Бартымские находки в литературе интерпретировались как святилища (Бадер, 1951, с.198–200; Бадер, Смирнов, 1954, с.20–25). При этом авторы ссылались на наличие у ряда предметов графити, нанесенных местным населением, отверстий для подвешивания, но в первую очередь на этнографические данные, а точнее на работу В.Н.Чернецова «К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье» (1947).

Наиболее подробно этот вопрос был рассмотрен В.Ю.Лещенко (на него и ссылаются угроведы), который наряду с культовым характером использования серебряных сосудов, достаточно критично отнесся к определению Бартымского комплекса кладов как остатков святилища, указав на отсутствие на сосудах следов их культового применения, не исключая, однако, что иные комплексы типа Аниковского и Мартыновского являются как раз такими святилищами. Писал он и о возможности их применения в быту и не исключал концентрации части их в руках отдельных владельцев, что могло произойти в условиях развивающейся имущественной дифференциации (1976), к этой же мысли приходили и другие исследователи (Мацулевич, 1940, с.157; Оборин, 1956, с.177). А, например, Н.В.Федорова вообще склонна к мысли, что основная масса посуды поступала в Приобье как престижная ценность для родоплеменной аристократии (2002; Сокровища..., 2003, с.15).

В целом, культовое использование серебряных сосудов, на наш взгляд, можно считать достоверным и полностью доказанным лишь для обских угров (ханты и манси), о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные (Чернецов, 1947; Гемуев, 1988; Гемуев, Бауло, 1999; Бауло, Маршак, 2001; Бауло, 2000; 2002а; 2002б).

Да и сама формулировка признака вызывает недоумение – то ли святилища, то ли клады, пусть и художественного металла. Первые вообще-то характерны для всех народов с определенным типом религиозных представлений, как и сокрытие в земле особо ценных вещей (в том числе и художественного металла) в случае опасности. Но в Приуралье это стало как-то вдруг этническим маркером.

«Звериные стили в предметах культового литья (Пермский, Печорский и Обско-Сибирский)», «сюжет с медведем «в жертвенной позе», «изображения птиц с распахнутыми крыльями и антропоморфным изображением на груди», «изображения шагающего животного в профиль, помещенного на основание («всадница на змее» или «пермский всадник»)» – целый список признаков, являющихся, по мнению многих исследователей, достаточно ярким маркером «угорских» культур. Ну а почему бы его не считать маркером пермских культур? или угорских и пермских культур Урала в целом?

Но и здесь имеется целая серия подводных камней для «угроведов». Во-первых, значительная часть изображений выполнена в новых технологических традициях, не характерных для региона в предшествующее время, таких как объемное литье, литье по модели (возможно и восковой), двустороннее литье, штамповка. Найти истоки этих традиций в угорском мире вряд ли удастся – не тот исходный уровень бронзолитейного производства. Скорее всего, эти инновации были привнесены более развитыми в технологическом плане группами населения,

пришедшими с юга (Южный Урал, Приаралье и Средняя Азия, Причерноморье и Приазовье), то есть никак не уграми. Во-вторых, особенности декорирования изделий, прорисовки деталей, те же технологические инновации. В-третьих, появление новых сюжетов, большинство из которых известно далеко не по угорской мифологии, а если и по ней, то в качестве иранских заимствований (например, миф о Мир-Сусне-Хуме). Среди них сюжеты терзания, птицы с песьей головой («сенмурва»), всадника-всадницы, гигантской птицы с антропоморфными чертами и т.д.

Да и аргументация порой подводит, например, тезис о почитании уграми шкуры коня на юге угорского ареала, а медведя – на севере. Но изображений коня (многочисленные подвески, кресала, копоушки и т.д.) на севере не меньше, если не больше, чем на юге. Специфика изображения медведя «в жертвенной позе» – то есть позы туши мертвого зверя или снятой шкуры. А где специфика? В той же пещере Monte Spain мы находим палеолитическое скульптурное изображение медведя «в жертвенной позе» – оно весьма традиционно и наиболее просто в исполнении. А сам культ медведя никогда не был угорской прерогативой ни на Урале, ни в Евразии. Ну и «пермский всадник»? – чем не Георгий Победоносец, попирающий змея? А всаднице мы легко найдем аналогию в славянской Мокоши. Комментарии думается излишни.

В важные угорские маркеры попадают такие черты материальной культуры как «основные типы подвесок, использовавшихся в качестве наконечников: арочные и биконьковые шумящие, колесовидные, трапециевидные (крупные ажурные подвески в виде стилизованных лапок водоплавающих птиц)», а также «поясные наборы с характерными накладками и сумочками». Это практически все типы подвесок, основная масса которых появляется в регионе после бурных этнополитических событий IV–VII вв. в степях Евразии, то есть является привнесенной чертой материальной и духовной (реальное отражение/проявление различного рода культов – солярного, близнечного, коня, всадника и т.д.) культур. На местной же базе происходит бурное развитие многих заимствованных видов украшений, изменение их бытового и семантического значения, массовое появление чисто местных типов изделий (классический пример те же самые упомянутые Н.Б.Крыласовой костяные копоушки). Во многом, этот процесс зависел, как и постоянное изменение поясной гарнитуры, от общего развития моды.

Поэтому довольно странно выглядит положение о том, что художественный металл ранней Волжской Болгарии носил смешанный характер – синтез угорских традиций и элементов среднеазиатской торевтики. Возможно, ювелирное дело болгар и впитало некие черты местных этносов, включенных в их состав, но это могли быть лишь отдельные композиции и сюжеты, но ни как не технологические аспекты. То есть фразу стоило бы для начала переформулировать – синтез среднеазиатских традиций и местные элементы литейного дела. Предположить, что в основу ремесленного производства болгар легло местное бронзолитейное дело весьма сложно, даже с разного рода натяжками. Имея высокий уровень развития, ремесло крупного государственного образования было заинтересовано в рынках сбыта своей продукции, но еще более оно было заинтересовано в получении прибыли, то есть в широком и массовом спросе, в том числе и у соседних народов. Это требовало внесения чуждых для болгар элементов в массовую продукцию, но не делает ее маркером, тем более этническим, иного народа. Так легко договорится до того, что маркерами культур аборигенов Африки и Америки были бусы, зеркальца, обрезки цветного металла и масса прочего «товара», поставлявшего им европейцами. Запросы уральского населения были гораздо выше, что определялось ценностью местных продуктов и давними связями (зачастую опосредованными) с различными ремесленными центрами Азии, Европы и Переднего Востока, что требовало от ремесленников Волжской Болгарии высокого качества поставляемой на местные рынки продукции. Но производство этномаркирующих предметов или вещей культового назначения стоит еще доказать, особенно для мусульманского государства. Скорее всего, это яркая иллюстрация торгово-обменных операций болгарских купцов или политических контактов властных структур Болгарии с окружающим их миром местных племен.

Здесь имеется и еще один аспект. О наличии угорских групп в составе населения Волжской Болгарии свидетельствуют материалы ряда погребений раннеболгарских могильников

(Танкеевский, Большие Тиганы), что не бесспорно, так как даже в них видна многокомпонентность не только болгарского этноса, но и местных племен (в том числе «угорских» неволинцев, полонцев, ломоватовцев, на фоне кушнаренокво-караякуповских групп). А также полуполюгендарное сообщение о встрече монаха Юлиана со старой венгерской женщиной. Но в это же время в составе Волжской Болгарии четко выделяется (на основании целого ряда письменных свидетельств) многочисленная группа праудмуртских племен, имевших достаточное компактную территорию проживания – народ/страна Ару. Именно с ними следует связывать и пресловутую «угорскую» керамику «постпетрогромского» типа Е.П.Казакова. То есть и точки зрения письменной истории гораздо проще найти в Прикамье пермян, нежели угров.

Под конец статьи, количество угорских маркеров резко возрастает, но резко сокращается аргументация. Вслед за Натальей Борисовной я также не буду приводить ссылки на источники, думаю это и не нужно. Возглавляют список «пластинчатые варганы», но на них играют практически все народы Сибири и Дальнего Востока. Далее названо «использование в погребальном обряде деревянных сосудов с металлическими обкладками по верхнему краю», что просто повергнет в шок любого, знакомого с археологией эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья, как степной его полосы, так и лесной – ведь в угры попали, например, и скифы с сарматами, и марийские и мордовские племена. А далее просто идет перечисление тех категорий инвентаря, которые характерны для ломоватовско-родановских памятников.

Таким образом, основной идеей работы Н.Б.Крыласовой является определение населения, оставившего памятники ломоватовско-родановского типа как угорского, ибо вся совокупность рассматриваемых ею признаков (точнее почти вся) характерна только для них. По мере встречаемости тех или иных «маркеров» в других археологических культурах, они также включаются в угорские. Такая судьба постигла неволинские, полонские, ванвиздинские памятники, по всей видимости, и поздние могильники на Оби и в Зауралье в целом. При этом из расклада практически выпали кушнаренокво-караякуповские древности, именно те, которые большинство исследователей связывает именно с уграми, предками венгров. А происходит это только по тому, что лесные культуры Прикамья и лесостепного Приуралья, хотя и имеют некоторые черты сходства, настолько далеки друг от друга, что включить их в единую этнокультурную общность практически невозможно, либо последняя будет создана совершенно искусственно, в отрыве от конкретного материала.

Из вышесказанного следует, что утверждать о существовании в Прикамье (Приуралье, Предуралье, Волго-Уралье) «угорской эпохи» на основе археологических данных нет абсолютно никаких оснований.

Здесь хотелось бы привести и точку зрения представителей смежных исторических дисциплин – этнологии и этнолингвистики: В.В.Напольских (2001, 2002, 2008) и С.К.Белых (2009), которая старательно умалчивается сторонниками «угорской теории». Выделим два основных положения, которые на сегодняшний день наиболее хорошо доказаны. Во-первых, «на сегодняшний день нет никаких оснований говорить о сколько-нибудь заметной роли угороязычного (будь то праугры-манче, носители древних обскоугорских диалектов, правенгры или манси) населения в этнической истории Прикамья и среднего Предуралья (кроме указанных выше эпизодов)» (Напольских, 2008, с.22). «Указанные выше эпизоды» касаются исторически и этнографически зафиксированного проживания отдельных групп манси по западному склону Урала, на периферии территории занятой русскими и коми-пермяками. Во-вторых, «среди сформировавшихся в Прикамье в постананьинское время археологических культур с наибольшей вероятностью с общностью *эндопермян*, т.е. прямых языковых и этнических предков современных удмуртов и коми, может быть связана *гляденовская* АК (III в. до н.э. – V в. н.э.) Среднего и Верхнего Прикамья, а также генетически связанные с ней и происходящие от нее в последующее время *полонская*, *ломоватовская* и *неволинская* АК (V–IX вв.)» (Белых, 2009, с.119). Как говорится, комментарии излишни.

Таким образом, ответ на вопрос, озвученный в названии данной статьи, лежит на поверхности – «УГОРСКАЯ ЭПОХА ПРИКАМЬЯ» – ВЫМЫСЕЛ.

Литература

- Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1949 г. // КСИИМК. Вып.39. М.;Л, 1951.
- Бадер О.Н., Смирнов А.П. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры: Бартымское местонахождение // Труды ГИМ. Вып.13. М, 1954.
- Бауло А.В. Серебряное блюдо с Малой Оби // Археология, этнография и антропология Евразии. №4. Новосибирск, 2000.
- Бауло А.В. Сасанидское серебряное блюдо с р.Сыня // Археология, этнография и антропология Евразии. №1. Новосибирск, 2002а.
- Бауло А.В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002б.
- Бауло А.В., Маршак Б.И. Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. №3. Новосибирск, 2001.
- Белавин А.М. О роли угров в этнической истории Верхнего Прикамья // XIII УАС: Тезисы докладов. Ч.II. Уфа, 1996.
- Белавин А.М. Взаимодействие населения Приуралья и Зауралья в древности и средние века // XIV УАС: Тезисы докладов. Челябинск, 1999.
- Белавин А.М. Ранний железный век // Очерки археологии Пермского Предуралья: Уч. пособие для студентов и аспирантов. Пермь, 2002.
- Белавин А.М., Голдобин А.В. Ананьинская общность (VIII–III вв. до н.э.) // Очерки археологии Пермского Предуралья: Уч. пособие для студентов и аспирантов. Пермь, 2002.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Поздний железный век. Период средневековья в Предуралье. IV–XV вв. // Очерки археологии Пермского Предуралья: Уч. пособие для студентов и аспирантов. Пермь, 2002.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008.
- Белых С.К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск, 2009.
- Гемуев И.Н. Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. №3. Вып.1. Новосибирск, 1988.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск, 1999.
- Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. №3.
- Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Е1–59. М., 1979.
- Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982.
- Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.
- Казаков Е.П. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докладов междунар. науч. конф. Оренбург, 2001.
- Казаков Е.П. Художественный металл угров Урало-Поволжья в древностях волжских болгар IX–XIV вв. // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2002.
- Казаков Е.П. Динамика развития и взаимодействия угорских культур Урало-Поволжья эпохи средневековья // Международное (XIV уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003.
- Казаков Е.П. Волжские болгары, Угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007.
- Крыласова Н.Б. Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской науч. конф. Сыктывкар, 2007.
- Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Неволинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры: Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2001.
- Лещенко В.Ю. Сасанидское блюдо Пермской художественной галереи // СА. 1966. №2.

- Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
- Луногов И.А. Сасанидское блюдо из Прикамья // СА. 1968. №4.
- Мацулевич Л.А. Византийский антик в Прикамье // МИА. №1. М., 1940.
- Напольских В.В. «Угро-самодийцы» в Восточной Европе // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (5). Новосибирск, 2001.
- Напольских В.В. «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: заблуждения и реальность // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. Казань, 2002.
- Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема угорского участия в этнической истории Предуралья // ВАУ. Вып.25. Екатеринбург-Сургут, 2008.
- Оборин В.А. Сасанидское серебряное блюдо из д. Шудьякар // ВДИ. 1956. №2.
- Пастушенко И.Ю. К вопросу о чияликских «погребальных масках» // Finno-Ugrica. 2005. №1 (7–8). Казань.
- Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000.
- Смирнов А.П. Новая находка восточного серебра в Приуралье // ТГИМ. Вып. XXV. М., 1957.
- Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: Каталог выставки. Салехард-СПб., 2003.
- Федорова Н.В. Византийское сокровище угорских князей // Родина. 2002. №1. М.
- Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды ИЭ. Нов. серия. Т. I. М., 1947.
- Шаров О.В. Золотая маска из Керчи // РА. 2009. №3.

ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIII В.

А.В. Пачкалов

Финансовая академия при Правительстве РФ, г. Москва

Вплоть до настоящего времени вопросы периодизации материальной культуры Золотой Орды остаются малоисследованными. Если обратиться к монографии В.Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.», то мы увидим, что в ней приведены данные о золотоордынских городах практически без рассмотрения информации по их датировке. На мой взгляд, в настоящее время важно систематизировать информацию, относящуюся к датировке памятников Золотой Орды. В данной статье собрана информация о тех нижеволжских населенных пунктах, которые, по имеющимся данным, существовали в XIII в. Актуальность этой темы очевидна. М.Г. Крамаровский в одной из недавних работ справедливо отметил, что «сейчас о материальных аспектах воинской культуры Джучидов (не только воинской культуры, но и всей культуры Золотой Орды. – *А.П.*) приходится судить, главным образом, по находкам XIV в. В сущности, ранний этап в пределах первой половины – 60-х гг. XIII в. в археологии Золотой Орды пока еще темен из-за отсутствия надежных атрибуций» (Крамаровский, 2004. С. 58).

Главными основаниями для датировки того или иного населенного пункта XIII веком являются данные письменных источников (упоминания города применительно к событиям XIII в.), нумизматики (чеканка монеты), археологии (находки на археологическом памятнике монет XIII в.). По нумизматическим данным известно, что в денежном обращении XIV в. монеты практически не принимали участия. Т.е. находки монет XIII в. позволяют считать, что населенный пункт существовал в XIII в. Резкая смена монетного обращения в начале XIV в. прослеживается по кладовым комплексам. Среди кладов XIV в. известно только несколько, содержащих редкие монеты, чеканенные до 1310 г. (Федоров-Давыдов, 1960. С. 95, 103). Средневековые европейские карты в данном вопросе малопригодны. Обозначения ордынских городов появляется только на картах XIV в., при этом можно только предполагать, что некоторые из этих городов могли существовать еще и в XIII в. Так, может быть, в XIII в. возник город Котоба в дельте Волги, обозначенный на карте А. Дульцера уже в 1339 г.

В.В. Бартольд отмечал, что «на нижнем течении Волги новые города устраивались уже при Батые» (Бартольд, 2002. С. 136). В.А. Иванов и А.Ф. Яминов указывают даже, что в период правления Берке «территория государства буквально покрывается сетью больших и малых городов», а в городах появляются памятники мусульманской культовой архитектуры (Иванов, Яминов, 1999. С. 45, 60). Однако, едва ли таких пунктов было много на территории всего Поволжья при Бату и Берке. Прав был Е.П. Мыськов, который отметил, что при Берке «городская культура Золотой Орды находилась в стадии становления, крупные торговые-ремесленные центры представляли собой лишь отдельные островки в бескрайнем море кочевого мира, а процент городского населения был ничтожно мал» (Мыськов, 2003. С. 79). Исходя из имеющихся данных, вряд ли можно говорить о каком-то особом подъеме градостроительства при Берке, применительно к территории Нижнего Поволжья.

По письменным источникам известны только два нижеволжских золотоордынских города, существование которых в XIII в. сомнений не вызывает. Это Сарай и Укек¹.

Сарай – персидское слово, еще до монгольских завоеваний перешедшее в тюркский язык. Основан Сарай был уже при Бату, однако собственно столицей государства Сарай стал не раньше времени правления Туда-Менгу или Токты (Григорьев, 1845. С. 201). Первое упоминание о Сарае находим у Гильома Рубрука (Сарай – «новый город, построенный Бату на Этилии») (Рубрук Гильом, 1997. С. 179). Рубрук, посетивший Сарай в 1254 г., сообщает, что «Сарай и дворец Бату находятся на восточном берегу (Рубрук Гильом, 1997. С. 181). Сарай упоминается также у Марко Поло (Книга Марко Поло, 1997. С. 193).

¹ Гильом Рубрук упоминает также населенный пункт на берегу Волги, принадлежавший сыну Бату Сартаку, не называя, однако, имени города.

Турецкий ученый XVII в. Кятиб Челеби (Хаджи Хальфа) сообщает, что в 651 г.х. (1252/1253 гг.) по повелению Батые был построен город Бахчисарай. В.В. Григорьев, О. Домбровский и В. Сидоренко полагают, что здесь присутствовала ошибка со стороны автора книги или переписчика, и вместо «Бахчисарая» правильным чтением является «Сарай» (т.к. крымский город Бахчисарай был основан значительно позднее) (Григорьев, 1845. С. 196; Домбровский, Сидоренко, 1978. С. 35). Не доверяя полностью этому сообщению, В.В. Григорьев полагает, что основание столицы надо датировать между 1242 г. и 1254 г. (Григорьев, 1845. С. 196). Р. Фахретдин совершенно необоснованно, на мой взгляд, относил время возникновения столицы к очень раннему времени – 1235 г. (Фахретдин, 1995. С. 124). Мнение о том, что Сарай был основан около 1241 г. (Dawson, 1955. P. 209) также не находит подтверждений в источниках. Сообщение Мирхонда и Хондемира об основании Сарая в 654 г.х. (1255/1256 гг.) (Григорьев, 1845. С. 193) опровергается свидетельством Рубрука, видевшего город уже в 1254 г.

Во втором и третьем изданиях БСЭ основание Старого Сарая приписывают Бату. Во втором издании – это 1240-е гг. (БСЭ, XXXVIII, 1955. С. 95), а в третьем – 1254 г. (БСЭ, XXII, 1975. С. 588). Основание Нового Сарая в обоих изданиях приписывают Берке (в третьем издании указывается, что Сарай-Берке был основан около 1260 г.) (БСЭ, XXII, 1975. С. 588).

Ряд восточных авторов (Абульфеда, Джувейни, Вассаф, Шереф ад-Дин Иезди, Мухаммед Реза, неизвестный автор истории крымских ханов) относят построение Сарая к периоду правления хана Батые, без указания начальной даты (Григорьев, 1845. С. 479; Джувейни, 2004. С. 183; Тизенгаузен, 1941. С. 21, 85, 145; Aboulfeda, 1840. P. 303; Негри, 1844. С. 381).

В других источниках сообщается о построении города при хане Берке (эль-Дженнаби, Эломари, Ибн Арабшах, ал-Калкашанди) (Григорьев, 1845. С. 191; Тизенгаузен, 1884. С. 241, 460; Григорьев, Фролова, 2000. С. 70). Упоминание имени Берке в качестве основателя города, вероятно, является ошибкой. Еще В.В. Григорьевым было сделано предположение, что Берке «может быть действительно распространил, упрочил и украсил то, что при Батые только что образовалось в город, только что переходило в постоянное жилье из подвижного стана кочевого двора» (Григорьев, 1845. С. 198). По В.В. Бартольд, Сарай «только при Берке ... превратился в город в собственном смысле этого слова» (Бартольд, 2002. С. 507). Как посчитал А.Н. Насонов появление данной версии связано с популярностью у мусульманских авторов имени Берке – первого правителя Золотой Орды, принявшего ислам (Насонов, 1940. С. 119–120)². Существование в источниках имен Сарай-Бату и Сарай-Берке, подчеркивал А.Н. Насонов, «может и не указывать на существование двух Сараев» (Насонов, 1940. С. 119). Это объяснение встречается и в новейших работах (Рудаков, 2000. С. 306). Такого же мнения придерживался и Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1994. С. 21, 24). По его мнению, «два названия – Сарай-Бату и Сарай-Берке, вряд ли однозначно соответствовали ... Сараям» (Федоров-Давыдов, 1994. С. 24)³. В.Л. Егоров считал, что «оба названия (Сарай-Бату и Сарай-Берке) относились к одному городу – первой столице Золотой Орды, а не к Сараю ал-Джедид» (Егоров, 1985. С. 112). По его мнению, «употребление ... в качестве приставок имени того или иного хана диктовалось исключительно конъюнктурными общественно-политическими соображениями... Персоязычные летописцы предпочитали называть его Сарай-Бату, поскольку при этом хане хулагуидский Иран и Золотая Орда находились в дружественных отношениях, а Берке прервал их... Мусульманские правоведы и проповедники связывали город с именем Берке, первого хана, принявшего ислам» (Егоров, 1985. С. 112–113).

В письменных источниках практически не содержится дополнительной информации о городе Сарае в XIII в. Однако известно о существовании в Сарае в XIII в. христианского населения. Еще в XIII в. был учрежден Аквилонский викариат францисканского ордена с двумя кустодиями (округами) – Газарией и Сараем. В конце XIII в., по данным Дж. Федальто, был основан католический монастырь в Сарае (Fedalto, 1973. P. 408), а в 1315 г. в Сарае было

² В научной и научно-популярной литературе широко распространились, предложенные А.Ю. Якубовским, условные названия – Сарай-Бату (Старый Сарай, Селитренное городище) и Сарай-Берке (Новый Сарай, Царевское городище) (Якубовский, 1931. С. 7–8).

³ Встречается также упоминание Сарая Чингисхана (Челеби, 1979. С. 135).

основано католическое епископство. В 1261 г. была основана Сарайская православная епархия подчиненная Киевскому митрополиту. В одних исследованиях отмечается, что эта епископская резиденция размещалась в Сарае (Кобищанов, 2002. С. 17; Соловьев, 1894. С. 4), в других (Полубояринова, 1978. С. 27–28) только предполагается ее местоположение в столице Золотой Орды.

Город Укек также существовал уже в XIII в. Это подтверждается упоминанием его уже в Книге Марко Поло (Книга Марко Поло, 1997).

В XIII в. чеканка монеты осуществлялась в Сарае и в Укеке. Если в 1983 г. открытие монетного двора в Сарае относили к 681 г.х. (Мухамадиев, 1983. С. 13), то в 1990-е гг. – к 673 г.х. (Сингатуллина, 1992. С. 34). Позже в частной коллекции г. Саратова стал известен дирхем 671 г.х. (Лебедев, 2000. С. 277). В.П. Лебедевым был также опубликован дирхем с датой по хронограмме: «хну» = 656 г.х. Однако, предложенное чтение является только предположительным (Лебедев, 2000. С. 280). П.Н. Петров полагает, что чеканка в Сарае началась, возможно, в 660-е гг.х. (Петров, 2003. С. 7). Серебряные монеты в Укеке чеканились от имени хана Токты и без имени хана (известны монеты с датами 700, 706 или 707 г.х.). Н.И. Веселовский упоминает (не приводя изображения) два дирхема Менгу-Тимура, выпущенные в Укеке без обозначения года (Wesselowski, p. 10). О монетах Менгу-Тимура чекана Укека без ссылки на источник упоминает и А.П. Григорьев (Григорьев, 2004. С. 19). Л.Ф. Недашковский предполагает, что некоторые недатированные монеты Укека чеканились в 1266–1298 гг. (Недашковский, 2000. С. 146). Последние монеты Укека относятся ко времени правления Токты. А.З. Сингатуллина полагает, что «после закрытия укекского двора мастера и оборудование, вне всякого сомнения, были перевезены в Сарай» (Сингатуллина, 1998. С. 64). Очевидно, что чеканка монеты с обозначением «Укека» как место чекана непосредственно связана с чеканкой монет в Сарае. Монеты в Укеке чеканятся в самом начале XIV в., в то время, когда в Сарае чеканка монеты, возможно, была приостановлена (по крайней мере, нет монет, которые бы датировались этим временем). Мнение, что монетная чеканка в Укеке была рассчитана для местных нужд, т.к. монеты Укека «не проникали даже в пределы Сарая» (Сингатуллина, 1985. С. 24), нуждается в некоторой корректировке (в связи с находками монет на Красноярском городище и на могильнике Маячный бугор в дельте Волги).

Неясным является вопрос о времени возникновения города Хаджи-Тархан. Часто высказывается мнение об основании города в XIII в. (Россия. Полное географическое описание..., 1901. С. 538; Егоров, 1985. С. 119; 2000. С. 271; Шнайдштейн, 1979. С. 15). Датируется возникновение Хаджи-Тархана иногда более точно второй половиной XIII в. (Сафаргалиев, 1996. С. 349)⁴ или концом XIII в. (Арсланов, Викторин, 1995. С. 336). В Советской Исторической энциклопедии возникновение города также связывается с XIII в. (Попов, 1961. С. 910). Однако еще В.В. Бартольд считал временем появления города XIV в. (Бартольд, 1963. С. 711). По мнению турецкого автора XVII в. Эвлия Челеби, город был основан «в давние времена прародителем народа татар Чингисханом», а затем переходил от Кайтак хана к Хулагу хану, а от него – к Токтамышу (Челеби, 1979. С. 131). В позднем источнике – анонимном сочинении «Родословие тюрков», составленном не ранее середины XV в., город упоминается в связи с войной золотоордынского хана Берке и Хулагу (Тизенгаузен, 1884. С. 205).

Здесь, на мой взгляд, более вероятно экстраполяция поздней информации на раннее время. Важно отметить, что авторы XIII в. никогда не отмечали существования Хаджи-Тархана. В сочинении арабского географа Абульфида «Упорядочение стран» (721 г.х. – 1320/1321 гг.), несмотря на описание Нижнего Поволжья, Хаджи-Тархан также не упоминается (Aboulfeda, 1840. P. 323–324)⁵. Древнейшее упоминание города современником относится к 734 г.х. (Ибн Баттута) (Тизенгаузен, 1884. С. 301). Хаджи-Тархан отождествляется с городищем Жареный бугор (Шареный бугор). Монетный материал с этого памятника свидетельствует о появлении города только в 1320-е гг. (зафиксированы находки пулов 721 г.х.; монеты XIII в. отсут-

⁴ В более ранней работе – 1250-е гг. (Сафаргалиев, 1952. С. 29).

⁵ В «Распаде Золотой Орды» М.Г. Сафаргалиева ошибочно сообщается об упоминании Абульфидой Астрахани в двух днях пути от Сарая (Сафаргалиев, 1996. С. 351).

ствуют). Датировать появление Хаджи-Тархана XIII в. возможно только на основании поздних и малодостоверных источников (Эвлия Челеби, «Родословие тюрок»). На наш взгляд, Хаджи-Тархан возник приблизительно в 1320-е гг.

Г.А. Федоров-Давыдов в 1987 г. отмечал, что раннезолотоордынский культурный слой XIII в. отсутствует в «Сарае, Новом Сарае, Бельджамене и др.» нижеволжских городах (Федоров-Давыдов, 1987. С. 5). Действительно, слои этого времени на памятниках Нижнего Поволжья были выявлены в основном в последнее время. Рассмотрим данные о находках монет XIII в. на поселениях и городищах Нижнего Поволжья.

На Селитренном городище, которое отождествляется с городом Сараем XIII–XV вв., не выявлен раннезолотоордынский слой XIII в. (Федоров-Давыдов, 1987. С. 5; Иноземцева, 2004. С. 182). В одной из публикаций Поволжской экспедиции утверждалось, что при раскопках 1969 г. на Больничном Бугре был открыт культурный слой XIII в. (Егоров, Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970. С. 174), однако, основания для такого предположения остались неизвестны. Кроме того, один из авторов этой публикации позже писал об отсутствии слоя XIII в. на городище (Федоров-Давыдов, 1987. С. 5). Абсолютно мифологичны и сообщения об открытии на Селитренном городище руин дворца Батыя (Dawson, 1955. P. 209 и т.п.). А.З. Сингатуллина считает, что «отсутствие находок монет XIII в. на Селитренном городище и крайне малочисленный монетный материал в музейных собраниях – доказательство почти полного отсутствия денежного обращения в этом районе» (Сингатуллина, 1992. С. 34). Однако это не совсем так. Как мы увидим далее, монеты этого времени известны на других памятниках Нижнего Поволжья (на нескольких – в значительных количествах).

Отсутствие информации о слоях XIII в. на Селитренном городище привело к мысли о том, что слои этого времени располагаются на территории самого современного села Селитренное (Иноземцева, 2004. С. 184). Здесь долгое время не проводились археологические исследования. Однако, новейшие «раскопы, заложенные на территории села» в 2003 г., показали, что «под селом культурный слой гораздо менее насыщен, нежели на территории городища, расположенного севернее с. Селитренного. В ЮВ части села культурный слой местами отсутствует, местами отмечены пятна культурного слоя...» (Гречкина, Зеленева, Кутуков и др., 2004. С. 258). Таким образом, ни на территории под селом Селитренное, ни на территории самого городища, так и не было выявлено следов раннего Сарая.

Еще в 2001 г. мной была высказана гипотеза о локализации в XIII – начале XIV в. столицы Золотой Орды города Сарая на месте Красноярского городища (на месте г. Красный Яр в Астраханской области). Главными основаниями для такого предположения явилась поздняя датировка Селитренного городища, и монеты, найденные при раскопках Красноярского городища и могильника Маячный бугор, который является городским некрополем. Монеты XIII – начала XIV в. известны среди находок на городище (Пачкалов, 2009; Пачкалов, Скисов, 2009). Представительная серия монет XIII – начала XIV в. была найдена при исследовании погребений могильника Маячный бугор (29 погребений с монетами, последние из которых относятся ко времени хана Узбека) (Пигарев, 2000. С. 287–290; Пачкалов, 2002. С. 180, № 8–17).

Безусловно в XIII в. существовал населенный пункт на месте Самосдельского городища в дельте Волги. На городище в различное время были найдены джучидские монеты XIII – начала XIV в. (Гончаров, 2001. С. 2; 2003. С. 240–241). Самые поздние ордынские монеты в островной части городища относятся к 1330 гг. (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2002. С. 399; 2003. С. 134).

Вызывает интерес отсутствие в слое Красноярского городища и в соседним с ним грунтовым могильнике находок обильных эмиссий 1340-х гг. Эта черта сближает монетное обращение Красноярского и Самосдельского городищ. На мой взгляд, это объясняется оставлением данных поселений в связи с повышением уровня Каспийского моря (Пачкалов, 2007).

На юго-восточной окраине г. Астрахани расположено городище Мошаик. К сожалению, на памятнике не была собрана коллекция золотоордынских монет, что затрудняет датировку городища в золотоордынское время. Е.В. Шнайшштейн датировала нижний слой городища до середины XIV в., полагая, что населенный пункт был затоплен в середине XIV в. (Шнайш-

штейн, 1979. С. 201–204; 1989. С. 3–4). Исходя из этого, можно предполагать, что судьба памятника была схода с судьбой населенных пунктов на месте Красноярского и Самосдельского городищ. На мой взгляд, вероятно, что городище Мошаик было населено в XIII в. (на памятнике имеются не только слои XIII–XIV вв., но и слои домонгольского времени). Однако уверенно подтвердить это могут только находки джучидских монет, выпущенных до 1310 г.

Отсутствие представительного комплекса монетных находок на городище у пос. Комсомольский (Аксарайский) в Астраханской области также не позволяет делать уверенных выводов о датировке данного памятника. Указывается о находках здесь серебряных и медных монеты 1340–1390-х гг. (Блохин, Яворская, 2006. С. 133). Однако, И.В. Волков считает, что на памятнике все же «присутствует слой XIII в., по крайней мере до 80-х гг., а затем жизнь исчезает вплоть до конца XIV в.» (Волков, 2003. С. 127). Здесь был исследован большой мавзолей, в котором была найдена золотая египетская монета султана Бейбарса, чеканенная в XIII в. (Федоров-Давыдов, 1994. С. 35). Однако эта находка еще не является достаточным основанием для датировки населенного пункта XIII в. По предположению П.С. Рыкова, на городище, возможно, располагалась первая столица Золотой Орды – город Сарай (Рыков, 1929. С. 6–7). Однако, надежных аргументов для такой локализации в настоящее время нет.

Водянское и Царевское городища, наиболее значительные городища золотоордынского времени на территории Волгоградской области, вряд ли были населены в XIII в.

По предположению исследователей, основанному на новейших исследованиях Водянского городища, русский поселок здесь был основан на рубеже XIII–XIV вв., не раньше (Блохин, Яворская, 2006. С. 39). На мой взгляд, населенный пункт возникает здесь несколько позже – в 1310-е или 1320-е гг. До 1924 г. саратовским нумизматом Б.В. Зайковским было просмотрено более двадцати тысяч джучидских монет, найденных на городище. Древнейшая из них относилась к 1310 г. (Зайковский, 1924. С. 51). Данные нумизматики таким образом не дают оснований для датировки городища ранее времени правления хана Узбека.

А.Г. Мухамадиев не исключает, что на месте Царевского городища в XIII в. было небольшое поселение. Однако это предположение основывается только на находках двух монет: сеньора Бейрута Жана I (конец XII в.) и медной монеты с именем халифа Насир лид-Дина (Мухамадиев, 1983. С. 15–16). Тысячи монет, найденные на Царевском городище, относятся только к XIV в. (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970; Янина, 1970. С. 194–223; Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974 и др.).

На месте Мечетного городища (в настоящее время территория Тракторозаводского р-на г. Волгограда) в начале XX в. были часты находки джучидских монет. 1908 г. Б.В. Зайковский приобрел у местного населения 13 золотоордынских монет конца XIII в. (ИИАК, 1910, прибавление к вып. 37, с. 78). Б.В. Зайковский отмечает значительное количество «ранних монет» на Мечетном городище – 6–8% (Зайковский, 1924. С. 51, 54). По данным Ф.В. Баллода, монеты с Мечетного городища распределяются следующим образом: Менгу-Тимур – 4%, Токта – 7%, Узбек – 32%, Джанибек – 48%, ханы периода междоусобиц (1360–1370-е гг.) – 9% (Баллод, 1923. С. 95, 97). Указанные данные дают основания считать, что населенный пункт существовал уже в XIII в. На поселении в устье р. Царицы (центр современного г. Волгограда) в 1893 г. был также найден дирхем Туда-Менгу 1281 г. (Баллод, 1923. С. 12; Зайковский, 1908. С. 144; Пачкалов, 2008), что дает основание связывать поселение с XIII в.

Известны также находки монет XIII в. на месте Верхнеахтубинского городища (территория современного г. Волжский в Волгоградской области). В 1844 г. при исследованиях А.В. Терещенко здесь были найдены монеты от конца XIII – начала XIV в. до 1360-х гг. (Терещенко, 1909). Несколько больше информации о монетном обращении Верхнеахтубинского городища содержится в книге Ф.В. Баллода «Приволжские Помпеи». По его данным, на месте городища встречались монеты 1280–1365 гг. (из них 75% относились ко времени Узбека и Джанибека). Ф.В. Баллод упоминает и о редких для Нижнего Поволжья находках здесь монет хана Туда-Менгу (Баллод, 1923. С. 97–98). Очевидно, оживленная переправа через Волгу, между городами, бывшими на месте Мечетного и Верхнеахтубинского городищ, существовала уже в конце XIII в. (находки монет этого времени отмечаются как в северной части г. Волгограда, так и в Волжском). Возможно, что оба этих памятника возникли одновременно.

Находки монет XIII в. зафиксированы на Терновском поселении в Волгоградской области, однако расцвет жизни на поселении пришелся на XIV в. (Клоков, Лебедев, 2004. С. 109–113).

Отдельная находка анонимного дирхема конца XIII – начала XIV в., чеканенного в Укеке, была сделана в 1982 г. около Красного Яра (Волгоградской области) (Пырсов, 1988. С. 188; 2002. С. 155). Возможно, что находка также связана с поселением.

Ряд памятников с монетами XIII в. был выявлен на территории Саратовской области.

Увекское городище (территория г. Саратова) отождествляется с городом Укеком, известном по письменным источникам уже с XIII в. Есть мнение, что слоев середины XIII в. на Увекском городище не выявлено (Волков, 2003. С. 127), однако на памятнике фиксируются находки монет, среди которых есть и относящиеся к середине XIII в. (с именем каана Менгу). На Увекском городище часто встречались джучидские монеты. Л.Ф. Недашковским была собрана информация о находках монет на этом памятнике (1352 экз. монет золотоордынской чеканки). Среди серебряных монет к периоду 1266–1291 гг. относятся 11,2%; ко времени правления хана Токты – 17,6% (Недашковский, 1998. С. 8–9). Надо отметить, что не для всех монет, привлеченных к этому комплексу Л.Ф. Недашковским, имеется информация о месте находок непосредственно на месте Увекского городища (многие из монет происходят из коллекций в г. Саратове, и были опубликованы без указаний на находку их именно на Увекском городище). Поэтому само монетное обращение Увекского городища остается малоизученным, и уровень развития монетного обращения на городище в XIII в. в настоящее время не совсем ясен.

Находки монет конца XIII – начала XIV в. были сделаны в г. Саратове и за пределами территории Увекского городища (дача Корольковой; р. Саратовка) (Недашковский, 2000. С. 116; Баринов, 1999а. С. 208).

В 1980–1990-е гг. на золотоордынском кочевье «Лисья Балка» у с. Советское в Саратовской области был собран значительный нумизматический материал (более 600 монет Золотой Орды). Представлены джучидские монеты от середины XIII в. до 764 г.х. Большинство серебряных монет конца XIII – начала XIV в. чеканено в Сарае и в Укеке. Наиболее ранняя датированная монета – дирхем 671 г.х. Присутствуют мелкие номиналы серебряных монет (1/2 и 1/4 дирхема), чеканенные при Токте и Ариг-Буге. Индивидуально были описаны лишь отдельные монеты, а весь комплекс монетных находок так и не был опубликован подробно. Интересно, что был обнаружен медный посеребренный дирхем, чеканенный в Укеке (подделка?), а также медные и серебряные монетные заготовки (Баринов, 1997. С. 183–185; Баринов, 1999б. С. 149–150; Недашковский, 2000. С. 127; Евстратов, 2004. С. 80). Последнее обстоятельство дало И.В. Евстратову основания полагать, что «сам Укек находился на месте поселения у с. Советское». Более вероятным, на мой взгляд, можно считать локализацию здесь ханского кочевья в конце XIII – начале XIV в. (где могла производиться и чеканка монеты от имени города Укека).

Большая серия монет Сарая и Укека, чеканенных в XIII в., была найдена в последнее время при сборах на поселениях у с. Кондаково и с. Хмелевка (Баринов, 1999а. С. 207; Недашковский, 2000. С. 120–121; 2002. С. 174–175; Гумаюнов, 2002. С. 58–70; 2004С. 150–151).

Отдельные монеты конца XIII – начала XIV в. были найдены в Саратовской области на селищах Колотов Буерак, Подгорное, Яблоновка (Недашковский, 2003. С. 124, 292; Баринов, 1999а. С. 208–209). Возможно, с селищами связаны находки монет XIII и начала XIV в. в районе сел Воскресенка, Калмантай, Петропавловка, г. Хвалынска (Недашковский, 1999. С. 81; 2000. С. 162; Баринов, 1999а. С. 206–207; Кротков, 1923. С. 29; Пырсов, 2002. С. 155.).

Населенные пункты, существовавшие в Нижнем Поволжье в XIII в., были значительно меньше, чем города Среднего Поволжья. Великий Булгар является крупнейшим городом XIII в. в Поволжье с развитым монетным обращением. По степени развития товарно-денежных отношений в тот период Среднее Поволжье опережало другие регионы Золотой Орды. Обилие монет – характерная черта экономической жизни Булгара в XIII в. Ни один из золотоордынских центров этого времени не дает такого обилия нумизматических материалов. Во второй половине XIII в. монетное обращение на Нижней Волге только зарождалось, на-

ходки монет XIII в. в Нижнем Поволжье не столь многочисленны. В силу этого обстоятельства Булгар был справедливо назван Г.А. Федоровым-Давыдовым важнейшим золотоордынским городом XIII в. (Федоров-Давыдов, 1987. С. 5). Кроме того, на 28 археологических памятниках на территории Татарстана зафиксированы отдельные находки монет этого времени (главным образом – это монеты с именами халифа ан-Насир лид-Дина и каана Менгу) (Пачкалов, 2006).

Долгое время в Нижнем Поволжье за исключением Увекского городища были неизвестны крупные памятники XIII в. Удачей последних лет можно считать открытие Лисьей Балки и новая информация о монетном обращении Красноярского городища. Большое количество джучидских монет XIII и начала XIV в., обнаруженных при исследовании погребений могильника Маячный бугор, полное отсутствие в могильнике монет времени правления Джанибека (в это же время появляется чеканка монет в Новом Сараяе и возникает монетное обращение на Селитренном городище), отсутствие монет более позднего периода, а также присутствие в могильнике «Маячный бугор» «богатых» захоронений, позволяет поставить вопрос о возможности локализации на соседнем с могильником Красноярском городище первой столицы Золотой Орды – города Сарая. Главной проблемой является то, что памятники со слоями XIII в., к сожалению, в настоящее время большей частью уже утрачены, что делает изучение раннегородской культуры центральной части Улуса Джучи затруднительным.

Литература

- Арсланов Л.Ш., Викторин В.М.* Астраханские татары (История и этнический состав населения Астраханской области) // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995.
- Баллод Ф.В.* Приволжские Помпеи. – М.; Пгр., 1923.
- Баринов Д.Г.* Золотоордынское кочевье Лисья Балка // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы Международ. науч. конф., посвящ. столетию со дня рождения П.Д. Рау. Т. I. – Саратов, 1997.
- Баринов Д.Г.* Золотоордынские памятники Саратовского Поволжья по нумизматическим данным // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 г. Вып. 3. – Саратов, 1999а.
- Баринов Д.Г.* Кочевье «Лисья Балка» – новый памятник XIII в. Саратовского Поволжья // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск, 1999б.
- Бартольд В.В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963.
- Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. – Волгоград, 2006.
- Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Астрахань, 2001.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Исследования на Самосдельском городище и в его окрестностях // Нижневожский археологический вестник. Вып. 5. – Волгоград, 2002.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Исследования на Самосдельском городище (к вопросу об огузских древностях в дельте Волги) // Археология Урала и Поволжья: итоги и перспективы участия молодых исследователей в решении фундаментальных проблем ранней истории народов региона. УПАСК–XXXV. – Йошкар-Ола, 2003.
- Волков И.В.* Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII в. Древности темного времени. – М., 2003.
- Гончаров Е.Ю.* Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. (приложение). – Астрахань, 2001.
- Гончаров Е.Ю.* Анализ монетного материала с двух золотоордынских городищ // Древности. Вып. 36. Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. – М.; Казань, 2003.

Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В. Предварительная хронология существования Самосдельского городища // XV Уральское археологическое совещание. Тез. док. Международ. науч. конф. – Оренбург, 2001.

Гречкина Т.Ю., Зеленева Ю.А., Кутуков Д.В. и др. Исследования Поволжской экспедиции в Астраханской области // АО 2003 г. – М., 2004.

Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. – СПб., 2004.

Григорьев В.В. О местоположении столицы Золотой Орды Сарая. – СПб., 1845.

Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Востоковедение. Вып. 18. – СПб., 2000.

Гумаюнов С.В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область. Часть I. Монетные сборы с Хмелевского I селища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. – Нижний Новгород, 2002.

Гумаюнов С.В. Нумизматический материал XIII–XIV вв. Саратовская область. Часть 2. Монетные сборы с Кондаковского селища // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. – Нижний Новгород, 2004.

Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. Перевод с текста Мизры Мухаммеда Казвини Дж.Э. Бойла. – М., 2004.

Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб-Хач. – Симферополь, 1978.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.

Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге // АО 1969 г. – М., 1970.

Зайковский Б.В. Новый вариант Царицинской легенды // Тр. Саратов. ученой архивной комиссии. Вып. 24. – Саратов, 1908.

Зайковский Б.В. Опыт применения монетного материала к изучению краевой исторической географии // Казанский музейный вестник. № 1. – Казань, 1924.

Иванов В.А., Яминов А.Ф. История Золотой Орды. – Стерлитамак, 1999.

ИИАК. Прибавление к вып. 37. – СПб., 1910.

Иноземцева А.Н. К вопросу о планиграфии Селитренного городища и Селитренного городка // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археолог. студен. конф. – Пенза, 2004.

Книга Марко Поло // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. – М., 1997.

Кобищанов Ю.М. Империя Джучидов // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 2. Эпоха Великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата (середина XIII – середина XVI в.). – М., 2002.

Крамаровский М.Г. Ранние Джучиды: хронология и проблема культурогенеза // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб., 2004.

Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. – Нижний Новгород, 2004.

Кротков А.А. В поисках Мохши // Труды Общества истории, археологии и этнографии Саратовского края. Вып. 1. № 34. – Саратов, 1923.

Лебедев В.П. Новые данные о раннеджучидском чекане Хорезма и Сарая // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 1. – Донецк, 2000.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарая // СА. № 3. – М., 1970.

Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). – Волгоград, 2003.

Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). – М.; Л., 1940.

Негри А. Известия из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. – Одесса, 1844.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1998.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000.

- Пачкалов А.В.* Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. – Нижний Новгород, 2002.
- Пачкалов А.В.* Мечетное городище: историографический обзор // Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Вып. 4. – Казань, 2004.
- Пачкалов А.В.* Монетное обращение на территории Волжско-Камской Болгарии в XIII–XV вв. (в пределах современной Республики Татарстан). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 2006.
- Пачкалов А.В.* Трансгрессия Каспийского моря и история золотоордынских городов в Северном Прикаспии // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. – Казань, 2007.
- Пачкалов А.В.* Предшественники Царицына // Золотоордынская цивилизация. Вып. 1. – Казань, 2008.
- Пачкалов А.В.* О местоположении Старого Сарая – столицы Золотой Орды // Пятнадцатая Всерос. нумизмат. конф. Тез. док. и сообщ. – М., 2009.
- Пачкалов А.В., Скусов С.Ю.* Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области // XV Всерос. нумизмат. конф. Тез. док. и сообщ. – М., 2009.
- Петров П.Н.* Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV вв. – Нижний Новгород, 2003.
- Пигарев Е.М.* Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 1. – Донецк, 2000.
- Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978.
- Попов М.Я.* Астрахань // Советская историческая энциклопедия. Т. I. – М., 1961.
- Пырсов Ю.Е.* Приглашение к поиску // Годы и люди. Вып. 3. – Саратов, 1988.
- Пырсов Ю.Е.* Нумизматика в краеведении // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 9. – М., 2002.
- Россия.* Полное географическое описание нашего отечества. Т. VI. (Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье). – СПб., 1901.
- Рубрук Гильом.* Путешествие в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. – М., 1997.
- Рудаков В.Г.* К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Вып. 122. – М., 2000.
- Рыков П.С.* Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. – Саратов, 1929.
- Сафаргалиев М.Г.* Заметки об Астраханском ханстве // Мордовский государственный педагогический институт. – Саранск, 1952.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М., 1996.
- Сингатуллина А.З.* Монеты Сарая XIII в. // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции. – СПб., 1992.
- Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы из каталога) // Татарская археология. № 1(2). – Казань, 1998.
- Соловьев Н.А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 1. – М., 1894.
- Терещенко А.В.* Исследования местности Сарая // Материалы для истории Саратовской епархии. Вып. 3. – Саратов, 1909.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. – СПб., 1884.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. – М.; Л., 1941.
- Фахретдин Р.Г.* Ханы Золотой орды. – Казань, 1995.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. – М., 1960.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Введение // Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. – М., 1974.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев Г.А. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. – М., 1970.

Челеби Эвлия. Книга путешествий (перев. А.П. Григорьева). Т. 2. – М., 1979.

Шнайдштейн Е.В. Исследования в Астраханской области // АО 1978 г. – М., 1979.

Шнайдштейн Е.В. Археологические исследования Астраханского пединститута // Материалы второй краеведческой конференции. – Астрахань, 1989.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. VIII. Вып. 2–3. – Л., 1931.

Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. – М., 1970.

Aboulfeda. Geographie. Text arabe publie d'apres les manuscrits de Paris et de Leyde par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. – Paris, 1840.

Dawson Ch. The Mongol mission. – L.; N.Y., 1955.

Fedalto G. La chiesa Latina in Oriente. Vol. I. – Verona, 1973.

Wesselowski. La collection de monnaies orientales de feu W.W. Grigoriew. – S-Pt.

АСКИЗСКИЕ ДРЕВНОСТИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

К.А. Руденко

Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань

Особенностью материальной культуры Волжской Булгарии XI–XII вв. является наличие в ней пласта аскизских древностей и их реплик¹. Ареал распространения таких изделий² не ограничивается только территорией болгарских памятников, а охватывает Прикамье, Поволжье и Приочье. Встречаются отдельные находки и на памятниках древней Руси. Оригинальную коллекцию составляют находки в Пензенской области, в частности на Золотаревском комплексе памятников. Эти материалы были специально рассмотрены в исследованиях И.Л. Кызласова, Г.Н. Белорыбкина, К.А. Руденко, Е.П. Казакова, М.И. Гоняного, А.М. Белавина. Значительный массив находок отмечен в публикациях материалов памятников Волго-Камского региона, в частности М.Г. Ивановой, Г.А. Архипова, А.Г. Иванова, В.В. Гришакова и др.³

География распространения. Концентрация таких находок на археологических памятниках (Руденко, 2001. Рис.6) отмечена в Западном Поволжье, (в основном на городищах и селищах Посурья) и левобережье казанского течения Волги (Закамье). Также в этой связи можно отметить памятники чепецкой группы в Прикамье, и находки на крупных городищах Пермского Предуралья. Отметим, что даже в местах массовых находок, например, в Булгарии, они встречаются в основном на территориях плотно заселенных в домонгольское время, причем, в большей степени в центральных районах государства. Чем ближе к периферии, тем их становится меньше, и выявлены они, на отдельных памятниках этого времени⁴.

Интересно, что если к восточным болгарским границам эта тенденция прослеживается достаточно четко, то к западу, на волжском правобережье и в бассейне Свияги – это единичные находки⁵. В Предкамье и Заказанье их так же не много, поскольку домонгольских памятников здесь меньше по сравнению с Закамьем и Предволжьем. Тем не менее, там, где они есть, есть и аскизские изделия и их реплики (Например, Кирменское городище, Чаллыньское, Большенырсинское, Русскоурматское селища).

Учитывая данный факт, территориально связать рассматриваемый комплекс находок на территории Булгарии и Посурья не представляется возможным. Очевидно, что, как и в Прикамье это самостоятельные группы находок.

Датировка. Ранняя дата аскизских изделий и их подражаний в Волго-Камье не выходит за пределы середины – второй половины XI в.⁶ (Руденко, 2003. С.68–79). В целом этот массив находок датируется XI – второй половиной XII в. Стратиграфические наблюдения показали, что они в основном встречаются в слоях XI–XII вв. (городища: Билярское, Муромский городок, Сосновское II, Кирменское; селища: Остолоповское, Мурзихинское, VI Алексеевское⁷) (Руденко, 2001. С.71–75; Кочкина, 2001. С.140–142; Нигамаев, 2005. Рис.100). К этому же времени относится большая часть находок на сопредельных территориях (например, в Перм-

¹ Эта тема была затронута нами несколько лет назад (Руденко, 2007а. С.132–135). Новые материалы позволяют скорректировать и уточнить многие вопросы рассмотренные в этой статье.

² Основной массив рассматриваемых находок составляют детали и украшения конской упряжи, сделанные из железа. Кроме того, к ним добавились некоторые типы железных наконечников стрел, своим происхождением связанные с Зауральем и Сибирью. Казалось бы, достаточно узкий ассортимент изделий на самом деле, вероятно более обширен, поскольку в первую очередь были определены наиболее выразительные и оригинальные изделия, выделявшиеся из общего круга изделий.

³ История изучения см.: Кызласов, 2001. С.6–10; Руденко, 2001. С.13–14, 17–21.

⁴ Например, Сосновское II городище (Руденко, 2005а. С.120–133).

⁵ Памятники региона достаточно хорошо обследованы как разведками, так и раскопками, поэтому это суждение вполне объективно.

⁶ В материалах предшествующего времени – VIII–X вв. в регионе прототипов форм этих изделий нет.

⁷ Указаны только памятники исследованные раскопками, материалы которых опубликованы.

ском Прикамье: Белавин, Крыласова, 2008. С.481–485 или Просурье: Белорыбкин, 2003. С.148–149).

На селищах Посурья, датированных XI – началом XIII в., обследованных разведками, встречаются реплики аскизских изделий (Киляков, Шамина, 2004. Рис.2). Датировка таких поселений домонгольским временем подтверждена раскопочным материалом (селище Круталатка 1 (Губанов, Мищенко, 2003. Рис.1; Загайнова, Зеленева, Зеленцова, 2006. С.158–166)). Местные модификации аскизских изделий имеются в могильных комплексах XI–XII вв., как например, в могильнике «Татарская Лака II»⁸ (Винничек, Губанов, 2003. Рис.1–43–49; Белорыбкин, 2007. Рис.12).

Интересно, что, как на памятниках Волжской Булгарии, так и в Посурье на поселениях, основные находки с которых относятся к X – началу XI в., аскизских изделий и их подражаний практически нет (Винничек, Сафронов, 2004. С.39–87). Аналогичная ситуация и на поселениях ордынского времени, датированных монетами (Винничек, Лебедев, 2004. С.104–120). Там где на памятниках встречается материал середины – второй половины XI в., там есть аскизские изделия и их реплики (Винничек, 2001. Рис.5–17,21,23; 12–19–22).

Нет данных, что эти изделия имели широкое распространение в Булгарии в первой-второй трети XIII в., хотя исключать их пережиточное бытование в указанный период так же было бы несправедливо⁹. В этой связи отметим находки болгарских реплик аскизских изделий на городище Эмдер в Западной Сибири в слоях XV–XVI в. (Зыков, Кокшаров, 2001. С.113, рис.45–18, 21,22). Правда, более чем вероятно, что эти предметы попали в поздний слой в переотложенном виде или были объектом копирования¹⁰. Единичное использование болгарских реплик аскизских изделий в раннеордынский период, когда их производство прекратилось, имеет свои подтверждения в находках на поселениях в районе Куликова поля (Гоняный, 2005) и, возможно в Азнаевском комплексе (Яминов, Гарустович, 1999)¹¹.

Находки ордынского времени на территории Булгарского улуса Золотой Орды имеют иной облик и отличаются как формой, так и декором (Руденко, 2001а. С.143–146), что позволяет рассматривать их как самостоятельные типы, не связанные с основным массивом болгарских реплик аскизских изделий (Руденко, 2007. Рис.55-А1_{а,б}; А2_{а,б,3}; А4_{а,в}; рис.57-В1_{а,в}; Д1,9–12; 20. Ср.: рис.60; Руденко, 2003а. С.476–487). Отметим, что аналогичные изделия встречаются на древнерусских памятниках (Двуреченский, 2004. С.44–46; Рис.79–1–21; 80–6–8; Гоняный, 2005. Табл.7–1–17; он же 2009. С.25, Рис.1–1–5). В целом этот комплекс находок следует рассматривать специально, поскольку здесь есть изделия, прототипы которых имеют иное происхождение¹².

Отметим, что на памятниках раннеордынского времени вне пределов болгарской территории встречаются железные аскизские изделия с серебряным покрытием (плакировкой). Они как в технологическом плане, так и по внешнему виду имеют прямые аналогии в аскизских древностях (Кызласов, 1978. С.122–141; 1983. С.120–130; 1983а. Табл.IV–VIII). По сравнению с изделиями домонгольского времени их значительно меньше и распространение у них локальное (например, селища в районе Куликова поля (Гоняный, 2005. Табл.2–11–17; он же 2005а. Рис.44) или часть находок с Золотаревского комплекса (Белорыбкин, 2001. Рис.98–100; он же, 2003. Рис.14–15).

Как правило, это отдельные находки на поселениях (Кызласов, 1998. С.72–75; он же 1997. С.380–386). Встречаются они в основном на памятниках, расположенных на границе ле-

⁸ Они происходят из разрушенных захоронений.

⁹ Единственный случай такого рода зафиксирован на Русскоурматском селище (раскопки Н.Ф. Калинина), где несколько таких предметов найдено в заполнении постройки начала XIV в. Не исключено, что они попали сюда в переотложенном виде или бытовали здесь дольше. В любом случае, признать его типичным нельзя.

¹⁰ Например, в тех же отложениях XV–XVI вв. встречена гроздьевидная височная подвеска IX–X вв. (Зыков, Кокшаров, 2001. С.106–107).

¹¹ Материал не опубликован и судить о нем можно лишь по тезисам. Сами находки были представлены одним из авторов раскопок на конференции в Казани в 2001 г. (Руденко, 2001б. С.136–138).

¹² Генезис этих изделий требует отдельного изучения.

са и степи, и в единичных случаях на крупных городских центрах (Новгород). Датировка изделий, найденных в Новгороде – 20–30-е гг. XIII в. (1213–1235 и 1224–1238 гг.) (Кызласов, 2006. С.218,220). Самые западные находки аскизских изделий с плакировкой известны в Венгрии (Мештерхази, 1984).

Золотаревский комплекс, как справедливо отмечает Г.Н. Белорыбкин, является единственным в Западном Поволжье местом, где сконцентрированы аскизские изделия с плакировкой. Причем, они находились не на городище, исследованном Р.М. Полесских в течение 4 полевых сезонов и где, судя по публикациям, встречаются находки аскизского облика без плакировки, а на прилегающих трех селищах. Культурный слой на этих памятниках был уничтожен при рекультивации лесных вырубок. Вследствие этого большинство собранных предметов не имеет привязки ни к конкретному месту, ни к стратиграфии (Белорыбкин, 2001. С.6–8).

В этой связи достаточно сложно судить о времени, характере и специфике появления и бытования золотаревских аскизских плакированных изделий. Аскизские изделия без плакировки, реплики болгарского и сурского (золотаревского) вариантов нужно рассматривать отдельно, а не как единый комплекс. Пока этого не сделано решить вопрос о специфике золотаревских плакированных изделий затруднительно. Тем более, что по данным Г.Н. Белорыбкина, они не только имеют местное своеобразие (например, мотив веревочки и декорация краев пластинок), но во многом отличаются от оригинальных аскизских предметов (Белорыбкин, 2003. С.148). Однако свидетельств о производстве изделий с плакировкой в Посурье нет, в отличие от реплик аскизских изделий, местное производство которых удалось документировать (Винничек, 2007. С.275).

Проведенный нами сравнительно-типологический анализ материалов болгарских памятников и золотаревского комплекса (Руденко, 2007. Рис.54–58) показал, что изделия с плакировкой не представлены на памятниках Волжской Булгарии (типы Б2г, д; Г1,5; Д21б, в, г, д, е; Е3 – характерны только для средневековых памятников пензенской группы), типологические совпадения встречаются в единичных случаях (например, тип Б11; Д7). Интересно, что типы накладок из Остолоповского селища где можно предполагать наличие плакировки (тип Е1 и Е2) в опубликованных материалах пензенских памятников не имеются.

Стоит отметить несколько моментов. *Во-первых*, относить к аскизским все без исключения железные изделия, связанные с конской упряжью не верно. Есть довольно большой массив универсальных изделий, использовавшийся как до, так и после распространения аскизских вещей. Это рамчатые пряжки четкой геометрической (круглой, овальной, квадратной, прямоугольной и т.п.) формой, наконечники стрел ромбической, листовидной форм, бытовавшие в широких хронологических и территориальных рамках.

Во-вторых, можно разделить имеющийся массив на несколько блоков: собственно аскизские изделия и подражания им, а так же проследить их особенности на некоторых памятниках, где серии таких предметов достаточно репрезентативны. Отметим, что оригиналы и реплики аскизских изделий имеют достаточно четкие отличия, что позволяет четко дифференцировать эти находки. Это важно для датировки этих групп изделий.

Реплики аскизских предметов не воспроизводят технологические особенности оригиналов, а копируют форму. Например, если оригинальное аскизская накладка выполнена из тонкого листового железа, согнутой в виде полуцилиндра, то в болгарском варианте это цельнокованое дровяное изделие сегментовидного или треугольного сечения, с вырубленными зубильцем углублениями для штифтов крепления¹³. У болгарских реплик имеются такие конструктивные особенности, как шарнирные соединения, сформировавшиеся в результате развития этих изделий на местной основе. Кроме того, декор их составляют рельефные пояски-перетяжки, насечка, циркульный орнамент (Руденко, 2005. С.134–136).

Большая часть изделий как аскизских, так и их реплик бытовавших в Волго-Камье в домонгольский период не имела покрытия серебром или золотом.

¹³ Ср.: накладки – (Руденко, 2001) кат.№203,204, пряжки – кат.№92 и Минусинский музей (ММ), КП, №7845, 8105. Треугольное сечение основы изделия встречается в аскизских древностях: ММ, КП, №7877, 7871. Использование зубильца для вырубки углублений для штифтов так же не редкость на аскизских предметах: ММ, КП№ 8063, 8070 и др.

Распространение аскизской железной гарнитуры с плакировкой хронологически может быть связано в большей степени с ордынским временем – второй половиной XIII – началом XIV в. Причем, это явление имеет принципиально новое звучание в контексте распространения и бытования аскизских изделий первой волны: 1) они не имели производных реплик и соответствующего развития на местной основе. В большей степени можно предполагать их оригинальное происхождение; 2) нет фактов подтверждающих их местное производство; 3) их распространение локально, и в большей степени носит характер отдельных находок (за исключением, нескольких памятников, например Золотаревского поселения); 4) в золотоордынское время на прикамских памятниках встречаются оригинальные железные накладки, являющиеся отражением с одной стороны аскизской традиции, а с другой – подражанием имперской ордынской моде, прежде всего в декоративных сюжетах (например, мотив многолепестковой розетки). По форме они отличаются от домонгольских изделий.

В-третьих, необходимо определить механизм распространения этих изделий в регионе. Специфический набор данных изделий, связанный с конской упряжью, снаряжением и рядом предметов вооружения на первый взгляд позволяет предположить распространение и последующее использование их через военно-дружинную среду. Однако такие изделия бытовали повсеместно, и не только там где была эта профессиональная военная прослойка (как в Волжской Булгарии). Их массовость, местное производство во всем Волго-Камье делают эту версию сомнительной. В Прикамье они функционировали не качестве какого-либо маркера – социального, военно-дружинного, а как рядовой элемент материальной культуры, и даже не в виде деталей конской упряжи. Следовательно, имел место иной путь их проникновения и вхождения в местную среду.

К середине XI в. в Волго-Камье и сопредельных областях сложился стабильный комплекс элементов традиционной материальной культуры, в том числе характерный набор этнических украшений и элементов костюма, а также оригинальный художественный стиль в декорировании бытовых и парадных предметов. Это касается территории расселения средневековых мари, мордвы, удмуртов, коми и др. На этом фоне зарождение и внедрение новых технологий, форм, стиля, дизайна и превращение его в элемент традиционной культуры требует специального разъяснения.

Появление болгарских подражаний аскизским изделиям, как и изготовление их точных реплик, было возможно только при наличии ремесленников знавших технологию изготовления, формы таких изделий и имевших возможность прямой передачи этих знаний в новой среде. Надо сказать, что аналогичный механизм имело распространение кузнечной технологии в Прикамье в I – начале II тыс. н.э. (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. С.8–9, 236–239).

Связывать аскизские находки и их подражания с какой-то местной социальной группой или прослойкой населения, воспринявшей инокультурную традицию нет веских оснований. Даже функционально – единого использования этих изделий не наблюдается. Они вошли в бытовую культуру полиэтничного населения региона и использовались как в первоначальном варианте, как элементы конского снаряжения, так и «инновационно» – как украшения бытового костюма.

Формирование аскизско-болгарского комплекса находок совпадает с процессом, отмеченным для Древней Руси и Волжской Булгарии и связанным со сменой материала изготовления социально и этнически значимых маркеров предметного комплекса, как в костюме, так и в сопутствующих элементах бытовой культуры (праздничной и социально значимой – престижной)¹⁴. Однако за их пределами рефугиумы традиционной «моды» не только сохранялись, но и продолжали свое оригинальное развитие, например, в Прикамье в XI–XIV вв.

Государственная болгарская культура трансформировала бытовавшие ранее социально и этнически значимые маркеры (в первую очередь посредством государственной религии и внедрения социального костюма, особенно в городской среде). Появление новых элементов

¹⁴ В XI – начале XII вв. у кочевников Северо-Восточного Причерноморья и Поволжья, в том числе и в Волжской Булгарии встречаются находки стремян с плакировкой серебром. Истоки этих изделий имеют другое происхождение (Армарчук, 2006. С.25–26).

культуры совпадает с подъемом как городского, так и сельского ремесла, а так же расширением региональной и внутренней торговли.

Трансконтинентальные магистрали стали важнейшим фактором, стимулировавшим развитие местных производительных сил. Определяющую роль здесь играл Волго-Урало-Сибирский «коридор» (Кызласов, 2007. С.64). Подъем производства происходил на основе местных сырьевых и трудовых ресурсов и непосредственно при участии носителей новой ремесленной традиции (Руденко, 2007а. С.132–135). Перемещения ремесленников и формирование локальных ремесленных школ широко практиковалась в средневековье как в Европе, так на Востоке. Евразийское пространство, включая Предуралье, Зауралье и Сибирь в целом, не было здесь исключением.

В Булгарии эта схема стала основой при формировании собственных высокотехнологичных производств, например изготовления металлической посуды воспринявшей арабо-иранские традиции и ряда других. Булгарские медники выработали оригинальные формы и производственные технологии собственной продукции, но на первых этапах (1–2 треть X в.). Эта отрасль была, по сути, ремесленной провинцией Хорасана, производившая реплики восточных образцов¹⁵.

Аналогичный механизм действовал и на региональном уровне. Это произошло с болгарской медной посудой, когда большой спрос на нее в регионе породил, целую серию локальных этнических центров ее производства, а впоследствии и с аскизскими изделиями и их подражаниями. Вместе с тем, финальные стадии этих явлений были различны. Медную посуду продолжали изготавливать до XIV–XV вв., а железную garnитуру только до конца XII в.

В отношении последней алгоритм развития был подобен феномену железных котлов в Волго-Камье. Они появились в регионе на столетие раньше, чем медные и быстро стали важной частью материальной культуры (особенно в погребальной практике) проживавшего в регионе финноязычного населения. Традиции ее изготовления сложились из двух линий – западной (скандинавской) и восточной (тюркской). Сформировались и локальные центры ее производства, опередившие болгарские почти на столетие. Однако к началу XI в. эта производственная традиция замирает, а в течение столетия (к началу XII в.) практически исчезает, заменяясь иным типом изделий, выполненных другими приемами.

Магистральной линией развития болгарской материальной культуры в XI–XII вв. стало вытеснение этнических предпочтений в стандартизированном производстве в рамках государственного ремесла и преимущественном развитии наиболее гибких элементов иноэтнической культуры. В этом «секрет» приживаемости инноваций и их стремительный подъем на уровень реплик, подражаний и инновационных моделей. Но на последней стадии это были уже иные предметы по технологии, стилю, сохранившие при всем при этом общетипологические элементы исходных форм. Причем регенерация этих форм была постоянной за счет притока и обмена ремесленниками на евразийских пространствах Урало-Сибирской магистрали в XI–XII вв.

Таким образом, в домонгольский период: 1) аскизские изделия появляются к западу от Урала в результате экономических, торговых и политических контактов по Урало-Сибирской магистрали в XI в., дав импульс тиражированию их на местной основе; 2) технологии изготовления, как и характерные формы, не типичные для местных культур распространились через непосредственных носителей – мастеров работавших на новом месте; 3) этот процесс датируется второй половиной XI–XII вв. С началом становления единого монгольского государства и его внешней экспансии, функционирование трансмагистрального пути было прервано, что окончательно разрушило трансмиссию этих изделий в Волго-Камье.

Литература

Армарчук Е.А. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X – XIII веков. – М.: ИА РАН, 2006. – 228 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с.Рождественск. Пермь, 2008. – 603 с.

¹⁵ Это можно отнести и к ряду других болгарских производств (Руденко, 2007. С.58; 2007а. С.133).

- Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб.-Пенза, 2001. – 198 с.
- Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. – Пенза, 2003. – 200 с.
- Белорыбкин Г.Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С.410–432.
- Белорыбкин Г.Н. Средневековый могильник в с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Выпуск 1. – Пенза, 2007. – С.211–258.
- Винничек В.А. Материалы памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Археология Поволжья. – Пенза, 2001. – С.97–128.
- Винничек В.А. Ювелирные инструменты и технологии на поселениях Верхнего Посурья домонгольского периода // Пензенский археологический сборник. Выпуск 1. – Пенза, 2007. – С.259–287.
- Винничек В.А., Губанов А.А. Могильник «Татарская Лака II» в системе средневековых памятников мордвы // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С.339–352.
- Винничек В.А., Лебедев В.П. Протодеевское селище в системе памятников округа золотоордынского города Мохши // Записки краеведов. Выпуск 2. Часть 1. – Пенза, 2004. – С.104–120.
- Винничек В.А., Сафронов П.И. Васильевское селище // Записки краеведов. Выпуск 2. Часть 1. – Пенза, 2004. – С.39–87.
- Гоняный М.И. Методика комплексных разведочных археологических исследований на средневековых селищах в Подмоскowie // Археология Подмоскowie: Материалы научного семинара. Выпуск 5. – М.: ИА РАН, 2009. – С.23–42.
- Гоняный М.И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С.85–100.
- Гоняный М.И. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года / Труды ГИМ. Вып. 150. – М., 2005а. – С.95–162.
- Губанов А.А., Мищенко В.Г. Результаты исследований селища Круталатка в 2000–2002 годах // Записки краеведов. Выпуск 1. – Пенза, 2003. – С.46–53.
- Двуреченский О.В. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмоскowieй экспедиции Института археологии РАН. Том 2. – М.: ИА РАН, 2004. – С.40–46.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. – М.: Знак, 2009. – 264 с.
- Загайнова Л.П., Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В. Новые данные о проникновении культуры волжских булгар в мордовские земли // Средневековая археология Евразийских степей / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Выпуск 3. – М., Йошкар-Ола, 2006. – С.158–200.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург, 2001. – 320 с.
- Киляков А.С., Шамин Д.М. Новые археологические материалы с Мордовско-Ишимского поселения // Записки краеведов. Выпуск 2. Часть 1. – Пенза, 2004. – С.96–103.
- Кочкина А.Ф. Находки предметов «аскизского круга» с Муромского городка // Археология Поволжья. – Пенза, 2001. – С.140–142.
- Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII–XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // СА. №1. 1978. – С.122–141.
- Кызласов И.Л. К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюзного совещания. – Алма-Ата, 1983. – С.120–130.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири (X–XIV вв.) / САИ, вып. ЕЗ–18. – М.: Наука, 1983а. – 128 с.
- Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Том 1. – СПб.-Псков, 1997. – С.380–386.
- Кызласов И.Л. Пребывание древних хакасов в Восточной Европе (конец X – начало XIII вв.) // Славяне и их соседи (тезисы 17 конференции) Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее – Новое время. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 1998. – С.72–75.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань: «Заман», 2001. – С.6–10.

Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь в судьбе России // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Том II / Археология евразийских степей. Выпуск 2. – Казань, 2007. – С. 63–70.

Кызласов И.Л., Гайдуков П.Г. О дальности восточных связей Великого Новгорода в древнерусскую эпоху // Средневековая археология Евразийских степей / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Выпуск 3. – М.- Йошкар-Ола, 2006. – С.217–223.

Мештерхази К. Памятники аскизской культуры у с. Ракмаз (Венгрия) // Проблемы археологии Евразии. Советско-венгерский сборник. – Кемерово, 1984.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. – 228 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань: «Заман», 2001. – 256 с.

Руденко К.А. Изделия «аскизского облика» ордынского времени в Поволжье и Прикамье // Археология Поволжья. – Пенза, 2001а. – С.143–146.

Руденко К.А. «Аскизские древности в средневековой истории Евразии» // Ежегодник Государственного объединенного музея Республики Татарстан за 2000 год. – Казань, 2001б. – С.136–138.

Руденко К.А. О верхней границе бытования вещей аскизского облика в Поволжье и Прикамье // Проблемы истории России. Выпуск 5. На перекрестке эпох и традиций. – Екатеринбург, 2003. – С.68–79.

Руденко К.А. Происхождение и развитие элементов аскизской культуры в Поволжье и Прикамье в XI–XIV вв. // Археология Восточноевропейской лесостепи. Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения видного российского археолога А.Е.Алиховой (11–14 ноября 2002 года). – Пенза, 2003а. – С.476–487.

Руденко К.А. Булгарские подражания аскизским изделиям в Среднем Поволжье и Прикамье в XI–XIV вв. // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН С.В.Кисилева. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П.Астафьева. 2005. – С.134–136.

Руденко К.А. Исследования Сосновского II городища и I селища в 2004 г. // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Всероссийская научная конференция. – Ижевск, 2005а. – С.120–133.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: «Школа», 2007. – 244 с.

Руденко К.А. Восточные элементы в материальной культуре населения Среднего Поволжья и нижнего Прикамья в XI–XII вв. // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Том I / Археология евразийских степей. Выпуск 1. – Казань, 2007а. – С.132–135.

Яминов А.Ф., Гарустович Г.Н. Азнаевский погребальный комплекс как хронологический показатель и этно-культурный репер XIII века // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.). Тезисы. – Челябинск, 1999.

ВОЛГО-ОКСКИЙ РЕГИОН ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ В ЭПОХУ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

А.Г. Ситдиков

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г.Казань

Волго-Окский регион, располагающийся на границе нескольких природно-климатических зон, с древности был местом активных культурных контактов. Многообразие ландшафтов с обильными природными ресурсами и удобные транспортные артерии, обеспечиваемые двумя крупными реками Восточной Европы – Волга и Ока с многочисленными полноводными притоками, создавали благоприятные условия для проникновения различных групп населения и их взаимодействия.

Эти процессы усиливаются в регионе в период Великого переселения народов. В эпоху средневековья в пограничных природных зонах культурные контакты и взаимовлияние финно-угорских, германских, балтских, тюркских и славянских групп населения становится более активным. В средневековье наблюдается устойчивый процесс взаимопроникновения культур и формирование новых общностей, что обусловлено появлением раннесредневековых государств Восточной Европы – Империи готов, гуннов, Великая Болгария, Хазарский каганат, а позднее Киевской Руси, Волжской Болгарии, Дешт-и-Кипчак.

Значительное место в истории Европы, бесспорно, занимает и прошлое крупнейшего политического образования эпохи средневековья – Золотой Орды. В середине XV в. в результате распада этого могущественного государства в регионе появляются новые страны, в том числе и Казанское ханство.

Период Казанского ханства, сложен в изучении из-за ограниченности аутентичных письменных источников и незначительности археологических исследований памятников этого времени. Письменные источники не дают полного представления о социально-политической и экономической истории ханства и взаимоотношений с сопредельными территориями, не входивших в число русских княжеств. Большая часть письменных свидетельств сохранилась в русских летописях. При анализе приводимых в них сведениях необходимо учитывать искаженность информации о пограничных и удаленных областях. Еще большая фрагментарность сведений о регионе в описаниях иностранцев, оставивших свои заметки о ханстве во время своих посещений или со слов очевидцев.

В последние десятилетия исторические источники активно пополняются исследованиями археологов. К сожалению, имеющиеся археологические материалы пока малочисленны и носят разрозненный характер. Результаты исследований проводимых в Касимове, Курмыше, Наровчате, Мурзицах, Билярске, Казани и др. (Очертин, 1994; Грибов, 2006; 2007; Валиулина, 2009; Ситдиков, 2012а, 2012б) позволяют определить новые подходы в осуществлении современных исследований.

Первой попыткой обозначить приоритетные направления в изучении археологии периода Казанского ханства в Поволжье была работа Р.Г.Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1973). К сожалению, указанные в ней положения не были реализованы, исследования ограничились в большей степени работами на Русскоурматском комплексе археологических памятников и округе. Полученные материалы стали важным составляющим в понимании материальной культуры региона XII–XVI вв.

При рассмотрении данной темы значительное затруднение вызывает плохая проработанность вещевых материалов и также неоднозначность применяемой терминологии в его анализе (Грибов, 2006; 2012а; Хлебникова, 1967; Никитина, 2006; Валиулина, 2009). В числе проблем по изучению истории Казанского ханства актуальным является вопрос об истоках культурных традиций его населения. Особенно много дискуссий в литературе вокруг темы о преемственности тюрко-татарского населения Волго-Окского с традициями Волжской Болгарии домонгольского и золотоордынского времени (Баязитов, 1996; Исхаков, 2004; Белорыбкин, 2003. С.22–23 и др.).

Эти и многие другие вопросы изучения актуальных исторических проблем эпохи Казанского ханства должны стать предметом планомерных последующих исследований.

В рамках реализации научно-исследовательского проекта «Материальная культура народов Волго-Окского региона в эпоху средневековья» совместной экспедицией Института истории им. Ш. Марджани, исторических факультетов Нижегородского государственного университета, Марийского государственного университета в 2007–2008 гг. проводились исследования по решению широкого круга задач археологии, направленных на выявление и изучение археологических объектов (Ситдинов, 2012а, 2012б). В программе исследованием главным направлением было определено изучение поселенческой структуры, особенное внимание уделялось исследованию городов и их округи.

Первая половина XIV в. характеризуется подъемом экономики Золотой Орды. Этот процесс напрямую затрагивает лесостепную зону Волго-Окского региона, где происходит количественный рост поселений, а также переселение части населения в степную зону. Об этом свидетельствуют материалы археологических исследований на территории Республики Татарстан, Воронежской, Тульской, Липецкой областях и др. (Цыбин, 2004, Руденко, Набиуллин, 2011; Фахрутдинов, 1975; Тропин, 2011). Это отражается на золотоордынских памятниках, на которых увеличивается доля предметов материальной культуры жителей лесостепной и лесной зон (Полубояринова, 1978; Федоров-Давыдов, 2001; Недашковский, 2005; История татар, 2009. С.338–395 и др.). Отмечается и обратное движение растет ассортимент изделий золотоордынского производства в пограничных поселениях (Грибов, 2008; Тропин, 2006). Усиливается процесс мусульманизации и христианизации финского населения региона, вероятно, происходит активная языковая ассимиляция (История татар, 2009. С.338–374; Андреев, 2005; Шебанин, 2012). Интенсивно расселяются в степной зоне и ордынских городах волжские и пермские финны (мордва, марийцы, удмурты), что находит отражение в материалах золотоордынских памятников (Болгар, Наровчат, Курмыш, Джукетау и др.) (Зеленев, 1994, Иконников, 2008; Очертин, 1994).

В этот период в Среднем Поволжье и Посурье переживают подъем крупные города (Наровчат, Болгар, Джукетау, Нижний Новгород и др.) и появляются новые поселения (Торецкое, Курмыш, Мурзицы, Сундырь и др.) (Очертин, 1994; Грибов, 2007; Валиулина, 2009; Ситдинов, 2009; Федулов, 2009; Фахрутдинов, 1975, Набиуллин, 2011; Пудалов, 2011, Тропин, 2006). В южных районах Рязанской области в середине XIV в. возрастает число русских поселений относительно домонгольского времени почти в два раза, также увеличивается и количество больших сельских поселений размерами более 10 га (Тропин, 2006). На поселениях выявлены, специфичные для степного населения Золотой Орды, чугунные котлы, поливная и красноглиняная керамика ордынского производства, доходящая иногда до 2–3% (Ситдинов, 2009; Цыбин, 2004; 2011; Грибов, 2006; Мехеева, 2006; Никитина, 2006. С. 109–112; Кокорина, 1996). Появление этих предметов иллюстрирует не только присутствие не характерного для русского населения материалов, но и показывает изменения его быта, а, возможно, и наличие инородного населения, использовавшего его. Данные материалы демонстрируют устойчивое и динамичное развитие региона при стабильной политике сильного государства независимо от этнокультурной принадлежности его жителей.

Ситуация начинает меняться во второй половине XIV – начале XV в. с периода «большой замятни». Происходит рост военных столкновений и отток населения на север в лесную зону. Данный процесс традиционно рассматривается, как результат целенаправленных набегов ордынцев на русские княжества, но материалы на территории Волжской Болгарии и сопредельных районов также указывают на затухание поселенческой жизни в пограничной лесостепной зоне (Болгар, Наровчат, Джукетау, и др.) (Набиуллин, 2011; Белорыбкин, 2003; Зеленев, 1994; Фахрутдинов, 1975). Вероятно, оседлое население лесостепной полосы Волго-Окского региона и Закамья, находясь в близких условиях дестабилизации власти, усиления центробежных сил, перемещалось в более спокойные места. Об этом свидетельствуют и русские летописания, описывающие не только запустение в лесостепи, но приход на службу русским князьям служилых татар и заселение ими лесной зоны (Пудалов, 2012; Андреев, 2005; Макарихин, 2008; Ишеев, 2012а; 2012б; Петров, 2012). Другими обстоятельствами опустоше-

ние региона могли быть проблемы эпидемиологического или природно-климатического характера также известные по письменным источникам (История татар, 2009. С.682–730).

К этому времени относится возникновение предпосылок к появлению в лесной полосе самостоятельных тюрко-татарских государств в пограничной зоне с русскими княжествами. К сожалению, этот момент развития региона в источниках и археологических материалах представлен крайне скудно. Возникают вопросы, связанные с определением даты образования этих государств, границ, состава населения, управления и др.

Предпосылки появления Казанского ханства тесно связаны с предшествующими процессами в том числе соседних регионах (Белорыбкин, 2003; Грибов, 1998; Каховский, 1980; Федулов, 2009; Баязетов, 2008). Многие проблемы истории этого государства не могут быть решены изучением только поселений этого времени в Волго-Камье, где располагались основные центры ханства. Население лесостепной полосы Волго-Окского региона также было включено в процессы формирования тюркских государств региона. Наглядным примером чему является появление по инициативе Улуг Мухамеда политического центра в Касимове, обусловленного присутствием в лесостепной полосе этого региона многочисленным тюрко-татарского населения с домонгольского времени и устойчиво развивавшегося и в золотоордынское время (Беляков, 2004). О фактах значительного присутствия тюрко-татарского населения указывают и материалы археологических исследований и данные письменных источников (Пудалов, 2012; Беляков, 2006; 2004; Белорыбкин, 2003. С.27–28). Выбор региона Улуг Мухамедом, вероятно, был обусловлен возможностями привлечения большого количества местного служилого тюрко-татарского населения в борьбу за власть в ордынских землях.

Новые государства, представленные, Казанским и Касимовским ханствами занимают важное место в системе государств Восточной Европы. Они в начальный период наравне с Московским княжеством становятся одними из серьезных претендентов на объединение ордынских земель в лесостепной зоне Волго-Окского региона. Остается открытым характер расселения и культурного взаимодействия населения этих государств. Кроме ханств в регионе известны также самостоятельные политические объединения в виде удельных татарских княжеств – бейляков (Ишеев, 2012а; 2012б; Баязитов, 1996; Макарихин, 2008).

Во второй половине XX в. планомерным археологическим исследованиям подвергаются некоторые памятники Казанского ханства. В числе изученных, такие известные памятники, как Казанский кремль и прилегающие территории, Лаишево, Свяжске, Алабуге, Камаевское городище и Русскоурматское селище (Ситдиков, 2007).

Благодаря раскопкам удалось установить и преемственный характер развития этих поселений с домонгольского времени, в том числе и Арска (Ситдиков, 2010а; 2010б). Данные наблюдения позволяют говорить о формировании городской культуры ханского времени на основе традиций болгарского и золотоордынского времени. Несмотря на значительные политические, экономические и социальные потрясения поселения продолжали свое существование. Это свидетельствует об устойчивой социально-экономической структуре и системе расселения, сложившейся еще в домонгольское время. Именно городские центры являлись военно-административными и экономическими сосредоточением государственной власти, а преемственность их размещения указывает на сохранение традиционных форм управления.

Писцовые книги XVI–XVII вв. отмечают существование тюрко-татарских населенных пунктов и их принадлежность к административной единице – сотням, что тесно связано с порядком управления в регионе до начала XVIII в. (Галлямов, 2002). Источниковедческие и этноархеологические исследования поселений позволят проследить особенности формирования современных селений Волго-Окского региона (Исхаков, 2004). Локализация населенных пунктов второй половины XV – XVI вв. позволяют изучить своеобразие материальной культуры этих поселения. При этом обращает на себя внимание, что керамические комплексы на памятниках этого времени. Керамика представлена лепной посудой, характерной для местного полжско-финского населения, а также имеются немногочисленные образцы круговой сероглиняной и белоглиняной керамики, характерных для русских центров производства (Грибов, 2006; Валиулина, 2009; Мехеева, 2006; Ситдиков, 2006; Салангин, 1998). Преобладание подобной посуды в татарских поселениях служилым населением, вероятно, является свиде-

тельством утраты традиций собственного керамического производства, существовавшего исторически в городских центрах с эпохи Волжской Болгарии. Изменения в керамическом производстве в этот период наблюдается в керамическом материале поселений Казанского ханства. Раскопки в Казанском кремле и Иске-Казанском круге памятников показывают увеличение доли русской и татарско-русской керамики (по Т.А.Хлебниковой) (Ситдииков, 2006, Кокорина, 1995; 1999). Подобная тенденция отражает общую ситуацию, связанную с изменением ассортимента керамических изделий используемой тюрко-татарским населения региона. Происходящая трансформация связано с включением региона в процесс формирования общего российского производства керамики с сохранением в отдельных районах использования поволжско-финской лепной керамики также изменявшейся под влиянием русской керамической традиции. Аналогичная картина прослеживается в материалах раскопок из напластований Касимова ханства, мест компактного проживания темниковских и нижегородских групп татар. По письменным, археологическим и этнографическим данным здесь известны десятки поселений и могильников тюрко-татарского населения, но керамические изделия полностью на них заменяются предметами производимыми поволжско-финскими и русским гончарами.

В последние годы накоплен новый археологический материал, имеются публикации ранее неизвестных письменных источников, но проблемы, обозначенные вокруг этого вопроса, требуют продолжения целенаправленных изысканий с привлечением широкого круга специалистов. Исследования этнокультурного взаимодействия в зоне лесостепи Волго-Окского региона решает важные вопросы развития материальной культуры значительной части средневекового населения Восточной Европы.

Литература

1. *Андреев С.И.* Юго-восточное Рязанское пограничье в XII–XV вв. : Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 2005. 401 с. РГБ ОД, 61:06–7/105 [Электронный ресурс]. – <http://www.lib.uu.ru.net/diss/cont/181922.html>. Дата просмотра 6.11.2012.
2. *Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г.* Материальная культура населения Волго-окского междуречья в эпоху средневековья (предварительные итоги археологических исследований 2008 г.). [Электронный ресурс]. – <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/ahmetgal.htm>. – Дата просмотра 6.11.2012.
3. *Ахметгалин Ф.А., Ситдииков А.Г.* Материальная культура населения Волго-Окского междуречья в эпоху средневековья (предварительные итоги археологических исследований 2007 г.). [Электронный ресурс]. – http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/arh_ahmetgalin.htm. – Дата просмотра 6.11.2012.
4. *Баязитов Р.Ж., Макарихин В.П.* Восточная Мещера в средние века. – Н. Новгород, 1996. – 130 с.
5. *Белорыбкин Г.Н.* Западное Поволжье в Средние века. – Пенза, 2003. – 199 с.
6. *Беляков А.В.* Город Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Ч. 2. – Тула, 2004. – С.153–161.
7. *Беляков А.В.* Политика правительства Ивана III по отношению к Чингисидам в России. // Труды кафедры Истории России с древнейших времен до XX века. – СПб., 2006. – С.265–283.
8. *Беляков А.В.* Служилые татары XV–XVI вв. // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. Сборник научных статей. – Рязань, 2004. – С.81–91.
9. *Валиулина С.И.* Миграционные процессы в лесостепной зоне Западного Закамья в XIII–XIV вв. (на примере памятников округа Билярского городища) // Форум «Идель-Алтай». – Казань, 2009. – С.58–60.
10. *Галлямов Р.Ф.* Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. – Казань, 2002. – С.280–316.
11. *Грибов Н.Н.* Об освоении Присурья в эпоху Золотой Орды [Электрон. ресурс]. – <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/gribov.htm>. – Дата просмотра 6.11.2012.
12. *Грибов Н.Н.* Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Археология и история Сарова. Материалы научной конференции. – Саров, 1998. – С.18.–19.

13. *Грибов Н.Н.* Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р.Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. – Н.Новгород, 2006. – С.62–91.
14. *Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А.* Русско-болгарское пограничье на Волге в эпоху Золотой Орды (по материалам поселения Курмыш-4) // Научный Татарстан. – 2010. – № 4. – С.26–36.
15. *Зеленев Ю.А., Румянцев Г.Г.* Исследования Наровчатского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – С.45–46.
16. *Иконников Д.С.* Гончарное ремесло города Мохши XIII–XIV вв. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. – СПб., 2008. – № 12(86). – С.78–81.
17. *История татар.* Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – 1056 с.
18. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. / Научно-методическое пособие. – Казань, 2004. – 132 с.
19. *Ишеев М., Акчурин М.М., Абдиев А.Ш.* Татарские княжеские роды на Цне. – [Электронный ресурс]. – <http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/6/troe.htm>. – Дата просмотра 6.11.2012.
20. *Каховский В.Ф.* О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. – Чебоксары, 1980. – С.35–50.
21. *Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: проблемы истории и культуры. – Казань, 1995. – С.28–32.
22. *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская Археология. – 1999. – № 1–2. – С.77–102.
23. *Кокорина Н.А.* Опыт этнической дифференциации так называемой поволжско-финской керамики XIII–XVI вв. (по материалам памятников Заказанья). – Казань, 1996. – С.298–313.
24. *Макарихин В.П., Тарасов А.И.* Мещерский юрт в XIV–XV вв.: система управления // Современный ислам в диалоге культур. – Н.Новгород, 1996. – С.34–42.
25. *Михеева А.И.* Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV веков // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. – Йошкар-Ола, 2006. – С.311–323.
26. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город болгар на Каме. – Казань, 2011. – 143 с.
27. *Недашковский Л.Ф.* Золотая Орда и ее взаимоотношения с Русью // Программы дисциплин по истории России с древнейших времен до конца XIX века. – Казань, 2005. – С.93–104.
28. *Никитина Т.Б., Михеева А.И.* Аламнэр: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа. – Йошкар-Ола, 2006. – 194 с.
29. *Очеретин И.А.* Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II. – Муром, 1994. – С.201–203.
30. *Петров С.А.* Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. – [Электронный ресурс] – <http://www.history-ryazan.ru/node/10452>. – Дата просмотра 6.11.2012.
31. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978. – 134 с.
32. *Пудалов Б. М.* Татары на службе великого князя нижегородского (к истории русско-татарских контактов в XIV в.) – [Электронный ресурс]. – <http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/6/pudal.htm>. – Дата просмотра 6.11.2012.
33. *Рахимзянов Б.Р.* К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных русских княжеств // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 2. – Казань, 2010. – С.91–95.
34. *Салангин Д.А.* Хронология керамики вятской земли // Проблемы хронологии волжских болгар. – Казань, 1998. – С.26–27.
35. *Ситдиков А.Г.* Актуальные проблемы археологического изучения Казанского ханства Средневековая археология Евразийских степей. – Том 1. – Казань, 2007. – С.231–236.
36. *Ситдиков А.Г., Ахметгалин Ф.А.* Материальная культура населения Волго-Окского междуречья в эпоху средневековья (предварительные итоги археологических исследований 2007 г.) // Фаизхановские чтения. Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции. – М.-Н.Новгород, 2009. – С.142–144.

37. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* К ранней истории города Арска // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань, 2010. – С.5–15.
38. *Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш.* Некоторые итоги археологических исследований на территории Арского городища в 2006–2008 гг. // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань, 2010. – С.24–32.
39. Татарские князья и их княжества. // Сборник статей и материалов. Под ред. М. Ишеева – [Электронный ресурс]. – <http://idmedina.nichost.ru/books/regions/?848>. – Дата просмотра 6.11.2012.
40. *Тропин Н.А.* Исследования средневекового Ельца. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II. – СПб., М., Великий Новгород, 2011. – С.195–196.
41. *Тропин Н.А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв. – Елец, 2006. – 251 с.
42. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань, 1975. – 219 с.
43. *Фахрутдинов Р.Г.* Болгар в письменных источниках // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С.8–31.
44. *Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. – 1973. – № 4. – С.113–122.
45. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М., 2001. – 256 с.
46. *Федулов М.И.* Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. – Чебаксары, 2009. – С.104–114.
47. *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967. – С.85–92.
48. *Цыбин М.В.* К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье. // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Волгоград, 2004. – С.315–319.
49. *Цыбин М.В.* Русско-ордынское пограничье в Подонье: археологический контекст // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II // СПб., М., Великий Новгород, 2011. – С.200–201.
50. *Шебанин Г.А.* Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. – [Электронный ресурс] – <http://www.history-ryazan.ru/node/10452>. – Дата просмотра 6.11.2012.

К ВОПРОСУ О ПРОНИКНОВЕНИИ СТЕКЛЯННЫХ БУС НА ТЕРРИТОРИЮ СЕВЕРНОГО ПОДМОСКОВЬЯ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ

Е.К. Столярова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

При археологическом изучении северного Подмосковья в погребениях XII века были обнаружены бусы, пик распространения которых приходится на X век, и которые в основной своей массе перестают поступать на русский рынок в первой четверти XI в. (Щапова, 1972. С. 178–179)¹.

Это округлые бусы различных форм: шаровидной усеченной дважды, кольцевидной, эллипсоидной усеченной дважды и цилиндрической с диаметром тулова от 2 до 3,5 мм, что позволяет отнести эти украшения в группу бисера. Часть бус (36 экз.) сделана из бирюзового полупрозрачного стекла, другие (37) – из сине-фиолетового прозрачного. Изготовлены они при помощи вытягивания трубочки, разрезания ее на части и полирования. Серийное изготовление стеклянных бус из заготовки-трубочки традиционно связывается с ближневосточными центрами по производству украшений (Щапова, 1978. С. 100).

Такое происхождение бус подтверждает и анализ химического состава их стекол (табл. 1). Из четырех проанализированных бусин две сделаны из стекла тройной шихты (Na-Ca-Si), соединенной по норме 2,5 (ан. 774–30–31). В обоих случаях стекло сварено на золе наземных частей однолетнего растения пустынной зоны (поташника). Две другие бусины изготовлены из стекла двойной шихты (Na-Si) с рецептурной нормой 4,5 (ан. 774–29) и 5 (ан. 754–34). В качестве источника щелочного сырья в одном случае использована зола наземных частей того же однолетнего растения-галофита (ан. 774–29), в другом – сода (ан. 754–34). Зола галофитов (пустынных растений) – традиционное сырье, применяемое для получения стекла в Передней Азии, в том числе в Месопотамии и во внутренних районах Сирии. При этом рецептурная норма 2,5 является одной из самых распространенных в сирийских центрах (Щапова, 1983. С. 127). Соду обычно применяли в Египте и на территории Восточного Средиземноморья. Там же составление шихты из двух компонентов было обусловлено наличием месторождений специальных песков (Щапова, 1983. С. 107). Хотя двойные стекла на золе известны и из внутренних регионов Переднего Востока (Щапова, 1983. С. 98. Рис. 21; Столярова, 2003. С. 116–117). При размещении результатов исследованных бус на корреляционном поле они расположились в той области, где обычно размещаются ближневосточные стекла (рис. 1).

Рассматриваемые нами бусы относятся к группе рубленого бисера. В Старой Ладогере рубленый бисер датируется VIII – началом XI в. (Львова, 1970. С. 97). По материалам Новгорода этот вид бус датируется X – началом XII в., основная масса приходится на X – первую половину XI в., а для второй половины XI – начала XII вв. рубленый бисер большая редкость (Щапова, 1956. С. 173).

Такие бусы из бирюзового стекла (36 экз.) найдены в погребении под курганом (№ 1) могильника у дер. Мякинино Красногорского района Московской области². Погребение датируется исследователями первой половиной – серединой XII века, а сам могильник XII – первой половиной XIII века. Он синхронен расположенному практически вплотную к нему (в 200 м) селищу Мякинино–1, возникшему в первой половине XII века и активно функционировавшему в середине XII – первой трети XIII века. Находки, сделанные на селище, позволили авторам раскопок отнести его к числу «красных сел московских» и рассматривать как княжеское или частновладельческое село, на котором постоянно присутствовали представители администрации, относившиеся к аристократическому (военному) сословию. По мнению исследова-

¹ Благодарю руководителя раскопок А.В. Энговатову, а также В.Ю. Ковалю и К.И. Панченко за предоставленный для исследования материал.

² Археологическое изучение Мякининской курганной группы с 2004 по 2006 гг. проводила Подмосковная экспедиция отдела охранных раскопок ИА РАН (руководители А.В. Энговатова, В.Ю. Коваль).

телей, жители этого селища и были похоронены в близлежащих курганах (Энговатова, Коваль, 2006. С. 71, 72, 74, 75).

Таблица 1

Результаты эмиссионно-спектрального анализа стеклянного бисера из могильников, расположенных около д. Мякинино и в Дмитровском кремле

Шифр лаб.	754–34	774–29	774–30	774–31
Паспорт	<i>Дмитров, кремль, погр. 61</i>	<i>Мякининский могильник, курган 1</i>	<i>Мякининский могильник, курган 1</i>	<i>Мякининский могильник, курган 1</i>
Номер	430	59	73	79
Цвет	сине-фиолетовый	бирюзовый	бирюзовый	бирюзовый
SiO ₂	осн.	осн.	осн.	осн.
Na ₂ O	19	18	19	17
K ₂ O	1,1	2,9	3,4	2,1
CaO	2,2	3,6	6,9	5,5
MgO	1,8	1,0	2,9	2,0
Al ₂ O ₃	1,2	1,8	3,9	3,1
Fe ₂ O ₃	1,0	1,9	2,3	1,9
MnO	0,03	0,4	0,6	0,4
TiO ₂	0,07	0,1	0,2	0,09
PbO	–	2,8	2,0	5,0
SnO ₂	–	1,0	1,0	1,0
CuO	–	3,0	2,1	1,6
CoO	0,2	–	–	–
Sb ₂ O ₅	–	–	–	–
Ag ₂ O	–	–	–	–
Au				
Навеска		8,0	7,0	

Аналогичные бусы, но из сине-фиолетового стекла (37 экз.) были обнаружены в погребении (№ 61), входящем в состав могильника, открытого на территории кремля города Дмитрова³. Погребение, принадлежавшее женщине 20–25 лет, было датировано авторами раскопок концом XII века, а сам могильник, расположенный с южной стороны Успенского собора (раскоп 16) – концом XII – XVI вв. (Энговатова, 2003а. С. 5).

Таким образом, в погребениях XII века присутствуют находки, которые, в основной своей массе, перестают поступать на русский рынок в первой четверти XI в. (Щанова, 1972. С. 178–179).

Сохраниться в быту в течение 100 и более лет после того, как основная масса таких бус вышла из употребления, бисер мог, особенно если он был использован не для составления ожерелья, а для вышивки одежды.

В обоих случаях бисер расположен в районе черепа погребенных. В погребении Мякининского кургана бусы обнаружены рядом с черепом (с правой стороны), у нижней челюсти и под ней. Это позволило исследователям сделать выводы об использовании бус для украшения воротника погребального костюма либо об их включении в состав ожерелья (Захарова, 2009. С. 164. Цв. вкл. рис. XVI). Заметим, что последнее заключение применительно к бисеру представляется маловероятным.

³ Археологическое исследование могильника на территории кремля г. Дмитрова проводила Подмосковная экспедиция отдела охранных раскопок ИА РАН (руководитель А.В. Энговатова) в 2002 году.

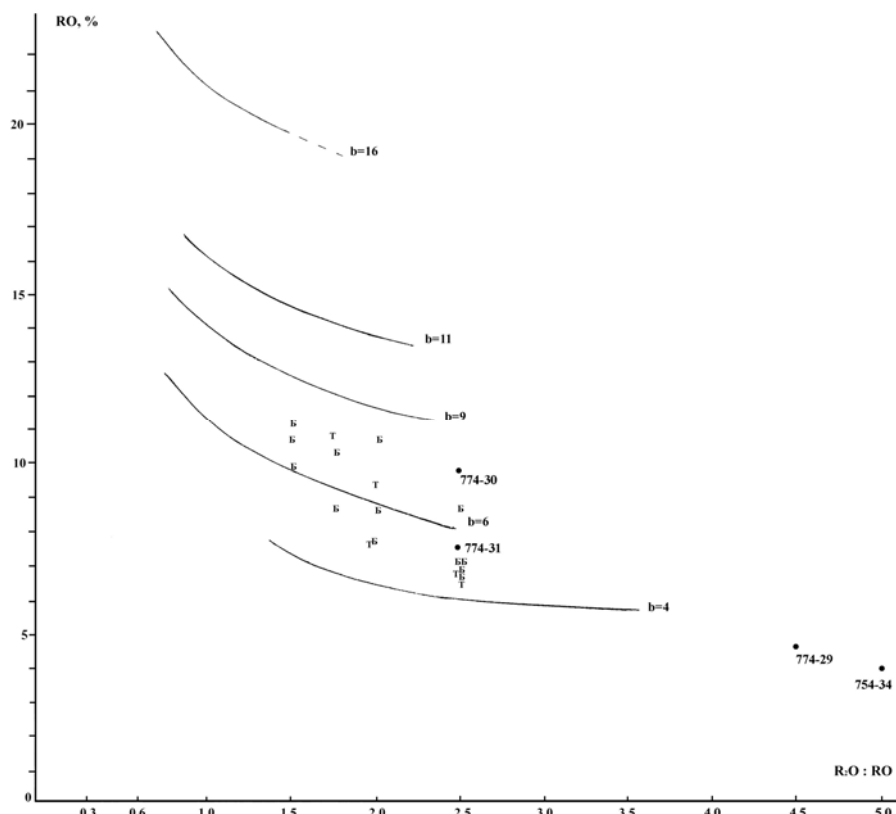

Рис. 1. Химический состав стеклянного бисера из Северного Подмосковья:

754–34 – класс $\text{Na}_2\text{O}-\text{SiO}_2$ (сода) рецептурная норма 5; 774–29 – класс $\text{Na}_2\text{O}-\text{SiO}_2$ (зола) рецептурная норма 4,5; 774–30, 31 – класс $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ (зола) рецептурная норма 2,5; Б – ближневосточные бусы могильника Бельбек IV (I–III вв.); Т – ближневосточные бусы городища Тетюши II (V–VII вв.).

В дмитровском погребении бусы находились между черепом и ребром погребенной, располагаясь на органической прослойке вместе с металлическими бляшками с изображением розетки или креста (Энгаватова, 2003б. С. 66). В этом случае было проведено комплексное исследование, согласно которому погребенная была одета в костюм, одним из декоративных элементов которого был стеклянный бисер. По мнению авторов исследования бисер вместе с металлическими бляшками украшал стоячий шелковый воротник на берестяном каркасе (Orfinskaya, Engavatova, 2009. P. 13–14. Fig. 11)⁴.

Таким образом, в обоих погребениях бисер, возможно, был использован для вышивки деталей погребальных костюмов, вероятно, воротников.

Согласно этнографическим данным одной из особенностей погребального обряда восточных славян был обычай хоронить в одежде, в которой человек венчался (Маслова, 1984. С. 85). М.А. Сабурова, ссылаясь на сведения, приводимые Б.А. Рыбаковым, сообщает о существовании такого же обычая и в древней Руси (Сабурова, 1988. С. 266). В свою очередь для свадебных обрядов было принято использовать традиционный костюм, старинные наряды, уже вышедшие из общего употребления, поскольку использование такой одежды имело охранительные (апотропейные) действия. Поэтому такая одежда передавалась по наследству или давалась взаймы (Маслова, 1984. С. 13, 18, 35–36).

Вероятно, погребальные костюмы из северного Подмосковья, будучи изначально свадебными, были переданы погребенным по наследству и таким образом сохранились в быту. Однако, сами костюмы, а тем более бусы, использованные для их украшения, по нашему мнению, не могли принадлежать местному населению как города Дмитрова, так и Мякинин-

⁴ Ранее исследователи интерпретировали металлические бляшки и стеклянный бисер как украшения шелковой шапочки на берестяном каркасе (Голиков, Орфинская, Алиев, 2003. С. 12), что и было отражено при публикации тезисов данной статьи (Столярова, 2009. С. 230).

ского селища. Мы полагаем, что эти бусы оказались на этих территориях не в результате торговли, а в результате этнических контактов. В частности, на основании изучения морфологии зубной системы жителей города Дмитрова XII–XVII вв. было установлено, что на раннем этапе развития города (XII–XIII вв.) местный компонент, включавший восточнобалтский и восточнофинский субстрат, взаимодействует с комплексом южного происхождения (Суворова, 2003. С. 32). Кроме того, совокупность краниологических характеристик также позволяет говорить о следах южнославянского, точнее южноевропеоидного влияния на антропологический тип населения Дмитрова в этот период (Энговатова, 2005. С. 156).

Что касается бус из Мякининского могильника, то на основании изучения вещевого материала курганов и находок, происходящих из раскопок селища, авторами раскопок было сделано предположение о процессе заселения этого микрорегиона. Его население предположительно представляло собой смешанный состав, формировавшийся из москворецких вятичей, которые составляли в нем меньшую часть, и переселенцев, прибывавших в Подмоскovie из различных районов Руси. В первой половине XII века помимо вятичей в заселении принимали участие славяне Верхнего Поволжья и Северо-Запада Руси, а с середины XII века – переселенцы из южнорусских земель (Энговатова, Коваль, 2007. С. 78–79).

Комплекс бус из погребения под курганом 1, скорее всего, связан с первой волной заселения этой территории, когда в Подмоскovie прибыло население Верхнего Поволжья и Северо-Запада Руси (Энговатова, Коваль, 2007. С. 78–79). Именно на эти территории в период VIII–X вв. в большом количестве поступали ближневосточные бусы для обмена на пушнину. Туда же в XI веке на смену бусам из ближневосточных центров пришли византийские, в том числе золоченые бусы, которые также присутствуют в мякининском погребении (Щапова, 1998. С. 159–161). Кроме того, в нем найдены браслетообразные височные кольца, которые вместе с золочеными бусами являются этническими признаками кривичей.

Таким образом, на основании приведенных данных можно высказать предположение, что находки ближневосточного бисера, пик распространения которого приходится на X век, в погребениях северного Подмоскovie, датируемых XII веком, свидетельствуют о его поступлении на эту территорию не в результате торговых контактов. Бусы такого типа в этом регионе можно рассматривать в качестве индикаторов пришлого населения.

Литература

Голиков В.П., Орфинская О.В., Алиев А.Д. Комплексное экспериментальное исследование текстиля из погребений XII–XIII вв. на территории кремля в городе Дмитрове // Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. Т. 1. Приложение. М., 2003. (На временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Захарова Е.П. Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. Вып. 5. М., 2009.

Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть II. Происхождение бус // АСГЭ. Вып. 12. Л., 1970.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX века. М., 1984.

Сабурова М.А. Погребальная древнерусская одежда и некоторые вопросы ее типологии // Древности славян и Руси. М., 1988.

Столярова Е.К. Бусы из древних силикатов эпохи бронзы евразийских степей // Чтения, посвященные 100-летию деятельности А.В. Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Часть I. М., 2003.

Столярова Е.К. К вопросу о проникновении стекланных бус на территорию северного Подмоскovie в домонгольскую эпоху // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай»: истоки евразийской цивилизации, I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань, 2009.

Суворова Н. Одонтологическая характеристика средневекового населения г. Дмитрова Московской области // Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. Т. 1. Приложение. М., 2003.

Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55. М., 1956.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Щапова Ю.Л. О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус // Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12. М., 1978.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.

Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998.

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. Т. 1. М., 2003а. (На временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Дмитрове Московской области в 2002 г. Т. 12. М., 2003б. (На временном хранении в ОПИ ИА РАН).

Энговатова А.В. Средневековые городские некрополи на территории Дмитровского Кремля // КСИА. Вып. 219. М., 2005.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Мякининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007.

Orfinskaya O., Engavatova A. Medieval textiles from the necropolis of Dmitrov Kremlin, Russia // Archaeological Textiles Newsletter. No 48. 2009.

СОКРОВИЩЕ ИЗ МАЛОЙ ПЕРЕЩЕПИНЫ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА БОЛГАР НИЖНЕГО ДУНАЯ

Б. Тотев, О. Пелевина

Региональный исторический музей, г. Добрич

Региональный исторический музей, г. Варна

В середине и второй половине VII в. события, всколыхнувшие европейские степи, серьезно изменили историю населявших их народов. Распадается могущественное племенное объединение Кубрата, получившее известность как Великая Болгария, а на его территории утверждается новая степная суперсила – Хазарский каганат. Следы этих драматических событий являются открытые в основном по течению Днепра погребения, поминальные сооружения и клады – Малая Перещепина, Вознесенка, Макуховка, Новые Санжары, Келегеи и др. (Рашев, 2000. С. 37–48, табл. 43–56).

В это же время переходит свой зенит и другая степная империя – Аварский каганат. Он окончательно теряет контроль над Нижнедунайским бассейном, а в его центральной части, на Среднем Дунае, появляется новое, вероятно пришедшее с Востока, население. К этому периоду на территории современной Венгрии относятся так называемые княжеские погребения из Бочи и Кунбабоня (Gold der Awaren, 2002. P. 82–89). Эти находки имеют явное сходство с сокровищами из восточноевропейской степи и связаны многими исследователями с элитой убежавшего к аварам третьего сына Кубрата – Кубера (Gold der Awaren, 2002. P. 86).

Совсем логично находить подобные богатые кочевнические комплексы и предметы того же времени и на Нижнем Дунае, где устанавливаются и создают свое новое государственное объединение болгарские племена под предводительством Аспаруха.

Поводом для рассуждений на эту тему послужила предоставленная нам возможность опубликовать сохранившуюся часть инвентаря ограбленного подкурганного погребения из Шуменского района. В него входит бронзовый сосуд – сохранилась половина венчика и часть тела (рис. 1, 2)*. Горло сосуда расширяется, переходя в сильно отогнутый, широкий венчик, украшенный с внутренней стороны врезанным орнаментом в виде кружков с точкой – «птичий глаз». Сосуд литой, на его горле видны следы ремонта – оловянного припоя. Следы олова видны и на нижней части сохранившейся стенки – видимо здесь был припаян верхний край полукруглой ручки. Размеры: диам. венчика 11 см; сохр. высота 5,6 см; диам. тела 10,2 см. Подобные сосуды, но золотые и серебряные, известны из погребений тюркских воинов на Алтае (Stark, 2008. P. 486–7, Abb. 20/ a, c, g; 21/ c, d, e; Кубарев, 2005. С. 344, рис. 13, 14), сокровища из Малой Перещепины (Залеская, Львова, Маршак и др., 1997. С. 311–13, кат. 69, 70; Вернер, 1988. Прил. 9/ 20 а, 20 б; 21/ 2, 4) и княжеских погребений из Бочи и Кунбабоня (Gold der Awaren, 2002. P. 82–6, Abb 1, 4, 8). Изображения подобных сосудов часто встречаются на каменных изваяниях тюркских воинов в Центральной Азии (Кубарев, 2005. С. 36, рис. 7; С. 38, рис. 8). На территорию Европы они проникают из Западного тюркского каганата (Комар, 2008. С. 295, рис. 4/ 7–13).

В непосредственной близости от сосуда открыта золотая пластина (рис. 1, 1). Она также фрагментирована, но ее большая часть сохранилась. Пластина изготовлена из тонкой золотой фольги, на которой методом ручного тиснения представлена фигура отдыхающего мифического зверя налево. Он изображен с отворенной пастью, чья нижняя челюсть оформлена в виде полупальметты. Мощные львиные лапы с острыми когтями поджаты под тело. В центре изображения вписан побег с двумя S-овидно расположенными полупальметтами с одним продолговатым асимметричным заостренным листком и со вторым – завитым внутрь в виде волюты. Хвост и крыло (сохранилась только одна его половина) животного стилизованы также в виде побегов с S-овидно расположенными листьями-волютами. Короткими отвесными, рельефными линиями передана вздыбленная грива на голове и шерсть на спине грифона. Пластина крепилась по длине пятью парами декоративных гвоздиков с широкими круглыми головками. Большая их часть оставила ясные отпечатки на периферии

* Рис. 1–6 к статье см. на цветной вклейке.

пластины. Ее правая сторона прикреплялась тремя гвоздиками, с меньшим диаметром головок. Рельефные ребра на обеих коротких сторонах показывают, что на пластину ложились другие пластины той же ширины. Подобную констатацию можно сделать и о верхнем крае находки. Эти технологические особенности подсказывают, что пластина прикреплялась к деревянной основе, где она была одним из элементов декора ножен, в верхней части которых, вероятно, была прикреплена портупейная петля. Размеры: дл. 9,1 см; шир. 5,2 см; толщ. 0,05 см; вес 3,77 г; состав: золото 73,54%, серебро 26,13%, медь 0,33%.

Вписанная в тело животного пара S-овидно расположенных полупальметт и его специфически переданная вздыбленная шерсть показывают далекое сходство с животными из Мартыновского клада. Однако общее впечатление, способ изготовления тиснением по золотой фольге, орнаментация листьями-волунами и даже размеры дают нам основание характеризовать рассматриваемую нами пластину как более позднюю, западную разработку, которая заимствовала много черт стиля так называемой тюрко-согдийской группы предметов из М. Перещепины (рис. 2, 3), Вознесенки, Ясинова и Келегеев. Пластина из Шуменского района – это трактовка в восточной манере характерного для Дунайского бассейна и балканского региона сюжета, где в византийско-варварской среде формируются подобные изображения мифических зверей. Ее предназначение как обкладки ножен дополнительно сближает пластину с группой Малой Перещепины и княжеских погребений Аварского каганата, где золотые обкладки ножен оружия являются очень характерным элементом.

Нет сомнения, что предметы роскоши из Перещепинского комплекса собирались долгое время и сами по себе они – продукт различных культурных традиций, выполнены в стилях различных мод, ателье и школ (Залеская, Львова, Маршак и др., 1997. С. 4; Вернер, 1988. С. 12–17). Несмотря на это, собрание этих вещей может быть эталоном элитарной культуры Европейских кочевников середины и второй половины VII в. На основе этого эталона мы можем обособить на территории Нижнего Дуная небольшую группу украшений, предметов роскоши и инсигний, отличающихся от большинства памятников староболгарской металлопластики.

Близкие параллели с украшениями группы М. Перещепины имеет эмблематический для языческой культуры дунайских болгар памятник – второй мадарский наборный пояс (рис. 3, 1). Он открыт в кургане, где вторично захоронены останки мужчины и коня (Миков, 1934. С. 426–438). Часть деталей пояса отсутствует, а среди открытых – пять наконечников ремней и один главный наконечник пояса, три больших и девять маленьких овальных украшений пояса со стеклянными вставками-кабошонами (Миков, 1934. С. 426–438). Сохранившиеся элементы не позволяют точную реконструкцию пояса, но, например, золотые, гранулированные бляшки с кабошонами имеют близкие аналогии в Малой Перещепине (Залеская, Львова, Маршак и др., 1997. С. 305, кат. 56/8). Там же, а и в Вознесенке, Виноградном, Васильевке и Уч-Тепе встречаются и подобные, украшенные грануляцией, наконечники ремней (Комар, 2005. С. 173, рис. 6; с. 174, рис. 7; Комар, 2006. С. 131, рис. 31). Целостное впечатление от находки ставит ее в круг богатых кочевнических погребений середины VII в. Само место захоронения – под священными скалами Мадары – и специфический погребальный обряд являются аргументом, связывающим золотые поясные детали с представителем управляющей болгарской верхушки времени Аспаруха.

Другая находка, выполненная в стиле люксовых гранулированных украшений – это, найденная у с. Ветрен золотая бляшка с вставками (рис. 3, 3), из которых сохранилась лишь центральная с камнем (Станилов, 2006. С. 70–74, обр.15). Она является деталью парадного пояса с псевдопряжками, подобного Перещепинскому, а также поясам из княжеских погребений у Бочи и Кунбабоня. Техника изготовления и вес показывают, что бляшка из Ветрена была элементом пояса аристократа самого высокого ранга. Несмотря на неясные археологические обстоятельства находки бляшки, нет причин не связать ее исторически с создателями болгарской державы на Нижнем Дунае. В поддержку вероятности, что пояса с псевдопряжками частично употреблялись во времена болгар Аспаруха, можно указать на случайную находку из района с. Драганово на среднем течении р. Янтры (рис. 3, 2). Она изготовлена из нескольких спаянных, штампованных из медного листа деталей. Они прикреплены к четырем – одному горизонтальному, у основания, и трем более коротким, вертикальным – ребрам из бронзовой проволоки. В верхней части к центральному ребру припаяны «уши» шарнира, а в нижней – две полые, симметричные относительно имитации языка полусферы. Сохранились

следы толстого слоя позолоты, а сложная техника изготовления также является признаком имитации люксовой и дорогой вещи. Размеры: высота 1,8 см, сохр. ширина 2,1 см.

К группе элитарных украшений этого типа можно отнести и золотое гранулированное колесико, открытое на груди ребенка или молодого мужчины вместе с наборным поясом типа «Врап–Ерсеке» у с. Гледачево, Южная Болгария (рис. 4, 3). Полные результаты этих раскопок еще не обнародованы (Тонкова, Георгиева, 2006. С. 165–166), но золотая подвеска, вероятно, является анахронизмом в сравнении с другими деталями инвентаря. Колесики со спицами этого типа встречаются в небольшой отрезок времени – с середины VII и в самом начале VIII вв. в археологических комплексах как М. Перещепина (Залеская, Львова, Маршак и др., 1997. С. 299, кат. 43; Вернер, 1988. Прил. 15/50), Макуховка (Семенов, 1986. С. 93; Семенов, 1986а. С. 33), Ясиново (Айбабин, 1985. С. 191–196; Valint, 1989. P. 101, Abb. 46–3) и Новая Орловка (Ильюков, Косяненко, 2007. С. 109, рис. 19–4).

Особенно ценный материал об элитарной культуре дунайских болгар дают последние исследования покойного профессора Раши Рашева К сожалению, у него не было возможности проанализировать детально и опубликовать полностью одно из своих самых больших открытий. В нашем исследовании мы прокомментируем некоторые элементы из раскрытого проф. Рашевым в окрестностях Плиски подкурганного погребения молодого аристократа (Рашев, Атанасов и др., 2006. С. 374–375). Одной из причин уникальности этой находки является наличие в ней широкого круга вещей ежедневного обихода, атрибутов и инсигний, использовавшихся староболгарской аристократией (Рашев, 2007. Рис. 11–14). Для конкретной темы интерес представляет открытая над головой погребенного серебряная трубочка (рис. 4, 1), интерпретированная в первоначальной публикации как султан (Рашев, 2007. Рис. 12). Двухстороннее прикрепление маленькими гвоздиками, наличие толстого куска дерева внутри трубочки и открытый в непосредственной близости другой серебряный предмет – мундштук дают возможность для новой интерпретации находки. Мы считаем, что трубочка и мундштук представляют собой облицовку деревянного рога для питья. Дополнительным аргументом в пользу этой интерпретации являются открытые в непосредственной близости серебряный пояс, на котором, вероятно, висел рог (Рашев, 2007. Рис. 13) и глиняный кувшин – часть комплекта для питья (Рашев, 2007. Рис. 11/1). Золотой рог – характерный, символизирующий власть атрибут, типичный для группы Малой Перещепины и княжеских погребений Аварского каганата (Gold der Awaren, 2002. P. 98, Abb. 24). Действительно, рог из Кабиюка – серебряный и сложносоставной. Серебряные рога, однако, встречаются в княжеских аварских погребениях, а сложносоставными являются золотые рога из Бочи и Келегей (Gold der Awaren, 2002. P. 84, Abb. 4; P. 98, Abb. 24–6). Подобными, видимо, пользовались и болгарские аристократы на Нижнем Дунае в эпоху завоевания родины.

Другая находка из того же погребения, на которую мы обратим внимание – это две золотые серьги (рис. 4, 4) с псевдогрануляцией и подвесками из зеленого стекла (Рашев, 2007. Рис. 14). Наличие подобных украшений также характерно для группы М. Перещепины и аварских княжеских погребений. Золотые серьги были найдены и в другом погребении высшего болгарского аристократа – в могиле из Велино. Кроме Перещепина подобные серьги открыты в богатых комплексах Ясинова, Келегеев, Новых Санжар, Глodosов и др. и связаны они явно с тюрко-согдийской модой украшений (Комар, 2008. С. 290, 291, рис. 1/1–8).

С известной условностью к люксовым украшениям этой группы может быть причислен и один византийский золотой перстень из Преславского клада (рис. 4, 2) с элементами, включающими технику грануляции и филигрании и, потерянной сейчас, каменной или стеклянной вставкой (Съкровищата на средновековна България, 2007. С. 13, таб. 1/14). Декор внешней части перстня в большой степени повторяет декор гранулированной поясной скобы из Вознесенки (Комар, 2006. С. 131, рис. 31–2). Несмотря на общую датировку клада второй половиной X в., перстень явно относится к более раннему периоду. С территории современной Болгарии наверняка происходят и другие, пока не идентифицированные люксовые изделия этого круга. Подобные предметы находят и на территории Румынии. К сожалению, еще не опубликован сохраняемый в Национальном историческом музее Бухареста клад из золотых поясных деталей и солидов.

Датировка оформившегося таким образом круга люксовых находок на Нижнем Дунае варьирует в рамках VII в. Присутствие их на опустошенной и обезлюдившей во время войн с

аварами территории византийских провинций Мизии и Малой Скифии явно маркирует появление нового, пришедшего с востока населения. Оставленные им богатые погребения – единичные, часто для них использовались старые курганы. В этих могилах многие вещи, характерные или носящие влияние группы Малой Перещепины, встречаются вместе с литыми поясными деталями типа «Врап–Ерсеке» (рис. 5, 1–3). Представлены атрибуты мужчины-воина: аксессуары одежды, снаряжение и личные вещи, часто выполняющие роль инсигний:

Пояса. В основном византийского изготовления, под частичным влиянием позднеасанидских традиций. Известные до настоящего момента экземпляры выполнены сложной техникой, включающей грануляцию, филигрань и вставки.

Часть облицовки, вероятно, деревянных ножен. Пластина изготовлена методом тиснения по золотому листу – балкано-дунайский вариант известного по группе Малой Перещепины тюрко-согдийского стиля.

Серьги. Вероятно, византийское или аварское изготовление. Присутствие их в мужском туалете – восточное, вероятно, также тюрко-согдийское влияние.

Перстень. Византийское изготовление, с грануляцией, псевдофилигранью и вставкой.

Колесико-пандантив. Изготовлено методом грануляции, характерно для богатых кочевнических комплексов Северного Причерноморья.

Сосуды. Металлический сосуд для пиршеств – характерный атрибут тюркского воина. Возможно балкано-дунайское или византийское изготовление литьем.

Рог. Символ высокого общественного положения – балкано-дунайский вариант более люксовых образцов. Изготовлен из дерева с серебряной облицовкой. Наиболее вероятно, позднеантичное влияние в варварской среде.

Анализ рассмотренных находок показывает, что в момент прихода и осваивания Балканских земель элита дунайских болгар использовала предметы роскоши византийского изготовления, а его традиционная культура была под сильным влиянием тюрко-согдийской моды, инспирированной Западным тюркским каганатом. В этот период начинает формироваться и новый, специфично балкано-дунайский стиль, включающий элементы, формы и сюжеты степной и византийской традиций. Это лучше всего прослеживается в богато украшенных наборных поясах, где от золотых, гранулированных со вставками и штампованных в тюрко-согдийском стиле поясов происходит переход к золотым, серебряным или серебряным с позолотой литым деталям поясов группы «Врап–Ерсеке» (Werner, 1989; Daim, 2002 P. 94–106). Эмблематическим памятником этого перехода является золотая пластина из Шумена, чей стилистический анализ отводит ей место связующего элемента между тюрко-согдийским стилем тисненых, штампованных, украшенных побегими с листьями-волутиками бляшек и декорированными пальметтами и животными литыми деталями (рис. 2, 1, 2; рис. 5, 1–3) поясов типа «Врап–Ерсеке» (Catalogue of The Avar Treasure, 1981). Эта комбинация не случайна. В своих исследованиях мы неоднократно развивали идею об определяющем влиянии тюрко-согдийского стиля штампованных украшений группы Малой Перещепины на характерные для дунайских болгар типы наборных поясов – с «перевязанной пальметтой» и на элитарные пояса типа «Врап–Ерсеке» (Тотев, Пелевина, 2005. С. 89–91). Находка из Шуменского района дает возможность расширить еще более круг этого влияния, включая в него и некоторые литые детали поясов, характерные для Дунайского бассейна в начале и первой половине VIII в. (Тотев, Пелевина, 2010) с декором из грифонов и побегов с круговыми листьями. Воздействию тюрко-согдийского стиля штампованных и тисненых золотых украшений на элитарные для болгарской аристократии литые детали типа «Врап–Ерсеке», вероятно, способствовала правящая династия. Связи владетельского рода дунайских болгар Дуло с одной из двух могучих племенных фракций Западного тюркского каганата – племенами Дулу весьма вероятны. Возможно, что люксовые вещи тюрко-согдийского стиля и более поздний, уже впитавший влияние Византии, стиль «Врап–Ерсеке» маркируют или легитимируют определенное родовое и общественное положение, а факт, что они пока встречаются только в единичных погребениях, имеет не хронологическое, а этническое или социальное объяснение. В этой связи любопытно, что, случайно или нет, выход из употребления наборных поясов типа «Врап–Ерсеке» в середине VIII в. совпадает с концом управления в Болгарии династии Дуло.

Мы считаем, что даже поверхностный анализ археологических и исторических источников может внести лепту в уточнение тюркского влияния на аристократическую прослойку

дунайских болгар времени создания Дунайской Болгарии. Серьезным дополнением к рассмотренному выше влиянию тюрко-согдийского стиля на староболгарскую металлопластику, наличие курганных погребений с конем и историческим сведениям о роде Дуло является изображение на предмете из рога, открытом у с. Хырлец в близости от Дуная (рис. 6). На нем тонким резцом изображена сцена, представляющая движущуюся или пристающую к берегу лодку с ясно выраженной высокой кормой, перевозящую воинов¹. Первый из них поднял высоко над головой копье (весло?), а последний направляет веслом движение ладьи. Мастер изобразил только головы воинов с длинными волосами, их тела скрыты за тремя большими круглыми щитами. Изображения – схематичны, нет попытки предания воинам индивидуальных черт. На верхней части предмета представлен воин в профиль, опустившийся на правое колено и полагающий руку на левое колено. Значимость этой фигуры подчеркнута центральным местом изображения и почти вдвойне большими размерами. Мастер попытался придать воину индивидуальные черты – сильно выдающаяся нижняя челюсть или борода и заплетенные в косы длинные волосы. Без сомнения, мастер придавал исключительно большое значение прическе и, чтобы показать ее достаточно ясно, изобразил мужчину с полуобернутой направо головой, потеряв при этом возможность придать лицу индивидуальные черты. Однако в деталях представлена одежда мужчины – длинный халат с богато украшенными полами и высокими обшлагами на рукавах, сапоги. Одежда перетянута поясом, с левой стороны которого горизонтально висит длинная прямая сабля или палаш с односторонне скошенным верхом. Торжественная поза и центральное место в композиции выдают высокое положение воина и значимость представленной сцены. Внимательное изображение мастером таких деталей как прическа, одежда, пояс и оружие подчеркивают их исключительную важность. В сущности – это отличительные признаки воина. Прическа выполнена в хорошо знакомом по стенописям Афрасиаба, каменным бабам и многочисленным граффити тюркском или центральноазиатском стиле (Комар, 2008. С. 289–291, рис. 1/10). Украшенный халат, пояс и оружие – не просто обыкновенные детали, а инсигнии. Все они показывают высокое социальное положение, а почему бы и не этническую принадлежность воина.

Открытие этого уникального предмета из рога в пределах староболгарского поселения более позднего периода не дает возможности точно датировать памятник. Для уточнения датировки важны отличительные черты центральной фигуры: тюркская прическа с косами, тип прямой сабли или палаша, специфично украшенный халат указывают на датировку VII, максимум, VIII вв. Местонахождение находки, однако, дает нам ясную информацию о месте, где развивается действие, изображенное в сцене – среднее или нижнее течение Дуная. Для более объективного толкования изображения не хватает одной существенной детали – левой нижней части предмета, симметричной правому заостренному рогу с рисунком лодки. Возможно, там тоже была врезана какая-нибудь сцена. Все воины на правой части рога представлены в профиль налево и общее впечатление, что определенный сюжет развивается справа налево, а финал был представлен на сломанной левой части рога. Над всем доминирует центральный образ тюркского (или одетого и вооруженного по тюркской моде?) аристократа (предводителя похода?). Несмотря на коленапреклоненную позу, фигура вождя излучает респект и достоинство. Вероятно, воин изображен в момент положения клятвы или обета перед Богом или общностью людей. Расположение фигуры в целостной концепции строго определено, подчеркивая ее исключительное значение в представленном событии. Со времен древнего Египта и до Византийских императоров таким образом (место и величина!) представляли фигуры владетелей (вождей), участвовавших в уникальных или запоминающихся для своего времени событиях. Торжественность сцены подчеркнута поднятым в знак приветствия копьем первого воина в лодке. Мы считаем, что мастер представил развитие (начало и конец?) военной экспедиции (пересечения реки Дуная?) или сублимный момент этого действия. При обоих вариантах на предмете вырезан не просто эпизод из военного ежедневия, а событие исключительного значения. Таким событием могло бы быть пересечение реки Дуная болгарскими войсками в 680 г. или последовавшие за ним военные или военно-политические операции по установлению и утверждению западных границ Дунайской Болгарии.

¹ Выражаем благодарность Валерию Йотову (Региональный исторический музей, г. Варна) за предоставленную нам возможность опубликовать находку.

Литература

- Айбабин, 1985 – Айбабин А. И. Погребение хазарского воина // СА. № 3.
- Вернер, 1988 – Вернер Й. Погребалната находка от Малая Пересчепина и Кубрат-хан на българите. София.
- Залеская, Львова, Маршак и др., 1997 – Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоякова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. Санкт-Петербург.
- Илюков, Косяненко, 2007 – Илюков Л. С., Косяненко В. М. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки // Материалы и исследования археологии Дона. Вып. 2. М.-Иерусалим.
- Комар, 2005 – Комар А. В. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Сугдейский сборник. Вып. II.
- Комар, 2006 – Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк.
- Комар, 2008 – Комар А. В. Наследие Западнотюркского каганата в Восточной Европе // Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Киев.
- Кубарев, 2005 – Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск.
- Миков, 1934 – Миков В. Последни могилни находки // Мадара. 1. София.
- Рашев, 2000 – Рашев Р. Прабългарите през V–VII. В. Търново.
- Рашев, Атанасов и др., 2006 – Рашев Р., Атанасов Г., Стойчев С., Йоргов Ю. Раннесредневековен могилен комплекс при Кабиюк, община Шумен // АОР през 2005 г. София.
- Рашев, 2007 – Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей. Т. I Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Серия «Археология евразийских степей». Вып. 1. Казань.
- Семенов, 1986 – Семенов А. И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // АСГЭ. № 27. Л.
- Семенов, 1986а – Семенов А. И. К реконструкции состава Макуховской находки // СГЭ. 2. Л.
- Станилов, 2006 – Художественият метал на Българското ханство на Дунав (7–9 век). Опыт за емпирично изследвание. София.
- Съкровищата на средновековна България, 2007 – Съкровищата на средновековна България. Каталог на изложба (съставител Ваня Павлова). Варна.
- Тонкова, Георгиева, 2006 – Тонкова М., Георгиева В. Ямно светилище от късножелезната епоха и раннесредневековен езически колективен гроб в центъра на с. Гледачево, обект «Двора», община Раднево // АОР през 2005 г. София.
- Тотев, Пелевина, 2005 – Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург.
- Тотев, Пелевина, 2010 – Тотев Б., Пелевина О. «Звериный стиль» в языческом искусстве дунайских болгар // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнического и межкультурного взаимодействия). Самара..
- Balint, 1989 – Balint C. Die Archäologie der Steppe Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom. 6 zum 10. Jahrhundert. Herg. F. Daim. Wien – Köln.
- Catalogue of The Avar Treasure, 1981 – Catalogue of The Avar Treasure. Sothrbly Parke Bernet & CO. London.
- Daim, 2002 – Daim F. «Byzantinische» Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts. – Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck.
- Gold der Awaren, 2002 – Gold der Awaren. Der Goldschatz von Nagyszentmiklós. Ausstellungskatalog des Magyar Nemzeti Múzeum. Budapest.
- Stark, 2008 – Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien Archäologische und historische Studien. Wiesbaden.
- Werner, 1989 – Werner J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. – Studien zur Archäologie der Awaren. II. Wien.

Раздел II.

ТЮРКСКИЕ ТРАДИЦИИ В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ГОРОДА X–XIII ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ г.БИЛЯРА)

Г.Н. Айдарова-Волкова

Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань

Средневековые столичные города Среднего Поволжья: Биляр, Булгар, Казань имеют общие архитектурно-градостроительные признаки, связанные с наследием тюркских влияний, восходящих к традициям центральноазиатских и ближневосточных культурных центров. Эти влияния можно обозначить хронологически в градостроительных культурах Волжской Булгарии, Улуса Джучи и Казанского ханства. На каждом из этапов характер влияний был различным. Войдя в орбиту культурного воздействия Востока, столичные города Среднего Поволжья получали импульсы для развития, главным образом тюркских, архитектурных традиций, которые накладываясь на местные особенности, обусловленные срединным положением региона между Европой и Азией (Айдарова, 1997), своеобразно преломлялись в их пространственной организации.

Какие же системные признаки тюркских традиций выявляются в архитектурном пространстве города Биляра в X–XIII веков, в его планировке, застройке, типологии жилых и культовых зданий?

При рассмотрении вопроса о принципах организации градостроительного пространства, характерных для ранних булгар важно учитывать с методологической точки зрения доисламский период – время освоения новых территорий после миграции части болгар в Среднее Поволжье. Этот наименее изученный период, продолжительностью более 200 лет (вторая половина VII – конец IX вв.) являлся переходным, связан с адаптацией к новым природно-климатическим условиям, вхождением в орбиту влияния исламской культуры. В то же время процесс распространения собственно болгарской культуры в Среднем Поволжье мог оказаться более ранним и более длительным, чем это принято считать в литературе. Например, новейшие археологические исследования города Плиски в Болгарии дали неожиданные результаты, связанные с ранним периодом культуры дунайских болгар. Так под фундаментами кирпичного дворца Крума (VIII век) были выявлены остатки деревянных стен прямоугольной в плане цитадели и нескольких круглых в плане сооружений диаметром от 15 до 25 метров. Они были отнесены исследователями к остаткам деревянных дворцов кочевой аристократии. Вследствие этого, была скорректирована и хронология этапов развития болгарской культуры (Рашев, 2007, с.105). Был сделан вывод о том, что в основе пространственной организации стационарных деревянных жилищ была использована форма юрты, перенесенная в деревянную конструкцию. Такие же процессы в становлении болгарской архитектуры могли иметь место и в регионе Поволжья в доисламский и ранний исламский периоды. Кроме того, следует иметь в виду, что раннебулгарский период археологически недостаточно изучен, особенно с точки зрения характера переходных процессов от языческой культуры к ранней исламской. Это относится к проблеме планировки первых поселений и архитектуры первых мечетей булгар.

В одном из древних манускриптов говорится о том, что в 630 году Пророк отправил троих своих сподвижников в город Булгар для проповеди ислама. Они строили мечети и учили народ (Березин, 1853, с.77). Имена учеников и десятков последователей и шейхов подробно перечислены, так же как и места расположения их многочисленных почитаемых могил, в том числе и в окрестностях Биляра.

В переходном периоде от язычества к исламу сохранялись традиции кочевого образа жизни, отразившиеся в организации пространства поселений, жилищ, языческих святилищ. В X веке они еще в полной мере проявляли свою значимость, учитывая, что болгары принимали посольство Ибн-Фадлана в кочевой ставке, где хан и придворные жили в юртах и «палатках». Согласно письменным источникам традиции кочевого образа жизни сохранялись и во второй половине XVI века. Например, сообщается о том, что в татарской слободе Казани жили зимой, «а летом многие дворы стоят порожжи» (Список с писцовых книг, 1877, с.53). При таком сочетании оседлого и кочевого образов жизни в поселениях долго сохранялись элементы временности, неустроенности территории.

К началу XIII века в Волжской Булгарии, вероятно, сложилась архитектурно-градостроительная типология с отработанной конструктивной системой срубно-деревянного и кирпично-каменного зодчества. Иначе нельзя объяснить взлет архитектурной культуры г. Булгара – первой столицы Улуса Джучи.

Известно, что планировочная схема Биляра относится к типу трехчастного концентрического города. Круглые в плане города были наиболее древними, например шумерский Ур (XXII в. до н.э.), безымянные города Ирана, а также город Аркаим на Южном Урале (эпоха бронзы). Прямоугольные в плане города возникли позже – Вавилон (VI в. до н.э.). Прямоугольные трехчастные города были характерны для Центральной Азии (Мерв, Хива, Герат), а также Хазарии (Итиль), Дунайской Болгарии (Плиска).

Тип круглого кочевого стана был свойственен гуннам, которые одновременно жили в кочевых и стационарных поселениях. Принцип пространственной организации стана основан на традициях кольцеобразного расположения телег, повозок, юрт вокруг ставки предводителя. Кочевые города Чингисхана представляли круговую организацию пространства из 50 тысяч телег и повозок (Гумилев, 1993, с.27). Алгоритм построения и свертывания такого передвижного города должен был отрабатываться столетиями. Ставка Аттилы представляла собой деревянный с узорной резьбой дворец, окруженный деревянными же стенами. Укрепленная цитадель была характерной для планировки городов у древних эфталитов (IV–VI вв.), потомков гуннской державы, создавших обширное государство в Средней Азии.

Надо заметить, что Биляр нельзя отнести к типу прямоугольного города, но он и не круглый в плане. Он имеет форму округло-прямоугольного плана, ориентированного слабо выраженными углами по странам света. Самую укрепленную часть его представляла цитадель (площадь в 6 гектар), окруженная дубовым частоколом из семи рядов бревен. Въезд в цитадель осуществлялся через мост, перекинутый над рвом. Цитадель была окружена со всех сторон двумя линиями валов внутреннего города (площадь в 110 гектар). За его стенами начинался внешний город (490 гектар), укрепленный тремя линиями обороны (ров, вал, ров) и срубными конструкциями стен (клетей), заполненных землей и щебнем. За пределами городских стен размещались обширные пригороды, с площадью территории около 400 га (Халиков, 1976, с.38, 54).

Цитадель – системный признак архитектуры тюркского города. По аналогии с городами Центральной Азии (Топрак-кала) она имела вид укрепленного замка. Это самая значимая часть города, его ядро, его политический, экономический, династический, духовный и культурный центр. Цитадель располагалась в восточной части внутреннего города, ее размеры 220 на 300 метров. Следует полагать, что внутри цитадели по аналогии со средневековыми городами Востока было несколько кварталов, включавших комплекс дворца с дворцовой мечетью, баней, мавзолеями, подземными галереями, комплексом гарнизона, правительственных, а также хозяйственных служб со складами и хранилищами. Они могли образовывать несколько замкнутых дворов.

Билярский дворцовый комплекс был кирпично-каменным, как и дворец Крума в Плиске (Рашев, 2007, с.105), а также дворец кагана в хазарском Итиле (Плетнева, 1989, с.24). Археологически выявленные остатки большого кирпичного здания с оградой и каменной мостовой (Халиков, 1976, с.31) можно отнести к дворцовому комплексу Биляра. В цитадели стояла башня-минарет, предназначенная для наблюдения за городской жизнью и служившая обсерваторией для вычисления суточных ритмов пятикратных богослужений.

По описаниям очевидца Н.П. Рычкова в цитадели стоял столп, он был преогромным и построен из красного кирпича, смешанного с диким камнем (Рычков, 1770, с.12). В архитектурном декоре каменно-кирпичных мечетей, дворцовых построек и бань использовалось стекло в виде зеленоватых дисков, вставленных в гипсовые решетки оконных проемов, а также лекальный кирпич и многоцветные изразцы. Их остатки были выявлены археологически-ми раскопками (Халиков, 1976, с.7; Хузин, 2007, с.25).

Следует предполагать, что шатры из китайского шелка, распространенные по всему Востоку среди тюркской аристократии (Гумилев, 1993, с.56) могли использоваться в летнее время в Билярской цитадели и в кочевых станах. О палатке, в которой жил хан (элтабар), которая и был шатром, пишет Ибн-Фадлан (с.29). По его сведениям юрта царя вмещала тысячу человек. Исследования болгарских ученых допускают возможность бытования переходных форм от юрты к срубным конструкциям в архитектуре волжских булгар, предполагая, что юрта царя могла иметь вид восьмиугольного сруба. При длине бревна 10 метров это мог быть один из самых больших юртообразных срубных домов (800 кв.м.). Аналогом может служить срубная восьмигранная юрта башкир, которая сохранялась вплоть до конца XVIII века. Она имела в центре очаг в виде тандыра и отверстие в шатровой крыше. (Харузин, 1896, с.54). В билярской цитадели могли быть прямоугольные бревенчато-срубные, юртообразные бревенчато-срубные и каркасно-столбовые дома, а также кирпично-каменные здания, войлочные юрты, палатки, шатры.

Во внутреннем городе жили феодалы и чиновники, размещались усадьбы и мастерские металлургов, гончаров, кузнецов, косторезов, стеклодувов и др. Планировка города образовалась пересечением дорог, связывавших въездные ворота, расположенные с каждой стороны внутреннего города. На пересечении двух главных магистралей располагался базар, пятничная соборная мечеть, несколько десятков кирпично-каменных зданий и деревянные жилые кварталы.

Планировочной единицей внутреннего города был квартал. В отличие от европейских и городов Руси, где в основе планировки лежала улица (ряд, порядок), мусульманский Восток не знал улицы как типа линейной общественной артерии. Системным признаком тюркского города является огороженный квартал, сформированный жилыми и общественными зданиями. Например, мусульманский караван-сарай был окружен мощным двором и деревянными стенами в виде дубового частокола со рвом (Халиков, 1976, с.39, 49, 52).

Внутри жилых кварталов застройка была нерегулярной с хаотичными внутриквартальными проездами. Между кварталами могли оставаться незастроенные и неорганизованные пространства, предназначенные для выпаса лошадей, скота, птицы. По археологическим данным в городе существовали бревенчатые наземные дома срубной и каркасно-столбовой конструкции, а также срубные и каркасно-столбовые полуземлянки, каркасно-глинобитные и глиноплетневые дома, а также были юрты. Следует предполагать, что в больших кварталах размещались деревянные квартальные мечети. Археологически выявленные следы наземного дома каркасно-глинобитной конструкции (Хузин, 1979, с.67–68), скорее всего, имеют отношение к мечети. Об этом свидетельствуют большие размеры и ориентация здания с северо-востока на юго-запад.

В срубно-бревенчатых домах Биляра, как правило, были волоковые окна, низкие дверные проемы. Плоские и скатные крыши покрывались соломой или камышом. Шатровые юрты диаметром около 6 метров имели коническую форму и конструкцию из соединенных сверху жердей, которые покрывались берестой, лубом, камышом, войлоком или шкурами животных. Следует допускать декоративные архитектурные элементы: накладные дощечки, а также навесы, крыльца, поскольку археологами были обнаружены гвозди и некоторые столярные инструменты (Халиков, 1975, с.25, 27).

Во внешнем городе жили мелкие торговцы, ремесленники, и характерным признаком его, скорее всего, была значительно меньшая плотность застройки. Массовыми типами жилищ могли быть бревенчато-срубные полуземлянки и каркасно-столбовые полуземлянки. Наряду с квартальной застройкой могли быть отдельные жилища – землянки, берестяные шала-

ши, нерегулярно размещавшиеся в неогороженных пространствах, здесь же находились огороды, выпасы, пустыри.

Основными городскими коммуникациями внешнего города были поперечные дороги, сходящиеся у ворот внутреннего города. На них выходили глухие деревянные стены построек кварталов, к ним тянулись переулки и пешеходные тропы. Главная улица, идущая от ворот цитадели, имела каменное мощение. Мощение деревянными плахами устраивалось на менее значимых улицах, а также в жилых дворах и дворах общественных зданий

Важное значение с точки зрения преемственности тюркских традиций в организации архитектурного пространства Биляра имеет вопрос о плотности застройки и степени населенности. Мусульманские города Центральной Азии и Ближнего Востока имели плотную ковровую застройку, дающую максимальную затененность в условиях жаркого климата. В условиях Среднего Поволжья вступали в силу другие требования – продуваемость, инсолируемость, противопожарность. Поэтому плотность застройки должна была быть значительно ниже.

В крупных русских городах XVII в., структура и плотность застройки которых ненамного отличались от древнерусских городов, на 1 гектар площади приходилось от 100 до 150 жителей (Толочко, 1981). По расчетам А.Х. Халикова в Биляре средняя плотность населения внутреннего города составляла 300 человек на 1 гектар, а общая его численность была 30 000 человек. Эту цифру можно уточнить, приняв во внимание то, что часть территории (от 30 до 50%) не застраивалась жилыми усадьбами, использовалась под устройство дорог, улиц, переулков, майданов, базаров, общественных зданий и др.

Усадьбы ремесленников должны были включать, кроме жилых домов и мастерских, надворные строения для ведения натурального хозяйства: содержание лошадей (загон с навесом), домашних животных (хлев), хранение предметов быта (амбар). В усадьбе должны были сохраняться архаичные типы жилищ – берестяные шалаши, землянки, полуземлянки. В них устраивались кухни, бани, амбары (Харузин, 1896, с.97).

Вскрытая археологами усадьба ремесленника может послужить примером для подсчета средних ее размеров. В усадьбу входило два наземных бревенчатых дома размерами 7 на 3,6 и 4,2 на 3,6 м, общей площадью 42 кв.м. Один из домов был типа изба-клеть-сени, другой был просто избой. В избах ставились глиняные печи с дымоходами. В усадьбе были выявлены надворные хозяйственные постройки и три горна – сыродувный и два кузнечных, которые занимали не менее 50 кв.м рабочей площади. В другой усадьбе была вскрыта деревянная, заглубленная в землю, баня. Передний двор имел пол в виде древесного настила в несколько слоев (Халиков, с.66–70). Общая площадь составляла 275–300 кв.м.

В среднем, отведя 60% от общей площади внутреннего города под застройку, занимаемую жилыми кварталами (это 66 га), получим 2 тысячи 200 усадеб и примерно 13 тысяч жителей, 220 кварталов. При этом плотность жилой застройки составит 200 человек на 1 гектар. С учетом среднего показателя на общую территорию внутреннего города (110 га) средняя плотность составляет 118 человек на 1 гектар.

В квартал входило не менее десяти усадеб. По принятым для средневековья расчетам, в одной семье в среднем было 6 человек, значит, в одном квартале условно проживало не менее 60 человек. При этом его площадь в среднем составляла около 3 тысяч кв.м. Следует учитывать, что часть территории квартала занимала квартальная мечеть и дом главы рода, а также внутренние проходы вокруг квартальных стен. Прибавив еще 500 квадратных метров, получим условную площадь квартала 3 тысячи 500 кв.м. При этом количество условных городских кварталов составит 188.

Площадь внешнего города составляла 490 гектаров. При определении плотности и численности населения внешнего города следует предполагать наличие огородов, подсобного хозяйства, а также пустырей, «неудобий», незастроенных пространств возле перекрестков и городских ворот. С учетом этого, территория, застроенная жилыми кварталами, должна составлять не более 50%, то есть 245 гектаров. Количество усадеб при этом было бы около 8 тысяч с числом жителей в 48 тысяч. Плотность населения территории, занятой жилыми кварталами, составляла бы порядка 190 человек на один гектар, а в среднем, с учетом незастроенных жилыми кварталами территорий, 97 человек на один гектар. Население внутреннего и

внешнего города вместе составило бы около 60 000 человек при средней плотности в 100 человек на один гектар.

Эту цифру следует рассматривать как предельно допустимую. Для сравнения: Казань имела численность в 61 тысячу 325 жителей в 1796 году (Геометрическая карта, 1796), а население средневекового Киева около 50 тысяч человек (Толочко, 1981).

Важным в исследовании архитектурного пространства евразийского города является вопрос о первых мечетях в Волжской Булгарии, в частности вопрос об архитектурном типе Билярской мечети. Изложенная здесь гипотеза опирается на археологические исследования А.Х. Халикова и архитектурные реконструкции С.С. Айдарова, а также на сравнительные сопоставления с эволюционными и синхронными параллелями в развитии архитектуры мечетей.

Архитектурная типология жестко привязывает город к контексту тех культурных условий и технических возможностей, которые существуют в рамках своего времени. Типология мечетей эволюционировала от дворовой перистильной мечети Пророка в Медине (622 г.) к многоколонным сирийской, арабской, египетской мечетям (VIII–X вв.), от них к компактным кубическим мечетям сельджукского типа (Хорезм X в., Конийский султанат X–XI вв.), затем к порталным 4-х айванным мечетям (Самарканд, Бухара, XIII–XIV вв.) и далее к центрично-купольным четырехстолпным мечетям с перистильным двором (Стамбул XV–XVI вв.).

Известно, что Соборная мечеть в Биляре состояла из двух частей: деревянной (1420 кв.м) и каменной (1076 кв.м). По сведениям Ибн-Фадлана мастера, прибывшие в Биляр в составе багдадского посольства, построили в городе деревянную мечеть для народа Баранджар. По его же сведениям здесь уже существовали мечети, но, возможно, они были построены не по канонам ислама. Ибн-Фадлан перечислил ряд ошибок, связанных с исполнением булгарами исламских религиозных ритуалов, не говоря при этом ни слова об устройстве мечетей (Ибн-Фадлан, с.30). Возможно, что мечети на его взгляд ничем не отличались от обыкновенных деревянных жилых домов. Но они должны были иметь минареты, так как пятикратный призыв к молитве требовал этого по канонам ислама. Вместе с тем, нельзя исключать существование в этот период мечети в виде юрты, особенно в кочевом стане.

Деревянная билярская мечеть имела размеры 44,5 на 32 м, была ориентирована углами по странам света. Следы от столбиков заполнявших внутреннее пространство мечети, расположены неравномерно: то четкие, идущие в ряд, то чрезвычайно разбросанные, то они сливаются, затрудняя выявление рядов. (Халиков, 1979, с.42). Это говорит о том, что, возможно, они могли быть основаниями не для колонн, поддерживающих крышу мечети, но столбиками для опирания лаг с целью устройства деревянного мощения. То есть, возможно, мечеть, представляла собой огромный огороженный двор. Такой прием мощения двора применялся, например, в караван-сараях. По данным А.Х. Халикова: «Перед входом в здание был устроен вымощенный деревянным настилом, обмазанный глиной двор... Мостовая опиралась на деревянные сваи-столбы и горизонтальные слезы, прослеженные в виде округлых пятен и полос-каналов, имевших в заполнении следы трухи и глиняной крошки» (Халиков, Шарифуллин, 1976, с.80).

Неравномерность расположения ям, интерпретированных как основания для колонн, отмечал и С.С. Айдаров (Айдаров, Забирова, с.48). Он обосновывает возможность устройства сетки колонн с помощью использования модуля, применявшегося при строительстве восточно-мусульманских мечетей. При этом облик мечети был реконструирован Айдаровым в форме многоколонной зальной мечети с высокой вальмовой крышей. Вопрос о крыше деревянной мечети требует дополнительных обоснований. Устройство чердачного перекрытия, площадью 1420 кв.м и многоскатной крыши высотой в 6–8 метров, технически вряд ли было осуществимо для арабских мастеров, имевших только опыт создания плоских крыш, и не знакомых с возведением стропильных систем. Тем более, что протопить огромный колонный зал высотой более 6 метров было бы невозможно. Освещение такой мечети представляет отдельную проблему, так как маленькие окна не могли его обеспечить.

С учетом вышесказанного мечеть могла иметь вид высокой глухой деревянной бревенчатой стены, обнесенной изнутри одним-двумя рядами деревянных колонн, поддерживающих узкие навесы, и входы с трех сторон. Колодец, выявленный в центре деревянной мечети, сви-

детельствует о том, что это могла быть открытая мечеть древнего дворового типа, восходящая по своей типологии к мечети Пророка. Аналогами деревянной билярской мечети служат мечеть в Медине (622 г.), мечеть Ибн-Тулуна в Каире (879 г.). Именно такую мечеть могли построить за два летних месяца мастера, прибывшие вместе с посольством Ибн-Фадлана в мае 922 года, поскольку она наиболее полно отвечала канонам ислама. Это не исключает возможности ее более поздних перестроек в XI–XII веках, в том числе и с устройством плоской или многокупольной крыши, а также, многоконьковой крыши в форме отдельных двускатные покрытий над каждым межколонным проходом (неф).

Каменный пристрой к деревянной мечети представлял собой тип многоколонной пяти-нефной мечети. Двадцатичетырехколонная мечеть имела сходство с сирийскими и иранскими многоколонными мечетями. Сирийские и иранские влияния могли прийти на волне среднеазиатских и хазарских влияний или значительно раньше. В VIII в. на базе христианской базилики возникают первые мечети Дамаска – многонефные гипостильные с перистильным двором. Они были покрыты многочисленными маленькими куполами. В условиях сырого климата, снежных заносов Среднего Поволжья такое покрытие являлось не оптимальным. Поэтому более вероятным представляется перекрытие каждого нефа мечети двускатными крышами. Аналогом может являться мечеть в Кордове (Испания, VIII в.). Покрытие мечети высокой многоскатной (вальмовой) крышей конструктивно оправдано для более позднего времени. Ближайшие аналоги каменной мечети – мечеть Амра в Фустаде (642 г.), а также базиликальная, трехнефная мечеть Эфеса с перистильным двором в Дамаске, построенная в 700 году и базиликальная пятинефная мечеть Ибн Тулуна X века в Каире с перистильным двором (Шуази, 1937, с.111).

В условиях жаркого климата многоколонные мечети давали необходимую прохладу. В условиях Биляра такая мечеть, как и дворовая, могла использоваться только в летнее время. В XII в. могли быть построены компактные кубические мечети сельджукского типа с порталами, коническими и шатровыми крышами, а также отапливаемые бревенчато-срубные мечети. Зимний тип деревянной небольшой отапливаемой мечети, возникший на основе жилого дома с пристроенным к нему михрабом, в это время, несомненно, существовал. Вероятно, к началу XIII века деревянная квартальная мечеть могла иметь врезанный в двускатную крышу минарет. Эта традиция могла быть привнесена из Хазарии, где племена болгар жили на протяжении ряда веков и поддерживали постоянные контакты с Арабским халифатом. Влияние арабской архитектуры испытывала не только Хазария, но и соседняя с нею Армения, находившаяся под арабским протекторатом. В архитектуре армянских церквей существовали башенки (монастырь Тегер, XIII в., Армянская Апостольская церковь XI в.).

Возникает вопрос о том, кто мог построить каменную 24-колонную мечеть в Биляре. Во второй половине X века, после разгрома хазарской столицы Итиль, в Среднее Поволжье вторичными миграционными волнами перемещались жители бывшего Хазарского каганата, которые владели опытом каменно-кирпичного строительства. Если предположить, что мечеть строили болгарские мастера, то следует допустить, что каменно-кирпичному периоду должен был предшествовать длительный переходный период от деревянного строительства – цитадель и Соборная мечеть в Биляре. То есть существует вероятность того, что деревянная часть мечети была построена по традициям ранних аравийских мечетей, в то время как каменную часть пристроили хазарские мастера с учетом адаптированного к местным условиям типа крытой многоколонной мечети. Он, возможно, был известен в Хазарии.

Еще одно допущение относительно происхождения каменной билярской мечети заключается в том, что ее могли построить раньше деревянной мечети. На ее месте мог быть многоколонный храм. Его могли построить миссионеры, о которых сохранились сведения, запечатленные в древних преданиях о трех шейхах, пришедших от Пророка распространять ислам. Именно тогда часть болгар (род баранджар) приняла ислам. Миссионеры жили здесь несколько лет и строили мечети. То есть известно, что мечеть, построенная арабским посольством в 922 г., была не первой, до нее были мечети. Кто их строил, и какими они могли быть? Этот вопрос ждет ответа от будущих исследователей.

В заключение можно подчеркнуть, что преемственность тюркских архитектурно-градостроительных традиций проявилась в планировочной схеме города, в типологии застройки, в принципах организации городских пространств, в типологии мечетей, в типологии жилищ. В меньшей степени тюркские влияния проявились в плотности застройки, что было обусловлено природно-климатическими условиями.

Выделяются следующие системные элементы тюркских традиций, которые проявились в архитектуре Биляра: 1) трехчастная схема плана – цитадель, внутренний город, внешний город; 2) квартальный принцип застройки; 3) предположительно мечеть дворового типа; 4) мечеть многоколонная многонефная; 5) типы жилищ – шалаш, юрта, юртообразный срубный дом, палатка, шатер; 6) квадратное кирпичное здание с характерной среднеазиатской планировкой (квадрат с пересекающимися внутренними стенами) и подпольно-стеновой отопительной системой; 7) приемы декоративного убранства, включающие лекальный кирпич, резной камень, цветные изразцы; 8) использование круглого дискообразного стекла в кирпичных зданиях.

Литература

- Айдаров С.С., Забирова Ф.М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети. // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 46–61.
- Айдарова Г.Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья: модель развития, структура типов, влияния. Казань: КазГАСУ, 1997. 196 с.
- Березин Н. Булгар на Волге. Казань, 1853.
- Бунин А.В. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма. Том 1, издание 2. М.: Стройиздат, 1979. С. 33, 35, 39, 40.
- Геометрическая карта Казанской губернии. Казань, 1796.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
- Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Казань, 1990.
- Левек Пьер. Эллинистический мир. Пер. с франц. Е.П. Чиковой. М.: Наука, 1989. С. 203–204.
- Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. С. 55–61.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М.: Наука, 1989.
- Путешествие Ибн-Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. Древний текст пересказал Султан Шамси. М., 1992.
- Рашев Рашо. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей. Том 1. Казань, 2007. С. 104–127.
- Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 189 с., 8 л. карт и план.
- Списки с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1668 годов. Казань, 1877.
- Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. // Древнерусские города. Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1981. С. 63–94.
- Топрак-кала. Дворец // Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Отв. ред. Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик. М.: Наука, 1984. С. 10.
- Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследование великого города. М.: Наука, 1976.
- Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследование великого города. М.: Наука, 1976.
- Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 80.
- Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
- Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Хузин Ф.Ш. Биляр – Великий город. Казань, 2007. 47 с.
- Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 62–99.
- Хузин Ф.Ш. Узловые проблемы изучения средневековой тюрко-татарской цивилизации // Средневековая археология евразийских степей. Том 1. Казань, 2007. С. 26–37.
- Шуази О. История архитектуры. М., 1937. С. 111.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ КАГАНСКО-КНЯЖЕСКИЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Напил Базылхан

Республика Казахстан

История Тюркского Эля (IV–XI вв.) тесно связана с историей его каганов и правителей. Военно-политический центр тюркской империи в основной своей части был расположен на территории современной Монголии. Поэтому в своем большинстве обнаруженные поминальные комплексы и стелы с надписями известных каганов и правителей тюркской империи находятся в долине реки Орхон, Туул, Селенга, Онгин и Тэс. Археологические комплексы правителей западного крыла Тюркского Эля расположены в Казахстане, Южной Сибири, Средней Азии (в частности Жетысу, Чачском оазисе) и СУАР (КНР) [1]

В настоящее время установлены имена каганов и правителей нижеперечисленных поминальных комплексов:

- Поминальный комплекс в честь Татпар каган (582 г.)
- Поминальный комплекс в честь Нири каган (599 г.) (КХР, СУАР, «Монгол хурэ»)
- Поминальный комплекс в честь Ел етмиш ябгу («Онгийн») (728 г.?)
- Поминальный комплекс в честь Кули чура (731 г.)
- Поминальный комплекс в честь Кюльтегина (732 г.)
- Поминальный комплекс в честь Бильге кагана (734 г.)
- Поминальный комплекс в честь Тоньюкука (728–734 гг.)
- Поминальный комплекс в честь Алтан тамган тархана (735 г.)
- Поминальный комплекс в честь Ел етмиш Бильге кагана («Могойн шинэ ус»), 1-ая стела (760 ж.)
- Поминальный комплекс в честь Ел етмиш Бильге кагана («Гариатын, Тэрх»), 2-ая стела (762 г.)
- Поминальный комплекс в честь Уйгур каган «Карабалгасунская 1-ая стела» (VIII–IX вв.)
- Поминальный комплекс в честь Кюль тархана (VIII–IX вв.) [2]

В то же время, можно перечислить и добавить к этому списку другие крупные комплексы с характерно каганско-княжескими особенностями, которые, однако, до сих пор достоверно не определены в том, кому они посвящены. К ним относятся – «Шатар чулуу», «Улхын булан», «Шивээт толгой», «Хөгнө Тарни», «Өгөөмөр», «Хөшөөн тал» и др. По ранее предлагаемым версиям (Ц.Доржсүрэн, С.Г. Кляшторного, В.Е. Войтова, Т.Хаяши и др.) предполагаемая принадлежность некоторых из этих поминальных комплексов высших правителей тюрков:

1. «Идэр (Цэцүүх)» – Бумын каган?, Ышбара каган?
2. «Баян-цагаан» – ?, VI в.
3. «Өнгөт» – ?, VI в., Инань каган ?
4. «Шивээт улаан» – Елтериш каган?
5. «Улхын булан (Мухар)» – Капаган каган ?
6. «Онгийн»- 719–728 гг., Дусифу Алып етмиш ?
7. «Хөшөөн тал» – 747 г.?, Кюль Бильге каган? [4. 28–29, 50; 5. 238–239].

Из-за отсутствия комплексного изучения некоторых крупных комплексов таких как «Идэр», «Гиндин булаг», «Сэвж уул», «Шивээт улаан», «Өнгөт», «Дадга», «Хуйс толгой», «Бомбогор» (VIII–IX вв.), «Олон нуур» (VIII–IX вв.) и др. до сих пор остаются актуальными вопросы хронологии и атрибуции этих комплексов. Такое состояние дел связано с тем, что недостаточно развито такое научное направление как тюркская археология.

По данным известного монгольского археолога Д.Баяра зафиксировано свыше 80-ти древнетюркских поминальных комплексов на территории Монголии [3]. А также, по данным Л.Н. Гумилева каганов и правителей Тюркского Эля было более 80 [6], а в китайских источ-

никах «Суй шу», «Чжоу шу», «Синь Тан шу» зафиксированы имена 83 каганов. В связи с этим, мы можем предполагать, что не для всех каганов были построены комплексы. Но во всех известных каганско-княжеских комплексах встречается тамги, особенно – «каганская тамга». Структура построения изображения «каганской тамги» является синкретичной. Этно-семантика этой тамги выражалась в условном совместном изображении «птичьего клюва, крыльев, тела и ноги волка, хвоста и рога оленя» – «(bögü)+(bögü/+qut // qus)+(buγu) – волк+беркут+олень (аркар)» (рис. 1) [7]. Поэтому необходимо учитывать подобные тамги при атрибуции поминальных комплексов. Например, в «Унгэтском» памятнике, который ранее предположительно относился к Инань-кагану (645–646 гг.), нами недавно обнаружено на стенах барык-ящиков 13 тамг, из них – 5 видов «каганской тамги». Также в этом памятнике присутствует 32 каменных изваяния, свыше 625 балбалов, скульптуры барана и льва, что даёт возможность предположить то, что этот комплекс относится к более позднему времени, предположительно – к VIII в.

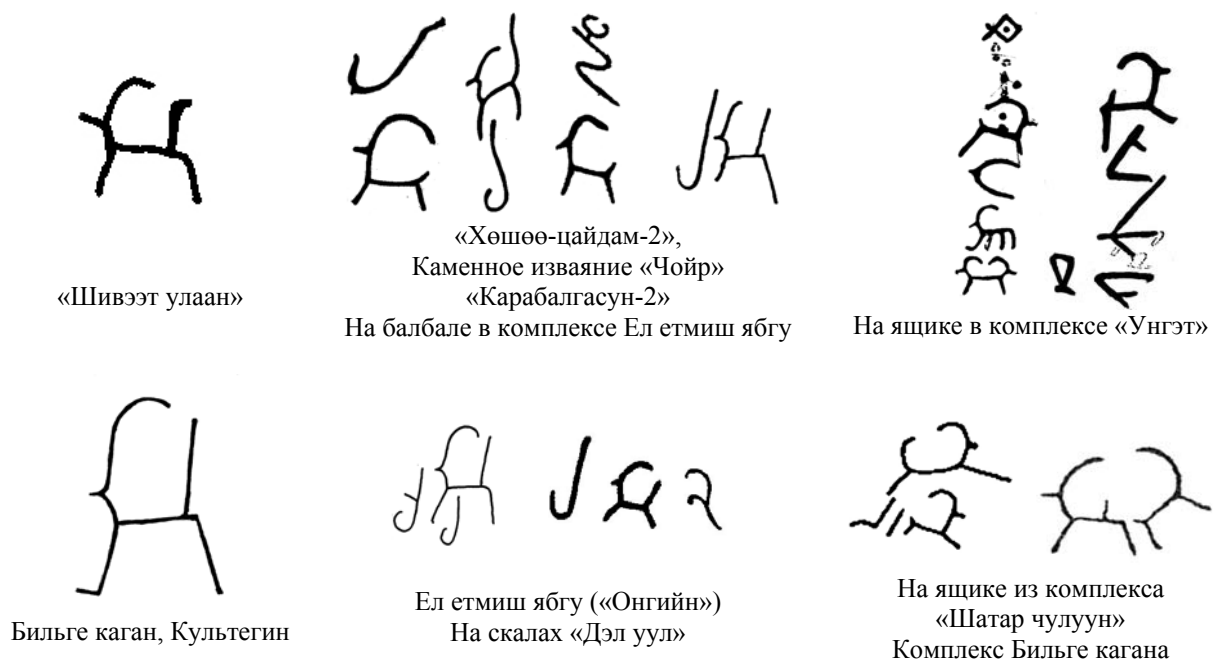

Рис. 1. Древнетюркская каганская тамга
(синкретическая семантика: «волк+беркут/птица/+олень (аркар)»).

В комплексе «Шивээт улаан» зафиксировано свыше 65 тамг, но отсутствует письменный комментарий на древнетюркском языке, характерный для периода правления Ельтериш кагана, Капаган и Бильге каганов, (сер. VII в.), что позволяет датировать данный памятник более ранним периодом – периодом правления Бумын и Естеми каганов (VI в.) [2. 47–49] (рис. 2).

Истинность наших предположений могут подтвердить археологические раскопки.

Почти во всех памятниках древнетюркского периода присутствуют тамги. Кочевые этносы – токуз огуз, сегиз огуз, уч огуз, тургеш, он ок, кыргыз, уч курыкан, чик, карлук, басмыл, отуз татар, кытан, татабы, и многие другие, упоминаемые в надписях, имели свои самостоятельные тамги, как общеплеменные, так и производные от них (рис. 3), а также личные, семейные и родовые, которые определяли их общественный или социальный статус, право на собственность и т.д.

Древнетюркские тамги-знаки, известные на сегодняшний день, имеют различные уровни проявления: герб высших правителей Тюркского Эля – кагана, ябгу, принцев (тегин), великих князей, далее – чур, тархан, бек и др.); эмблема родо-племенных объединений (один знак и производные от него); знаки-тамги отдельных личностей и патриархальных семей (личные тамги, метки для таврения лошадей, другой скотины и т.д.) [8].

С другой стороны, для полного определения каганско-княжеских комплексов необходимо принимать во внимание древнетюркские обряды.

Рис. 2. Стела с древнетюркскими тамгами «Шивээт улаан» (прорисока Н. Базылхана).

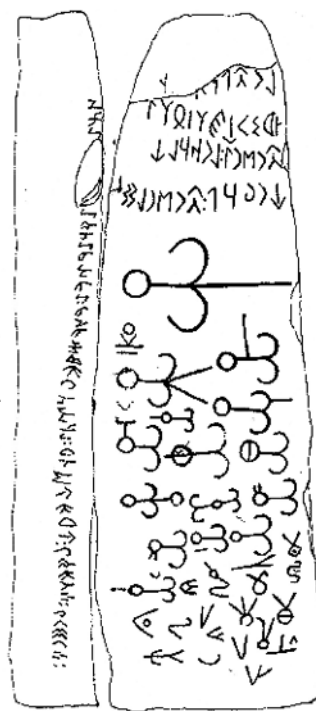
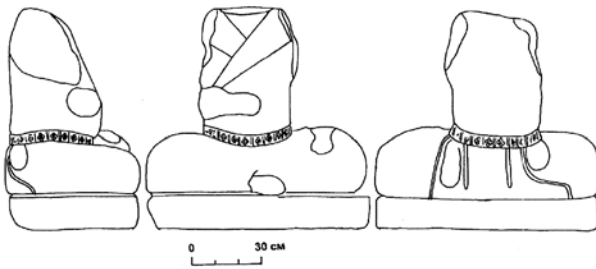

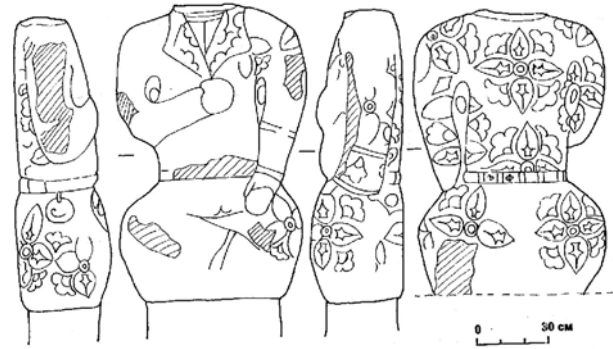
Рис. 3. Стела с древнетюркскими тамгами «Бөмбөгөр» (прорисовка Н. Базылхана).

Ритуал отправления покойника занимал значительное место в обрядовой практике древних тюрков и сопровождался особыми действиями и установлениями. При этом, необходимо подчеркнуть, до настоящего времени не найдено ни одного каганско-княжеского погребения. В соответствии со статистикой археологических фактов чаще встречаются совместные погребения человеческих костей с костями коней и предметами [9]. Вероятно, древние тюрки хоронили покойника в «тайных» местах. И поэтому вопрос о значимости обряда кремации до сих пор остается открытым и одним из самых проблематичных в изучении древних тюрков.

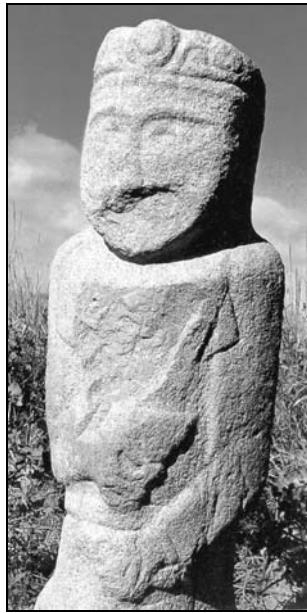
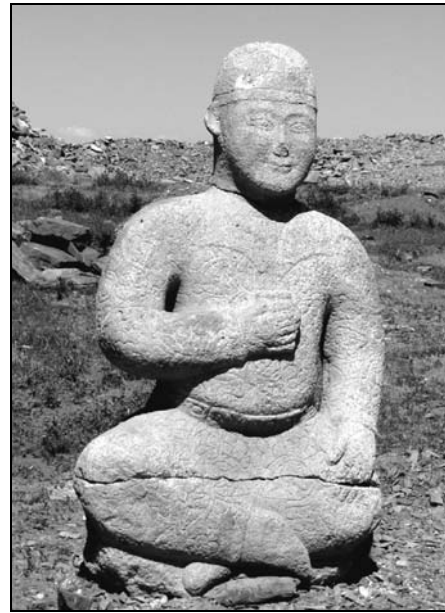
Широко был распространен обряд 𐰉𐰺𐰽 > уоуи йогу, куда входило: извещение о смерти; плач по покойному (𐰆𐰏𐰽 > сыгытчы плакальщики, участники поминального обряда); установка мавзолея-кургана (𐰠𐰏𐰽 > barıq барык), камня с надписью (𐰃𐰏𐰽 > bitiktas > битиктас), каменного изваяния (𐰏𐰽𐰽 > bediz бедиз), скульптур животных, каменных столбов (𐰃𐰏𐰽 > balbal > балбал), угощение на поминках (𐰏𐰽 𐰆𐰽 > йог ашы). Особенно интересны огромные комплексы Татпар кагана, «Унгэт», «Шатар чулуу», «Идэр», «Шивээт улаан», Бильге кагана, Кюльтегина, Тоньюкука, Ел етмиш кагана (Мойын чура), Ел етмиш ябгу (Онгин), которые предназначались для проведения различных обрядов, не только поминальных, но других особо важных социальных мероприятий (празднование победы над врагом, разделение радости в связи с рождением детей, проводы в дорогу с пожеланием хорошего пути и т.п.) [10, 11].

Каменное изваяние Бильге кагана (по Д. Баяру)

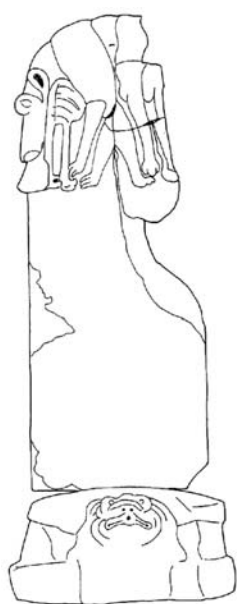
Каменное изваяние в кургане «Тарни» (по Д. Баяру)

Каменное изваяние Нири кагана.
КНР, СУАР, Монгол-хурээ.Новонайденное каменные изваяние в кургане
«Шивээт толгой». Монголия, 2008 г.**Рис. 4.** Каменные изваяния в древнетюркских каганско-княжеских поминальных комплексах.

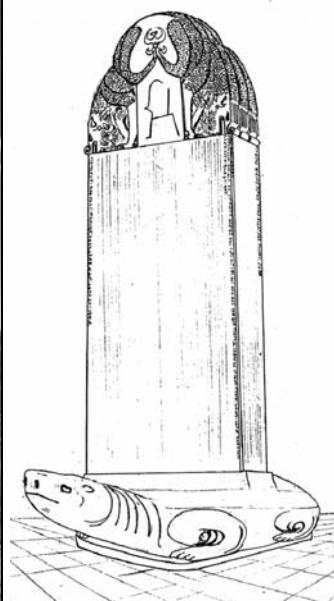
Традиция установки *bediz* > бедиз (каменных изваяний) занимает особое место в древнетюркской культуре, которая была распространена на Евразийском пространстве. Каменные изваяния отражают особый военно-социальный статус тюркских правителей, например, представителей высшей аристократии изображали в сидящей позе. С точки зрения социально-ранговой иерархической системы тюрков, то есть разделения государственно-административной структуры на три крыла в составе десятников, сотников и тысячников, каменные изваяния можно разделить на три типа: 1. «каганско-княжеские», 2. «кочевые аристократические» и 3. «родо-племенных вождей» (рис. 4) [12]. Способ выполнения каменных изваяний зависел от мастерства резчика, от *bedizçi* > бедизчи. По традиции древних тюрков бедизы устанавливались в восточной части оградки лицом к востоку, то есть к направлению восхода солнца. К востоку же от оградки с изваяниями ставились балбалы, символизирующие участников погребально-поминального обряда. На каменных изваяниях изображались – *bögük* > головные уборы, *burum* > косы, *sırğa* > сырга серьги, *ᠶᠢᠰ* > тон одежда, *etik* > обувь из кожи, *ᠶᠬᠦᠨ* > *beldik* пояса, *rişaq* > пычак кинжалы, *ᠠᠵᠢᠨ* > *qılıç* оружие, *ᠰᠦᠨᠵᠢᠭ* > *sünjüg* копьё, *ᠰ* > оq стрелы, *ayaq* > аяк сосуды и др., что дает нам интересную этнографическую информацию о тех временах [13].

Одной из главных составляющих в древнетюркском каганско-княжеском поминальном комплексе являются стелы с постаментами-черепашками (*baqataş* > бакаташ?), они – свидетельство влияния на степных кочевников культуры китайцев [14]. В то же время, стела стоит

над черепахой, что символизирует власть кочевников над **табгачами** (то есть «черепахами»). К этой группе относятся такие памятники, как стела Татпар кагана, «Идэрский», «Улхын булан», «Хөшөөн тал», Бильге кагана, Кюльтегина, Ел етмиш ябгу («Онгинский»), Ел етмиш кагана («Тариатинский», «Тэсинский»), «Мэлхий толгой», и др. (рис. 5). Стела в честь Татпар кагана, из желто-серого песчаника, навершие в виде волчьей головы, на четырех сторонах стелы высечены надписи древнесогдийским (29 строк) [15] и, вероятно, санскритско-«брахмийским» (20 строк) письмом. Именно в этом согдийском тексте написано имя правителя – *mγ' t't p'g x'γ'n* – Мага Татпар хаган, а также слова *tr-'wkt ' (')šy-n's* – **тюркют ашинас** [16], которые в китайских источниках встречаются в форме *A-schi-na* > Ашина. Данное название является именем предка каганских родов, которое впоследствии стало родовым названием. Китайцы (и согдийцы) через монголоязычный этнос стали называть *čīnuw-a>čīnu>čon* > **чоно** (волк-ашина), *čīnuw-a+s // čīnuw-a+d>чоно+с // чоно+д* (ашидэ-волки) каганские роды и, в широком понимании, – всех тюрков [17]. В древнетюркском языке слово «ашина» не встречается, а есть эквивалентное ему по значению слово волк *börü* > **бору**.

Стела Татпар кагана (по Д. Баяру)

Стела Кюльтегина (прорисока Н. Базылхана)

Постамент стелы Ел етмиш ябгу («Онгинский»)

Постамент стелы «Улхын булан»

Рис. 5. Стелы с надписями на постаментах-черепахах (*baqatas* > бакаташ?).

Полномасштабные этно-археологические изыскания, в особенности на территории Центральной Азии, расширят наши представления о высшей древнетюркской аристократии, история которой отражает в большей своей части всю историю древнетюркской империи и памятники которой наиболее распространены.

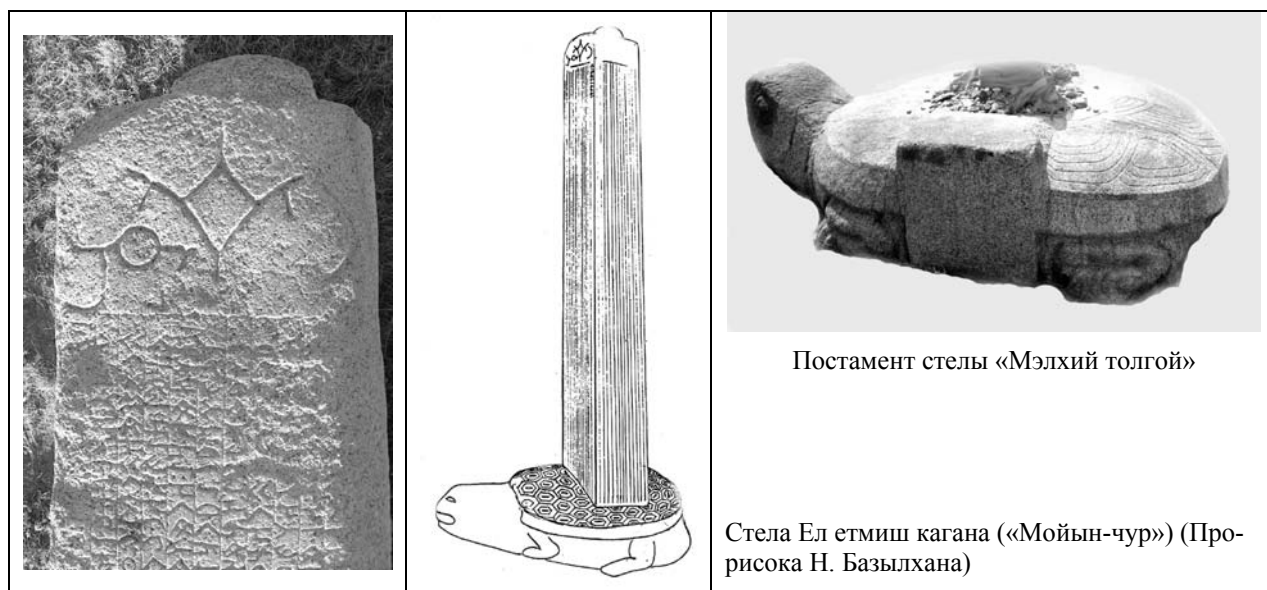

Рис. 5 (продолжение). Стелы с надписями на постаментах-черепахах (baqatas > бакаташ?).

Древнетюркские каганы, упомянутые в надписях и поминальные памятники

№	Год правления	Имя кагана и титулы	В древнетюркском письменных памятниках (стелы и др.)	Других источниках	Наличие поминального памятника
1.	542–552	Bumun qaγan > Бумын каган «Эль каган»	Бильге каган Культегин	Или кехань ?	? Монголия
2.	552–557	Estemi qaγan > Естеми каган	Бильге каган Культегин	Шидьянми Stembis, Silzibul, Sizaboul	? Монголия
3.	553–572	Muqan qaγan > Мукан каган	Татпар каган	Муюй кехань Кигинь Яньду	«Бугат» Монголия
4.	573–582	Tatpar qaγan > Татпар / табар?) каган	Татпар каган	Тобо кехань	«Бугат» Монголия
5.	?	Niwar qaγan > Ниуар каган	Татпар каган		«Бугат» Монголия
6.	576–603	Tardu qaγan > Тарду каган	Чач (Ташкент, Фергана)	Датоу кехань	Чачские нумизматические комплексы Узбекистан
7.	588–599	Niri qaγan > Нири каган	Нири каган	Нили кехань	«Монгол хурээ» СУАР, КНР
8.	599–614	Jami qaγan > Йамы каган	Ел етмиш йабгу	Ел ыдук йамыр	«Онгин»
9.	618–630	Tun zabγu qaγan > Тун йабгу каган (Twn cpyw γ'γ'n pny)	Чач (Ташкент)	Тун еху кехань	Чачские нумизматические комплексы Узбекистан
10.	680–693	Elteris qaγan > Елтериш каган	Бильге каган Культегин Ел етмиш йабгу «Чойр»	Гудулу кехань	?
11.	693–716	Qaraγan qaγan > Капаган каган	Бильге каган Культегин Ел етмиш йабгу	Мочжо-ша Дусифу-шеху	«Улхын булан»? Монголия

12.	716–734	Türük Bilge qaγan > Тюрк Бильге каган Teñiriteg Teñiride bolmuš /yaratmiš/ Türük Bilge qaγan -Тенритек Тенириден болмуш /йаратмыш/ Тюрк Бильге каган	Бильге каган Культегин	Бицзя // Бигя-кехань Могилян	«Хөшөө Цайдам– 1,2» Культегин, Биль- ге каган Монголия
13.		Vaz qaγan > Баз каган	Бильге каган Культегин	?	?
14.		Türügeš qaγan > Тюргеш каган	Бильге каган Культегин		Жетысу, Талас Казахстан, Кир- гизия
15.		Qirgiz qaγan > Кыргыз каган	Бильге каган Культегин		Тува, Хакасия
16.		Inel qaγan > Инел каган	Тоньюкук		«Баян-Цогт» Монголия
17.		Bögü qaγan > Богю каган	Тоньюкук		«Баян-Цогт» Монголия
18.		Jolluγ qaγan > Йоллуг каган	Ел етмиш Бильге каган		«Могойн шинэ ус» Монголия
19.		Torġjan qaγan > Торыйан каган	Ел етмиш Бильге каган		«Могойн шинэ ус» Монголия
20.	747–759	El Etmiš Bilge qaγan Ел етмиш Билге каган Teñride bolmuš El Etmiš Bilge qaγan- Тенириден болмуш Ел етмиш Бильге каган	Ел етмиш Бильге каган	Геле кехань Мояньчжо	«Тариат» Монголия
21.		Uyur qaγan > Уйгур каган	Ел етмиш Бильге каган	Пейло кехань	«Тэс» Монголия
22.		Bökü Uluγ qaγan > Боку улуг каган	Ел етмиш Бильге каган		«Тэс» Монголия
23.		Teñiri Uyur Qaγan > Тенири Уйгур каган	Ел етмиш Бильге каган		«Тэс» Монголия
24.		Teñiriken Ay Teñiride qut bolmiš alıp Bilge Teñiri Uyur Qaγan – Тенирикен Ай Тенириде кут болуш алып бильге уйгур каган			«Карабалгасун-1» Монголия
25.		?	?	?	«Олон нуур» Монголия

Литература

1. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА, №. 9. – М.-Л., 1949. – 363 с.; Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Советская археология. 1949. № XI. – С.337–384; Thomsen V. Dr. M.A. Stein’s manuscripts in Turkish «runic» script from Miran and Tun-Huang // Journal of the Royal Asiatic Society. – London, 1912. – P.181–227; Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961. – 94 с.; Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной

Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – №24. – С.72–100; Маргулан А.Х. Сочинения. Том 3–4. петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением вольчего тотема. Каменные изваяния Улытау. – Алматы, 2003. – С.22–45. Илл. № 1–153; Археологическая карта Казахстана. А., 1960. – 449с. табл. I–IX.; Шер Я.А. Каменные изваяние Семиречья. – М.-Л., 1966. – 140 с.; Степи Евразии в эпоху средневековья – М.: Наука, 1981. – 304 с.; Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей. – М., 1994. – 327 с.; Худяков Ю.С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Мат-лы Всерос. научной конф., посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. – СПб.: Изд-во Культ-информ-пресс, 1998. – С.215–219; Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяние Казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск, 2004. – 132с.; Досымбаева А. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. – Тараз, 2002. – 108 с.; Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). – Ташкент, 2007. – С.26–28; Археология Казахстана. – Алматы, 2006. – 256 с. и др.

2. Базылхан Н. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. Том 2. – Алматы, 2005. – 228+141 б.

3. Баяр Д. Монголын төв нутаг дахь түрэгийн хүн чулуу. – Улаанбаатар, 1997. – 148 х.; Баяр Д., Эрдэнбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулууд. – Улаанбаатар, 1999. – 166 х.

4. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках VI–VIII вв. – М., 1996. – 152 с.

5. Toshio Hayashi. Yuurashia-nu ishinin // *Archaeologia Eurasistica*. 2005. – 245 p.

6. Гумилев Л.Н. Көне түріктер. – Алматы, 1994. – 480 с.

7. Базылхан Н. Эртний түрэг бичигт хөшөөд ба бичгийн дурсгалууд (эртний түрэг бичиг судлалын түүхэн сурвалж -эх бичгийн судалгааны зарим асуудалд) // Монгол судлал (эрдэи шинжилгээний бичиг). – Улаанбаатар, 2008. Боть XXVIII (294). – Х.171–188.

8. Самашев З., Базылхан Н. Көне түрік танбалары // Алаш тарихи-этнологиялық ғылыми журнал. – № 6(21). – Алматы, 2008. – 93–116 бб.

9. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.

10. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I том. – Алматы: ТОО «Жалын баспасы», 1998. – 485 с. (С. 234).

11. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'U-KÜE) von Liu Mau-Tsai. I Buch. Texte. Otto Harrassowitz-Wiesbaden, 1958. – 1–484 p.; Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'U-KÜE) von Liu Mau-Tsai. II Buch. Anmerkungen-Anhänge-Index. Otto Harrassowitz-Wiesbaden, 1958. – 485–831 p.

12. Самашев З., Базылхан Н., Баяр Д. Древнетюркские каменные изваяния евразийских степей // Мәдени мұра. Культурное наследие. № 1 (22) қаңтар-наурыз. – Астана, 2009. – С. 30–39.

13. Базылхан Б. Қазақ және моңғол тілдерінің салыстырмалы тарихи грамматикасы (Сравнительная историческая грамматика казахского и монгольского языков). Морфология. – Алматы, 2000. – 446 б.

14. Тойшанұлы А. Көне түрік бітіктастары мен ескерткіштерінің ғұрыптық кешеніндегі тасбақа бейнесінің арғы төркіні (Түрік-моңғол мифологиясының типологиялық байланыстары тұрғысынан) // II Байтұрсынұлы оқулары: халықаралық ғылыми-теориялық конференция. Евразия ұлттық университеті. – Астана, 2007. – 6–8 бб.

15. Лившиц В.А., Кляшторный С.Г. Новая согдийская надпись из Монголии, предварительное сообщение // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока V. Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. – Л., 1969. С. 51–54; Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута. ОУМЭ-ийн II их хурал. 1970. 1 боть. – Улаанбаатар, 1973. – 243–250 х.; С.Г. Кляшторный, В.А. Лившиц Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – М., 1971. – С. 121–146; Sergey G.Klyashtorniy, Vladimir A.Livshits. The sogdian Inscription of Bugut Revised // *Acta Orientalia Academiae Hungaricae* XXVI /1. 1972. – pp. 69–102.

16. Yoshida Yutaka Sogdian Part of Bugut Inscription // Provisional report of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. Edited by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir. The Society of Central Eurasian Studies, Toyonaka, Osaka University, 1999. – pp. 122–124.

17. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1980.

**ЕДИНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОД РЕГИОНА ИДЕЛЬ-АЛТАЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
ТАТАРСКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Г.Р. Галиуллина, Л.В. Шулунова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ*

Проблематика современных антропонимических исследований охватывает различные аспекты функционирования личных имен, в том числе проблемы номинации, словообразования и словоизменения, специфики антропонимической лексики, в целом эволюции именников, а также взаимовлияния антропонимиконов, взаимодействующих этносов. Но, тем не менее, специальных исследований, ориентированных на типологические сопоставления именников не так много. Необходимо отметить работы Г.Ф. Благовой, в которых основное внимание уделяется сопоставлениям антропонимических систем тюркских народов с целью выявления этнической специфики мышления и поведения. Автор обращает внимание и на типологические сходства между тюркской и урало-алтайской антропонимическими системами (Благова, 2006: 751). Целенаправленные исследования общей апеллативной и ономастической лексики тюркских и монгольских языков позволят выявить глубинные причины их возникновения и функционирования.

В нашем докладе основное внимание уделяется сходствам, существующим в татарском и бурятском языках. Следует сказать, что культурно-языковой код, построенный на символизации окружающей человека действительности, ярко проявляется в именах собственных, особенно в антропонимической лексике. Корни антропонимических систем бурятского и татарского языков уходят в алтайскую эпоху. Несмотря на разную трактовку проблемы лексических соответствий в алтайских языках, невозможно не заметить духовное единообразие, сходство в образе мышления, в процессе восприятия мира. Мотивы имянаречения, специфика функционирования личных имен на территориально отдаленных друг от друга языках доказывают тот факт, что существует единый культурно-языковой код, передающийся из поколения в поколение в виде семиотических знаков. Общие моменты, сходства татарской и бурятской антропонимических систем позволяют сделать вывод о том, что семантическая модель картины мира этих народов формировалась в ранние периоды развития общества на основе общих архаических ценностей.

Становление и развитие антропонимических систем указанных языков произошло под влиянием различных культур и языков. Развитие татарской антропонимической системы происходит под сильным влиянием мусульманства, в XX веке проникают европейские и русские заимствования. Тем не менее, в современном татарском языке особое место занимают древние мотивы имянаречения, существующие в виде зашифрованных символов.

Как и всякий национальный именник, антропонимикон бурят содержит различные иноязычные заимствования, как полных форм имен, так и его элементов. К иноязычным относятся личные имена, апеллативные основы которых не поддаются объяснению на материале бурятского и старописьменного монгольского языков. Контактирование бурят с другими племенами, народами было обусловлено, прежде всего, сопредельностью территории их расселения. В качестве обстоятельств, способствовавших заимствованиям личных имен, безусловно, выступало распространение новых религиозных верований, в частности, буддизма и православия, в результате чего именник бурят пополнился тибетско-санскритскими и христианскими именами. Кроме того, в числе факторов, обусловивших заимствования в именнике бурят, следует назвать и просветительство, развитие грамотности, что повлекло использование бурятами широкого спектра иностранных личных имен. В целом на сегодня, как справедливо отмечают исследователи, в бурятском антропонимиконе функционируют имена, происхождение которых возможно связать с апеллативными основами тюркских, тунгусо-маньчжурских, тибетского и других языков (Митрошкина, 2007: 193).

Общие черты татарского и бурятского языков проявляются в личных именах, дошедших до наших дней и в которых наиболее ярко сохранены архаические формы мышления. В основном, это имена, связанные с природой, с верой в божественную мощь правителей.

Одушевление природы, вера в магическую силу объектов земли дошли до современности в виде обряда защиты ребенка от злых существ, заключающегося в том, что в колыбель ребенка под подушку кладут изделия из железа или же в миниатюре привешивают к колыбельке. По поверьям, такой обряд помогает защитить ребенка. Магический обряд и мотивировка имен с компонентом *тимер* являются реликтами древних культов, существующими и в настоящее время у многих тюркоязычных и монгольязычных народов, в том числе и современных татар (*Тимер, Тимерхан, Биктимер* и др.) и бурят (*Тумэр, Тумэрхэн, Уумэрзоон* и др.). По верованиям, минералы и камни обладали душой и были способны передавать ребенку эти же качества. В результате семантического развития, абстракции произошла вторичная номинация, в именах с компонентом *тимер* (железо) начали активизироваться метафорические значения «крепкий», «твердый», «энергичный».

Компонент *алтын* (золото) встречается в составе личных имен во многих тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках и семантика апеллятива в них идентична: в татарском алтын – золото, золотой, древнетюркском *altun* золото, золотой, в тунгусо-маньчжурских языках алтан, монгольском алтан, бурятском алта (н) золото. В современном татарском языке употребляются личные имена *Алтын, Алтынчэч, Алтынай*, в бурятском – *Алтан*. Исследователь современной монгольской антропонимии Ж. Сэржээ отмечает высокую частотность употребления женских имен *Алтанцэцэг, Алтанчимэг* и мужского имени *Алтангэрэл* в антропонимиконе монголов XX века (Сэржээ, 2006: 102).

Характерным явлением для большинства тюркских и монгольских языков следует назвать функционирование в качестве женского имени название цветка: в современном татарском языке – *Чэчэк, Чэчкэ*, в современном бурятском языке – *Сэсэг*, в монгольском – *Цэцэг*, алтайском языке – *Чечек*, башкирском языке – *Сэсэк*, в турецком – *Çiçek* и др. Корни мотива имяназвания уходят в алтайскую эпоху.

Планетарные верования древности дошли в виде семиотического кода в именах *Чулпан, Чулпаниа, Солбон, Солмон*. Чулпан/солбон – главное название Венеры в тюркских и монгольских языках, которое связывается в сознании людей с рассветом и восходом солнца. Для представителей татарской и бурятской национальности чулпан/солбон – обобщенный образ прекрасного.

Типологические сходства в антропонимиконах исследуемых языков выявляются во многих личных именах и мотивах имяназвания, которые требуют специального исследования. Мы ограничимся приведением примеров личных имен с мотивом приобретения силы, власти: *Батыр, Баһадир; Чыңгыз, Чыңгызхан; Хан, Тимерхан, Ирхан* – в татарском языке, *Баатар, Батор* – в бурятском.

В рамках представленного доклада сделана первая попытка сравнения антропонимических систем современного татарского и бурятского языков с целью выявления сходств и единых мотивов имяназвания. В дальнейшем комплексное применение традиционных и современных методов исследования, привлечение лингвистических, социально-культурных и исторических фактов позволит раскрыть новые аспекты изучения антропонимической лексики исследуемых языков. Необходимо обратить внимание на те ключевые моменты, которые укажут на организацию мышления, приведшие к возникновению и распространению антропонимической лексики и позволят выявить скрытую культурную и семантическую информацию в именах.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили; пер.: А.А.Алексеев и др.; послесл. А.В.Гулыги и В.А.Звегинцева. 2-е изд. – М.: Издат. группа «Прогресс», 2000. – 398 с.
2. Благова Г.Ф. Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С.660–754.
3. Митрошкина А.Г. Личные имена бурят. 2-е изд. испр. и доп. – Иркутск, 2007.
4. Сэржээ Ж. XX зууны монгол хүний нэрийн зарим онцлог // Ономастическое пространство и национальная культура. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – С. 98–102

ЛОКАЛЬНЫЕ И МАГИСТРАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ*

А.В. Головнёв

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Едва ли не главной проблемой антропологии и истории представляется изменчивость исследуемых явлений – культур, народов, политий. Вольно или невольно исследователь стремится формализовать эту изменчивость, отыскать ее устойчивые признаки, опорные точки преобразований, найти момент для подведения итогов и тем самым придать реальности фиксированный облик. На остановке мгновения строится научная логика, и изучаемое явление умозрительно «вынимается» из сумбурного потока действительности. Сам поток выглядит окружающей средой, шумным фоном, системой причинно-следственных связей, которые можно и нужно рассматривать, но последовательно и поштучно. Исследователь предпочитает не нырять в этот поток, а наблюдать и анализировать его со стороны. Наука научилась преобразовывать динамику реалий в статику понятий, не добившись заметных успехов в исследовании собственно движения и изменчивости, которые историки и антропологи обычно замечают течением собственной мысли или алгоритмами эволюции, трансформации, тенденции.

Антропология движения

Динамика и статика не существуют друг без друга ни в реальной жизни, ни в научном исследовании. Движение имеет свои паузы, но статика оказывается не отсутствием динамики, а ее накоплением и преобразованием, точкой опоры для нового толчка. Однако если статичная картина удобна для обзора, то механизмы динамики либо ускользают от взгляда, либо относятся к разряду помех. Подспудно статика ассоциируется с воспеваемым в семиотике космосом, а динамика – с тревожным хаосом. Этнограф охотнее работает с институтами, чем с путаницей персонального поведения, историк – с указами и процентами, чем с невнятной повседневностью. Поэтому, например, этнографы советского времени с удовольствием распределяли собранные данные по папкам с названиями «род», «фратрия», «племя», «матриархат», «община», а нигде не влезавшие сведения относили к стадиям какого-нибудь разложения или каких-нибудь пережитков.

Антропология движения измеряет реальность в единицах действия, ее инструментарий включает мотивационно-деятельностные схемы и историко-антропологические сценарии (Головнёв 2009а). В антропологии движения главным фигурантом выступает человек в его жизненном ритме мотив–решение–действие. Позиция внутри событийного потока решительно отличается от позы летописца. Мало сопереживать монгольскую историю по-монгольски, а грузинскую по-грузински, нужно все это преломлять в меняющихся ситуациях мира или войны, восприятию юного вождя или старой колдуньи, к тому же с учетом их персональных наклонностей. Однако, если подобное подушное сканирование человечества и осуществимо, то не применительно к истории и праистории. И все же реальный учет или гипотетическое допущение персональных мотиваций и действий является стартовой площадкой антропологии движения.

Если движение понимать как мотивированную активность, а не механическую реакцию на внешние толчки, то ключевым понятием оказывается деятельностная схема, состоящая из устойчиво повторяющихся действий, включая хозяйственные, сексуальные, военные, ритуальные. Ее двигателем являются побудительные мотивы, от простейших до креативных, направляющие действия человека, заставляющие его одеваться по утрам, молиться богу, пасти коней, вести войну. Комбинация мотивов, активирующие соответствующие элементы культуры, создает персональный облик человека, сочетая базовые инстинкты, усвоенные нормы и индивидуальные наклонности. Тем самым любой факт в антропологии движения – историче-

* Работа выполнена по проекту «Диалог культур и этничность в контексте колонизации» в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ский (письменное свидетельство), археологический (ископаемое свидетельство) или этнографический (наблюдаемое свидетельство) – приобретает персонально-социально ориентированные связи. Цепочки таких взаимосвязанных фактов позволяют различить контуры феноменов – мотивационно-деятельностных схем.

Триадой ключевых мотивов-практик «праэтничности», как мне представляется, были родство, секс и власть, сплетавшие ту самую социальную матрицу, из которой рождались древние народы. Эта триада обозначает генерирующие этничность побудительные механизмы, а не формальные признаки сообществ вроде единства языка, территории, самосознания и самоназвания. Речь идет о родстве как экзистенциальной философии близости и механизме создания «родины», о сексе как мотиве и социальной практике внутригрупповой и межгрупповой коммуникации, о власти как технологии иерархического соподчинения людей и контроле элиты над социальным пространством.

Судя по территориальному размаху культур палеолита, древние люди не только объединялись в мелкие промысловые группы, но и поддерживали обширные межгрупповые связи, главную роль в которых играла мобильная элита. Миграции каменного века, как и более поздних эпох, представляли собой не только сезонные охотничьи рейды, но и магистральные контакты, благодаря которым человечество освоило отдаленные края планеты, сохранив при этом видовое единство. Искусство подчинения стаи-стада с древнейших времен предполагало иерархию «вождей и людей». Этот порядок уходит корнями в поведение пралюдей и представляет собой ключевой принцип общественных отношений в живой природе. Возможно, в праистории власть жестче и грубее направляла общественную жизнь, чем это происходит сегодня, и социальное развитие состояло в ее формализации и специализации по мере роста бюрократии и демократии. Появление агентов управления, для которых деятельностным полем была иерархия, привело к формированию элиты – «собирателей собирателей» или «пользователей пользователей».

При рассмотрении межэтнических связей речь обычно идет о контактах целых народов или сообществ – земледельцев, охотников, скотоводов. На уровне межличностных взаимодействий подобная ситуация реальна, однако на социальном уровне на первый план выходят мотивы и действия элит. Любое столкновение сообществ – прежде всего диалог их элит, агентов управления. Часто вытеснение или поглощение одной культуры другой оказывается следствием не хозяйственно-культурной конкуренции, а дуэли элит и, соответственно, управленческих технологий. Распространение новшеств и заимствований также определяется по большей части не выбором отдельных людей или семей, а волей агентов управления.

Самым заметным выражением движения в антропологии и истории является миграция, и кочевник представляется прямым наследником древнейшего *Homo mobilis*, освоившего ойкумену и создававшего культуру контроля над пространством. Правда, оседлые историки, вслед за неприязненно относившимися к кочевникам монастырскими и городскими летописцами, видели в их движении не то абсурд, не то бич божий. История рассталась с воинственными кочевниками, так и не сумев толком их понять и описать. Оседлая культура иначе, чем кочевая, осваивает пространство, прокладывает дороги, видит мир. Даже самые масштабные движения, включая «великие переселения», в истории передаются серией сменяющих друг друга статичных отрисовок событий. Обычно кочевник интересен историку не на просторе степей, а под стенами осажденного города, воин – не в пылу битвы, а в позе побежденного или победителя. Для адаптации исследовательского взгляда к реалиям движения в истории и праистории может оказаться полезным опыт этнографа, имеющего возможность уловить в среде кочевников ритм повседневной мобильности, из седла или нарты различить относительность оседлых ценностей.

В антропологии движения динамика и статика – ключевые категории, но не фиксированные полюса жизнедеятельности. Подобно закону сохранения энергии существует закон сохранения движения, и любое внешне статичное состояние наполнено внутренней динамикой. Оседлость изобилует своими формами мобильности, выражающимися в динамике общения и конкуренции, ритме труда и празднеств, проявлении стремлений и инициатив. Интенсивное оседлое творчество – преобразованный бег кочевого прачеловека. Чередование статики и ди-

намики, подобно сну и бодрствованию, образует общий механизм движения, который в свою очередь приводит в действие социальные системы, оживляет культуры.

Локальность

Любая культура строится в треугольнике «человек–природа–общество». В измерении «человек–природа» очерчивается двухмерная модель экологической адаптации. Подобная двухмерность, абстрагирующаяся от социально-политических обстоятельств, позволяет сосредоточить внимание на технологиях освоения биоресурсов. Превосходную систематизацию арктических адаптационных моделей этого уровня представил И. И. Крупник (Krupnik 1993), использовавший понятия «адаптация», «жизнеобеспечение» и «экономика» как синонимы. Правда, в реальности любая культура непременно обладает социальным измерением, определяющим ее место в межобщинной (межкультурной) коммуникации.

Основным показателем экологической адаптации служит хозяйственный цикл, регулируемый состоянием биоресурсов. Культура, основанная преимущественно на экоадаптации и сосредоточенная на конкретном биотопе, может быть названа локальной, будь ее хозяйственной базой охота на северного оленя, сбор морских моллюсков или богарное земледелие. Сколько-нибудь значительные перемещения такой культуры, выходящие за пределы биотопа, обычно предопределяются миграциями зверей или экологическими кризисами.

Для локальных культур собирателей, промысловиков и земледельцев разных областей мира характерна насыщенность экологической сферы, детальность знаний и обстоятельность практик природопользования. Например, у индейцев агуаруна в Амазонии обнаружено 690 названий различных растений, подразделяемых на семьи или классы, напоминающие научную ботаническую таксономию; собиратели Австралии различали до 240 видов растений, 93 вида моллюсков и 23 вида рыб, пригодных в пищу (Дамм 1964: 27; Murphy 1989: 34). У обских хантов выявлено свыше 200 вариантов заборного лова рыбы (Sirelius 1906; Лукина 1986: 124), не считая множества других способов сетевого, неводного, калыданного, острогового промысла. Каждый из этих вариантов предполагает знание «поведения воды», особенностей хода и повадок рыбы (ее отдельных видов), рельефа дна водоемов и т.д. Например, для сооружения запора необходимо так выбрать время и место, чтобы уже завершился подъем рыбы на нерест в верховья реки, но еще не начался ее скат в низовья; чтобы огороженная часть водоема служила не только местом скопления, но и нагульно-кормовой средой для рыбы; чтобы течение было достаточно умеренным для сохранности запора и достаточно сильным для предохранения воды от застоя и зацветания; чтобы русло было в меру глубоким для строительства заграждения и не очень мелким для содержания рыбы; чтобы в огороженном месте имелись как отмели, так и омуты для выживания всех видов рыбы; чтобы установленные в запоре ловушки наполнялись, но не переполнялись рыбой (Головнёв 1995: 356).

Локальная культура плотно встроена в биоценоз, используя как отдельные звенья экосистемы, так и связи между ними. Она настроена не только на потребление, но и на воспроизводство биоресурсов. На этом основана практика берегающего природопользования – регламентация времени и пространства промысла, сакрализованная этика диалога с природным миром и обычаи раздачи излишков. С этим связана детальная разработанность и привязка к конкретной местности систем времясчисления и топографии. Например, календари локальных групп обских угров разнообразны настолько, что начало года в них приходится на разные точки временного цикла (чаще всего на летнее или зимнее солнцестояние, весеннее или осеннее равноденствие). Подчас создается впечатление, что каждое семейство таежных промысловиков настолько поглощено сбором своего урожая, что не заботится о сверке времени даже с ближайшими соседями. Например, в разных селениях на р. Тромъеган июль называется *ин-туй тылыс* (большой воды месяц), *отль-пытть тылыс* (линьки лебеда месяц), *канык тылыс* (ягодный месяц) и *коим тылыс* (нереста рыбы месяц). «Ментальная карта» пространства хантов построена на точечном знании местности: если тундровый кочевник-ненец в пути следит за собой как бы с неба, представляя себя перемещающейся на «карте» точкой, то таежный хант помнит каждую «кочку» своих угодий и держит путь от одного знакомого дерева к другому. Эта схема работает и в других ситуациях, например при поломке лодочного мотора: ненец сначала мысленно раскручивает гайки, а затем пускает в ход руки; хант сразу начи-

нает раскручивать гайки руками – его руки сами «помнят мотор» (Головнёв 1995: 262, 349–350, 356).

Локальность выражается мифологически в богатстве природного пандемониума, наполненного местными духами (лешими, водяными, дворовыми, овиными и др.), образами особенных деревьев и урочищ. Отношения местных культовых фигур (часто целых семейств духов) обстоятельно характеризуются категориями родства. Их природные образы обычно ассоциируются с туземными и туводными зверями, птицами и рыбами (у обских угров – стрекоза, лягушка, трясогузка, филин, лось, бобр, щука, налим и др.), орнаментально символизируемыми точечными отпечатками: «щучья челюсть», «заячьи уши», «выводок утят», «след соболя». Локальность характеризуется обилием и актуальностью женских мифологических образов от лесных ведьм и царевен-лягушек до многоликой богини-матери-земли. Подобные черты отличают многие крестьянско-земледельческие и промысловые (особенно рыболовные) культуры Евразии.

Благодаря тесной связи с эконишей локальной культуре свойственна устойчивость – так называемая традиционность. Примером многовековой устойчивости культурных традиций во времени и их непрерывности (переходности) в пространстве может служить лесной мир уралоязычных народов. Археологи, этнографы, лингвисты и физические антропологи дружно отмечают тысячелетнюю консервативность уральских хозяйственно-культурных традиций, их плавные переходы от народа к народу в пространстве от Фенноскандии до Таймыра. При этом большинству уральских сообществ свойственна привязанность к лесным эконишам, умеренная подвижность и разделенность на локальные группы со своими диалектами или языками. Подобная устойчивость уральского мира настраивает исследователей на размышления о медленном и постепенном развитии таежных народов под воздействием, главным образом, внешних импульсов.

Магистральность

Трехмерная модель адаптации включает социальное измерение. Если экологическая адаптация сконцентрирована на хозяйственном цикле, то социальная охватывает широкое деятельностное поле, в том числе религиозные, торговые, военные, политические взаимодействия. Локальная культура может приобрести магистральные свойства, если пространственно расширится, связав собой несколько локальных культур. Главную роль в этом расширении играет военно-политическая, жреческая или торговая элита, объединяющая своей активностью локальные культуры и создающая тем самым новые пути контактов и новое качество взаимоотношений. Язык магистральной культуры становится, как правило, вторым языком локальных групп; нередко то же самое происходит с культом и системой власти. Магистральная культура может сохранять связь с материнской локальной культурой или, отделившись от нее пространственно и функционально, подчинить и интегрировать другие локальные группы.

Локальная культура «возделывает» конкретную эконишу, магистральная – организует локальные группы в сложные сообщества, часто приобретающие облик государств. С древности большие пространства осваивали и контролировали наиболее мобильные группы, обретавшие статус элиты; и позднее элита выделялась подвижностью на фоне зависимых сословий, нередко принудительно прикрепленных к земле. В истории Старого Света магистральные культуры воинственных кочевников моря и степи создали геополитическую конфигурацию, лежащую в основе современной культурной мозаики Евразии.

По роду деятельности агент магистральности (политик, воин, торговец, жрец) – этнодипломат, интегрирующий различные сообщества, партнерские связи, ценности. Его собственные ценности состоят во власти над чужими ценностями и контроле над обширным социальным пространством. По мотивации и деятельности земледелец привязан к «почве» и родственно-соседской среде, торговец и политик – к «пути» и разноликому кругу партнеров. Первый «натурален» в своих потребностях, второй – постоянно «конвертируем». Различные деятельностные схемы создают, соответственно, статичную и динамичную этничность. Классический пример статичной идентичности представляет крестьянство с его плотной экокультурой, динамичной – нобилитет с многообразной социокультурой. В тех случаях, когда локальная и магист-

ральная культуры иерархически соподчинены (большинство так называемых рабовладельческих и феодальных обществ, полиэтнических империй), они выглядят двумя культурами в одном народе, различающимися даже по языку. «Верхняя» и «нижняя» культуры представлены, например, франками и галлами во Франкском королевстве, русью и славянами – на Руси.

Магистральность может нести с собой межэтнический диалог, подавление прежней и синтез новой этничности. В локусах генерируется стойкая «почвенная» этничность, на магистральных – мобильная «синтетическая» (в каком-то смысле именно эти разные качества этничности породили примордиалистский и конструктивистский варианты ее толкования). Локальная микроэтничность и магистральная макроэтничность различаются не только территориальным размахом, но и мотивами-практиками генерирования. Микроэтничность основана на родстве (в значении философии и технологии близости, а не факта крови), распространяемом на обитаемое пространство в понятиях «родная земля», «родина». Макроэтничность строится на власти в ее функциях подчинения, интеграции, посредничества и выражается понятиями «народ», «семья народов». При статусном превосходстве магистральной культуры локальная обладает преимуществом устойчивости и живучести благодаря непосредственной связи с землей и ее ресурсами. Магистральная культура может оказаться эфемерной, «сойти с орбиты» в противоборстве с другой культурой, не выдержать напряжения движения и осесть в удобной локальной нише.

Магистральная культура всегда подвижнее локальной, поскольку она вырастает на преимуществе в движении и целенаправленно развивает технологии мобильности в конкуренции с культурами-соперницами. Собственно лидерство в движении и придает культуре качество магистральности. Как только она теряет это превосходство, власть над пространством и людьми захватывает новая магистральная культура, зачастую окраинная, «дикая и варварская». В этом выражался «закон Ибн-Хальдуна», согласно которому кочевая династия (держава) существует не более 120 лет, в течение жизни трех поколений: первое, славное своей мощью и кочевой (бедуинской) суровостью и яростью, создает державу; второе, сменив гордость на подчиненность самодержцу, предается роскоши и лени; третье вовсе забывает бедуинскую суровость, предпочитая престиж и блага, и лишь внешне напоминает воинов-всадников, будучи на самом деле «трусливее женщин» (Ибн-Хальдун 2004).

В магистральных культурах особой категорией деятельности и ментальности является «путь». Он представляется не расстоянием и не эпизодом, а пространством деятельности, столь же устойчивым для кочевников, как город для оседлых людей. Тюркское слово *йол* (путь) сопоставимо с монгольским *дзол/зол* (счастье, удача); особое отношение тюрков к движению выражено присутствием в их пантеоне божеств пути – *Йол тенгри*, а также двойным значением глагола *юр* – «ходить» и «жить», от которого образованы понятия *жүрүм/жүрүс* (жизнь) и *юрт* (стойбище, государство). Сходным образом слово *vegr* (путь) в северогерманской традиции приобрело значение «государство», например, в варианте *Nórvegr* (Норвегия) – «Северный путь».

Превращение магистрального пути в государство или народ – обычное в истории явление. Эфемерность многих кочевых политий связана с их недолговечностью (сопоставимой с веком человека) и регулярностью их замещения новыми или, чаще, старыми ордами с новыми вождями и именами. Магистральные культуры строятся не только на войне, но и на международной торговле – финикийской в Средиземноморье, согдийской на Великом шелковом пути, новгородской на северо-востоке Европы. Их внутренняя целостность иногда обеспечивается религиозным единством, как у согдов-манихеев и евреев-иудеев. Магистральными культурами разного времени и происхождения были созданы все известные истории империи и колониальные сети.

В отличие от открытых пространств степей и морей, труднопроходимая тайга не располагала к развитию мощных магистральных культур. Однако своя система магистралей существовала и в уральских лесах. Речные и водораздельные пути поддерживали связи между локальными сообществами, и среди уральцев с давних пор формировался слой мобильных лидеров-посредников. С севера и юга уральская тайга окаймлена открытыми пространствами тундры и степи, где после их превращения в кочевые магистральные сложились подвижные

культуры (мадьяр в степи, самоедов в тундре), эпизодически связывавшие локальные таежно-речные группы. Устойчивость лесного уральского мира, сотканного из локальных культур и соединенного «медленными» речными магистралями, выражена в преемственности археологических культур с присущей им непрерывностью. Локальные культуры создавали мозаику освоенного пространства, магистральные играли ключевую роль в движении и колонизации.

Эффект колонизации

Один из механизмов социального движения в праистории и истории представляет собой колонизация как освоение людьми новых территорий в широком диапазоне миграций, завоеваний, исходов, установления систем контроля и власти. В колонизации сценой действия оказываются не только метрополия и колония, но и соединяющий их путь. В истории кочевников путь (пространство движения) занимает место метрополии, подчиняющей и объединяющей оседлые селения. Действующими лицами выступают жители метрополии и колонии, в том числе правящая элита и люд (часто с разными мотивами), агенты метрополии и колонисты. Нередко колонисты движутся не по собственной воле, а по проектам элиты, например при переселении кочевниками земледельцев и ремесленников в пределах покоренных территорий, высылке в дальние страны преступников, организации невольничьих поселений, создании торговых или промышленных резиденций. Иногда представляется, что подобные управляемые переселения свойственны лишь поздней истории с ее империями, торговыми кампаниями, транснациональными корпорациями. Однако иерархия была универсальным свойством социальной материи с прачеловеческих времен, и можно допустить, что колонизация с глубокой древности представляла собой сложное сплетение мотивов–действий элит и зависимых людей.

Вся история человечества – история колонизации, начиная с появления вида Ното и его расселения по планете. Если колыбелью человека была Африка, то первой колонией стала Евразия. Всем странам так или иначе довелось побывать колониями. Например, самая известная метрополия Англия только в историческое время была колонизована несколько раз – бриттами, римлянами, англосаксами, викингами, нормандцами. Соединенные Штаты Америки, ныне претендующие на мировое господство, – еще недавно были типичной колонией. Метрополия – не столько место, сколько качество, которое способно перемещаться по планете: «миграция метрополий» приводит к затуханию старых и появлению новых очагов экспансии, а иногда порождает «колонизацию вспять». Это видно в современной Европе, которая еще недавно была активной метрополией, а сегодня даже внешне изменилась под воздействием бывших колоний. Как прямой контакт различных систем адаптации и деятельности колонизация – один из ключевых механизмов социального развития и преобразования, своего рода социохимическая реакция смешения и взаимодействия культур в конкурентном и нередко продуктивном диалоге.

С эпохи бронзы магистральные культуры «коне-людей» и «море-людей» генерировали политическую элиту для многих локальных культур Евразии. На рубеже эр черноморский перекресток степных и морских кочевий стал маятником евразийской геополитики. Магистральные культуры Балто-Понтийского междуморья и Великой степи охватывали пространство Северной Евразии в ритме попеременного господства кочевников моря и суши. Главным мотивом-действием масштабных передвижений была война как регулярный промысел и конкуренция за власть, в которой верх одерживали наиболее подвижные и боеспособные группы. Как готы в III в. подчинили пространство Балто-Понтийского междуморья, так их потомки норманны в IX в. охватили своими походами земли «верхних» славян (по рекам балтийского стока). Как в IV в. гунны разбили готскую державу Германариха и надолго установили зависимость «нижних» славян (по рекам понтийского стока) от тюркских каганатов, так по сходному сценарию в XIII в. монголы Чингисхана покорили русские княжества.

В VIII–XI вв. Балто-Понтийское междуморье было пространством экспансии варягов (норманнов) на Восточном пути (Austvegr), узловым перекрестком которого стала скандинавская колония Старая Ладога (Aldeigjuborg) в устье Волхова. Альдейгьюборг служил не местом уютной оседлости, а генератором и регулятором магистралей, перевалочной базой на пересечении Балто-Понтийского (по Днепру) и Балто-Каспийского (по Волге) путей (см.:

Янин 1956: 103; Рыздзевская 1978: 51, 64; Носов 1990: 188–190). В Ладогу вел и третий, Балто-Беломорский, путь. В эпоху викингов через ладожский узел проходили речные дороги «из варяг» на юг «в греки», на восток «в арабы» и на север «в бьярмы». Возникнув в середине VIII в., Старая Ладога за столетие превратилась из колонии в метрополию и стала резиденцией русских князей.

Ряд обстоятельств – направленность пути «из варяг», ранняя *русь* на Ладоге, Валдайский узел движения – определенно связывает рождение Руси с севером. Немаловажную роль в этом сценарии играет факт относительно позднего включения Днепровского пути, в том числе киевского форпоста, в общую сеть движения. Решающим аргументом выступает археологическая хронология, свидетельствующая о том, что исходной точкой пути и главным перекрестком в пространстве будущей Руси с 750-х гг. была Старая Ладога (Альдейгьюборг), а первой восточной магистралью норманнского движения – Балто-Каспийский (Волжский) путь «из варяг в арабы» (начало IX в.).

Движение на восток балтийских славян и норманнов началось в VIII в. Вероятно, путь прокладывался двумя культурами, будто двумя ногами: норманны пробивали его войной, славяне – осваивали трудом, норманны умели побеждать, славяне – выживать, норманны контролировали магистрали, славяне – локальные ниши. Две культуры шли бок о бок, и не случайно длинные скандинавские дома и славянские печи стояли по соседству в Старой Ладоге. Походы норманнов на северо-востоке Европы без участия славян не породили бы колоний. По Повести временных лет, неразлучной парой во многих походах выступали *русь* и словене. В их совместном движении и освоении пространств сложилась синтетическая норд-русская культура, известная как новгородская или верхнерусская.

Судя по летописям, при князьях-викингах, с Рюрика до Святослава в 862–972 гг., пространство «руси» быстро расширялось от северорусских приладожских владений летописных братьев-варягов (область Киева в ту пору называлась Польскою землею) до Балто-Понтийского междуморья (при Олеге), включая Подунавье (при Святославе). При «домашних князьях» Владимире и Ярославе в 972–1054 гг. подвижная прежде *русь-рать* осела в государстве Русь.

С той поры на Руси сменился вектор движения – оно пошло в противоположную сторону. Если генератором русской идентичности был Север (Ладога и Новгород), то очагом христианской – Юг (Киев). Момент социокультурного триумфа «Киевской Руси» Ярослава Мудрого принято связывать с централизующим воздействием христианства. На самом деле это единство было создано трехвековым движением руси и северных славян по балто-понтот-каспийским магистралям. Когда единение в северном пути сменилось единением в южном боге, Русь начала распадаться. Княжества, охваченные киевским влиянием, стремительно мельчали; например, Владимиро-Суздальская земля после смерти Всеволода Большое Гнездо разделилась на 5, при его внуках – на 12, при праправнуках – на 100 удельных княжеств. Так называемая феодальная раздробленность, приписываемая не то дурному нраву знати, не то неким всемирно-историческим законам, в действительности была следствием упадка магистральной культуры. «Варяжский путь» замер, и динамичная прежде Русь распалась на статичные локальные княжества. «Христианскому пути» явно не хватало ресурса магистральности для поддержания былой общности, и русская этничность, потесненная христианской идентичностью, начала дробиться на «уделы».

В XIII в. маятник евразийской истории качнулся, и на смену осевшим кочевникам моря вновь пришли степняки. Впрочем, к Улусу Чжучи отошла лишь Нижняя Русь – область рек южного стока, некогда принадлежавшая хазарам. Верхняя Русь, по рекам балтийского стока, оставалась независимой еще более двух столетий, пока не была завоевана Москвой. Подобно викингам на море, монголы в степи развернули гигантскую социальную сеть, основанную на той же триаде война–дань–торг, только доля торговли в ней была ничтожна в сравнении с военно-данническим промыслом. Монгольская культура больших пространств пересекла своими магистралями всю срединную Евразию, захватив на окраинном западе Нижнюю Русь в качестве локальной культуры. На стыке монгольской (ордынской) и нижнерусской культур сформировалась орд-русская или московская (по названию ее форпоста) культура, основан-

ная на жестком централизме власти и военно-данническом промысле. Москва, как показали исследователи евразийской школы, унаследовала от Орды методы управления (русский лексикон пополнился монголо-тюркскими понятиями «деньги», «казна», «таможня», «ярлык», «ясак») и к XVI в. превзошла по социально-политическому потенциалу рассыпавшуюся на части Орду. В целом верно, хотя и не лишено гротеска, замечание Н.С. Трубецкого (1995: 157): «Московское государство возникло благодаря татарскому игу... “Свержение татарского ига” свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву».

В отличие от быстро расцветающих в войне и гибнущих в мире степных кочевых империй, Московское царство укоренилось на нижнерусской локальности, впитав ордынскую магистральность. По устойчивости московская культура не уступала новгородской, а по военно-промысловому потенциалу, при остаточной поддержке Орды, значительно ее превосходила. Исход поединка царя и веча был предрешен, и в течение столетия, с 1471 по 1570 гг., усилиями двух «грозных» Иванов очаг верхнерусской культуры был уничтожен. Дуэль Москвы и Новгорода, трактуемая официальной историографией как борьба централизма с сепаратизмом, в действительности была эпохальным столкновением двух различных евразийских традиций – орд-русской и норд-русской.

В соответствии с хронологией появления двух магистральных культур – норд-русской в XI в. и орд-русской в XV–XVI вв. – разворачивались новгородская и московская колонизации. Интервал в полтысячелетия разделяет, например, первые рейды на/за Урал новгородских купцов и московских воевод: новгородцы путешествовали в Югру уже в XI в. (возможно и раньше), московские рати добрались до Сибири в XV–XVI вв. Севернорусское (новгородско-поморское) проникновение за Урал имело торгово-промысловый характер, московское – военно-административный. Экспансия норд-русской культуры выражалась в создании сети коммуникаций и колоний – городков, торжищ, промысловых станов в Балтии, Поморье, на Урале, в Поволжье – малых копий Новгорода с его размахом торговли и свободой веча. Их зависимость от метрополии была условной (например, двинские бояре и хлыновцы нередко расходились в политических предпочтениях с новгородцами) и, по большей части, основанной на корпоративно-торговых и личных связях. Деятельностная схема орд-русской традиции, немислимая без мощного центра и основанная на административно-налоговом промысле, реализовалась в создании иерархической структуры «малых копий» Москвы, бюрократически централизованном управлении и политически окрашенной христианизации.

Противостояние этих старых традиций – нордизма и ордизма – до сих пор отзывается в конфликтах российского гражданства и русской этничности, централизма и регионализма. Впрочем, можно вести речь и об их срастании в синтетическую русскую культуру в широком спектре ее вариаций от одержимого старовера и покладистого крестьянина до разудалого купца и властолюбивого чиновника. Именно двоякая магистральность русской культуры, вобравшей в себя традиции нордизма и ордизма, а также славянскую локальную адаптивность, стала двигателем эпохальной экспансии, приведшей к образованию России на обширных пространствах Северной Евразии.

Этногенез и дрейф этничности

История народоведения полна эпизодов самоотрицания, давших импульсы новым методологиям, но в фазах излома породивших паузы «антропологического агностицизма». Так случилось при «ниспровержении» эволюционизма с его реконструкциями стадий прогресса функционализмом с его скепсисом по поводу всяких реконструкций. Сходная судьба постигла структурализм и его претензии на открытие универсального ментального кода в критике постмодернистов и теоретиков практики. Для развития науки самоотрицания не менее значимы, чем устойчивость и преемственность. В одних случаях научные «революции» предопределяются персональными прозрениями, в других – социальными потрясениями.

В отечественном народоведении многие годы доминировала школа этногенеза, становление и развитие которой связано с именами В.П. Алексеева, С.А. Арутюнова, Ю.В. Бромлея, В.В. Бунака, Л.Н. Гумилева, Г.Ф. Дебеца, Б.О. Долгих, М.Г. Левина, С.А. Токарева, С.П. Толстова, Н.Н. Чебоксарова, В.Н. Чернецова и других исследователей происхождения народов и

культур. Бум этногенеза в советской этнографии был предопределен и незавершенным национал-строительством в Российской империи, и впечатляющим воздействием «национального вопроса» на большевистскую революцию, и замещением этничности интернациональной советскостью в эпоху «победившего социализма». Стимулы чередовались с ограничениями, генерируя противоречивый и болезненный, но стойкий интерес к этничности. Трудно сказать, чего в этом буме было больше – идеологического заказа или, наоборот, скрытого протеста против галолирующей интернационализации. Во всяком случае именно этнографы, несмотря на опалу науки и предписание заниматься бытом и первобытным коммунизмом, с 1930-х гг. выступали поборниками этничности наперекор «окончательно» решавшим национальный вопрос советским философам и историкам партии.

Советская этногенетическая школа – крупнейшая в мире по объему выполненных конкретных и обобщающих работ, по методологической оснащенности и тотальности охвата источников. В этом смысле она представляет собой национальное достояние и мощный информационный ресурс. Однако, по идеологическим причинам, ей недоставало ряда важных измерений, в том числе внимания к «человеку действующему», лидеру (элите) или, пользуясь советским штампом, «роли личности» в этноистории. От этого в научных трудах народы превращались в демографические проценты, антропологические массы, хозяйственно-культурные типы, этнолингвистические общности, этногенетические пучки, которые сами по себе (или по воле исследователя) мигрировали, скрещивались или распадались. Для наглядности этим обезглавленным социальным телам было дано солидное название «этнос», и курсирующие, подобно кораблям, этносы стали главными персонажами этногенеза и этноистории.

Постсоветский успех конструктивизма в отечественном народоведении связан с активацией «человеческого измерения». Фокусировка внимания на так называемых активистах-конструкторах наций выявила роль «капитанов этничности» – лидеров, обновляющих своими социальными проектами состояние и облик народов. Правда, под пером некоторых конструктивистов народы приобрели настолько эфемерный и «воображаемый» облик, что капитаны остались без кораблей.

Конфликт примордиализма и конструктивизма состоит в разной персонологии: для примордиалиста персона – народ, для конструктивиста – человек, конструирующий народ. Эти подходы, по-своему обоснованные и продуктивные, вполне сочетаемы, и в их методологическом синтезе мне видится перспектива дальнейшего роста отечественной школы этноистории. Цель этого синтеза состоит не в примирении коллег, а в восприятии и изучении реальной «живой этничности» в ее стойкости и изменчивости, фазах активации и деактивации, потенциале индивидуально-социального действия.

Антропология движения предлагает концепт дрейфа этничности, в котором изменчивость народов, культур и персональной идентичности представляется обыденностью, а не отклонением, в котором смена традиций рассматривается как своего рода традиция. В этом измерении понятие «этничность» не только удобнее «этнуса», но и отлично от него, поскольку обозначает сущность динамичного явления, а не его статичный образ. «Этносы» могут появляться и исчезать по воле правителей или ученых, тогда как «этничность» остается естественным и устойчивым свойством человека. Каждая этноистория – бесконечная череда перерождений, каждое поколение заново воссоздает свою этничность, и всякий раз в чем-то новом.

Дрейф этничности представляет естественным частое, если не регулярное, обновление народа. С этим не согласуется концепт этногенеза как окончательного сложения этнического лица народа¹. По моим наблюдениям, за тысячелетие письменной истории «русскость» претерпела около двадцати существенных сдвигов, в среднем по два за век (Головнёв 2009б: 49–52). В этой череде трудно отметить точку окончательного сложения русского «этнического лица». Завершился ли русский этногенез при Олеге Вещем, Владимире Крестителе, Иване III,

¹ «Под этногенезом понимается вся та совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица» (Алексеев 1986: 3).

Петре I, Александре III, В.И. Ленине или В.В. Путине? Или он продолжится до тех пор, пока не будет найдена заветная национальная (или этническая?) русская (или российская?) идея?

Обилие расставленных вопросов не ставит под сомнение ни правомерности употребления слов «этнос» и «этногенез», ни актуальности этнопроблематики, ни состоятельности науки этнологии. Речь идет о новых ракурсах и методах, которые позволяют наблюдать живую этничность в ее естественном движении и реальных проявлениях.

Литература

- Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.
- Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009а.
- Головнёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник, № 4(25), 2009б.
- Дамм Г. Канака – люди южных морей. М., 1964.
- Ибн-Хальдун. Прологомены к «Книге поучительных примеров и дивану сообщений о днях арабов, персов и берберов и их современников, обладавших властью великих размеров» // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. Т. I. М., 2004.
- Лукина Н.В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
- Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
- Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
- Krupnik I. Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Hanover and London, 1993.
- Murphy R. Cultural and Social Anthropology. New Jersey, 1989.
- Sirelius U. T. Über die Sperrfischerei bei den Finnisch-Ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТРУННЫХ СМЫЧКОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ЕВРАЗИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КУЛЬТУРАМИ КОЧЕВНИКОВ

М.В. Есипова

Государственный институт искусствознания, Научно-исследовательский центр методологии исторического музыкознания МГК им. П.И. Чайковского, г. Москва

Цивилизации Древнего мира – Междуречья (Шумер, Вавилон, Ассирия), Древнего Египта, Древнего Китая, Хараппы – обладали развитым музыкальным инструментарием с преобладанием струнных щипковых (лиры, арфы, цитры, позднее лютни), но не знали смычковых инструментов. Ответить на вопрос почему? – трудно, вероятно, ответ надо искать в особенностях музыкального мышления древних, в их осмыслении феноменов музыкального звука, музыки вообще и человеческого голоса или в особенностях психоэмоциональной составляющей личности человека древности.

Но, так или иначе, смычковые – это инструменты нашей эры, инструменты, оказавшие огромное влияние на развитие музыкального исполнительства всего мира и на само осмысление музыки, это инструменты, изменившие парадигму музыкального искусства.

Появление смычкового способа звукоизвлечения позволило создавать музыкальную ткань, принципиально отличающуюся от музыки струнных щипковых. Древнейшей функцией щипковых было ритмизованное сопровождение пения, а собственно мелодическое начало было прерогативой человеческого голоса и иногда духовых инструментов. Смычковое (фрикционное) звукоизвлечение сформировало иное музыкальное пространство – не дискретное, а континуальное. Не случайно звук арабских инструментов – смычкового *ребаба*¹ и фрикционного *дулаба* (инструмента типа колёсной лиры), классифицируемый в ранних арабских трактатах (начиная с энциклопедии тайного общества «Ихван ас-сафа» – «Братья чистоты», X в.) как «слитный» (араб. мумтаад), в отличие от «отрывистых» звуков струнных щипковых, попал в один ряд с духовыми (!), а не со струнными инструментами. Этой старинной классификации следовал и крупнейший музыкальный теоретик мусульманского Востока Абд аль-Кадир ибн Гаиби аль-Хафиз аль-Мараги (он же Абдулгадаыр Мраги; ум. 1435), а известный лютневый инструмент с длинной шейкой *танбур*, в случае использования его не как щипкового, а как смычкового, он называется *най-танбур* («флейтовый танбур»), поскольку он обладает «слитным», протяжным звуком, как духовой флейтовый инструмент *най*². Интересно, что в современной корейской классификации, включающей три класса: струнные, ударные и духовые, смычковые, благодаря характеру их звучания, также входят в класс «духовых».

Упомянутые старинная арабская и современная корейская классификации содержат рудимент музыкального мышления древних, не знавших смычковых инструментов.

Пожалуй, главной характеристикой смычкового звукоизвлечения является то, что оно в наибольшей степени приближает инструментальное звучание к человеческому голосу. Соответственно, оно возводит инструментальную музыку в особый эмоциональный статус. Напомним, что еще в древнеиндийской классификации музыкальных инструментов, изложенной в трактате «Натьяшастра» Бхараты (II в. до н.э. – II в. н.э.), в классе струнных (тата вадья, санскр. tata vadya – «натянутый [о струнах]»), с ведических времен определяемых общим термином «вина», выделялась группа *дайви-вина* (буквально – «богоданная вина»), то есть

¹ Предположительно, термин ведет происхождение от араб. рабба – «собирать вместе», что может иметь отношение и к музыкальным звукам. В арабских странах и в культурах, испытавших арабское влияние, *ребаб/рабаб* – 1) собирательное обозначение струнных смычковых инструментов; 2) конкретный смычковый инструмент. В современных культурах, испытавших персидское влияние, *рабаб* – струнный щипковый инструмент лютневого типа. В ряде стран Африки *рабаб/рабаба* – название инструментов типа (античной) лиры.

² Название духового и струнного смычкового инструмента одним и тем же термином встречается у народов Северной Азии, например, у ороков (это *тэнкэрэ*).

человеческий голос. В начале XV в. Абд аль-Кадир ибн Гаиби также включил в классификацию музыкальных инструментов гортань человека как самый совершенный инструмент.

Ассоциация звучания смычкового с человеческим голосом характерна и для многих современных традиционных культур. Выражение «запел» о смычковом инструменте встречается во многих языках. Эта ассоциация может быть зафиксирована даже в самом названии инструмента, как например, у хантов наименование смычкового *нинг юх* буквально означает «женское дерево», где слово «женское» указывает не на женскую традицию исполнительства, а на характер звучания, близкого по тембру женскому голосу (см.: Шейкин Ю.И., с. 137).

Во многих древних культурах само произведение музыкального звука осмыслялось как некий сакральный акт. Открытие нового тембра, характерного для смычковых инструментов, дало возможность «подмены» человеческого голоса. Подобная «подмена» осмысливалась как некое магическое действие, а музыкальное исполнение – как общение с потусторонним миром – с духами умерших, духами-охранителями и т.п. Например, у казахских баксы 2-струнный смычковый инструмент *кыл-кобуз* (*кобуз*) фактически выступал в роли шаманского бубна.

Звучание струнных, а особенно – смычковых инструментов во многих национальных традициях связано с выражением душевной боли, оно как бы заменяет голос-плач – либо как не способный выразить всю глубину скорби, либо как ограниченный (или запрещенный) традицией в траурных ситуациях (как, например, у многих кавказских народов). И доньше наигрыш на смычковом инструменте, по представлениям ряда народов Северной Азии, – это плач-воспоминание о предках.

Для многих культур характерно отношение к отдельно взятому музыкальному звуку как к самоценности, и его параметры зачастую выступают на первый план, оставляя мелодию (как конструкцию из звуков) на втором. Богатейшая интонационная сторона звучания смычковых как нельзя более соответствует такому пониманию звука. Даже современное скрипичное (и шире – смычковое) искусство сохраняет в себе рудимент подобного осмысления звука (как часто мы говорим о «магии звука» того или иного великого исполнителя!).

Географию исторического распространения смычкового инструментария в Евразии, который уже X в. был довольно развит (особенно в арабском мире и в Византийской империи), позволяют представить известные на сегодняшний день объективные данные, хотя их не так уж и много. Пытаясь воссоздать историческую картину, мы можем опираться на артефакты (в том числе археологические и другие находки инструментов или их фрагментов и их датировку, предложенную археологами и другими исследователями), на иконографические данные (а они появляются начиная с IX–X вв.), на письменные источники (с VIII в., но возможно, и ранее) и, наконец, на данные музыковедов-фольклористов конца XIX – XX вв., зафиксировавших наличие живой традиции смычковых инструментов в той или иной культуре или собравших устные свидетельства об их функционировании в прошлом.

Согласно гипотезе, выдвинутой немецким музыковедом Вернером Бахманом, родиной смычковых инструментов является Центральная Азия (Бахман имел в виду Среднюю Азию, то есть западную часть Центральной Азии); это же мнение ранее было высказано русским ученым Н.В. Никольским. Ярким свидетельством того является роспись дворца правителя небольшого государства Хутталь, находившегося в его столице Хульбуке (ныне Курбаншаид, Южный Таджикистан), датируемая приблизительно X в., где есть уникальное изображение 2-струнного смычкового инструмента с длинной шейкой и месяцеобразной головкой с колками; форма его корпуса напоминает современный лютневый щипковый среднеазиатский инструмент *рубаб* (с характерными рогеобразными отростками), но он значительно меньше, и исполнительница держит его вертикально, оперев низ корпуса в колено. Безусловно, этот инструмент принадлежит музыке высокой традиции, и он должен иметь свою предысторию, нам неизвестную, поскольку, по-видимому, это единственное известное его изображение. Хутталь славился высокой музыкальной культурой. Известно, например, что еще в 733 г. оттуда в Китай присылали женщин-музыкантш³.

³ См.: Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Пер. с франц. Серия: Культура народов Востока. М., 1981. С. 83.

Еще одно уникальное свидетельство мы находим в великолепных росписях западно-тибетского монастыря Толин (искусство царства Гугэ, на границе с Кашмиром), датируемых приблизительно X в., среди которых есть изображение богини Сарасвати с маленьким 2-струнным смычковым инструментом с грушевидным корпусом (вероятно, с кожаной декой), с довольно длинной шейкой и месяцеобразной головкой, увенчанной головой дракона; она держит его вертикально на колене и играет маленьким дугообразным смычком (илл. 0)*. Появление такого инструмента в руках Сарасвати в культовой живописи – а атрибутом этой богини в буддийской иконографии как правило является щипковая лютня (позднее в индийском индуистском искусстве – современная *вина*) – свидетельствует о значительном распространении смычковых инструментов к X веку.

Однако у кочевников региона Центральной Азии фрикционные инструменты иных типов существовали значительно ранее, не исключено, что с первых веков нашей эры. И именно от кочевников они попали в другие регионы, в том числе в страны континентальной Восточной Азии, и в Китае, несмотря на существовавший к тому моменту мощный собственно китайский инструментарий, стали со временем ярчайшими его представителями.

Точку зрения о центрально-азиатской родине смычковых отчасти могут скорректировать археологические находки Грузии. Так, в Хаишском кладе найдена золотая подвеска с фигурками музыкантов, один из которых держит в руках смычок (судя по его положению, грузинские ученые предполагают, что это исполнитель на *чианури* – известном и ныне грузинском смычковом инструменте). Эта находка дает основание предполагать, что на Кавказе, в частности на территории Грузии, начиная с первых веков нашей эры уже могли существовать смычковые инструменты (см.: Шилакадзе М., с. 680, кол. 1).

Но вернемся к кочевническим музыкальным культурам Центральной Азии. В целом здесь выделяются три основных вида смычковых (отметим, что в кочевнических культурах традиционно исполнительство на смычковых инструментах было исключительно мужским). Для удобства дальнейшего описания условно обозначим их обширные семейства наиболее известными, но разнонациональными терминами: китайским – (1) *хуцинь* («варварский цинь [т.е. музыкальный инструмент]»), ху – китайское название северных инородцев, т.е. тюрко-монгольских народов Центральной Азии; термину соответствует монг. хуучир); тюркским – (2) *кобуз* (древнетюрк. – «музыкальный инструмент», как правило, струнный или варган); монгольским – (3) *хур* (*хуур*) и рассмотрим их последовательно.

(Отметим, что в центрально-азиатских культурах наблюдается смешение терминологии, так, например, один и тот же инструмент в разных регионах может обозначаться и термином монгольского, и термином тюркского происхождения, а в разных областях одного и того же региона разнотипные инструменты могут обозначаться одним и тем же термином, а однотипные инструменты – разными терминами).

1) СЕМЕЙСТВО ХУЦИНЯ

В китайской династийной хронике VIII в. «Цзю Таншу» («Старая история династии Тан») впервые встречается упоминание 2-струнного инструмента «инородцев, варваров» под названием *сицинь*, звук на котором извлекали трением бамбуковой палочкой, продеваемой между струнами. Корень «си» в термине – это китайское название группы восточно-монгольских племен дунху, а по китайским историческим источникам эпохи Тан – «отдельная ветвь сюнну», корень «цинь» – в данном случае означает «музыкальный инструмент». Позднее в китайских источниках *сицинь* описывается как собственно смычковый. Известный поэт и крупный государственный деятель танского времени Оуян Сю (1007–1072; под его руководством в 1060 г. была составлена «Новая история династии Тан» – «Син Таншу») зафиксировал яркую эмоциональную реакцию слушателей на этот входящий в моду смычковый инструмент, он пишет, что «его звуки вызывали слезы». Именно с *сицинем* связана история, претендующая на статус «бродячего сюжета», зафиксированная в китайском энциклопедическом труде XI века – книге «Мэнси битань» («Записки о ручье снов», 1088), созданной госу-

* Иллюстрации к статье М.В. Есиповой (Илл. 0–24) см. на цветной вклейке.

дарственным деятелем Шэнь Ко (1031–1095), о виртуозном исполнителе, у которого во время исполнения лопнула струна, но он продолжил играть на одной оставшейся (см.: Цзо Чженьгуань, с. 646, кол. 2–3).

Сицинь стал родоначальником обширного семейства китайских смычковых инструментов (смычок с конским волосом появился в Китае, вероятно, в эпоху Сун: он упоминается в XI в.), особенно распространившихся после монгольского завоевания Северного Китая в 1211–1234 гг. и обозначаемых общим термином «*хуцинь*» (букв. «инструмент ху», то есть инородцев, северных племен)⁴. Их общим конструктивным признаком является наличие маленького корпуса (цилиндрической или округлой формы) и длинной шейки, проходящей сквозь корпус; у большинства разновидностей инструмента волос смычка продевается между струнами (то есть смычок не автономен) (илл. 1, 2). В эпоху Монгольской империи (династии Юань) подобные смычковые инструменты были широко распространены в монгольской армейской среде. Из Китая инструменты семейства *хуциня* были завезены во Вьетнам (*дан ко*, *дан ни*, или *кай ни*; одно из первых изображений инструмента датируется IX–X вв.), в начале XII в. – в Корею (*хэгым*)⁵ (илл. 3). Во Вьетнаме *дан ко* в прошлом использовался как сопровождающий шаманские заклинания (но и собственно сицинь попал из Китая во Вьетнам, где получил название *дан гао че* (гао – «кокосовый орех»).

Подобные смычковые очень распространены в Монголии и Бурятии (семейство *хуучира*), в Туве (*бызаанчы*), у тибетцев (*пиванг*), были зафиксированы у калмыков (*биве*) (илл. 4, 5). Они встречаются у ряда народов Северной Азии (у удэ – 1-струнный *дзюлянки*, у сахалинских нивхов 1-струнный *тынгыр*, у нанайцев – *дучикэ*, орчей – *дудуманку*; наигрыш на таком инструменте, по представлениям этих народов, это плачь-воспоминание о предках; сам термин восходит к монгольскому *дуу* – «звук, голос, песня», см.: Шейкин Ю.И., с. 139–141). Родственные инструменты характерны для музыкальных культур стран континентальной Юго-Восточной Азии (названные выше вьетнамские инструменты, кхмерские *тро у* и *тро че*, лаосские *со*, тайские *со дуанг* и *со у*⁶) и Южной Азии (индийские *раванхаттха*, *раванастра*, *раванахаста* и *амрита* в штатах Раджастхан и Гуджарат и их многочисленные разновидности в штатах Махараштра, Андхра-Прадеш, Манипур; *вена*, *венава*, или *равана вина* сингалов Шри Ланки) (илл. 6, 7, 8).

2) СЕМЕЙСТВО КОБУЗА

Это обширное семейство представляет тип древнего лютневого смычкового инструмента центрально-азиатского происхождения с удлиненным долбленным веретенообразным или лодкообразным корпусом и длинной шейкой (может быть и смычковым, и щипковым), как правило, 2-струнный. Ныне он распространен в Саяно-Алтайском регионе: алтайский *икили*, хакасский *ыых*, тувинский *игил*⁷. Отметим, что *игил* имеет и иное название – *хыл-хомус*, родст-

⁴ В «Цзю Таншу» описывается и фрикционный цитровидный инструмент *ячжэн*. По мнению некоторых исследователей (Х. Тёрнбулл), фрикционная техника исполнения пришла в Китай ок. VI в. из Согды (Средняя Азия), и игра бамбуковой палочкой повлияла на форму и длину плектра китайских щипковых лютневых инструментов.

⁵ В Японии, которая благодаря счастливой случайности (крушению в 1281 г. во время шторма флота Хубилай-хана, направлявшегося к японским берегам), не стала вассалом Монгольской империи, смычковые инструменты появились позже, чем в других странах региона. Это *кокю*, по форме подобный щипковому *сямиэну*, но происхождение которого японские ученые связывают с появлением *ребэка* в Японии в XVI в. (благодаря деятельности иезуитских миссионеров). Позднее в Японии получили некоторое распространение и собственно китайские смычковые инструменты семейства *хуциня* (подробнее см.: Есипова М. (в печати)).

⁶ А вот кхмерский 3-струнный смычковый *тро кхмаэ* (букв. – «кхмерский тро»; не входящий в описанное семейство), считающийся одним из древнейших кхмерских инструментов (ранние изображения датируются XIII в.) и инструментом-символом кхмерской музыки, также как и аналогичный тайский инструмент *со самсай* и ныне вышедший из практики мьянмасский (бирманский) *хун тайо* родственно связаны с индонезийским 2-струнным *ребабом*.

⁷ Тувинцы считают *игил* более древним инструментом, чем упомянутый выше *бызаанчы*. По мнению Ю.И. Шейкина, интенсивное распространение в Южной Сибири инструменты этого типа получили после эпохи правления Юань в Китае (Шейкин Ю.И., с. 139), то есть после Великой монгольской империи.

венное казахскому *кыл-кобыз* («волосяной *кобыз*», о нем см. ниже) (илл. 9). Термин «*игил*» известен, по крайней мере, с X в. (зафиксирован в Словаре Махмуда Кашгарского, XI в.). Подобный инструмент встречается и в Монголии, он был известен калмыкам (*икиль*), а до начала XX в. похожий 1-струнный инструмент сохранялся у хантов и манси под названиями *нэр-нэ-ив* и *нинг юх*.

Аналогичный инструмент бытует ныне у народов Северного Кавказа: 2-струнная *апхь-арца* у абхазов, *анду пхярца* у абазин, *шичапшин* у адыгов, *камлач* (также называемый *кобыз*) у карачевцев и черкесов, *кыл-кобуз* у балкарцев и т.д. Очевидно, что на Кавказ этот инструмент занесли тюркские народы (а балкарцы и черкесы сохранили и древнетюркский термин) (илл. 10).

К этому типу примыкают уникальные образцы, найденные в археологических раскопках: один на территории Нижнего Поволжья, другой – на Украине у притока Днепра. Это 3-струнные смычковые инструменты с удлиненным лодкообразным корпусом и длинной шейкой, схожие между собой по конструкции и к тому же одинаковой длины (92 см). Археологи определили их как *кобузы*⁸. Первый был найден в 1963 г. в женском захоронении кургана № 9 у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области (раскопки И.В. Синицына; смычок не найден, но исследователи сходятся во мнении, что это был смычковый инструмент; он экспонируется в Саратовском областном музее краеведения), второй был раскопан в 1984 г. на реке Ингулец (приток Днепра) у села Кирово (мужское погребение № 1 из кургана № 4; инструмент со смычком хранится в Институте археологии в Киеве). Находки датируются XIV и XIII вв. соответственно⁹ (илл. 11, 12).

3) СЕМЕЙСТВО ХУУРА

Это инструменты с трапециевидным (близким к прямоугольному) корпусом и декой и дном из кожи, длинной шейкой, проходящей сквозь корпус. Так же, как и инструменты семейства *кобуза*, инструменты этого семейства у разных народов могут быть и смычковыми, и щипковыми. Они могут иметь 1, 2, 3 или 4 струны (илл. 13). Сфера распространения смычковых хууров – Монголия (*моринхуур* и его разновидности; подобный щипковый инструмент в Монголии называется *тобшуур*), Бурятия (*хур*, 2-струнный инструмент), Калмыкия (товшур – и смычковый, и щипковый). Аналогичные инструменты в Туве (*дошпулуур*), на Алтае (*тоншуур*), у шорцев (*комус*, *кобыз*) ныне функционируют только как щипковые.

Классический монгольский термин «*хугур*» появляется в монгольских текстах с XIII в., но какой смычковый инструмент обозначался в те времена этим термином неясно (у разных этнических групп монголов одним и тем же термином и ныне называются разные инструменты). Известно, что в придворный оркестр Хубилай-хана входил инструмент типа *хуучира* (*хуциня*?). В XIII–XIV вв. монгольская придворная музыка получила широчайшее распространение, поскольку Хубилай-хан всегда путешествовал в сопровождении музыкантов, певцов и танцоров.

Скорее всего, арабский бедуинский *ребаб аш-ша'ир* (1–2-струнный смычковый, с прямоугольным корпусом) является родственным инструментом и может быть причислен к роду *хуура*.

На территории Арабского халифата смычковые были известны, по крайней мере, с VII–VIII вв. Арабский ученый Аль-Фараби (ум. 950) упоминает струнные инструменты, «звук на которых извлекался трением струн [араб. автар] другой струной или сходным с ней предме-

⁸ Кобуз/кобыз/гопуз – на древнетюркском языке общее обозначение «музыкального инструмента». В тюркском героическом эпосе «Деде Коркут», описывающем события VI–VII вв., упоминается *кобуз* – струнный щипковый инструмент, изобретателем которого считается легендарный Коркут. В мифологии казахов Коркуту приписывается изобретение более позднего, смычкового инструмента *кыл-кобыза* (*кобыза*).

⁹ Искренне благодарим археолога А.В. Евглевского, указавшего на существование образца этого типа смычкового инструмента и предоставившего нам свои исследовательские материалы. Мы также выражаем признательность заведующему сектором археологии Саратовского областного музея краеведения К.Ю. Моржерину за предоставленную информацию по упомянутому экспонату Музея (инв. № СМК 57951).

том». В его время, да и позднее, эти инструменты обозначались общим термином «*ребаб*»¹⁰ (первое упоминание *ребаба* в арабских письменных источниках относится к VIII в.)¹¹. Так, древний бедуинский 1-, реже – 2-струнный инструмент (который мог быть и щипковым, но, как правило, являлся смычковым) имеет четырехугольный плоский корпус, кожаные дно и деку, длинную шейку (его держат почти вертикально, уперев низ корпуса в колено). Он получил название *ребаб аш-ша 'ур* («ребаб шаирав», то есть певцов-поэтов-шаманов) (илл. 14). Не исключено, что появление в регионе этого инструмента также связано с азиатскими кочевниками; в Монголии и ныне известен похожий 1-струнный инструмент с дугообразным смычком, называемый *суух-хуур*.

Древний 1-струнный арабский *ребаб* был описан в начале XV в. Абд аль Кадиром ибн Гаиби под названием *ектай* (букв. – «одна струна»). Позднее термином «*ребаб*» стали называть 2- и 3-струнные инструменты с округлым корпусом из половинки кокосового ореха, с кожаной декой и шейкой, проходящей сквозь корпус (то есть близкие персидской *кеманче* и среднеазиатскому *гиджаку*) (илл. 15).

В регионе Магриба смычковый инструмент *ребаб* появился в XI – начале XII вв. (его называют *ребаб шаркий* – «восточный [то есть машрикский] ребаб»). В Алжире он сохраняет старинную овальную форму корпуса – долбленного деревянного (из красного дерева, кедра) или из половинки кокосового ореха, имеет кожаную деку, 1–2 струны, дугообразный смычок из ветви оливы с конским волосом. А вот марокканский 2-струнный *ребаб* (его называют *рабаб андалусий* – «андалусийский ребаб»; ныне он также распространен в Тунисе) отличается удлиненным приталенным корпусом и имеет отогнутую головку; долгое время он был главным мелодическим инструментом ансамбля аналусийской музыки. По форме он очень близок европейскому средневековому *ребеку*, и не исключено, что в Марокко он попал из Андалусии. В Испании этот *ребаб* получил название *рабель* (*gabhel*). Другой путь 2-струнного *ребаба*, обусловленный распространением ислама, лежал в Юго-Восточную Азию, в том числе в Индонезию, где инструмент сохранил свое арабское наименование (илл. 16).

Возвращаясь к семейству *кобуза* надо отметить, что Курт Закс – крупнейший инструментовед XX в. – рассматривал современные казахский *кыл-кобуз* и киргизский *кыяк* как «сниженные» формы индийского смычкового инструмента *саранги* или *саринды* (Sachs С., 1940). Действительно можно говорить о влиянии этих индийских инструментов на форму древнего *кобуза* (появление округлых выемок в корпусе), но выгнутая шейка инструмента может свидетельствовать о рудименте формы кумысного ковша, а такую форму имел древний монгольский *хуур*.

Традиционный казахский *кыл-кобыз*, или *кобыз* (от казах. *кыл* – «конский волос» и древнетюрк. *кобыз/кобуз* – «музыкальный инструмент»), как и киргизский *кыяк* (название, вероятно, связано с термином «*гиджак*»), имеет ковшеобразный корпус, выдолбленный из цельного куска дерева, короткую дугообразно изогнутую шейку, лукообразный смычок. Округлая полость корпуса открыта, а более узкая и вытянутая нижняя его часть затянута верблюжьей кожей, на которой помещается подставка. Резонируя, кожа обуславливает характерный носовой оттенок звучания инструмента. 2 струны из некрученого конского волоса настраивались в кварту или квинту в диапазоне малой октавы. Общая длина инструмента – 67–93 см, ширина корпуса – 14–35 см. При игре его держат вертикально, упирая низ корпуса о колено или об пол (илл. 17).

¹⁰ В арабских странах, Турции и Индонезии *ребаб* – струнный смычковый инструмент. В Иране и Средней Азии *рабаб/рубоб* – струнный щипковый лютевый инструмент (в Персии известен приблизительно с X в.). В Османской империи одну из ранних разновидностей персидского щипкового *рабаба* (с приталенным корпусом), распространенную в придворной среде, именовали также тюркским термином «*кобуз*».

¹¹ Скорее всего, известные в Африке различные смычковые инструменты генетически связаны с арабским *ребабом*. Это 1-струнные (монохорды) – нигерийский *годже*, эфиопский *масэнко* с ромбообразным корпусом, угандийская *эндингиди* и женский инструмент туарегов с круглым корпусом *имзад*. Подобного типа смычковые есть у народов Зимбабве; 3-струнные – известны в Анголе, Гвинее и др. Как правило, смычок почти всех африканских инструментов имеет форму крото изогнутой дуги.

Струн, которые значительно отдалены от шейки, касаются сбоку ногтем или легко прижимают сверху подушечкой пальца. А.С. Самаркин отмечает, что «такая техника в сочетании с ведением смычка у подставки и особыми свойствами волосяных струн (различная частота колебания волосков) создает эффект одновременного звучания основного тона и некоторых его “мерцающих” обертонов» (Самаркин А.С., с. 328, кол. 1). Своеобразный хрипловатый тембр *кыл-кобыза* напоминает звучание деревянных духовых инструментов (на что обращали внимание многие исследователи казахской музыки).

Отметим, что флажолетное звукоизвлечение – это общая черта практически всех рассмотренных центрально-азиатских инструментов (К. Закс, игнорируя Центральную Азию, определял это способ игры как «старинный славянско-западноазиатский; предположительно, и древнерусский *гудок* также характеризовался флажолетным звукоизвлечением).

Что касается Южной Азии, то не исключено, что там были известны и иные смычковые, не связанные с семействами *хуциня* и *кобуза*. В трактате «Сангитаратнакара» Шарнгадевы (XIII в.), а по некоторым данным, и в более древних текстах упоминается *пинаки вина* (возможно она и изображена в руках Сарасвати в монастыре Толин). Как считают индийские исследователи, это был струнный смычковый инструмент. Однако термин «*равана*», от которого ведут название упомянутые выше индийские смычковые, которые мы отнесли к семейству *хуциня*, как обозначение некоего струнного инструмента появляется в санскритской литературе VII в. Вопрос о генезисе смычковых в данном регионе окончательно не решен. Скорее всего, утверждение здесь смычковых инструментов связано с афганским тюркским и арабо-персидским влияниями. Ныне в классической традиции хиндустани (Северной Индии) группу смычковых представляют инструменты семейства упомянутого *саранги* (на языке бенгали название буквально означает «рыба») и *сарод*. В основном они распространены на севере, северо-западе и северо-востоке Индостана. Особенно богатая культура смычковых характерна для штатов Гуджарат и Раджастан, то есть на северо-западе Индии. Так, в Раджастане бытуют и *раванхаттха*, и *камайча*, и разновидности *саранги*, и *саринда*, ныне представляющая собой своеобразный фольклорный вариант *саранги* (илл. 18, 18а, 19).

Предполагается, что *саринда* попала в Северо-Восточную Индию из Восточного Ирана. Сведения о ней появляются в XV в. Ныне родственные ей инструменты распространены под разными названиями (*саранг*, *соруд*, *соруз*, *гейчак*, *чикара*, *банам*, *додро* и др.) в Южной Азии – Индии и Пакистане, а также в Непале, Бутане и Южном Афганистане у пуштунов и белуджей (как инструмент экзорцистских действий). *Саринда* – главным образом мужской мелодический инструмент, солирующий в инструментальных ансамблях, иногда сопровождает пение странствующих музыкантов или проповедников, а также танцы манипури. Играют сидя, держа инструмент вертикально (как арабский *ребаб* или персидскую *кеманчу*). *Саринда*, используемая в практике музицирования определенных каст, сохраняет свойственное большинству азиатских смычковых некое мистическое начало: она звучит во время различных церемоний (свадебных, погребальных) и религиозных празднеств; в Белуджистане родственный инструмент *соруд* сопровождает пение (на стихи суфийских поэтов), исполняемое на музыкальных собраниях экзорцистского характера.

Существует еще один древний (четвертый ?) тип смычкового инструмента с удлинненным бутылеобразным или прямоугольным корпусом, происхождение которого не очень ясно. Изображение 3-струнного смычкового с бутылеобразным корпусом и дугообразным (полукруглым) смычком впервые появляется в мозарабском (испанском) манускрипте «*S Beati de liebana explanation in apokalypsis S Johannis*» («Толкования Беата Лиебанского на Апокалипсис св. Иоанна», ок. 920–930 гг.). К. Закс – крупнейший инструментовед XX в. – был первым из исследователей, обративших внимание на то, что инструмент подобной формы в XX в. и ныне продолжает существовать на Кавказе. Действительно такую форму имеет современный осетинский 3-струнный, ныне известный как щипковый, инструмент *дала-фандыр*.

Понтийские греки (живущие на побережье Черного моря) называют 3-струнный смычковый инструмент турецкого происхождения с бутылеобразным или прямоугольным корпусом *лирой*, а каппадокийские греки именуют его *кеманес*, *кеменцес*, от перс. кеман – «смычок». Эта «понтийская лира» родственна армянскому *кемани* (иное название инструмента – *бам*

бир) – 3–4-струнному смычковому инструменту с удлинённым узким корпусом, переходящим в короткую шейку, с грифом без ладов, с кварто-квинтовой настройкой, распространённому также в исторической Армении (Трапизон, Джавах; ныне в Турции) (илл. 20, 21).

Среди родственных инструментов и бытующий у греков и лазов Аджарии (Грузия) *арданучи*.

Подобную форму можно встретить у старинных образцов марийского инструмента с деревянной декой, с двумя волосяными струнами (кручеными из 7 и 12 нитей конского волоса), называемого *ия ковыж* (наименование инструмента, по мнению исследователей, представляет собой кальку с тюркского *жыя кобыз*). При игре *ия ковыж* держали вертикально, упирая в колено (позднее изготавливали подобные инструменты с кожаной декой и тремя кишковыми струнами) (илл. 22).

Интересно, что 2–3-струнные инструменты аналогичной формы встречались даже у чукчей и эскимосов.

Возможно, это еще одна форма древнего *кобуза*, исчезнувшая в регионе Центральной Азии, но сохранившаяся на окраинах кочевнической империи, в том числе и на Кавказе.

Интересно, что смычковые инструменты Грузии, известные под общим названием «*чианури*», представляют два разнотипных инструмента (см.: Шилакадзе М., с. 678–679). Один из них – *рачинский чианури* (Раче – горный район на западе Грузии) – 2-струнный инструмент с долбленным удлинённым овальным или ладьеобразным корпусом, примыкает к семейству *кобуза*, другой – *сванский чианури*, или *чунири*, – 3-струнный инструмент с круглым корпусом без дна, кожаной декой и проходящей сквозь корпус шейкой может быть отнесен к семейству *хуциня*.

Дополняют общую картину распространения смычковых инструментов раскопки Двина – древней столицы Армении, представившие два разных типа смычковых. На чаше, датированной IX–X вв., упомянутой выше, изображена *кеманча*, а на стеклянном сосуде X–XI вв. изображен инструмент с приталенным корпусом, очень похожий на средневековый европейский *фидель* (о нем см. ниже), с дугообразным смычком, причем музыкант держит инструмент у плеча (как скрипку). Предположительно, он назывался *джутак*, этот термин встречается в памятнике литературы X в. – «Книге скорбных песнопений» Григора Нарекаци (интересно, что древний термин сохранился: именно так в современном армянском языке называется европейская *скрипка*). Очевидно, этот армянский «фидель» имеет византийское происхождение¹² (илл. 23).

О смычковых инструментах Византийской империи свидетельствует арабский ученый (перс по происхождению) Ибн Хуррадабих (ум. 912): он впервые описал византийский 5-струнный инструмент «*лура*» (т.е. *лира*¹³), уподобив его арабскому *ребабу*, то есть как смычковый (отметим, что и для европейского *фиделя* наиболее характерным числом струн будет пять).

Изображение византийского смычкового (4- или 5-струнного?) инструмента с грушевидным корпусом, переходящим в короткую шейку, сохранилось на древнерусском памятнике – фреске собора Св. Софии в Киеве (1-я половина XI в.), который, как известно, расписывали византийские мастера. Исполнитель держит инструмент у плеча (илл. 24). Интересно отметить, что византийцам был известен тюркский термин «*кобуз*», но как обозначение щипкового лютневого инструмента; термин встречается в греческом толковом словаре (ок. 800 г.) и поясняется через греческий «пандурион».

В византийской иконографии X–XI вв. появляется 3-струнный смычковый с грушевидным корпусом и удлинённой шейкой. Впоследствии в арабском мире, а затем и в Османской империи аналогичный инструмент с грушевидным корпусом и короткой шейкой называли *каманджа руми* (араб.), *кеманче руми* (или просто *кеманче*; тур. *kemance*) – буквально «ви-

¹² Что касается приталенной формы инструмента, то одно из первых иконографических свидетельств о существовании подобного, но щипкового инструмента, это – бактрийский Айртамский фриз II в., относимый исследователями к гандхарскому стилю.

¹³ В Византии к смычковому инструменту перешло название щипкового инструмента иного типа – древнегреческой *лиры*.

зантийская кеманча», по аналогии с широко распространенным персидским смычковым инструментом *кеманча*. Известно изображение подобной 3-струнной лютнеобразной *лиры/кеманче*, опубликованное М. де Блэнвиллем (M. de Blainville) в книге «Histoire géenérale critique et philologique de musique» (Paris, 1767).

В начале XX в. в Турции под этим же названием был известен инструмент, аналогичный современному греческому смычковому *лираки* и болгарской *гадулке*.

Византийская 3-струнная смычковая *лира*, которую позднее при игре стали держать вертикально на коленях, явилась прародительницей ряда современных народных смычковых инструментов – упомянутого греческого *лираки*, хорватской *лирицы* и *вияло* (*vijalo*, от лат. *viola*), сербской *гуслице*, упомянутой болгарской *гадулки* (встречающейся также на востоке Македонии, юго-востоке Сербии, у болгар Молдавии), гагаузского *кэуша* (термин произведен от древнетюркского «*кобуз*») (илл. 25).

В Болгарии, где ныне *гадулку* держат вертикально, в прошлом ее держали у плеча (о чем свидетельствуют иконографические данные XVIII века).

Вероятно, найденные при раскопках в Новгороде, четыре инструмента (явно смычковые, хотя смычки не найдены), определенные археологами как *гудки* (правильнее было бы называть их *смыки*), восходят к византийским *лирам*, хотя, возможно, и попавшим в Новгород не непосредственно из Византии, а через Западную Европу. В церковно-славянских и древнерусских письменных памятниках начиная со 2-й половины XI в. и вплоть до начала XVII в. встречается слово «*смык*» (от старослав. «смыцати» – «тащить, волочить», «водить [смычком по струнам]»; ср. с чеш. *smuk* – «скольжение», лужицк. *smukas* – «тащить», латыш. *šmukt, šmuku* – «скользить»¹⁴) как название смычкового инструмента, входившего в инструментарий скоморохов и звучавшего на различных языческих празднествах. Слово впервые зафиксировано в Никоновской летописи (1068 г.). Исполнитель на *смыке* называется в текстах разных веков «смычек» (например, в Кормчей книге 1262 г.: «гудец есть смычек, иже гудет лучцем [смычком]»; так же мог называться и смычок инструмента), «смычец», «смычник»¹⁵. В XVI в. слово «смык» встречается в сербских литературных памятниках; в Литве с того же века был известен смычковый инструмент (*фидель* или *скрипка?*) под родственным названием *смуйкас* (*smuikas*). И хотя к началу XVII в. слово «смык» исчезло из книг (смычковый инструмент с этого времени начали обозначать термином «*гудок*»), оно сохранялось в народных поговорках.

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что, по меньшей мере, к X в. на территории Азии и Средиземноморья существовала богатейшая культура смычкового исполнительства, сформировавшаяся в результате различных исторических взаимодействий музыкальных культур разных народов. В целом ареал распространения смычковых инструментов отражает временные напластования разнотипных культур. Он практически совпадает с географией перемещения гуннов, с географией монгольских завоеваний и походов, с географией культурных влияний персо-арабской культуры Арабского халифата, Византийской и Османской империй.

Переходя к рассмотрению ранних смычковых инструментов Европы можно сразу отметить, что об их генетической связи с культурой кочевников может свидетельствовать терминология, а именно названия деталей смычковых инструментов у разных народов. Так, во многих языках наименование подставки – «кобылка», «седло» и т.п. – связано с конем – неотъемлемым атрибутом кочевнической жизни. Ассоциации смычкового инструмента с конем, столь характерные для центрально-азиатских культур, обнаруживаются и в дизайне таких славянских смычковых инструментов, как *гусле* (головка инструмента в виде головы коня), и в литературном фольклоре. Например, в русской былине «Вавила и скоморохи» смычковый инструмент *гудок* ассоциируется с конем (вожжи – со струнами, кнут – со смычком «погудальцем»). По представлениям многих центрально-азиатских народов, народов Югры (хантов и

¹⁴ Термин аналогичен персидскому «*кеман*» – букв. «смычок».

¹⁵ Параллельно с термином «смык» с XI в. в церковно-славянских текстах встречается «*прегудница*», или «*гудница*», вероятно, как его синоним или как общее обозначение музыкального инструмента (струнного и духового), лишь в середине XVI в. в «Казанской истории» («Казанском летописце») термин определенно означает смычковый инструмент.

манси), Горного Алтая, Шории, Хакасии, Тувы, Бурятии, само происхождение смычковых непосредственно связано с конем; так, широко распространена легенда, согласно которой смычок первого струнного инструмента был изготовлен из хвоста богатырского коня, а дека-мембрана – из его кожи (см.: Шейкин Ю.И., с. 141).

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Во взаимодействии с музыкальными традициями Азии происходило и формирование славянского инструментария. Ряд славянских инструментов обнаруживает следы и ближневосточной (Арабского халифата), и тюркской кочевнической традиций. Так, приблизительно в VIII–IX вв. из Западной Азии на Балканский полуостров проник 1-струнный (реже 2-струнный) смычковый лютневый инструмент с длинной шейкой, известный ныне у сербов и хорватов под названиями *гусле* (хорв. *gusle*), у болгар и македонцев – *гусла/гусле*, у албанцев – *ляхута*. Это один из самых распространенных смычковых инструментов южнославянских народов (илл. 26). Его корпус, долбленный вместе с шейкой из одного куска дерева, покрыт кожаной декой с мелкими резонаторными отверстиями, головка часто выполняется в форме конской головы. Очертания инструмента напоминают ложку, поэтому корпус так и называется «кусало» – буквально «ложка» (аналогичный инструмент, корпус которого напоминает большую ложку, и ныне известен в Монголии под названием *хун-хуур*). Струна, свитая из 50–60 нитей конского волоса, наматывается на колок. Подставка называется коньциц, кобилица (*konjic, kobilica*). Играют сидя, держа инструмент вертикально или с наклоном. К струне прикасаются сбоку подушечками прямых вытянутых пальцев (кроме большого), не меняя позиции руки. Дугообразный смычок – гудало (*gudalo*) держат по-разному (способами «сверху» и «снизу»). Мягкое, нежное звучание инструмента имеет приятный флажолетный оттенок. Инструменты несколько различаются по форме корпуса. Так, сербский *гусле* имеет овальный корпус, боснийский – грушевидный, черногорский – сердцевидный. Последний отличается более крупными размерами, богато орнаментированным корпусом и резной головкой в форме головы коня. Инструмент был распространен в среде юнаков, или гайдуков. С его сопровождением исполняются героико-эпические песни.

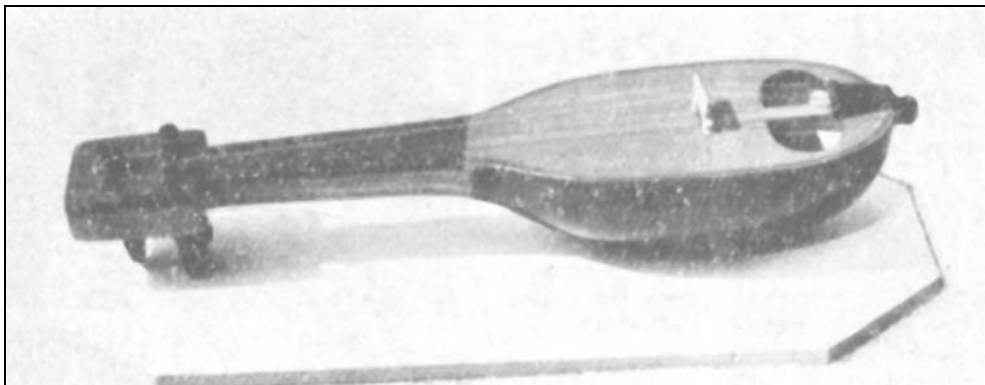
Одно из первых упоминаний термина «*гусла*» встречается в болгарском литературном памятнике X в. «Слово против богомильской ереси» Козьмы Пресвитера; однако, имеется ли в виду конкретный инструмент (описанный выше *гусле*) или струнные инструменты вообще не ясно (поскольку в те времена слово «*гусла/хусла*» служило общим обозначением струнных – и щипковых, и смычковых).

Древний термин «*гусле/хусле*» используется для обозначения так называемых народных скрипок – исконно славянских инструментов, непосредственных предшественников собственно *скрипки*. Так именуют их и словаки (*хусле/гусле*), и сорбы (венды) Восточной Германии (*хусла/хусле*). В Польше же в прошлом их обозначали термином «*генсле/геньциле*» (польск. *geślę*), который, впрочем, мог применяться как в отношении щипковых, так и смычковых струнных инструментов (в письменных источниках термин появляется с конца XIV в.)¹⁶. Ныне все сохранившиеся в быту поляков разновидности народных скрипок называются «*скишыпце*» (слово впервые зафиксировано в 1434 г., во 2-й половине XV в. появилось название «*скишыпцице*», относящееся к 3–4-струнному инструменту народного происхождения)¹⁷. Все эти инструменты имеют собственные народные названия: *оптавки* (словацкое), *октавки* (польское)¹⁸; *жлобцоки/злбцоки* (польское гуральское, сербское), или *гусле жлобкове* (словацкое), в Чехии с XIV в. – *гусле, гуслички, гусленки* (*husle, housle, husličky, huslenky* и т.п.) (илл. 27).

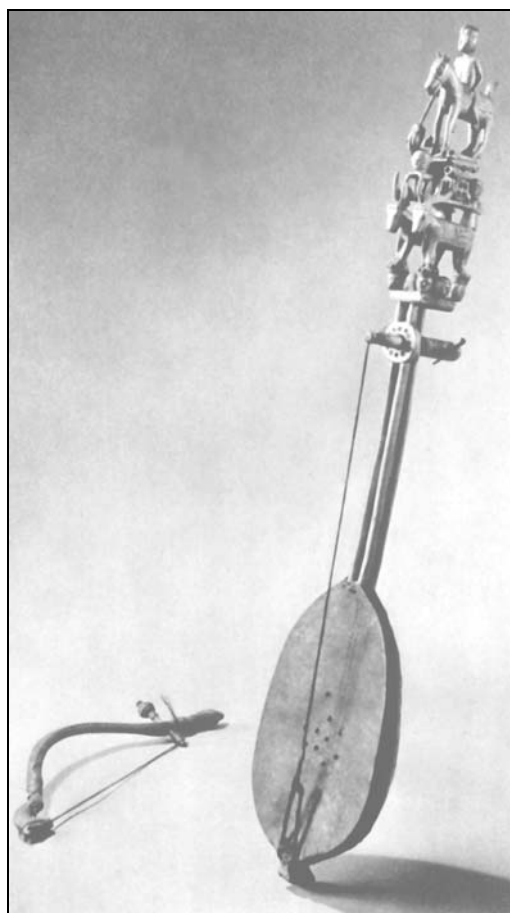
¹⁶ Термин входит в общеславянский фонд названий музыкальных инструментов типа русских *гуслей* (ср. польск. *geślarz* – «гусляр»; близок польск. *gusła* – «волшебство, колдовство»).

¹⁷ В современном языке гуралей Польши название «*генсле*» относится главным образом к *скрипке* современного вида, которая функционально заменила традиционную.

¹⁸ По свидетельству Я. Стеньшевского, в Центральной (Южная Мазовия) и Южной Польше термином «*октавки*» с вариантами (*октарка, ортарка, орторка*) обозначают маленькие примитивные *скрипки*, изготовляемые для детей (Стеньшевский Я., с. 62).

Илл. 25. Кеуш

Илл. 26. Гусле

Илл. 27. Злобцоки

Датировать время появления этих «народных скрипок» точно невозможно, можно лишь с уверенностью утверждать, что к XV в. они уже существовали и в XV–XVI вв. в Польше считались принадлежностью низших социальных слоев.

В Словакии и в Польше, в области Татр, где проживают гуралы¹⁹, в начале XX в. сохранялась 3–4-струнная народная скрипка с прямым смычком, которую словаки обозначают как *жлябкове гусле* («желобообразная гусле»), а поляки – *генсле/генцле*; ее народные названия – *злобцоки*, *злбки*, *жлябки*, *коритка* (словацк. *złobcoky*, *złobky*, *žliabky* – от слова «желобок», *korutka* – от слова «корытце»); польск. *złobcoki*, *złobcoki*). Напомним, что в западноевропейских музыкальных трактатах, начиная с «*Harmonie universelle*» Марена Мерсенна (1636 г.)

¹⁹ Гуралы (самоназвание гуралы – букв. «горцы») – народ, считающийся этнокультурной группой поляков. Проживают в горных областях на юге Польше (Подгалье, Бексиды), на северо-западе Словакии и северо-востоке Чехии.

для обозначения подобного инструмента появляется латинский термин «*linterculus*» (уменьшит. от *linter*, букв. – «корытце», «ладейка», «лодочка»), очевидно, являющийся точным переводом славянского названия.

Инструменты с долбленным корпусом обычно обозначали гуральским термином *злбцоки*, или *злубцоки* (*złobsocki, złąbsocki*; в буквальном значении «желобовка», «долбленка»). Корпус старинных инструментов с пуговицей, шейкой и головкой выдалбливался из цельного куска дерева, дека плоская, резонаторные отверстия *f*-образные или щелевидные. Иногда корпус клееный (среди поздних образцов встречаются инструменты с корпусом-«корытцем» из 8–10 продольных гнутых пластин). Формы корпуса: корыто-, лодко-, веретенообразные или грушевидные (наподобие *ребека*, о котором см. ниже).

По данным Г. Киньского, в первой половине XIX в. традиция исполнительства на *хусле/гусле* сохранялась у вендов (сорбов) района Нидерлаузиц в Пруссии. Здесь следует отметить, что сорбы, или лужицкие сербы, в раннем Средневековье заселяли также север, северо-запад и восток территории Германии (ныне они проживают на востоке Саксонии), а до VI в., по одной из версий, эти земли принадлежали кельтам. И, возможно, идея смычкового инструмента зародилась на этих территориях как результат древних взаимодействий с кельтской культурой (если учитывать свидетельство Венанция Фортуната 570 г., о котором см. ниже). Эти скрипки известны под национальными названиями: *малая гусла/хусла* (*male husla*), *вострая гусла/хусла* (*wostra husla* – «скрипка с резким звуком»), а также под названиями, связанными с термином немецкого происхождения «*фидель*», – *малый фидле* (*male fiddle*), *квасне фидлитики* (*kwasne fidliczki* – «свадебный фидельчик»). В Польше все они известны под польским названием *скшыпки* (скрипки), поляки именовали их также «*сербы*», или «*сербские скрипки*» (*serbskie skrzypki*), подчеркивая их непольскую принадлежность.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Существуют предположения (пока не подтвержденные) о появлении смычковых инструментов в Европе в период раннего Средневековья.

К числу самых распространенных в средневековой Северо-Западной Европе инструментов принадлежит *рота* (*кром*). Впервые этот «похожий на лиру» (*ταῦς λύρας ὄμοια*) щипковый инструмент кельтских бардов упоминает Диодор (*Diodorus Siculus*) в I веке до н.э. (илл. 28). Фрагменты *ротт*, датируемые V и VI веками, обнаружены соответственно в Англии, в захоронении в Абингтоне (Беркшир), и в Германии (два в Оберфлахе, Вюртемберг; один в Кёльне). А в 570 г. епископ Пуатье Венанций Фортунат (в поэтическом воззвании к св. Радегунде) пишет о том, что галльские (то есть кельтские) барды «первыми использовали смычок для игры на *круте*» (Струве Б., с. 157; Струве, приводя эти данные, ссылается на французского музыковеда Ф. Гарно; подтверждения этого высказывания в текстах Венанция Фортуната пока найти не удалось). Если приведенная цитата достоверна, то это самое раннее свидетельство об использовании смычка в Европе. Однако первые изображения смычковой *ротты* появляются лишь в X–XI вв. Широкое распространение смычковых в Западной Европе связано с проникновением через Испанию арабского *ребаба*. Постепенно арабский термин трансформируется в «*ребек*» (франц., англ. *rebec*, итал. *rebeca*, испан. *gabel*). Вплоть до XVI в. термин «*ребек*» мог применяться по отношению к разным смычковым инструментам: подобно термину «*ребаб*» в арабском мире, «*ребек*» выступал и в качестве общего названия струнных смычковых, которые не только в разных регионах Европы, но и в одной и той же культуре могли также обозначаться и как *виелла* (лат. *viella*), и как *фидель*²⁰, и как *жига/гига* (франц. *gigue, guigue*; термин был распространен с начала XII до конца XIV в.; в XII в. во французских источниках «*gigue*» упоминается вместе с термином «*viele*», но не встречается в одном ряду с термином «*ребек*»), и как *гайге* (нем. *Geig, Geige*, средневерхненем. *gîge*; слово родственно французскому *guigue*), и как *лира* (франц. *lire*, итал., испан. *lira*, средневерхненем. *lîre/leier*). Все эти термины могли быть взаимозаменяемыми.

²⁰ Например, в англо-латинском толковом словаре Гальфрида Грамматика «*Promptuarium parvulorum*» (ок. 1440 г.) термин «*gybyble*» поясняется как «*vitula*».

Илл. 28. Царь Давид,
играющий на ротте.
Миниатюра из Псалтири
середины XIII в. (Прага)

Среди средневековых смычковых инструментов особый тип представлял инструмент, как правило, с «приталенной» формой корпуса и отдельной шейкой, за которым закрепилось название «фидель» (средневерхненем. fidel, нем. Fiedel, Videl, Vigel). К. Закс предположил, что термин «фидель» имеет западно-азиатское происхождение и сравнил его с осетинским «фандыр» (восходящим, как считают филологи, к древнегреческому «пандура»). На латинском языке название инструмента передавалось как *виелла* – *viella*, *vialla* (также лат. *fidella*, *vigella*, *vidula*, *vitula*), на старофранцузском – *fideille*, на старопровансальском – *виула*, *виола* (*viula*, *viola*), на французском – *vielle* (слово встречалось в 1180 г. до конца XIV в., затем трансформировалось в *violle*), на английском – *фидл* (англ. *fiddle*, *fiele*, *fedylle*, *ffidil*, *ffythele*, *phidil*, *vithele*)²¹, на испанском – *виуэла*, или с уточнением: *виуэла де арко* (*vihuela de arco* – «смычковая виуэла» [позднее так обозначалась *виола да гамба*], поскольку в XIII в. инструмент мог быть и щипковым, и смычковым). Впервые упоминание инструмента под названием «fidula» встречается в поэме, написанной на древневерхненемецком языке монахом Отфридом Вейсенбургским «*Evangelienharmonie*» («Евангельская гармония»; «*Liber evangeliorum*», «Книга Евангелий», 863–872 гг.)²². И самое раннее европейское изображение инструмента этого типа относится к той же эпохе. Это – рисунок-иллюстрация к Псалму 108 в так называемой Утрехтской Псалтири (820 г.); прототипом этой рукописи исследователи считают византийское искусство. Инструмент подобной формы, по-видимому, из Византии попал не только в Европу, но и в средневековую Армению, где получил название *джутак* (см. выше).

Фидель XI–XIII вв. мог располагаться при игре вертикально на коленях с характерным «азиатским» захватом смычка снизу; шейка без ладков присоединялась к корпусу, а не продолжала его, как у *ребекка*. До XIII в. формы корпуса *фиделя* были различны, встречались, например прямоугольная, лопато- и бутылкообразная (на юге Европы), что может свидетельствовать о генетической связи с описанным выше древним типом бутылкообразного смычкового инструмента, впервые появившимся в мозарабском (испанском) манускрипте X в.

Итак, картина распространения смычковых в Евразии вполне поддается реконструкции. Однако, на сегодняшний день остаются неизученными вопросы о возможной связи распространения смычковых среди славян: 1) с ранними перемещениями тюркских племен по территории Европы; 2) с традициями владов – предков гуралей, кочевавших с юга вдоль Карпат и смешавшихся с выходцами из Южной Польши; 3) с монгольскими завоеваниями 1241–1242 гг. в Польше, Венгрии и на Балканах. Тем не менее, нельзя не обратить внимания на то, например, что формы славянских народных скрипок не связаны с известными нам византийскими и западноевропейскими образцами смычковых, но удлиненный корпус славянской *оптавки/октавки* близок по форме армянской *кемани* (или *бамбиру*) и греческой *кеменцес* (или *кеманес*), но в то же время он напоминает и корпус тюркских инструментов из раскопок в Саратове и на Днепре, а трапециевидный

²¹ Отсюда и норвежское *феле* ((fele) и шведское и исландское *фидла* (fidla).

²² В XI в. встречается латинский термин *vitula*.

корпус *марыны* – польского народного смычкового инструмента басо-теноровой тесситуры – вызывает ассоциацию не столько с *трумшайтом* (западноевропейским смычковым XV–XIX вв.), на что обычно обращают внимание европейские инструментоведы, сколько с монгольским *моринхууром*²³, а польская 1-струнная так называемая «дьявольская скрипка» – ныне детский инструмент – очень напоминает древний арабский *ребаб аш-ша'ир*. Эти визуальные впечатления должны быть подкреплены дальнейшими историческими исследованиями. Отдельного рассмотрения заслуживает и совершенно не изученный вопрос о возможных взаимодействиях музыкальных культур кочевников Азии с культурой кельтов.

Литература²⁴

- Farmer H.G.* Studies in Oriental Musical Instruments. Vol. I. London, 1931/R.
- Emsheimer E.* Preliminary Remarks on Mongolian Music and Instruments // The Music of the Mongols. Stockholm, 1934.
- Sachs C.* The History of Musical Instruments. New York, 1940.
- Струве Б.* Процесс формирования виол и скрипок. М., 1959.
- Bachmann W.* Die Anfänge des Streichinstrumentenspiels. Leipzig, 1964; пер. на англ. – The Origins of Bowing and the Development of Bowed Instruments up to the Thirteenth Century. London, 1969; пер. фрагмента на рус. яз. под назв.: Среднеазиатские источники о родине смычковых инструментов // Музыка народов Азии и Африки. Вып. 2. М., 1973. С. 349–373.
- Picken L.E.R.* Early Chinese Friction-Chordophones // Galpin Society Journal. 1966. № XVIII. P. 82–89.
- Wolpert R.F.* Einige bemerkungen zur Geschichte des Streichinstrumenten in China // Central Asiatic Journal. 1974. Vol. XVIII.
- Атлас музыкальных инструментов народов СССР / Сост. К. Вертков, Г. Благодатов, Э. Язовицкая. 2-е изд. М., 1975.
- Jenkins J., Olsen P.R.* Music and Musical Instruments in the World of Islam. London, 1976.
- Koizumi F., Tokumaro Y., Yamaguchi O., eds.* Asian Musics in an Asian Perspective. Tokyo, 1977.
- Хаиба И.М.* Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, 1979.
- Вызго Т.С.* Музыкальные инструменты Средней Азии. М., 1980.
- Downie M.A.* The Rebec: an Orthographic and Iconographic Study. Diss., Univ. of West Virginia, Morgantown, 1981.
- Ravenel B.* Vièles à archet et rebecs en Europe, au moyen âge. Diss., Univ. of Strasbourg II, 1982.
- Wegner U.* Afrikanische Saiteninstrumente. Berlin, 1984.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, пер. и коммент. В.С. Таскина. М., 1984.
- Монасыпов Ш.Х.* К вопросу о предшественниках русского народного музыкального инструмента гудка // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции в ГМПИ им. Гнесиных. Ч. 2. М., 1988.
- Стеньшевский Я.* Скрипка и игра на скрипке в польской народной традиции // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч. 2. М., 1988.
- Сузукей В.Ю.* Тувинские традиционные музыкальные инструменты. Кызыл, 1989.
- Czekanowska A.* Polish Folk Music. Cambridge Univ. Press, 1990.
- Pegg S.A.* Mongolian Music, Dance and Oral Narrative: Performing Diverse Identities [with CD]. Seattle and London, 2001.
- Шейкин Ю.И.* История музыкальной культуры народов Сибири. М., 2002.
- Гороховик Е.* Музыкальная культура Индии. Минск, 2005.
- Самаркин А.С.* Кыл-кобыз // Музыкальные инструменты. Энциклопедия. М., 2008. С. 328.
- Шилакадзе М.* Чианури // Там же. С. 678–680.
- Цзо Чженьгуань.* Хуцинь // Там же. С. 646.
- Есипова М.* Проблема смычковых инструментов в традиционной Японии // Старинная музыка. 2012 (в печати).

²³ При обсуждении этимологии названия инструмента *марына* – а исследователи его возводят либо ко второму названию *трумшайта* – *тромба марина*, либо к женскому имени – игнорируется близкое монгольское название «*моринхуур*».

²⁴ Список намеренно составлен в хронологическом порядке, что дает читателю дополнительную возможность отчасти проследить историю исследований интересующего нас вопроса.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ КОРЕЙСКОГО И АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Бу Мо Каук

Институт Востоковедения Казанского федерального университета, г. Казань

1. Знакомство с корейским языком

1.1. Создание корейского алфавита

Корейский язык использует свой уникальный алфавит, называемый Хангыль (Хангыль означает «великая письменность»). Хангыль был создан во время правления короля Седжон (1397–1450: четвертый король династии Чосон) и династии Чосон (1393–1910), в 1446 году. Создание корейского алфавита король Седжон объяснял в «Хунмин Чоным» следующим образом:

«Наш язык отличается от китайского языка и из-за этого возникают сложности. Я обратил внимание, что из-за этих проблем простые люди не могут изложить свои слова в письменности. Это очень сильно огорчило меня. Поэтому я сочинил 28 новых букв алфавита и приспособил их так, чтобы люди могли легко читать и писать на корейском языке».

1.2. Состав алфавита

1.2.1. Согласные звуки

Таблица 1. Пять основных букв

Они символизируют пять элементов: дерево, огонь, землю, металл и воду.
Описание Хангыль
□ ▾ [k] коренной звук; дерево (представляет собой вид корня языка, закрывающего горло)
□ ㄴ [n] языковой звук; огонь (кончик языка прижат к деснам)
□ □ [m] губной звук; земля (представляет собой рот (линию губ при их контакте друг с другом))
□ ㄷ [s] зубной звук; металл (представляет собой вид зуба сбоку)
□ ○ [ng] горловой звук; вода (представляет собой линию горла)

*Таблица 2. Производные буквы; система «особенностей конструкции»
(добавление черты или буквы)*

Простой (слабый) С придыханием С напряжением велярный смычный ▾ [к] ⇨ [кь] ▾ [кк] (▾ + —) (▾ + ▾)
альвео-зубной смычный □ [т] ⇨ [тх] □ [тт] (□ + —) (□ + □)
фрикативный ㄷ [с] ㄷ [сс] (ㄷ + ㄷ)
аффрикативный ㅈ [дж] ㅈ [ч] ㅈ [дждж] (ㅈ + —) (ㅈ + ㅈ)
губной смычный □ [п] ㅍ [ф] ㅍ [пп] (□ + —) (□ + □)

1.2.2. Гласные звуки

Основные корейские гласные представлены такими элементами «+, −, |», которые согласно восточной философии означают «солнце, земля и человек». Смешав три элемента вместе, были созданы гласные. Удивительная вещь в том, что все основные свойства корейского языка отражаются через следующее проявление. Король Седжон создал эффект изображения светлых и темных картин путем смешивания этих элементов. А именно, гласный

5. Некоторые предложения по изучению генеалогии корейского языка в будущем

В заключение я бы хотел предложить некоторые варианты изучения сравнительной лингвистики корейского языка в будущем.

Хотя корейский язык является агглютинативным языком с говорящими на нем 84 миллионами людьми в Корее, а также в США, Китае, Японии, Российской Федерации, странах Европы и СНГ (Содружество независимых государств), лингвистические исследования генеалогии корейского языка в Корее достаточно немногие. Корейский язык принадлежит к АЯ семьям и суб-семьям, сравнительное изучение корейского языка будет одним из самых полезных исследований для определения генеалогии корейского языка. Поэтому нам необходимо проводить исследования по следующим направлениям сравнительного изучения:

– Сравнение грамматики корейского и алтайских языков (морфологическое сравнение, существительные, глаголы, порядок слов, и классификаций категорий существительных, и т.д.).

– Сравнительный анализ лексики корейского и алтайских языков.

– Особенно, нам необходимо выявить систематическую связь между корейским и татарским языками.

Мы имеем путем сравнительного изучения тюркских и других языков из АЯ только небольшие доказательства того, что корейский язык входит в алтайские языки. Я преподаю корейский язык студентам Казанского государственного университета, обучающимся по специальности корейский язык и литература. Большинство из них могут разговаривать на русском и татарском языках как билингвалы. Из своего опыта я сделал вывод, что нам необходимо исследование сравнительной лингвистики татарского и корейского языков для определения генеалогии корейского языка. Например, в татарском языке су – вода, означает тоже самое, что и на корейском языке. Другие примеры, хопак – кабак (тыква), чха – чэй (чай) и т.д. Также строение предложения в татарском и корейском языках одинаковые (структура СОГ). Например, Мин дустымны очраттым. (Я встретил друга) – Нанын чингурыль маннада. Существуют союзные слова 인 데-инде с одинаковым смысловым оттенком. Например, Ури джип индэ, оджэ сассойо. Бу безнен йорт, кичэ сатып алдык инде. (Это наш дом, вчера же купили). В корейском языке, как и в татарском, при добавлении глаголам окончаний изменяется время. Например, могэтта – ашады (кушал), пуатта – курде (увидел). Существительные также изменяются при добавлении окончаний. Например, супх-супхэсо; урман – урманда (лес – в лесу). Поэтому сравнительное изучение корейского и татарского языков в будущем будет очень важным для определения генеалогии корейского языка.

Литература

1. Choi Han Woo. Is Korean Altaic? // Central Asian Studies. Vol. 1. 1996. (Цой Хан У. Корейский язык алтайский? // Исследования Центральной Азии. Т. 1. 1996).

2. Kawk Bu-Mo. The basic direction of the Korean Language textbook development for non-native Korean learners in Russia // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 4. Казань, 2007.

3. Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. Wiesbaden, 1965. (Попе Н. Введение в алтайскую лингвистику. Висбаден, 1965).

4. Ramstedt G.J. Studies in Korean Etymology. 1949. (Рамстедт Г.И. Изучение этимологии корейского языка. 1949).

ИНТОНАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ТАТАР, ЧУВАШЕЙ И УДМУРТОВ

Э.Р. Каюмова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, г. Казань

Комплексное исследование явлений татарского музыкального искусства Нового времени¹ привело к любопытным результатам. Посредством интонационного анализа удалось обнаружить не только существенные закономерности функционирования песен в татарской традиции, но и выявить совпадения на уровне целостных напевов между соседними поволжскими культурами.

Полифункциональность напевов, выступающая как принцип традиционного музыкального мышления татар, определяет бытие мелодий как в пределах узколокальной традиции, так и при их пространственно-временных перемещениях.

Позднетрадиционные лирические и плясовые песни характеризует нестрогая функциональная приуроченность. Сфера их бытования чрезвычайно широка. Песни звучат на молодежных посиделках, свадьбах, проводах в армию, праздниках сабантуй и джиен (*жыен*), т.е. в моменты коллективного общения на досуге. Вместе с тем, они могут включаться в обрядовые ситуации (заменяя собственно обрядовые песни), сопровождать трудовые процессы (бытовать как трудовые), да и просто исполняться в качестве пения «для себя» (на отдыхе, в пути и т.д.). Поскольку время и место исполнения жестко не регламентировано (обрядово недетерминировано), напевы легко могут менять свои функциональные позиции в зависимости от контекста исполнения.

Мобильность мелодий, в свою очередь, обусловлена незакрепленностью текста за напевом, которая уже давно была подмечена как конституционная черта татарского песнетворчества. Поэтические тексты, бытующие, как правило, в виде отдельных четверостиший, свободно нанизываются на напев и подбираются сообразно случаю (могут заменяться). Вследствие этой закономерности возникает политекстовость напевов, что делает возможным использование их в различных ситуациях и служит причиной их подвижности. Соединяясь с типологически разными текстами (различной тематики и стиховой формы), мелодии могут входить в разные жанро-стилевые группы, мигрировать из одного разряда в другой. В результате **автономного** соотношения песенных компонентов (текста и напева) наблюдаются явления **мобильности** и **полифункциональности** напевов.

Таким образом, характер поведения песен в традиции определяется взаимодействием трех взаимообусловленных/взаимозависимых факторов:

- 1) автономности текста и напева;
- 2) мобильности песенных составляющих;
- 3) полифункциональности напевов.

Раскроем содержание заявленных тезисов подробнее.

По следам мелодии «Акчарлак» из собрания С.Рыбакова

Примером «кочующей» мелодии является напев, зафиксированный в собрании С.Рыбакова под названием «Акчарлак» (приводится два его варианта – № 6, 56)². Первый (№ 6) был записан с

¹ Историки обычно связывают Новое время с утверждением буржуазных отношений в Западной Европе, начиная с английской революции середины XVII в. Однако новые процессы, ознаменовавшие глубокие перемены в экономике, политике, культуре, сознании людей, проходили неравномерно в различных регионах и имели свою специфику. Так, для татарской духовной культуры эпоха Нового времени наступила с середины XIX в. Хотя начальные импульсы были ощутимы и ранее (во 2-ой половине XVIII – 1-ой половине XIX вв.), однако они не имели решающего воздействия, ибо почти во всех областях жизни татарского общества законсервировались структуры средневековья. См.: Юзеев А.Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX вв. Казань, 2001. С.61–65, 144, 170, 186; Макаров Г.М. К вопросу об изучении татарского музыкально-инструментального искусства позднего Средневековья // Музыкальная наука Среднего Поволжья: Итоги и перспективы. Казань, 1999. С.80–85.

² Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897.

игры на гармонике и стилистически примыкает к группе песен, обозначаемых музыковедами термином *авыл көе*. Второй – представляет собой песню сложного строения: умеренный запев (соответствующий двустушию «длинного» стиха 10–9) и скорый припев (четверостишие 8–7–сложника). С инструментальной версией сближает лишь сходство начальных построений. Здесь наглядно видна вариативность музыкальных форм, комбинаторность на уровне разделов: от цельной строфы отсоединяется одна половина и к ней прибавляется новый музыкальный материал. См. нотные примеры 1–2.

Найденные несколько десятков вариантов этой мелодии свидетельствуют о том, что она в течение длительного времени (двух столетий) активно бытовала в разных «обличьях» у различных групп татар на обширной территории их расселения. Мелодия распевалась как:

1) «деревенский напев» – с самыми разными названиями деревень: «Күн авылы көе» (Нигмедзянов I, № 202), «Түреш авылы көе» (Нигмедзянов II, № 161), «Отыз авылы көе» (Ключарев II, № 127), «Урам көе» (Ключарев II, № 242), «Авыл көе» (I, № 29) и многие другие. См. пример 3³;

2) протяжная песня сложной структуры: «Салкын чишмә» (Төрөк–татар көйләре. Т.2. № 3; Ключарев II, № 71), «Чакрым саен чуар багана» (Ключарев II, № 107), «Ак, сары көе» (Ключарев II, № 137). См. пример 4;

3) гостевая песня у крышен – с типичными стилевыми признаками музыкального языка этой конфессиональной группы татар: «Әй, күрештем» (Нигмедзянов I, № 21), «Кодаларым» (Там же, № 19), «Сулар алдым» (Нигмедзянов II, № 154), «Түгәрәк икән күлегез» (Нигмедзянов III, № 33). См. пример 5;

4) мунаджат: «Ярса яфраklar» (Нигмедзянов III, № 76). См. пример 6.

Вышеперечисленные группы вариантов мы расположили по принципу их репрезентативности: от самой многочисленной (*авыл көе*) – к наименьшей (распевание мелодии в стиле мунаджата представлено единичным примером). К этому следует добавить, что варианты, бытующие в форме протяжной песни с припевом, более близки к вокальной версии мелодии «Акчарлак», остальные – к инструментальной.

Нужно заметить, что идентификация значительно затруднялась качеством записей С.Рыбакова, нуждающихся в корректировке и реконструкции. Работа по выявлению сходных вариантов требовала прочувствования мелодии изнутри, чуткого вслушивания в ее каждый оборот. Нередко взаимосвязь напевов ощущалась интуитивно. В ряде случаев подспорьем служили указания народных исполнителей. Так, в 1991 г. автором данной статьи была предпринята экспедиция по следам С.Рыбакова, в ходе которой предстояло выяснить, что за напевы скрываются за схематичными нотировками исследователя и установить их реальный облик. С этой целью мы пели отдельные мелодии (причем специально в том виде, в каком они представлены в сборнике С.Рыбакова) и, предупреждая информантов о возможных искажениях, просили узнать их. В числе исполненных нами мелодий была и «Акчарлак». Несмотря на то, в расшифровке С.Рыбакова отображен только интонационно-ритмический каркас и дана неверная тактировка, жительница д. Ахуново Учалинского района Башкортостана с легкостью узнала этот напев (см. пример 3). По словам Тунгушбаевой Фариды (девичья фамилия – Фахрисламова), это старинный напев их села («Ахунның үзенең көе бу, борын-борыннан Ахунда мәжлесләрдә менә шушылай җырланган җырлар инде...»). Народная певица определила его как *урам көе* (букв. – «уличный напев»), *яшьләр көе* (в данном контексте – «напев парней», которые ходили по улицам и пели песни под гармонь), уточнив при этом, что это напев ее молодости, который раньше исполняли и матери.

Как показывает экспедиционная практика, данный напев занимает прочное место и в песенной традиции казанских татар Волго-Камья и бытует в аналогичной функции (*авыл көе*, *урам көе*). Исполнители характеризуют его либо как старинный *авыл көе*, напев старших (*борынғы авыл көе*, *олылар көе*), либо, наоборот, как напев молодежи (д. Мурали Кайбицкого района, Б. Нырси Тюлячинского района Татарстана).

³ Для удобства сравнения напевы в примерах транспонированы. В образце, нотированном автором данной работы, указано место записи.

Как видим, амплитуда «превращений» достаточно широка. На крайних полюсах – кряшенский обрядовый напев и мунаджат татар-мусульман. Однако, далее открылась еще более интересная картина. Оказалось, что этот многофункциональный напев – явление не только национально-го, но и регионального масштаба.

В ритме инструментальной версии мелодии «Акчарлак» С.Рыбаков уловил печать архаики, большой древности⁴. Это замечание русского исследователя получило неожиданное подтверждение (вспомним гостевой напев кряшен). Более того, близкие к кряшенскому варианту календарные и семейно-обрядовые напевы есть у чувашей и удмуртов.

Обнаруживается интонационное сходство с весенним обрядовым напевом завятских удмуртов «Акашка», приуроченным к началу полевых работ (обряд *акашка* по своему смыслу и срокам проведения совпадает с татарским сабантуем). Как отмечает И.Нуриева, напевы «Акашка», имея в основе общее интонационное зерно, отличаются «бесконечным разнообразием мелодического развития», каждый раз воплощаясь в новой форме⁵. Наиболее близок к татарскому варианту напев «Акашка» д. Лельвиж (см. пример 7), который построен по принципу «фазового» развития (термин М. Кондратьева), не имеющему широкого распространения в обрядовых песнях удмуртов. По наблюдению И.Нуриевой, этот напев выпадает из местного репертуара и «довольно четко вписывается в тюркскую ладово-интонационную модель, точнее – в чувашскую...»⁶. Между тем, такой тип композиции весьма характерен для татарских народных песен⁷.

Далее удмуртская исследовательница указывает на сходство лельвижского напева с застольной обрядовой песней средненизовых чувашей, бытующей также как «песня пашни и плуга» (см. пример 8), т.е. как весенний земледельческий напев, аналогичный по функции удмуртской «Акашка»⁸. От себя добавим, что одна из самых ранних публикаций данной мелодии (в виде чувашской гостевой) содержится в книге А.Риттиха (1870)⁹ – см. пример 9.

Учитывая, что такого рода удмуртско-чувашские параллели довольно редки (на что обращает внимание сама исследовательница), гораздо больше положительных результатов может дать сравнительный анализ в этом аспекте удмуртской и татарской песенных культур. В пользу этого положения свидетельствуют и наши скромные изыскания.

Таким образом, следы полифункционального напева «Акчарлак»¹⁰, бытующего в фольклоре татар в виде «деревенского напева», протяжной с припевом, гостевой песни и мунаджата, приводят к весеннему календарно-обрядовому напеву удмуртов и чувашей, в котором, по признанию М.Кондратьева, «слышится голос вечности»¹¹.

Жанровые трансформации напева, вызванные сменой функции, художественно-целевой установки, детерминируются эволюцией народного творчества, миграцией произведений в иную этническую, географическую, социальную среду. В череде структурно-стилевых модификаций сохраняется интонационно-ритмический остов напева, его план. Общими для всех вариантов являются восходящая квинтовая интонация начальной фразы и логика ладо-мелодического развертывания по типу перелома в точке «золотого сечения», т.е. исходный тезис и его развитие.

Наверное, не все мелодии обладают таким широким спектром действия и способностью преодолевать время и пространство, как «Акчарлак», которая, пройдя череду модификаций и трансформаций, дошла «из глубины веков» вплоть до наших дней. Подобная участь, как можно предположить, уготована мелодиям избранным – тем, которые отличаются большой обобщающей силой и являются носителями важной интонационной информации, глубинного смысла. Некоторые

⁴ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С.66.

⁵ Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. С.179–188.

⁶ Нуриева И.М. Указ. соч. С.184–185.

⁷ О мелодических моделях татарских песен см.: Каюмова Э.Р. Татарская народно-песенная культура Нового времени: Проблемы традиционного мышления и жанровой атрибуции. Казань, 2005. С.126–141.

⁸ Нуриева И.М. Указ. соч. С.184–185.

⁹ Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. В 2 ч. Казань: Тип. ун-та, 1870. Ч.2. – 224 с.

¹⁰ Это условное название напева, данное по его первой известной нам публикации, употребляется исключительно в целях удобства восприятия и понимания.

¹¹ Цит. по: Нуриева И.М. Указ.соч. С.184.

мелодии имеют узкую зону применения, они как бы рождены в определенном стиле и, как продукт своей эпохи, носят стадильный характер (как, например, хороводно-игровые песни позднего исторического слоя). Есть интонационно блеклые мелодии-однодневки, напевы местного значения, действие которых не выходит за рамки той функции, которую они выполняют. Однако, это не отменяет общей закономерности. Способность к функциональному переосмыслению и, следовательно, к структурно-стилевой, жанровой перестройке потенциально заложена в каждом напеве.

Вместе с тем, уместно говорить о преемственности в развитии песенности, связи раннего обрядового и позднего лирического пластов музыкальных культур. Адаптируясь к новым условиям бытования, архаичные обрядовые напевы преобразуются в новые жанры-«наследники» (*авыл көе, озын көй* с припевом и др.).

Вероятно, взаимосвязи в интонационной сфере на уровне целостных напевов свидетельствуют об общих компонентах духовной культуры финно-угорских и тюркских народов Волго-Уральского региона, восходящих ко временам древнего этнического единства. Данная проблема весьма широка и объемна и требует дальнейшего разрешения и уточнения. Здесь же мы обозначили лишь подступы к теме¹².

НОТНЫЕ ПРИМЕРЫ

1. Акчарлак. Рыбаков, № 6

Умеренно скоро

¹² Проблема изучения музыкального фольклора волго-уральских народов в региональном аспекте неоднократно затрагивалась в работах различных ученых. См., к примеру: *Альмеева Н.Ю.* Обрядовый фольклор в этнокультурном контексте (К вопросу о региональной этномузыкологии) // Музыкальная наука Среднего Поволжья: Итоги и перспективы. Казань, 1999. С.64–67; *Викар Л.* Финно-угорские и тюркские взаимовлияния в музыке // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С.8–16; *Кондратьев М.Г.* Чувашская народная музыкально-поэтическая система и ее интонационные параллели: Науч. доклад на соискание ученой степени д-ра искусствоведения. М., 1995; *Он же.* Об общих компонентах музыкально-поэтических систем Поволжья и Приуралья // Музыкальная наука Среднего Поволжья: Итоги и перспективы. Казань, 1999. С.59–64; *Он же.* К понятию Волго-уральской музыкальной цивилизации // Теоретические концепции XX века: Итоги и перспективы отечественной музыкальной науки. Новосибирск, 2000. С.320–329.

2. Акчарлак. Рыбаков, № 56

Умеренно скоро

Припев скорее

3. Урам көе. д. Ахуново

$\text{♩} = 80$

У - - ра - мы - гы - з(ы) - ди - н(е) у - за - ем,

Я - ше-л(е) е - фөк су - за - ем, шул,

Я - ше-л(е) е - фөк, я - шь(е) ло - (е) йо - ро - к(е)

Ни - хә-л(е) и - те - п(е) тү - зә - ем?

Я - ше-л(е) е - фөк, я - шь(е) лә - (е) йө - рө - к(е)

Ни - (е) - хә-л(е) и - те - п(е) тү - зә - ем?

4. Салкын чишмә. Ключарев II, № 71

$\text{♩} = 58$

Сан-ду - гач сай - рый - дыр ти-рәк - тө

А - ва - зын ла са - ла йө-рәк - кө.

$\text{♩} = 54$

Тау Ас - тын - да сал - кын чиш - мө

Чыл - тыр - чыл - тыр а - га - дыр,

Сөй - гөн - нөр сөй - гө - нен а - ла

Без - нең сөй - гөн ка - ла - дыр.

5. Түгәрәк икән күлегез. Нигмедзянов III, № 33

$\text{♩} = 60$

Тү - гә - рәк - көй и - кән, ай ла, кү - ле - гез,

Ба - ла - лы ла үр - дөк - көй дә, ай, йө - зөл - мөс.

6. Ярса яфраklar. Нигмедзянов III, № 76

7. Напев обряда Акашка. Нуриева, с. 185

с'и-йэ - мь(йь) ми-л'ам но ай ук по-ть(й) ай гай

д'у - эм мь но(й) ми - л'ам но ук по-ть(й)

8. Чувашская застольная обрядовая (песня пашни и плуга). Нуриева, с. 185

Кер - кер вяр - ман, кер вяр - ман, кер - кер вяр - ман, кер вяр - ман.

Сав - си вяр - ман ма кер - лет? Сул - лен ту - рат ху - шас - шан.

9. Песня поется гостями при угощении их. Риттих. Чувашская, № 2

Andante

Условные сокращения

Ключарев I – Ключарев А. Книга 1, 1941 // Ключарев А. Татар халык жырлары. Казан, 1986.

Ключарев II – Ключарев А. Книга 2, 1955 // Ключарев А. Татар халык жырлары. Казан, 1986.

Нигмедзянов I – Нигмедзянов М.Н. Татарские народные песни. М., 1970.

Нигмедзянов II – Нигъмэтжанов М.Н. Татар халык жырлары. Казан, 1976.

Нигмедзянов III – Нигмедзянов М.Н. Татарские народные песни. Казань, 1984.

Нуриева – Нуриева И.М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999.

Риттих – Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. В 2 ч. Казань: Тип. ун-та, 1870. Ч.2. – 224 с.

Рыбаков – Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897.

Төрөк-татар көйләре – Төрөк-татар көйләре: Мандолина һәм скрипка өчен. Оренбург, 1919. 1–3 бүлек.

ТЮРКСКАЯ СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ ЕВРАЗИИ

Б.Е. Кумек

Центр кипчаковедения Национальной Академии наук Республики Казахстан, г. Алматы

Степь, долины рек и горные системы являются важнейшими атрибутами природно-географической среды и хозяйствования скотоводов Великой степи Евразии. Кардинальный скачок в развитии степных обществ произошел с переходом к кочевому скотоводству. В эту эпоху в историко-культурной общности саков и скифов наблюдаются существенные изменения в уровне общественного развития и материальной культуры. Преемниками и продолжателями развития степных традиций сако-скифской общности стали гунны, а вслед за ними древние тюрки. Этногенез, политогенез и культуругенез древних тюрков непосредственно связан с Алтаем. Здесь были открыты выдающиеся памятники материальной культуры ранних кочевников – Пазарык, Башадар, Берель, Чиликты, имеющие мировое значение. Высокий уровень общественного и духовного развития кочевых социально-политических образований позволяет говорить в полный голос о степной тюркской цивилизации.

Между тем, основные параметры цивилизации оседлого ареала в современной историографии сопрягают с наличием государства, городов, письменности и культуры. Это понимание дефиниций главных составляющих цивилизации проистекало из закономерностей развития оседло-земледельческих культур, где формировались основы урбанизма и первых цивилизаций.

Впрочем, парадигмы цивилизации оседлых обществ имеют проявления и в степной цивилизации с присущей ей самобытной спецификой. Своеобразие кочевого быта порождало характерные особенности в социуме. В условиях кочевого общества наибольшее значение имела не земля, а население. Кочевники могли подвинуться, передвинуться, более того мигрировать, чего нельзя сказать о земледельческом населении, привязанном к земле. В кочевой среде действовал принцип – будет народ, найдется земля. Приоритет населения в Великой степи по отношению к земле является одним из важнейших методологических принципов в понимании степной цивилизации как эпохального явления в мировой истории.

С эпохи ранних кочевников, в развитии производительных сил происходит радикальная трансформация. После перехода к всадничеству, оснащения конской упряжи и вооружения, рассчитанного на кочевника, для скотоводов Великой степи, как мне представляется, приоритетным стал биологический путь развития производительных сил вместо технологического характерного для оседлых культур. Знаменем эпохи стало генеральное направление, связанное с выведением пород и мастей скота. Гунны разводили лошадей лучших пород. Конница гуннов, как отмечается в китайской летописи, делилась на четыре армии, различавшиеся мастью коней, при этом десятки тысяч воинов восседали на одной масти: на белых, серых, вороных и рыжих конях, в чем нельзя не усмотреть высокий уровень культуры производства. Хорошо обученные и выносливые, они были основой армии и могущества государства. Арабский путешественник Тамим ибн Бахр (IX в.) видел царя кимеков и его войско, восседавших на лошадях «с тонкими копытами», по всей вероятности, он имел в виду стройную породу лошадей. На территории расселения кимеко-кипчакских племен в Центральном Казахстане в курганных погребениях отмечаются две породы лошадей – не высокие, с массивной головой, толстой и короткой шеей и рослые верховые кони с небольшой головой и тонкими копытами. Богатство лошадьми всегда составляло экономическую основу власти у скотоводов. Вследствие высокой специализации лошади Дешт-и Кипчака были всегда востребованы в сопредельных и отдаленных странах и ценились высоко.

Вместе с тем в источниках имеются описания пород овец. У тюрков, сообщает арабский географ Ибн аль-Факих (X в.), «овца дает приплод не менее четырех, а бывает, что и пять и шесть ягнят. Если же приплоду бывает два или три, то только в единичных случаях». Наряду с этим одна порода овец была с маленьким хвостом и короткой шерстью, приспособленная

покрывать большие расстояния. Другая, очень крупная с большим хвостом (курдюком), который волочился по земле. Нередко такие курдюки клали на маленькие тележки.

Выведение пород скота, способного к сезонному кочеванию, выработка методов использования пастбищ и водных ресурсов территорий позволили создать экологическую материальную основу развития степной цивилизации. При отсутствии внешних воздействий такая цивилизация вела к интенсификации производства без ущерба экологического фонда.

Тюркский каганат привнес в развитие государственности степной цивилизации существенную инновацию, связанную с качественно новым этапом, создав первую евразийскую империю, вобравшую земли от Тихого океана до Черного моря. Тюркские каганы прочно включились в систему военных, политических и экономических отношений с крупнейшими государствами того времени Китаем, Ираном и Византией, при этом контролируя важнейшие участки Великого шелкового пути.

По представлениям тюрков, средоточием их государственности, лицом, воплощавшим в себе государство, являлся каган. Тюркские каганы правили по воле Неба, которое они чтили и понимали в двух ипостасях – в материальном смысле и как верховное божество. Они верили, что каганы обладают «небесной харизмой», особой силой и качествами, дарованными им Небом.

Специфика верховной власти тюркского общества заключалась в том, что государством правил династийный род во главе с верховным правителем (улуг каганом). Дважды в год тюркская знать собиралась в ставке кагана на Алтае, где решались важнейшие дела внешней и внутренней политики государства.

Структура племенного состава тюрков была строго регламентирована в соответствии с династийным, социальным и политическим уровнем каждой из этнических единиц. Племена в социальном плане делились на аристократические, подчиненные и вассальные, связанные между собой строго установленными иерархическими отношениями. Иерархия родов и племен в кочевнических государствах Великой степи была основополагающим принципом общественного и государственного развития. Своеобразие динамики этносоциальной общности степной цивилизации обнаруживает атрибуты развитой государственности с родоплеменными структурами, существующими как активно действующие социальные и социально-психологические факторы.

Армия тюрков строилась по десятичной системе исчисления, для поддержания в ней строгого порядка и дисциплины. Военно-административная система в кочевом обществе составляла единое целое в отличие от оседло-земледельческой полосы, где они были разделены. Все высшие администраторы одновременно являлись и военачальниками. Военной организации и военно-административной системе придавалось исключительное значение, ибо они отражали специфику кочевого быта и были наиболее органичными и удобными для кочевого способа существования. Традиционная форма военно-административного управления включала разделение на центр, восточную и западную части, обеспечивая стабильность управления и обороны.

Тюрки имели законы, разработанное степное право (тöру), с поданных племен взимали налоги и дань.

В тюркском обществе было несколько хозяйственно-культурных типов. Кочевое скотоводство составляло основу хозяйственной деятельности. Отдельные группировки жили оседло, занимались земледелием и ремеслом. Тюрки владели городами и поселениями. Город и степь были неотъемлемыми, взаимосвязанными частями единого экономического организма.

Идеологической основой тюрков была вера в единого бога Тенгри, в культ Земли, в дух предков и поклонение явлениям природы.

Одним из высших достижений эпохи стало создание и широкое распространение древнетюркской письменности, которая обладала двумя существенными и неоспоримыми достоинствами – автохтонностью и аутентичностью. Сотни письменных памятников сохранились на Алтае и Монголии, Хакасии и Туве, в Восточном Туркестане и Жетысу, в Поволжье и на Дунае. Древнетюркская письменность была наиболее приспособленной для передачи фонетических закономерностей тюркских языков и диалектов. Очевидно, необходимость в письме воз-

ника из нужд административной, хозяйственной и дипломатической практики, из потребности фиксации государственных актов и традиций.

С падением Тюркского каганата между Алтаем и Поволжьем возникли семь кочевых государственных объединений: Булгарское на Итиле (Волге), Хазарское в Прикаспии, Огузское на Сырдарье, Карлукское в Жетысу, Кимекское на Иртыше, Кыргызское на Енисее и Уйгурское на Орхоне. Все эти политические структуры продолжили государственные традиции древних тюрков. Схожесть общественного устройства, политической организации, их этнокультурное родство позволяет рассматривать время их существования как относительно цельный историко-культурный период степной цивилизации.

Именно на Алтае происходит формирование родственных кипчакоязычных племен: собственно кипчаков, кимеков и куманов. В IX – нач. XI в. существовал Кимекский каганат, состоявший из триады племенных объединений – в Восточном Казахстане и Западном Алтае компактно кочевали кимеки, в Центральном Казахстане расселялись кипчаки, между Приаральскими степями и Южным Уралом обитали куманы. Кипчаки и куманы находились в зависимости от кимекского верховного правителя.

Рельефно обнаруживается преемственная связь кимеков с древнетюркской государственной системой. Наряду с главным хозяйственным занятием скотоводством в кимекском обществе имелись отдельные группы полуоседлого и оседлого населения, занимавшихся земледелием и живших в городах и поселениях. Арабский географ ал-Идриси сообщает о шестнадцати городах кимеков, расположенных в долинах рек, в горных районах, в местах разработок полезных ископаемых, на торговых трассах. Сильная каганская власть и запросы элитарной кочевой знати стали атрибутами социального заказа, стимулировавшего развитие высоких образцов ремесел и изготовление престижных предметов повседневного быта. Так, в кимекском городе имелась мастерская по изготовлению одежды из красного и желтого шелка, которую носили только знатные люди. В стране кимеков «из железа тамошние мастера делают предметы необычайной красоты» сообщает ал-Идриси. Поэт ал-Джахиз (IX в.) воздает хвалу кимекской деревянной посуде, которая наряду с китайской посудой повсюду пользовалась популярностью.

Тесная взаимосвязь городской и степной культур в кочевом обществе привела к новации в сфере урбанизации, к появлению ремесленно-торговых городов, специализирующихся на производстве экспортных товаров. В кимекском городе Гагане делали искусные меховые одежды, а «купцы развозили их во множестве в другие страны» отмечает средневековый арабский географ.

В целом, наметившийся симбиоз степной и городской культур составил подвижную структуру, определивший сравнительно высокий динамизм степной цивилизации.

В начале XI в. наследниками кимекской государственности стали кипчакские ханы. По мере укрепления и усиления государственных устоев кипчакская правящая знать расширяла границы своих владений. В первой половине XI в. кипчаки стали властвовать над стратегически важным геополитическим регионом – бассейном Сырдарьи, Приаральем и Прикаспием, а во второй половине XI в. распространили свое политическое влияние на земли к западу от Волги (Итиля). На этом этапе исторического процесса с кипчакским фактором связывалось представление о самом многочисленном тюркском народе, расселившемся на значительных просторах от Алтая и Иртыша на востоке до Карпат и Дуная на западе. Вскоре на Ближнем Востоке кипчаки оказались единственной силой, способной противостоять монголам и наследникам первых крестоносцев.

Исследование степной цивилизации периода ее расцвета в особенности значимо на материалах по Кипчакскому ханству (XI – нач. XIII в.), так как именно оно явилось последним государством с наиболее развитой системой цивилизации. Кипчакский политогенез во многом характеризуется устойчивой преемственностью по линии кочевых государственных образований с эпохи древности. Кипчакские ханы продолжили государственно-административные, военные и социально-культурные традиции тюркских каганатов. Несмотря на катаклизмы монгольского завоевания, принципы хозяйствования в степи также как и идеи, связанные с

государственным устройством, были настолько прочными, что кипчакская традиция проявилась вновь в эпоху Золотой Орды.

Благодаря межпоколенной адаптации к географической среде и доминирующему скотоводческому хозяйству кочевые племена развивали традиции степной культуры, наиболее устойчивый блок, которой был связан с особым феноменом, со степным образом жизни. Его глубинные истоки берут начало в бронзовом веке, стандарты утверждаются в сакской историко-культурной общности и развиваются в тюркских государственных образованиях. Высокая степень преемственности характерна для степного образа жизни во времени и пространстве. При всех этнических и локальных вариантах были выработаны стереотипы в культуре, сохранившиеся в течение длительных исторических периодов. Особенно рельефно они проявились в материальной и духовной культуре, в нравственных и поведенческих нормах.

В кочевых обществах традиционные представления о законе, праве и справедливости составляли неотъемлемую часть государственной концепции. Многовековое развитие разнообразных форм устного творчества в духовной жизни кочевников постепенно приводило к развитию памяти, ораторского искусства и появлению в большом количестве высших форм художественности – героических эпосов и лирических поэм.

Таким образом, на просторах Великой степи создается информационное поле повышенной коммуникабельности, приведшей к высокой степени преемственности хозяйственных, социальных, культурных и политических институтов, возникавших в разное время и сохранившихся в течение длительных исторических периодов. Сложившееся в тюркской степной цивилизации историко-культурное наследие стало бесценной и неувядаемой сокровищницей народов Великой степи.

**МОТИВ ГРИФОНА И КРЫЛАТОГО ЛЬВА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА XII–XIV вв.,
ПРОИСХОДЯЩИХ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ:
К ИСТОРИИ КОНТАКТОВ РУСИ С ВОСТОЧНЫМ МИРОМ**

К.А. Лавыш

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси, г. Минск

Одним из самых распространенных мотивов, заимствованных в искусстве Европы из восточной изобразительной традиции, был грифон. Этот фантастический образ, связанный с идеей власти, сочетает протомы орла и льва. Образ и иконография грифона сложились в древнейших государствах Передней Азии. Тема полиморфного существа – божества, злого гения или духа-покровителя, спутника и охранителя царя – была широко распространена в искусстве классического Востока. Грифон часто использовался в значении триумфального образа, символа победы, особенно в сценах терзания, где он всегда выступает победителем. Кроме того, грифону всегда была присуща охранительная функция. В античном мире он выступал как страж золота, которое символизировало иной мир, сакральное начало, дарующее силу и бессмертие. В средневековье охранительная семантика грифона сохранилась, он по-прежнему представлялся как страж границ иного мира, его часто изображали на алтарных преградах, крестильных купелях, могильных памятниках.

Иконография львогрифонов восходит к шумеро-аккадскому периоду, а образ орлиноголового грифона возник у хеттов (Вагнер, 1962, с. 82; Павлов, 1964, с. 211). Иконографические варианты грифона были выработаны в так называемых луристанских бронзах (сер. II – нач. I тыс. до н.э.) и в манейско-мидийских памятниках Зивие (IX–VIII вв. до н.э.). Свое законченное высокохудожественное воплощение иконография грифона получила в искусстве Ахеменидского Ирана (VI–V вв. до н.э.). В искусстве Ирана образ грифона продолжал существовать и в Сасанидскую эпоху (III–VII вв. н.э.), хотя был распространен менее, чем сенмурв – фантастическое существо с телом и головой собаки, крыльями и хвостом птицы, покрытое рыбьей чешуей. Происхождение Сенмурва восходит к Авесте, а его изобразительный прообраз – к собакообразным грифонам античной Бактрии – Тохаристана (Тревер, 1937). Византийское искусство унаследовало восточную иконографию грифона почти без изменений. Европа позаимствовала этот образ, в свою очередь, из восточного и византийского наследия.

Существует несколько иконографических вариантов образа грифона. Так, в искусстве Передней Азии сложился тип грифона, который оказал влияние на иконографию эгейского, финикийского и архаического греческого грифона. Переднеазиатский грифон изображался с мощным львиным туловищем, но с задними орлиными ногами, крылья его подняты серповидно вверх, шея осложнена гребнем из стоячих перьев, клюв яростно раскрыт. В Греции существовал другой иконографический вариант: грифон имел львиное туловище, но крылья его были изогнуты под прямым углом назад, гребень из торчащих перьев был заменен зубчатым, тело приобрело гибкость и стройность. В зверином стиле скифов были известны оба типа, но широкое распространение получил и собственный вариант грифона. Он более упрощен, но вместе с тем внутренне чрезвычайно напряжен и экспрессивен. Акцентируются отдельные части грифона, чаще всего – клюв, глаз, когтистые лапы. Хвост нередко усложняется зооморфным окончанием (Вагнер, 1962, с. 83).

Образ грифона продолжал развиваться в искусстве варварских народов Европы, особенно тех, которые теснее соприкасались с восточными культурами. Мотив грифона был очень популярен у авар, где он появился в декорации поясной гарнитуры в средний период, быстро адаптировался в местной среде и стал доминирующим в поздний период. Ф. Даим связывает его появление у авар прежде всего с византийским влиянием, и непосредственно с византийской поясной гарнитурой (Daim, 1990). Важное значение имели связи авар и с иранским искусством, однако они были интенсивными в ранний период, а в VIII в. уже не имели такого значения. Кроме того, в иранской традиции грифон был менее распространенным образом,

чем Сенмурв. Очень распространен мотив грифона в древнеболгарском искусстве. Для болгарских грифонов характерно отсутствие гребня, поднятые вверх серповидно крылья и сильное тело с львиными лапами. Эти черты станут характерными для тех средневековых изображений грифона, которые не зависят от античных образцов (Вагнер, 1997, с. 198).

Для понимания развития образа грифона в средневековом искусстве необходимо исходить из факта признания его христианской иконографией. Он сохранял свою апотропеическую семантику, причем она была очень многообразной, часто грифон выступал в значении символа Христа (сочетание в его образе черт двух существ, льва и грифона, указывало на божественную и человеческую природу Христа), считался охранителем душ в загробном мире, а также их проводником в рай. Покровительственное значение грифона в соединении с императивностью облика способствовало его переходу в феодальную эмблематику. Изображения грифонов особенно тесно связаны с княжеской средой и являлись символом власти или знатности происхождения (Вагнер, 1962, с. 86–87, 89). Показательны в этом отношении фигуры грифонов, размещенные по сторонам изображения семьи князя Святослава на миниатюре в Изборнике Святослава (1073 г., Син. 1043, л. 1v). Изображения грифонов олицетворяли власть и силу, а также могли символизировать вознесение государя (вознесение Александра Македонского). На противоположной странице Изборника изображениям грифонов соответствуют изображения двух павлинов, которые расположены по обе стороны от Христа на престоле (л. 2r). Как известно, павлины считались символами вечной жизни и воскресения, а также были связаны с представлениями о рае. В Изборнике Святослава изображения грифонов и павлинов являются элементами, которые маркируют центральные события. Таким образом, фланкированный павлинами Христос пребывает на Небесах, а грифоны возносят княжескую семью ко Христу. Содержание композиции, расположенной на лл. 1v–2r Изборника можно прочесть следующим образом: князь Святослав приносит дары Христу, прося об опеке над своей семьей, а грифоны возносят княжескую семью в Рай ко Христу, который услышал просьбу князя (Козак, 2007, с. 60, илл. 43–44, 50–51). Грифон был также связан с солярными представлениями.

Образ грифона в древнерусском искусстве претерпел значительные изменения: сохранив апотропеическую семантику, он часто утрачивал самую характерную черту – грозность хищного существа. Изображения грифонов можно видеть уже на лестничных фресках Киевского Софийского собора (XI в.), на деревянной резной колонне из Новгорода (XI в.), в росписях на откосах окон Георгиевского собора в Старой Ладобе (XII в.). Ранними изображениями грифонов можно считать сдвоенных орлиноголовых крылатых зверей на серебряной оковке одного из турьих рогов из Чернигова (X в.) (Вагнер, 1962, с. 86).

В древнерусских литературных источниках грифон, как и другие реальные и фантастические представители животного мира, упоминается прежде всего в переводных символических произведениях, таких как Физиолог, Шестоднев Экзарха Болгарского, Шестоднев Георгия Писидийского, славянский перевод которого известен как «Похвала к Богу о сотворении всеа твари», Толковая Палея; кроме того, в описательных «естественнонаучных» произведениях («Христианская Топография» Козьмы Индикоплова, Сказание об Индийском царстве, От Шестоднеца избрано о животех, Собрание от древних философов о неких свойствах естества животных Дамаскина Студита, Луцидариус), а также сборниках смешанного содержания, которые сочетали сведения из разных сочинений, и наконец, в лексикографических источниках (азбуковники, восточнославянские переводные словари, собственно лингвистические словари). В этих источниках грифон выступает под следующими названиями: грифъ, грифонесь, грипось, грипсь, нигрипсь, ногъ, ноговичь, ногой, ноготка, грифалы, флигасы, фригалы, и описывается как мифическое существо, имеющее туловище и хвост льва, а голову, крылья и когти орла. В ряде случаев грифон описывается как существо, подобное льву, но с орлиными крыльями и когтями. Также эти источники сообщают, что грифоны живут в Индии и стерегут золото (Белова, 2001, с. 14–21, 92–93, 186–187, 258–260). Целью символических произведений была не столько исчерпывающая информация об объектах природного мира, сколько пояснение через их свойства истин Священного писания и устройства мироздания, поскольку представители животного мира были связаны, прежде всего, с

идеями божественного творения. Также их свойства использовались для поучений, касающихся нравственной стороны человеческой жизни. В этих произведениях через посредство материального мира передавался мир невидимый, горний мир, поскольку мир, сотворенный Творцом, нес в себе отпечаток высшего бытия. Образы животных иллюстрировали теологические догматы, чтобы облегчить их понимание несовершенному человеческому разуму, который не в состоянии постичь незримый божественный мир непосредственно.

С территории Беларуси происходит ряд изделий художественного ремесла с мотивом грифона и связанного с ним образа крылатого льва. По своим композиционным и иконографическим особенностям они образуют несколько групп. Самой многочисленной и однородной является группа самшитовых гребней с изображением идущего крылатого льва в овальном медальоне. Они найдены в Минске (1 экз.), Витебске (2 экз.) и Пинске (1 экз.). В центре орнаментированной части гребня, найденного в Минске (Загорульский, 1982, с. 250, рис. 154), в усеченном овальном медальоне показан в профиль несколько растянутый по горизонтали, как бы идущий по кругу крылатый лев с s-образно поднятым хвостом, его крылья под прямым углом обращены назад. По сторонам центрального медальона расположены розетки из пяти элементов циркульного орнамента. Таким же образом декорирована обратная сторона гребня. На гребнях из Витебска и Пинска – почти идентичные изображения (Археологія Беларусі, 2001, с. 486, рис. 264). При общей иконографической схеме витебские и пинский образцы отличаются от минского большей тщательностью исполнения и пропорциональностью фигуры, кроме того, на торцовых поверхностях пинского гребня имеются розетки из циркульных кружков с точкой в центре, расположенных по окружности. Такая схема декорации деревянных гребней характерна для восточной и византийской традиции. Интересно отметить, что боковые стороны деревянных восточных гребней из Эрмитажа, правда, позднесредневековых, декорированы такими же розетками из циркульных элементов.

Таким образом, перед нами целая серия изделий с почти идентичным изображением. Гребни однородны также хронологически: гребни из Витебска были найдены в слое начала XIV в., гребень из Минска – в горизонте первой половины XIV в., гребень из Пинска обнаружен в результате поверхностных обследований. В изображении крылатого льва на всех четырех образцах из Минска, Витебска и Пинска присутствуют некоторые погрешности и непропорциональность, особенно в минском образце. В таком случае, возможно, они вышли из одной мастерской, либо существовал единый образец или несколько идентичных изделий, с которых они были скопированы. Эта категория вещей является общей для всего восточнославянского круга. Гребень с подобной орнаментацией найден в Новгороде (Колчин, 1971, с. 16–17, рис. 3,1). Он украшен такой же фризовой композицией, в центре которой находится круглый медальон с изображением льва, а по сторонам от него – циркульный орнамент, причем его элементы расположены в такой же последовательности, как на минском и пинском образцах. Поза льва такая же, как у крылатых львов.

Интересно, что зооморфные мотивы встречаются и на самшитовых двусторонних византийских гребнях. Так, на гребне IX–X вв. из Немецкого Национального музея в Нюрнберге изображены парные орлиноголовые грифоны с серповидно поднятыми вверх крыльями (Byzanz, 2001, s. 416). На гребне византийского происхождения из Ситгуны (XI в.) в центре орнаментированной части помещен лев с повернутой назад головой и поднятым хвостом (Fuglejang, 1996, p. 142, 158, fig. 7). Известны также три гребня из Коринфа, декорированные с двух сторон. Одну из сторон украшает почти одинаковая на всех трех изделиях композиция (изображения незначительно отличаются только в деталях), где по сторонам Древа жизни представлены львы, туловища которых повернуты к центру, а головы обращены назад. На другой стороне двух гребней изображены павлины, в одном случае – по сторонам Древа жизни, в другом – по сторонам чаши. На другой стороне третьего гребня показаны птицы по сторонам растения, символизирующего Древо жизни (Corinth, 1952, pl. 80, nr. 1301, 1302, 1303).

Традиционно было принято считать, что импортным был скорее только материал гребней – самшит, а сами изделия могли быть выполнены уже местными мастерами (Б.А. Колчин, Е.А. Рыбина, Н.И. Асташова). Л. Смирнова, автор последних исследований, посвященных новгородским гребням, считает, что самшитовые гребни импортировались на Русь в качестве

готовых изделий либо заготовок, которые впоследствии могли дорабатываться уже местными мастерами в соответствии со вкусами потребителей. В Новгороде выявлены достаточно многочисленные случаи вторичной обработки гребней: незаконченные экземпляры, добавление надписей и элементов декора. Эти находки свидетельствуют о существовании на территории Славенского конца (Кировская сторона) обработки деревянных гребней. К сожалению, они не позволяют утверждать о наличии их производства, начиная с первого этапа обработки сырья и заканчивая уже готовыми изделиями, но в любом случае указывают на практику вторичной обработки заготовок или готовых изделий (Смирнова, 2005, с. 247).

Появление первой волны самшитовых гребней на Руси (Киев, Новгород, Псков) в конце X в. связано с принятием христианства в его греческом варианте. Стилистические особенности их исполнения характерны для восточноевропейской (византийской) традиции. По мнению Л. Смирновой, хронологическое и пространственное распределение самшитовых гребней первой волны свидетельствует о том, что они имели скорее всего литургическое значение и использовались священниками, которые были в основном греками. Простые двусторонние гребни, как деревянные, в том числе самшитовые, так и костяные, были неизвестны до конца X в. германским и славянским народам Балтийского региона, у которых бытовали односторонние сложносоставные гребни. Самшитовые двусторонние гребни представляли, таким образом, христианскую традицию изготовления этих изделий, которая противопоставлялась «языческим» односторонним сложносоставным гребням. Они были, так сказать, символами новой веры, предметами нового культурного словаря (Смирнова, 2005, с. 244). Наиболее вероятным местом производства самшитовых гребней первой волны является Византийская империя, где существовала непрерывная традиция изготовления двусторонних гребней простой конструкции из самшита и слоновой кости с позднеимперского времени, а также богатые запасы самшита (особенно в Малой Азии). Однако остается неясным, производились ли они в центральных областях Византийской империи или в византийских форпостах в Крыму.

С начала XII в. самшитовые гребни становятся очень редкими на Руси и появляются вновь в начале XIII в., однако это уже совсем другие изделия, стилистически подобные своим аналогиям во всей Европе, где они распространялись, по-видимому, ганзейскими купцами. В Новгороде в слоях XIII–XV вв. на Торговой стороне и в непосредственной близости от рынка они обнаружены в огромном количестве. Ко второй волне этих изделий на Руси принадлежат и находки с территории Беларуси. Наиболее вероятные регионы, откуда могли поступать в Новгород самшитовые гребни и их заготовки в начале второй волны, – это центры Никейской империи, где сохранилось греческое правление после захвата Константинополя в 1204 г. крестоносцами: Никея в Западной Анатолии, Эпир и Трапезунд в Причерноморье. В результате возрастающей слабости Византийской империи с конца XII в., в ее международной торговле стали доминировать венецианские купцы, которые в середине XIII в. вместе с генуэзскими купцами контролировали всю византийскую и средиземноморскую международную торговлю. Кроме того, после захвата Киева татарами-монголами днепровская торговля пришла в упадок, и самшит уже не мог поступать через Киев, как это было ранее. Исходя из этих обстоятельств вполне вероятно, что поток самшита оказался перенаправлен и поступал в Новгород в основном с запада (Смирнова, 2005, с. 245, 247).

Мотив грифона имеется на нескольких изделиях. Один из его иконографических и композиционных вариантов представлен на матрице для колтов из Новогрудка, на которой помещены сопоставленные спинами друг к другу орлиноголовые грифоны. Их головы повернуты друг к другу, крылья и хвосты соединяются в центре, образуя плетенку, которая обозначает центральную ось композиции. В подобных композициях в центре находится Древо жизни или условные изображения, его символизирующие. Самыми близкими аналогиями для композиции на новогрудской матрице являются изображения на колтах из Низовки (Черниговская обл.) (Макарова, 1986, с. 134, № 132–133, рис. 18: 132) и Сахновки (Черкасская обл.) (Макарова, 1986, с. 133, № 108–109, рис. 17: 109). Первая пара колтов датируется второй половиной XII – первой половиной XIII в. Колт из Тереховского клада (б.Болховский уезд Орловской губ.), на который указывает Ф.Д. Гуревич (Гуревич, 1976, с. 27; Русские древности, вып. 5, 1897, с. 114–115, рис. 170), является более далекой аналогией: там изображены птицы, они

показаны так же, как и грифоны на матрице из Новогрудка, спинами друг к другу, головы их при этом повернуты к центру, однако крылья и хвосты соединены в центре различным способом: в первом случае крылья и хвосты образуют два узла в форме трилистника, а во втором случае соединены только хвосты в узел в форме плетенки. Подобная композиционная схема часто встречается в произведениях восточного и византийского круга (вильгортская чаша XII в., церковь в Равинице, 1381 г.) (Даркевич, 1975, с. 14–15, рис. 1–2; Кашанин, 1978, с. 126) и многократно цитируется в изделиях древнерусских мастеров.

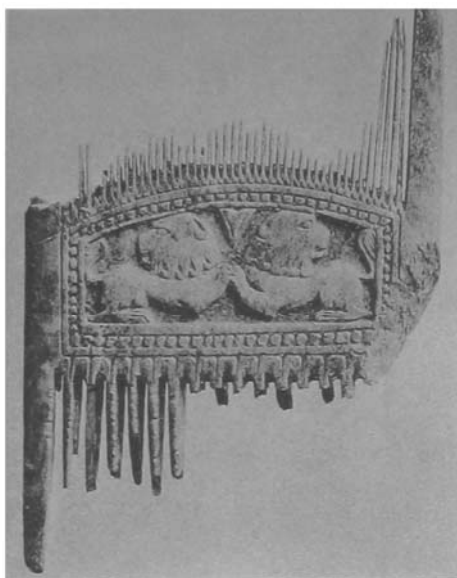
Матрицы для оттиска вставок для колтов с изображением другого типа найдены в Вишине. Они очень похожи друг на друга по форме, весу и имеющемуся на них изображению, но полностью не совпадают и были отлиты в разных формах. В этом случае иконографическая схема грифона утратила свою отчетливость и на обеих матрицах изображено идущее фантастическое существо. Э.М. Загорульский предполагает, что это изображение барса с процветшим хвостом (Загорульский, 2004, с. 83, цв. вклейка, рис. 7, 1–2). Однако голова у этого существа определенно не кошачья, скорее всего, собачья. Подобные изображения Т.И. Макарова считает возможным связывать с местной восточнославянской редакцией Сенмурва, несмотря на то, что у этих существ отсутствует птичий хвост и в некоторых случаях крылья. На матрицах из Вишина птичий хвост у изображенных существ, похоже, присутствует. Аналогичный мотив помещен на матрице для колтов из Киева (вторая половина XI в.) (Рыбаков, 1953, с. 247).

Наиболее близкая к восточным и византийским образцам иконография грифона представлена в изображении на бронзовой накладке, найденной в 2007 г. в Полоцке (Дук, 2007, с. 38–39). Она служила украшением деревянной чаши и, скорее всего, являлась одной из нескольких подобных накладок, возможно, с аналогичным сюжетом. О таком назначении накладки свидетельствует тот факт, что на ней сохранились остатки дерева и шурупы, с помощью которых она крепилась к деревянной основе. Накладка ажурная, имеет форму равностороннего треугольника, длина стороны 10 см, выгнута по сферическому объему чаши. В центре расположен круглый медальон, в котором помещена фигура грифона. Пространство между медальоном и краями накладки заполнено растительным орнаментом. Изображение грифона очень выразительно, присутствуют все характерные иконографические детали. Это орлиноголовый грифон, одно его крыло серповидно поднято вверх, перья на концах заканчиваются завитками, другое немного опущено и видно в трехчетвертном ракурсе, хотя сама фигура показана в профиль. Эта особенность не строго профильного изображения, а с элементами трехчетвертного ракурса характерна скорее для византийской изобразительной традиции, чем для восточной. Об этом же говорит гибкое, стройное туловище. Шея грифона украшена ошейником, хвост s-образно поднят вверх, детализировано оперение крыльев, мускулатура сильного поджарого тела. Интересно отметить общность трактовки его крыльев и тела с изображением грифона на новгородской колонне XI в. (Колчин, 1971, табл. 9). В обоих случаях оперение трактовано в виде нескольких удлиненных завитков, объединенных горизонтальной полоской у основания, сходным образом подчеркнута мускулатура туловища энергичными декоративными линиями. При этом следует отметить, что подобная форма и трактовка крыльев характерна для византийских изображений грифона. Принимая во внимание материал накладки – бронзу – можно предположить, что она могла быть изделием древнерусского мастера, выполненным на высоком профессиональном уровне по византийскому образцу. Однако, учитывая выразительную иконографию и тщательную проработку деталей изображения, вполне вероятно и провинциальное византийское происхождение этой чаши. М.Г. Крамаровский считает, что аналогии для этой накладки следует искать скорее на Западе, чем в Византии.

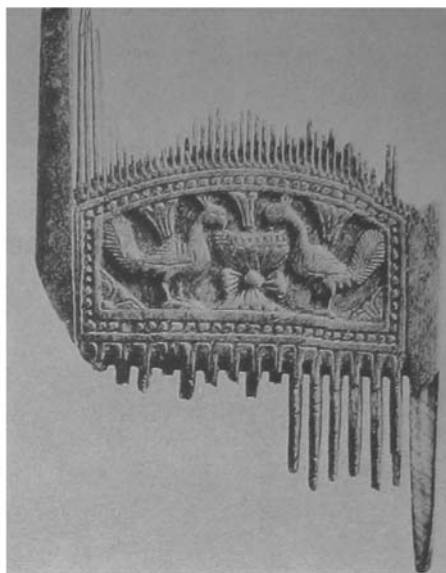
Необходимо отметить археологический контекст, в котором была найдена накладка. Она была найдена на городище в одном контексте со смальтой, плинфой, следами раствора-цемянки и оплавленного свинца, крестом-энколпионом, бронзовым донцем лампадки, литыми бронзовыми фигурками предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова, оплакивающих Христа, которые являлись фрагментами киотного креста, аналогичного херсонесскому (Пуцко, 1996, с. 385–386), а также кисточкой для писания икон. Этот комплекс находок свидетельствует о существовании на городище храма, фундаменты которого пока, к сожалению, выявить не удалось (Дук, 2007, с. 38–39). Учитывая эти обстоятельства, вполне возможно отне-

сти деревянную чашу, к которой принадлежала накладка, к комплексу церковной утвари, указанному выше. В таком случае грифон выступал в качестве охранителя от греховных сил как и изображения грифонов на алтарных преградах, крестильных купелях, в архитектурном декоре церквей, могильных памятниках, в богослужебных книгах в Византии, а также в Европе.

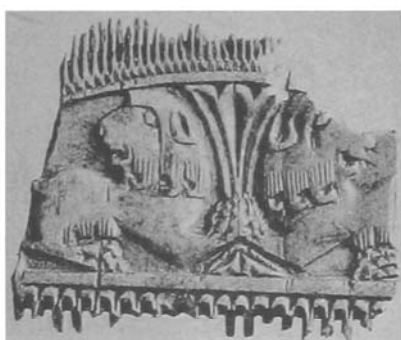
См. рис. 1, 2, 5 к статье на цветной вклейке.

1301

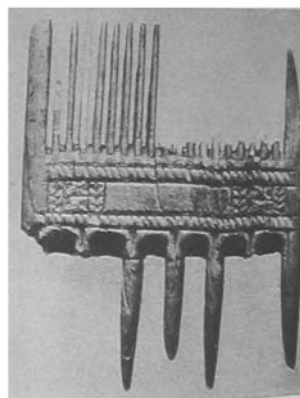
1301

1302

1303

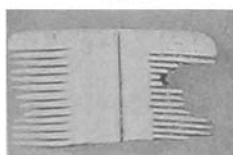
1299

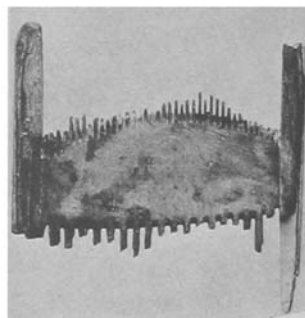
1302

1303

1300

1304

Рис. 3. Самшитовые гребни. Коринф. По: Corinth, 1952, pl. 80.

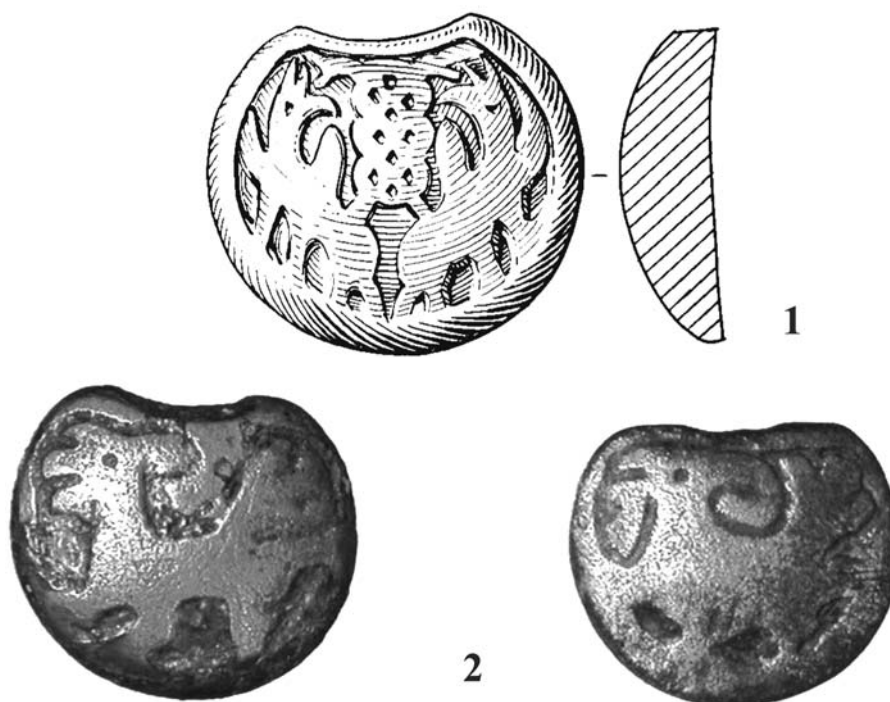

Рис. 4. Матрицы для изготовления колтов.

1 – Новогрудок. Вторая половина XII – XIII вв. Раскопки Ф.Д. Гуревич. Новогрудский историко-краеведческий музей; 2 – Вишин (Рогачевский район Гомельской области). XII – первая половина XIII вв. Раскопки Э.М. Загоруйского. Минск, Учебный музей исторического факультета БГУ.

Интересно отметить, что в XI–XII вв. в самом восточном и византийском искусстве по непонятным до конца причинам происходит всплеск зооморфных изображений, появляется повышенный интерес к зооморфным образам. Насыщенное этими мотивами, восточное и византийское искусство оказало влияние на сюжетный репертуар искусства Европы. Заимствуемые из восточного и византийского орнаментального репертуара зооморфные образы воспринимались в восточнославянской среде как признак престижа, международной моды, к которым, естественно, стремились.

Очень сложен вопрос, каким образом проникали зооморфные мотивы, связанные с восточной и византийской традицией, в древнерусское искусство. Его решение требует глубокого и длительного изучения, тщательного стилистического и иконографического анализа. Однако можно высказать несколько предположений по этому поводу.

Чрезвычайно важным источником распространения восточных мотивов были предметы импорта, которые служили образцами для местных мастеров. Кроме того, эти мотивы присутствуют не только на собственно восточных изделиях, но и на византийских. Учитывая то, какую важную роль сыграло византийское искусство в становлении искусства Руси, можно говорить о том, что многие восточные мотивы попали на Русь в византийской редакции.

Исследователи неоднократно указывали на то, что эти мотивы были известны на территории Восточной Европы еще со времен скифов. Как известно, скифо-сарматское искусство было тесным образом связано с древневосточным, в свою очередь, можно говорить о «преемственности» между скифо-сарматским и алано-болгарским мирами и, далее, о связях алано-болгарского мира с Древней Русью (Вагнер, 1972, с. 59). Как пишет Л.А. Лелеков, восточные мотивы «снова и снова приносили из Азии авары, болгары, хазары и прочие племена в конце периода великого переселения народов. В аварских, салтовских и мадьярских древностях нет числа сценам терзания, грифонам, орлам, сенмурвам, растительным сеткам и пальметтам» (Лелеков, 1975, с. 73). Ювелирами Киевской Руси, как и древневенгерскими мастерами, иранские и среднеазиатские мотивы могли быть восприняты через мусульманских переселенцев

из иудейской Хазарии, которая была посредницей между арабо-иранским и кочевническим миром. Значительную роль в процессе передачи восточных мотивов сыграла кочевая степь. Кроме того, представляется вполне возможным допустить проникновение мотивов восточного происхождения также с Запада, где шел параллельный процесс заимствования восточных и византийских образов.

Необходимо затронуть вопрос о сходстве зооморфных мотивов в искусстве Руси и романской Европы. Многие исследователи делают из этого вывод о том, что они проникли на Русь в результате контактов с романским искусством. Отчасти это справедливо, но и в этом случае не меняет их восточного происхождения, так как никто из исследователей не отрицает, что в романское искусство они пришли с Востока. Г.Л.Никель в публикации, посвященной параллелям в архитектурной орнаментике Саксонии и Владимиро-Суздальского княжества, отмечает, что знакомство мастеров, работавших во Владимире, с саксонскими памятниками весьма вероятно, но не может быть доказано и что некоторые сходные мотивы могут быть объяснены общностью источников для обеих культур (Nickel, 1997, с. 92).

Романское и древнерусское искусство, безусловно, близки в ряде отношений. Они оперируют почти одним и тем же набором образов в сходных общественно-политических условиях. И Латинская Европа, и Русь стремились приобщиться к наследию цивилизаций Востока и Византии, блеск и превосходство которых были для них очевидными. Из этого наследия были заимствованы различные полиморфы (грифоны, сенмурвы, драконы), львы, орлы, геральдические антитезы, сцены единоборств, терзаний, охот, звериного гона. Эти древневосточные образы, переработанные в религиозном символизме раннесредневекового Ирана, а также Византии, переносились в искусство Европы. В XII–XIII вв. становится особенно заметным различие в стилистических характеристиках искусства Латинской Европы и Руси. В позднероманском и готическом искусстве возобладал натурализм и зооморфизм, стремление к объему, а в искусстве Восточной Европы по-прежнему господствовала условность образа, символичность и плоскостность. Различия касаются и семантики зооморфных образов. В западноевропейском искусстве они некоторое время еще осмысливались в восточном духе как покровительствующие и добрые существа. Мотив двух грифонов в геральдической композиции был очень распространенным на могильных памятниках средневековой Франции. Грифонов изображали на алтарных преградах, на крестильных купелях в качестве охранителей от греховных сил, часто грифон изображался в значении символа Христа. Об адаптации образа грифона в христианской культуре Латинской Европы свидетельствует изображение грифона на серебряном брактеате не определенного правителя из Национального музея в Кракове (Kraków, 2006, s. 402, nr. 32.6). Под животом грифона помещен крест, который, скорее всего, подчеркивает его христианскую символику. В этом случае грифон – как существо двойственной природы, которое сочетало в себе части двух монарших животных, орла и льва, – представлял собой соединение начал воздуха и земли и символически указывал на соединение в Христе божественной и человеческой природы. Однако с развитием богословской критики подобное охранительное значение этих образов стало исчезать. В романском искусстве они все больше подвергались химеризации и переходили в разряд демонологии, становились олицетворением грехов и пороков, использовались в качестве дидактических аллегорий в предостережение грешнику. Благожелательное, охранительное значение зооморфных образов на Руси сохранялось намного дольше, чем в Западной Европе (Вагнер, 1964, с. 108). Как отмечает М.В.Алпатов, для восточного христианства, в отличие от западного, особое значение имела неоплатоническая философия, что способствовало сохранению более цельного взгляда на природу и допускало существование многих дохристианских образов, не наделяя их враждебно-демоническим содержанием (Алпатов, 1948, с. 307).

Очень важен вопрос, каким образом зооморфные мотивы, заимствованные из восточной изобразительной традиции и имевшие дохристианские истоки, функционировали в искусстве христианской Руси. Несомненно, что, украшая произведения христианского искусства, они уже не могли иметь того языческого смысла, который вкладывался в них ранее. Образы фантастических и реальных животных были ассимилированы в христианской культуре Руси и объединены с библейской идеей хваления Бога всеми живыми существами – «Всякое дыха-

ние да хвалит Господа!» Они носили сопроводительно-символический характер. В памятниках, связанных с христианским культом, эти мотивы сопровождали образы христианской иконографии и помогали раскрыть их символическое содержание.

О символично-сопроводительной функции зооморфных образов свидетельствует тот факт, что они помещались на семантически важных частях украшаемого объекта, или сам характер предмета, который они украшали. Так, орнаментальная композиция сопоставленных по сторонам древа жизни двух драконоподобных существ украшает откосы верхнего окна в алтаре Георгиевской церкви в Старой Ладоге (XII в.), изображения орлов с распростертыми крыльями помещены на новгородских кратирах (чашах для причастия), выполненных в XII в. мастерами Костой и Братилой, причем головы птиц окружены нимбами (Васильев, 1998, с. 324–325; Декоративно-прикладное искусство, 1996, с. 111, 115). Та же традиция наблюдается и в византийском искусстве: рельефные изображения львов, грифонов часто встречаются на каменных алтарных преградах (Даркевич, 1991, с. 79–80). Разнообразные птицы, грифоны, львы и некоторые другие животные украшают заставки, таблицы канонов богослужебных книг (The Treasures of Mount Athos, 1974, p. 50–57, 62).

По стилистике зооморфные образы в древнерусском искусстве, безусловно, далеки от восточных полиморфов, однако и здесь можно найти некоторое соответствие, если понимать под стилем (по определению Г.А.Фёдорова-Давыдова) определенное художественное миро-созерцание, систему видения, метод построения и понимания форм (Фёдоров-Давыдов, 1976, с. 17). В древнерусском, восточном и византийском искусстве наблюдается ряд культурно-мировоззренческих параллелей: предмет или фигура изображались как символы стоящей за ними идеи, орнаментальные композиции являлись символическими аналогами картины мира. В эпоху средневековья символизм был общим способом мышления для всех слоев общества. Изображения и орнаментальные композиции воспринимались как знаки божественного бытия, структурные образы горнего мира. За материальной оболочкой предметов видели проявление бесконечной мудрости Божьей, скрытый смысл, вложенный в них Творцом. Символизм охватывал не только сферу религиозного сознания, но и сферу светских отношений. В произведениях светского характера зооморфные мотивы выражали символические представления об устройстве мира, идею благопожелания и имели охранительное, а также эмблематическое, геральдическое значение. Такое понимание зооморфных мотивов было принято вместе с византийской традицией, которая была как бы перенесена на восточнославянскую почву. Светский символизм мог быть поддержан путем переноса сравнений и метафор из литературы в изобразительное искусство. Сравнения с животными, столь популярные в средние века, касались прежде всего внутренней сущности сравниваемых объектов. Этот набор сравнений был устойчивым и традиционным, за зооморфными образами закреплялось соответствующее символическое значение (Даркевич, 1975, с. 11).

Средневековый символизм был многослойным и усложнялся по пути полисемантизма. Показательны в этом смысле высказывания философов и поэтов. Так, Псевдо-Ареопагит считал, что «Искусство есть творение «несхожих подобий» ради придания формы тому, что не имеет ее». Эту же мысль высказал иранский поэт и философ XIII в. Джалаладдин Руми: «Внешняя форма произведения творится ради незримой, а та – ради другой, более сокровенной, и так далее. Ты можешь постичь третье, четвертое или десятое соответствие, насколько позволит тебе твоя мудрость» (Лелеков, 1975, с. 57). В этом же контексте находится возникшее в византийской культуре учение о двояком и тройном значении художественного образа. Такое понимание искусства порождало символизм, абстрактность, условность образа, представление событий вне времени и пространства как вечных и неизменных; этим пониманием обуславливалась и специфика средств художественной выразительности: плоскостность, локальный цвет, статичность и симметричность композиций, подчиненных строгим рамкам канонов. Эти концептуально-символические и формально-дистрибутивные отношения определили художественный метод и облик восточного, византийского и древнерусского искусства.

Одним из самых популярных мотивов, заимствованных из восточной и византийской изобразительной традиции, был грифон и связанный с ним мотив крылатого льва. На предметах художественного ремесла, происходящих с территории Беларуси, представлено несколько

иконографических вариантов гифона, которые значительно отличаются друг от друга. В одном из них представлен идущий грифон, в других случаях его образ соприкасается с образом Сенмурва и отличается неопределенной иконографией. Для накладки из Полоцка и самшитовых гребней характерно соблюдение иконографической схемы, присущей византийской и восточной изобразительной традиции. Такая ситуация свидетельствует о достаточно многочисленных и разнообразных образцах, доступных в средневековых городах Беларуси, и о трансформации этого образа, произошедшей в результате его бытования в местной среде.

Литература

- Алпатов М.В. Всеобщая история искусства. М.; Л., 1948. Т. I.
- Археологія Беларусі: У 4 т. / Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Минск, 1998–2001. Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. 2001.
- Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М., 2001.
- Вагнер Г.К. Грифон во Владимиро-Суздальской фасадной скульптуре // Советская археология. 1962. № 3. С. 78–90.
- Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964.
- Вагнер Г.К. О судьбах скифо-сарматского «звериного» стиля в искусстве древней Руси // Скифо-сибирский «звериный» стиль: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии, Москва / Институт археологии АН СССР. М., 1972. С. 59–61.
- Вагнер Г.К. Архитектурный декор Руси X–XIII вв. // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 186–202.
- Васильев Б.Г. Один из этапов формирования тератологического орнамента на примере фресок церкви святого Георгия Старой Ладogi // Макариевские чтения. Вехи русской истории в памятниках культуры. Можайск, 1998. С. 322–326.
- Гуревич Ф.Д. Древние города Понеманья и южнорусские земли в конце X – XIII вв. // Средневековая Русь. М., 1976. С. 25–29.
- Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М., 1975.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
- Даркевич В.П. Византия и Восток // Советская археология. М., 1991. № 3. С. 69–83.
- Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: художественный металл XI–XV вв. М., 1996.
- Дук Д. Древо жизни полоцкого городища // Родина. 2007. № 10. С. 37–39.
- Загорюльский Э.М. Возникновение Минска. Минск, 1982.
- Загорюльский Э.М. Вишинский замок XII–XIII вв. Минск, 2004.
- Кашанин М. Камена открића. Студије о уметности Србије у средњем веку. Београд, 1978.
- Козак Н.Б. Образ і влада. Княжі портрети у мистецтві Київської Русі XI ст. Львів, 2007.
- Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–55. М., 1971.
- Лелеков Л.А. Искусство древней Руси в его связях с Востоком (к постановке вопроса) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 55–80.
- Макарова Т.И. Черневое дело древней Руси. М., 1986.
- Павлов В.В. Две восточные геммы // Советская археология. 1964. № 3. С. 201–217.
- Пуцко В. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII–XIII вв. // Byzantinoslavica. – LVII. – 1996. – С. 376–390.
- Ремпель Л.И. Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема // Ремпель Л.И. Искусство среднего Востока. М., 1978. С. 212–255.
- Русские древности в памятниках искусства, издаваемые гр. Толстым и Н. Кондаковым. Спб., 1897. Вып. 5: Курганные древности и клады домонгольского периода.
- Рыбаков Б.А. Прикладное искусство Киевской Руси IX–XI вв. и южнорусских княжеств в XII–XIII вв. // История русского искусства. Т. 1. 1953.
- Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж: собака-птица. Л., 1937.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
- Юрченко А.Г. Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира. СПб., 2002.

- Byzanz. Das Light aus dem Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. Bis 15 Jahrhundert. Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn. Paderborn, 2001.
- Corinth. Results of excavation conducted by the American school of classical studies at Athens. Vol. XII. The Minor Objects / by Gladys R. Davidson. Princeton, New Jersey, 1952.
- Daim F. Der Awarische Greif und die Byzantinische Antike. Überlegungen zu einem frühmittelalterlichen Motiv // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 2. Wien, 1990. С. 273–303.
- Forstner D. Świat symboliki chrześcijańskiej: Leksykon. Warszawa, 2001.
- Fuglejang S.H. A critical survey of theories on Byzantine influence in Scandinavia // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. – Copenhagen, 1996. P. 137–168.
- Kobielus S. Bestiarium chrześcijańskie: Zwierzęta w symbolice i interpretacji: Starożytność i średniowiecze. Warszawa, 2001.
- Kraków w chrześcijańskiej Europie X–XIII w. Katalog wystawy. Kraków, 2006.
- Nickel N.L. Bezugsmotive der sächsischen romanischen Bauornamentik zu den Schmuckmotiven der Vladimir-Suzdaler Architektur // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М., 1997. С. 81–92.
- Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567–822 n. Ch., München, 1988.
- Smirnova L. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry in transition / BAR International Series 1369, 2005.
- The Treasures of Mount Athos. Illuminated manuscripts. Vol. 1. The protaton and the Monasteries of Dionysiou, Koutloumousiou, Xeropotamou and Gregoriou. Athens, 1974.

Summary

One of the most popular motifs borrowed from the oriental and Byzantine figurative traditions to the art of Rus' was the griffin and the related motif of the winged lion. On the objects of artistic crafts of the 12th–14th centuries originated from the territory of Belarus there are presented several iconographic variants of the griffin, which significantly differ from each other. This situation gives evidence of rather numerous and diverse specimens, available in the medieval towns of Belarus and proves the transformation of the image as a result of its existence in the local environment. In this article the author considers the main composition schemes of the said motifs, their iconographic and stylistic peculiarities, touch upon the means of their penetration to art of Rus', as well as their semantics in the art of the Orient, the Byzantine Empire, Rus' and Western Europe.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЮРКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ VI–XI вв. В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ (ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ)

Р.Ю. Почекаев

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

В современной историографии сложился стереотип о тюркском праве как праве, преимущественно обычном, причем этот стереотип в значительной степени был перенесен и на более поздние тюрко-монгольские государства – Монгольскую империю, Золотую Орду, Казахское ханство и др. (Бутанаев, 12; Жекшеев; История, 53; Рязановский, 275 и след.). Несомненно, роль обычного права в степных государствах Евразии была весьма велика, и оно фактически составляло самостоятельную систему права, в которую государственные власти не вмешивались (см. подробнее: Почекаев, 304–305). Однако не меньшее значение имели и нормы, регулировавшие взаимоотношения между различными государственными институтами, а также между государством и обществом – а это регулирование осуществлялось в тюркских обществах на основе норм, создававшихся правителями государства.

Эта разновидность права, называемая в юридической антропологии «право государства», появлялась в различных странах и на разных этапах истории, но именно в тот период, когда на смену родоплеменному объединению приходила государственная власть, появлялись институты управления, аппарат принуждения, поведение подданных в той или иной степени регулировалось волей правителей (Ковлер, 183–184). Именно этот этап переживало древнетюркское общество в VI в., и именно с ним мы связываем возникновение «права государства» у тюрков – как права, заново создаваемого правителями, а не обычных норм, передававшихся из поколения в поколение.

Тот факт, что именно правители государств создавали право, а не опирались исключительно на волю Неба и сложившиеся стихийно древние обычаи, нашел отражение в средневековых памятниках – нарративных, эпиграфических, эпических и литературных источниках.

Одним из наиболее важных, на наш взгляд, свидетельств о существовании у тюркских народов системы права, установленного правителями, являются китайские источники. В собрании китайских сведений о кочевых народах Центральной Азии, подготовленном Иакинфом Бичуриным, содержится немало сведений о праве и конкретных законах кочевых народов, причем не только тюрков, но и их предшественников – хунну, сяньби, жоужаней и пр. Так, например, Сыма Цянь сообщает о законах хуннских шаньюев, законодательной деятельности сяньбийского вождя Таньшихая, более поздние китайские хроники сообщают о законодательстве другого сяньбийского вождя Шеигяня и жоужаньского правителя Шелуня Дэудайхана; а один из последних жоужаньских правителей Чеуну даже был «возведен на престол под наименованием Дэуло-Фуба-Дэудай-хана, что на языке Дома Вэй значит: издавший постановления, т. е. *законодатель хан*» (Бичурин, 50, 157, 175, 189, 199–200). В хронике «Тан ши» («История династии Тан») сообщается о законах Тюркского каганата, действовавших во времена кагана Мугана и о сближении тюркских законов с законодательством Китая в правление кагана Тарду (Там же, 234, 248). Та же династийная хроника «Тан ши» сообщает и о законах киргизов (Там же, 361). Не подлежит сомнению, что речь идет не о правовых обычаях, а о законодательстве, установленном именно правителями государства: в китайской правовой традиции издавна существовало разделение и даже противопоставление законов «фа» и обычаев (или ритуалов) «ли» (Кычанов, 6), поэтому терминологическая путаница в китайских источниках исключается. Как видим, китайские источники не только отмечают существование законов в древнетюркских государствах, но и соотносят их с конкретными правителями.

Древнейшие тюркские надписи, обнаруженные на р. Орхон и Енисей, сообщают о законодательной деятельности выдающихся тюркских каганов. Так, например, в надписи, сделанной по приказу тюркского правителя VII в. Йолыг-тегина, имеется сообщение: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу – Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И

воссели над людьми мои пращуры Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков...» (цит. по: Кляшторный, Султанов, 85; ср.: Мелиоранский, 64; Klyashtornyi, 13). В надписи в честь Кюль-тегина сообщается: «Восстановил наш эль мой доблестный отец. / Народу, дав закон, сам к предкам отошел» (Каменные письма, 106). Анализ тюркской эпиграфики позволил исследователям вывести своеобразную правовую идеологию, представленную в виде парадигмы «Правитель (каган) – государство (эль) – право (торе)» (Мелиоранский, 83; Klyashtornyi, 13; Golden, 37). Как видим, тюрки вполне определенно связывали возникновение права и законодательства не с изначально существовавшими обычаями, а государственной властью и лично монархами.

Весьма ценным источником, содержащим сведения о законодательстве тюркских правителей, являются литературные и эпические произведения. В отличие от вышеупомянутых надписей, они повествуют не о реальных исторических деятелях, а о неких легендарных правителях, вероятно – своего рода стереотипах или эталонах идеальных монархов. Однако и в этих сочинениях речь идет о законодательной деятельности как прерогативе государя. В «Огуз-наме», сочинении Рашид ад-Дина, составленном в начале XIV в. на основе древнетюркских преданий, сообщается: «Тогрул сказал: «Кто хочет стать падишахом, тому подобно установить добрые законы и обычаи» (Фазлаллах, 92). В «Шейбаниаде», историческом сочинении XVI в., создателем торе также назван мифический Тюрк (Березин, 19). Еще одно эпическое произведение, обработанное хивинским Абу-л-Гази в середине XVII в., «Родословное туркмен» содержит следующие пассажи: «Ануш также следовал закону (шар'ат) своего отца и деда», «[Тюрк] ввел [в обиход] кибитку (харгаһој). Некоторые обычаи, которые бытуют среди тюрков, пошли от него», «Тутек был мудрым, могущественным [и] добрым государем. Он установил многие обычаи, [бытующие] среди тюрков» (Родословная, 37, 39). Как следует из этих сообщений, законодательная роль правителей в тюркском обществе была столь значительна, что в эпосе они предстают даже творцами не только законов, но и обычаев. Эта тенденция нашла отражение и в более поздних источниках – монгольского времени. Так, например, папский посланец к монгольским правителям в середине XIII в. Бенедикт Поляк по итогам своей поездки отмечал: «Согласно некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права]...», а чуть ниже: «Кроме того, у них есть некие традиции, [созданные] Чингис-каном, которые они соблюдают» (История татар, 128). Среднеазиатский автор XV в. Муин ад-Дин Натанзи («Аноним Искандера») сообщает о «туре (торе – *Р.П.*) Бату», то есть Батыя, правителя Золотой Орды (Материалы, 128). В дидактическом политико-правовом поэтическом сочинении «Кудатгу билик», написанном в XI в. карахандским сановником Юсуфом Хас-Хаджибом, говорится: «Властители – те из них, кто с разумением, / Надежный закон даровали владеньям» (Юсуф Баласагунский, 84). Это сочинение, на наш взгляд, следует выделить особо, поскольку оно описывает ситуацию в карлукском государстве Караханидов. Это государство было не только тюркским, но и мусульманским. Однако в тюркских государствах, принявших ислам, сохранилась традиция активной правотворческой деятельности монархов, а не знатоков права (улемов, кади и пр.); эта традиция ярко проявлялась и в тюркских государствах более поздних эпох – в частности, в Золотой Орде и ее государствах-преемниках, Османской империи (см.: Почекаев, 315; Айдын, 325–328). Таким образом, автор «Кудатгу билик» не только констатирует, что законодательство являлось функцией правителя, но и концептуально обосновывает законодательные прерогативы монарха – мусульманина, но вместе с тем и тюрка, наследника прежних каганов.

Каковы были основные формы или источники права, создававшиеся в результате законодательной деятельности тюркских государей?

Первая из них – это вышеупомянутое право «торе», которое исследователи нередко также считают обычным, т.е. сложившимся стихийно. Ранее и мы придерживались подобного понимания торе (Почекаев, 304), однако более глубокий анализ источников, содержащих сведения об этом источнике права заставил нас пересмотреть свою позицию. Как вполне обоснованно отмечают современные исследователи, понятием «торе» обозначалось не только право, но и власть, порядок управления (Трепавлов, 38–39). В какой-то степени торе даже противопоставляется обычному праву отдельных племен «йосун», которое исследователи характери-

зуют как «естественное право» (Doerfer, 555; Golden, 36). Другое дело, что в монгольскую и позднесредневековую тюркскую эпоху торе из системы конкретных норм и предписаний превратилось в совокупность более абстрактных правовых принципов, установленных, как считалось, самим Небом. Оно воспринималось как система божественных установлений, соблюдение которых гарантировало сохранение и поддержание вселенского миропорядка, а нарушение влекло гнев Неба. Таким образом, в это время оно, действительно, имело больше общего с обычным правом, нежели с государственным законодательством (Скрынникова, 47; Хамфри, Хурэлбатор, 465 и след.). Однако нас в рамках настоящего исследования интересует не последующая эволюция, а истоки торе.

И в самом деле, в эпоху тюркских каганатов термин «торе» имел куда более конкретное наполнение. Анализ тюркских исторических памятников позволяет сделать вывод, что торе представляло собой систему законов, т.е. результат правотворческой деятельности верховных правителей, причем по вполне определенным вопросам – система центра и крыльев, иерархия военных и государственных должностей и порядок их замещения, соправительство, регулирование военной деятельности и пр. (Трепавлов, 40–41). Превращение же этих конкретных законов в совокупность довольно абстрактных правовых принципов – типичное явление для средневековых кочевых обществ. Так, например, законы и установления Чингис-хана уже в эпоху правления его внуков воспринимались подданными монгольских ханов и иностранными современниками как «обычное право монголов». По-видимому, то же самое произошло и с торе: в качестве божественных установлений оно фигурирует уже в Киргизском каганате X в. (Бутинаев, 12).

Другая разновидность тюркских источников права уже гораздо четче соотносится с законодательной деятельностью конкретных правителей. Речь идет о ярлыках – указах верховных правителей по отдельным вопросам, касающимся государственной власти и интересов государства. Первые упоминания о ярлыках как особой разновидности правовых документов относятся к эпохе Уйгурского каганата; до нас дошли тексты ярлыков, изданных уйгурскими же правителями, но уже более позднего времени – IX–XI вв., когда каганат распался, и ему на смену пришел конгломерат небольших самостоятельных уйгурских княжеств, просуществовавших до XIV в. (Тихонов 1965; Тугушева). В дальнейшем институт ярлыков широко использовался во многих тюркских и монгольских государствах и действовал вплоть до XIX в. (Почекаев, 310–312). В отличие от торе (законов, установленных для постоянного исполнения и не подлежащих изменениям) каждый ярлык действовал в течение правления государя, который его издал. После смерти монарха его преемник мог отменить ярлык, а мог и подтвердить его – в последнем случае он издавал собственный ярлык, содержание которого было практически идентичным подтверждаемому ярлыку. По-видимому, именно этот порядок действия ярлыков и обеспечил их соотнесение с правотворческой деятельностью конкретных государей – в отличие от незыблемых норм торе, изначально созданных и в дальнейшем лишь поддерживаемых правителями.

Как уже было отмечено, законы (торе) и указы (ярлыки) правителей тюркских государств XI–XII вв. регулировали взаимоотношения различных властных структур между собой, а также власти и общества. Однако более предметный анализ источников позволяет выделить и некоторые конкретные направления правового регулирования с помощью этих источников права.

Прежде всего, с помощью норм права, созданных государями, регламентировались основы государственного устройства, правомочия верховного правителя, структура и функции государственного аппарата. Так, на основе изучения тюркских эпиграфических и эпических памятников исследователи полагают, что торе регулировало следующие вопросы государственного устройства: 1) система крыльев; 2) основные принципы выдвижения на руководящие административные и военные должности (включая монархов); 3) соправительство («старшие» и «младшие» / «малые» ханы); 4) завоевательная деятельность; 5) распределение доходов и трофеев (Трепавлов, 41). На основании ярлыков назначались правители областей, судьи, чиновники для выполнения отдельных поручений правителя, жаловались уделы (инджу) за службу хану и пр. (см.: Тихонов 1958, 57, 64; Тихонов 1960, 28).

Другое важное направление – уголовное право, т. е. система наказаний за преступления (подчеркнем: речь идет о преступлениях против государственных интересов или членов правящего рода – преступления в бытовой сфере карались на основе обычного права). Средневековые китайские историки, говоря о законах тюркских народов, чаще всего упоминают именно об уголовно-правовых нормах. Так, например, законы хунну представлены следующим образом: «Законы их: извлечшему острое оружие и фут – смерть; за похищение конфискуется семейство, за легкие преступления надрезывается лицо, а за важные – смерть» (Бичурин, 50). О правлении сяньбийского Шеигяня также сообщается, что он «издал уголовные законы о бунтовщиках, убийцах и грабителях» (Там же, 75). Киргизские законы представлены китайскими авторами также в виде характеристики наказаний за проступки и преступления: «Законы их очень строги. Произведший замешательство пред сражением, невыполнивший посольской должности, подавший неблагоразумный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее» (Там же, 361).

Еще одной важной сферой было налоговое регулирование: нам известно о существовании разработанной налоговой системы в государствах тюрков, уйгуров, кимаков. И если основы налогообложения оговаривались, вероятно, в нормах торе (Трепавлов, 41), то конкретные налоги устанавливались и отменялись посредством издания соответствующих ярлыков. Так, например, согласно китайским источникам, тюркский Эль-каган усилил обложение народа податями и сборами, однако лишь когда они стали невыносимо тяжелыми, племена стали выходить из подчинения кагану (Кляшторный, Султанов, 96–97; Кляшторный, Савинов, 91–92). Таким образом, сам факт налогообложения своих подданных представлял собой следование установившейся законодательной практике, и лишь чрезмерное увеличение налогов было сочтено незаконным и вызвало недовольство. В уйгурском каганате и последующих уйгурских княжествах с помощью ярлыков правителей вводились налоги, и их отмена производилась также на основании ярлыков: до нашего времени сохранилась челобитная подданных своему правителю, в которой они просят его издать ярлык о снятии с них албана (подати), который является для них чрезмерно разорительным (Тихонов 1960, 29). К числу нормативных документов, издававшихся властями, вероятно, следует отнести и дошедшие до нас документы о раскладке сборов и повинностей с местного населения. Эти документы содержали информацию об имущественном состоянии налогоплательщиков, причем в строго определенной последовательности: так, если лицо, очередь которого нести повинность наступала, не мог по какой-то причине ее осуществить, повинность возлагалась на следующего по этой «раскладке» (Тихонов 1958, 72–73). Имеются сведения и о развитой налоговой системе в государстве кимаков (Кумеков 1972, 118). Соответственно, можно сделать вывод о законодательской деятельности в этой сфере их правителей.

С налоговой системой тесно связан и институт податного иммунитета – отдельные лица или категории лиц могли на основании ярлыков быть освобождены от уплаты налогов, сборов и несения повинностей. Например, известен ярлык уйгурского правителя XI в. Элик Кадыра, предоставляющий такой налоговый иммунитет Мурутлукскому монастырю (Тихонов 1965, 254). В дальнейшем, как известно, институт тарханства широко применялся в тюркомонгольских государствах, причем жаловалось оно именно на основании ярлыков, структура и правила оформления которых сохранились еще с уйгурских времен (Тугушева, 246). Это в значительной степени опровергает распространенное мнение о монгольских ярлыках как заимствовании исключительно из китайского правового опыта.

Ряд ярлыков уйгурских монархов X–XI вв. регулирует и еще более специфические правоотношения, которые довольно сложно отнести к какой-то определенной сфере. Так, например, один такой ярлык представляет собой ответ-распоряжение некоему просителю относительно двух пленников-согдийцев. Другой содержит приказ об усилении охраны дорог от разбойников. Третий представляет собой запрет «правителя страны» Бильге-бека племенному вождю Арслану Таг Тутуку беспокоить население окрестностей города Ханогри (Тугушева, 244, 248–249). Еще один ярлык представляет собой проезжую грамоту с перечислением правомочий ханского чиновника и тех продуктов, которые ему полагалось требовать на пути следования

(Тихонов 1958, 73; ср.: Григорьев, 107–108). Посвященные таким, в общем-то, разным вопросам, все эти ярлыки, тем не менее, относятся к административной сфере и позволяют сделать вывод о том, какими же повседневными вопросами должен был заниматься тюркский правитель рассматриваемого периода, по каким из них выносить свои официальные распоряжения.

До нашего времени сохранилось довольно значительное число тюркских (преимущественно уйгурских) деловых документов – договоры займа и аренды, акты об усыновлении, освобождении рабов и т. п. (Арсал, 83). Все эти документы, безусловно, относятся к частноправовой сфере, поскольку касаются интересов отдельных лиц, а не государства и общества в целом. Однако сам факт их формализации (письменная форма, наличие необходимых реквизитов и пр.) убеждает в том, что и эта сфера регулировалась органами государственной власти (см.: Тихонов 1965, 241–254; Арсал, 84). Единообразии оформления упомянутых документов дает основание полагать, что их форма также могла быть установлена с помощью издания соответствующих ярлыков. Установление типовых форм официальных документов имело место и в более поздний период – например, Рашид ад-Дин приводит образцы таких документов и текст утверждающих их ханских ярлыков, когда сообщает о правовых реформах ильхана Газана (Рашид ад-Дин, 238–243).

Формализация частноправовых отношений в средневековых тюркских обществах, осуществлявшаяся с помощью введения форм типовых документов для их закрепления, имела два положительных последствия для государства. Во-первых, это позволяло государству получить контроль над переходом прав собственности в отношении любого имущества (вещей, земли, рабов и т. п.), что обеспечивало более эффективную налоговую политику. Во-вторых, привлечение к совершению частных сделок представителей власти, оформляющих соответствующие документы, давало государству еще один источник дохода: на Востоке любые действия государственных чиновников традиционно вознаграждались, и, таким образом, совершение частной сделки с оформлением соответствующего документа влекло уплату чиновникам определенных сумм (что можно приравнять к современным пошлинам и сборам за оформление официальных актов).

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов, касающихся истории государства и права средневековых кочевых обществ, является заимствование ими иностранных государственных институтов и правовых систем. До недавнего времени большинство исследователей склонялось к тому, что принципы государственного устройства и нормы права были заимствованы тюрками от своих иностранных соседей. Дискуссия велась преимущественно в отношении источников заимствования – была ли это китайская система права, согдийские (манихейские) правовые традиции или же право мусульманских государств. Однако, согласно результатам новейших исследований, развитие тюркского государства и права шло не вслед за развитием их оседлых соседей, а параллельно с ним. Таким образом, тюрки реагировали на «вызовы» Китая и мира ислама, предлагая в качестве «ответа» собственную систему государства и права – равноценную, но не идентичную китайской или мусульманской (Барфилд, 43 и след.). Безусловно, заимствования иностранного государственного и правового опыта могли иметь и, конечно же, имели место: известно, что на службе у правителей кочевых государств еще со времен хунну и сяньби состояли китайские чиновники, а в более поздних тюркских государствах канцелярские функции нередко выполняли выходцы из мусульманских государств. Однако считать право тюркских государств подражанием праву Китая или оседлых мусульманских государств было бы ошибкой: слишком велики были различия в мировоззрении, культуре, укладе жизни тюрков-кочевников и их оседлых соседей. Эти отличия кочевых обществ обусловили существование особой системы тюркского кочевого права, регулировавшей такие сферы общественных отношений, которые в оседлых обществах просто-напросто отсутствовали.

Вышесказанное позволяет по-новому оценить и эволюцию права более поздних тюрко-монгольских государств со смешанным (оседло-кочевым) укладом. Так, до сих пор считалось, что право Монгольской империи, Золотой Орды и их преемников состояло из правовых обычаев и писаных норм, позаимствованных из китайской или мусульманской правовой практики. Анализ источников позволяет сделать вывод, что если форма (т. е. оформление и реквизиты) правовых актов в государствах Чингизидов и была позаимствована из опыта

оседлых государств, то содержание в большей мере свидетельствует о преемственности от правовых традиций древних тюркских государств VI–XI вв., отражая характерные для них политические реалии и социальные ценности.

Считаем также целесообразным отметить, что правители тюрко-монгольских государств более поздних эпох учитывали не только положительный, но и отрицательный опыт своих предшественников-тюрков. Так, например, в Тюркском каганате значительное распространение получила система соправительства, предусмотренная нормами торе: одновременно с верховным каганом могли править и «малые» каганы, каждый из которых в своих владениях был фактически независим от верховного правителя (Барфилд, 214). Надо полагать, эта независимость проявлялась и в том, что они могли проводить законодательную политику, идущую вразрез с политикой центральной власти. Правители Монгольской империи и государств Чингизидов учли порочность этой практики: ясы имели право издавать только верховные монгольские правители (хаганы), а ярлыки – только монархи независимых государств Чингизидов; удельные правители имели право издавать в рамках своих полномочий только подзаконные акты, которые не должны были противоречить воле верховного правителя (Григорьев, 25–30, 44–45, 61–63).

В заключение вновь вернемся к проблеме, с которой мы начали исследование – вопросу о том, было ли право древних тюрков преимущественно обычным, каковым его считают исследователи. Как мы убедились, нормы, созданные правителями, составляли весьма значительную (если не сказать – доминирующую) часть древнетюркского права. Получается, что исследователи ошибаются? И да, и нет. Просто, оперируя современными юридическими категориями или же проводя сравнение с оседлыми народами, они не вполне учитывают специфику законотворческой деятельности тюркских правителей. Так, например, для Европы или Китая основными источниками права традиционно являлись кодексы – своды законов и правовая доктрина (юридические сочинения авторов, имевших авторитет в обществе и государстве); отдельные акты обычно принимались по частным вопросам, требовавшим немедленных решений правового характера. В большинстве государств тюрков VI–XI вв. законодательные кодексы, не было и доктринальных источников (за исключением, вероятно, священных текстов и мифологии). Учитывая специфику кочевых государств, только личные распоряжения сильного лидера могли эффективно действовать на всей территории, где проживали подвластные ему кочевники.

В связи с этим вспоминается «теория общественного договора» Ж.-Ж. Руссо, которую впоследствии неоднократно критиковали: мол, не могли собраться все жители государства в одном месте и совместно принять основополагающие правовые нормы (см. подробнее: Ковлер, 182–183). Однако, практически этот механизм действовал в тюркских государствах – правда, в «центрально-азиатском варианте»: монарх созывал своих подданных (или их наиболее авторитетных представителей) на курултай и объявлял им свою волю. Именно так, как мы помним, была впервые провозглашена Великая Яса Чингис-хана. Несомненно, так же действовали и предшественники основателя Монгольской империи, вводя в действие свои законы.

Однажды принятые основателями государства законы впоследствии, надо полагать, не подвергались значительным изменениям – именно поэтому древнетюркские памятники говорят, что правители в большинстве своем «поддерживали и укрепляли» право-торе, а не создавали его (Юсуф Баласагунский, 177; Каменные письма, 105; Бутанаев, 13). Кроме того, отсутствие традиции письменной фиксации правовых норм влекло их устную передачу из поколения в поколение. А устное право в классической юридической теории, как правило, характеризуется довольно уничижительно, поскольку европейские юристы еще с эпохи Древнего Рима привыкли иметь дело с письменными и зачастую кодифицированными источниками (Рулан, 69–71). По-видимому, именно эти факторы и стали причиной того, что эти нормы впоследствии воспринимались как обычные, т. е. сложившиеся стихийно и действовавшие из поколения в поколение. Однако, как представляется, в рамках настоящего исследования нам удалось показать, что право древнетюркских государств не являлось обычным в традиционном понимании этого термина, поскольку создавалось властями, охранялось и защищалось ими.

Литература

- Айдын М.А. Право в Османском государстве // История Османского государства, общества и цивилизации. М., 2006. С. 323–370.
- Арсал С.М. Тюркская история и право. Казань, 2002.
- Березин И.Н. Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. Алматы, 1998.
- Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.
- Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
- Жекшеев А.С. Кыргызская государственность через призму естественного права // Электронное издание «Диалог цивилизаций»: http://siteistok.host.net.kg/bibl/DC-2/111_djeksheev.htm.
- История отечественного государства и права. Часть 1 / Под ред. О.И. Чистякова. М., 2003.
- «История Татар» Ц. де Бридиа / Пер. С.В. Аксенова, А.Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб., 2002. С. 75–126.
- Каменные письма. Древнетюркская поэзия VI–XII вв. / Сост. А. Преловский М., 2005.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
- Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 1. М., 1973.
- Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XII. СПб., 1899. С. 1–144.
- Почакаев Р.Ю. Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 301–322.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. А.А. Ромаскевич, Е.Э. Бертельс, А.Ю. Якубовский. М.; Л., 1946.
- Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского / Пер. А.Н. Кононова. М., 1958.
- Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1998.
- Рязановский В.А. Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.
- Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Тихонов Д. Зависимые инджу // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8). Алма-Ата, 1960. С. 26–31.
- Тихонов Д. Налоги и налоговые термины в уйгурском государстве // Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М., 1958. С. 52–77.
- Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966.
- Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993.
- Тугушева Л.Ю. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 244–260.
- Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку, 1987.
- Хамфри К., Хурэлбатор А. Значение термина *tögü* в монгольской истории // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 464–482.
- Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Подг. изд. С.Н. Иванова. М., 1983.
- Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Band I. Wiesbaden, 1963.
- Golden P. The Turk Imperial Tradition in the Pre-Chinggisid Era // Imperial statecraft: Political forms and techniques of governance in Inner Asia, sixth-twentieth centuries / Ed. by D. Sneath, L. Peachey. Cambridge, 2006. P. 23–62.
- Klyashtornyi S.G. Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia: The Legal Documents and Practical Regulation // Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke. Topeka, Kansas, 2004. P. 13–39.

ГЕНЕЗИС ЛЕСНЫХ И ТАЕЖНЫХ КУЛЬТУР ЮГА СИБИРИ: ЭКОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

А.Г. Селезнев

Филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск

В ряде работ (Селезнев, 2003; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006; и др.) нами была предпринята попытка обосновать выделение особого культурного комплекса сформировавшегося в таежной зоне южной части Сибири в глубокой древности и просуществовавшего вплоть до этнографической современности. Суть выдвинутой идеи состоит в том, что группы, населявшие в древности и в относительно недалеком прошлом лесостепной, горнотаежный и южнотаежный пояса Сибири, несмотря на различие в происхождении и языковой принадлежности, обладали определенным культурно-историческим единством. При этом общие элементы их культуры неразрывно взаимосвязаны друг с другом и образуют цельный комплекс, устойчиво повторяющийся во времени и пространстве.

В I тыс. н.э. группы, составлявшие данный культурный ареал входили в обширную динлин-телескую племенную конфедерацию. В этот период в составе конфедерации выделяется группа охотничье-скотоводческих племен (бома, дубо, байегу, гулигань), весьма отличных по своим культурно-бытовым особенностям от типичных скотоводов-кочевников. Выражение «лесные народы» («агач эри», «урман кат», «нойин урянха»), условно принятое нами в качестве наименования всего культурного комплекса (ареала), впервые появляется в источниках монгольского времени (в источниках XIII–XVII вв.).

Комплексный анализ письменных источников в корреляции с археологическими и этнографическими материалами, позволил в общих чертах реконструировать основные признаки лесного южносибирского комплекса. Его экономическую основу составляли присваивающие формы хозяйства: охота на мясного и пушного зверя; собирательство, в том числе специализирующееся на сборе лекарственных трав; рыболовство. Эти виды хозяйства оригинально сочетались с коневодством, призванным обеспечивать транспортные и пищевые потребности охотничьего хозяйства. Почти повсеместно среди «лесных» племен и народов развивалось земледелие, преимущественно мотыжное, но иногда (например у бома-алатов) и пашенное. На основе коневодства лесного типа, вероятно, происходило формирование саянского вьючно-верхового оленеводства, что знаменовало появление важнейшего центра домостроения оленя. В этой связи показательно, что в обобщающей систематизации типов скотоводства, А.М. Хазанов подчеркивает неочевидный характер культуры саянских оленеводов. Автор видит неожиданную типологическую аналогию такой модели в культуре индейцев Великих Равнин Северной Америки, которых он решительно отказывается считать скотоводами, а освоенное ими верховое коневодство рассматривает лишь в качестве транспортного средства для оптимизации охотничьего хозяйства (Хазанов, 2002: 22–25, 117–118).

Существенное место в данном комплексе занимают металлургия и металлообработка, на ранней стадии – бронзолитейное, затем железодельное производство. В определенной степени экономика лесных племен средневековья составила основу мощи и процветания центральноазиатских государственных объединений.

Таким образом важнейшая тенденция культурогенеза на юге Сибири заключается в том что лесные и таежные охотничье-собирательские и охотничье-скотоводческие группы Саяно-Алтая, несмотря на внутренние различия, *совокупно* все же противостоят специализированному степному скотоводческо-кочевническому комплексу. Иными словами, различия между охотничье-собирательскими и охотничье-скотоводческими группами *качественно меньше*, чем различия между этими группами вместе с одной стороны, и кочевниками-степняками – с другой. Это позволяет рассматривать лесные и таежные культуры Саяно-Алтая в качестве единого комплекса, которому практически по всем параметрам противостоит комплекс культуры типичных скотоводов-кочевников. Если же к горно-таежному комплексу присоединить, как это сделала Э.Л. Львова (Тюрки таежного Причумылья..., 1991: 96–105), равнинный та-

ежный комплекс, то проблема формирования и развития лесных и таежных культур юга Сибири приобретает совершенно особое значение.

Эта тенденция уже неоднократно была отмечена специалистами, акцентировавшими внимание на комплексный характер культуры «лесных народов». В свое время Н.М. Ядринцев посвятил культуре горных лесных народов Саяно-Алтая специальную главу в книге «Сибирские инородцы». Исследователь подчеркивал, что культура лесных групп Саяно-Алтая отнюдь не примитивна, а, напротив, «...слишком своеобразна, чтобы пока подводить ее под тип скотоводов, звероловов или охотников ... Мы видим среди этих кочевников занятия одновременно как скотоводством, так и охотой, рыболовством и земледелием, мало того у них есть уже зачатки ремесел» (Ядринцев, 1891: 112).

Теоретик номадизма Г.Е. Марков, исходя из тезиса о том, что основу существования кочевников всегда составляло экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок, подчеркивал комплексный характер культуры части племен теле в VI–X вв., основанный на полупоседлом (т.е. оседлом) охотничье-скотоводческом хозяйстве. Аналогично оценивается им и бытовой уклад «лесных» народов монгольской эпохи (Марков, 1976: 9, 42–43, 53). Кратко, но очень содержательно характеризует бытовой уклад средневековых «лесных» народов Г.Н. Румянцев: «... «Лесные» племена занимались охотой и рыболовством. Они знали лошадь, которая служила им на охоте. Жилище ... лесных звероловов – шалаши» (Румянцев, 1962: 52–54).

Такая постановка вопроса получила отражение в новейшем исследовании Д.Г. Савинова, посвященном экологическим и культурным аспектам развития раннесредневековых культур Центральной Азии и Южной Сибири. Автор в частности отмечает: «Безусловной заслугой А.Г. Селезнева является то, что он обратил особое, в ряде случаев детерминирующее внимание на развитое коневодство и железоделательное производство, как наиболее показательные признаки реконструируемой им хозяйственно-культурной общности «лесных народов» Южной и Западной Сибири» (Савинов, Длужневская, 2008: 48).

Ранние письменные источники в значительной степени отразили характер культуры лесных народов. Своеобразным эталоном «лесной» культуры южносибирского средневековья является комплекс бома-алатов. В китайских источниках сообщается, что бома («пегие кони» – китайская калька тюркского выражения ала-ат «пегий конь») были расселены на север от туцзюэ (древних тюрков). Часть из них расселялась в горах, покрытых хвойным лесом. Алаты описываются как охотники и рыболовы: они «любят рыбную ловлю, промысляют рыбу, оленя, выдру, соболя... Мясо идет в пищу, а их шкура на одежду». В то же время отмечено, что у алатов развито пашенное земледелие и коневодство, причем на лошадях «верхом не ездили ..., а пользовались молоком». Специально обращается внимание на использование алатами берестяной и керамической посуды. Выразительно описано жилище алатов: «... складывают деревья на манер колодезного сруба, делают берестяную крышу и используют под жилье». Отметив у бома большое количество лошадей пестрой масти, источники подчеркивают, что они не разводили ни быков, ни баранов, ни другого домашнего скота (см.: Аристов, 2001: 150–151; Бичурин, 1950: 350; Гумилев, 1959: 20; Зуев, 1962: 105; Илюшин, 2005: 115–117; Кюннер, 1961: 52–54; Савинов, Длужневская, 2008: 124–129; Ушницкий, 2009: 23–29). Дополнительные сведения содержатся в арабо-персидской историографии монгольской эпохи. В источниках этого времени алаты выступают под именем ала, а страна их обитания носит название Алакчин (Зуев, 1962: 103–122). В источниках упоминается о том, что все кони алатов «пегие», а все инструменты и посуда из серебра (Рашид-ад-Дин, 1952: 102; Абуль-Гази, 1914: 40).

Сохранились довольно подробные сведения о дубо – одном из племен конфедерации теле, территорией расселения которого, вероятно, были Восточные Саяны (Вайнштейн, 1974, 1980). Согласно хронике династии Тан, дубо не имели ни земледелия, ни скотоводства, потребляли сарану (приготовив из нее кашу), занимались охотой и рыболовством. Одежду изготавливали из собольего и оленьего меха и из птичьих шкур. Основным средством передвижения были лыжи, отсюда название аймака, в который входили дубо – «лыжные тугю». На похоронах дубо устраивали плач, а затем, положив покойного в гроб, выставляли его в горах либо подвешивали на деревьях. Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что дубо, ведя присваивающие виды хозяйства, на свадьбах дарили друг другу лошадей. Прекрасными

коневодами рисуются по летописям и другие группы «лыжных тугю» (Бичурин, 1950: 348, 354; Савинов, Длужневская, 2008: 119–122).

Вероятные потомки дубо – «лесные урянкаты» монгольской эпохи изображаются в летописях как типичные горно-таежные охотники. Основным транспортным средством для них служили лыжи «чанэ», которыми они пользовались великолепно. Кроме того, лесные урянкаты использовали временные нарты из связанных между собою лыж для транспортировки охотничьей поклажи. Жили «лесные урянкаты» в шалашах из коры и ветвей (чумах), употребляли березовый сок (Рашид-ад-Дин, 1952: 123–124).

Лесной комплекс, сочетающий в себе коневодство и развитую металлургию, четко выделяется в культуре курыкан (гулигань). На основании анализа разнообразных источников, хозяйственно-культурный тип курыкан Д.Г. Савиновым определяется как равнинный скотоводческо-охотничье-земледельческий с преобладанием специализированного коневодства (Дашибалов, 1995: 137–171; 2005: 58–85; Савинов, Длужневская, 2008: 113–117).

В Забайкалье черты лесной коневодческой культуры явственно просматриваются в облике средневековых байегу (байырку). Согласно китайским источникам, последние были превосходными коневодами и металлургами, однако «страстно любили звериную ловлю; землешествием мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями» (Бичурин, 1950: 343–344). По Д.Г. Савинову, «...хозяйственно-культурный тип байегу (байырку) можно определить как горный охотничье-скотоводческий с преобладанием коневодства. И опять «рядом» упоминается «превосходное железо»! В этом отношении сведения о байегу перекликаются с курыканами» (Савинов, Длужневская, 2008: 117–119).

Уже давно отмечено, что лесной компонент ярко представлен в культуре части раннемонгольских племен (Кызласов, 1975: 170–177; 1992: 147–162; Кычанов, 1980: 136–148). Как известно из источников династии Тан (618–908 гг.), монголоязычные шивэй были оседлыми лесными охотниками и рыболовами, содержали придомно свиней и лошадей, жили в плетеных домах, крытых шкурами. Одежду шили из шкур и кож. Аналогично и ранние монголы, расселенные в горно-таежной зоне на склонах Хингана, занимались преимущественно охотой, рыболовством и, в небольших размерах, коневодством. Из домашних животных разводились лишь собаки, лошади и свиньи.

В этой ситуации часть монгольских племен начинает длительную миграцию – в поисках новой родины. События эти датируются X–XII вв. Причину миграции объясняют поражением в войне с киданями. Дальнейшие события известны из записанных позднее исторических преданий монголов. На Аргуни (Эргуне-Кунь) они сделали большую остановку, благоприятные склоны Хингана позволили им размножиться, здесь же они освоили новое ремесло, свойственное всем лесным народам. В возвышенно-поэтической форме в преданиях рисуется как монголы нашли месторождение железной руды, соорудили гигантский горн, а затем семьюдесятью мехами стали раздувать огонь под дровами и углем до тех пор пока горный склон не расплавился. В результате было добыто безмерное количество железа и открылся проход на простор степи (Рашид-ад-Дин, 1952: 154). Таким образом культура ранних монголов по основным своим компонентам была тождественна культурному комплексу средневековых «лесных» народов. Недавно Б.Б. Дашибалов (2005) обобщил эти проблемы в специальной работе, привлекая обширный и разноплановый историко-культурный материал.

Столь широкое и устойчивое распространение культур коневодов и металлургов при общей ориентации, или, во всяком случае, сохранении существенного компонента присваивающей экономики, неизбежно порождает вопрос об истоках и происхождении данного комплекса. Этот вопрос, по всей видимости, связан с экологическими аспектами развития «лесных» культур.

Оригинальное сочетание охотничье-коневоодческой модели хозяйства могло сформироваться под воздействием необходимости расширения опромышляемых охотничьих угодий. Как показали специальные исследования (см., например, Косарев, 1984: 49–53, сл.), пеший охотничий промысел, господствовавший в зоне сибирских лесов в неолите, к началу эпохи бронзы перестал удовлетворять потребности растущего населения, что вызвало необходимость поиска оптимального для охотничьего хозяйства транспортного средства. Такое сред-

ство было найдено. В лесостепных и подтаежных регионах юга Сибири для целей охотничьего промысла незаменимой оказалась лошадь. Относительное редколесье, невысокий снежный покров и способность к тебеневке создавали оптимальные возможности для использования лошади на промысле.

В этот же период, и также, видимо, как реакция на упомянутый кризис архаического охотничьего хозяйства, осложненный, вероятно, еще и крупными климатическими изменениями, происходит становление скотоводческой модели культуры в Центральной Азии (см., например, Хазанов, 2002: 181–188). Этот процесс в конечном итоге завершился формированием кочевническо-скотоводческого комплекса, классического Центрально-Азиатского нумадизма. Таким образом процессы формирования и развития скотоводческо-кочевнического и лесного культурных комплексов порождены, во многом, одними и теми же причинами шли параллельно, были взаимосвязаны и влияли друг на друга.

Начало этих грандиозных изменений относится видимо к эпохе бронзы и ярчайшим и зримым символом этих процессов является одна из самых замечательных археологических находок – фигурка бронзового «конного лыжника», венчающая рукоятку ножа из могильника Ростовка (2 тыс. до н.э.). Напомним, что нож был обнаружен в могиле № 2, где был захоронен ребенок 9–10 лет. Кроме того в могиле находились ножевидная пластина, каменный скребок, сложный браслет, состоящий из нефритовых бус бело-молочного и светло-зеленого цвета, одной бусы из лазурита, а также из медных пластинок, свернутых в трубку, и из зубов марала. Здесь же находились медная фигурка птицы, кусок горного хрусталя, граненого на шесть граней и другие вещи. Нож был найден в восточной половине могилы под черепом захороненного ребенка.

Скульптурная группа навершия рукояти представлена фигурой лошади и лыжника с недоуздом в руках. Поза лошади статична, ноги изображены схематично, ни передняя, ни задняя пары не разделены при литье. Справа на морде виден недоуздок. Фигура лыжника, напротив, выполнена в динамике, кажется, он мчится на большой скорости. У него согнуты в коленях широко расставленные ноги, руки вытянуты вперед, в правой зажат недоуздок. Реалистично выполнены короткие, не больше половины человеческого роста лыжи с загнутыми носками (Матюшенко, 1970: 103–105; Матюшенко, Сеницына, 1988: 8, 78–79).

Подобная находка не могла не вызвать значительный интерес. Помимо безоговорочной констатации высокого уровня технологии и художественного уровня изделия, исследователи предпринимали неоднократные попытки разгадать заложенный в сюжете смысл.

Совершенно оригинальная точка зрения на этот сюжет была предложена П.Ф. Кузнецовым (2002: 82–84). Исследователь полагает, что скульптура изображает не буксировку лыжника лошадью, а сцену охоты, в ходе которой человек набрасывает на лошадь петлю. Инструмент, обычно интерпретируемый как недоуздок, может быть особым приспособлением для набрасывания на шею животного. Предполагается, что это не одомашненная, а дикая лошадь, возможно ее конкретный представитель – лесной тарпан. Основания для сомнений в привычной версии заключаются в манере изображения, диссонансе напряженной динамичной позы человека, передающей резкое усилие, и статичной позы лошади. Именно так, по мысли автора, должен выглядеть кульминационный момент охоты на дикую лошадь. Дополнительным аргументом является неудобство и опасность такого способа передвижения. Автору, по его признанию, не известны реальные аналогии ростовкинского сюжета, в каком бы качестве его не рассматривать – сцены спортивного состязания, мифологического сюжета или эпизода военных маневров.

Основной довод против изложенной точки зрения состоит в том, что на изображении все-таки не видно, что лыжник использует какое-либо орудие, напоминающее аркан или ласко. Странно, что автору остались неизвестны факты конной буксировки лыжника в реальной культурной практике. Помимо прочего, можно указать на весьма модный и распространенный зимний вид спорта – скиджоринг, суть которого состоит в том, что спортсмен-лыжник буксируется лошадью, собакой (собаками) или механическим транспортным средством. В разных странах Европы и США созданы и действуют ассоциации конного скиджоринга

(Skijoring With Horses). Наконец, этот вид спорта в качестве показательной дисциплины был представлен на Зимних Олимпийских играх 1928 г. в швейцарском Санкт-Морице.

Представляет значительный интерес интерпретация ростовкинского сюжета, изложенная в великолепном эссе А.В. Головнева (1998, 2009: 165–166). Опираясь на сравнительный археологический и этнографический материал, он видит в композиции акт первоприручения дикого животного, вернее иллюстрацию мифа об этом первоприручении. Ростовкинское изображение – краткий по историческим меркам эпизод, мимолетная зарисовка напряженного процесса поиска оптимального средства освоения пространства в степях и лесостепях Евразии, процесса, в конечном итоге, завершившегося формированием всадничества и культа коня. Навершие рисует вариант древнего ритуала игры со зверем, знаменующий важнейший переход к приручению животного. «... За кратким веком удалого лыжника пришла долгая эпоха воина-кочевника. <...> Обряд-зрелище – так можно представить себе игру-соревнование лыжника с лошастью в середине бронзового века. Кратковременная традиция, оставившая легкий след в лесостепной археологии, вскоре была прочно замещена культом всадника; а иначе нам, наверное, пришлось бы стать свидетелями захватывающих гонок конных лыжников в Омском Прииртышье (такие гонки действительно можно наблюдать – в швейцарских Альпах или в Колорадо – А.С.)» (Головнев, 1998: 53). Подтверждает эту точку зрения и то, что нож был помещен в могилу подростка, именно на этот переходный возраст была направлена информация, содержащаяся в композиции.

Высказывалась мысль о южных аналогиях изображению из Ростовки, прежде всего со скульптурами на булавке из Тепе Гиссара со сценой пахоты и из Хакского клада в Фергане со сценой доения коровы. При этом акцент делался на то, что во всех случаях изображались не просто животные, а животные вместе с людьми, а также, что в этих сценах содержится информация о скотоводческом быте (Членова, 1972: 139).

Наконец, существует мнение, что ростовкинское навершие следует рассматривать как скульптуру с неразгаданным пока потаенным смыслом (Бочкарев, 2002: 58). И все же большинство специалистов отмечают, что композиция отражает некую культурно-хозяйственную реальность, специфический способ использования лошади как тягловой силы (Авилова, 2006; Кирюшин, 2002: 101; Косарев, 1984: 110, прим. 134; Мошинская, 1979: 38–39; Черных, Кузьминых, 1989: 120–121, 273).

Версию культурно-хозяйственного феномена, прямо отраженного в композиции ростовкинской скульптуры, наиболее развернуто аргументирует П.М. Кожин. Он констатирует распространение в эпоху бронзы, в том числе и в сейминско-турбинской среде, различных видов боевых колесниц и, в то же время, вопреки распространенному мнению (Черных, Кузьминых, 1989: 270, 271 сл.), отсутствие каких-либо реальных данных о всадничестве в степной полосе до начала железного века. На этом культурно-историческом фоне ростовкинскому лыжнику уделяется исключительно важное место. Автор усматривает в композиции еще одну (кроме боевых колесниц) альтернативную возможность древнейшего применения коня. Лошадь не только запрягали в колесницу, но и использовали для буксировки лыжника. Держась за постромки, лыжник передвигался как бы на буксире, за быстро движущейся лошастью. Прямую аналогию позе ростовкинского лыжника П.М. Кожин видит в знаменитой фигурке из Галичского клада. Вопреки устоявшейся трактовке данного артефакта как танцующего идола или шамана во время камлания, он утверждает, что это изображение лыжника, мчащегося на постромке, а поза изображенного человека (руки, сложенные на поясе, напряженные и резко подчеркнутые мышцы голеней присогнутых ног) подобна позе саамов, едущих за оленем или спортсменов на водных лыжах. Хотя автор был вынужден отметить, что для подобной практики у лошади должны быть подковы или аналогичные приспособления при движении по льду или твердому насту, саму возможность подобного использования лошади он считает вполне реальной, ссылаясь на культурный опыт Северной Америки, где волокуша предшествовала верховой езде (Кожин, 1993: 35–36; 2007: 246–248). Самое главное в позиции П.М. Кожина – то, что он последовательно встраивает артефакт в общеисторический контекст. Для него нож из Ростовки – важнейший элемент яркого и самобытного сейминско-турбинского транскультурного феномена.

Речь идет об относительно недолгой, но чрезвычайно яркой и насыщенной истории распространения археологических памятников со схожими металлическими вещами на широкой территории, начиная с XVI в. до н.э. в лесной и лесостепной зонах Евразии – от Саяно-Алтая до северной половины Европы. Инвентарь большинства памятников носит выраженный воинский характер. Все основные сейминско-турбинские некрополи приурочены к крупным водным магистралям и часто к устьям больших рек. Важнейший компонент сейминско-турбинского феномена был связан с племенами металлургов и коневодов и локализовался в Алтайской горной и предгорной области в экологическом окружении степных, лесостепных и, вероятно, подтаежных областей (Рудный Алтай, бассейн верхнего Иртыша, верхнее Приобье и др.) (Кирюшин, 2002: 86–88). Историческим содержанием рассматриваемого феномена стали стремительные походы-миграции чрезвычайно активных, можно сказать даже напористо-агрессивных, элитарных групп воинов-металлургов в западном и северо-западном направлениях, по междуречью Иртыша и Оби. Стремительность сейминско-турбинской экспансии была обусловлена явным превосходством данных групп в вооружении, средствах передвижения, социальной (в том числе военной) организации (Черных, Кузьминых, 1989: 251–253; 269–276). Было предложено и историко-лингвистическое обоснование сейминско-турбинского феномена. Его развитие приходится на эпоху после распада уральского и финно-угорского праязыков и на период прототхаро-уральских контактов, от середины II до середины – второй половины I тыс. до н.э. (Напольских, 1997: 155–157; Napol'skikh, 2001: 375–379).

Важно отметить, что на первом этапе сейминско-турбинских миграций – западносибирском – основная часть передвижений была приурочена к лесостепным и лесным областям региона. Складываются крупные центры сейминско-турбинской металлургии. Один из таких центров формируется на территории Среднего Прииртышья и связан, прежде всего с могильником Ростовка (Матющенко, Сеницына, 1988: 126–133). Тяготение к лесной экологической зоне проявлялось и на уральском этапе, когда в состав сейминско-турбинских групп вошел абашевский, т.е. тоже, по сути, лесной компонент.

Этой лесной направленности ни в коей мере не противоречит отчетливо выраженный в культуре сейминско-турбинских групп коневодческий комплекс, столь ярко проявившийся в выразительных изображениях лошадей на сейминско-турбинских изделиях. Очевидно здесь имело место коневодство лесного типа, специфическое по генезису и особенностям транспортного использования. К этим особенностям вероятно следует относить различные виды конной буксировки, в том числе самую сложную и, в то же время, внешне наиболее эффектную, эмоционально и художественно насыщенную – конную буксировку лыжника. Очень важно, что несколько экзотичное для современного восприятия сочетание взнузданной лошади и лыжника – «скиджоринг» бронзового века, органично включено в культуру воинов, коневодов и металлургов, характерную для данного явления (Черных, Кузьминых, 1989: 120–121; 273).

Впрочем в поисках аналогий этого вида транспорта можно было и не уходить за пределы Старого Света, как это делает Кожин. Сравнительные материалы по описываемым способам буксировки свидетельствуют об их значительной древности. Следы былого существования подобного способа передвижения отразились в фольклоре нарымских хантов. На эту параллель впервые обратила внимание В.И. Мошинская (1979: 38–39), отметившая, что в приведенном рассказе фактически речь идет о пешем охотнике на лыжах, использующем лошадь, подобно тому как он сам бы впрягся или впряг собаку в нарту для вывоза скарба и добычи. Исследователь видит в этом свидетельстве «отличную иллюстрацию» ростовкинской композиции.

Вообще такой способ буксировки спорадически применялся в условиях относительного редколесья и неглубокого снега или наледи (наста). Например, нам удалось собрать соответствующий этнографический материал в Барабе. У барабинских татар данный способ буксировки применялся в двух разновидностях: когда в качестве буксирного средства использовались лыжи груженные поклажей, и когда сам охотник-лыжник прицеплялся к лошади, используя ее в качестве буксировочного средства. Лошади использовались специально тренированные для подобного способа передвижения. Двигаясь таким образом, охотник добирался до угодья, а затем «отцеплялся» и дальше шел на лыжах самостоятельно (Селезнев, 1994).

Тот же принцип использования тягловой силы лошади заложен в технологии конных волокуш. Последние использовались для перевозки тяжелых грузов и разнообразны по типам. Особое место занимают двухполозные конные волокуши. Такие волокуши, в частности, имели распространение на северном Алтае (челканцы). Волокуша (пойлок, кандай) состояла из двух подпрямоугольных в сечении полозьев длиной около 4 м., переходящих в округлые оглобли. На концах полозьев установлена пара брусковидных массивных копыльев, соединенных между собой деревянным вязком. Нащеп был выполнен из досок, одним своим концом уложенных на вязок, а другим – на перекладину между полозьями. Волокуша подпрягалась к лошади посредством пары оглобелей, являвшихся продолжением полозьев (Бельгибаев, 2004: 298, рис. 28; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006: 114).

В Туве волокуша шырга представляла собой две длинные жерди, скрещенные тонкими концами и привязанные к седлу. Толстые концы жерди волочились по земле. Позади лошади к шестам ремнями крепились поперечины, на которые укладывали перевозимые вещи (Даржа, 2003: 112). Аналогичную конструкцию имела башкирская конная волокуша (саласы). Две жерди 4 м. длиной привязываются к седлу у стремян, посередине они связаны лыком или волосяной веревкой, ниже которой прикрепляется кусок луба. На этом лубе и увязываются вещи (Руденко, 1925). Обращает на себя внимание и отмеченная выше типологическая параллель с культурой индейцев степей Северной Америки, также использовавших в хозяйстве конную волокушу, наряду с верховыми седлами. При этом седла применялись как на основе жесткого деревянного каркаса, так и «мягкого» типа, очень похожие на седла, получившие распространение в Евразийских степях в скифскую эпоху (Аверкиева, 1970: 23–24, 46).

Итак можно предполагать, что истоки лесного комплекса юга Сибири уходят в эпоху бронзы, а его формирование связано с развитием культур коневодов и металлургов, ярко представленных в частности, в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Коневодство лесных южносибирских групп носило подсобный охотничьему промыслу характер и служило, главным образом, для доставки охотника до угодья. Именно так использовался конь в эпоху средневековья «лесными» народами, а в недавнем прошлом южнотаежными и горнотаежными охотниками Сибири. Такое коневодство подходило к природно-географическим условиям расселения лесных групп – лесостепь и разреженная низкогорная тайга. Относительно редколесье, невысокий снежный покров и способность к тебеневке создавали оптимальные возможности для использования лошади на промысле. Коневодство развивалось как в форме прямого заимствования у соседей-степняков элементов верхового коневодства, так и в форме совершенно оригинальных способов конной буксировки, в том числе и буксировки лыжника-охотника.

Полагаем, что учет фактора специфического лесного комплекса Южной Сибири придаст дополнительный импульс в решении давних, хорошо известных, однако так и не получивших удовлетворительного разрешения проблем сибирской исторической этнографии.

Во-первых, удивительно высокий уровень распространения и развития производства железа и кузнечества, который был достигнут таежным населением Саяно-Алтая. Местная металлургия и кузнечество были неоднократно описаны в источниках XVII–XVIII вв., железными изделиями выплачивали ясак, эта же особенность культуры отражена в русской топо- и этнонимике с формантом «кузнец». Несоответствие столь яркого феномена с общим обликом культуры отмечалось практически всеми специалистами (См., например, Потапов, 1936: 101–105), однако единый подход к решению проблемы так и не был выработан.

Во-вторых, загадочное присутствие в культуре и, особенно, эпосе тех же таежных групп Саяно-Алтая реалий, связанных с развитым скотоводством (в первую очередь – коневодством), что, в целом, не соответствует социально-культурному облику пеших таежных охотников. Эта проблема породила длительную полемику, обобщенную Д.А. Функом (2003: 53–59; 2005: 217–227), однако удовлетворительного решения так пока и не найдено.

В-третьих, коневодческий компонент, ярко представленный в культуре таежных охотников и рыболовов Северной Сибири, прежде всего обско-угорских групп. То, что этот компонент имеет южное происхождение, у специалистов сомнения не вызывает, но вопрос о том, с

какой конкретно культурной группой юга его можно связать, остается дискуссионным (См., например, Федорова, 2000: 87–101).

Разумеется включение в обсуждение названных проблем фактора лесного южносибирского комплекса не снимает всех трудностей, но и игнорировать его влияние на культурогенез в Южной Сибири и сопредельных территориях без существенного искажения исторической перспективы не представляется возможным.

Литература

- Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1914.
- Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М., 1970.
- Авилова Л.И. Древнейшая история дорог и транспорта по данным археологии // РусАрх, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/avilova1.htm>
- Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. 1.
- Бельгибаев Е.А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь. Барнаул, 2004.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. 1.
- Бочкарев В. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен. Казань, 2002. С. 46–68.
- Вайнштейн С.И. Этнический состав древнего населения Саян // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М., 1980.
- Гумилев Л.Н. Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического общества. 1959. Т. 91. Вып. 1.
- Головнев А.В. Бронзовый лыжник из Ростовки // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 1.
- Головнев А.В. Антропология движения (Древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.
- Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003.
- Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ, 2005.
- Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курькан и хори. Улан-Удэ, 1995.
- Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо) // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 15. Алма-Ата, 1962.
- Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток, 2007.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- Кузнецов П.Ф. Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002.
- Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1975. Т. 3.
- Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.
- Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

- Марков Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Матющенко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. 1970. Вып. 123.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.
- Мошинская В.И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
- Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952.
- Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Записки Государственного РГО по отделению этнографии. Л., 1925. Т. 43. Вып. 2.
- Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.-Л., 1936.
- Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.
- Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб., 2008.
- Селезнев А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994.
- Селезнев А.Г. Особенности исторического развития лесостепных и южнотаежных культур Сибири (методологический и конкретно-исторический аспекты) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2003. Т. 6.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск, 2006.
- Тюрки таежного Причудья. Популяция и этнос. Томск, 1991.
- Ушницкий В.В. Средневековые народы Центральной Азии (вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). Казань, 2009.
- Федорова, Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000.
- Функ Д.А. Молочно-белые кони в героическом эпосе ... таежных охотников, рыболовов и собирателей // Этнографическое обозрение. 2003. №3.
- Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М., 2005.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
- Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб, 1891.
- Napol'skikh V. Tocharisch-Uralische Berührungen: Sprache und Archäologie // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Helsinki, 2001.

АЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ В НАРОДНОМ ЭПОСЕ БАШКИР

А.М. Сулейманов

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмиллы, г. Уфа

В ряде работ башкирских ученых таких, как А.Н. Киреев (Кирей Мэргэн), М.М. Сагитов, Р.Ф. Ражапов, Р.Г. Ягафаров, Г.В. Юлдыбаева, отмечаются некоторые сходства башкирского и алтайского фольклора, в частности, их эпосов, но без какой-либо системы и почти мимоходом. И автор настоящей статьи намерен поделиться лишь некоторыми своими наблюдениями по этой проблеме, хотя делает попытку анализа эпических памятников башкирского и алтайского народов, исходя из позиций системного подхода, насколько это позволяет объем статьи.

Сразу же отметим, что близость башкирских и алтайских сказаний проявляется на разных уровнях. В первую очередь в глаза бросается их тематическая общность. Если судить по экспозиции мифологических сказаний башкир и алтайцев, то кажется, что все они посвящены только теме охоты. Родители Урал-батыра Янбирде и Янбика вдвоем ходят на охоту, занимаются и рыболовством («Урал-батыр»). Знакомясь с эпосами «Акбузат», «Миней-батыр и царь Шул-ген», «Заятуляк и Хыухылу», узнаем, что для их главных героев Хеубена, Миней-батыра и Заятуляка – основным занятием также является охота. Такими предстают перед нами Маадай-Кара, Алтай-Бучай, Очы-Бала и другие герои одноименных алтайских эпосов. И в преклонном возрасте Маадай-Кару не покидает страсть к охоте. Сопутствует ли ему в таком возрасте удача – другой вопрос. Очы-Бала – девушка-красавица, но и для нее охота – привычное дело. Вот что говорится в эпосе по этому поводу:

*Красавица Очы-Бала
В дни новолунья в горы шла,
Семь дней и семь ночей она
В тайге охотилась одна,
Всегда удачливой была.*
(Героические сказания, 202).

Даже пастух-скотовод Мачи-Мерген, герой одноименного сказания, не лишен дара удачливого охотника (Героические сказания, 68–99).

На охоту герои эпосов обоих народов поначалу ходят пешком, коня приобретают гораздо позже. В башкирских мифологических эпосах до того как освоить коня, герой в качестве средства передвижения использует либо оленя, либо льва. Янбирде и Янбика, например, на охоту выезжают на львах («Урал-батыр»), а герои эпоса «Гайна и Айна», дошедшего до нас лишь фрагментарно – вдвоем на одном белом олене. Олень использовался мифическими эпическими героями для верховой езды, видимо, до освоения для этой цели льва. Во всяком случае, дети Янбирде и Янбики Шулген и его младший брат Урал сначала научились ездить верхом на олене, и только потом сели на льва.

В Алтайском эпосе коня герою дарит либо хозяин горы, либо воды. Например, Малчи-Мерген, герой одноименного сказания, обнаруживает мифического коня Алты-Колак на вершине Черной горы. А о коне Маадай-Кары сказано:

*Карыш-Кулак темно гнедой –
Его создатель дух воды.*
(«Маадай-Кара», Героические сказания, 19).

В башкирских мифологических сказаниях богатырский конь либо спускается с неба («Урал-батыр»), либо выходит из озера («Акбузат»). Вода и небо как части Космоса в мифах мира имеют одинаковое значение. Классическим примером является египетский миф о бо-жестве Ра, который днем плавает по небу на своей золотой лодке (Евсюков). В мифологии ряда народов гора считается символом вселенной. В алтайском эпосе мы, видимо, встречаемся с отголоском именно такого объяснения функции образа горы. Во всяком случае, в эпосе гора ассоциируется именно с небом. Их герои добывают себе богатырского коня обычно не просто на какой-нибудь возвышенности, а именно на высокой горе или на горе, где со-

единяются небо и земля. Неслучайно и то, что, когда герой бросает аркан, тот обязательно доходит до неба. А в сказании «Маадай-Кара» таинственная и добрая старуха, воспитавшая сына Маадаю, т.е. богатыря Когюдей-Мергена, говорит:

*«Взгляни в алтайские края. –
Оой, оой, смотри туда,
Где гор кончается гряда,
Оой, оой, смотри, сынок,
В истоки десяти дорог!»
И когда молодой батыр взглянул
«Туда, откуда неся гул,
Откуда доносился гром, –
Отмечен солнечным тавром,
И лунным отмечен тавром,
Несется темно-синий конь...».*
(Героические сказания, 66).

Нетрудно догадаться, что «гул» и «гром», солнечное и лунное тавро обозначают небо, а выражение «темно-синий конь» – буквально, «Кок аты», т.е. «Небесный конь». Слова «синий», «темно-синий» на языке тюрков означает «Кок» или «Кук». Это же слово употребляется и в значении «Небо».

По ходу развития сюжета в связи выдвиганием на первый план героев нового поколения к теме охоты в подобных эпосах обоих народов присоединяются другие темы. А это приводит к оттеснению в сторону этой темы, а следовательно – и героев старшего поколения, т.е. родителей героев нового поколения. Так, например, в эпосе «Урал-батыр» поднимаются новые темы поиска живой воды, борьбы с чудовищами, приобретения чудесных предметов, крылатого богатырского коня, женитьбы богатыря, измены Шульгена и перехода его на сторону темных сил и т.д. А Янбирде и Янбике больше и не упоминаются. И в алтайских эпосах при решении главной проблемы основная нагрузка точно так же, как и в башкирском эпосе падает на плечи нового поколения батыров. Например в эпосе «Маадай-Кара» Когюдей-Мерген, сын Маадай-Кары, прекрасно справляется с задачей по освобождению из неволи своего народа. С выходом на первый план сына-богатыря и в этом эпосе роль героя первого поколения в лице Маадай-Кары сходит на нет. В эпосе «Алтай-Бучай» тема охоты уступает место теме верности и измены, смене поколений батыров и теме мщения сына за отца. Кстати, последние две темы успешно решаются и в сказании «Маадай-Кара».

Много сходств наблюдается в алтайских и башкирских эпосах и на уровне тематических мотивов. В башкирской версии общетюркского эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылу» перед отправлением на поиски своей нареченной Кузыйкурпес приходит к табуно лошадей и брэнчит уздой и ловит невзрачного коня, который на этот звук оборачивается к нему. Как только герой садится на него, он превращается в крылатого коня, а в нужный момент человеческим голосом дает ему мудрые советы. М.М. Сагитов отметил, к сожалению, лишь мимоходом, что этот традиционный мотив характерен для эпоса тюрко-монголов (9, 132). Думается, что он при этом имел в виду, прежде всего, алтайские эпосы. Вспомним хотя бы эпосы «Малчи-Мерген», «Алтай-Бучуя», «Алып-Манаш» и, конечно же «Кезюйке и Баян», аналога башкирского эпоса «Кузый-курпес и Маянхылу». В них обязательно присутствует этот мотив и, главное, он, как правило, напоминает башкирский аналог. Вот как выбирает коня Алтай-Бучай:

*Золотую снял узду,
В воздухе ее потряс –
Золотой раздался звон.
Этим звоном привлечен,
Крапчатый, в полоску, конь.*
(Героические сказания, 417).

В башкирских и алтайских эпосах сходство обнаруживается и в мотивах «герой оседлает коня», «батыр объезжает необъезженного коня», «батыр отправляется на поиски жены (своей нареченной)» (АТ 400), «муж на свадьбе своей жены или нареченной» (АТ 974).

В фольклоре обоих народов наблюдаются и сходные сюжетообразующие и даже жанрообразующие мотивы. В башкирском фольклоре широко известна пословица «Не верь своей жене, верь своей собаке». В башкирском повествовательном фольклоре эта пословица использована как сюжетообразующий мотив, на котором построен сюжет ряда нравоучительных бытовых преданий о том, как во время отсутствия мужа дома, его жену уводит чужеземец. Жена за день забывает своего мужа и не хочет помогать ему, когда тот, догнав их, начал бороться с чужаком. От верной смерти мужа спасает его собака. В алтайском же фольклоре данный мотив развернут до эпического сюжета. Соответственно, он интерпретируется по-иному. Примером тому является эпос «Алтай-Бучай». В отличие от башкирских преданий, в этом эпосе мужу-охотнику по имени Алтай-Бучай изменяют, его жена Яра-чечен и сестра Очо-чечен, соответственно и противоположную сторону представляют двое, Арнай и Чурай, живущие за семьдесятю морями и семьдесятю горами. Это – во-первых. Во-вторых, в отчуждении женщин виноватыми оказываются не чужеземцы, а они сами. Пока Алтай-Бучай находился на охоте, этих мужчин Яра-чечен и Очо-чечен приглашают к себе и предлагают себя в жены. В-третьих, вчетвером они убивают Алтай-Бучая. В-четвертых, если в башкирских преданиях суд над изменницей совершают ее отец и родные братья, то в алтайском эпосе эту роль выполняет сын Алтай-Бучая.

Признаки близости эпических памятников алтайцев и башкирского народа не ограничиваются лишь вышесказанным. Они наиболее ярко выражаются, конечно, в общих для обоих народов сюжетах. Таковы башкирские версии эпосов «Алпамыша и Барсынхылу» и «Кузыйкурпес и Маянхылу» – с одной стороны и алтайские их аналоги «Алып-Манаша» «Кезеке и Баян» – с другой.

По сравнению с башкирскими эпосами алтайские эпосы отличаются близостью к сказкам. Такими их делают особенности персонажей и принципы художественного воплощения их образов. В первую очередь, в алтайском эпосе бросается в глаза умение и героя, и его противников, и их помощников перевоплощаться. Когюдей-Мерген, сын Маадай-Кара ложится на землю и превращается то в орла, то в сорокорогового марала, то в тас-тарака – лысого паршивца, а его конь – в паршивую лошаденку, тридцатирогового марала; чудесная кобылица, за которой охотится каан Кара-Кулы – в корову, соперники Алып-Манаша – в журавля; кони Алтай-Бучая при необходимости принимают облик марала, собаки – лисы, орлы – воробья.

В достижении цели героем большая роль отводится чудесным предметам, помощникам. Кони, собаки орлы Алтай-Бучая находят средство, чтобы оживить мертвого хозяина.

Главным советником эпического героя выступает его конь, который заранее знает, что ожидает героя, предупреждает об опасности. Таков, например, конь и Алып-Манаша.

Типичным является для алтайских сказаний использование гиперболы. Новорожденный сын Маадай-Кара за один раз может выпить сорок ведр воды, в два года – охотиться и одной стрелой убить сразу семь-десять зайцев или семь волков. Сказочная гиперболизация особенно ярко выражена в эпосе «Алып-Манаша». У Байбарака «между глаз стада овец с тридцатью баранами могли пастись. Между плеч табуны лошадей с тридцатью жеребцами гулять могли» (Жирмунский, 209). А у его сына Алып-Манаша «нос на сопку похож, брови – на северный лес, глаза – на огонь костра». Спящего Алып-Манаша пастухи принимают за черную сопку: «Из черной сопки буря бьет, с корнем дерева выдирает, валежник перевертывает, камни в толокно превращаются...».

Такой мифический герой, конечно же, владеет не обычным, а соответствующим своей мощи чудесным конем. Если Акбузат, крылатый конь-тулпар Урал-батыра, ранее бывший звездой спускается с неба на землю, то чудесный конь Алып-Манаша сначала превращается в звезду, потом возвращается на землю. Курсирование коня Алып-Манаша между небом и землей дает нам основание для вывода о том, что в более полном, но не дошедшем до нас, варианте эпоса «Урал-батыр» Акбузат тоже мог проявлять такую же способность. Но в известных

нам двух версиях эпоса «Урал-батыр» (до нас они дошли по одному варианту) Акбузат по своим возможностям не уступает коню Алып-Манаша. Последний во сне узнает, где находится чудесная золотая пена, добывает ее и с ее помощью восстанавливает свою силу и спасает своего хозяина. А Акбузат является не только помощником Урал-батыра, но и воплощает собой его силу и мощь, спасителя от темных сил.

Несмотря на совпадение в существенных элементах «Алып-Манаша» не только с среднеазиатскими сказаниями, на что обратил внимание еще В.М. Жирмунский, но и башкирскими, татарскими версиями эпоса об Алпамыше, подобные сказочные начала дали, видимо, основание этому ученому называть алтайский эпос богатырскими сказками.

Сказанное о «Алып-Манаше» и других алтайских сказаниях во многом относятся и к эпосу «Кезюке и Баян». Ход развития его сюжета в основных моментах совпадает с башкирской версией «Кузыйкурпес и Маянхылу». Главные его отличие от башкирского аналога заключаются в следующем: когда герой отправляется на поиски нареченной, в обеих версиях мать не дает согласия на это и предупреждает сына об опасностях, которые встретятся ему в пути. По башкирской версии эти препятствия магическим путем устраивает сама мать, по алтайской – встречаются естественные преграды как бы без вмешательства матери, но в соответствии с ее прогнозами. Встретившийся в пути ворон сообщает, что Баян его не любит. Эта плохая весть означает очередное препятствие на пути эпического героя. Но как и волшебных сказках ему встречаются добрые существа в лице журавля, дикого гуся, дятла, которые вызываются помочь ему в преодолении водной преграды. Потом идет международный тематический мотив «герой на свадьбе своей нареченной» (АТ 974). Кезюке неузнано приходит на свадьбу Баян, чудесным образом превратившись в тас-тарака – лысого паршивца-музыканта, верхом на своем коне, таким же образом превратившемся в паршивую лошаденку. Ему удается некоторое время пожить с любимой в белом дворце, возникшем там же чудесным образом. Его пытаются напоить ядовитым напитком. С помощью дятла, который переставляет напитки, ему удается избежать смерти. Однако, злему существу в облике паршивого старика удается его застрелить. Кезюке бьет его кнутом, и тот превращается в пепел. Позже ему приходится столкнуться с целой ордой врагов, во время сражения с которыми, он погибает. После смерти Баян, черные силы их хотят отделить, но это им не удается. Их могилы в виде двух гор приближаются друг к другу и навечно остаются рядом...

Таким образом, эпос «Кезюке и Баян» с самого начала и до конца пропитан фантастикой. характерной исключительно для волшебных сказок. В этом нет ничего удивительного, т.к. «фантастика в народном эпосе является универсальным способом героизации истории предков. И чем архаичнее эпос по своей художественной форме, тем больше в нем фантастических сюжетов» (Маадай кара, 10), вернее, тем больше фантастических признаков в его сюжете. Видимо, поэтому В.М. Жирмунский признает алтайский эпос архаической первоосновой общетюркских сказаний. В частности, он писал, что «архаические черты алтайской версии несомненны: героический эпос выступает здесь с чертами богатырской сказки, более древними, чем в среднеазиатских и ближневосточных версиях» (4, 217). Сказанное, очевидно, думается относиться и к кипчакским, в том числе к башкирским и татарским версиям эпического сюжета не только об Алпамыше, но и о Кузый-курпесе и Маянхылу, а также к отдельным архаическим тематическим мотивам и образам других эпосов этих народов. Еще А.Н. Киреев, хотя не ставил перед собой задачу сопоставительного изучения башкирской версии эпоса об Алпамыше с алтайской, независимо от В.М. Жирмунского фактически пунктиром обозначил возможность их генетических связей. В частности, он утверждал, что имена Айляр-хана и Буляр-хана, персонажей башкирской версии эпоса об Алпамыше, идентичны этнонимам двух башкирских племен, предводителями которых они были. Племя Буляр в свое время занимало северо-западную часть Исторического Башкортостана и имело тесные контакты с булгарами и постепенно ассимилировалось с ними. А корни племени Айляр (или Ай, Айлы), издавна занимавшего северо-восточную часть Исторического Башкортостана, по мнению этого ученого, берут свое начало от древнего этнического массива Алтая (Кирей Мэргэн, 217).

М.М. Сагитов¹ тоже допускал мысль о том, что сюжет эпоса об Алпамыше возник в те времена, когда тюркские племена жили в тесном контакте на обширной территории Центральной Азии, Южной Сибири, и являлся их общим достоянием (Сагитов, 142). К сказанному добавим данные этнологов. Видный башкирский этнолог Р.Г. Кузеев обнаружил в этнонимии других тюркских народов «более 100 родо-племенных названий, имеющих соответствия у башкир»² (Кузеев, 468), а Д.Н. Соколов еще в начале XX в. отметил, что, «любому руническому знаку орхон-енисейских письмен имеются аналогия в башкирских тамгах» (Кузеев, 471). Поэтому трудно не согласиться с мнением Р.Г. Кузеева, который, как бы резюмировал, подводя итог всему вышесказанному: «Такие массовые совпадения являются, безусловно, сильным доказательством реальности тесных этнических и исторических (от себя добавим, и фольклорных. – А.С.) связей Волго-Уральской области с Алтаем, Южной Сибирью с прилегающими областями и районами Средней Азии» (Кузеев, 471). Поэтому есть необходимость для более углубленного изучения степени близости алтайского и башкирского эпоса на уровне как генетического, так и типологического сходств.

Литература

1. Алтай-Бучуй (Алтайский эпос) // Героический эпос народов СССР / Вст. стат. и примеч. А.А. Петросян. – М.: Худ. лит., 1975.
2. Героические сказания / Зап. от нар. сказителя Н.У. Улагашева; сост. А.Л. Коптелов. – Горно-Алтайск, 1961.
3. Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. – Новосибирск: Наука, 1988.
4. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974.
5. Кирей Мэргэн. Башкирский народный эпос. – Уфа: Башкирское книгоиздат., 1961 (на башкирск. яз.).
6. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974.
7. Маадай-Кара // Героические сказания / Зап. от нар. сказителя Н.У. Улагашева; сост. А.Л. Коптелов. – Горно-Алтайск, 1961. – С. 10–196.
8. Петросян А.А. О героическом эпосе народов Советского Союза // Героический эпос народов СССР / Вст. стат., сост. и примеч. А.А. Петросян. – М.: Худ. литер., 1975.
9. Сагитов М.М. Мифологические и исторические основы башкирского народного эпоса / Сост. Ахмет Сулейманов и Талига Сагитова; отв. ред. Ахмет Сулейманов. – Уфа: Китап им. З. Бишеевой, 2009 (на башкирск. яз.).

¹ К сожалению, при жизни М.М. Сагитов не успел опубликовать свои наблюдения об этом. Они вошли в его монографию, опубликованную лишь к 75-летию автора.

² В это число входят и соответствия с этнонимией алтайцев. Так, например, этнонимы алтайских племен Кукши (челеканцы), Телеут, Тас соответствуют этнонимам башкирских родов Кукши, Теляу, Таз (тазлар), входящих в Табынский родо-племенной союз; Кырк, Меркет – аналогичным этнонимам башкирских родов Минской родо-племенной группы (Кузеев, 470).

О ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ТРАДИЦИЯХ В НАРОДНОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

С.В. Сулова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

Изучение этнокультурного взаимодействия народов, длительное время проживающих в одних историко-географических условиях, является одним из приоритетных направлений этнологических исследований в России. Особенно это актуально при изучении этнокультурных контактов русских и татар – двух самых крупных по численности этносов Российской Федерации.

На формирование народной культуры волго-уральских татар заметное влияние оказали традиции славянской, прежде всего русской бытовой культуры. Об этом писали многие исследователи – и археологи, и этнографы, и историки. Еще в XII–XIII вв., в период подъема городов и ремесленного производства, несмотря на политические противоречия и войны, предки татар (волжские булгары) активно торговали с русскими княжествами. Тесные культурные связи Волжской Булгарии с Русью, прослеживающиеся с домонгольского времени, активно продолжались в течение всего золотоордынского периода и периода Казанского ханства. Это культурное влияние усилилось после присоединения Казанского ханства к Московскому государству в XVI–XVII вв. и позже – в период дальнейшего формирования имперской российской культуры.

Русские традиции особенно четко просматриваются в области народного декоративно-прикладного искусства татарского народа. Русским заимствованием, к примеру, следует считать распространение у татар браной техники ткачества. Исследователи полагают, что браная техника появилась у татар лишь в XVI веке, что было связано с расселением в крае русских (Валеев. С. 13). Очевидно, с русским влиянием следует связывать и распространение в татарском искусстве, особенно у мишарей Окско-Сурского междуречья, строчевых вышивок – «цветной перевити». В подобной «русской» технике (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев. С. 113; Никонорова. С. 108–114) в середине XIX века украшались концы мишарских женских головных полотенец – *тастаров*, а также мужские и женские рубахи. Это видим на картах «Декоративное оформление концов *тастаров*» (Сулова, Мухамедова. С. 289) и «Декоративное оформление праздничных домотканых рубах» (Сулова, Мухамедова. С.286). Достаточно заметным было русское влияние и на формирование традиций татарского золотошвейного искусства, в частности, сибирско-татарского (Сулова, Фасхутдинова. С. 75), в ювелирном деле (Сулова. С.107).

Это культурное влияние особенно ощущалось на традиционной культуре кряшен (крещеных татар), что в первую очередь обусловлено единой православной системой вероисповедания. Русское влияние заметно в их традиционном костюме: женских (*сурекэ* у кряшен; то же, что *сорока* у русских) и мужских головных уборах. Наблюдаем его в покрое нижней и верхней одежды «борчатка», особенно мужской, в способах декоративного оформления костюма и др. Христианство, в конечном итоге, явилось важнейшей причиной того, что костюм крещеных татар не консолидировался в единые общенациональные формы.

Однако, как показали наши многолетние исследования, связанные с изучением традиционной культуры татар в рамках Историко-этнографического атласа татарского народа, этот процесс был далеко не односторонним. Тюрко-татарский пласт весьма значительным был и в русской традиционной культуре. Это не раз подчеркивали известные российские этнографы – М.Г. Рабинович, Г.С. Маслова, Н.И. Лебедева, Е.П. Бусыгин и др., в работах которых тюрко-татарские заимствования нередко связывались с золотоордынским периодом русской истории. И это не случайно. Россия, по своей истории и географии, является евразийским сообществом, а Золотая Орда – самое крупное государство Евразии, в рамках которого впервые были объединены пространства будущей Российской империи и этносы их населяющие. Однако сама цивилизация этого государства, нашедшего продолжение в постзолотоордынских татарских ханствах, в современных тюрко-татарских этнических образованиях, как и тюрко-

татарская тематика в целом, в российской, и особенно советской, историографии нередко оставались в тени.

В значительной степени оставались неизученными проблемы, связанные с тюрко-татарскими заимствованиями в русской народной одежде, в связанных с ней видах народного декоративно-прикладного искусства. Именно этот вектор проблемы, главным образом, предлагается рассмотреть и проанализировать в настоящей публикации.

Народный костюм (одежда и украшения одежды) – сложная структура, включающая многочисленные типы верхней и нижней одежды, головных уборов, обуви, матерчатых и ювелирных украшений¹. Формирование традиционного костюма связано с использованием продукции целого комплекса различных видов народного декоративно-прикладного творчества, формирующих его ансамбль (ткачество, вышивка, золотное шитье, аппликация, обработка кожи, ювелирное дело). Специфические потребности населения в тканях и других материалах для изготовления одежды складывались в течение долгого времени и под воздействием многих факторов – природно-климатических, исторических, этнических, социально-экономических.

Наиболее распространенной отраслью домашней промышленности, связанной с изготовлением одежды, как у русских, так и у татар, было ткачество. Издревле широкое распространение получило художественное ткачество, изготовление узорных, многоцветных тканей. Одним из наиболее популярных и любимых традиционных художественных рукоделий была и вышивка. Она, как правило, не требовала сложных технических приспособлений и поэтому ею могла заниматься каждая женщина. В отличие от художественного ткачества, которое было заменено фабричными тканями, вышивка гораздо дольше сохранялась в быту и выполняла свои традиционные, во многом аналогичные художественному ткачеству, функции, связанные, в частности, и с декоративно-художественным оформлением народного костюма, особенно головных уборов, рубах, передников, нагрудных украшений.

На современном этапе развития науки традиционный костюм фактически представляет собой особый объект научных изысканий – *этнокостюмологию* (Исенко. С. 4–15). Это новое междисциплинарное научное направление рассматривает народный костюм как уникальный историко-этнографический источник, своеобразный «текст этнической культуры», который может быть исследован и интерпретирован с помощью традиционных методов этнографии при использовании методов смежных дисциплин, в частности, археологии. Особенно ценен этот источник при изучении вопросов этнической истории и истории народной культуры, ибо процесс формирования народного костюма в значительной степени является отражением процесса формирования самого этноса.

В русской народной одежде и в связанных с ее художественным оформлением видах народного искусства тюрко-татарские черты являются одними из наиболее древних. У различных этнографических групп русских они проявлялись в различной степени, что объясняется сложностью и неоднозначностью этнической и этнокультурной истории, как самих русских, так и татар.

Основную источниковую базу настоящей статьи составляют типологические, картографические и иллюстративные материалы по народной одежде Историко-этнографического атласа «Русские» (авторы Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова, М.Н. Шмелева, Л.В. Тазикина) и Историко-этнографического атласа татарского народа (авторы С.В. Сулова, Р.Г. Мухамедова, Ф.Ш. Сафина), в основе которых лежат полевые материалы многолетних этнографических экспедиций, музейные источники, ранние письменные сведения и изобразительные материалы. В рамках обозначенной тематики автором специально изучались богатейшие коллекции по русскому народному декоративно-прикладному искусству из фондов Национального музея республики Татарстан, которые до сих пор, к сожалению, не введены в научный оборот, и аналогичные материалы из фондов Костромского государственного историко-архитектурного

¹ Автор сознательно допускает в работе употребление терминов «костюм» и «одежда» как равнозначных, понимая при этом, что эти понятия в разных гуманитарных дисциплинах различаются между собой и хронологически, и этимологически.

и художественного музея-заповедника. В качестве важнейшего источника используются публикации ведущих специалистов в области народной одежды и народного декоративно-прикладного искусства русских и татар.

Типологизируя элементы традиционной одежды и связанные с ней виды народного декоративно-прикладного искусства, авторы атласов группировали их по ряду параметров (учитывали комплекс признаков), что является важнейшим условием проведения типологической классификации. При этом учитывались не только и не столько общность формально-морфологических признаков. Как известно, это необходимое, но не определяющее условие существования того или иного этнографического типа. При выделении типа исследователи, прежде всего, исходили из того, насколько это явление массовое, неслучайное, устойчивое, насколько ему свойственна ареальность, изофункциональная соотнесенность и генетическая преемственность (Чеснов. С. 195).

Картографирование элементов традиционного костюма (специфических типов одежды, головных уборов, обуви, украшений, видов декора) представляет собой, как известно, емкий и эффективный метод исследования и передачи информации. Оно позволяет с достаточной полнотой и графической четкостью учесть особенности народной культуры территориальных групп этноса. Используя метод типологического картографирования с учетом исторической ретроспективы, в атласах обобщаются многочисленные и разнохарактерные сведения об одежде русских и татар, разбросанные по разным источникам.

Несомненными плюсами типологического картографирования в атласах являются принципы синхронности и ареальности. Синхронность обеспечивает сопоставимость результатов анализа, а это дает преимущество исследователям в понимании этапов формирования этнической культуры народов. Ареальность (региональный аспект) позволяет выявить особенности формирования и функционирования народной культуры у различных этнотерриториальных, этноструктурных подразделений этноса.

В соответствии с характером источниковой базы в центре нашего внимания находится период середины XIX – начала XX вв. – времени активного функционирования русских и татар как этноса и одновременно достаточно устойчивого бытования традиционных этнотерриториальных особенностей костюма.

Головные уборы

Тюрко-татарский след заметно ощущается в русских женских и мужских головных уборах. Так, в XIX веке головным убором русской девушки в Вологодской губ. (Гринкова. С.32) в качестве «эмблемы невинности» служил вязаный на спицах из белых хлопчатобумажных ниток, часто орнаментированный, длиной около метра *чесной калпак*. В этот калпак просватанная девушка убирала волосы. Белый калпак надевался в комплексе с позументной налобной повязкой. Идентичный *белевый калпак* в XIX же веке бытовал и у русских девушек-сибирячек, особенно на Енисее и в Приангарье. В Тобольской губ. и в Забайкалье его носили и женщины (Лебедева А.А. 1981. С.163, 234). О девичьих и женских калпаках, бытовавших у русских в конце XIX – начале XX вв. в Вологодской, Рязанской, Енисейской губерниях, в области Войска Донского пишет и саратовский этнограф В.И. Вардугин (Вардугин. С.111). В атласе «Русские» этот тип головного убора хоть и выделяется, но рассматривается исследователями как локальный (северо-восток, Нижнее Поволжье) и мало характерный для русских в целом (Лебедева Н.И., Маслова. С.227). По материалам татарского атласа, напротив, белый вязаный калпак *ак калфак*, который надевали именно в комплексе с позументной головной повязкой *ука чачак*, в середине XIX в. являлся распространенным этноспецифическим элементом костюма татарской девушки-крестьянки, сохранявшимся в быту у кряшен вплоть до середины XX в. (Суслова, Мухамедова. С.132). *Ак калпак* бытовал и у сибирских татарок, главным образом, у каченцев (Томилов. С.189). Разнообразные типы девичьих и женских калфаков, как известно, являлись преобладающими и этноспецифическими головными уборами волго-уральских татарок (особенно казанских).

Рассмотрим еще один любопытный факт. В XIX начале XX вв. в отдельных регионах России русские женщины, особенно из среды старообрядцев, в качестве головного убора надевали большое покрывало или платок в распуст, двумя концами завязывая его под подбо-

родком, а полотнище спускали на спину почти до пят. Г.С. Маслова отмечает, что такой способ повязывания платков был распространен у старообрядок Нижегородской, Костромской, а также Владимирской губерний (Маслова. 1956. С.719). Исследователь русского костюма А.А.Лебедева отмечает его у женщин старообрядцев Забайкалья и сел вблизи Нижнего Тагила (Лебедева А.А. 1972. С.153). Е.С. Данилко – известный исследователь старообрядчества на Южном Урале – так же подтверждает это своими полевыми материалами. «Мы по-татарски носим платок, у нас с ними одинаково» (Данилко. С.150). Е. П. Бусыгин наблюдал подобный же способ ношения платка в середине XX в. (в 1956 г.) в ряде русских деревень Юринского района Марийской АССР. «Хочу отметить, – пишет профессор Бусыгин, что местное марийское население называет такой способ ношения платков «по-татарски» (Бусыгин. С.342). Заметим, что некоторые исследователи склонны считать подобные факты не заимствованием, а культурной параллелью. Не возражая против этого, все же отметим следующее. Способ повязывания платка в роспуск для татар и башкир является этноспецифическим. Он издавна преобладал у татар и башкир Волго-Уральского и Сибирского регионов России (Сулова, Мухамедова. С.187; Шитова. С.173; Томилов. С.183; Смирнова. С. 214) и до сих пор активно практикуется сельскими женщинами.

По ранним источникам в XV–XVII вв. у русских мужчин и чаще в высшем городском сословии вошло в моду ношение тюбетейки – *тафья*, *скуфья* – головного убора наподобие круглой, плотно закрывающей макушку, шапочки, широко известной в тюркском мире (Рабинович. 1988. С.165, 202). Русскими был заимствован и сам термин *тафья*; у волгоуральских татар, например, этот ранний тип тюбетейки назывался *тахья*, *такья*. *Тафья* у русских, как и *такья* у татар, нередко богато орнаментировалась золотным шитьем, шелками, жемчугом и представляла собой нижний, практически неснимаемый домашний головной убор, поверх которого надевали верхние уборы – колпаки, шапки (Костомаров. С.72; Рабинович. 1988. С. 271). Из-за моды на татарскую *такью* русские, как и татары, стали брить голову наголо (Арциховский. С.296; Гиляровская. С.82–83). В собраниях Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника хранится полотно (холст, масло) художника И. Колмогорова «Портрет боярина», где русский боярин изображен в богато декорированной *тафье* (тюркском головном уборе *такья*). В русских традициях, как известно, обязательным было снимать головной убор при входе в помещение, тем более в храм. Однако, в XV–XVII вв. привычка к *тафье* (*такье*) настолько была сильна, что, например, Иван Грозный отказывался ее снимать даже в церкви, несмотря на требования самого митрополита Филиппа (Костомаров. С.71; цит. по: Рабинович. С.166).

Издавна достаточно распространенной у русских была тканевая мужская шапка конусообразной конструкции, кроеная из четырех клиньев, подбитая мехом и с меховым околышем под тюркским названием *бурк* или *татарка*. *Татарку* исстари носили русские в Европейской части России, на территории, примыкающей к Среднему Поволжью с северо-востока и, особенно, в Казанской губ. (Бусыгин. С.344, 345). Начиная с XVII в. она бытовала и у русских переселенцев Сибири (Лебедева А.А. 1981. С.238; Сабурова. С.128). Согласно материалам татарского атласа *кома бурэк* представляет собой наиболее ранний этноспецифический головной убор татарина. Его видим в зарисовках художников, например, на «Семейном портрете Сююмбике» (XVIII в.). В середине XIX в. подобную шапку зафиксировал у кряшен Елабужского уезда Вятской губ. латышский художник К.Гун. Такая шапка издавна преобладала у башкир (Шитова. С.90) и у сибирских татар (Валеев Ф.Т. С.147).

Одежда

Как известно, для русских, в целом, была характерна верхняя распашная одежда с прямой спинкой – *зипун*, *шушпан*, *балахон* и т.д. (Лебедева Н.И., Маслова. С.244). Распашная одежда с приталенной спинкой и с вертикальными швами для них мало характерна. Она встречалась лишь в восточных губерниях и не без основания связывается авторами русского атласа (Лебедева Н.И., Маслова. С.245) с влиянием татаро-башкирских традиций. Так, например, верхняя одежда, сшитая под *татарку*, (с приталенной спинкой. – С.С.) бытовала у русского населения Пермской обл., в Сибири (Листова. С.16; Сабурова. С.124). У татар же

верхняя одежда с приталенной спинкой преобладала, особенно в Европейской части России (Суслова, Мухамедова. Карта 3).

Обрядовые комплексы народной одежды (свадебные, траурные, похоронные) в наибольшей степени сохраняют древние формы, традиционные способы ношения. Так, в начале XX в. раннетюркский след, на наш взгляд, проявился в траурной ритуальной одежде русских крестьян Михайловского уезда Рязанской губ., живших по соседству с касимовскими татарами и мишарями (Маслова. 1984. С.98, рис.25). Это прямоспинная сильно расклешенная верхняя одежда под тюркским названием *чекмень*, сшитая из темной домотканины с длинными рукавами и воротником-стойкой. По названию, покрою и необычному способу ношения (в «горе русские женщины накидывали *чекмень* на голову» (Маслова. 1984. С.100) этот вид одежды представляет собой близкий аналог верхней одежде татарок. Это *чикмэн*, а чаще *жилэн*, с плеча мужа, также представляющий собой головное специфическое покрывало, полностью скрывающее фигуру и лицо женщины от взглядов посторонних мужчин. Подобный способ ношения верхней одежды еще в середине XIX в. встречался у волго-уральских татарок, главным образом, в среде высшего сословия. Думается, что и у татарок использование верхней прямоспинной одежды в качестве головного покрывала является среднеазиатским восточно-тюркским заимствованием. Более того, О.А.Сухарева усматривает в подобного рода покрывалах, широко распространенных у народов Средней Азии, влияние ранних восточно-мусульманских традиций (Сухарева. С.92, 93). Е.С. Данилко полагает, что русские старообрядческие и тюркские традиции сближают также и особенности обрядовой погребальной одежды, а именно: использование савана, шитье без узелков (Данилко. С.194).

Любопытные параллели прослеживаются и в способах ношения верхних одежд и головных уборов. Это своеобразная многослойность в использовании и верхних одежд, и головных уборов, и обуви, которая была характерна особенно в средние века и особенно для высших слоев, и русских и тюркских народов. «Подобно тому, как принято было надевать при парадных выходах одну одежду поверх другой (например, зипун – кафтан – однорядку или шубу), надевали и по несколько шапок: тафью, на неё колпак, а поверх него еще горлатную шапку» (Рабинович. 1986. С.84).

Безусловно, к тюрко-татарским традициям следует отнести довольно позднее вхождение в комплекс женской одежды русских – нижней поясной одежды. Само ее название – штаны восходит, как известно, к тюркскому термину *ыштан*. Начиная с XVII в. у русских мужчин, наряду со своими традиционными неширокого покроя портами, бытовал и тюркский тип штанов «с широким шагом» (Левинсон-Нечаева. С.352, рис.239).

В целом же, в верхней одежде русских, как в Европейской России, так и в Западной Сибири тюрко-татарские заимствования сказались не столько в покрое, сколько в ее терминологическом обозначении: значительная часть их тюрко-татарского происхождения (Лебедева Н.И., Маслова. С.244). В терминологическом словаре элементов одежды русских Сибири XVII–XVIII вв. (Лебедева А.А. 1981. С.223–227) встречаем массу таких терминов: *азям*, *архалук*, *бишмет*, *чапан*, *чекмень*, *зипун*, *шуба*, *тулуп*, *армяк*, *кавтан* и др. К примеру, тюркский термин кафтан настолько широко вошел в лексикон русских, что им называли практически всякое верхнее платье. Даже в период усиления влияния западно-европейского костюма, когда в высшем сословии коренным образом менялся стиль одежды, тюркские термины: кафтан, бишмет, шуба и др. сохранялись (Рабинович. 1988. С.148).

Обувь

Несколько любопытных сюжетов также, связанных, скорее всего, с тюрко-татарским миром, удалось проследить и на примерах обуви. Наиболее распространенной среди русских горожан обувью издревле были сапоги на твердой подошве. Особый интерес представляет бытование у них сшитых выворотным способом мягких кожаных сапожек с мягкой же подошвой, с невысоким голенищем. Это, так называемые, *ичеготы*, *ичетоги*, *чедыги* (у татар *ичиги*, *читек*: терм.тюрк.), которые были широко известны русским в XVI–XVII вв., и позднее. Именно этот тип обуви исследователи возводят к древнетюркскому или прабулгарскому корню (Вахрос. С.207). «Создается впечатление, что у целого ряда кочевников, особенно кыпчакского происхождения, она существовала искони» (Шитова. С.145). Русские сибиряки,

как впрочем, и сибирские татары, издавна в качестве праздничной обуви использовали привозные из Казани более качественные татарские ичиги, *ичитог* (Лебедева А.А. 1981. С.147). Оригинальной разновидностью такой обуви у казанских татар является производство узорных ичигов (обычно женских, но встречались и у мужчин) с использованием уникальной техники – кожаной мозаики. Узорные ичиги *каюлы читек* изготавливались обычно из высококачественного цветного сафьяна, вырезанного фрагментами в виде затейливого растительного орнамента. В местах соединения разноцветные частички кожи сшивались шелковыми, иногда и золотными нитями особым вышивальным швом, тщательно скрывающим места соединений кожаных фрагментов, что и послужило впоследствии основанием говорить о так называемых бесшовных казанских сапожках. Мозаичная обувь, безусловно, составляет специфику именно казанско-татарской обуви, производство которой осуществлялось еще во времена Казанского ханства. У русских известно бытование и этой разновидности татарской обуви. Так, к примеру, на картине художника М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890 гг.), хранящейся в Русском музее Санкт-Петербурга отрок обут в узорные казанские сапожки. Мозаичная обувь, безусловно, составляет этноспецифику казанско-татарской обуви, производство которой осуществлялось еще во времена Казанского ханства. У русских широко известно бытование и этой разновидности татарской обуви.

Нам представляется тюрко-татарской традицией и надевание русскими поверх ичигов кожаных калош *ката*. Известно, что ичиги у татар являлись своего рода нижней обувью (кожаные чулки): в ней ходили дома. Это явление зафиксировано как у русских, проживающих и в Европейской России (Рабинович. 1988. С.176), так и в Западной Сибири. Так, в Большерецком районе Омской обл. еще в начале XX в. можно было видеть русских, обутых в *ичиги* с калошами «даже в сухую жаркую погоду» (Аношин. С.130, 132).

Кроме кожаных чулок *ичегов* у татар, особенно в Поволжье (Суслова, Мухамедова. Карта 7), широко бытовали самодельные суконные чулки *тула оек* обычно белого цвета, которые надевались с короткой верхней обувью – кожаными калошами *ката* или лаптями *чабата*. У русских подобные суконные чулки, которые также носились с кожаной обувью *коты*, неоднократно упоминаются как в материалах XVII–XVIII вв. (Лебедева. 1981. С.147), так и более поздних (Коваленко. С.116).

Декоративное оформление

О тюрко-татарских заимствованиях в народном русском костюме свидетельствуют и достаточно убедительные примеры из области декоративного убранства одежды, особенно крестьянской, которая значительно дольше и полнее, чем одежда других социальных групп, сохраняла самобытные национальные черты и местные особенности. Пройдя, как и весь костюм в целом, длительный путь развития, теснейшим образом связанный с историей самого народа и его взаимосвязей с другими этносами, народное декоративно-прикладное искусство продолжало стойко сохранять многие элементы, восходящие к средневековым этапам русской истории, передававшиеся из поколения в поколение, становясь, порою, региональной народной традицией.

Большую роль в декоративном оформлении русской крестьянской одежды играло художественное ткачество. Художественным текстилем украшались рубахи, передники (на груди, рукавах, подоле), головные уборы. Техника производства тканых украшений на одежде была разнообразной. Это простая *затканка* или *перетыка*, которая образовывала орнамент в виде гладких цветных полос и более сложное по технике браное тканье. Браные узоры всегда имели негативное отражение на обратной стороне ткани и располагались сплошной полосой по всей основе в виде непрерывного зачастую очень сложного геометрического орнамента. Как показывают материалы атласа «Русские», эти техники ткачества у русских преобладали (Шмелева, Тазихина. С.112).

Заметим, что весьма ограниченное распространение у русских имела закладная техника ткачества. Характерным для закладного орнамента является то, что рисунок мог занимать не всю ширину основы, а располагаться на отдельных участках; на каждом таком участке рисунок мог иметь свою собственную, отличную от других расцветку. Лицевая и обратная сторона такого узора всегда были одинаковыми. Закладным орнаментом украшали те же части кос-

тюма, что и браным (полики и подола женских рубах, головные полотенца). Чаще всего закладки употребляли в сочетании с браными узорами и простой затканкой. Закладная техника встречалась у русских спорадически в южнорусских губерниях и, что является чрезвычайно любопытным, преимущественно в тех губерниях, где проживало татарское население. В частности, авторы русского Атласа отмечают Касимовский уезд Рязанской губ. (компактная территория проживания касимовских татар. – С.С.) и Шацкий и Кирсановский уезды Тамбовской губернии, где русские так же проживали в непосредственной близости (порою черезполосно) с татарами-мишарями. Множество образцов закладного ткачества нам пришлось видеть в русских коллекциях Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в собраниях известных коллекционеров-исследователей Ширинского и Виноградова (**рис. 1**)*. По мнению ряда исследователей русской культуры, распространение закладного ткачества на юге России выявляет азиатские (тюркские связи) русского населения. Об этом, в частности пишут и авторы русского атласа (Шмелёва, Тазихина. С.112). Специалисты утверждают, что в Восточную Европу закладная техника была занесена еще в древности из Средней Азии вместе с безворсовым ковром ткачеством, причем распространилась она среди тех народов, которые в той или иной мере соприкасались с кочевыми племенами (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев. С.45; Валеев Ф.Х. С.12). Мы присоединяемся к этому авторитетному мнению, подтверждая его и материалами нашего татарского атласа. Так, анализ географии распространения узорного закладного ткачества у волго-уральских татар показал, что оно, прежде всего, составляло этноспецифику домашнего ткачества татар-мишарей, хотя широко бытовало и у других групп этноса (Сафина. С.64).

Еще большим разнообразием технических приемов, чем тканые орнаменты, отличались украшения одежды с вышитыми узорами. Не останавливаясь на всем богатстве технических приемов русской народной вышивки, отметим, что особую группу среди них составляли вышивки тамбуром – петельчатым швом, выполненным иглой с загнутым концом. Известно, что тамбурные узоры относятся к очень древним; они были свойственны тюрко-монгольским этносам (в России они бытовали у различных групп татар, кроме крымских). Среди русских вышивка тамбуром стала распространяться с середины XIX в., когда народные мастерицы начали переходить к менее трудоемким приемам декорировки. Она встречалась местами в Прикамье, в Казанской, Ярославской, Рязанской, Костромской (**рис. 2**) и Нижегородской губерниях, а также на севере вплоть до Прибалтики (Динцес. С.104). В середине XIX в. в губерниях Псковской и Новгородской тамбурным пышным, характерным для татар узором в виде цветов с листьями и бутонами, украшали подола женских рубах. Подобные же рубахи в качестве праздничных и сенокосных носили женщины в Ярославской и Владимирской губерниях (Шмелева, Тазихина. С.115). Такое совпадение типов тамбурных узоров исследователи связывают с историей колонизации территории Русского севера и считают следствием периодических переселений отдельных групп русского населения из Центральной России в бассейн Шексны и Мологи (Динцес, Большова. С.120–122).

В Национальном музее республики Татарстан хранятся любопытные наборы покрывцов на церковную посуду (инв. 10551-17-18), датируемые серединой XIX в. Два небольших крестообразных покрывала на потир и дискос и одно большое верхнее покрывало прямоугольной формы («воздух»). Покрывала сшиты из зеленого атласа на подкладке из темно-зеленого колленкора. Края обшиты золотной бахромой. Покровца богато украшены многоцветной тамбурной вышивкой растительного характера шелком меланжевой раскраски и серебряным шнуром. Внутреннее заполнение цветов выполнено высоким тамбуром (ковровым швом) в виде воздушных петель. Сочетание цветов фона тканей и нитей вышивки, а также техника исполнения аналогичны традиционной тамбурной вышивке татарских мастериц (**рис. 3**).

Изложенные сюжеты не исчерпывают всего фактического материала о тюрко-татарских традициях в русской народной одежде, в связанных с ней видах народного декоративно-прикладного искусства. Особо можно было говорить, в частности, о тюркских (степных) ор-

* **Рис. 1–5** к статье см. на цветной вклейке.

наментальных традициях в декоре русского костюма² (рис. 4, 5). Однако некоторые предварительные выводы можно сделать и сейчас. Так, сопоставительный анализ типологических материалов и карт по народной одежде русского и татарского народов позволяет выделить этнокультурный ареал России – государства с европейским в целом характером культуры, где еще в середине XIX в. тюрко-татарские влияния ощущались в значительной степени. Это, прежде всего, Центральная Россия, Поволжье и южнорусские губернии, в значительной степени выросшие на симбиозе тюркских (в том числе тюрко-монгольских) культурно-исторических традиций. Проявление тюркских традиций наблюдаем и в городской феодальной культуре (одежда знати) и в крестьянской одежде. К этому ареалу примыкают и периферийные регионы России, прежде всего Русский Север и Западная Сибирь, где издавна проживали переселенцы (в том числе старообрядцы) из Центральной России.

Дальнейшее изучение стратиграфии и географии этих заимствований на широком историко-культурном фоне позволит внести реальный вклад в решение вопросов, связанных с этнической и этнокультурной историей, как русских, так и тюрков Волго-Уральского региона.

Литература

- Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.
- Аношин В.С. Большеречье: из истории и быта русских Среднего Прииртышья // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск, 1995.
- Арциховский А.В. Одежда // Очерки Русской культуры. М., 1970–1971.
- Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1966.
- Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. Историко-этнографические очерки. Казань, 1980.
- Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. Казань, 1984.
- Вардугин В.И. Русская одежда. Саратов, 2001.
- Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959.
- Гиляровская Н. Русский исторический костюм для сцены: Киевская и Московская Русь. М.; Л., 1945.
- Гринкова Н.П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту // СЭ. №2. 1936.
- Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале. Уфа, 2002.
- Динцес Л.А. Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края // СЭ. №3. 1946.
- Динцес Л., Большова К. Народные художественные ремесла Ленинградской области // СЭ. №2. 1939.
- Исенко С.П. Этнокостюмология в контексте современной культуры. Автореферат на соискание ученой степени доктора культурологических наук. М., 1999.
- Коваленко И.Н. О быте и культуре чалдонов // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Томск, 1995.
- [Костомаров Н.И.] Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI–XVII столетиях. СПб., 1860.
- Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. (Середина XIX – начало XX века). М.: Наука, 1967.
- Лебедева А.А. Одежда одной из групп русского населения Забайкалья (старообрядцев) // Из культурного наследия народов России // МАЭ. Т. XVIII. Л., 1972.

² В фондах Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранится весьма любопытный альбом с зарисовками архаических орнаментальных композиций на полушубках русских крестьян Костромского уезда Костромской губернии, составленный в 1923 г. Н.А. Калиткиным – членом «Антрополого-этнографической станции костромского научного общества». Материалы этого альбома содержат характерные образцы степного тюркского орнамента, которые требуют специального этнографо-искусствоведческого анализа.

- Лебедева А.А. Крестьянская одежда русского населения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири. XVIII – середина XIX в. М., 1981.
- Левинсон-Нечаева М.Н. Материалы к истории русской народной одежды // Крестьянская одежда населения европейской России (XIX – начало XX в). Определитель. М., 1971.
- Листова Т.А. Одежда русского населения Пермской обл. // Полевые исследования Института этнографии 1978. М., 1980.
- Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.
- Маслова Г.С. Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984.
- Никонорова Е.Е. Орнамент счетной вышивки башкир. Уфа, 2002.
- Рабинович М.Г. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986.
- Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988.
- Сабурова Л.М. Одежда русского населения Сибири // Из культурного наследия народов России // МАЭ. Т. XVIII. Л., 1972.
- Сафина Ф.Ш. Ткачество татар Поволжья и Урала. (Конец XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 1996.
- Смирнова Е.Ю. Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX – первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995.
- Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1980.
- Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2000.
- Суслова С.В., Фасхутдинова Л.Ф. Золотное шитье сибирских татар (к вопросу об этнических и этнокультурных взаимосвязях) // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2008.
- Сухарева О.Л. Опыт анализа покроя традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979.
- Томилов Н.А. К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
- Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
- Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ НАРОДНОСТИ САХА НА ТЕРРИТОРИИ БАЙКАЛА В XII–XIV вв.

В.В. Ушницкий

ИГИ и ПМНС СО РАН, г. Якутск

подавляющее большинство монографий и статей оказываются посвященными не столько этногенезу конкретного народа, будь то буряты, алтайцы или тувинцы, сколько этнической истории населения данной территории. А.Я.Якубовский изучая происхождение узбекского народа, сомневался в отождествлении истории территории с историей народа, предлагал считать эти феномены совершенно различными и отдельными [Якубовский 1941: 18–19]. В связи с территориальными изменениями в постсоветский период границ национальных республик, у всех этносов, особенно имеющих кочевых предков, укрепилось самосознание отождествления национальной идентичности с современной родиной. Эти факторы, сложившиеся в современной историографии под определенным политическим влиянием вполне понятны и показательны. Подобные представления, укореняющие этнос в современных границах, обращены к современным этнополитическим реалиям. К тому же, современный человек находится в статике, между тем средневековые люди большей части двигались [Головнев 2009: 5–9], устойчивые границы между народами и регионами сложились в настоящую эпоху.

Современные буряты и якуты, безусловно, не кочевники, поэтому для представителей этноса является диким и непонятным представление о миграции кочевых предков с территории современного Казахстана или Маньчжурии. Между тем фольклорные источники XVIII–XIX вв., сложившиеся в период формирования и сложения данных народов на огромной территории их обитания, отразили совсем иные представления о родине предков, чем современные мифологемы, отождествляющие якутов с рекой Лена. Так в XVIII – 30-х гг. XX вв. в якутском фольклоре Байкал отражается в качестве южной прародины, откуда спустился вниз по Лене сложившийся уже там народ «ураанхай саха».

Постольку основу этноса составляют отдельные локальные группы, основу которого составляют древние племенные образования, зачастую прикочевывавшие с далеких земель, то перед нами стоит задача поиска их среди названий средневековых племен, упоминаемых в письменных источниках. И.Линденау – автор XVIII в., опираясь в своем исследовании на мнение современных ему якутов, утверждал о формировании народа в территории вокруг Байкала. По его данным, якуты там делились на восемь родов, совпадающие с названиями центральных якутских улусов в XVIII в. [Линденау 1983].

До И.Линденау, Предбайкалье в качестве прародины саха упоминается в трудах Витзена, Идеса и Страленберга, еще много авторов после него писали о байкальской прародине этноса. Затем с китайских и арабо-персидских письменных источников нам становятся известными названия тюрко-монгольских племен, населявшие регион Байкала в средние века. На этой основе в советский период сформировалась курыканская теория происхождения саха, обоснованная Б.Э.Петри, Г.В.Ксенофоновым и А.П.Окладниковым. Более того, курыканам приписывается курумчинская археологическая культура VI–X вв. В последние годы иркутскими археологами доказывается протоякутское происхождение усть-талькинской культуры Предбайкалья XII–XIV вв.

Корни шести основных якутских родов, составляющих каркас народа: Мэнэ, Ханалас, Боотур уус (в древности Хатылы), Нам, Борогон, Байагантай следует искать в территории Байкала. Помимо них как утверждается в «портфели Миллера» собранного в XVIII в. по сведениям тогдашних якутских информаторов, важную, чуть-ли не основную роль в этническом составе саха занимали «батулинцы» и «хоринцы». Поэтому именно с них и начнем свое исследование. Довольно неясным является их значение и роль в формировании народа. В записках путешественников и ученых XVIII в. (Остолопов, Кларк, Огородников, Линденау, участники экспедиции Биллингса) батулинское племя выступает в качестве главного подразделения саха, они даже отождествляются с южными предками саха. Сначала Г.Ф.Миллер, по-

том великий собиратель якутского фольклора С.И.Боло и Б.О.Долгих большую часть современных якутских родов относили к батулинскому племени. Примечательно, что такая же картина обнаруживается и в документах XVII в. о населении Байкальского региона, где рядом с «коринцами» фигурируют «батулинцы». Их загадочное исчезновение с документов и появление вместо них единого хоринского и булагатского племени также напоминает этническую ситуацию на Средней Лене. О наличии батулинского субстрата, поглощенного монголоязычной стихией, свидетельствует обнаружение Ц.Б.Цыдендамбаевым названий тюркского происхождения в родовом составе хоринского племени.

Этническую картину Байкальского региона на основе письменных источников и что особенно важно в сопоставлении с собственными археологическими материалами восстанавливает А.В.Харинский. При этом он утверждает, что в письменных источниках XIII–XIV вв. отсутствуют сведения, которые однозначно можно было бы сопоставить с территорией Предбайкалья или народами, проживавшими на ней. Правда Рашид-ад-дин упоминает о реке Ангаре – Анкаре и проживавшем на ее берегах монгольском племени усуту-мангун [Харинский 2003: 105].

По Сокровенному сказанию монголов, предки монголов стали совместно обитать вместе с племенем хорилар, отделившегося от хори-туматского союза. В периферийной зоне между северными тюрками, монголами и тунгусами происходило взаимное проникновение и смешение родов, поэтому попытка определить изначальную языковую принадлежность носителей имен уранхай, монгол, хори-тумат и т.д. является неперспективным занятием.

Постольку существует критерий достоверности фольклорных сведений, то вопрос об этнической принадлежности населения Приангарья в монгольский период нуждается в дополнительных доказательствах на основе археологических материалов. А.В.Харинский именно племя усуту-мангун считает основными носителями усть-талькинской культуры на территории Южного Приангарья [Харинский 2005]. Наряду с хори-туматами племя усуту-мангун считает носителями усть-талькинской культуры В.С.Николаев, однако, связывая их с территорией Северного Приангарья [Николаев 2004: 154].

Имя племени усуту-мангун переводимо как «речные драконы», их Ю.А.Зуев отождествляет с племенем аджилар (от авестийского *azi* – змей) в составе кимеков [Зуев 2002: 133]. А.В.Харинский отождествляет Усуту-Мангун с именем четырех их областей – Мангу [Харинский 2003: 107]. В интерпретации Ю.А.Зуева название области Мангу превращается в Мюнгю – обозначения «серебра» в тюркских языках. Это название уже близко к имени крупнейшего якутского улуса Мэнэ, название которого воспроизводится от близкого слова Мэнэ – вечный. В труде Рашид-ад-дина область Ангары, где проживали усуту-мангуны, получает характеристику: «Повсюду там серебро» [Зуев 2002: 135].

Если внимательно прочитать русский перевод труда Рашид-ад-дина, то получается, что усуту-мангуны – это отдельное монгольское племя, проживавшее по Ангаре, и только рядом с ними оговаривается нахождение четырех областей «пегих лошадей». Получившее историографическую известность имя алакчинов появилось от компилятивной работы Абульгази (автор XVII в.), где отождествляются племя усуту-мангун и упоминаемые рядом с ними четыре области «пеголошадников» под одним именем [Абульгази 1906].

Сведения Рашид-ад-дина об обитании племени «пеголошадников» в Приангарье представляются актуальными в ракурсе локализации племени Бома, упоминаемого китайских источниках в V–VII вв. Отметим, что термин «элочжи» и «бома» считаются китайской транскрипцией тюркского слова «ала» [Зуев 1962: 108–116].

Если на основе подъемных материалов собранных Б.Э.Петри, ранее этно- и культурогенез саха связывали с курыканской эпохой в Предбайкалье, то более поздние иркутские археологи говорят о связи этнических предков саха с территорией Предбайкалья в период между XII–XIV вв. Преемственность между якутскими погребениями с конем с захоронениями усть-талькинской культуры доказывается присутствием внутримогильных конструкций в виде колоды и ящика-гроба, труположением покойных вытянутых на спине, наличием погребений животных (коней) в отдельной могильной яме [Николаев 2004: 157].

Возьмем в заметку, что усть-талькинцы считаются носителями кимако-кыпчакских традиций, принесенных ими в XI–XII в. из западных территорий. По радиоуглеродному анализу, уже XII в. усть-талькинцы активно осваивали все Предбайкалье, поэтому возможность проникновения кыпчакских воинов Юаньской империи не согласуется с этой датой.

Проблема усугубляется тем, что Ю.А.Зуев прослеживает миграцию кимеков в Приангарье с территории Внутренней Монголии [Зуев, 2002]. В итоге в наличии мы имеем три независимых источника, утверждающие о связи населения Лено-Байкальского региона с кимеками: это гипотеза А.И.Гоголева и Ф.Ф.Васильева о связи археологии Средней Лены с сrostкинской археологической культурой; версия В.С.Николаева связывающая «погребения с конем» в территории Предбайкалья с участием кимакских элементов и точка зрения Ю.С.Зуева на основе интерпретации сведений восточных источников связывающая народ усуту-мангун с кимеками. Утверждение об участии кыпчакского компонента в этногенезе саха также связывается через обряд «погребения с конем», особенно с остовом коня, чуждого как для курыкан, так и для монголоязычных предков якутов [Гоголев 1990].

Проникновение кыпчакских элементов в этнокультуру саха принято соотносить с хангаласцами. Проблема усугубляется тем, что племена и роды под названием канглы (или с основой канг) имеются у всех современных тюркских народов. Канглы принято считать потомками древних кангюйцев, имевших иранское происхождение. Поэтому обратимся к другому мнению, отождествляющему канглы с названием племени гаогюй в переводе – «высокие телеги», под которыми китайские источники знали племена теле-тегрек (древних уйгуров). Г.В.Ксенофонтов именно с гаогюйцами – уйгурами связывал хангаласцев, которых обозначал как носителей тюркских этнокультурных скотоводческих элементов. Канглы-гаогюй-хангалас он считал третьей, тюркской волной, участвовавшего в этногенезе саха [Ксенофонтов, Ф.4. Оп.7. Д.32]. В легенде об Огузе, приведенной у Рашид-ад-дина и Абулгази, говорится, что предок канглы получил свое имя вследствие того, что строил повозки [Абулгази 1906: 84].

Этноним хангалас распадается на две части: хангал и ас. Предком Хангаласского улуса иногда считается сын Эллэя по имени Хаайа Ханылы. Ю.А.Зуев находит еще канглы ~ кангюйцев в территории Центральной Азии. В истории династии Тан, где рассказывается о падении Уйгурского каганата, упоминаются хэйчэзцы (чернотележники) шивеи, входившие в состав объединения Канцзюй или даже тождественные ему. По его утверждению область Канцзюй находилась еще в северной части Внутренней Монголии и востоке Большого Хингана. Для нас является совершенно новым и неожиданным является его гипотеза о связи с этнонимом канглы-кангюй с названием города Канкати, упоминаемого Рашид-ад-дином в стране «пеголошадников». Еще более интересно утверждение его о наличии тележных кангов среди лыжных тюрков, делившихся на три племени: дубо (тува), милиге (меркит) и хэйчэзцы (канглы) [Зуев 2002]. Следовательно, потомки гаогюйцев – канглы имелись среди тюрко-уйгурских племен Дубо.

По Я.И.Линденау, Борогонский улус происходит от сына Эллэя, по имени Боркутай. Если убрать окончание – тай, служащее для образования имени и учесть, что в монгольских языках «о» заменяется на «а», то получится баргу – баргут. То, что борогонцы были потомками именно баргутов, доказывает наличие в Усть-Алданском улусе, т.е. в бывшем Борогонском улусе, топонимов Баргыдай, Баргы [Иванов 1988: 100–101]. В хоринских легендах отцом родоначальника бурят Бурядая и хори Хоридоя, является Барга-батор. По бурятским преданиям, предком бурят является Барга-Батор. В сравнении, в некоторых генеалогических легендах саха сыном Эллэя считается Барга-Баатыр [Ксенофонтов 1977: 128].

Согласно одному бурятскому преданию от сына Хун-тайчжи-хана Барга-батара произошли якуты, от Шоно-батара корейцы, булагаты от Сэрэн-галдана, хори от Хореодой убгуна [Румянцев 1962: 173]. По сведениям бурятского фольклора Баргу-Батор направился вместе с сыном Хоридой-Мерген вниз по Лене, в территорию будущей Якутии, сам он вернулся обратно в Иркутскую губернию. Оставшийся там его сын Хоридой женился на «дочери неба», имел только одну собаку и занимался охотой [Хангалов 1960: 107–109].

Вероятно, имя баргутов стало синонимом слов в монгольских языках со значениями «богатый, могучий» или «примитивный, дикий» в результате долгого соседства периферийных

групп тюрков и монголов в смежных районах Забайкалья. Этноним баргу и баргут широко встречается в тюркской среде. У кочевых узбеков было племя баргут, среди киргизов имеется большое племя баргу. Отметим наличие этнонима борку (баргу) в «Дешт-и-кыпчаке» XIII–XIV вв., среди ногайцев отмечаются борган-кыпчаки. От этих борганов или «брагуйцев» XIV в. происходят тюркоязычные народы Северного Кавказа: карачаевцы, балкарцы и кумыки. В «Сокровенном сказании монголов» (ССМ) баргуты фигурируют в форме бархуны, что более близко в окающем варианте к имени борогон.

Следовательно, более убедительной является версия, утверждающая о связи между байырку и монгольским племенем байаут, проживавшего в XIII в., по реке Джиды и по Восточному Забайкалью. По преданиям саха, позднее поколение Омогоя получило название «Баарагай Байагантай» («Огромный Баягантай»). Первоначальной формой «байагантай» является слово «баайага». Прародителями Баягантайского улуса считаются Кордой и Когохук. Согласно Я.И.Линденау, они являются потомками Эллэя, но в других преданиях этот улус происходит от сына Омогоя Аан-Тайбыыр. Имя предка баягантайцев Кордой или Хордой принято связывать с именем предка хоринских бурят Хоредой-мэргэном. Значит, баягантайцы раньше также были ветвью хоро.

Фольклорист А.А.Саввин часто употребляемое в олонхо слово «саха байааттар» или «саха байаан» сравнивал с названием туркменского племени баят. В олонхо якуты называют себя «саха байааттар» или «саха байаан». Это утверждение нам представляется весьма примечательным, ибо у многих кочевых тюркских племен разделение на черную и белую кости, было обычным явлением.

Племя баят активно участвовала в этногенезе огузских народов, там они являются аристократическим племенем. Баятами иногда называют тюркоязычный народ Кашкайцев, проживающий в Иранском Азербайджане. Баяты – один из крупных племен ойратов в нынешней Монголии. Алтайские племена имеют собственное самоназвание и то же время также зовут некоторых из их как «паят, паяттар» (конечно не всех алтайцев-ойратов).

Словом «байан» обозначалось божество Нижнего мира женского пола (в противоположность «байат» – божеству Верхнего мира мужского пола). «Байан» – несколько раз встречается в китайских источниках. Объединяющей основой обоих слов является корень, воспринимавшийся в значении «богатый, обеспеченный». Баяты упоминаются в ديوان لغات الترك «Диване тюркских языков» Махмуда Кашгари. Причем, очень интересно, БАЯТ – это не только название огузского племени, но также и имя Божье в диалекте аргу, синоним слова Аллах. В этом смысле слово БАЯТ встречается в первой строчке «Манзим мукаддима» книги «Кутадгу Билик».

Как видно, основой этнонимов баягиры, баягантайцы, байегу и байаут является слово «баайага». Таким образом, в тождественности рода баайага или баягантайцев с баягу (байырку) не приходится сомневаться. Баягантайцы в якутском фольклоре выступают в качестве первых насельников будущей территории Борогонского и Батурусского улусов, т.е. Амгино-Алданского района, где расположены основные памятники кулун-атахской археологической культуры (XIV–XV вв.). Далекie районы Оймякон и Томпо также осваивали выходцы из Баягантайского улуса. В горном районе Верхоянского края существовал род Байды, проживавший там до прихода русских.

Для монголов, безусловно, интересным является факт наличия среди саха рода, тотемным предком которого выступал Волк. Боро-бетунцы с «волчьей удачей» составляли один из крупных «волостей» Якутской земли до истребления основной части рода на Амге карательным отрядом В.Пояркова. Бетунцы возможно имели этническую связь с монгольским племенем чино-шоно, существующего в виде рода среди эхирит-бурят.

Подчеркнем тот факт, что по фольклорному этнознанию, народ саха имел три различных корня: от Эллэя, Омогоя и Улуу-Хоро [Боло 1994: 128]. Авторами XVIII–XIX вв. хорошо знакомыми с родовыми преданиями бурят и фольклорной версией о байкальском происхождении якутов, был построен мост между хори-бурятами и хоро в составе саха. Характерно, что в материалах участников экспедиции И.И.Биллингса имеются сведения, о присоединении бурят-хоринцев к племени Омогоя, под которыми принято понимать батулинцев. Из их у-

верждения выходит, что хоринцы это иноплеменники, которые позже присоединились к якутам, проживая среди них, якобы долгое время сохраняли свой язык [Гоголев 1993: 117].

У Рашид-ад-дина племя кори упоминается отдельно от туматов. Рашид-ад-дин указывает, что в древности туматы проживали в верховьях Енисея, в начале XIII в. принадлежавших ойратам. По утверждению Г.В.Ксенофонтова, хори, тумэты и ойраты все проживали в Приангарье. Как он считал, сказания вилюйчан о столкновении их предков с иноплеменным народом тумат относятся к прибайкальскому периоду истории якутов [Ксенофонтов 1992: 157]. Упоминание единого племени хори-туматов встречается только в «Сокровенном сказании монголов» и «Алтан тобчи».

Цыдендамбаев пришел к выводу о наличии в прошлом у хоринцев двух фратрий, имевших разные тотемы лебедя и собаки. Наличие двух тотемов вновь заставило его обратиться к мысли о сильной тюркской струе в хоринском этногенезе. Лебедь в его представлении оказался тотемом тюрков, а собака – монголов [Цыдендамбаев 1972: 220, 225].

Среди саха Крайнего Севера также существовали легенды о народе хоро. Предания подчеркивают древность и многочисленность хоро. Нужно отметить заметное отличие преданий саха о племени хоро среди жителей центральных улусов от северных районов. Например, согласно фольклору северных саха, хоро – вымерший народ, живший в древние времена, по преданиям саха центральных улусов, он переселился с юга и боролся с Тыгыном. В преданиях саха подчеркивается тот факт, что хоро имели иную религию и язык, чем тунгусы и саха. Согласно преданиям, язык у хоро был особенный, никто из посторонних не мог понимать их [Ксенофонтов 1977: 158]. Язык хоро принято связывать с «тайным», сакральным для непосвященных, шаманским языком. Шаманский язык или «хоро тыла» распался на язык хоро дикого оленя и язык хоро домашнего оленя.

Что интересно, в территории Центральной Якутии встречались старинные погребения и поселения, связываемые с загадочным народом хоро. Найденная Е.Стреловым одежда хоролоров не походит на древнюю одежду якутов и не имеет ничего общего с одеждой монгольских народов. В то же время она по своему покрою близко напоминает одежду эвенков [Зориктуев 1997: 51]. Данное исследование является в корне отвергает непосредственное отождествление хоролоров с хоринцами, вышедшими в Забайкалье в начале XVII в. из территории Маньчжурии.

Принято считать, что в якутском фольклоре термин Хоро служит обозначением монголоязычных родов, вошедших в состав саха. Поэтому выделим утверждение, что «хор» является наименованием древних протомонгольских племен сяньби, расселившихся от Прибайкалья до Восточной Монголии [Румянцев 1962: 126–128].

В научных дискуссиях об этнической принадлежности туматов, наличие туматов в архивных документах XVII в. и сведения якутского фольклора о туматах еще не привлекались. Имеется фольклорное сведение о том, что туматов с долины Туймаады изгнал Омогой Баай, победив их. Судя по этим преданиям, туматы до прихода саха могли проживать на территории Средней Лены и только потом сосредоточиться на Нижнем и Среднем Вилюе. Имя туматов запечатлено в названии долины Туймаады.

Архивные данные XVII в. позволяют утверждать, что имя тумат применялся по отношению группы «пеших» якутов Среднего Вилюя [Долгих 1960 468–469; Николаев С.И 1957: 94–96]. В большинстве записей преданий, преобладает сюжет переселения с Байкала на Лену готового народа со своим предводителем, носящего имя Бадьай или Дэнси Тархан Тегин. Взяв за основу фольклорные источники, русские чиновники XVIII в. И.Эверс и П.Грановский составили список племен, прибывших на Среднюю Лену. Судя по нему первыми прибыли хоро и туматы и только после них саха и ураанхай, затем батулинцы и баягантайцы [Иванов М.С. 1985: 27].

По записям В.В.Никифорова, сделанным в 1925–1926 гг., туматы обитали в Вилюйском, и отчасти Олекминском округах бывшей Якутской области. Они занимались охотой и рыболовством, жили в «земляных урасах» (видимо, холомо) и постоянно перекочевывали с места на место. Оружием им служили луки и стрелы с железными наконечниками, а также пальмы. Туматы носили одежду из звериных шкур, обвешанную кистями из оленьих волос и вышитую разноцветным бисером. Саха туматов обыкновенно называли «тигиилээх сырайдаах»,

так как это племя имело обычай татуировать свое лицо. Туматы «имели чрезвычайно суровый вид и жестокий нрав» [ПФА РАН, ф.47, оп.2, д.122, л. 68–73].

Архаичность быта упоминаемых в фольклоре туматов, исследователей привела к мысли о древности обитания их на территории Якутии и связи их с палеоазиатским (юкагирским) субстратом. Фольклорные источники отличаются свойством переноса давних событий на более близкие к рассказываемым, таким же образом древние этнонимы вместе с изменением этносазнания перетерпевают изменение, попадая из разряда «чужих» и «враждебных» в «свой». Так этноним тунгус становится обозначением группы якутов-оленоводов в XIX в.; сами тунгусы, перейдя на скотоводство, ассимилировались с виллойскими якутами, видимо тогда память о тунгусских племенах Виллоя была перенесена на туматов, которые вообще-то являлись субэтнической группой якутов в XVII в.

Еще В.В. Радлов, связывал якутов с племенем лесных урянхайцев, проживавших вблизи местности, называемой «Баргуджин-Тукум». Лесные урянхайцы, по мнению В.В.Радлова, по своему первоначальному происхождению, не принадлежали ни к туркам, ни к монголам. По его предположению, монголы, вторгнувшись на западную сторону озера Байкал, потеснили жившие там тюркские племена. Часть этих тюрков, вытесненная на север от Байкала, смешалась с лесными урянхайцами и окончательно их отурчила [Ксенофонтов 1977]. Таким образом, согласно ему урянхайцы представляются народом периферийной зоны.

В старину по данным эпоса – олонхо старинным названием народа саха было слово урянхай. Он являлся заменой слову «человек». Так, в эпосе герои-богатыри племени Айыы обычно называют себя «саха-ураанхай» или «борон-ураанхай» (серые урянхайцы). Именем урянхай известны таежные племена Южной Сибири, это название употребляется и в отношении тюркских народов Монголии, обитающих в горно-таежных регионах Западной Монголии. Еще Рашид-ад-дин писал, что у монголов наименование «урянха» является общим для народов, населяющих таежные районы.

В фольклорных источниках, говорится о проживании в Центральной Якутии отдельного племени ураанхай, предшествовавшего предкам саха. По записанному Г.У.Эргисом в 1943 г. рассказу, многолюдный народ ураанхай пришел на р. Лену с юга и оттеснил тунгусов в тайгу, а юкагиров в тундру. После них, спасаясь от войн кыргысов-татар, пришел Омогой, его люди женились на дочерях урянхайцев и стали прародителями народа «саха-ураанхай» [Эргис 1960]. Таким образом, фольклорные данные дают сведения о том, что проникновение в край скотоводов – урянхайцев происходило планомерно и, возможно, им принадлежит заслуга первоначального освоения края скотоводами. В преданиях записанных Г.В.Ксенофонтовым, урянхайцы также предстают как местный народ к времени прихода основных предков саха с Юга [Ксенофонтов 1977: 48, 177].

В бурятском фольклоре, есть сведения о белых урянхайцах (сагаан урянха). Они упоминаются как пришлое племя, напавшее на эхиритов обогнув Байкал. В кровопролитном бою на реке Тутур урянхайцы были разбиты ополчением эхиритов, буряты долго преследовали их, взяв много пленных, имущества и рогатого скота [Балдаев 1970: 279]. Следовательно, в территории льскому племени урянкатов, а не к лесным сайн-урянхам, предкам сойотов-тувинцев. В китайской энциклопедии Минского периода, где изображен урянхаец Урянхаадай – сын Субудая, он нарисован в короткой, распашной меховой одежде и в коротких штанах, к которым спереди прикреплен передник из листьев, ноги босые. Там написано «Урянхаадай живет в горных лесах на северо-восточной татарской окраине. У него есть дикие кони, но нет баранов и коров, ловит рыбу, пьет кобылье молоко, тем и живет» (из форума Центральноазиатского исторического сервера).

Согласно Лео де Хартогу с ссылкой на Бретшнейдера и Рене Груссе, Субэдей обосновался после возвращения в 1246 г. из похода в Европейские страны на территории своего родного племени, урянхатов (к востоку от Байкала), где умер в том же году [Лео де Хартог 2008: 248].

В якутском фольклоре имеются сведения о далекой стране Ураанхай, откуда перекочевали предки саха. Поэтому перед нами стоит задача поиска местожительства этой легендарной прародины саха. Лесные урянхайцы – предки сойотов или тувинцев, занимались охотой и выращиванием горных баранов и быков в отличие от урянхайцев Урянхаадай – сына Субудая.

Следовательно, по этнокультурным характеристикам нельзя отождествить лесных тувинских урянхайцев с саха-уранхаями. Указание китайских источников на восток от Монголии позволяет связывать урянхайцев племени Субэдэя с территорией Восточного Забайкалья и примыкающим к ней горами Хингана. Описание урянхайцев в китайских летописях периода Юань дается иными этническими маркерами, чем описание обычных степных монгольских племен. Здесь присутствует горная местность, коневодческая культура и отсутствие одежды в виде монгольского халата. Именно так выглядели конные эвенки в описании европейских путешественников XVII в. Среди конных эвенков Забайкалья были группы известные под именем урянхайцы. Поэтому племя степных урянхатов можно отождествить с носителями ундугунской культуры, принадлежащего скорее к эвенкам-скотоводам [Цыбиктаров 2001: 197]. Среди изображений костяных предметов данной культуры можно увидеть лировидный орнамент и лепестки, ставшие характерными для якутской этнокультуры.

Было высказано мнение, что прародиной этнонима «уранхай» является территория Маньчжурии. Носителем различных транскрипций этнонима «уранхай» в китайских источниках было объявлено конкретное племя си (хи) или кумоси (кумохи), обитавшее в Западной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии [Кюннер 1961: 367]. Это утверждение основано на том, что на кантонском диалекте, более близком к значению древних иероглифов, Хи (Си) читается как Кай. Гипотеза Ю.А.Зуева, связывающее племя усуту-мангун с кимеками, можно связать с наличием племени белых си – байси (т.е. белых урянхайцев?) входивших в состав племен теле. Часть их вместе с остальными огузскими племенами могли уйти дальше в западные степи, дав начало кимакам. Часть оставаться в горах Хингана и Восточного Забайкалья, попав под монгольское господство.

Так Г.В.Ксенофонтов выдвинул гипотезу об образовании имени «уранхай» от тунгусского слова «орон» – олень. По его утверждению, якутские уранхай принадлежали к тунгусским племенам Маньчжурии, но уже в древности утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру [Ксенофонтов 1977]. Таким образом, он предполагал, что этноним «уранхай» вошел в язык саха в ходе ассимиляции тюркоязычными саха аборигенов края – тунгусов или эвенков. По его мнению, урянхайцами себя называли предки вилюйских саха, еще в начале н.э.

К этому можно добавить то, что известный этнограф Г.М.Василевич собрала материалы, свидетельствующие о том, что «уранхай» и «эвенки-уранхай» были самоназваниями древних эвенков [Василевич 1966]. Среди забайкальских эвенков распространены этнонимы уранхай. По ССМ и Юань-ши монгольское племя урянхат проживало по реке Онон. В якутских преданиях упоминается страна Ураанхай в качестве прародины предков, откуда прародитель направляется на Байкал и далее вниз по Лене. В этом ключе нельзя не отметить тождество сведений якутского фольклора с бурятскими.

Одной из субстратных групп в территории Байкала видимо являются загадочные мекриты, отождествляемые с меркитами. Так Марко Поло, посетивший в XIII в. ставку монголов, сообщает о том, что в долине «Бангу» (Баргу) живут дикие охотники и скотоводы «мекри». С приполярной зоной Якутии можно связать известие о проживании «мекри» в местности, где зимой из-за великого холода не жили ни зверь, ни птица. А летом они охотились на зверей и птиц. По утверждению Марко Поло, через сорок дней можно дойти до моря-океана, где есть горы, где соколы–пилигримы вьют гнезда. Место это якобы находится так далеко на север, что северная звезда остается позади к югу [Марко Поло 1997: 239].

Считается, что упоминаемое в рассказе Марко Поло долина Баргу, где есть море-океан, это Байкал с островом Ольхон, где на севере от него есть долина Баргузин. Примечательно, что М.П.Алексеев и Г.Юль в мекритах видят тунгусов, а не тюркское и монгольское племя. Более того, Юль в этом описании видит ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «очевидно М.Поло получил сведения от очевидцев». При этом приводится цитата из описания путешествия Врангеля, где последний говорит о природе и фауне Нижне-Колымска [Алексеев 1941: 38].

Эта страна в отличие от монгольских степей, имела «много озер, прудов и болот», притягивавших стаи перелетных птиц», занимались мекриты и оленеводством [Алексеев 1941: 34].

Именно в описании мекритов впервые обнаруживается описание образа жизни, который в дальнейшем становится характерным для саха и тунгусов, расселившихся в разных географических зонах. Разделение мекритов на скотоводов и оленеводов, совпадает с этнокультурным описанием эвенков (тунгусов), значительное место в их хозяйстве занимала охота на птиц и зверей.

Меркиты во главе с Тохтоо-беки, преследуемые армией Тогрул Ван – хана и его «сына» Темучжина, каждый раз бежали в Баргузинскую котловину. Постольку буквы м и б чередуются, то термин мекрит является калькой названия бекри, вокарай в названии тунгусских родов. Поэтому, род увакасилъ или вокарай в составе забайкальских эвенков принято связывать с этнонимом мекри-меркит. Сведения Марко Поло о мекритах, совпадают с занятием Вакарайского рода, включавшего как коневодов, так и оленеводов [Туголуков, 1980: 162]. Однако эвенкийские предания бекри связывают с кочевыми завоевателями, с ними связан сюжет о борьбе с народом железных богатырей, у которых и кони были закованы в железо. По фольклорной версии, бекри потерпев поражение, были ассимилированы тунгусами-эвенками. В них В.А.Туголуков видит меркитов; оказавших наиболее упорное сопротивление Чингиз-хану [Туголуков 1985: 190].

Омогой – первый родоначальник саха, прибыл на Среднюю Лену, из-за преследования грозным царем за воровство, его мифологический образ ранее нами связывался с судьбой представителя племени меркитов Чильгир-Боко. Другой родоначальник саха Эллэй, с которым связывают тюркоязычные этноса, бежит с отцом через безводные пустыни в результате преследования предков саха монголами и каким-то безумным царем в результате обвинения в конокрадстве [Ксенофонов 1977]. В этой связи интересно, что первые ученые, изучавшие якутские предания о своем происхождении, связывали приход саха на Среднюю Лену борьбой с Чингисханом, в результате они были загнаны в эти труднодоступные, необитаемые края [Миллер 1937].

Этноним меркит обычно воспроизводили от тотемного обозначения орла-беркута. Телутский сеок меркут на Алтае, называвшийся также меркит, считал себя происшедшим от белоголового орла; орел рассматривался как птица хозяина Неба, неизменный спутник и помощник шамана [Зуев 1970: 85]. Почитание орла меркитами в качестве своего прародителя связывает их с мифологией саха. Хомпоруун Хотой Айбы – Горбоносый Орел, почитается представителями аристократии саха в качестве отдаленного предка. У саха орел также ассоциируется с солнцем [Штернберг 1936: 114–115].

Надо напомнить, что по Марко Поло, мекриты занимались оленеводством и охотничьим промыслом. М.П.Алексеев отождествлял мекритов с тунгусами. По А.Г.Юрченко историко-этнографической загадкой является то, что в местности Баргу, куда согласно ССМ бегут меркиты, до них обитали лесные племена мекритов – оленеводов [Юрченко 2002: 158–160]. Вся загвоздка заключается в том, что меркиты могли уйти в страну оленных мекритов – т.е. в Якутию. Носителей этнонимов мекрит, вокарай, удуит или увас-меркит можно отнести к осколкам древних мохэ.

В монгольское время, в XI–XIII вв. меркиты обитали в территории Центральной Бурятии. Это сравнивается с данными якутского фольклора о проживании их предков в течении долгого времени вместе с народом *бэрээт* по хребтам Ат-Дабаан, Огус-Дабаан, Хаамар-Дабаан [Боло 1994: 31, 32]. В сравнении в Западном Забайкалье имеется хребет под названием Хаамар-Дабаан. Его название пытаются объяснить на основе монгольских слов, однако, в якутском языке он получает гораздо более точное определение: хребет, который можно пройти пешком.

Следует отметить тот факт, что компактный район «оканья» в хоринском диалекте бурятского языка в территории Забайкалья совпадает с предполагаемым районом меркитских кочевий. Оказывается, в «оканье» бурятские лингвисты видят яркие следы тюркского влияния на бурятский язык [Тиваненко 1992: 57]. Такое же диалектное деление на окающие и акающие говоры встречается и в языке саха. При этом акающий диалект принято связывать с фактом обьякучивания монголоязычных групп на Средней Лене.

К этому можно добавить тот факт, что бурятские ученые в фундаментальном труде «Буряты» сделали вывод о том, что при передвижении основной массы предков саха, отдельные

их группы остались в отдаленных от центра долинах рек, в частности Тугнуя и Курбы в Забайкалье. Именно там можно встретить сильно развитое «оканье», что показывает на ассимиляцию субстрата основной монголоязычной массой региона [Буряты 2004: 232].

Именно с племенем гулиганей, отождествляемых с курыканами рунических памятников, связывают памятники курумчинской культуры в территории Предбайкалья VI–X вв. С VIII в. гулиганы перестают упоминаться в каких-либо источниках, то возобладало мнение о вытеснении тюркоязычных предков саха в территорию Якутии монголоязычными племенами. Это всего лишь научная гипотеза, обоснованная Б.Э.Петри и Г.В.Ксенофоновым, была развита в монографиях А.П.Окладникова, подхваченная иркутскими, бурятскими и якутскими учеными она продолжает жить в учебниках, монографиях, научно-популярных книгах. Более того, часто встречаются утверждения типа того, как доказано «предками якутов являются тюркоязычные курыканы».

Поэтому перед нами встает задача самостоятельного прочтения сведений в источниках об этом племени. В династийной хронике «Старая Танская история» речь идет о том, что: «Гулигань помещаются на север от Ханьхай. Много лилий. Разводят хороших лошадей. Их страна на север достигает моря, отстоит от столицы очень далеко. Еще на север, если перейти через море, то дни длинные, ночи коротки...» [Кюннер 1961: 235].

Ханьский историк династии Цинь XVIII в. заметил, что место восхода солнца не может быть пройден ни на конях, ни ветром, а пустыня Ханьхай просто находится на Крайнем Севере. Поэтому он пишет, что, только из хвастливых слов послов из страны гулиганей они были записаны в летописи. В то время среди ханьцев просто не было людей, лично посетивших эти далекие северные края [Кюннер 1961: 35]. Отсюда можно придти к выводу, что гулиганы жили в стране, где тянулись длинные полярные ночи и наоборот летом солнце очень долго стояло на горизонте.

Писец Цинской династии XVIII в. пришел к выводу о том, что гулиганы жили в местности Якутск (Ятэку), близ моря, на крайнем северо-востоке. Вот откуда появилась версия, отождествляющая этническую историю якутского народа с гулиганями. Еще посланник из страны гулиганей поведал о том, что Ханьхай (пустыня), есть местность – расположенная близко к месту восхода солнца, изумив этим сообщением китайских географов. Гулигань из всех племен теле, считались наиболее отдаленными [Кюннер 1961: 35].

Именно, иероглиф Ханьхай был переведен Н.Я.Бичуриным как Байкал: «Гулигань кочевало по северную сторону Байкала». Однако у поздних исследователей сложилось различное мнение, по поводу месторасположения местности Ханьхай. Ю.А.Зуев подразумевает под ней Хангай – нагорье в центральной части Монголии, Э.В.Бретшнейдер писал, что Ханьхай – это часть пустыни Гоби. Жу Шунь комментируя XIII, к слову Ханьхай дал такое примечание: «Ханьхай – это название северного моря» [Малаявкин 1989: 140].

Если китайские и иностранные комментаторы соглашались с тем, что под Ханьхаем – пустыней, за которой обитали гулиганы, фигурирует Ледовитый океан или северная тундровая зона, то советские и российские историки даже мысли не допускают о возможности знакомства средневековыми ханьцами столь отдаленных территорий и даже обмена дарами. Из страны гулиганей в Танскую империю, прежде всего, привозили рог хуту (мамонта), в переводе Н.В.Кюннера прямо написано, что там «гнездо мамонта» [Кюннер 1961: 286]. Исходя из этого, можно допустить, что гулиганы за костью мамонта могли ходить в острова Ледовитого океана.

По свидетельству китайской хроники, племена гулигань (курыкан) и дубо были соседями: «На север от двух племен (поколений) Гулигань и Дубо имеется небольшое море. Когда лед креп, лошади, идя 8 дней, могут переправиться. На север от моря много больших гор. Жители их по виду очень крупны. Обычаем ходят на Гу-ли-гань» [Кюннер 1961: 286]. Следовательно, в этом отрывке племена Дубо (тумат) и гулиганы (курыканы) упоминаются как обитатели какого-то крупного озера, сравнимого с небольшим морем. Предполагается, что это озеро Байкал, хотя в отношении дубо, давно пришли к выводу, что они жили около озера Хубсугул.

В одном месте о вероятном месте местожительства гулиганей говорится так: «Гулигань живут на северной стороне от Хуйхэ, на север от Ханьхай. Двое сызгинь вместе живут» [Кюннер 1961: 283]. Название местности Хуйхэ объясняется как корейское государство Фуюй.

Значит, гулиганы проживали севернее Маньчжурии. Интересно, что область чжурчжэней в Приамурье также была известна в летописи династии Ляо под названием Гулигань. Описание места проживания курыкан-гулиганей сильно различаются, они фиксируются в разных местах, поэтому это название могло быть связано с тюркскими отрядами, несшими охраняющие и управляющие функции в периферийных районах Предбайкалья, Забайкалья, Приамурья и северных регионов. Среди чжурчжэней упоминается область Гулигань, в него входила территория современного Приамурья.

Еще И.В.Константинов заметил неродственность курыкан и монголоязычных хори, констатируя тот факт, что хоринцы не входили в состав курыкан. Из сведений ССМ о хоритуматах он также пришел к выводу, что курыканы и хоринцы являются различными народами. Так хоринцы рисуются как типичные кочевники, то курыканы отождествляемые с курумчинцами вели оседлый образ жизни [Константинов, 2003: 51–52].

Юаньские источники свидетельствуют, что приангарские кули (кори) являются потомками древнего племени Гуливо (гулигань) [Грумм-Гржимайло 1926: 426]. Значит, здесь зафиксировано этническая преемственность между страной Гулигань и племенем кори арабopersидских источников и кули-ангу-хэшэ в Юань-ши. Значит, впервые неизвестный юаньский переписчик отождествил кори с гулиганами, заложив тем самым начало обширной историографии данного вопроса. Отсюда допускается, что объединение курыкан доминировала над северными территориями, и собирала дань с диких, лесных племен таежной зоны Сибири. Сами они могла проживать на территории Средней Ангары и Верхней Лены. Значит, курыканы могли состоять из небольшой воинственной конной дружины и крайне отсталыми, воинственными родами лесных охотников.

При обсуждении байкальской прародины саха возникает проблема прибытия на Среднюю Лену или уже сформировавшегося в регионе Байкала (гипотезы И.Линденау, А.П.Окладников и И.В.Константинов) народа; или же отдельных племен, участвовавших в этногенезе саха на территории Центральной Якутии (Н.В.Остолопов, Г.В.Ксенофонтов, А.И.Гоголев). Как выше рассматривалась, нет никаких данных об обитании вокруг Байкала народа «саха» с сформировавшимся самосознанием этнического и территориального единства. В то же время довольно наглядно обнаруживаются субстратные этнолокальные группы якутских улусов (племен). Их часть традиционно связывают с периферийными группами монголов (борогонцы, баайага, хоро, тумат), других можно сопоставить с пограничными группами тюрков (кангаласцы, мегинцы, батулинцы), третьи по фольклорным данным тяготеют к пограничным группам, одинаково тяготеющим к эвенкам и монголам (уранхайцы, намцы, хатылы).

В этнологической науке этногенез дефинируется как сложный многокомпонентный процесс, в котором могут быть задействованы «предковые» этнические группы, различающиеся по генезису, языку, культуре и т.д. Обобщая исследования в области этногенеза и этнической истории саха, можно заключить, что основными компонентами в процессе формирования якутских родов-этнических были, с одной стороны, средневековые тюркоязычные группы, с другой монголоязычные, которые для иных племен являются субстратом или суперстратом, а также тунгусские и, возможно, самодийские компоненты. Основываясь на последних исследованиях в области этнической истории саха, где подчеркивается преобладание южного, байкальского компонента, можно выстроить следующие схемы этногенеза якутских родов.

В большинстве записей преданий, преобладает сюжет переселения с Байкала на Лену готового народа со своим предводителем, носящего имя Бадьай или Дэнси Тархан Тегин. Взяв за основу фольклорные источники, русские чиновники XVIII в. И.Эверс и П.Грановский составили список племен, прибывших на Среднюю Лену. Судя по нему первыми прибыли хоро и туматы и только после них саха и ураанхай, затем батулинцы и баягантайцы [Иванов 1985: 27]. Действительно, в источниках XIII в. упоминаются хори-туматы, связываемые большинством исследователей с Предбайкальем. Носителей имени саха и ураанхай в историографии, связывали с территорией Саяно-Алтайского региона; для них Байкал был промежуточным пунктом переселения. Поэтому доверимся сюжетам бурятского фольклора, о стычках племени эхирит обитающего на Верхней Лене с племенами саган-уранхай и саха. Неожиданным является в этом

списке упоминание байагантайцев, связь их с байырку-байаутами заставляет нас считать их одними из основных предков саха, не менее важными, чем гулиганы-куруканы.

Постольку Байкальский регион в раннее средневековье, считается территорией обитания многочисленных тюркоязычных племен теле – потомков динлинов, тождественных с «пли-точниками», то перед нами предстает задача изучения формирования предков современных тюркских этносов в территории проживания бурятов. Безусловно, первую очередь с Забайкальем связан этногенез древних уйгуров, вопрос о соотношении их с уйгурами Восточного Туркестана выходит за рамки данной работы. Многочисленные огузские племена соответствуют к союзу теле в китайских летописях. Их потомками являются такие многочисленные народы как кашкайцы, азербайджанцы, турки и туркмены. После ухода огузо-уйгурских племен на западные степи, их часть оставалась на территории Байкала, оказывая возможное сопротивление кыргызам и монголам. Северные племена теле: байырку, курыканы, байси (белые уранкай) попав под сильное монгольское влияние, принимали непосредственное участие в этногенезе монгольских народов Баргуджин-тукума.

Другой проблемой является связь с территорией Байкала большого племени бома-алатов, этнически близких к древним тюркам и являющихся ветвью хуннов. В них, возможно, видеть субстрат будущих бурятов. Предки монголоязычных народов, традиционно отождествляемые с шивеями, занимали обширные территории, включавшие Восточное Забайкалье, Предбайкалье и Южную Якутию. Являясь периферией монгольского мира, они контактировали с пограничными группами тюрков, под которыми принято понимать предков саха, и видимо с тунгусами и юкагирами. Приход с Саяно-Алтая новых тюркских племен испытавших кимако-кыпчакское влияние, вдохнуло свежее дыхание в этническую историю региона. С ними и собственно связано начало формирования якутского народа в Байкальском регионе.

В то же время нельзя не отметить этносознание саха, устойчиво связывающий его с севером, архаичность языка и культуры саха, в котором отсутствуют многие культурные понятия. Все это подразумевает формирование якутского языка и культуры в изоляции, в таежном регионе. С этих положений довольно близким к предполагаемым предкам саха оказываются три племени лыжных тюрков – мума тукюэ: дубо (туматы), хэчжи (канглы?) и милиге (меркиты). Любопытная связь названия юкагиров вадул, одул с именем якутского племени баатылы или боотулу заставляет задуматься о связи этногенеза саха-якутов с коренным населением, заселявшим Байкал еще в период неолита. Из-за ограниченных размеров статьи, подробный анализ возможности участия меркитов и шивэй (хоро) в этногенезе саха нам предстоит изучить во второй части работы. Также там будут проанализированы материалы об участии носителей этнонимов уранхай, саха и якут в этногенезе якутского этноса.

Источники и литература

ПФА РАН. Фонд Никифорова В.В. Материалы участника Якутской экспедиции АН СССР / РАН. Ф.47. Оп.2. Д.122. Л.68–73.

Архив ЯНЦ СО РАН. Материалы Ксенофонтова Г.В. Материалы ко 2-му тому «Ураанхай-сахалар». Ф.4. Оп.7. Д.32.

Абульгази. Родословное древо тюрков, пер. Г.С. Саблукова. – Казань, 1906.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. – Иркутск, 1941. – с. 34–36.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.3. М., Л., 1953.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Нац. кн. изд-во: «Бичик», 1994.

Буряты. – М., 2004. – 633 с.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). М.: Наука, 1969. – 304 с.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. – Л., 1926. – 523 с.

Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993.

- Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Азии). – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496 с.
- Зуев Ю.А.* Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам // Труды ИИАЭ имени Ч.Валиханова АН Казахской ССР. – Т.15. – Алма-Ата, 1962.
- Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
- Зориктуев Б.Р.* Прибайкалье в середине VI – начале XVIII века. – Улан-Удэ, 1997.
- Иванов М.С.* Дойду сурахтаах, алаас ааттаах (Топонимы Якутии). – Якутск: Кн. изд-во, 1982.
- Иванов М.С.* Топонимика Якутии (Краткий научно-популярный очерк). – Якутск: Кн. изд-во, 1985.
- Ксенофонтов Г.В.* Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск, 1977.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. – Т.1. Кн.1. – Якутск, 1992 (1937).
- Константинов И.В.* Происхождение якутского народа и его культуры / Акад. наук Респ. Саха (Якутия). Ин-т гуманитар. исслед.; Ю.А.Мочанов. – 2-е изд., испр. – Якутск, 2003.
- Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост.литер, 1961.
- Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан, 1983.
- Марко Поло.* Книга Марко Поло. 4-е изд. – М., 1997. – 460 с.
- Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск: Наука. Сибирское отд., 1989. – 432 с.
- Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства. – М.; Л., 1937. Кн. 1. – 607 с.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. – Владивосток-Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004.
- Николаев С.И.* Основные этапы этнической истории виллойских якутов // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – 1957. – Вып. 27.
- Румянцев Г.Н.* Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.
- Туголуков В.А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985.
- Туголуков В.А.* Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. – М.: Наука, 1980.
- Тиваненко А.В.* Гибель племени меркитов. – Улан-Удэ, 1992. – 70 с.
- Штернберг Л.Я.* Культ орла у сибирских народов // Первобытная религия. – Л., 1936. – С.114–115.
- Хангалов М.М.* Собрание сочинений. В трех томах. Т. 1. – Улан-Удэ: Издательство ОАО «Республиканская типография», 2004 (1960).
- Харинский А.В.* Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы междунар. науч. конф. (3–5 октября 2002 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2003.
- Хартог Лео.* Чингисхан. Завоеватель мира. – М.: Олимп: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. – 285 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972.
- Цыбиктаров А.Д.* Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII в.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2007 (1999).
- Эргис Г.У.* Исторические предания и рассказы якутов. – Ч. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Элерт А.Х.* Новые материалы о пантеоне якутских божеств и духов в первой половине XVIII века (статья первая). Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
- Юрченко А.Г.* Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. – СПб.: Евразия, 2002.
- Якубовский А.Я.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. – Ташкент, 1941.

ПЛЕМЯ ТАТАР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В.В. Ушницкий

ИГИ и ПМНС СО РАН, г. Якутск

Этноним татар является одним из самых знаменитых в истории Центральной Азии. В разные эпохи он применялся для обозначения как монголоязычных, так и тюркоязычных этносов. Считается, что в домонгольское время он служил в качестве тюркского обозначения монголоязычных шивеев-сяньби. Впервые этноним *татар* (отуз-татары) упоминается в памятнике в честь Кюль-тегина (732 г.) [Кляшторный, 2000, с. 140–141]. Видимо вместе с уйгурами, часть татарских племен отступила в Ганьсу и в Восточный Туркестан. Именно здесь IX–X вв. существовала государство татар, известное и китайским дипломатам, и мусульманским купцам [Кляшторный, 2000, с. 143–144].

Со ссылкой на Рашид-ад-дина, утверждается, что еще в глубокой древности, то есть в дочингизову эпоху, существовало шесть отдельных татарских «государств» [Юрченко, 2002, с. 131]. Однако Рашид-ад-дин просто говорит о существовании отдельных шести племен татар: татары-тутукулуйт, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй, имевших каждый своего вождя и войско [Рашид-ад-дин, т. 1, кн. 1, 1952, с. 103]. В китайских источниках этноним татары в форме *да-да* первый раз встречается в 842 г. в письме китайского сановника Ли Дэ-юя, адресованном уйгурскому кагану [Юрченко, 2002, с. 131].

По Сайшиялу основными ветвями татар, отмеченными в «Сокровенном сказании» монголов были: татары айригуты, татары буйрогуты, татары зуины, белые татары, татары алчи, татары тодагуты, алохай татары и алтан татары [Сайшиял, 2006, с. 90].

К северу от Киданьского государства в начале X в. возник крупный союз племен, представлявших большую потенциальную опасность для Ляо. В основном источнике по истории Киданьского государства; *Ляо ши*; по отношению к этим племенам применяется собирательное название цзубу. Недаром, Махмуд Кашгарский – живший в XI в., называет обширный регион между Северным Китаем и Восточным Туркестаном «Татарской степью» [Кляшторный, 2000, с. 144].

По мнению китайского исследователя Ван Говэя, термин «шивей» используется в «Ляо ши» вместо слова «дада» (татары), которое в данном сочинении встречается всего несколько раз. По Л.Л.Викторовой «название «татары» сунских авторов было не этническим, а собирательным», поэтому вместо «дада» традиционно продолжал использоваться термин «цзубу» [Викторова, 1980, с. 15]. Обычно предполагается, что *татары* пришли с востока и заселили земли, оказавшиеся свободными после разгрома уйгурского ханства. По мнению китайского исследователя Ван Цзинчжу (1931), *татары* идентичны *цзубу*, а слово «цзубу» используется со времени Цзинь [Пиков, 1996].

Историк из Внутренней Монголии Сайшиял племя татар считает тунгусским по происхождению. С древних времен они кочевали вокруг озер Кулун и Буир по краю современной Внутренней Монголии. Усиление татар приходится в IX в, тогда относится их массовое переселение на Запад, когда они заняли исконно уйгурские земли, образовав союз татарского аймака. Так называемые «татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали керейтским аймаком, «гажилские» татары стали онгутским аймаком, «татары гочинского рода», кочевавшие в районе озер Кулун и Буир, стали собственно татарским аймаком, главным племенем. Упомянутый в 732 г. союз татарского аймака был первым союзом всех аймаков Монголии. Аймаки соединившиеся с татарами, также себя называли татарами. Этот союз распался под ударами киданей, но среди монгольских племен татары оставались самым сильным племенем [Сайшиял, 2006, с. 90].

Брат Бенедикт дает такие сведения о монголах: «Однако сами [они] называют себя тартары от [названия] большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Татар. Ибо *тата* на их языке означает [по-латыни] ‘тащить’, а *тартар* – ‘тянущий’» [Юрченко, 2002, с. 155].

Нужно отметить, что фольклорные источники саха в большинстве случаев прародителя Эллэя, иногда Омогоя называют выходцем из татар. Рассказывается о том, что Омогой Баай –

представитель «братских» т.е. бурятского народа «проживая в стране татар, в результате вражды был вынужден бежать, куда понесут ноги» [Боло, 1994, с. 31–32]. Причина появления Эллэ на Средней Лене объясняется следующим. Эллэй ранее жил в татарском городе. Оттуда он убежал от притеснений монголов [Предания, легенды и мифы саха (якутов), 1995, с. 295].

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть данные об участии двух компонентов в этногенезе саха: «У якутов одна ветвь – монголы, а другая восходит к Татаару Тайме, проживавшему на земле ураангхай» [Предания, легенды и мифы саха (якутов), 1995, с. 57]. В фольклорных источниках также сохранилось смутное упоминание о том, что предок саха Татаар-Тайма был пришельцом из далекой страны, его сына Эллэя хотели уничтожить родичи со стороны матери, поэтому он бежал с родины, перейдя через Саянский хребет [Ксенофонов, 1977, с. 165].

Известно о том, что в некоторых преданиях причиной переселения предков саха с родины называется война между татарами и народом нуучча. Так как слово *нуучча* ныне служит для обозначения русских, то отсюда возникло огромное недоверие к фольклорным материалам саха как к достоверному историческому источнику. Но заставляет задуматься тот факт, что слово *нуучча* могло произойти от обозначения чжурчжэней – «ниуча» от «нуйчжень». Поэтому все становится понятным, если допустить, что нуучча фольклора саха – это не русские, а нуйчжэнь-чжурчжэни. Древний воинский обычай саха «тэллэх булунуу» – «добыть себе постель» фиксируется именно у буир-нурских татар. Согласно «Сокровенному сказанию», во время казни плененных татар, они бросились на победителей, вынув спрятанные за пазуху ножи, решив: «Умирать, так умрем, по крайней мере, на подушках (из тел врагов)» [Козин, 1941].

Однако наличие тюркских групп считавших себя татарами в средневековье, заставляет задуматься по поводу принадлежности этого этнонима только в отношении монголоязычных народов. В отношении многочисленных тюркских народов, именовавшихся татарами, существует общепринятое мнение, что они взяли на себя название истребленных монголами татар, так как были вынуждены идти впереди монгольских войск, как подчиненные монголам тюркские племена.

Поэтому нам так важны сведения об этих загадочных усуту-мангунах. Схожие названия имеются и в других источниках. Следовательно, нам сначала надо разобраться в сложном переплетении сведений разных источников, историографических неточностей и локализации данных племен. В «Сокровенном сказании» среди «лесных племен» покоренных Джучи, есть урдууты и урсуты. В «Кратких сведениях о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина упоминается водный народ (*Usu irgan* 'водный народ'). «Прямо на север – да-та [они племя урсутов] и меркиты, прямо на юг – сихи» [Юрченко, 2002, с. 153]. Следовательно, «водными монголами» могли называть именно татар. Возможно все эти схожие названия племен усу-ирган или урсут, а также усухань и усы Юаньских источников, а также усуту-мангун Рашид-ад-дина относятся к обозначению одного и того же народа. Во всяком случае, во всех этих названиях имеется лексема усу, уу, относящейся к обозначению воды.

Название усуту-мангун можно восстановить как водяные, речные монголы. Тем более Рашид-ад-дин четко говорит, что они считаются монгольским племенем, не отличаясь от них по образу жизни. Западноевропейские путешественники в своих воспоминаниях отразили этническое самосознание средневековых монголов, согласно которому они состояли из трех народов: йека-монголов, су-монголов или татар и меркитов [Карпини, 1997, с. 43].

Название «су-монгол» происходит от тюркского слова «су» – вода, присоединенного к племенному названию «монгол», что можно перевести как «водяные монголы», или иначе «монголы вод» [Карпини, 1997, с. 383]. Однако «водяные монголы» и «водяные татары» упоминаются как рыболовы и охотники, не имевшие скота, то в них предпочтительнее видеть все-таки предков эвенков.

Здесь можно по-разному попытаться объяснить обозначение их в качестве татар. Сведения о стране Анкара-мурен Рашид-ад-дин приводит в разделе о племени буир-нурских татар, где рассказывается о бегстве остатков татар в дельту Ангары, где она «течет в одну область, по соседству с которой находится море». Этот эпизод разные исследователи даже связывали с Ледовитым океаном. Но как объяснил А.В.Харинский, средневековые авторы ошиблись, указывая, что Ангара течет в море, вместо слова вытекает, так как Ангара берет начало из Байкала и течет в обратном направлении [Харинский, 2003, с. 106].

В якутском фольклоре также имеется рассказ о бегстве предков саха из племени татар, проигравших в войне против монголов по верховьям рек. Другое объяснение исходит из того, что обозначение татары могло относиться именно к тунгусам. Тунгусы, как и древние монголы, вышли из союза шивейских племен Амура и Восточного Забайкалья. Возможно, поэтому в родовом составе тунгусов можно найти схожие со средневековыми монголами названия родов. Более того, историк из Внутренней Монголии Сайшиял видимо ориентируясь на неизвестные нам сведения китайских источников и фольклора монголов Внутренней Монголии, считает племена татар тунгусами [Сайшиял, 2006].

Примечательно, что по сведениям Юаньских источников племя усухань было переселено в район Амура. Возможно, так появились на Амуре тунгусоязычные народы, исследователи иногда именно «водяных» татар считают предками нынешних ульчей, нанайцев и удиге. Третье объяснение исходит из того, что название татаро-монголы было закреплено за монголоязычными этносами. Именно тогда в результате бегства представителей проигравших в гражданской войне сторонников Джамухи на окраину, в периферийную зону тюркского этнического мира впервые могли появиться монголоязычные предки бурятов. Следовательно, обозначение «дикие» или «водяные» монголо-татары могло относиться к ним. Вообще-то, этноним татар происходит от слова тат – «иноплеменник, чужой», значит, это слово могло применяться к представителям любого, не-титульного языка. При этом сначала «каганатским», господским языком являлся язык тюрков, потом монголов. Возможно, поэтому это слово сначала связывалась с лесными племенами монголов, потом с вошедшими в имперскую структуру Монгольской империи тюркскими кочевниками. Так этноним татар имеется в енисейских рунических надписях. В воспроизведении И.Л.Кызласова, он связан с этносознанием местной земледельческой общины [Кызласов И.Л., 1987]. Действительно, в этническом самосознании тюркского населения Минусинской котловины сохраняется самоназвание «татар, татарлы», для которых исследователи в советский период придумали искусственное название «хакасы», ныне внедряется взятое из фольклора обозначение Хонгорой, Хоорай. Постольку большинство хакасских родов имеют енисейское происхождение, то название «чужаки, иноплеменники» могло относиться вставшего на путь тюркизации енисейскоязычного населения Минусы.

Литература

- Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – С. 49.
- Карпини Плато Дж. Дель. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Поло Марко. Книга Марко Поло. – 4-е изд. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 320 с.
- Ксенофонт Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Новосибирск, 1977. – 245 с.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный сборник / Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т.1. – С. 5–122.
- Кызласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины // Советская тюркология, 1987. н.1. – С. 21–32.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. – Т.1, кн.1 – 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 221 с.
- Пиков Г.Г. Кидани и Сибирь // Межвузовский сборник научных трудов «Из прошлого Сибири» (Выпуск 2, часть 1). – Новосибирск, 1996.
- Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А.Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т.Петров. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995.
- Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази. Хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. – Казань, 1914. – С. 44.
- Харинский А.В. Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы междунар. науч. конф. (3–5 октября 2002 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос-университета, 2003. – С. 104–110.
- Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб.: Евразия, 2002. – 478 с.

ТАМГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

Е.А. Ягафова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

Тамги – знаки родовой собственности разных народов неоднократно становились объектом этногенетических, историко-сравнительных, этнокультурных исследований историков, этнографов, языковедов. Эти своеобразные родовые / личные печати рассматриваются как свидетельство родства (истинного или фиктивного) десятков, а может быть, и сотен поколений их обладателей, что позволяет использовать метод сопоставления тамг, как неизменных атрибутов рода, родственной группы или племени в этногенетических исследованиях. Подобный опыт активно применяется историками при изучении этногенеза народов урало-алтайской языковой семьи: казахов, киргизов, башкир, обских угров и др.. Тамги тюркских народов обладают значительной устойчивостью в преемственности знаков, принадлежащих структурным подразделениям этноса – племени, родовому подразделению, роду, патронимической группе, семье, что создает, по мнению Р.Г.Кузеева, «возможность для установления первоначальных или древних начертаний родо-племенных тамговых знаков и соответственно для их сравнительных сопоставлений» (Кузеев: 84).

Вышесказанное в полной мере относится к чувашским тамгам, которые очень ограниченно представлены в чувашеведении несмотря также на тесную связь их с этнической историей народа – одной из спорных проблем в историко-культурных исследованиях Урало-Поволжья (Димитриев 1959; Этническая история 1993: 217–231; Трофимов 1993). Вместе с тем тамги – ценный источник для изучения не только древних пластов истории народов, но и более поздних периодов их этнической истории, связанных с дальнейшим расселением, а касательно чувашей – с освоением Волго-Уральского региона в XVI–XIX вв. и формированием этнотерриториальных групп. Именно этот аспект отличает данную работу от предыдущего исследования автора, посвященного чувашским тамгам (Ягафова 2002).

Чувашские тамги, обладая значительной вариативностью, имеют поразительное сходство с тамгами других тюркских народов, как соседних (башкиры), так и более отдаленных (туркмены, казахи, киргизы). Да и чувашское слово *тумха / томха* («пятно, тавро, клеймо, печать») созвучно и аналогично по значению словам в других тюркских языках – древнетюркском, уйгурском, чагатайском, телеутском, казахском, туркменском и т.д. Русское слово *тамга* было позаимствовано также из тюркских языков (Ашмарин: 131; Федотов: 246).

Доступные сегодня источники по чувашским тамгам относятся преимущественно к XVIII в., периоду относительно широкого распространения их среди народа; в отдельных случаях они сохранялись до начала XX в. Исчезновение тамг в быту было связано, с одной стороны, с переходом к оседлому образу жизни или утратой традиционно обширных родственных связей. На это справедливо указывал в свое время известный тюрколог Н.Аристов, который призывал пользоваться при изучении тамг оседлых тюрков данными эпохи, предшествовавшей их оседанию (Аристов 1896: 285–286). Чувашаи – народ в прошлом тоже кочевой, однако уже в средневековье он освоил земледелие и оседлый образ жизни (XI–XIII вв.). С другой стороны, с конца XIX в чувашскую культуру внедрялась письменность на основе кириллицы, которая постепенно вытесняла тамги. Как показывает опыт изучения бытования тамг, то дольше всего они бытовали среди некрещеных чувашей, а в социальном плане, среди бывших служилых.

Материалом для подготовки данной статьи послужили сведения из Российского государственного архива древних актов (РГАДА), содержащиеся в переписных книгах XVIII в. по Симбирскому (бывш. Вальный и Завальный станы) Ставропольскому, Бугульминскому, Казанскому (Казанская, Ногайская и Зюрейская дороги), Пензенскому (Узинский стан) уездам (РГАДА). Всего было изучено 149 знаков общим количеством 1479 по 203 селениям.

В архивных документах XVIII в. тамги или, как их называли, «знамена» ставились неграмотными чувашами вместо личных подписей при оформлении письменных документов,

что свидетельствовало о широком распространении тамг в различных сферах хозяйственно-культурной жизни чувашей. Под ревизскими сказками подписывались «выборные» от конкретных селений, и, таким образом, их тамги являлись, как бы результатом естественной выборки, неосознанно проведенной организаторами ревизий / переписей населения. В таком случае представленный в архивных документах материал можно считать вполне репрезентативным для соответствующих групп чувашского населения (по указанным уездам) и на определенный момент времени (XVIII в.).

Ограниченность материала географическими и хронологическими рамками не позволяет дать подробной и исчерпывающей характеристики чувашских тамг, возможной при условии привлечения данных по всем ареалам проживания чувашей. Вместе с тем, здесь представлены тамги из трех крупных районов расселения чувашей: южной зоны низовых чувашей (верхнее и среднее Присвияжье с притоками) – 1066 знаков по 136 селениям, симбирско-саратовского Приволжья – ареала Приволжской этнотерриториальной группы (ЭТГ) – 225 тамг по 50 селениям¹, а также Закамья (ареалы сульчинской, среднечеремшанской, нижнечеремшанской, малочеремшанской подгрупп закамской ЭТГ) – 188 тамг по 25 селениям². Сравнительный анализ тамг по ЭТГ и в контексте общетюркского материала позволил бы в новом свете представить проблему этнокультурной дифференциации чувашского этноса и обозначить новые подходы к исследованию ранних этапов этнической истории чувашей.

Проблема типологии тамг, т.е. вопрос об интерпретации понятий «основная тамга» и ее вариации, рассматривалась автором в предыдущем исследовании, и в данной работе я буду руководствоваться также замечанием И.Баски, приведенном в примечаниях 37 и 38 к его статье, а именно: 1) две тамги идентичны, если это один и тот же знак и если они слегка повернуты, в т.ч. при зеркальном отражении; 2) аналогичны, если базовый знак повернут и если они отличаются в деталях, малых линиях, точках и т.д. (Баски: 137).

Типологически чувашские тамги подразделяются на 13 категорий-типов:

- I. тамга, не имеющая названия (№ 1–15);
- II. тамга «крюк»**³ (№ 15–21);
- III. тамга «лапка глухаря» ** или «куриная лапка»* (№ 22–39);
- IV. тамга «вилы»** (№ 40–44);
- V. тамга «треугольник» (№ 45–53);
- VI. тамга «крест»** (№ 54–56);
- VII. тамга «мотовило»** (№ 57–61);
- VIII. тамга «ребра»*, «две черты»** (№ 62–81);
- IX. тамга «молоток»** (№ 82–90);
- X. тамга «три изгиба»* (№ 91–95);
- XI. тамга «ворота»** (№ 96–120);
- XII. тамга «подкова» или «луна»** (№ 121–134);
- XIII. тамга «кольцо», «круг»** , «ошейник»* (№ 135–149).

Степень их распространенности представлена на диаграмме 1 и в таблице 2.

¹ Селения Верхняя, Старая и Нижняя Туарма, Белый Ключ, Малая и Большая Хомутерь, Решетка Хомутерь, Алинкино, Мечеркино, Нижний Сайман, Качкарлей Шигаево, Чибирлей, Неверкино, Елань-Кадада, Шемалак, Эзекеево, Сурские Вершины, Кулатка, Лебежайка, Еремкино, Казанла, Калмантай, Андреевка, Чертанлей, Сосновый Враг, Илим-Гора, Бикмурзино, Алешкино, Верхние Кокки, Феткино, Байдулино, Биктеряково, Малячкино, Тукшум, Иргушево, Б.Елаур, Алешкино, Утямышево, Матрюково, Калмыково, Вырстайкино, Артюшкино, Усинские вершины, Севрюкаево, Березовый Солонец, Бектяшка (?), Брусяны, Чув. Яблонка, Чуракаево.

² Селения Аврали, Кильмаметево, Лебязье Озеро, Калмаюр Симбирского уезда, Верхняя Кондрата, Средние Савруши, Савруши Мехедерово, Нарат-Илга, поч. Шентала, Нохрат, Н.Матак, Шапкино, Колчурино, Бурнаево, Иштубаево, Тохтала, Ижборисово, Кошки, Мелекес, Тегеево, Сунчелеево, Чебоксарка Казанского уезда, Тимяшево, Старое и Новое Сережкино, Старое Афонькино Ставропольского уезда.

³ За отсутствием оригинальных названий тамг в источнике для их обозначения в работе использованы названия -расшифровки, предложенные В.Д.Димитриевым в работе «История Чувашии XVIII в.» (Чебоксары, 1959. С. 465) с пометкой * и Р.Г.Кузеевым в вышеназванной работе – с пометкой **.

Таблица 1

Чувашские тамги

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40
41	42	43	44	45	46	47	48	49	50
51	52	53	54	55	56	57	58	59	60
61	62	63	64	65	66	67	68	69	70
71	72	73	74	75	76	77	78	79	80
81	82	83	84	85	86	87	88	89	90
91	92	93	94	95	96	97	98	99	100
101	102	103	104	105	106	107	108	109	110
111	112	113	114	115	116	117	118	119	120
121	122	123	124	125	126	127	128	129	130
131	132	133	134	135	136	137	138	139	140
141	142	143	144	145	146	147	148	149	

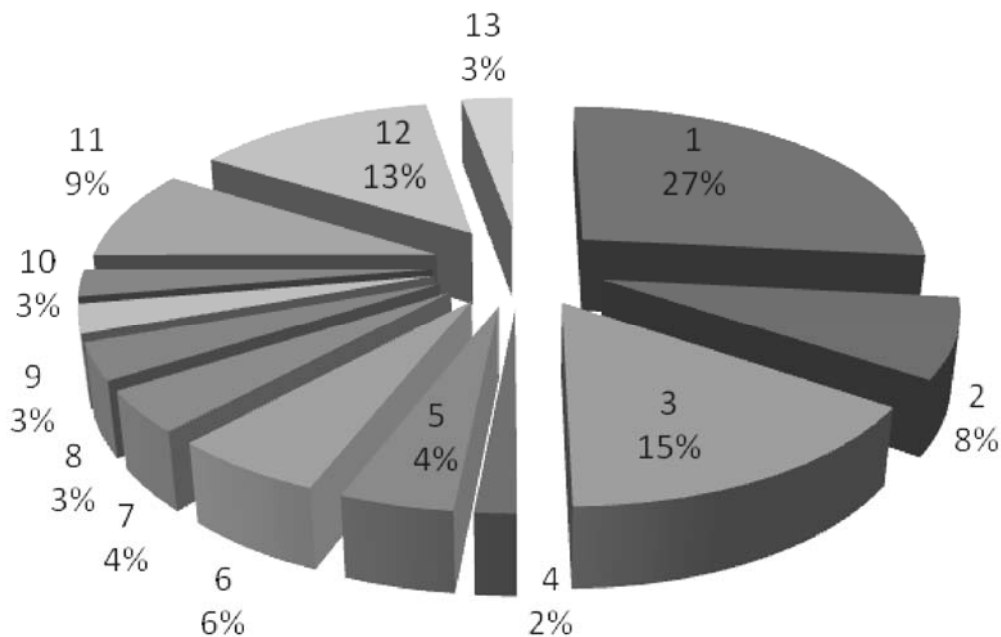

Диаграмма 1. Соотношение типов чувашских тамг (в %).

Таблица 2

Распространение тамг по этнографическим и этнотерриториальным группам чувашей

№	Абсолютное количество / названия тамг	Этнографические (ЭГ) и этнотерриториальные (ЭТГ) группы			Всего
		Низовая ЭГ	Приволжская ЭТГ	Закамская ЭТГ	
I	«без названия»	313	44	37	394
II	«крюк»	76	31	9	116
III	«лапка глухаря»...	157	33	38	228
IV	«вилы»	0	7	17	24
V	«треугольник»	55	6	4	65
VI	«крест»	66	17	5	88
VII	«мотовило»	50	10	0	60
VIII	«ребра»	31	10	12	53
IX	«молоток»	27	6	9	42
X	«три изгиба»	22	4	13	39
XI	«ворота»	88	24	19	131
XII	«луна / подкова»	148	31	18	197
XIII	«кольцо»...	33	2	7	42
	всего	1066	225	188	1479

Наибольшее количество чувашских тамг – 27% – относится к первому типу «без названия», представленному в 15 вариантах, из которых преимущественно распространены № 1 (159), 4 (36), 7 (73), 8 (102). Тамга «лапки глухаря» составляет около 15% знаков и имеет 18 вариантов; 85% из них относятся к варианту 28. Около 13% тамг приходится на тамгу «луна / подкова» (тип XII) с 14 вариантами, больше половины из которых представлено вариантом 125 и 27% вариантом 121. Тамга «ворота» (тип XI) находится на четвертом месте по степени распространенности (9%) и имеет наибольшее количество вариантов – 25; из них наиболее характерны для чувашей варианты 96 (27), 107 (13) и 115 (36). Тамга «крюк» (8%) встречается в 7 вариантах, но абсолютное большинство знаков этого типа распределено между вариантами 17 (55) и 18 (52). В отличие от предыдущих тамга «крест» (6%) наименее вариативна

(всего три разновидности и преимущественно представлена основным знаком № 54 (82). На долю тамг «треугольник» и «мотовило» приходится по 4% их общего количества; из 9 вариантов первого знака наиболее распространены варианты 45 (27) и 46 (12), а из 5 вариантов второго № 59 (47). Наименее типичны для чувашей тамги «ребра», «молоток», «три изгиба» (по 3%) и «вилы» (2), однако первая относится к числу наиболее вариативных тамг – 20 вариантов; во втором типе преобладают варианты 85 (11) и 86 (13), в третьем доминирует вариант 93 (24), а в четвертом № 42 (14).

Повсеместное распространение во всех трех этнотерриториальных группах присуще только 8 типам тамг из 13: по 2 варианта тамг «без названия» (№ 1 и 8), «крюк» (№ 17, 18), «крест» (№ 54, 55), «три изгиба» (№ 92, 93), «ворота» (№ 96, 115) и по одному варианту тамг «лапки глухаря» (№28), «треугольник» (№ 45) и «луна / подкова» (№ 121). Примечательно, что указанные варианты, как правило, принадлежат к «основным» тамгам и являются также и наиболее многочисленными почти во всех трех группах. Количество «общих тамг» в генеральной совокупности составило 820 из 1479, т.е. больше половины (55,4%). Вероятно, эти данные косвенно указывают на некое генетическое ядро чувашского этноса, по крайней мере, той его части, которая была изучена по материалам тамг в этой статье.

Около 72% (1066) изученных тамг представлены среди *низовых* чувашей Симбирского уезда (охвачен ареал в верховьях и среднем течении р.Свияги и ее притоков Кубни, Карлы, Булы, Цильны). Следует сразу отметить, что низовой ареал по этнографическим данным неоднороден и подразделяется на районы подгрупп, уже существовавшие в XVIII в: северной, степной, подлесной. Кроме этого, в подлесной подгруппе выделяются локальные группы – шемуршинская и цильнинская, а в степной – западная и присвияжская. Эти особенности связаны с участием в формировании подгрупп в первом случае верховых чувашей, во втором – средненизовых (Ягафова 2007: 356). Представленные к анализу тамги охватывают лишь подлесную и степную подгруппы; по северной подгруппе они отсутствуют.

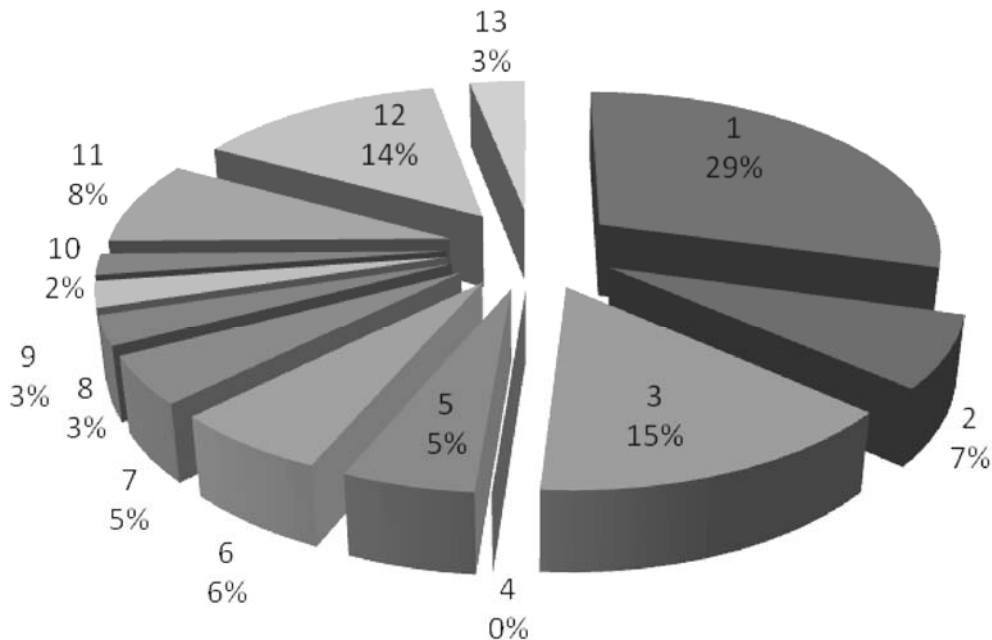

Диаграмма 2. Тамги низовых чувашей (соотношение в %).

Как видно из Диаграммы 2, около трети тамг (29%; 313) принадлежат к первому типу знаков «без названия». Из 5 вариантов наиболее многочисленны № 1 (125), 4 (28), 7 (65) и 8 (94). Наряду с вариативностью это свидетельствует о типичности данной тамги для низовых чувашей в целом.

Далее по распространенности следуют:

– «лапка глухаря» с вариациями (15%; 157) – № 28 (150), 30 (5), 29 и 35 (1);

- «подкова» (14%; 148) – № 121 (47), 122, 123, 127 (по 2), 125 (71), 128 (12), 130 (3), 131 (1), 132 (8);
- «ворота» (8%; 88) – № 96 (25), 101, 102, 112 (по 1), 104 и 109 (по 5), 106 (4), 107 (11), 110 и 118 (по 2), 114 (9), 115 (22);
- «крюк» (7%; 76) – № 17 (28), 18 (47); 21 (1);
- «крест» (6%; 66) – № 54 (63), 55 (3), 56 (1);
- на остальные тамги приходится от 2 до 5%: № 35 (21), 46 и 86 (по 12), 48, 57, 84 (по 4), 51 и 65 (по 8), 52 и 91 (по 6), 59 (42), 77 (5), 85 (10), 93 (14), 135 (18), 69, 70, 73, 75, 79, 90, 137–139, 141–142, 147 и 149 (по 1), 49, 63, 64, 66, 140 и 145 (по 3), 58, 60, 71, 72, 92, 144 (2).

Примечательным фактом следует считать отсутствие в низовой зоне тамги «вилы».

В тех немногочисленных селениях, где не встречается доминирующая тамга первого типа, представлены иные, достаточно редкие типы, но в большом количестве: например, в д. Кукшум распространены 5 тамг № 59 («мотовило») и 6 тамг № 22 («треугольник»), в д. Чуричек – 6 тамг № 86 («молоток»), в Тимерчеево – 6 тамг № 54 («крест») и 2 тамги № 28, в Котяково на Буле – 6 тамг № 91 и 3 тамги № 132 и т.д. Эти факты свидетельствуют об устойчивом сохранении в селениях родственных групп – носителей одинаковых тамг, что соответствует важнейшему принципу социальной организации чувашей – семейно-клановой структурой сельских общин и «кустовом» характере расселения, при котором селения находились в генетическом родстве. В материнских и дочерних селениях, как правило, встречались одинаковые тамги. В низовом ареале подобные примеры встречаются в «шешмуршинском» кусте (дд. Шешмурша, Верхняя Шешмурша, Карабай-Шешмурша, Старая Шешмурша, Новая Шешмурша, Трехизб-Шешмурша, Трехболтаево, Андреевка, Большое Буяново, Новое Буяново), в селениях с ключевыми словами в названиях «Шигали» (7 селений), «Сюрбеево» (5 селений) или «Кошки» (6 селений). В некоторых селениях отмечается явное преобладание определенных типов тамг, например, в д. Яманчурино 9 тамг из 18 относятся к варианту 28, он же преобладает у жителей д. Рунга (6 из 16), а в д. Городищи доминирует тамга № 1 (6 из 13) и т.д.

Определенные закономерности обнаруживаются в распространении некоторых типов тамг. Например, «треугольник» с вариантами представлен в единичных селениях в среднем течении рр. Була, Карла и Кубня, т.е. в северной части подлесной и степной подгрупп низовых чувашей, но не встречается в «шешмуршинском» и «чукальском»⁴, «алгашинском»⁵ и «ильмовском»⁶ кустах селений и среди свияжских чувашей; не типичен он и для «тимерсянского» куста⁷. Примечательно, что во всех вышеуказанных локусах заметно проявляются культурно-языковые признаки верховой этнографической традиции (Ягафова 2007: 159), что позволяет соотнести тамгу «треугольник» с определенной частью низового ареала. Тамга «луна / подкова», напротив, тяготеет к перечисленным выше кустам селений и является одной из типичных для свияжских и шешмуршинских чувашей. В целом, эти локальные особенности не разрушают единства низового ареала, существующего благодаря доминирующим тамгам 1, 3 и 12 типов.

Около 15% (225) тамг принадлежат чувашам приволжской ЭТГ. Ниже представлен общий анализ характера распространения знаков в этом ареале (Диаграмма 3).

В Приволжье доля тамг тип I («без названия») ниже (19%; 44), хотя ее вариативность больше: 1 (9), 3(2), 4 (8), 7 (8), 8, 10–12 (по 1), 14 (3). Подавляющее большинство тамг данного типа (32 из 44) сосредоточено в «вырстайкинском», «неверкинском» и «кулаткинском» кустах; при этом в «неверкинском» кусте зафиксировано 14 тамг (из 19) варианта 1.

Примерно в равном соотношении находятся здесь тамги «крюк» (14%; 31; варианты № 15 (2), 17 (23), 18 (3), 16, 20–21 (по 1)), «лапка глухаря» (15%; 33; № 22–25, 29, 32 и 37 (по 1), 29 (20), 33–34 и 36 (по 2)) и «луна / подкова» (14%; 31; № 121 (5), 125 (22), 126, 128, 133 и 134 (по 1)).

⁴ Старые и Новые Чукалы, Асаново.

⁵ Старые, Новые и Средние Алгаши.

⁶ Старый Ильмовый Куст, Новый Ильмовый Куст, Старое и Новое Чекурское.

⁷ Нижние, Средние и Верхние Тимерсяны.

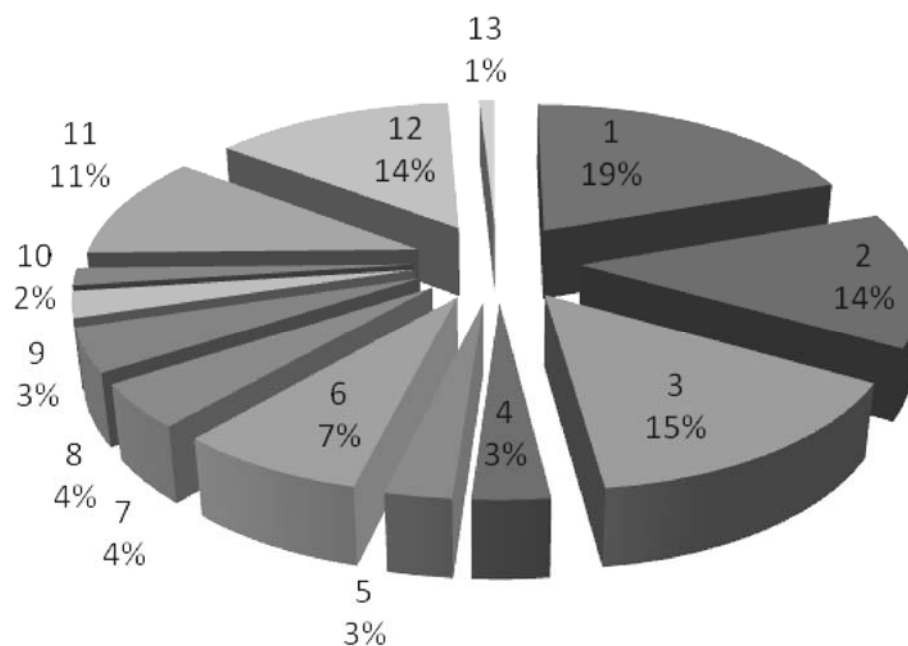

Диаграмма 3. Тамги чувашей Приволжской ЭТГ (соотношение в %).

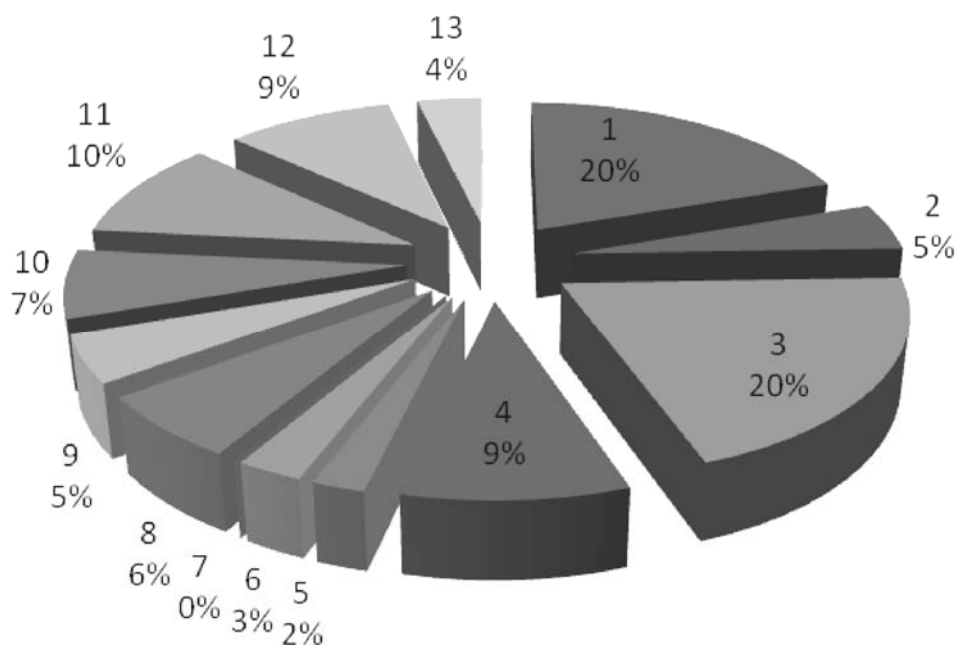

Диаграмма 4. Тамги закамских чувашей (соотношение в %).

11% (24) тамг в этой группе относится к типу «ворота»: № 96–98, 103, 105, 108, 110, 116, 117, 119 и 120 (по 1), 102 (3), 104, 111, 113 (по 2) и 115 (4). Тамга «крест» насчитывает 7% (17): № 71 (16), 72 (1). На остальные типы тамг приходится менее 5%: № 42, 48, 63 (по 2), 43 и 59 (по 5), 45, 57, 82, 93 (по 3), 47, 58, 61, 62, 64, 67–69, 71, 73–74 87–89, 92, 142–143 (по 1). Тамга «треугольник», на которую обращалось внимание выше, представлена в вариантах 45, 47 и 49 в «туарминском» и «неверкинском» кустах, а также на Самарской Луке, но отсутствует в «вырстайкинском» кусте.

По сравнению с низовой зоной здесь вдвое выше процент тамг «крюк» и также в два раза больше вариативность этой тамги. Другой особенностью является наличие в этом ареале тамги «вилы», представленной преимущественно в «неверкинском» кусте (6 из 7). В остальных параметрах расхождения с низовой зоной небольшие – типологическое совпадение наблюда-

ется в 11 случаях из 13 (типы I (варианты 1, 3, 4, 7, 8), II (варианты 17, 18, 21), III варианты 28, 29), V (варианты 45, 48), VI (варианты 54, 55), VII (варианты 57–59), VIII (варианты 63, 64, 69, 71, 73), X (варианты 92, 93), XI (варианты 96, 102, 107, 110, 115), XII (варианты 121, 128), XIII (вариант 142)), а вариативное сходство – в 31 случае.

Особенностью тамг закамских чувашей (Диаграмма 4) является отсутствие тамги типа «мотовило», составляющей в двух других группах от 4 до 5 %. А вот отсутствующая у низовых чувашей и представленная у приволжских тремя процентами тамга «вилы» здесь встречается в равных долях с тамгой «луна / подкова» – по 9% (по 17; № 40 (3), 42 (12), 41, 44, 121, 124, 129 (по 1), 125 (13), 132 (2)). Значителен также процент тамг «ворота» (10%; 19; варианты № № 115 (10), 96, 98–101, 105, 106, 113, 118 (по 1)), «три изгиба» (7%; 13; варианты № 93 (7), 92, 94, 95 (по 2)) и «ребра» (6%; 12; варианты № 65, 72, 76, 79–81 (по 1), 77 (4), 78 (2)); остальные тамги составляют менее 5% (варианты № 17, 54, 82, 84 и 135 (по 4), 18 (2), 19 и 45 (по 3), 53, 55, 83, 85, 86, 136, 146, 148 (по 1)). Подавляющее большинство тамг относятся к общераспространенным у чувашей типам «без названия» и «лапка глухаря» – по 20%, причем последняя в этом ареале представлена значительно чаще, по сравнению с другими ареалами, в то время как тамга «крюк», один из доминирующих знаков у приволжских чувашей, составляет в Закамье всего 5%.

Отличия имеются также в вариативности тамг. Например, среди тамг «без названия» доминирующие в двух других ареалах № 4 и 7 вовсе отсутствуют, но на втором месте по распространенности находится 5-й вариант (10); из других вариантов представлены № 1 (15), 2, 6, 9, 13, 14 (по 1), 8 (7). Одна из наиболее вариативных чувашских тамг «ворота» совпадает у закамских чувашей с низовыми только в 5 позициях из 15 и в 4 с приволжскими, хотя по вариативности не уступает им. Примечательно, что один из доминирующих в низовой зоне вариантов № 107 здесь отсутствует. Хотя в совокупности по степени вариативности тамги низовых чувашей и ЭТГ находятся в равном соотношении, однако по доминирующим тамгам первого и третьего типов знаки приволжских и закамских чувашей почти в 1,5–2 раза разнообразнее, чем у низовых. Например, тамга первого типа имеет 9 и 8 вариантов соответственно против 5 у низовых, а третьего типа – 11 и 10 против 4. Тамга «лапка глухаря» представлена в Закамье вариантами 28 (23), 22, 26, 27, 31, 35, 38, 39 (по 1), 33 (5), 34 (3).

Вариативность тамг возникает в результате усложнения основной тамги за счет одной или нескольких дополнительных линий (например, в знаках 11–13, 29, 30, 44, 59–61) или комбинации двух знаков, как типологически одинаковых (например, 37 или 88), так и различных (например, 49, 126 или 141). Межгрупповое сравнение показывает, что сложные варианты тамг встречаются чаще в этнотерриториальных группах, что связано, вероятно, с разделением родственных групп в ходе переселения на новые земли в Приволжье и Закамье и дальнейшим дроблением родов на местах. Если рассматривать вариативность наряду с числовыми показателями как один из признаков типичности, то тамги «треугольник» и «кольцо» явно тяготеют к низовому ареалу: первая представлена в 7 вариантах, вторая в 11; в приволжском ареале вариативность составляет 3 и 2, а в закамском – 2 и 4 соответственно.

Типологическую близость тамги закамских чувашей обнаруживают в 11 позициях с «низовыми» и в 10 позициях с «приволжскими», а вариативную – в 26 и 22 случаях соответственно. Таким образом, все три массива чувашских тамг почти в равной степени близки типологически и вариативно. Вместе с тем, некоторые типы и варианты являются общими только для двух групп: например, № 3, 4, 7, 21, 29, 48, 57–59, 63–64, 69–71, 73, 102, 107, 110, 128, 142 (всего 20 тамг 9 типов) для низовой и приволжской групп, № 35, 65, 72, 77, 79, 84–86, 101, 106, 118, 132, 135 (всего 13 тамг 7 типов) для низовой и закамской групп и № 14, 22, 33–34, 42, 82, 98, 105 и 113 (всего 9 тамг 6 типов) для приволжской и закамской групп. Таким образом, исключительное сходство между «низовыми» и «приволжскими» тамгами несколько выше, нежели между двумя другими парами групп. В целом сходство наблюдается в интервале от 13 до 67 % рассмотренных тамг: наименьшая степень соответствия у знаков XIII-го типа («кольцо»), а наивысшая – у знаков VI-го типа («крест») – 66,6%. В общем, этот показатель варьирует в пределах 33–45%. В обратной пропорциональности находится показатель

оригинальности в начертании знаков для каждой из групп. По данному критерию доминируют знаки типов XIII (87%), IV (80%), XII-го (79%), V-го (78%) типов.

Особый интерес в изучении чувашских тамг представляет выявление их сходств и отличий от тамг тюркских и других народов. В этом плане все выявленные выше тамги по типам и вариантам могут быть распределены на три группы:

1) оригинальную, представленную тамгами, типичными для чувашей и имеющие редкие аналогии со знаками других народов;

2) «булгарскую», представленную знаками, тяготеющими к булгарскому этнолингвистическому кругу;

3) «тюркскую» или «кипчаско-огузскую», представленную знаками, тяготеющую к кипчакско-огузскому этнолингвистическому кругу.

К первой группе знаков относится наиболее распространенная тамга первого типа «без названия» (№ 1–14), которая не имеет, за редким исключением, прямых аналогов среди других тюркских тамг. Возможно, это свидетельствует о слабой связи чувашей с общетюркским миром или относительной самостоятельности чувашских тамг. Только у двух казахских родов *черкеш* и *есентемир* племени *таз* (Младший Жуз), венгров и хантов (березинских остяков) встречается тамга, сходная с № 1 и 4. Идентичные и аналогичные знаки имеются и среди киргизов племен *бугу*, *саяк*, *черик*, *кытай*, *басыз* (№ 3–7), являющихся древним этническим ядром киргизов (Востров; Аристов 1894: 391–486; Баски: 153; Абрамзон 1960: 99–104). Сходные тамги (№ 4, 5, 7) имеются также среди самоедов (ненцев) и у древних тюрков. В пояснении к угорским и самодийским тамгам Ю.Б.Симченко отмечал, что для угров они не характерны (Симченко: 99–117).

Вторую группу тамг представляют знаки I-го («лапки глухаря»), IV-го («вилы»), V-го («треугольник»), VII-го («мотовило»), X-го («три изгиба»), XII-го («подкова / луна»), XIII-го («кольцо») типов.

Наиболее широко из этой группы представлены среди чувашей тамги «вилы» и «лапки глухаря» – 252 примера в различных вариациях в 115 селениях. Тамга «вилы» имеет прямые параллели со знаками башкирских племен *бурзян*, *мин*, *кыпчак*, *кудей*, *ай*, *кумрук*, *иректе*, *еней*, *герей*, *киргиз*, *елан*, *ельдяк*, *канлы*, *дуван*, *таз*, *уран*, *гайна*, в большинстве своем имеющих булгаро-тюркское происхождение (Кузев). Эта же тамга встречается среди казахских племен *сргели* (Старший Жуз), *найман* (Средний Жуз), племен *адай*, *чумекей*, *каракияк*, *тазлар*, *алача* (Младший Жуз), туркменских племен *алка*, *ейлю*, *кара ейлю*, *бачндер*, *беджке*, *салор*, а также у киргизов племени *багыш*, крымских татар, карачаевцев, ногайцев и хантов (Востров; Карпов: 29–35; Аристов 1894: 457; Будаев). Интересно отметить, что чувашские тамги достаточно близки по начертанию тамгам волжских и дунайских болгар, печенегов и венгров. У последних, как и у чувашей, встречаются наиболее развитые вариации тамги.

Тамга «треугольник»⁸ (№ 45–53) с 9 разновидностями встречается в 65 случаях в 32 селениях. Четкой закономерности в ее географии нет, однако ареал этой тамги явно тяготеет к бассейну р.Карлы («убеевский», «альшеевский» кусты селений Симбирского уезда). У других тюрков знак встречается очень редко за исключением отдельных племен у башкир (*бишул* и *байлар*), казахов Малого и Старшего Жузов, крымских татар и карачаевцев (Будаев). А вот среди дунайских болгар, венгров и самоедов эта тамга была представлена сразу в нескольких вариациях. Редкость бытования тамги среди большинства тюркских народов наталкивает на мысль, что в башкирскую среду тамга попала вместе булгарами.

Тамга «мотовило» встречается в 42 селениях, но, что примечательно, именно в тех из них, где отсутствует тамга «крест». Среди других тюркских племен она имеется у *киреев* (казахов Средней Орды), башкир племени *усерган*, у некоторых минских родов, а также в племенах *байлар*, *еней*, *герей*, *киргиз*, *ельдяк*, *канлы*, *дуваней*, *елен*, *таз*, *юрматы*, т.е. фактически в тех из них, где имеется и наиболее распространенная среди чувашей тамга «без названия». Аналогичный знак, причем с наибольшим уровнем вариативности, встречался у волжских и дунайских болгар, печенегов, хазар, огузов, крымских татар и ногайцев, а также среди кир-

⁸ Название тамги – «стремена» (Кузев: 298; Аристов 1896: 380; Симченко: 153).

гизских племен *бугу, чекир, саяк, мунгуш* и в единичных случаях – среди «березовских самоедов» (ненцев) (Симченко: 153; Будаев).

Безусловно, совпадение чувашских тамг с вышеперечисленными башкирскими тамгами неслучайно: и *усергане*, и *бурджане*, и, тем более, *байлар, еней, юрматы* вышли из среды болгар. Юрми и юрматы как этнонимы известны среди «древних родов» дунайских болгар (*ерми* – одно из болгарских племен, а его название сохранилось среди чувашских этнонимов: Юрмет, Юрмекей) (Кузеев: 124). Усергане (муйтены) вступали в этнические контакты с болгарями еще в период тюркизации их ираноязычных предков. Источник взаимодействия бурджан (бурзян) и болгар относится к доевропейскому периоду их истории, а сами племена являются родственными образованиями (Кузеев: 139).. Таким образом, тамга «мотовило» является, вероятно, одной из наиболее древних чувашских тамг. Отсутствие ее среди других тюркских народов (за исключением казахов и башкир) и присутствие у башкирских племен болгаро-тюркского происхождения, указывает на генетическую связь этой тамги именно с болгаро-тюркской этнической средой. Среди чувашей этот знак встречается в достаточно развитой форме (5 вариантов), что указывает на неслучайность его появления в данном кругу селений.

Тамга «три изгиба» (№ 91–95) с 5 разновидностями редко встречается среди чувашских тамг, хотя в ряде селений, например, в д.Котяково на Буле она представлена в большом количестве (6). Несмотря на свою редкость, она имеет важное значение для установления этногенетических параллелей чувашей с другими народами. Например, у башкир подобная тамга имеется в племенах, имеющих, как было отмечено выше, болгарское происхождение, а именно, *юрми, юрматы, байлар, иректе, гайна (тархан), ун, таньп*. На связь этой тамги с болгарской средой указывает наличие ее среди волжских болгар, а также печенегов (Кузеев: 188, 291, 368, 371, 372, 423).

Тамга «подкова» или «луна» (№ 121–134) – одна из самых распространенных среди чувашей в 14 вариантах в 95 селениях – всего 197 примеров. По ареалу она фактически не пересекается с тамгой «кольцо». В начертании этот знак обнаруживает сходство с тамгой *ай* «луна» – основной тамгой айских родов у башкир, но встречающейся также среди *улу-катайцев*, племен *бишул-унгар, ун, таньп* (род *кайнан*), а также среди «небашкирских по происхождению» племен *гайна, гэре, киргиз, канлы, каршин, еней, ельдят* (Кузеев 292, 294, 296).

Сходство чувашских тамг с башкирскими становится более понятным при сопоставлении их с данными этнонимии. Названия племен *унгар, ун, гайна, гэре, еней*, как уже отмечалось, связаны по происхождению с болгарями. Согласно Р.Г.Кузееву, «этноним «унгар» локализуется в районе распространения болгаро-чувашских языковых признаков... и финно-угорских гидронимов», несмотря на то, что само племя бишул-унгар, безусловно, древнебашкирское (Кузеев: 277). Предки енейцев, по мнению Р.Г.Кузеева, в конце I тыс. до н.э. также говорили на тюркском (болгарском – ?) языке, но впоследствии сильно смешались с уграми-мадьярами; данный этноним сопоставим с чувашским именем Геней (Кузеев: 340). Этноним *гайна*, как пишет Р.Г.Кузеев, также восходит к болгарской этнонимии и тесно связан с другим названием – *тархан*, а в этногенетическом отношении – с дунайскими болгарями и венграми, а в Поволжье – с волжскими болгарями и через них с чувашами. Кузеев, вслед за другими авторами, указывает на характерность этого этнонима для чувашей и на его чрезвычайно широкую распространенность среди чувашей в родоплеменной структуре в качестве эпонимов и ойконимов (Кузеев: 342–344). Тархан был названием одной из племенных группировок болгар. Появление гайнинцев среди башкир было вызвано их перемещением из Болгарии в XII в. Этноним *ун* также восходит к гуннской эпохе, к племенной конфедерации *он-уйгуров*, и встречается в составе *он-онгуров, онгаров (унгаров)*. Появление этой тамги среди башкир и сходство ее с гайнинской вполне закономерно.

Сходные с чувашскими тамги типа «подкова» / «луна» имеются и среди казахов Старшего (род *чмыр* племени *дулат*) и Младшего (род *жанпас* племени *маскар*) Жузов, киргизов Правого крыла – племен *солто, джетыру, чонбагыш, адигене (сарттар), деелес* (Востров; Аристов 1894: 454; Абрамзон 1971: 32). Проводя параллель башкирского этнонима *айлы* и соответствующей тамги с названиями узбекских, туркменских и киргизских родов и их тамг, Р.Г.Кузеев возводил оба эти признака к древнеугузской среде, отмечая при этом, что в VII–

IX вв. айлинцы находились в контакте с уграми. Неслучайно родоначальником киргизского племени *солто*, имеющего эту тамгу, является Иштек (угорский эпоним) (Кузеев: 204). Возможно, что эта тамга является свидетельством ранних связей тюрков и угров и восходит к праалтайской общности, через которую она проникла к уграм. Формально эта тамга близка к тамге племени *дуло* у башкир и сходным тамгам с созвучными дуло названиями племен у других тюркских народов (*дулу*, *дулгасы*, *дулаты* и т.д.). С другой стороны, названия с основой *дул* // *дун* имеются среди тунгусо-маньчжурских народов (эвенков, эвенов, нанайцев и ульчей) (Василевич: 39).

Тамга «кольцо» (№ 135–149) встречается среди чувашей в 15 вариациях. Она распространена в 21 селении, преимущественно в «убеевском» и «кошкинском» кустах Симбирского уезда. Эта тамга традиционно считается принадлежащей древнейшему тюрко-угорскому племени *дуло*, хотя происхождение ее до конца еще не выяснено. Племя *дуло* известно как одно из самых известнейших древнетюркских племен благодаря болгарскому именнику. Аналогичная тамга встречается в составе казахов Старшего Жуза (племена *дулат*, *албан*, *суан*), Среднего Жуза (племена *найман*, *аргын*), Младшего Жуза (племена *кердери*, *кете*), а также среди крымских татар, ногайцев и карачаевцев (Востров; Будаев). Сходной с дулатской была и тамга племени *коще* (*кучук*) в составе племенного объединения *бугу*, *игине*, *мунгуш* в правом крыле у киргизов, у туркменских племен *йомуд* и *сарык*, а исторически – у огузов, печенегов, волжских и дунайских болгар, венгров, хантов и даже монголов (Аристов 1894: 454; Карпов: 29; Баски: 129–155). Булгарское происхождение тамги и связь ее с племенем *дуло* сегодня в науке уже доказана. У чувашей наличие этой тамги следует, безусловно, объяснять болгарскими корнями чувашей. Неслучайно, на мой взгляд, и бытование этой тамги в чувашских селениях «кошкинского» куста, название которого созвучно *коще* (кирг.). Возможно, что в слове «кошки» отразилось одно из древних родоплеменных названий чувашей. Что касается «упи», которое также может рассматриваться и как древний этноним, то созвучное ему название встречается среди башкир племени *упей* в составе айлинской группы башкир. Р.Г.Кузеев в данном вопросе выдвинул гипотезу, что упейцы, будучи финно-уграми, были тюркизированы в древнебашкирской среде, «под которой надо, скорее всего, понимать юрматыно-юрминских и баджгардо-бурджанских племен», и указывал на чувашские аналогии (языческие имена и фамилии) башкирскому этнониму (Кузеев: 219).

Третья группа тамг тюркского (кипчакско-огузского) круга представлена знаками II-го («крюк»), VI-го («крест»), VIII-го («ребра»), IX-го («молоток») и XI-го («ворота») типов. Тамга «крюк» достаточно широко представлена среди башкир племен *бишул*, *бардар*, *кумрук*, казахов Младшего жуза (племя *кете*, роды *байбакты* и *маскар*), туркмен рода *атбай* племени *йомудов* (см. Табл. 3), у племени *кыпшак* в составе ногаев и киргизов племен *черик*, *саяк*, *басыз* (Абрамзон 1971: 99–104). Среди чувашей она существует в 7 вариантах (№ 15–21; 116 примеров) в 56 селениях.

Тамга «крест» имеет всего 3 вариации и представлена в 56 селениях (преимущественно в «альшеевском», туарминском, «шигалинском», «сюрбеевском» кустах селений Симбирского уезда). Среди других тюркских народов эта тамга встречается у казахов Младшего Жуза (племя *кете*), Среднего Жуза (племя *кереи*, отсюда и сама тамга в литературе названа «керейской»), Старшего Жуза (род *байджитит* племени *сргели*), у туркменских племен *йомудов* (род *джафарбай*) и *сарык*, киргизов племен *багыш*, *игине*, *мунгуш*, *басыз*, *кыпчак*, *конгурат*, а также и среди крымских татар, ногайцев, карачаевцев, хантов и венгров, а исторически – в среде древних огузов, дунайских болгар. Тамга «крест» имела и в Золотой Орде (в племени *кете*) (Востров; Карпов; Аристов 1894: 457; Баски: 153; Абрамзон 1971: 99–104; Будаев).

Типично кипчакская тамга «ребро» (№ 62–81) несмотря на обилие вариаций (20 позиций), явление крайне редкое среди чувашей: всего 53 примера в 22 селениях, в то время как среди других тюркских народов она представлена значительно шире. Прежде всего, это основная тамга всех кипчакских родов и племен, имеющих в структуре тюркских народов. Среди башкир эта тамга встречается, кроме кипчаков, еще у минских родов и среди нижнебельских и северных племен башкир: *еней*, *гэре*, *киргиз*, *елан*, *канлы*, *дуван*, *карашин*, *таз*, *уран*, *гайна*, *балыксы*, *ун*, *танып*. Такая же тамга представлена у казахов в составе кипчакских

подразделений и племени *ысты*, в киргизских племенах *бугу*, *берен*, *багыш* и *хытай*, в туркменском племени *йомуд* (роды *ак*, *салах*, *джафарбай*), а также среди крымских татар, ногайцев, хантов и венгров. Аналогичная тамга имела и у дунайских болгар (Кузеев: 373; Аристов 1894: 457).

Тамга «молоток» (№ 82–90) представлена в 9 вариациях в 26 селениях (42 примера). Аналогичный знак встречается среди башкир (кипчакских, минских и катаяских родов, а также племен *теляу*, *еней*, *гэре*, *елан*, *канлы*, *уран*), киргизов (племена *хытай* и *багыш*), у хантов, казахов Малого Жуза (роды *байбакты* и *сергеиш* племени *кете*), у туркменских *йомудов* (род *бехельке*), а также крымских татар, ногайцев и карачаевцев (Кузеев: 293, 298, 314, 370; Аристов 1894: 454–457; Карпов: 32; Будаев). Эта тамга была распространена в Золотой Орде в племени *кара-сахал* или *шигали-гайли*. Ее разновидность – тамга «топор» – имеет аналогии только в знаках казахского племени *найман* Среднего Жуза (род *балтала*) (Востров).

Тамга «ворота» (№ 96–120) с вариациями встречается среди чувашей в 109 селениях. Эта тамга имеет аналогии со знаками башкирских родов *герей-каргай* и *суун-кыпчак*, казахских племен *кунграт* и *керей* и рода *карагирей* казахов Среднего Жуза, крымских татар и карачаевцев, встречается в качестве «султан»-тамги в Младшем Жузе, в киргизских племенах *баарын*, *мунгуш*, *саруу*, *мундуз*, *кыдырша* и в качестве ханской тамги в Золотой Орде (Кузеев: 180; Востров; Карпов: 32; Абрамзон 1971: 99–104; Будаев). Ее распространение связано с появлением в XIII в. в центре золоордынского государства племен *кунграт* и *кереит*, их тюркизацией (кыпчакизацией) с последующей миграцией и включением в состав некоторых народов Средней Азии и Восточной Европы. Однако, сходные с ней тамги имеются и у венгров, и у монголов, что, видимо, свидетельствует о достаточно сложной истории этой тамги и ее обладателей. Примечательно, что в смешанных с мордвой селениях чувашская тамга слилась с «мордовской» тамгой⁹, состоящей из сочетания маленьких кружочков (например, в Верхней Шемурше Симбирского уезда) и превратившись в своеобразный вариант.

Вариант этой тамги – знак «острога» (№ 100, 101, 109, 110) – имеет параллели среди тамг башкирских племен *сызгы* (имеет финно-угорское происхождение), *сальют* (тюркизированные монголы), *упей* (тюркизированные угры), среди печенежских тамг, родовых знаков казахов Среднего и Малого Жуза (род *баганала* племени *найман*, род *табын* племени *кете*), у хантов, венгров, а также среди крымских татар, ногайцев и карачаевцев (Кузеев: 231, 288, 292, 423; Аристов 1894; Зуев: 93–140). Скорее всего, эта тамга связана с угорской этнической средой, что подтверждается и ее значением: острога – орудие рыболовства – традиционного занятия угров.

Таким образом, наибольшее сходство чувашские тамги обнаруживают с тамгами башкирских родов и племен, причем, болгаро-тюркского происхождения. Булгарские тамги в отдельных случаях аналогичны тамгам и других тюркских народов, особенно киргизских племен, составлявших этническое ядро этого народа (*багыш*, *бугу*, *солто*).

Особого сравнения заслуживают чувашские и монгольские тамги. Из таблицы 3 видно, что большинство чувашских знаков имеют соответствия монгольским, но среди последних отсутствуют тамги, являющиеся типичными для чувашей, а именно № 1–7, 45–53, 91, 92, 100–101, 109–110. Общий взгляд на монгольские родовые знаки убеждает в том, что тюркские тамги имеют линейный характер начертания, в то время как монгольские больше (60 знаков из 87) связаны с мотивами круга и полукруга. Аналогично тюркские тамги отличаются от угорских, представляющих собой стилизованные рисунки обитателей животного мира (зверей, птиц, рыб), предметов быта. Лишь небольшой перечень хантыйских и самодийских тамг имеют сходства с чувашскими. Безусловно, сравнительное изучение чувашских тамг может быть расширено за счет привлечения материала и по другим лингвистическим группам: например, по адыго-абхазским или иранским народам (Хотелашвили; Ольховский: 75–86).

⁹ Под «мордовскими» тамгами подразумевается тамги, встречающиеся в мордовских селениях или как «знамена» мордовского населения.

Данная работа – одна из первых и немногих попыток использовать тамги в качестве источника для изучения истории и культуры чувашского народа. Дальнейшие исследования с привлечением новых материалов по чувашским тамгам и сравнительных данных по другим народам имеют широкую перспективу в разработке вопросов этногенеза, социальной истории, особенностей этнографической структуры чувашского народа.

Литература

- Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. М., 1960. С. 99–104.
- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971.
- Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также источник данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина, 1894. № 3–4. С.391–486.
- Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина, 1896. Вып. III, IV. С. 285–286.
- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XIV. Чебоксары, 1937.
- Баски И. Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар) // Татарская археология. 1997. № 1. С. 129–156.
- Будаев Н. Западные тюрки в странах Востока // <http://buday.narod.ru/gl2.htm>
- Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. 1946. № 4. С. 39.
- Востров В.В., Муқанов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1968.
- Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII в. Чебоксары, 1959.
- Зуев Ю.А. тамги лошадей из вассальных княжеств // Труды ИИАЭ АН Казахской ССР, 1960. Т.8. С.93–140.
- Карпов Г.И. Тамга (Родовые знаки у туркмен) // Туркменоведение. № 8–9. С. 29–35.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
- Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. № 7. Армавир, 2001. С. 75–86.
- РГАДА. Ф. 350. Оп.2, Ч. 2, Д. 1104, 1128, 1131, 1207, 2454, 2532, 2545, 3008, 3093, 3094, 3107, 3109, 3112, 3113, 3114, 3124, 3127, 3147, 3155, 3351–3353, 3795; Ф. 1209. Д. 6446, 6501, 6538; Ф. 1312. Оп. 2. Ч. I. Д. 530, 656; Ф. 1324.
- Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965. С. 99–117.
- Трофимов А.А. Древнечувашская руническая письменность. Чебоксары, 1993.
- Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1997. Ч. II.
- Хотелашвили М.К. Абхазские тамги // <http://www.apsny.ru/history/history.php?page=content/tamgi.htm#1>
- Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993.
- Ягафова Е.А. Чувашские тамги // Проблемы изучения научного наследия Н.В.Никольского. Материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения ученого. Чебоксары, 2002. С. 50–67.
- Ягафова Е.А. Чувашаи Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX в.). Чебоксары, 2007.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- BZ – Byzantinische Zeitschrift
 EB – Etudes balkaniques
 MSFOu – Memories de la Societe Finno-Ougrien
 NEH – Nouvelles études d'Histoire
 RESEE – Revue des études sud-est Europeenes
 RRH – Revue Romaine d' Histoire. Bucarest
 SCIVA – Studia cercetări și istoria vece și archeologia. București
 SOF – Sud-Ost Forschungen
 АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
 АДСВ – Античная древность и средние века. Екатеринбург
 АКА УрГУ – Архив Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского государственного университета
 АН СССР – Академия наук СССР
 АО – Археологические открытия
 АОР – Археологически открытия и разкопки. София
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
 АЭМК – Археология, этнография Марийского края
 БГУ – Белорусский государственный университет
 ВАН КазССР – Вестник Академии наук Казахской СССР
 ВАН РК – Вестник [Национальной] Академии наук Республики Казахстан
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВДИ – Вопросы древней истории
 ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
 ГИБИ – Гръцки извори за българската история. София
 ГСУ ЦСВПИД – Годишник на Софийския Университет, Център за Славяно-византични проучвания Иван Дуйчев. София
 ДВДС – Древности Волго-Донских степей
 ИАИ – Известия на Археологическия институт. София
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИАН КазССР – Известия Академии наук Казахской СССР
 ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
 ИГИ и ПМНС СО РАН – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
 ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
 ИИАЭ АН Каз ССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской СССР
 КМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛИБИ – Латински извори за българската история. София
 ЛО ИВ РАН – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
 МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник
 НАН – Национальная Академия наук
 НМ РТ – Национальный музей РТ
 НПЦ – Научно-производственный центр
 ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии РАН
 ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская Академия наук
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГО – Российское географическое общество
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 СО РАН – Сибирское отделение РАН
 ССМ – Сокровенное сказание монголов
 СЭ – Советская этнография. М.
 ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
 УАС – Уральское археологическое совещание
 УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 ЯНЦ СО РАН – Якутский научный центр СО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I

Георги Г. Атанасов, Пламен Хр. Павлов. TATARO-BULGARICA – ТРИ ЭТЮДА О БОЛГАРСКО-ТАТАРСКИХ КОНТАКТАХ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ В XIII–XIV ВВ.	3
В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.С. Онищенко. УГОРСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЪ-ИРТЫШЬЯ (СООРУЖЕНИЯ, ВЕЩИ, ЖЕРТВЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ).....	33
Б.Д. Борисов. САРМАТО-АЛАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БОЛГАРИИ.....	46
И.Л. Измайлов. ИСТОРИЯ СЛОЖНОСОСТАВНОГО ЛУКА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (СЕРЕДИНА VIII – XIV ВВ.)	56
С.Ф. Кокшаров. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ В БАССЕЙНЕ р. КОНДА	73
В.Д. Кубарев. НАСКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНИХ ТЮРОК АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ	81
Тэцу Масумото. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ «КИТАЙСКИХ» БРОНЗОВЫХ ЗЕРКАЛ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СИБИРИ.....	95
А.Г. Мухамдиев. КРАХ ГИПОТЕЗЫ ОБ «ОСОБОМ» ПРОТОБУЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ	101
Л.Ф. Недашковский. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ОКРУГИ ГОРОДИЩА ШАРЕНЬИ БУГОР	104
Т.Б. Никитина, И.А. Сапрыкина, Р.А. Митоян. ОБ ОДНОМ ТИПЕ НАКЛАДОК ИЗ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА НИЖНЯЯ СТРЕЛКА (IX–XII ВВ.)	115
А.А. Нуржанов. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД КУЛАН.....	127
С.А. Пантелеев. ОБ ОДНОМ ПОЯСНОМ НАБОРЕ (X – НАЧАЛА XI ВВ.) ИЗ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ	133
И.Ю. Пастушенко. «УГОРСКАЯ ЭПОХА ПРИКАМЬЯ» – ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ	138
А.В. Пачкалов. ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIII В.	146
К.А. Руденко. АСКИЗСКИЕ ДРЕВНОСТИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	156
А.Г. Ситдиков. ВОЛГО-ОКСКИЙ РЕГИОН ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ В ЭПОХУ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА.....	163
Е.К. Столярова. К ВОПРОСУ О ПРОНИКНОВЕНИИ СТЕКЛЯННЫХ БУС НА ТЕРРИТОРИЮ СЕВЕРНОГО ПОДМОСКОВЬЯ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ	169
Б. Тотев, О. Пелевина. СОКРОВИЩЕ ИЗ МАЛОЙ ПЕРЕЩЕПИНЫ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА БОЛГАР НИЖНЕГО ДУНАЯ.....	174

РАЗДЕЛ II

Г.Н. Айдарова-Волкова. ТЮРКСКИЕ ТРАДИЦИИ В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ГОРОДА X–XIII ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ г.БИЛЯРА).....	180
Напил Базылхан. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ КАГАНСКО-КНЯЖЕСКИЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	187
Г.Р. Галиуллина, Л.В. Шулунова. ЕДИНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОД РЕГИОНА ИДЕЛЬ-АЛТАЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ).....	195
А.В. Головнёв. ЛОКАЛЬНЫЕ И МАГИСТРАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ.....	197

М.В. Есипова. РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТРУННЫХ СМЫЧКОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В ЕВРАЗИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КУЛЬТУРАМИ КОЧЕВНИКОВ.....	207
Бу Мо Каук. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ КОРЕЙСКОГО И АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ	221
Э.Р. Каюмова. ИНТОНАЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ТАТАР, ЧУВАШЕЙ И УДМУРТОВ.....	224
Б.Е. Кумекоев. ТЮРКСКАЯ СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ ЕВРАЗИИ	231
К.А. Лавыш. МОТИВ ГРИФОНА И КРЫЛАТОГО ЛЬВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА XII–XIV ВВ., ПРОИСХОДЯЩИХ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: К ИСТОРИИ КОНТАКТОВ РУСИ С ВОСТОЧНЫМ МИРОМ.....	235
Р.Ю. Почекаев. ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЮРКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ VI–XI ВВ. В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ (ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ).....	246
А.Г. Селезнев. ГЕНЕЗИС ЛЕСНЫХ И ТАЕЖНЫХ КУЛЬТУР ЮГА СИБИРИ: ЭКОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ	253
А.М. Сулейманов. АЛТАЙСКИЙ ПЛАСТ В НАРОДНОМ ЭПОСЕ БАШКИР	262
С.В. Сулова. О ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ТРАДИЦИЯХ В НАРОДНОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	267
В.В. Ушницкий. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ НАРОДНОСТИ САХА НА ТЕРРИТОРИИ БАЙКАЛА В XII–XIV ВВ.	276
В.В. Ушницкий. ПЛЕМЯ ТАТАР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	288
Е.А. Ягафова. ТАМГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ	291
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	305

Форум «Идель – Алтай»
(Сборник статей)

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*
Подписано в печать 16.12.2011 г.
Усл. печ. л. 38,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Фолиант»
г.Казань, ул.Профсоюзная, 17В

К статье *Б. Тотева, О. Пелевиной* «Сокровище из Малой Перещепины и элитарная культура болгар Нижнего Дуная»

Рис. 1. Находка из подкурганного погребения: 1 – облицовка ножен кинжала (?); 2 – фрагмент металлического сосуда. 1, 2 – Шуменский район, Северо-Восточная Болгария. 1 – золото; 2 – бронза.

Рис. 2. 1 – поясная накладка; 2 – пряжка; 3 – фигуры львов. 1, 2 – Врап, Албания; 3 – Малая Перещепина, Украина. 1–3 – золото (по F. Daim; В.Н. Залесской и др.).

Рис. 3. Находки группы М. Перещепины: 1 – поясные детали; 2 – псевдопряжка; 3 – поясная накладка.
 1 – Мадара, к. III, Северо-Восточная Болгария;
 2 – с. Драганово, Болгария;
 3 – с. Ветрен, Болгария.
 1 – золото, цветные вставки;
 2 – бронза с позолотой;
 3 – золото (по С. Станилову).

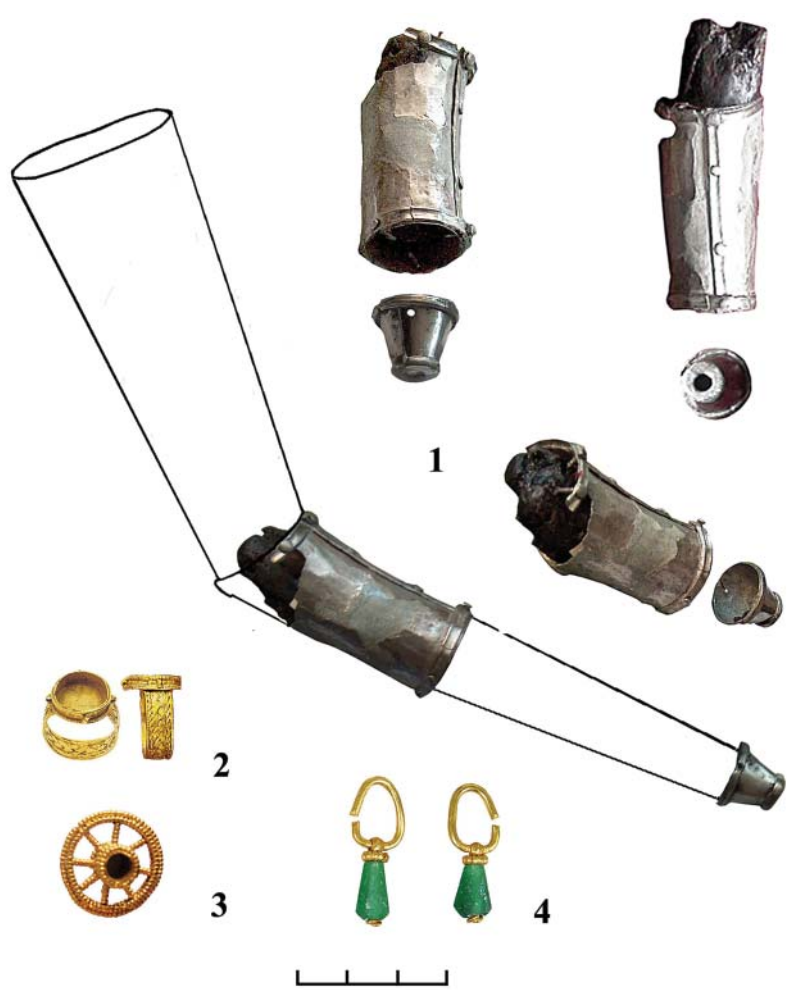
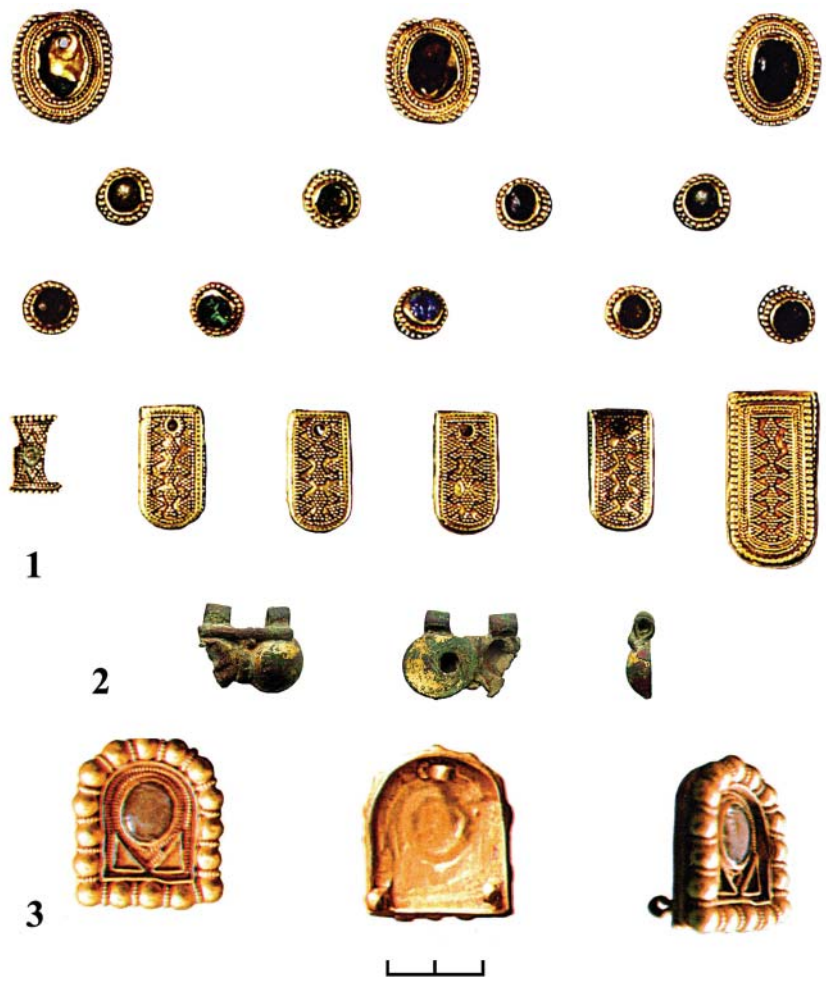

Рис. 4. 1 – части облицовки деревянного рога; 2 – перстень; 3 – колесико-пандантив; 4 – серьги с подвесками.
 1, 4 – Кабиюк, Северо-Восточная Болгария; 2 – Великий Преслав, Северо-Восточная Болгария;
 3 – с. Гледачево, Южная Болгария. 1 – серебро; 2, 3 – золото; 4 – золото, полудрагоценные камни (по Съкровищата на средновековна България, Р. Рашеву).

Рис. 5. 1, 2 – обойма и наконечник пояса; 3 – поясной набор. 1 – с. Дивдядово, Северо-Восточная Болгария; 3 – Кабиюк, Северо-Восточная Болгария.

1 – серебро с позолотой; 2, 3 – серебро (по С. Станилову, Р. Рашеву).

Рис. 6. Предмет из рога с врезанной сценой – с. Хырлец на Дунае, Болгария.

К статье *К.А. Лавыш* «Мотив грифона и крылатого льва в произведениях художественного ремесла XII–XIV вв., происходящих с территории Беларуси: к истории контактов Руси с восточным миром»

1

2

Рис. 1. Самшитовые гребни. Конец XIII – первая половина XIV вв.

1 – Минск. Раскопки Э.М. Загоруйского. Минск, Национальный художественный музей Республики Беларусь.

2 – Пинск. Обследования В.В. Миролюбова. Пинск, Музей белорусского Полесья.

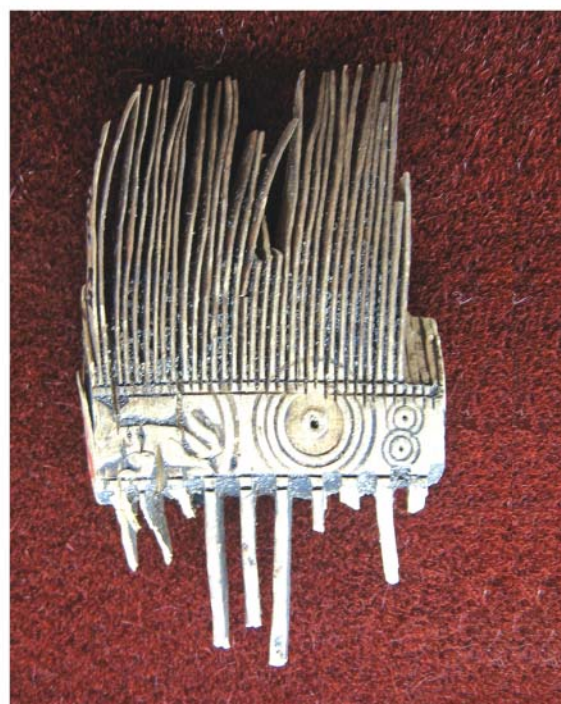

Рис. 2. Самшитовые гребни. Конец XIII – начало XIV вв. Витебск.
Раскопки Л.В. Колединского. Витебск, Витебский областной краеведческий музей.

Рис. 5. Накладка на деревянную чашу. Бронза, литье. Полоцк. XII–XIII вв. Раскопки Д.В. Дука. Национальный полоцкий историко-культурный музей-заповедник.

К статье *Г.Г. Атанасова, П.Х. Павлова* «TATARO-BULGARICA – три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–IV вв.»

Рис. 13. Монета дрыстьерского господаря Тертера с изображением двухглавого орла и с монограммой без надчеканки.

Рис. 14, 15. Монета дрыстырского
господаря Тертера с надчеканкой –
полумесяц со звездой и бюст
татарского бека (Кутлу-буга?).

К статье С.В. Суловой «О тюрко-татарских традициях в народной русской культуре»

Рис. 1. Фрагмент закладного
ткачества русских Костром-
ской губернии XIX – начало
XX вв. Из коллекции Вино-
градова. КМЗ, инв. 5479.

Рис. 2. Оформление
рукава женской рубахи
тамбурной вышивкой.
Русские Костромской
губернии. КМЗ.
Экспозиция
Романовского музея.

Рис. 3. Фрагмент верхнего покрывала («воздух») на церковную посуду. Ковровый тамбур. Казань. Середина XIX в. НМ РТ, инв. 10551-17-18.

Рис. 4. Фрагмент растительного (степного) орнамента на женском шугае. Золотное шитье. Русские Галического уезда Костромской губернии. КМЗ, инв. 5137.

Рис. 5. Образец русского вышивального мастерства XIX в. с изображением орнамента, выполненного в духе тюрко-татарских традиций (мотив «набегающей волны»). НМ РТ, инв. 10586-6.

К статье С.А. Пантелева
«Об одном поясном наборе
(X – начала XI вв.)
из Астраханской области»

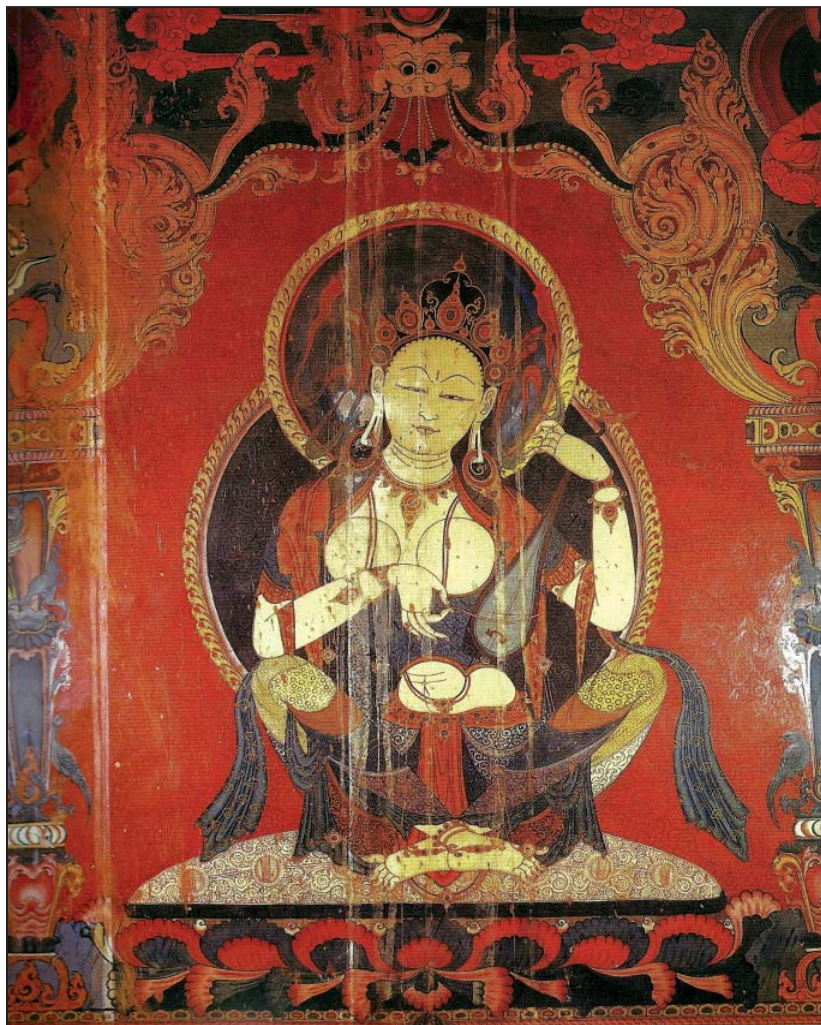

Рис. 5. Поясной набор,
фотография.

Рис. 6. Поясная пряжка,
поясной наконечник
промежуточного ремешка,
поясной наконечник,
фотография.

К статье М.В. Есиповой «Распространение струнных смычковых инструментов в Евразии как результат взаимодействия с культурами кочевников»

Илл. 0. Изображение богини Сарасвати с маленьким 2-струнным смычковым инструментом. Росписи западно-тибетского монастыря Толин, X в.

Илл. 1.
Эрху

Илл. 2.
Баньху

Илл. 3. Ким Чхон Хын (Республика Корея)
играет на хэгыме

Илл. 4. Салчак Шомбул Улаачы-оглу
играет на бызаанчы. 1980-е гг.

Илл. 5. Пиванг

Илл. 6. Тро у

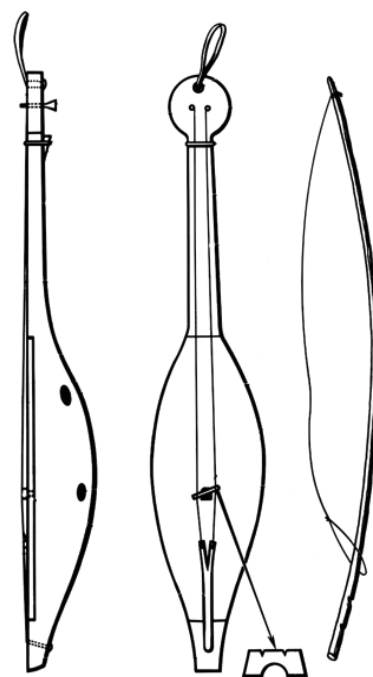
Илл. 7. Ханг Ритхиравут играет на тро кхмаэ. Начало 1990-х гг.

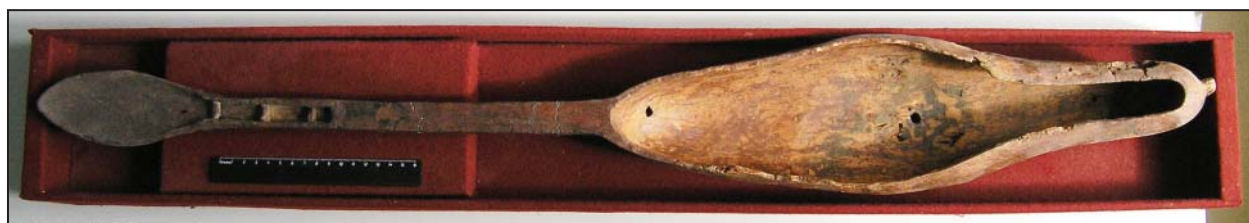
Илл. 8. Со у

Илл. 9. Кайгал-оол играет на игиле. Конец 1990-х гг.

Илл. 10. Апхьярца

Илл. 11, 12. Кобыз из села Усть-Курдюм (Саратовская обл.).
Изображения любезно предоставлены А.В. Евглевским

Илл. 13. Моринхуур

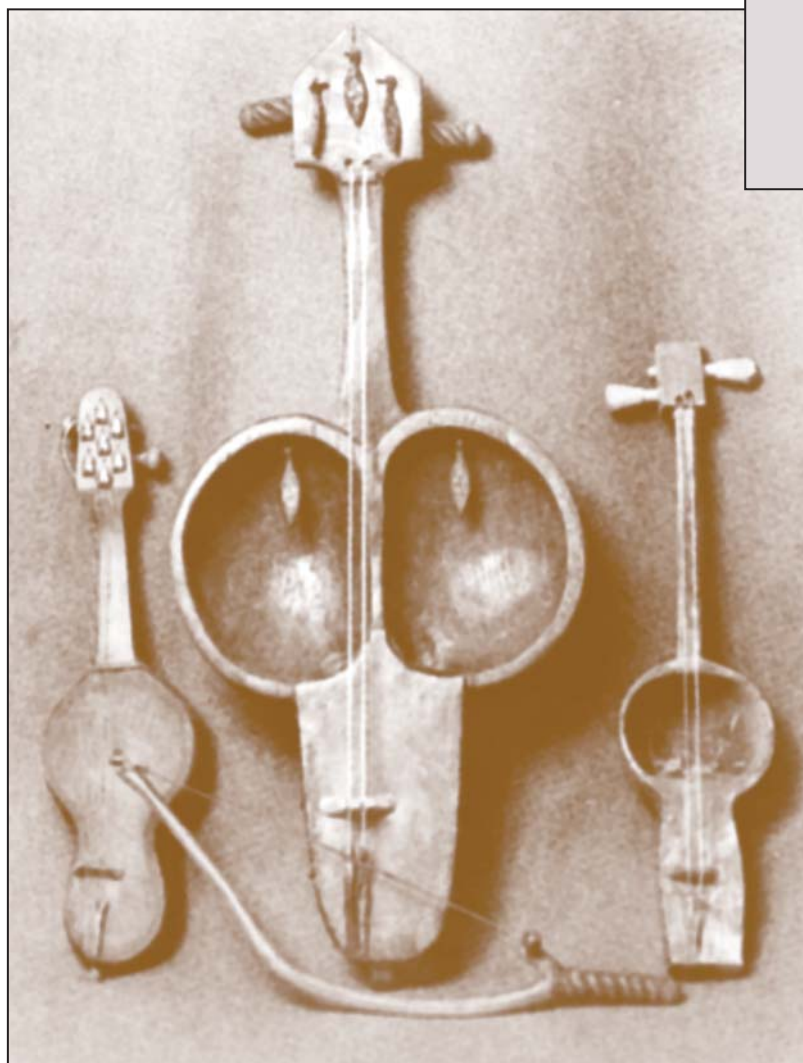
Илл. 14. Ребаб аш-ша'ир

Илл. 16. Ребек

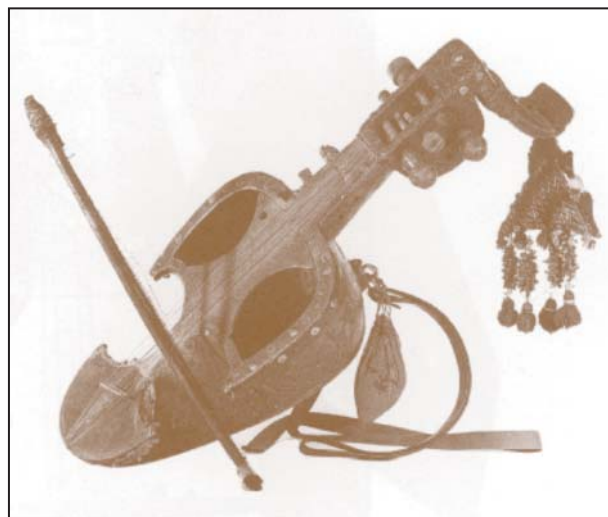
Илл. 15. Гиджак (без смычка)

Илл. 17. Кыл-кобызы

Илл. 18. Саринда

Илл. 18а. Гейчак (Белуджистан)

Илл. 20. Кеменцес

Илл. 19. Рам Нарайян играет на саранги.
1970-е гг.

Илл. 21. Ашуг Дживани играет на кемани.
XIX в.

Илл. 22. Ия ковьж

Илл. 23. Изображение смычкового
инструмента на стеклянной вазе
из Двина (Армения). X–XI вв.

Илл. 24. Фреска собора Св. Софии
(Киев). Первая половина XI в.